

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

QB 215 745

▶ UCD LIBRARY

WANNING 0001

THE
HISTORY
OF
THE
CITY
OF
NEW
YORK
FROM
1624 TO
1898

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

36

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 9 лин., № 12.)

1886.

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Lindtastei
196

UCD LIBRARY

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1885 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ Императорской Академіи Наукъ.	—
Засѣданія Отдѣленія русскаго языка и словесности за январь — май 1884 года.....	I
Приложенія къ протоколамъ:	
1. Правила о преміяхъ профессора Ботларевскаго.....	V
2. Программа изслѣдованія профессора А. И. Кирпичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».....	VIII
3. Отзывъ академика Ф. И. Булгаева о программѣ изслѣдованія профессора Кирпичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».....	XII
Засѣданія Отдѣленія русскаго языка и словесности за сентябрь — декабрь 1884 года.....	XIII
«Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ..... № 1.	
Предисловіе.....	I
Ч. 1-я. Основныя черты русской фонетики и русская азбука.....	1— 19
Ч. 2-я. Правописаніе.....	20—112
Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ..... № 2.	1— 24

Южно-русскія былинн. Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI).....	№ 3.	1—411
III. Былинн о Саулѣ Левандовичѣ и греческая пѣсня объ Армури.		1— 35
IV. Былинн объ Иванѣ Гостиномѣ синѣ и старофранцузскій романъ объ Ирак- ли.		37— 68
V. Богатыри-Сурожцы. Суровецъ-Сузда- лецъ и Чурила Пленковичъ.....		69—124
VI. Дюкъ Степановичъ и западныя на- раллели къ пѣснямъ о немъ.		125—254
VII. Какъ перевелнсь на Руси богатыри.		255—286
VIII. Царь Константинъ въ русскнхъ и южно-славянскнхъ пѣсняхъ.....		287—305
IX. Вой Ильи Муромца съ сыномъ		307—339
X. Алексѣй Поповичъ и Тугарнѣ. — - Илья Муромецъ и Идолице.....		341—380
XI. Алеша «бавій пересѣшнякъ» и сю- жетъ Цимбелла.		381—401
Поправки и дополненія.....		403—411
Отчетъ о присужденіи Пушкинскои преміи въ 1884 году, съ приложеніемъ рецензіи профессора П. В. Помялов- скаго	№ 4.	1— 62
Указатель къ XXXVI тому Сборника.		

ЗАСѢДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Январь — май 1884 г.

Читаны утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго соизволенія послѣдовавшаго 15 ноября минувшаго года, правила о преміи профессора Котляревскаго. Положено, напечатать означенныя правила въ приложеніи къ протоколу, опубликовать оныя. Въѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ пунктомъ 17-мъ этихъ правилъ, приступлено къ составленію проекта рисунка медали, предназначенной для раздачи постороннимъ рецензентамъ представляемыхъ на премію сочиненій.

Академикъ Гротъ доложилъ, что по поводу предстоящей 2-го будущаго февраля столѣтней годовщины дня рожденія Гнѣдича желательнo было бы тѣмъ или другимъ способомъ почтить память этого писателя и что приличнымъ къ тому средствомъ представляется возможность напечатать нѣкоторыя неизданныя до сихъ поръ бумаги Гнѣдича, находящіяся въ рукахъ Павла Никитича Тиханова. Положено уполномочить Я. К. Грота войти о томъ въ сношеніе съ г. Тихановымъ.

Читано письмо питатнаго смотрителя уѣзднаго училища въ Лидѣ Романова о ходѣ его занятій по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорускаго сборника памятниковъ народнаго творчества. Положено отвѣчать г. Романову, что работы его по словарю, по окончаніи ихъ, могутъ быть доставлены въ Отдѣленіе; что же касается сборника, то необходимо дожидаться напечатанія такого же труда, составленнаго г. Шейномъ, такъ какъ иначе невозможно опредѣлить, что изъ собранныхъ г. Романовымъ матеріаловъ заслуживаетъ изданія.

Читанъ доставленный академикомъ Буслаевымъ отзывъ о переданной ему на разсмотрѣніе программѣ предпринятаго профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ изслѣдованія «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». Определено, сообщивъ автору программы отвѣтъ Ѳ. И. Буслаева, напечатать въ приложенияхъ къ протоколу какъ этотъ отзывъ, такъ и самую программу.

Согласно съ предположеніемъ академика Ягича постановлено: по примѣру издававшихся Отдѣленіемъ въ прежнее время «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» возобновить изданіе, посвященное исключительно изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, въ видѣ разбора языка отдѣльныхъ памятниковъ или говора отдѣльныхъ мѣстностей, объясненія словъ съ указаніемъ ихъ источниковъ, физиологическихъ особенностей произношенія и т. д. Въ прочитанной И. В. Ягичемъ по этому предположенію запискѣ было между прочимъ сказано: «Освѣщеніе русскаго языка въ его многовѣковой жизни — это одна изъ самыхъ главныхъ задачъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Оно никогда не забывало этой своей задачи, какъ свидѣтельствуемъ содержаніе изданныхъ имъ Извѣстій, Ученыхъ Записокъ, Матеріаловъ и до сихъ поръ продолжающагося Сборника. Но опытъ доказываетъ, что научная дѣятельность, особенно въ наше время, значительно усиливается, при существованіи специальныхъ органовъ или изданій, посвящаемыхъ сосредоточенію однородныхъ изслѣдованій. Предполагаемое изданіе могло бы быть озаглавлено: «Изслѣдованія по русскому языку». По выслушаніи записки И. В. Ягича Отдѣленіе вполне одобрило его программу и положило предоставить ему заняться постепеннымъ приготовленіемъ матеріаловъ для перваго выпуска.

Предсѣдательствующій доложилъ, что по поводу 80-тигѣтней годовщины Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ отправлена имъ, по определенію Отдѣленія, слѣдующая телеграмма на имя секретаря Общества Е. В. Барсова: «Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ сочувственно привѣтствуетъ Общество Исторіи и Древностей. Да продолжаетъ Общество свою достохвальную дѣятельность, въ гордомъ сознаніи заслугъ, оказанныхъ имъ русской исторической наукѣ». Въ отвѣтъ на это привѣтствіе получено слѣдующее письмо за подписью предсѣдателя и секретаря Общества: «Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ приноситъ Второму Отдѣленію Императорской Ака-

деи́н Наукъ свою глубочайшую благодарность за горячее сочувствіе, выраженное ему въ день 80-тилѣтней его годовщины. Относя этотъ знакъ вниманія къ достославнымъ дѣятелямъ своего прошлаго, Общество дорожитъ имъ, какъ современнымъ свидѣтельствомъ о своемъ историческомъ значеніи въ русской наукѣ, свидѣтельствомъ тѣмъ болѣе цѣннымъ для его настоящихъ и будущихъ дѣятелей, что оно исходитъ отъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, имѣющаго съ нимъ въ своей дѣятельности ту же внутреннюю связь, какая дается понятіями: *языкъ и народъ*. Выражая свою благодарность за такое вниманіе, Общество проситъ 2-ое Отдѣленіе Академіи не оставлять его и на будущее время своею нравственною и ученою поддержкою въ его дальнѣйшемъ служеніи исторической наукѣ.

Читано прошеніе младшаго помощника бібліотекаря I-го Отдѣленія Библіотеки Академіи Наукъ Гонсіоровскаго съ предложеніемъ предпринять въ теченіе лѣта на счетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности поѣздку въ сѣверо-восточную часть Пруссіи для наблюденій надъ языкомъ живущихъ тамъ по деревнямъ мазуровъ и доставленія о немъ свѣдѣній вмѣстѣ съ памятниками народнаго творчества, какіе удастся собрать, а также картою селеній, гдѣ живетъ это племя. Отдѣленіе, находя, что осуществленіе изложенной въ прошеніи программы обѣщаетъ пользу для изученія малоизвѣстнаго славянскаго нарѣчія, опредѣлило испросить разрѣшеніе г. Президента на командированіе г. Гонсіоровскаго съ означенною цѣлью.

Читано письмо протоіерея Зимняго Дворца Арсенія Тимофеевича Судакова о желаніи его принести въ даръ Академіи Наукъ сдѣланный имъ переводъ «Исторіи Шведскаго народа» Гейера и начала «Разказовъ изъ Шведской исторіи» Фрюкселя, содержащійся въ четырехъ рукописныхъ тетрадяхъ листового формата. Положено довести объ этомъ дарѣ до свѣдѣнія Общаго Собранія, которымъ и опредѣлено выразить о Судакову искреннюю благодарность Академіи, самую же рукопись передать на храненіе въ I-е Отдѣленіе академической Библіотеки.

Академикъ Гротъ представилъ составленную С. И. Пономаревымъ статью о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковскаго: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ», оставшихся послѣ смерти поэта въ неисправленной окончательно рукописи и потому напечатанныхъ съ разными невѣрностями въ посмертныхъ изданіяхъ Жуковскаго, при чемъ Я. К. Гротъ объяснилъ, что г. Понома-

реву въ концѣ прошлаго года сообщена была означенная рукопись, найденная въ бумагахъ Плетнева, и что онъ, тщательно сличивъ съ нею печатные тексты, составилъ на этомъ основаніи вновь написанную имъ съ нужными примѣчаніями и объясненіями редакцію, которую и представляетъ при статьѣ своей. Определено напечатать этотъ трудъ въ Сборникѣ, выразивъ г. Пономареву искреннюю признательность Отдѣленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

1.

ПРАВИЛА

О ПРЕМІЯХЪ ПРОФЕССОРА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Вслѣдствіе желанія, заявленнаго Отдѣленію русскаго языка и словесности вдовою покойнаго профессора Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства, учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія, преміи имени Котляревскаго на слѣдующихъ основаніяхъ, утвержденныхъ г. Министромъ 15 Ноября 1883 года:

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17 марта 1883 года, при Императорской Академіи Наукъ учреждаются преміи имени Котляревскаго, покойнаго профессора университета Св. Владимира, за сочиненія опредѣленнаго ниже въ пунктѣ 7-мъ содержанія.

2. На преміи сіи назначаются проценты съ капитала въ *восемь тысяч* рублей, пожертвованнаго вдовою Котляревскаго и заключающагося въ облигаціяхъ Восточнаго займа.

3. Этотъ капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ могущею впредь быть причисленною къ нему частию процентовъ въ нижеупомянутыхъ случаяхъ.

4. Премія Котляревскаго состоитъ на первое время изъ *тысячи* рублей и присуждается чрезъ каждые три года изъ суммы процентовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

5. За сочиненіе, признанное вполне удовлетворительнымъ, присуждается полная премія въ помянутомъ размѣрѣ; если такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ пятьсотъ рублей каждая.

6. Премія, оставшіяся не присужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ не выданными, присоединяются къ основному капиталу. По мѣрѣ накопленія процентовъ, Академіи предоставляется право: 1, сверхъ одной полной преміи въ 1000 руб., присуждать по усмотрѣнію еще и половинную, и 2; въ видѣ задачъ на премію, объявлять темы трудовъ, подходящихъ подъ одинъ изъ разрядовъ сочиненій, исчисленныхъ вслѣдъ за симъ въ пунктѣ 7-мъ.

7. Премія Котляревскаго назначается за напечатанныя ученые изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, именно:

а) За изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, разсматривающія бытъ Славянъ въ географическомъ или культурномъ отношеніи въ самую раннюю эпоху ихъ исторической жизни; подобнаго рода изслѣдованіе можетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо славянскимъ племенемъ, но и въ такомъ случаѣ оно должно обнимать географическое распространеніе, характеръ поселенія и внутренній бытъ племени.

б) За изслѣдованія по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности: изслѣдованія по исторіи литературъ могутъ касаться цѣлой эпохи или же представлять обстоятельное критическое разсмотрѣніе отдѣльнаго писателя, занимающаго видное мѣсто въ литературѣ своего народа. Изслѣдованія по исторіи русской словесности могутъ участвовать въ соисканія преміи только въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ объ отношеніи русской къ какой-либо другой славянской литературѣ.

в) За изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, имѣющія предметомъ либо историческую ихъ судьбу, либо особенности живыхъ народныхъ говоровъ; въ послѣднемъ случаѣ, къ изслѣдованію должны быть

приложены образцы того говора, къ которому оно относится. Изъ этого разряда трудовъ не исключаются словари и грамматики, имѣющіе вполнѣ научный характеръ.

8. При равномъ достоинствѣ, сочиненія первой (подъ а) изъ численныхъ въ предыдущемъ пунктѣ категорій предпочитаютъ сочиненіямъ второй (подъ б), а эти сочиненіямъ третьей (подъ в) категорій.

9. Соискателями премій Котляревскаго могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранные подданные, но за сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, въ Россіи употребительныхъ, премія выдается только по напечатаніи онаго въ русскомъ переводѣ.

10. Премія получается только самимъ авторомъ сочиненія или законными его наследниками, но никакъ не издателемъ чужого труда.

11. Къ соисканію премій Котляревскаго допускаются только сочиненія, появившіяся въ предшествовавшее конкурсу трехлѣтіе; на первый же конкурсъ принимаются труды, напечатанные въ послѣднія шесть лѣтъ передъ этимъ конкурсомъ.

12. Назначаемыя на конкурсъ сочиненія доставляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ не позже какъ въ теченіе декабря мѣсяца передъ конкурснымъ годомъ. За три мѣсяца до срока Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи.

13. Конкурсъ на преміи Котляревскаго будетъ происходить въ 1886, 1889, 1892 годахъ и т. д.

14. Премію присуждаетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которому предоставляется право къ разсмотрѣнію представленныхъ на соисканіе сочиненій приглашать постороннихъ ученыхъ.

15. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ въ соисканіи премій участвовать не могутъ.

16. Отчетъ о присужденіи премій Котляревскаго читается

однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ публичномъ засѣданіи 19-го октября конкурснаго года.

17. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ госпожею Котляревскою пожертвована особая сумма въ *тысячу пять сотъ* рублей.

18. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, представлялась надобность въ измѣненіи того или другого изъ выше изложенныхъ правилъ, то Императорская Академія Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашиваетъ на то разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

2.

Программа изслѣдованія профессора А. Н. Кириичникова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ».

Моя работа должна преслѣдовать 3 цѣли: 1) изложить исторію выработки и видоизмѣненій поэтически-художественнаго образа и легенды о Богородицѣ на западѣ и на востокѣ, иначе сказать: представить опытъ исторіи идеаловъ христіанской Европы, насколько они выражаются въ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ Богородицы; при этомъ спеціальною моею цѣлію будетъ выяснить съ этого частнаго пункта отношеніе русской поэзіи и искусства къ византійскому съ одной стороны, къ западно-европейскому съ другой, и отчасти западно-европейскаго къ византійскому.

2) Попытаться уяснить нѣкоторые вопросы христіанской археологіи и словесности (какъ русской, такъ и западно-европейской) иллі рѣшаемые различно, или вовсе не поставленные, имѣющіе связь съ культомъ Богородицы. Здѣсь, между прочимъ, мнѣ представляются важными слѣдующія спеціальныя задачи: а) выяснить изъ церковнаго культа (иконописи, гимновъ, словъ и сказаній) многія черты народнаго культа Богородицы, въ которыхъ мифологи хотѣли видѣть отзвукъ поклоненія праславянскому или даже праиндоевропей-

скому женскому божеству; б) показать непосредственное или посредственное (через иконопись) влияние апокрифических сказаний о Дѣвѣ Маріи на національную эпическую поэзію Россіи и западной Европы.

3) Выяснить, насколько это будетъ возможно на данномъ частномъ случаѣ, общій теоретическій вопросъ о взаимодействіи поэзіи и искусства.

Послѣ полуторагодовыхъ работъ мнѣ удалось достигчь нѣкоторыхъ результатовъ, которые я могу обставить убѣдительными (на мой по крайней мѣрѣ взглядъ) доказательствами.

Раннія катакомбныя Богоматери безъ Христа—сомнительны; съ младенцемъ Христомъ она является въ сценахъ Рождества Христова и поклоненія маговъ. Обѣ эти сцены изображаются въ строго-определенныхъ символическихъ формахъ, которыя только модифицируются и осложняются, но не измѣняются существенно на западѣ до XVI, у насъ до XVIII и даже до XIX столѣтія; форма первой сцены стоитъ въ несомнѣнной связи съ апокрифомъ, и главная апокрифическая черта, несмотря на всѣ протесты церкви, не только не уничтожается со временемъ, но напротивъ притягиваетъ къ себѣ много иныхъ чертъ тогоже происхожденія. Типъ Богоматери съ младенцемъ вырабатывается въ V вѣкѣ и распространяется особенно на востокъ съ необыкновенной быстротой, подъ влияніемъ событий церковной жизни. Благовѣщеніе (первый по времени спеціально богородичный праздникъ) изображается по апокрифу съ V вѣка, и въ VI в. (напр. въ Газѣ) въ такомъ видѣ, какой у насъ сохраняется безъ измѣненій до XVIII в. Но то же Благовѣщеніе съ VIII в. встрѣчается безъ апокрифическихъ чертъ и въ той формѣ, которая на западѣ становится господствующею съ XIV столѣтія.

Несмотря на такое непомерное распространеніе иконъ Богоматери (въ VII в. на востокѣ тканными иконами покрываютъ все платье), несмотря на то, что легенда о ея успеніи и вознесеніи пользуется популярностью въ Византіи уже въ IX вѣкѣ (мнѣніе, что изображеній вознесенія Богоматери нѣтъ на западѣ до возрожденія положительно невѣрно), до XIII в. на западѣ, а у насъ приблизительно до XVI — въ изображеніяхъ вознесенія Христова и сошествія св. Духа, равно какъ и въ церковной поэзіи, богѣ реальная фигура Богоматери борется съ идеальной фигурой церкви—такъ долговѣченъ оказывается древнехристіанскій, связанный съ философіей переходной эпохи символизмъ;— въ вознесеніи Христа изъ-за фигуры *ogantis* шагъ за шагомъ выдвигается Дѣва Марія.

Западъ до крестовыхъ походовъ живетъ византійскими идеями и формами, но владѣеть только небольшою частью ихъ; легенда объ Іоакимѣ и Аннѣ ставится общимъ достояніемъ (черезъ искусство) только со времени крестовыхъ походовъ; тогда же распространяется и сказаніе объ иконѣ св. Луки. Съ 1/2 XII в. западное искусство, какъ и поэзія, быстро идетъ впередъ, быстро обгоняетъ византійскую гиритику (которая когда-то была реализмомъ сравнительно съ символикой первыхъ вѣковъ), и уже къ XIII в. доходить мѣстами и въ болѣе смѣлыхъ представителяхъ до рафаэлевскаго Младенца, играющаго съ Матерью. (Одно изъ лучшихъ свидѣтельствъ о *всподобляющемъ* культѣ Богоматери въ XIII в. — VII книга *Dialogi Miraculorum*).

Въ XVII в. гусситскія войны даютъ новый толчекъ культу Богоматери; тогда же реализмъ и свобода развиваются до крайнихъ предѣловъ (Христосъ сосетъ, ищетъ груди; онъ въ современномъ костюмѣ, держитъ на веревкѣ собачку и пр.); тогда становится возможнымъ и быстро распространяется «св. семейство» (культъ Іосифа, начавшійся съ этого столѣтія, дѣлается особенно популярнымъ въ Испаніи въ XVII в.). Но въ томъ же XV столѣтіи встрѣчаются примѣры крайняго идеализма и символизма.

Этому соотвѣтствуютъ два потока въ литературѣ вообще и въ теологіи въ частности — реализмъ и мистика. Въ XVI в., какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ они до извѣстной степени объединяются, при чемъ въ странахъ германскихъ беретъ перевѣсъ умѣренный реализмъ, въ странахъ романскихъ — умѣренный мистицизмъ, смѣняемый временами по реакціи крайней чувственностью.

Борьба съ реформой усиливаетъ культъ Богородицы, что выражается между прочимъ въ постановкѣ догмата о безсѣмянномъ зачатіи Дѣвы Маріи Анною; развитію его предшествуетъ, какъ переходная ступень, недоработанный догматъ о зачатіи *ex osculo*, вызванный на свѣтъ изображеніемъ.

Всѣ главные моменты развитія культа Богородицы на западѣ отражаются и у насъ, прямо или косвенно, въ письменности или въ искусствѣ, положительно или отрицательно (напр. *immaculata conceptio* вызываетъ частые наивные протесты), часто 2—3 вѣками позднѣе. Есть случаи, гдѣ русскій матеріалъ не только дополняетъ, но и освѣщаетъ западный.

Особенность русской миниатюры и иконописи — необыкновенная устойчивость преданія, поколебленная только отчасти въ XVI —

XVII вв. Архангелскія черты шагъ за шагомъ уступаютъ новымъ идеямъ и, повидимому исчезнувъ на время, снова возрождаются.

Въ русской письменности есть и пользуется сильной популярностью редакція житія Богородицы, болѣе древняя, по своему первоисточнику, чѣмъ Protoevangelium Jacobi и Ev. Pseudomathaei, древнѣйшіе изъ апокрифовъ. Ev. Pseudom. у насъ не въ ходу; наши «Слова» слѣдуютъ тому же тексту Protoev., который находится въ Макарьевскихъ Минеяхъ.

И въ XVIII в. западное вліяніе въ иконописи идетъ на сѣверъ черезъ югъ.

Успеніе и отпчаніе Богородицы. Праздникъ Успенія очень популяренъ съ VI в.; 1-й дошедшій до насъ художественный памятникъ Ascensionis Mariae на западѣ — IX вѣка. Западъ Европы слѣдуетъ главнымъ образомъ псевдомелитонову тексту, а востокъ — псевдоіоаннову. Ап. Фома является сравнительно поздно. Въ XII или XIII в. латинское преданіе подновляется греческимъ (βραβειονъ въ Золотой Легендѣ). Въ XIII в. — важный вопросъ — о вознесеніи *тѣла* Богоматери — рѣшается на западѣ положительно, но и позднѣе встрѣчаются изображенія, гдѣ на небо возносится *душа*. Полная редакція — съ ап. Фоמוю у насъ встрѣчается съ XVI в., но вознесеніе въ иконописи плохо прививается. Вѣнчаніе Богоматери (сперва однимъ Христомъ, сидящимъ съ нею рядомъ) встрѣчается на западѣ съ XII вѣка. У насъ вѣнчаніе является очень поздно и только подъ западнымъ вліяніемъ. Облако, принесшее апостоловъ, заимствовано изъ сказанія объ успеніи многими житіями.

Вліяніе на народную поэзію. Огненная Марія — изъ символа и наивнаго изображенія Неопалимой Купины. Красный шелкъ, которымъ Богоматерь вышиваетъ въ заговорахъ — изъ иконописи; оттуда же и колодезь, изъ котораго Богоматерь тянетъ воду радугой. Обряды благовѣщенскіе объясняются отчасти художественно-литературнымъ преданіемъ, отчасти временемъ праздника. Раздвѣтшій жезлъ Іосифа вызываетъ сходные эпизоды въ сказкахъ. Рассказъ о скоропослѣвшей жатвѣ при бѣгствѣ въ Египетъ (въ русской письменности я еще не нашелъ его) переносится на другихъ бѣглецовъ народныхъ сказаній.

Добавки къ Евангелію въ такъ называемыхъ младшихъ духовныхъ стихахъ. — всѣ изъ апокрифовъ, большею частію черезъ посредство иконописи.

Извѣстный эпизодъ Калевалы — не безъ вліянія апокрифовъ.

Пункты жнѣ неясны: Когда и откуда появляется сказаніе о

скоропоспѣвшеі жатвѣ? Вызывающія споры позы Богоматери и Іосифа въ изображеніяхъ Р. Х. есть ли проявленіе реализма или какого-нибудь мнѣ неизвѣстнаго литературнаго преданія? Въ вѣнчаніи Богоматери не есть ли она первоначально *ecclesia triumphans*? Отношеніе Софіи Премудрости къ Богоматери и церкви? Что означаютъ птица и дѣвочка, встрѣчающіяся въ изображеніяхъ Благовѣщенія? (Птица изъ обряда выпусканія птицъ?). Мусульманскій разсказъ о Р. Х. слѣдуетъ ли объяснить изъ непонятаго изображенія бѣгства въ Египеть? и т. д.

3.

Отзывъ ординарнаго академика Буслаева о программѣ изслѣдованія профессора А. Н. Кирпичникова «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ».

Въ виду успѣшнаго разработыванія на западѣ иконографическихъ матеріаловъ въ связи съ исторіею церкви и литературы, задачи, предложенныя профессоромъ Кирпичниковымъ для рѣшенія въ его монографіи «О Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ», оказываются вполнѣ настоятельными, потому что, будучи предложены на разсмотрѣніе ученымъ, именно русскимъ, онѣ могутъ повести къ открытію новыхъ и существенныхъ данныхъ, недоступныхъ западнымъ ученымъ, изъ византійско-русской старины, въ такой сохранности удержавшихся въ нашихъ иконописныхъ преданіяхъ даже до XVIII вѣка. Г. профессоръ постоянно имѣетъ въ виду это выгодное положеніе русскаго ученаго въ изслѣдованіяхъ христіанской иконографіи, и между прочимъ ставитъ такой тезисъ: «Западъ до Крестовыхъ походовъ живѣтъ идеями и формами византійскими, но владѣетъ только не большою частію ихъ».

Я думаю, что по мѣрѣ изслѣдованія матеріаловъ такъ называемаго романскаго стиля, г. Кирпичниковъ будетъ открывать подъ искаженными формами этого стиля богѣе и богѣе слѣдовъ древнехристіанской и византійской гіеритики. Эти гіеритическіе останки задерживаютъ еще и подъ обновленными, богѣе натуралистическими формами стиля готическаго, и оттуда переходятъ въ ксилографическія Инкунабулы XV вѣка и даже частію и въ иллюстрированныя книги XVI вѣка. Такимъ образомъ на протяженіи многихъ вѣковъ западной исторіи русскій ученый можетъ открывать очевидныя точки со рикосновенія западной иконографіи съ восточною, не по вліянію только первой на послѣднюю, но и го-

раздо болѣе того въ силу общаго иконографическаго преданія византійскаго, которое на востокѣ сохранилось въ болѣе безпримѣсной чистотѣ, а на западѣ постепенно ослаблялось новыми теченіями историческаго развитія.

За утратою множества византійскихъ оригиналовъ, наши русскія копія, хотя и позднѣйшаго времени, отъ XIV в. и до XVIII-го, иногда довольно грубо исполненныя, должны будутъ служить ничѣмъ не замѣнимымъ пособіемъ при открытіи византійскихъ основъ въ иконографіи западной, и именно въ памятникахъ эпохи гораздо древнѣйшей. Такой анахронизмъ въ приѣмахъ изслѣдованія вполне объясняется и оправдывается безпримѣрнымъ консерватизмомъ нашей національной старины. Мысль эту г. Кирпичниковъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Особенность русской миниатюры и иконописи—необыкновенная устойчивость преданія, поколебленная только отчасти въ XVI—XVII вв.». И въ другомъ мѣстѣ: «Есть случаи, гдѣ русскіи матеріалъ не только дополняетъ, но и освящаетъ западный».

Изъ сказаннаго надобно заключить, что работа г. Кирпичникова можетъ внести существенный вкладъ въ западныя изслѣдованія по тому же предмету, каковы напр. Jameson, *Legends of the Madonna*, 3-е изд. London 1864. — Laforge, *la Vierge, type de l'art chrétien. histoire, monuments, legendes*, Lion. 1864. — Lehner, *die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten*, Stuttgart 1881 и друг.

Сентябрь — декабрь 1864 г.

Академикъ А. Н. Веселовскій доложилъ, что онъ, имѣя надобность въ одной познанской рукописи XVI вѣка, содержащей на 223 страницахъ древнѣйшій текстъ трехъ русскихъ повѣстей, распорядился, съ согласія Отдѣленія, о перепискѣ ея въ теченіе наступающаго лѣта.

Чтано письмо штатнаго смотрителя Лидскаго училища (Виленской губерніи) Романова, который, препровождая первый выпускъ составляемаго имъ Бѣлорусскаго Сборника, проситъ Отдѣленіе дать ему мѣсто въ своемъ изданіи. Академикъ Бычковъ, принявъ на себя трудъ разсмотрѣнія этого сборника, сообщилъ о немъ слѣдующій отзывъ: «1-й выпускъ перваго тома Бѣлорусскаго Сборника,

составленнаго г. Романовымъ и обънимающаго губернію Могилевскую, содержитъ въ себѣ 338 пѣсень голосовыхъ протяжныхъ, раздѣленныхъ на семейныя (108), чумацкія (13), разбойничьи арестантскія (8), рекрутскія военныя (57) и любовныя (152). При каждой пѣснѣ указана мѣстность, гдѣ она записана, а при нѣкоторыхъ приведены варианты и указаны печатные сборники бѣлорусскихъ пѣсень.

«Сборникъ г. Романова заключаетъ въ себѣ нѣсколько совершенно новыхъ пѣсень, какъ напр. 22, 99, 107 изъ семейныхъ, 21 изъ любовныхъ и друг., и представляетъ любопытные факты народнаго творчества XVIII и XIX в. (напр. семейная 25; рекрутскія, арестантскія). Жаль, что г. Романовъ не сличалъ, какъ кажется, пѣсень своего сборника съ сборниками великорусскихъ пѣсень любовная 4).

«Обнародованіе этого сборника было бы весьма желательно; но такъ какъ въ настоящее время уже печатается при Академіи Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, то Отдѣленіе, затрудняясь принять предложеніе г. Романова, опредѣлило ходатайствовать предъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа объ оказаніи г. Романову содѣйствія и пособія для напечатанія этого труда».

Чтано переданное изъ Историко-Филологическаго Отдѣленія письмо архимандрита Никодима Милаша изъ Зары о томъ, что у него находится древне-славянская рукопись, принадлежавшая въ 1556 году церкви Покрова Богоматери во Львовѣ, подъ заглавіемъ: «Поученія избранныя ѿ стараго Евѣліа и ѿ многихъ бжтвѣныхъ писаній глѣма ѿ архiereя изоустъ в всякоуж нѣю на поученіе хртѣименитымъ людемъ или прочитаема такожде и на гѣскія праздники. Преложена же с греческаго языка на роускыя книги в гѣто дѣлѣ (6915)». Архимандритъ проситъ увѣдомить его, извѣстны ли подобныя сочиненія и гдѣ находится оригиналъ означенной рукописи, если вообще онъ существуетъ. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, изъявивъ готовность предварительно навести по этому запросу справку, представилъ слѣдующее свѣдѣніе: «Помянутая рукопись принадлежитъ къ числу весьма обыкновенныхъ, и въ каждой нашей большой библиотекѣ встрѣчается по нѣскольку экземпляровъ. Собраніе этихъ поученій и сочиненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ приписывается Константинопольскому патриарху Филоею, какъ свидѣтельствуя греческія рукописи и между прочимъ находящаяся въ Туринской Библиотекѣ (Codices manuscripti bibliothecae Regiae Taurinensis. Codex CLXIV). Въ этой рукописи много поученій различныхъ отъ

цовъ церкви и преимущественно Іоанна Златоустаго. Славянскій переводъ этихъ поученій былъ неоднократно напечатанъ: въ Заблудовѣ въ 1569 г., въ Вильнѣ въ 1595 г., въ Крилосѣ въ 1606 г. (въ этомъ изданіи собраніе словъ приписывается Константинопольскому патриарху Каллисту), въ Москвѣ въ 1629, 1637, 1652, 1686, 1707, 1724 и друг. годахъ. Положено сообщить это свѣдѣніе архимандриту Никодиму.

М. И. Сухомлиновъ, доложивъ, что согласно съ предположеніемъ Отдѣленія о постепенномъ составленіи словарей нашихъ писателей, студентъ С. - Петербургскаго университета по Историко-Филологическому факультету Смирновъ занимается изготовленіемъ словаря, извлеченнаго изъ сочиненій Ломоносова, — представилъ образцы этого труда, въ которомъ слова расположены по известнымъ группамъ. Отдѣленіе, вполне одобрявъ основную мысль этого предпріятія, признаю, что при составленіи подобныхъ словарей всего удобнѣе и полезнѣе, въ видахъ употребленія ихъ какъ матеріала для общаго русскаго словаря, располагать всѣ выписываемыя изъ автора слова въ алфавитномъ порядкѣ безъ раздѣленія ихъ на группы, которыя могутъ быть извлечены въ послѣдствіи изъ составленнаго уже словаря писателя, какъ выводъ при окончательномъ разсмотрѣніи особенностей его языка, о чемъ и положено сообщить г. Смирнову.

Академикъ А. Н. Веселовскій доложилъ о приготовляемомъ имъ къ печати новомъ трудѣ его подъ заглавіемъ: «Матеріалы и изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти». — Принято къ свѣдѣнію.

Сверхъ того въ засѣданіяхъ истекшаго года академикъ Я. К. Гротъ читалъ составлявшееся имъ, по порученію Отдѣленія, руководство къ правописанію, при чемъ каждый вопросъ былъ тщательно обсуждаемъ въ собраніи, и затѣмъ корректурные листы посылались всѣмъ наличнымъ членамъ Отдѣленія, а также и Т. И. Филиппову, который изъявилъ желаніе участвовать въ чтеніи корректуръ этого труда и сообщалъ составителю свои замѣчанія.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVI, № 1.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

РУКОВОДСТВО,

СОСТАВЛЕННОЕ ПО ПОРУЧЕНІЮ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 ЛИН., Д. № 12.)

1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С. Петербургъ, декабрь 1884 г.

Непрѣѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселоскій*.

Настоящее краткое руководство имѣеть цѣлію удовлетворить сознаваемую всеѣми потребность привести русское правописание къ желательному единообразію.

Въ основаніе труда положено было изданное мною изслѣдованіе: „Спорные вопросы русскаго правописанія“; но при этомъ каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи всеѣхъ наличныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и рѣшеніемъ было съ общаго согласія.

Во многихъ случаяхъ наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно: измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представлялось удобнымъ, потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать существующее согласіе и вызвать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ.

Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая отъ него только тогда, когда общепотребительныя начертанія оказывались положительно невѣрными или слишкомъ непослѣдовательными.

Въ видѣ введенія изложены „основныя черты русской фонетики“, такъ какъ предварительное знакомство съ ними признано необходимымъ для исполнѣ отчетливаго и сознательнаго письма.

Въ концѣ книги помѣщенъ Справочный Указатель всѣхъ словъ, не только разсматриваемыхъ въ руководствѣ, но и вообще имѣющихъ какое-либо отношеніе къ орфографіи. При первыхъ означены и страницы, гдѣ можно найти объясненіе каждаго начертанія.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.....	СТР. I
------------------	-----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ВВЕДЕНИЕ).

Основные черты русской фонетики и русская азбука.

ПАРАГРАФЫ.

1. 2. Звуки и буквы.....	1
Членораздѣльные звуки. Азбука.	
3. 4. О звукахъ рѣчи вообще ...	3
Органы рѣчи. Гласные и согласные звуки.	
5—9. Гласные русскаго языка.....	4
Чистые гласные. Твердые и мягкіе. Двугласные. Обле- ченные гласные. Удареніе. Неударяемые гласные.	
10—15. Согласные звуки.....	7
Смычные. Проторные (спиранты). Раздѣленіе звуковъ по органамъ. Плавные. Носовые. Звуки ѣ ч ѵ.	
16. 17. Твердость и мягкость согласныхъ: з, ѣ.....	11
18. 19. Сочетаніе согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными..	12
Означеніе мягкости согласныхъ. Встрѣча ера съ глас- ныхъ ѣ.	
20. Уподобленіе звуковъ.	—
I. Въ отношеніи къ твердости и мягкости.....	—
Твердость и мягкость звуковъ внутри слова. Двойное произношеніе звука е. Измѣненіе е въ ѣ. Непзмѣ- няемость е передъ твердымъ звукомъ. ѣ передъ мягкимъ звукомъ. Слогъ ер внутри слова.	

ПАРАГРАФЫ.	СТР
II. Уподобленіе голосовыхъ звуковъ безголоснымъ и на- оборотъ	17
Случай такого уподобленія. Неуподобляемые согласные.	
21. Общій выводъ о рѣсской азбукѣ	19

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Правописаніе.

22. Раздѣленіе на три отдѣла	- 20
------------------------------------	------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи той или другой буквы.

23. Два начала правописанія: фонетическое и этимологическое.	—
24. Сочетаемость буквъ	21
I. Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки?	
25—42. 1) Гласныя	22
25. <i>а</i> или <i>о</i> , <i>я</i> или <i>е</i> ? — <i>а</i> ударяемое	—
26. <i>о</i> ударяемое. <i>е</i> ударяемое	—
27. <i>а</i> <i>о</i> , <i>я</i> <i>е</i> неударяемыя	23
28. Сомнительныя формы существительныхъ именъ	24
29. Малороссійскія фамиліи на <i>ко</i>	25
30. Имена на <i>ло</i> или <i>ла</i> ?	26
31. Частица <i>ка</i> или <i>ко</i> ?	27
32. Предлогъ <i>раз</i> или <i>роз</i> ?	—
33. <i>амъ</i> или <i>эмъ</i> въ страдательныхъ причастіяхъ послѣ шипя- щихъ?	—
34. <i>юмъ</i> или <i>юэмъ</i> , <i>умъ</i> или <i>умэмъ</i> въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч.? Два разряда глаголовъ. <i>дымимъ</i> или <i>дымимэмъ</i> ?	28
35. Окончанія причастій на <i>мій</i> . Прилагательныя на <i>мій</i>	31
36. Неударяемое <i>е</i> или <i>и</i> ? Уменьшительныя имена на <i>эмъ</i> , <i>имъ</i> . Уменьшительныя имена на <i>эмка</i> . Уменьшительныя при- лагательныя. Окончаніе <i>има</i> , <i>имка</i> . Суффиксы <i>мъ</i> , <i>имъ</i> . Окончанія прилагательныхъ: <i>мискій</i> , <i>емскій</i> . Въ <i>меченіи</i> или <i>емъ меченіи</i> ? Частные случаи начертанія <i>и</i>	—
37. Окончаніе множ. числа прилагательныхъ: — <i>мъ</i> , <i>имъ</i> ; — <i>іа</i> , <i>іа</i> .	36

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
38. и или я въ глаголахъ: <i>отъиваетея, расказаетея?</i>	38
39. Глаголы на <i>оаго</i> и <i>маго</i>	37
40. е или о послѣ шипящихъ ж ш ч ѣ въ ударяемыхъ слогахъ: <i>жо шо чо шо?</i>	38
41. Особенность звука р	40
42. е или о, и или ы послѣ ѣ: ѣе или чо? ѣи или ѣи?	—
43—52. 2) Согласныя	42
43. е или к? е или х?	—
44—46. з или с?	43
Слитно употребляемые предлоги на з: <i>оо, ии, ии, рас, без,</i> <i>чрез.</i> — Соединеніе словъ съ предлогомъ <i>рас</i> (<i>расчетея,</i> <i>расчети, расчитатея, расказатея, распроситея</i>).	
47. Прилагательныя на <i>нѣ</i>	45
48. д или т? Частные случаи: <i>сеадба будочникъ, потчеватея,</i> <i>задлѣи</i> и проч.	—
49. ж или ш? ч или ш? Употребленіе шипящихъ по производству.	46
50. ѣ или те? Разложеніе звука ѣ	47
51. ѣ или сч, шч, жч? Разложеніе звука ѣ	—
52. Суффиксы: <i>ѣи, ѣи.</i> Измѣненіе ѣ въ ч послѣ ж и шипя- щихъ	—
53—60. ѣ или ѣ?	49
1. Въ концѣ словъ.	
53. ѣ или ѣ послѣ шипящихъ?	—
54. Послѣ другихъ согласныхъ	50
2. Внутри словъ.	
55. ѣ послѣ представокъ	51
56. и вмѣсто ѣ	—
57. и или ѣ?	—
58. ѣ не пишется передъ твердыми гласными	52
59. ѣ внутри словъ; — передъ обличенною гласною; — между двумя согласными	—
60. Опущеніе ѣ вопреки произношенію	54
II. Какую употреблять букву изъ двухъ гласныхъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ?	
61. и или ѣ?	55
62. е или ѣ? Тройное употребленіе буквы ѣ	—

1. ѡ ВЪ КОРНЯХЪ СЛОВЪ.	
ПАРАГРАФЫ.	СТР.
63. Мѣсто слоговъ, въ которыхъ пишется ѡ.....	56
64. Два случая измѣненія древняго ѡ въ ѡ.....	58
2. ѡ ВЪ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ОКОНЧАНІЯХЪ.	
65. Въ нарѣчіяхъ.....	59
66. Въ именахъ на ѡль и ѡй. Въ именахъ собственныхъ.....	—
3. ѡ ВО ФЛЕКСІЯХЪ.	
67. Въ склоненіи именъ существительныхъ: — <i>ю</i> или — <i>ю</i> ? — <i>ю</i> или — <i>ю</i> ?.....	61
68. Въ склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ: <i>миа</i> , <i>кѡа</i> , <i>тѡ</i> и т. д.	62
69. Въ прилагательныхъ сравнительной степени.....	—
70. Въ глагольныхъ формахъ: <i>имѣтъ</i> , <i>терпѣтъ</i> и т. п.	63
71. Правописаніе словъ: <i>видѣтъ</i> и <i>болѣтъ</i>	—
72. Окончанія: — <i>юіе</i> и <i>стѣ</i>	64
III. Удвоеніе согласныхъ.	
73. Условное значеніе термина: <i>удвоеніе</i> . Два рода удвоенія ..	65
А. Этимологическое удвоеніе.	
74. Въ корняхъ и при встрѣчѣ съ приставками.....	—
75. Скрытое удвоеніе.....	—
76. Частныя замѣчанія: <i>разорѣтъ</i> , <i>росомаха</i> , <i>вождедѣлнѣ</i> , <i>возжи</i> , <i>дрожди</i> , <i>искусство</i> , <i>возжениый</i>	—
Б. Фонетическое удвоеніе.	
77. Удвоеніе звука <i>н</i> . Причастія страдательныя. Прилагательныя на <i>нѣй</i> , на <i>еннѣй</i> , на <i>яннѣй</i>	66
78. Удвоеніе звука <i>т</i> въ глаголѣ <i>итти</i> . Тотъ же глаголъ съ приставками: <i>сойти</i> , <i>зйти</i> , <i>пойти</i> и проч.....	69
IV. Правописаніе заимствованныхъ словъ.	
79. Общее замѣчаніе.....	70
80. Два разряда заимствованныхъ словъ.....	—
81. Трудность начертаній.....	71
82. Необходимость буквы <i>ѣ</i>	—
83. Употребленіе <i>ѣ</i> въ началѣ слоговъ.....	72
84. Употребленіе <i>ѣ</i> послѣ согласныхъ.....	—
85. Буква <i>ѣ</i>	73

ПАРАГРАФЫ.

	СТР.
86. Двойное назначеніе :	74
87. Употребленіе <i>o</i>	—
88. Излишество <i>и</i> <i>жми</i>	75
89. Передача англійскаго <i>w</i>	76
90. <i>ia</i> или <i>ia</i> въ серединѣ словъ? Передача сочетанія <i>a</i> съ <i>l mouillé</i>	—
91. <i>io</i> , <i>yo</i> , <i>wo</i> ? Передача сочетанія <i>o</i> съ <i>l mouillé</i> и <i>gn</i>	77
92. Передача сочетанія <i>io</i> какъ дифтонга	78
93. Передача сочетанія <i>iy</i> , <i>iy</i>	—
Удвоеніе согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ.	
94. Случай несоблюденія удвоенія. Пропускъ согласной въ предстѣвкѣ. Пропуски въ собственныхъ именахъ. Случаи двойныхъ начертаній	79
95. Излишніе удвоенія. Удвоеніе гласныхъ	81
V. Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.	
96. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	82

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О соединеніи двухъ словъ въ одно.

97. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	86
<i>О переносѣ частей слова изъ строки въ строку.</i>	
98. Общее замѣчаніе	91

I. Слова простые.

Раздѣленіе согласныхъ буквъ	—
Раздѣленіе гласныхъ буквъ	93

II. Слова сложные.

99. Общее замѣчаніе. Отдѣльныя правила	94
--	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Употребленіе знаковъ прерыванія.

100. Назначеніе ихъ. Точка. Точка съ запятой	95
101. Двоеточіе	97

ПАРАГРАФЫ.	СТР.
102. Многоточіе.....	98
103—112. Занятая между краткими однородными предложениями и отдельными словами	98
113—114. Отдѣленіе занятыми придаточныхъ предложеній отъ глав- ныхъ. А. Опредѣлительныхъ: 1) полныхъ, и 2) сокра- щенныхъ. Б. Дополнительныхъ и обстоятельственныхъ: а) съ союзами; б) при дѣепричастіяхъ	105
115—119. Черта. Черточка. Скобки. Знаки восклицательный и вопро- сительный	108
120. Надстрочные знаки	109
<hr/>	
СПРАВОЧНЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ	110

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ

И

РУССКАЯ АЗБУКА.

Звуки и буквы.

1. Каждое произносимое слово можетъ быть разлагаемо на недѣлимья составныя части, которыя принято называть *членораздѣльными звуками*. Разсмотрѣніе ихъ образованія, ихъ сочетаній и измѣненій составляетъ предметъ *фонетики*.

Членораздѣльные звуки.

Каждый языкъ располагаетъ только опредѣленнымъ числомъ свойственныхъ ему членораздѣльныхъ звуковъ. На письмѣ каждый звукъ языка долженъ быть изображаемъ особою, и притомъ только одною *буквою*; каждая буква должна означать только одинъ звукъ.

Вотъ основное правило всякой азбуки; но такого совершенства не достигаетъ ни одинъ изъ существующихъ алфавитовъ: въ нихъ то недостаетъ начертаній для имѣющихся въ языкѣ звуковъ, то оказываются излишнія буквы. Поэтому при изученіи языковъ необходимо постоянно имѣть въ виду, что звукъ и буква далеко не всегда одно и то же.

Азбука.

Неудовлетворительность азбукъ происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что разъ изобрѣтенный въ древности алфавитъ примѣнялся потомъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, къ различнымъ языкамъ. Другая причина заключается въ томъ, что звуки языка съ теченіемъ времени незамѣтно измѣняются, установившаяся же азбука остается все та же и не легко поддается исправленіямъ.

2. Русская азбука состоитъ изъ 35-ти буквъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

а б в г д е ж з љ к л
м н о п р с т у ф х ц ч
ш щ ѣ ы ь ѳ э ю я ѵ.

Двѣ изъ этихъ буквъ (и, е) получаютъ еще особое назначеніе помощію надстрочныхъ знаковъ (ѣ, ѥ), при которыхъ онѣ изображаютъ другіе звуки и потому должны бы также занимать мѣсто въ азбукѣ.

Эта такъ называемая *гражданская* азбука передѣлана при Петрѣ Великомъ изъ *церковно-славянской*, составленіе которой приписываютъ ученому Константину (въ монашествѣ св. Киприилу), жившему въ IX вѣкѣ. Такъ какъ его азбука (кириллица) большею частью была заимствована изъ греческой, то буквы ея, по примѣру этой послѣдней, назывались не однимъ звукомъ, который онѣ выражали, а цѣлыми словами: *азъ, буки, вѣди* и т. д. Русскія же буквы, напротивъ, по примѣру другихъ европейскихъ азбукъ, называются либо однимъ своимъ звукомъ (напр. *а і о у*), либо своимъ звукомъ съ помощію другого, произносящаго то послѣ него (*бе ве ге де*), то передъ нимъ (*эль эмъ энъ эръ*). Однакожъ старинныя названія еще остаются за нѣкоторыми изъ нашихъ буквъ; таковы: *еръ, еры, ерь, ять, вѣта, ижица*. Буквы *и і*, для отличія другъ отъ друга, называются — первая *и осмеричнымъ*, вторая *і десятичнымъ*, по цифрамъ 8 и 10, для означенія которыхъ онѣ служатъ въ церковно-славянской письменности.

Буквы въ нашей азбукѣ, какъ и въ другихъ, расположены безъ всякой системы; при научномъ разсмотрѣніи письма первою задачею должно быть приведеніе буквъ азбуки въ правильный порядокъ, основанный на свойствахъ изображаемыхъ ими звуковъ.

О звукахъ рѣчи вообще.

3. Подробное изслѣдованіе законовъ образованія звуковъ рѣчи относится къ *физиологіи*, наукѣ о свойствахъ и отправленіяхъ органическихъ тѣлъ. Филологія же довольствуется указаніемъ на главныя основанія этихъ законовъ.

Органы
рѣчи.

Органы рѣчи, которыми производятся звуки, суть:

- 1) *гортань*, которая посредствомъ воздуха, выталкиваемого легкими, издаетъ *голосъ*;
- 2) *полость рта* (иначе устная полость) съ нѣбомъ, языкомъ, зубами и губами;
- 3) *носовая полость* съ двумя устьями — ноздрями.

Полости рта и носа въ отношеніи къ гортани уподобляются духовому инструменту, приставленному къ губамъ, а потому и называются *надставною трубой*.

4. Главное различіе между звуками рѣчи зависитъ отъ того, произносятся ли они открытымъ ртомъ, какъ напр. *а о у*, или для произнесенія ихъ нужно болѣе или менѣе тѣсное сближеніе двухъ частей рта, напр. *к з, с з*. Звуки первого рода по самому способу своего произношенія называются *гласными* (вокалами, отъ лат. vox = голосъ); звуки второго рода — *согласными* (консонантами), потому что они только съ помощію гласнаго звука могутъ образовать слогъ.

Гласные и
согласные
звуки.

Сближеніемъ двухъ частей рта производится въ надставной трубѣ преграда, посредствомъ которой согласные звуки *артикулируются*, т. е. точно и ясно образуются какъ *членораздѣльные* (артикулованные) звуки. Впрочемъ это названіе прилагается и ко всѣмъ вообще звукамъ человѣческой рѣчи въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ безсловесными животными. Самое же образованіе звуковъ органами рѣчи называется *артикуляціею* (лат. отъ articulus — членъ).

Если въ образованіи звуковъ рѣчи участвуетъ голосъ, то они называются *голосовыми*, напр. *а д з*; звуки, образуемые безъ участія голоса, именуются *безголосными*, напр. *т с*. Всѣ гласные звуки суть голосовые, чѣмъ объясняется и названіе ихъ.

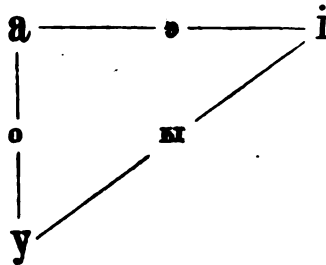
Нѣкоторые называютъ голосовые звуки *звонкими* или *громкими*, а безголосные *глухими* или *шопотными*, но эти термины не довольно точны.

Гласные русскаго языка.

5. Русскіе гласные раздѣляются на *чистые* и *облеченные*.

Чистые
гласные.

Наши чистые гласные могутъ быть представлены въ слѣдующей схемѣ:

Основные звуки означены здѣсь крупными буквами, промежуточные же или переходные — мелкими.

Въ смыслѣ историческомъ звуки *а і у* не могутъ быть признаваемы первоначальными, но въ физиологическомъ отношеніи они сохраняютъ признанное за ними издавна значеніе основныхъ.

Для произнесенія *а* ротъ всего болѣе раскрывается, языкъ остается почти въ совершенно спокойномъ положеніи на днѣ устной полости, и надставная труба получаетъ форму расширенной спереди воронки.

Если послѣ произнесенія *а* суживать отверстіе рта, слегка разводя губы и приподнимая языкъ, то произойдетъ *э*, а при усиленіи того же движенія губъ съ большимъ подъемомъ языка къ нѣбу, образуется *і*. Сообразно съ движеніемъ губъ въ сторону, эти два звука расположены нами въ поперечномъ направленіи.

Если, суживая полость рта, протягивать губы впередъ, такъ чтобъ между ними образовалось округленное отверстіе, то произойдетъ *о*, а при усиленіи этого движенія съ отдергиваніемъ языка назадъ, услышится *у*. Сходно съ движеніемъ губъ звуки *о* и *у* помѣщены нами въ направленіи сверху внизъ.

Наконецъ, между *і* и *у* мы поставили *ы*, какъ звукъ, образуемый совокупною артикуляціей этихъ двухъ крайнихъ гласныхъ: для произнесенія его губы нѣсколько оттягиваются въ обѣ стороны какъ для *і*, языкъ же, вмѣсто движенія кончикомъ впередъ, отдергивается спинкою къ нѣбу какъ для *у*. Отъ остальныхъ гласныхъ *ы* отличается тѣмъ, что слышится не иначе какъ послѣ согласной и никогда не начинается слога. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій только польское сохранило этотъ звукъ, во все неизвѣстный другимъ европейскимъ народамъ.

Изъ шести исчисленныхъ *чистыхъ* или *простыхъ* гласныхъ Твердые и мягкіе. звуки *а о у ы* суть твердые, *і* — мягкій звукъ; а *э*, составляющій переходъ отъ *а* къ *і*, можетъ быть то твердымъ, то мягкимъ, какъ будетъ объяснено далѣе.

Термины *твердый* и *мягкій* звукъ, какъ самые простые и наиболѣе установившіеся, приняты нами предпочтительно передъ другими, напр. *дебелый* и *тонкій*, *широкій* и *узкій*, которые также употреблялись въ некоторыхъ.

6. Чтобы перейти къ *облеченнымъ* гласнымъ, мы должны напередъ дать понятіе о *двугласныхъ*.

Изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ одинъ можетъ произноситься такъ кратко, что образуетъ вмѣстѣ съ другимъ *одинъ слогъ*. Такое звуковое сочетаніе, производимое однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ, называется *двугласнымъ* звукомъ или *дифтонгомъ*; въ этомъ слогѣ кратчайшій гласный именуется *полугласнымъ*. Двугласные (дифтонги).

Въ русскомъ языкѣ только звукъ *і* можетъ служить полугласнымъ для образованія дифтонга. Слѣдуя за другимъ гласнымъ, онъ изображается начертаніемъ *й*: *ай эй ой уй ый*. Удвоенный звукъ *і* можетъ также образовать дифтонгъ, — на письмѣ

ій, но этотъ дифтонгъ, равно какъ и ѡй, не любимъ русскимъ языкомъ, и въ произношеніи, а отчасти и на письмѣ, замѣняется звуковыми группами ой, ей; такъ вмѣсто *наій*, *прямій*, *крый*, говорятъ и пишутъ: *наой*, *прямой*, *крой*; вм. *лій*, *судій*—*лей*, *судей*.

7. Дифтонги, въ которыхъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, полугласный занимаетъ второе мѣсто, называются *нисходящими*. Но бываютъ и *восходящіе* дифтонги, начинающіеся полугласнымъ звукомъ ѣ, который однакожъ въ собственно русскихъ (не заимствованныхъ) словахъ не означается на письмѣ, а скрывается въ начертаніяхъ я, е (ѣ), ѣ, ю, употребляемыхъ вмѣсто диграфовъ: *ѣа ѣэ ѣо ѣу*, которые пишутся только въ словахъ иноязычныхъ: *майоръ*, *Йоркъ*. Въ кириллицѣ полугласный такихъ восходящихъ дифтонговъ означался посредствомъ начертанія ꙗ, такъ что они писались: ꙗ, ꙗ, ꙗо (сокращеніе изъ ꙗѣ).

Облеченные
гласные.

Въ нашей филологической литературѣ двугласные я, е (ѣ), ѣ, ю принято называть *йотбавными* гласными (отъ греч. *iota* = і). Но надо замѣтить, что это названіе справедливо только тогда, когда ими начинается слогъ и что они имѣютъ на письмѣ еще другое значеніе, которое можно объяснить только при разсмотрѣніи согласныхъ. Поэтому начертанія я, е (ѣ), ѣ, ю, удобнѣе называть *облеченными* гласными.

Т. е. облеченнымъ звукомъ і. Этотъ терминъ въ первый разъ былъ употребленъ Востоковымъ (см. его *Филол. наблюденія*, стр. 30), а впоследствии его употреблялъ и проф. Буслаевъ (см. его *Истор. Грамматику*, ч. I, § 26), но оба только мимоходомъ.

Удареніе.

8. Съ понятіемъ о гласныхъ связывается понятіе объ *удареніи* или *акцентѣ*. Такъ называется то усиленное выдыханіе воздуха, съ которымъ произносится одинъ изъ слоговъ каждаго слова; такое господство одного слога надъ прочими необходимо для совокупленія всѣхъ звуковъ слова въ одно цѣлое. Слогъ, на который падаетъ удареніе, называется *ударяемымъ*. Для означенія на письмѣ ударяемаго слога, надъ гласною его ставится знакъ ' . Въ русскомъ письмѣ знакъ ударенія употребляется только съ особенною цѣлью въ исключительныхъ случаяхъ.

Такъ какъ русское удареніе всегда бываетъ одинаково, то нѣтъ надобности употреблять еще и другой знакъ', который ныне, по примѣру греческаго письма, ставятъ надъ гласной, оканчивающей слово.

9. При исчисленіи гласныхъ русскаго языка въ грамматикѣ Неударяе-
мые глас-
ные. имѣется въ виду произношеніе ихъ въ ударяемомъ слогѣ. Въ неударяемыхъ слогахъ эти же гласные артикулируются такъ слабо и неполно, что произношеніе ихъ становится неяснымъ, и вмѣсто звуковъ *а* *о* является неопредѣленный, средній между обоими звукъ, въ которомъ на половину слышится *а*, на половину *о*; тому же самому ослабленію подвергаются въ неударяемыхъ слогахъ звуки *е* (*ь*) *і* (*и*). Для того и другого средняго звука у насъ нѣтъ особыхъ начертаній: оттого на письмѣ нерѣдко одна буква ставится вмѣсто другой: въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ *а*, другіе *о*, одни *е*, другіе *и*, тогда какъ правильно только одно изъ обихъ начертаній.

Согласные звуки.

10. Преграды въ надставной трубѣ, необходимыя для произнесенія согласныхъ, бываютъ двухъ родовъ:

1) Если двѣ части органовъ рѣчи плотно смыкаются, такъ Смычные. что между ними воздухъ проходить не можетъ, то при устраненіи этого затвора образуются *смычные* звуки (*Verschlusslaute*). Они слышатся только въ самый мигъ раствора, почему и называются иначе *мгновенными* (*momentaneae*) или *взрывными* (*explosivae*). Таковы напр. *б* *п*, *д* *т*. Эти звуки не могутъ быть распознаваемы безъ помощи гласныхъ.

2) Если двѣ части органовъ рѣчи не вполне соприкасаются, Проторные
(спиранты). такъ что между ними остается скважина или щель для протока воздуха и образуется только тѣснина, то происходятъ *проторные* звуки (*Reibelaute*) или — употребляя старинный терминъ — *спиранты*. Они могутъ быть произносимы безъ перерыва дыханія довольно долго и потому иначе называются *длительными* (*continuatae*). Таковы напр. *в* *ф*, *з* *с*. Для произнесенія ихъ нѣтъ надобности въ помощи гласныхъ.

Раздѣленіе звуковъ по органамъ рѣчи.

11. Какія части органовъ рѣчи образуютъ преграды того и другого рода, видно изъ слѣдующей таблицы:

Разряды звуковъ по органамъ.	Сближаемыя части органовъ рѣчи.	Затворъ:		Тѣснина:	
		Смычные или мгновенные звуки.		Проторные или длительные звуки.	
		Голосовые.	Безголосные.	Голосовые.	Безголосные.
Губные	Нижняя губа съ верхнею .	б	п		
	Нижняя губа съ верхними зубами	.....	.....	в	ф
Зубные	Кончикъ языка съ верхними зубами	д	т		
	Кончикъ языка съ нижними зубами	.....	.....	з	с
Нёбные	Кончикъ языка съ нёбомъ	.....	.....	ж	ш
Гортанные	Средняя часть языка съ нёбомъ	г	к		
	Задняя часть языка съ нёбомъ	.....	.....	г̃	х

Звуки послѣдняго разряда называются *гортанными* по близости мѣста ихъ артикуляціи въ гортани.

Между г и г̃ та разница, что г означаетъ звукъ, слышимый напр. въ словахъ *юродъ, нога*, а г̃ — звукъ, замѣчаемый напр. въ словахъ *благо, тогда*. Для послѣдняго въ нашей азбукѣ нѣтъ особаго начертанія, а употребляется та же буква, что и для перваго. Мы здѣсь означаемъ второй звукъ посредствомъ г̃, желая надстрочнымъ " напомнить, что это голосовой звукъ, отвѣчающій безголосному х.

Звукъ г̃ исключительно господствуетъ въ малорусскомъ нарѣчій; вотъ почему, можетъ быть, онъ перешелъ къ намъ и въ церковно-славянскомъ, принявшемъ въ Кіевѣ тотъ видъ, въ какомъ

русская Церковь его унаслѣдовала. Отсюда довольно распространенное мнѣніе, что *маио* въ кириллицѣ именно означалъ этотъ звукъ. Въ великорусскихъ говорахъ, наоборотъ, преобладаетъ *ѣмца*: въ нашемъ образованномъ языкѣ звукъ *ѣ* встрѣчается лишь въ немногихъ словахъ, общихъ русскому съ ц.-сл., какъ-то: *Господь*, *блаю*, *Бога* (и въ др. косв. надежахъ этого слова). Сверхъ того такъ произносится: въ нарѣчіяхъ *когда*, *тогда*, *всегда*, *иногда* и въ косвенныхъ надежахъ словъ иноязычнаго происхожденія: *Петербургъ*, *Выбору*, *Лейпцигомъ*, *Бергъ* и др. Непмѣніе особой буквы для звука *ѣ* всего болѣе чувствуется въ заимствованныхъ словахъ съ греческимъ жесткимъ придыханіемъ (ϕ), съ латинскимъ или западно-европейскимъ *h*, каковы напр. *идра*, *Гомеръ*, *Гораций*, *Голландія*, *Гуго* (Нуго), *калстукъ*, *ю-реллефъ*, *цусаръ*, котормя, вслѣдствіе неточнаго начертанія, и произносятся невѣрно, т. е. вмѣсто спиранта *ѣ* слышится въ нихъ у насъ смичной *з*.

Въ приведенной таблицѣ не нашли мѣста еще слѣдующіе звуки русскаго языка:

- 1) два плавные *р л*.
- 2) два носовые *м н*.
- 3) звуки *ц ч*.
- 4) сложный звукъ *щ*.

12. Плавными (*liquidae*) издавна называются голосовые длительные звуки *р л*, какъ болѣе другихъ сходные съ гласными и въ нѣкоторыхъ языкахъ служащіе даже къ образованію слоговъ безъ помощи гласныхъ, напр. въ сербскомъ и чешскомъ.

Плавные
р л.

Чтобы артикуловать *р*, языкъ приподнимается къ верхнимъ деснамъ и приводится въ дрожаніе, при чемъ вдоль его образуется углубленіе, по которому проходитъ воздухъ.

Для произнесенія же *л* языкъ (какъ для *д т*) прикасается къ верхнимъ зубамъ, а воздушный токъ проходитъ по обѣ стороны языка, между нимъ и щеками.

Такъ какъ въ образованіи *р л* главное участіе принимаетъ языкъ, то эти звуки по органу произношенія называются *язычными*.

Носовые
м н.

13. Для объясненія, какъ производятся *носовые* звуки *м* и *н*, принадлежащіе къ разряду голосовыхъ длительныхъ, нужно замѣтить, что отъ задней оконечности твердаго нѣба виситъ мышечная плоскость, называемая нѣбной занавѣской или мягкимъ нѣбомъ. Пока она остается въ этомъ положеніи и ротъ закрытъ, воздухъ свободно проходитъ черезъ носъ.

Чтобы воздухъ проходилъ черезъ ротъ для образованія большей части звуковъ, эта занавѣска приподнимается и тѣмъ запираетъ носовой проходъ; но для *м* и *н* она опускается и воздухъ выталкивается въ носовой каналъ: въ то же время для *м* губы сжимаются, а для *н* онѣ бывають раскрыты и кончикъ языка прикладывается къ верхнимъ зубамъ.

По участію губъ въ образованіи *м*, а зубовъ въ образованіи *н*, первый изъ этихъ носовыхъ звуковъ причисляется къ *зубной*, второй же къ *зубной* группѣ.

Звуки *ц ч*.

14. По теоріи, *ц* и *ч* — сложные звуки, состоящіе: *ц* изъ *тс*, *ч* изъ *тш*. Въ подтвержденіе такого взгляда приводятъ, что при продолженномъ въ одинъ пріемъ произнесеніи этихъ звуковъ, только въ самомъ началѣ слышатся полные *ц* и *ч*, но затѣмъ они тотчасъ же превращаются, первый въ *с* (*тссс...*), второй въ *ш* (*тшшш...*). При всей справедливости этого довода, наблюденіе убѣждаетъ однакожъ, что и *ц* и *ч* производятся каждый одною артикуляціей языка, который для перваго прижимается къ нижнимъ зубамъ, а для втораго только приближается къ нимъ; звуки, слышимые при продленіи *ц* и *ч*, хотя и сходны съ *с* и *ш*, но отличаются отъ нихъ особымъ оттѣнкомъ. Чтобы удостовѣриться, что въ русскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, *ч* не сложный, а простой звукъ, стбитъ только сравнить произношеніе нашего *кучеръ* съ нѣмецкимъ *Kutscher*.

Сложный
звукъ *щ*.

15. Буквою *щ* изображается *сложный* звукъ *шч*; первоначальное значеніе этой буквы видно изъ древнихъ церк.-слав. памятниковъ, въ которыхъ ея начертаніе было сперва *шт*, а позднѣе получило сокращенную форму *щ*, въ которой поперечною чертою раздѣлялись двѣ составныя части звука.

Собственно говоря, древнее произношеніе звука *ш* еще точнѣе выражалось бы начертаніемъ *шт*, такъ какъ это сочетаніе всегда кончалось мягкимъ звукомъ.

Ж ш ч щ принято называть *шипящими* (Zischlaute), а звуки *Шшипящіе.*
з с ц иногда называютъ *свистящими* (Sibilanten). Эти термины, основанные на внѣшнихъ акустическихъ признакахъ, не научны, но они удобны для практики и потому остаются въ употребленіи.

Твердость и мягкость согласныхъ —з, —ъ.

16. Почти всѣ русскіе согласные могутъ произноситься двояко, т. е. твердо или мягко, смотря по тому, образуются ли они въ направленіи къ твердой гласной *о у*, или къ мягкой *э і*. Отъ твердости или мягкости слѣдующей гласной зависитъ то или другое произношеніе предшествующей согласной. И въ концѣ слога, за русскою согласной слышится всегда приступъ къ твердой или къ мягкой гласной: въ первомъ случаѣ этотъ отгѣнокъ произношенія въ окончаніи слова означается буквою *з*, напр. *данз*, *плотз*, во второмъ — буквою *ъ*: *данъ*, *плотъ*. Твердые и мягкіе.

Въ древне-славянскомъ буквы *з* и *ъ* служили въ серединѣ словъ слогообразовательными согласными, которыя приближались: *з* къ нашему *о*, а *ъ* къ *е*, но произносились менѣе явственно, глухо, напр. въ словахъ: *сѣнь*, *дѣждь*, *крѣвь*, *плѣть*; *тѣсть*, *крѣсть*. Но въ концѣ словъ *з* и *ъ*, вѣроятно, очень рано уже означали только отгѣнокъ произношенія предыдущей согласной.

Артикуляція мягкихъ согласныхъ нѣсколько отличается отъ способа образованія твердыхъ, но мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на этой разницѣ.

17. Нѣкоторые согласные, именно небные: *ж ш*, всегда произносятся твердо, даже и передъ мягкими гласными, хотя въ силу исторической грамматики, иногда и принимаютъ на письмѣ *ъ* (*ложъ*, *ръжъ*, *говоришь*). Буквы же *г* и *х* никогда не допускаютъ при себѣ *еря*, хотя передъ мягкой гласной и произносятся мягко: *сапомъ*, *китъ*, *хилъ*. Напротивъ, звуки *ч щ* всегда слышатся мягко, даже и тогда, когда по грамматическимъ правиламъ за соотвѣтственными буквами слѣдуетъ *з*, напр. *мечз*, *свищз*, *тощз*.

Сочетаніе согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными.

Означеніе
мягкости
согласныхъ.

18. Если за согласнымъ слѣдуетъ твердый гласный *а о у ы*, то и согласный бываетъ твердымъ, напр. въ слогахъ: *ба ю ду* мы звуки *б ѣ д ж* твердые. Слѣдующая за согласною мягкая гласная буква *и* или облеченная гласная *е ё ѣ я ю* означаетъ мягкость согласнаго, напр. въ слогахъ: *би де дѣ лё ря тю* согласныя *б д л р т* суть мягкія; въ такомъ случаѣ облеченная гласная теряетъ свою йотацію, перестаетъ быть дифтонгомъ и передаетъ мягкость предшествующей согласной, сама же становится чистою, такъ что, собственно говоря, приведенные сейчасъ слоги должны бы имѣть такое начертаніе: *д'э, л'о, р'а, т'у*. То же самое видимъ мы напр. въ словахъ: *няня, дядя, лёдъ, блюдо*, которыя должны бы писаться: *н'ан'а, д'ад'а, л'одъ, бл'удо*, подобно тому, какъ въ сербской азбукѣ имѣются буквы *ь љ ħ ħ*, означающія *н' л' т' д'*, или какъ въ польскомъ письмѣ мягкость согласныхъ отмѣчается значкомъ надъ буквою (напр. *ń ś*).

Встрѣча
ера съ глас-
нымъ и.

19. Мы показали, что мягкая гласная, слѣдую за согласной, умягчаетъ эту послѣднюю; но въ сложныхъ словахъ твердая гласная, оканчивающая первое слово и отмѣченная *еромъ*, не умягчается передъ *и*, начинающимъ второе слово, а напротивъ эта мягкая гласная, въ соединеніи съ предшествующимъ *еромъ*, обращается въ *еры* (*ъ + и = ы*). Такимъ образомъ сложные слова *предъ-идуций*, *отъ-искать*, *розъ-игрышиъ* произносятся и пишутся: *предыдуций*, *отыскать*, *розыгрышиъ*.

Уподобленіе звуковъ.

20. Въ русскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ предыдущій звукъ подвергается вліянію послѣдующаго:

I. Въ отношеніи къ твердости и мягкости.

Твердость и
мягкость
звуковъ вну-
три слова.

а) Послѣдній звукъ слова дѣйствуетъ на произносимые передъ нимъ звуки: твердый дѣлаетъ и ихъ твердыми, мягкій — мягкими. Дѣйствіе это часто распространяется и на предыдущій слогъ. Такъ напр. въ словѣ *персть* по причинѣ твердаго звука *тз*, тверды также предшествующіе звуки *с* и *р* (произн. *перъсътъ*).

Напротивъ, въ словѣ *персть* отъ мягкаго *ть* становятся мягкими также *с* и *р* (произн. *перьсть*). Такимъ же образомъ послѣдній слогъ слова, смотря по твердости или мягкости своего гласнаго, дѣйствуетъ различно на предыдущіе звуки. Напр. въ словѣ *юдный* звукъ *д*, по причинѣ слога *ный* — твердый (произн. *годный*), а въ словѣ *прошлоудный* этотъ же звукъ, по причинѣ слога *ный* — мягкій (произн. *годный*). Ср. также *праздный* и *праздникъ*, *братство* и *братный*.

Только твердость и мягкость плавнаго *л* не подвергается вліянію послѣдующаго звука, какъ показываютъ напр. слова: исполнить, жалчь (гдѣ *л* остается твердымъ при мягкости слѣдующихъ за нимъ *н* и *ч*); бѣльмо, столжо, льгота (гдѣ мягкій *л* не измѣняется передъ твердыми *ж*, *к*, *ц*).

б) Съ объясненнымъ закономъ уподобленія связанъ двоякій отгѣнокъ произношенія звука *ε*¹ (*ε e ѣ*), смотря по тому слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ: въ первомъ случаѣ, при бѣльшемъ растворѣ рта, слышится широкій или открытый звукъ, подобный французскому *è* (*e ouvert*); во второмъ ротъ раскрывается менѣе, и образуется сжатый или спертый звукъ, похожій на франц. *é* (*e fermé*)². Приводимъ примѣры по каждой изъ трехъ буквъ: *э e ѣ*, означающихъ въ основѣ тотъ же звукъ.

Двоякое произношеніе звука *ε*.

	Широкій <i>ε</i> .		Сжатый <i>ε</i> .	
э:	1	2	3	4
	э —	та	э —	ти
	поэ —	ть	поэ —	зія
е:	брэ —	дъ	брé —	дять
	смé —	ртный	смé —	рть
	шé —	сть	шé —	сть
ѣ:	бѣ —	лъ	бѣ —	лъ
	вѣ —	тръ	вѣ —	теръ
	грѣ —	тъ	грѣ —	тъ

¹ Употребляемъ греческое *ε* для означенія вообще звука, изображаемаго въ нашемъ письмѣ троякимъ образомъ: *э e ѣ*.

² Въ отношеніи къ звуку *ε* термины *широкій* и *сжатый* кажутся намъ болѣе отгѣчающими особенному характеру его двоякаго произношенія, нежели названія *твердый* и *мягкій*.

Въ самыхъ названіяхъ буквъ *еръ* и *ерь* разница двоякаго произношенія слышится столько же рѣзко въ гласной, какъ и въ согласной. Кто сомнѣвается въ вѣрности этого наблюденія, пусть попробуетъ соединять въ одно слово звуки 1-го столбца со звуками 4-го, или звуки 3-го со звуками 2-го.

Измѣненіе
ε въ ѣ.

В) Широкое произношеніе ε передъ твердой согласной (первичное уподобленіе) влечетъ за собою еще другое явленіе (послѣдственное): находясь подъ вліяніемъ произносимаго за нимъ твердаго звука, широкій ε легко обращается въ звукъ *ю*, который однакожь на письмѣ не имѣетъ особаго начертанія, а изображается тою же буквою ε, иногда съ двоеточіемъ надъ нею, а послѣ шипящихъ буквою *о*: *ѣма*, *тѣрдыи*, *плѣтка*, *шоез*¹. Напротивъ, сжатый *ѣ*, соображающійся съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ, не подвергается такому измѣненію: *ель*, *плеть*, *тѣрдь*, *черѣ*. Образованный языкъ допускаетъ обращеніе ε въ ѣ только въ ударяемыхъ слогахъ. Въ народной же рѣчи этотъ звуковой переходъ является во многихъ слогахъ, частью неударяемыхъ, частью же и въ ударяемыхъ, но въ литературномъ языкѣ удерживающихъ неизмѣненное ε, напр. народъ говоритъ: *смѣртный*, *пѣрстъ*.

Причина легкости, съ какою широкій ε обращается въ ѣ — физиологическая: при произношеніи такого ε передъ твердымъ гласнымъ нѣбная артикуляція сталкивается съ противоположною ей губною, и естественно, что для удобства образованія послѣдующаго звука предыдущій къ нему приноворяется. Потребность въ согласованіи двухъ смежныхъ артикуляцій, или, другими словами, въ этомъ родѣ уподобленія звуковъ такъ сильна, что переходу звука ε въ ѣ подвергаются иногда и такіе слоги, въ которыхъ гласною служатъ буква *ъ*, обыкновенно не поддающаяся измѣненіямъ; именно въ словахъ: *шъзда*, *зъзды*, *съдла*, *подынта*, *смытка*, *обрълъ*, *цельъ*, *тъмвалъ*, *надъмвалъ*, *надъванъ*. При всемъ томъ обращеніе ε въ ѣ передъ твердымъ звукомъ — далеко не общее въ языкѣ явленіе.

Неизмѣняемость ε передъ твердымъ зв.

Вотъ главные случаи, когда ударяемое ε не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ:

1) Въ словахъ церковно-славянскаго, вообще книжнаго образованія или оттѣнка, напр. *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *клевретъ*, *хре-*

¹ Впрочемъ о послѣ шипящихъ можетъ быть употребляемо только въ извѣстныхъ случаяхъ, которые будутъ указаны ниже.

беть, клеветъ, судьбъ, чудесь, ветхий, словесный, древесный, собитный, миновенный, блаженный, священный, вселенная, современный, умерший, ведши, прошедший (причастіе этой формы народному языку не свойственно).

2) Къ той же категоріи относится большая часть словъ, гдѣ въ корнѣ вмѣсто древняго ѣ пишется *е*, особенно послѣ *л* или *р*: *векша, мелко, мрежа* (народ. мерѣжа), *вредъ, средство, воскресъ, запреть, треба, предъ, чрезъ, блескъ, членъ*. Но *е* послѣ *л* и *р* измѣняется въ *ѣ* въ словахъ и формахъ народнаго языка: *клѣнь, орѣтъ, прѣтъ, рѣбъ, скрѣбъ, блѣкну, встрѣпка*. (Ср. *леть* и *лѣтъ, реть* и *рѣтъ, деревъ* и *дерѣво*). Исключеніе представляютъ: *бреть, брсажу, брезать*.

3) Въ замкнутомъ слогѣ¹, передъ *р* или *л*, гдѣ *е* не есть собственно коренная гласная, а замѣнило древній *ь*, особенно если за согласными слѣдуетъ еще другая согласная и другой слогъ: *сердце, серна, меркнута, верба, дверца, дерзкій, мерзкій*. Но чаще слова этого разряда пронасятся по общему закону: *семѣрка, четвѣрка, всеѣлка, дѣрать*. Между прочимъ вставочное, бѣглое *е* въ такихъ случаяхъ обращается въ *ѣ*: *судѣлка, ведѣрка*.

4) Въ замкнутомъ слогѣ прилагательныхъ передъ окончаніями *скій* и *ный*: *земскій, женскій, деревенскій, вселенскій; скверный, подземный, туземный, полезный, любезный, безмездный, прилежный, тщетный, лестный, смежный, честный, ежедневный, хвалебный, судебный, служебный, учебный, волшебный*. Однако говорятъ: *тѣмный, чѣрный*.

Часто и передъ удвоеннымъ *н* въ прилагательныхъ *е* не измѣняется, что и составляетъ отличіе ихъ отъ страдательныхъ причастій: *обыкновенный, степенный, здоровенный, совершенный* (въ отличіе отъ прич. совершенный), *несравненный* (въ отлич. отъ прич. сравненный).

Впрочемъ это различіе не постоянно соблюдается, такъ какъ и въ значеніи прилагательныхъ причастія нередко измѣняютъ *е* на *ѣ*: *опредѣленный, простѣщенный*. Ср. также прилагательныя народнаго языка: *обидѣнный, забубѣнный*. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произноситъ такъ же: *смѣжный* (или *сумѣжный*).

5) Вообще очень часто послѣ шипящихъ *ж ш ч ц*: *жезлъ, шеть, щепка, исчезъ, черпать, ужѣ, пещера, вообще, вотще* (въ

¹ Т. е. въ слогѣ, кончающемся на согласную. Слогъ, оканчивающійся гласною, называется открытымъ.

нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ дѣйствуетъ и славянское ихъ происхожденіе) рядомъ съ именами: *желчь, счетъ, щетка, жолобъ, пожогъ, печора, трущоба*. (Ср. пунктъ 4).

6) Въ предлогѣ *без* и въ частицѣ *не*: *бездна, безтолочь, недругъ, ненависть, не былъ, не молодъ*.

7) Въ окончаніяхъ *ечь, ечкій, ечь, еча, ечний, ечка, ечко*: *конецъ, молодецкій, мечъ, речка, безпечный*¹, *овечка, колечко*; то же бываетъ иногда и въ окончаніи *ежъ* въ словахъ, не сдѣланныхъ народными: *мятежъ, надежъ* (грамм.); но *надѣжъ* (свота), *платѣжъ, грабѣжъ, молодѣжъ* (хотя ъ).

Относительно слоговъ, въ которыхъ *е* стоитъ передъ *ч*, слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что такъ какъ *ч* всегда мягкій звукъ, то передъ нимъ эта гласная, по общему закону, и не можетъ измѣняться въ *ѣ*: она въ такихъ слогахъ всегда произносится узко.

8) Въ словахъ иностраннаго происхожденія, когда на томъ языкѣ, откуда они заимствованы, произносится чистый звукъ *е*: *кавалеръ, офицеръ, скверъ, рельефъ, сюжетъ, пьеса, министерство, интересъ, крепъ, тарелка, газета, перомъ, лента, гербъ, мизерный, черкесь, шведъ, чехъ, сербъ, персъ*. Въ заимствованныхъ словахъ *ѣ* является только для передачи звука *ê* (франц. eu) или *o* (послѣ мягкаго *л*), *серьезный, актеръ, суфлеръ, акушеръ, флеръ* (Flot). Иногда по недоразумѣнію такъ же выговариваютъ: *партимеръ, доктринеръ* (вопреки дѣйствительному окончанію этихъ именъ: *partier, doctrinaire*).

Фѣдоръ произн. вм. *Феодоръ, Семѣнъ* вм. *Симеонъ, Матрѣна* вм. *Матрона*; но иногда и чистое *е* измѣняется такимъ образомъ въ именахъ, издревле усвоенныхъ народомъ, напр. *Пѣтръ, Фѣкла, Олѣна* (вм. Елена).

9) Наконецъ, составляя послѣднюю букву слова, ударяемое *е*, независимо отъ слѣдующаго за нимъ слога, обыкновенно произносится какъ *ѣ* (послѣ шипящихъ *о*): *житьѣ, конѣ, моѣ, всеѣ, синѣ, ещѣ, хорошо, горячо*.

Законъ, по которому передъ мягкими звуками гласный *е* подъ удареніемъ не измѣняется въ *ѣ*, допускаетъ также нѣсколько исключеній:

1) Въ надежныхъ окончаніяхъ или второобразныхъ формахъ такихъ словъ, у которыхъ въ прямой или первичной формѣ бу-

ѣ передъ
мягкимъ зву-
комъ.

¹ Такъ впрочемъ произносится *е* и въ существительныхъ: *бетка, печоръ*.

ква *е* стоитъ передъ твердымъ звукомъ и потому произносится какъ *ѣ*, напр.: *берѣзъ* (отъ берѣза), *Серѣжи* (отъ Серѣжа), *чёрнежій* (отъ чёрный), *денѣчекъ* (отъ денѣкъ), *намѣки*, *тетѣли*, *далѣкимъ* (отъ намѣкъ, тетѣха, далѣкъ). Иногда такіа второбразныя слова произносятся различно, напр. *кулечекъ* и *кулѣчекъ*, *мышечекъ* и *мышѣчекъ*, *сплетни* и *сплѣтны*, *переплетчикъ* и *переплѣтчикъ*.

2) Въ окончаніяхъ глаголовъ ударяемый гласный *е* передъ *те* измѣняется въ *ѣ*, такъ же какъ передъ *шь* (=шь), *тъ* и *мъ*: *остаѣшь*, *остаѣте*, *ревѣишь*, *ревѣете*, *бережѣишь*, *бережѣете*.

3) Въ уменьшительныхъ родственныхъ и собственныхъ именахъ: *тѣ-тя* (на подобіе *тѣт-ка*), *Лѣ-ля*. Но *Пе-тя*, *Се-ня* произносятся безъ намѣненія *е* въ *ѣ*.

4) Въ творительномъ надежѣ сущ. имени съ жен. окончаніемъ на *я* буква *е* передъ *ю* произносится какъ *ѣ*, напр. *зарѣ-ю*, *ступнѣ-ю*.

Г) Мы указали на законъ, по которому послѣдующій слогъ, въ отношеніи къ твердости или мягкости звуковъ, дѣйствуетъ на предыдущій. Но когда твердому губному или гортанному звуку предшествуетъ слогъ *ер*, то этотъ послѣдній произносится мягко со сжатымъ *ѣ*: слова *вер-хъ*, *цер-ковъ*, *четвер-гъ*, *ковер-катъ*, *пер-вый*, а иногда и *верба*, *стерга*, выговариваются: «вѣрхъ», «цѣръковъ», «чѣтвѣргъ» и т. д. Нѣкоторые Москвичи говорятъ также: «Сѣрпуховъ». Если вникнуть въ это явленіе, то и здѣсь причина отыщется конечно въ естественныхъ законахъ образованія звуковъ.

Слогъ *ер* внутри слова.

II. Уподобленіе голосовыхъ звуковъ безголоснымъ и наоборотъ.

а) Изъ двухъ смежныхъ согласныхъ первый уподобляется второму, т. е. голосовой передъ безголоснымъ становится также безголоснымъ, а безголосный передъ голосовымъ обращается въ голосовой. Это особенно часто бываетъ при соединеніи слова съ префиксомъ или суфиксомъ:

остать произн. *ѣстать*

обхватить — опхватить

иссохнуть — иссохнуть

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

отдать произн. *оддать*

сберечь — зберечь

сдѣлать — здѣлать

<i>невскій</i> произн. нефскій	<i>просьба</i> произн. прозьба
<i>салазки</i> — саласки	<i>также</i> — тагже
<i>будка</i> — бутка	<i>Афганы</i> — Авганы.

б) Свистящiе *з с* передъ шипящими *ж ш ч* произносятся какъ шипящiе:

<i>пожже</i> — пожже	<i>шпедшій</i> — шпедшій
<i>вожжи</i> — вожжи	<i>счастіе</i> — шчастіе (щастіе)
<i>пріѣжжій</i> — пріѣжжій	<i>извошчикъ</i> — извошчикъ (извощикъ).

в) Въ концѣ слова голосовой звукъ произносится какъ безголосный того же органа, каковъ бы ни былъ начальный звукъ послѣдующаго слова, напр.

<i>грибъ</i> — грипъ	<i>годъ</i> — готъ
<i>рофъ</i> — рофъ	<i>ношъ</i> — ношъ
<i>крукъ</i> — крукъ	<i>рѣшъ</i> — рѣшъ
<i>бохъ</i> ¹ — бохъ ¹	<i>гласъ</i> — гласъ.

Но конечный звукъ предлога, хотя и отдѣльнаго, уподобляется начальному звуку послѣдующаго слова, напр.

<i>объ</i> столъ — оп столъ	<i>отъ</i> доски — од доски
<i>надъ</i> тобой — нат тобой	<i>съ</i> другомъ — з другомъ
<i>изъ</i> печки — ис печки	<i>к</i> дому — г дому.

Конечный голосовой звукъ предлога не измѣняется передъ начальнымъ голосовымъ же: *надъ* нимъ, *подъ* рукою, *объ* васъ, *изъ* моря, *изъ* горы.

г) Такъ какъ конечный голосовой звукъ слова произносится безголосно, то и предшествующій конечному голосовой звукъ нѣсколько уподобляется ему, такъ напр. въ словахъ: *дождъ*, *подъ-нѣдъ*, *просьбъ*, *мозгъ* предпослѣдній согласный теряетъ часть своей мягкости.

¹ Разница звука г въ словахъ *крукъ* и *бохъ* обнаруживается и въ косвенныхъ падежахъ: первому соотвѣтствуетъ смычной *г*, а второму спирантъ *г'*: ср. выше стр. 8.

д) Въ именахъ, кончающихся на *ль* и *оль*, напр. *корабль*, *рубль*, *журавль*, *л* большею частью исчезаетъ въ живой рѣчи и звуки *б* *е* обращаются въ безголосные, такъ что эти имена слышатся какъ: «коралъ, рулъ, журавъ», при чемъ замѣчательно, что мягкій *л* не умягчаетъ предыдущаго согласнаго: ср. выше, стр. 13.

е) Законъ уподобленія звуковъ, изложенный здѣсь въ пунктѣ а) допускаетъ только одно исключеніе: безголосные звуки не обращаются въ голосовые передъ губнымъ *е*, передъ плавильши *р* *л* и носовыми *м* *н*: *свой*, *сводъ*, *отводъ*, *съ водой*, *изверху*, *теоритъ*, *сразу*, *слабыи*, *тратити*, *книа*, *спорозка* произносятся совершенно сходно съ своимъ звуковымъ составомъ.

Неуподобляемые согласные.

Описанное здѣсь уподобленіе другъ другу звуковъ голосовыхъ и безголосныхъ на письмѣ не означается, исключая одинъ случай, о которомъ будетъ сказано ниже (начертанія *оос*, *ис*, *рас*—).

Есть еще другой родъ измѣненія звуковъ, состоящій въ томъ, что напр. согласные: *ѣ* *д* *з* переходятъ въ *ж*; *к* *т* *ц* въ *ч* и т. д.; но на этихъ переходахъ звуковъ нѣтъ надобности здѣсь останавливаться, такъ какъ они всегда означаются и на письмѣ, слѣдовательно не представляютъ затрудненія для орфографіи.

Вторая степень умягченія согласныхъ.

21. Если, по разсмотрѣніи звуковъ русскаго языка, мы снова обратимся къ нашей азбукѣ и захотимъ рѣшить, въ какой мѣрѣ она удовлетворительна, то найдемъ, что по отношенію къ богатству русской фонетики она выполняетъ свои сложныя задачи сравнительно простыми средствами. Правда, въ ней нѣтъ буквъ для неопредѣленныхъ гласныхъ и недостаетъ начертанія для спиранта *г̃*, но, при преобладающемъ въ нашемъ письмѣ этимологическомъ характерѣ, мы и не ощущаемъ особенной надобности въ первыхъ, а спирантъ *г̃* былъ бы нуженъ собственно для весьма небольшого количества русскихъ словъ. Важнѣе затрудненіе изображать съ помощію нашей азбуки слова иностраннаго происхожденія, особенно собственныя имена. Въ этомъ отношеніи весьма чувствителенъ недостатокъ: 1) способа означать за-

Общій выводъ о русской азбукѣ.

падно-европейскій звукъ *h* (греч. spiritus asper), который мы принуждены передавать нашимъ смычнымъ *и*; 2) буквы для изображенія нѣмецкаго *ö*, французскаго *em*, *и*, особливо въ началѣ словъ, напр. для написанія именъ: Ohman, Eugène, Hugues, и для англійскаго неопредѣленнаго *и* (какъ въ словѣ *but*); 3) буквы для изображенія дигтонга *uo*, особенно послѣ французскаго *l mouillé* или гортаннаго *gn*, напр. въ словахъ: bataillon, bouillon, сомрапон. Способы передачи этихъ звуковъ будутъ объяснены въ своемъ мѣстѣ.

Другого рода трудность составляютъ существующія въ нашей азбукѣ двойныя буквы для трехъ звуковъ: *и* *і*; *е* *ѣ*; *ѳ* *ѵ*. И о нихъ рѣчь будетъ ниже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРАВОПИСАНІЕ.

Тройкія пра-
вила.

22. *Правописаніемъ (орфографіей)* называется общепринятый на практикѣ и узаконенный теоріею способъ начертанія словъ какъ отдѣльно, такъ и во взаимной ихъ связи. Поэтому къ правописанію относятся тройкія правила:

- 1) объ употребленіи той или другой буквы;
- 2) о соединеніи двухъ словъ въ одно и о переносѣ частей слова изъ строки въ строку;
- 3) объ употребленіи знаковъ препинанія и другихъ облегчающихъ правильное чтеніе знаковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ употребленіи той или другой буквы.

Двойное пра-
вописаніе.

23. Въ этомъ отношеніи правописаніе бываетъ: 1) *фонетическое* (звуковое), когда слова пишутся сходно съ произношеніемъ,

какъ напр. въ сербскомъ языкѣ, и 2) *этимологическое* или *историческое*, когда въ письмѣ съ одной стороны соблюдается производство словъ, а съ другой отражается древнее, уже измѣнившееся произношеніе, или вообще употребляются общепринятія издавна начертанія.

Большею частью письмо каждаго языка представляетъ смѣсь обохъ родовъ правописанія. Таково и наше письмо, въ которомъ однакожь преобладаетъ характеръ этимологическій. Господствующее начало его заключается въ томъ, чтобы, согласно съ непрерывно развивающеюся исторической жизнію языка, въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ.

Сообразно съ этимъ началомъ, наше письмо, подъ вліяніемъ успѣховъ филологіи, постепенно подвергается измѣненіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіи нашей орфографіи замѣтно и противоположное стремленіе сближать письмо съ произношеніемъ, что также вполне закононо, когда въ такомъ сближеніи нѣтъ прямого противорѣчія словопроизводству, или когда того требуетъ аналогія съ утвердившимися уже уступками выговору. Примиреніе обохъ началъ и устраненіе разногласій въ письмѣ составляетъ конечную цѣль разумной теоріи правописанія.

24. Прежде всего укажемъ на общее правило сочетаемости гласныхъ буквъ съ согласными. Сочетаемость буквъ.

Изъ твердыхъ гласныхъ *ы* не пишется послѣ гортанныхъ *к х* и послѣ шипящихъ *ж ш ч щ*; тѣ же другія согласныя допускаютъ послѣ себя только *и*, т. е. возможно только сочетанія, *ки хи жи ши чи щи*, а не *кы хы* и т. д.

Въ древнемъ языкѣ, напротивъ, для того чтобы гортанныя сохраняли свой звукъ, послѣ нихъ писалось *ы*, напр. *ыбьль*, *Кыевъ*, *хытръ*, потому что передъ *и* они не могли устоять и переходили въ другіе звуки.

Тѣ же самыя согласныя, а также и *и*, не терпятъ послѣ себя обличенныхъ гласныхъ *я ю*. Поэтому возможны только сочетанія: *я ка ха жа ша ча ща ю ку ху жу шу чу шу*, а не *яя кя...* *юю кю* и т. д., при чемъ однакоже должно замѣтить, что въ древ-

темъ языкѣ, вслѣдствіе мягкости шипящихъ и *ц*, очень часто мѣнясь начертанія: *жя шя чя шя ця жю шю* и проч.

Послѣ гортанныхъ : *ж ш* и послѣ *ц* никогда не пишется *ь*.

Главные правила употребленія буквъ сводятся къ слѣдующимъ вопросамъ:

- 1) Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки (напр. *а* или *о*, *з* или *с*)?
- 2) Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ (напр. *е* или *ѣ*)?
- 3) Въ какихъ случаяхъ удвоить одну и ту же согласную?
- 4) Какъ писать слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ?
- 5) Когда начинать слово съ большой буквы?

*

I. Какую употреблять букву изъ двухъ, означающихъ разные звуки?

1) Гласныя.

а или *о*, *я* или *е*?

а ударяемое. 25. *а* ударяемое всегда пишется тамъ гдѣ оно слышится, между прочимъ и въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*: устраивать, хаживать, допрашивать.

Обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполне установилось. Такъ напр. *озабѣчивать* въ литературномъ языкѣ вовсе не употребительно. Нѣкоторые глаголы произносятся двояко; одни говорятъ: «обработывать, успокаивать»; другіе не считаютъ позволительнымъ обращать тутъ *о* въ *а*. Въ сомнительныхъ случаяхъ см. Справочный указатель въ концѣ книги.

о ударяемое. 26. *о* ударяемое пишется не всегда тамъ, гдѣ оно слышится. Многіе до сихъ поръ еще пишутъ въ род. пад. прилагательныхъ на *ой*: «второго», «простого», вм. второго, простого. Но такъ какъ въ именит. падежѣ ед. ч. такихъ прилагательныхъ уже установилось начертаніе *второй, простой, сухой, нагой* вм. «второй,

простый, сухой, нагій», то нѣтъ причины избѣгать *о* и въ родит. пад. Эта орфографія имѣетъ еще и то преимущество, что она указываетъ на удареніе предпоследняго слога въ окончаніи *ою*.

Въ мѣстоименіяхъ *какою, такою* давно уже правильно пишется *ою* вм. *аю*, потому что они склоняются по образцу мѣстоименій *кою, тою*, и въ древнемъ языкѣ никогда не было начертаній: «какаго, такога». Но въ сущности прилагательныя, по своей формѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, совершенно съ ними сходны.

Въ наст. вр. глагола *платить* пишутъ: *платишь, платятъ* и т. д., равно и въ страд. причастіи: *заплаченъ, уплаченъ*, хотя въ произношеніи слышится *о*.

о пишется въ другомъ глаголѣ того же звукового состава: *плотить, плотишь, плотятъ*.

Звукъ *е* съ удареніемъ, слышимый послѣ согласнаго, также *е* ударяемое. не всегда пишется. Такъ въ прошедшемъ вр. глаголовъ *запрячь* и *трясти* пишутъ этимологически: *запръяч* и *трясч*, хотя произносятся «запрѣгъ, трѣсъ». Равнымъ образомъ и въ неопр. наклоненіи пишутъ *запрячь*, а произносятся «запречь». Родит. падежъ ед. ч. личнаго мѣстоим. *она* пишется *ея*, произносится *еѣ*.

27. *а* и *о*, *я* и *е* *неударяемые* въ произношеніи не отличаются другъ отъ друга, отчего на письмѣ часто и смѣшиваются. Чтобы въ употребленіи ихъ избѣгать ошибокъ, необходимо пріискивать такія формы словъ, въ которыхъ сомнительная гласная звучала бы явственно, т. е. подъ удареніемъ, или же принимать въ соображеніе законы словообразованія. Напр. когда мы слышимъ глаголъ *норовить, приноравливаться*, то для правильнаго начертанія его надо припомнить слова: *норовъ, сморѣвка*. Чтобы правильно написать слово *пароходъ* слѣдуетъ имѣть въ виду, что для соединенія двухъ сущ. именъ въ одно служитъ гласная *о* или *е* (иные невѣрно пишутъ «пароходъ»). Исключеніе составляютъ нѣкоторые глаголы въ многократной формѣ съ предложною представкой¹, въ которыхъ пишется *а*, потому что въ древнемъ языкѣ,

а о } неуда-
я е } ряемые.

¹ *Представка* — *präfix*; *наставка* — *suffix*. Слово же *приставка* соответствуетъ общему для обоихъ понятій термину: *affix*.

при образованіи многократнаго вида, коренное *о* подвергалоси подъему въ *а*; такимъ образомъ у насъ сохранились начертанія: *полагать* при корнѣ *лог* и формѣ *положить*, — *касаться* при корнѣ *кос* и формѣ *коснуться*, — *макать* при корнѣ *мок* и формѣ *мокнуть*. Двойко пишутся глаголы: *рождать*, *загорать* (возгораться), *помощать*, *поклоняться* и «раждать, загарать» и т. д. Сходно съ наиболѣе распространеннымъ обычаемъ и по аналогіи съ первообразными глаголами *родить*, *горть*, *лотать*, *клонить*, лучше писать въ нихъ *о*, оставляя *а* только тамъ, гдѣ оно твердо установилось, именно въ приведенныхъ трехъ глаголахъ. Отъ корня *рост* пошли отрасли двойкой формы, какъ-то: *ростъ* и *возрастъ*, *растение*, *недоросль*; — *отрасль*, *водоросль* и *водорасль*. Сообразно съ установившимися формами др. слав. ореографіи *возрастъ* и *растение*, предпочтительны начертанія: *расти*, *расту*, *растить*, *возрастать*, *возращать*. Но въ прошедшемъ времени и въ родственныхъ съ нимъ формахъ *о*: *росла*, *росло*, *выросъ*, *выросшій* (имѣя въ виду *росъ*).

Сомнительныя формы сущ. именъ.

28. Есть также нѣсколько существительныхъ и прилагательныхъ, представляющихъ то же затрудненіе въ выборѣ неударяемаго *а* или *о*, именно: *грамота*, *казакъ*, *калачъ*, *касатка*, *коровай*, *творозъ*, *тороватый*. Формы, въ которыхъ мы здѣсь привели эти слова, наиболѣе употребительны, хотя по производству и слѣдовало бы писать: «грамата, колачъ». (См. справочный указатель въ концѣ книги).

Иногда и въ окончаніяхъ именъ сущ. можетъ встрѣчаться сомнѣніе, писать ли *а* или *о*, именно въ суффиксѣ *ишка* или *ишко* именъ муж. рода. Первая форма (съ *а*) свойственна именамъ одушевленнымъ: *мальчишка*, *ворышка*, *плутишка*, вторая (съ *о*) неодушевленнымъ: *домышко*, *крестьяшко*. Первые имена и склоняются какъ женскія на *а*, подобно другимъ уменьшительнымъ мужескаго рода съ окончаніемъ *ка*, каковы напр. *батька*, *батьюшка* или собственныя имена: *Ванька*, *Ванюшка*.

Въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ говорахъ употребительны формы: *батьюшко*, род. *батьюшка*, твор. *батьюшкою* и т. д., но мы

здѣсь имѣемъ въ виду собственно московское нарѣчіе и основан-
ный на немъ письменный языкъ.

Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на
последнемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣдкѣ, сѣркѣ, во-
ронкѣ); прочія, какъ сивка и бурка, перемѣнили его на *ка*.

29. Сюда же относится вопросъ о склоненіи малороссійскихъ Малороссій-
скія фамиліи
на ко. фамильныхъ именъ на *ко*. Сообразно съ этимъ окончаніемъ, ихъ
слѣдуетъ склонять какъ имена средняго и муж. рода, т. е. гово-
рить и писать: у *Пащенка*, къ *Кованьку*, съ *Шевченкомъ*; но такъ
какъ, по господствующему великорусскому выговору, въ окон-
чаніи этихъ именъ неударяемое *о* слышится какъ такое же *а*,
то у насъ завелся обычай и склонять ихъ какъ имена женскія: у
Пащенки, къ *Кованькѣ*, съ *Шевченкой*. Такъ съ подобными име-
нами обращаются большею частью и на письмѣ, чему не мало при-
мѣровъ найдется у нашихъ писателей, начиная съ прошлаго стол-
лѣтія, какъ напр.: въ Запискахъ Державина: «послать графа *Без-
бородку*, перешло отъ *Безбородки*»; въ Запискахъ Энгельгардта:
«*Костюшкою*»; у кн. Вяземскаго въ сочиненіи «Фонъ-Визинъ»:
«съ княземъ Потемкинымъ и графомъ *Безбородкою*»; у С. Т. Акса-
кова въ «Семейной Хроникѣ»: «стихи *Родзянки*»¹. Однакожъ Ка-
рамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ и нѣк. др. пишутъ въ род.
пад.: Бунка (именит. Бунко), Дорошенка, Коновченка, и это скло-
неніе, какъ правильное, заслуживаетъ предпочтенія; другое же
можетъ быть допускаемо развѣ только въ просторѣчьи. Скло-
неніе муж. рода неудобно лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ
о лицахъ женскаго пола; въ примѣненіи къ этимъ последнимъ
фамильные имена на *ко* должны быть оставляемы безъ склоне-
нія, подобно многимъ другимъ собственнымъ именамъ, которыя,
по своимъ окончаніямъ, не подходятъ подъ флексіи русскихъ
именъ, какъ напр. Гѣте, Коцебу, Дюпанлу, Гюго. Нельзя того
же сказать о мужскихъ именахъ на *ко*, принадлежащихъ рус-

¹ Впрочемъ нѣкоторыя отрасли этой фамиліи, издавна поселившіяся въ
великорусскихъ губерніяхъ, пишутъ уже и въ имен. падежѣ *Родзянка*.

скому народу, а также о тѣхъ иностранныхъ именахъ муж. р., которыя оканчиваются на *з* и потому только при означеніи женскихъ лицъ должны оставаться безъ склоненія. Но писать напр. Александру «Германъ» вм. *Германа*, или Ивана «Вернеръ» вм. *Вернера*, нѣтъ никакого основанія. Иначе пришлось бы также не склонять именъ: Александръ, Константинъ, Яковъ и проч., а также: Гомеръ, Шекспиръ, Шиллеръ, потому что вѣдь и это все имена иноязычныя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, именамъ на *о* въ примѣненіи къ женскому полу слѣдуетъ давать окончаніе *ова* и говорить напр.: г-жа Крайченкова, но съ этимъ сопряжено то неудобство, что такія имена можно принимать за женскія формы великорусскихъ фамилій на *ова*.

Имена на *о*
или *ла*?

30. У насъ есть еще другой разрядъ собственныхъ именъ, въ окончаніи которыхъ на письмѣ является то *о*, то *а*. Это имена, первоначально оканчивающіяся на *аз*, но въ народномъ говорѣ превратившія окончаніе *з* въ новый гласный звукъ. Этотъ гласный есть собственно *о*, какъ замѣститель древняго *ера*, почему большею частію и пишутъ, въ сущности, правильно: *Гаврило*, *Данило*, *Кирило*, *Михайло*; но такъ какъ въ косвенныхъ падежахъ просторѣчіе даетъ такимъ именамъ окончанія женскаго склоненія: у *Гаврилы*, къ *Данилу*, съ *Кирилой*, то для единообразія лучше и въ именит. падежѣ писать *а*: *Гаврила*, *Данила*. Давать именамъ мужескаго рода женское окончаніе не противно духу языка. На этомъ-то основывается и показанная выше разница именъ на *шка* или *шко*, смотря по тому, означаютъ ли они лицо или вещь. Пушкинъ руководился вѣрнымъ чутьемъ, когда онъ писалъ: *Гаврила*, *Кирила*. (См. его повѣсти: *Метель*, *Дубровский* и др. соч.).

На томъ же основаніи и въ нарицательныхъ именахъ подобной формы, какъ *запѣвала*, *надопдала*, *курила*, *кутила*, надо теперь уже видѣть окончаніе женскаго, а не средняго рода, какъ показываютъ между прочимъ ихъ косвенные падежи; окончаніе же средняго рода *о* отличаетъ имена орудій: *мыло*, *рыло*, *су-*

шло, онахало, покрывало, нуало, чучело. Вмѣсто послѣдняго употребляется впрочемъ и форма *чучела* (видоизмѣненіе слова *кукла*).

31. Въ повелительномъ наклоненіи глагола, къ дательному падежу личнаго мѣстоименія и къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ мѣста въ просторѣчій присоединяется иногда частица *ка* или *ко* (также *тка, тко*), въ которой трудно установить этимологически правильность той или другой изъ обѣихъ гласныхъ, напр. *приди-ка, мнѣ-ко, гдѣ-ка, ну-тка, гляди-тко*. Частица *ко*.

Въ народномъ говорѣ эта частица слышится различно, смотря по произношенію мѣстнаго нарѣчія. У лучшихъ писателей, иногда у одного и того же, напр. у Крылова, мы встрѣчаемъ то *ка*, то *ко*; у Пушкина постоянно *ка*. Въ академическомъ словарѣ нѣтъ ни той, ни другой формы. У Даля въ азбучномъ порядкѣ словъ находимъ *ка*, но рядомъ и *ко*. Однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу первой формы можетъ служить то, что у Сербовъ въ томъ же значеніи является частица *ка*.

32. Форма *роз* или *рос* предлога *раз* должна быть употребляема исключительно тогда, когда ея требуетъ падающее на гласную удареніе: *розвалили, роздалъ, розняли, розобрало, розоветьне, розыскъ, розырышиз, розсытъ, розказни*. Этой случайной формы предлога не слѣдуетъ придавать ему, когда онъ въ соединеніи съ словами того же корня, какъ приведенныя, не носитъ ударенія. Какъ мы не пишемъ: «розсказывать», «рознимать», «розборъ», «роздавать» и т. д. соображаясь съ словами *розказни, розняли, розобрало, роздали*, такъ не слѣдуетъ писать и «розысканіе» и «рописка» вмѣсто *разысканіе, расписка*. Предлогъ *раз* или *роз*?

— *анз* или — *енз* (въ страдат. причастіяхъ)?

33. Сомнѣніе въ употребленіи одного изъ этихъ слоговъ встрѣчается особенно послѣ шипящихъ *ж ш ч щ*, оттого что въ неудаляемыхъ слогахъ *а* послѣ этихъ согласныхъ слышится почти какъ *е*, напр. въ словахъ *жалейка*¹ (дудка), *шатеръ, чапракъ, плащаница*. а или е послѣ шипящихъ.

¹ Въ Словарѣ Даля находимъ это слово въ двухъ формахъ, изъ которыхъ «жалейка» неправильна: оно происходитъ отъ *жалъ*.

Это фонетическое явление подаетъ часто поводъ къ ошибочному начертанію неударяемыхъ окончаній въ страдательныхъ причастіяхъ, пзъ которыхъ одни кончатся на *амъ*, другіе на *емъ*. Даже у Карамзина и у Пушкина попадаетъ невѣрное начертаніе: «смѣшенный», напр. «пѣть медъ, смѣшенный съ кровію». (И. Г. Р. IX, 167). Слѣдуетъ писать: *смѣшанный*, *услышанъ*, *умолчано*, *оконченъ*, *развѣшены*, а не наоборотъ: «смѣщенный, услышень, умолчено, окончанъ, развѣшаны».

Окончанія
страдатель-
ныхъ прича-
стіи.

Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо спра- вляться съ неопредѣленнымъ склоненіемъ и помнить, что формѣ *итъ* соответствуетъ въ этомъ причастіи окончаніе *амъ*, а формѣ *ить* — окончаніе *емъ*. Когда неопред. склоненіе кончается, смотря по виду, то на *итъ*, то на *ить* (*кончатъ*, *кончить*), тогда причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ* отлпчается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе — краткое прилагательное; въ женскомъ родѣ: 1, *слышана*; 2, *слышана*. *Развѣшенъ* должно писаться съ *е*, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*. Равнымъ образомъ *застрѣленъ* отъ *застрѣлить* и *разстрѣлянъ* отъ *разстрѣлять*, *размѣнянъ* отъ *размѣнять*.

— *ютъ* или — *ятъ?* — *утъ* или — *атъ?* (въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч.):

Глагольные
окончанія.

34. Смѣшеніе неударяемыхъ *я* съ *ю* и *а* съ *у* замѣчается всего чаще въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. ч. настоящ. времени.

Глагольные окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неясственному или неправильному произношенію.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго склоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ*; когда въ един. *ешь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и

другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. наклоненія. Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., «колеблять, хлопчатъ, держуть, клеютъ, строятъ, беспокоютъ, надѣются, сѣять, колятъ, морочуть, вытасуть», вм. *колеблютъ, хлопчутъ, сѣютъ, колютъ, надѣются; морочатъ, держатъ, клеятъ, строятъ, беспокоятъ*; столь же неправильны формы «вы скажите, вы пишите» вм. *скажете, пишете*, потому что въ един. числѣ: *колеблешь, хлопчешь, сѣешь, надѣешься; морочишь, клеишь, строишь, беспокоишь, скажешь, пишешь*¹.

Въ этомъ отношеніи всего чаще смѣшиваются два разряда глаголовъ, правда, весьма сходные по звукамъ въ настоящ. времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого въ неопредѣленномъ наклоненіи. Сюда особенно принадлежатъ тѣ глаголы, которые въ наст. врем. имѣютъ передъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву. Приведемъ примѣры изъ каждаго разряда. Слѣдуетъ писать:

Два разряда глаголовъ.

1) держишь — держатъ	2) вяжешь — вяжутъ
слышишь — слышатъ	пишешь — пишутъ
корчишь — корчатъ	топчешь — топчутъ
тащишь — тащатъ	клевецешь — клевецутъ.

У гл. 1-го столбца неопредѣл. наклоненіе кончится на *ать* съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на *ать* другую согласную, которая въ наст. времени измѣняется по общему закону: *вязать* (з на ж), *писать* (с на ш), *топтать* (т на ч), *клеветать* (т на щ, ц. слав.).

Такимъ же образомъ смѣшиваются и многіе другіе глаголы.

¹ Само собою разумѣется, что нельзя считать исключеніями тѣ глаголы, у которыхъ единств. и множеств. относятся къ разнымъ темамъ, напр. *хочешь* и *хотять*, *бѣжишь* и *бѣгутъ*.

не имѣющіе въ настоящ. вр. шпящей буквы передъ окончаніемъ.
 Должно писать :

1) клеишь — клѣятъ	2) сѣеши — сѣютъ
молиши — молятъ	мелѣши — мелютъ
строиши — строятъ	роеши — роютъ
селиши — селятъ	стелѣши — стелятъ
любиши — любятъ	колеблѣши — колеблютъ
ломиши — ломаютъ	дремлѣши — дремятъ.

Здѣсь неопредѣл. наклоненія всѣхъ глаголовъ 1-го столбца оканчиваются опять на *ишь*, а всѣ, отвѣчающіе 2-му, имѣютъ другія окончанія, именно: *сытъ, молотъ, рытъ, стлатъ, колебатъ, дрематъ*. Послѣднія три относятся къ тому же разряду, какъ и приведенные выше во 2-мъ столбцѣ глаголы, но они имѣютъ передъ окончаніемъ *ать* не шпящую, а другую, либо также неизмѣняющуюся (*б м*), либо неизмѣняющуюся букву (*л*).

Изъ сказаннаго видно, что на *ишь* — *ятъ* или *атъ* въ наст. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопр. наклоненія передъ *тъ* имѣютъ также *и* (иногда и *ь*, напр. *смотрѣтъ, видѣтъ, обидѣтъ*) или *а* съ предыдущею шпящею буквою (*жатъ, шатъ, чатъ, щатъ*).

Глаголъ *ды-*
шатъ.

Иногда ошибаются въ обѣихъ числахъ наст. врем.; такъ въ обычай вошло писать: *дышеши, дышутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышиши, дышатъ*, какъ *слышиши, слышатъ; значиши, значатъ*. Форма *дышеши* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашеши* — *пахать, пышеши* — *пыхать*). Нѣтъ причины допускать въ спряженіе постороннюю форму, когда у глагола есть своя, почти не отличающаяся отъ первой и въ фонетическомъ отношеніи: мы видимъ тутъ то же недоразумѣніе, какое замѣчается во многихъ другихъ случаяхъ отъ сходства произношенія неударяемыхъ гласныхъ *е* и *и*. У старинныхъ нашихъ писателей можно найти примѣры вѣрнаго пониманія рассматриваемой формы. Такъ даже Державинъ, вообще не строгій въ этомъ отношеніи, говоритъ

однажды, хотя и съ неупотребительнымъ удареніемъ, но съ правильнымъ окончаніемъ:

«Гдѣ вѣтерокъ едва дышѣтъ».

(Фелица, строфа 7, стихъ 4).

Поэтому и Востоковъ былъ правъ, помѣстивъ глаголь *дышатъ* въ разрядъ глаголовъ, имѣющихъ въ настоящемъ времени окончаніе *ишь, итъ* и т. д., отъ чего напрасно отступилъ академическій словарь.

35. Съ окончаніями изъявительнаго склоненія необходимо соображаться и въ причастіяхъ; поэтому неправильны причастныя формы: «значущій, покоющій, стоющій, строящій» вм. *значащій, покоящій, стоящій, строящій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*; но вводитъ неправильныя начертанія, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ разсчитываемомъ случаѣ должно писать *сто́ящій*.

Окончанія причастій на *щій*.

Отъ причастныхъ формъ, въ родѣ *сто́ящій, покоящій*, надо отличать прилагательныя, которыя иногда могутъ и не быть согласны съ первыми. Вопреки спряженію глагола русскія прилагательныя иногда оканчиваются на *ущій* и *щій* (чему соотвѣтствуетъ народная форма на *чій*, напр. *горючій, кипучій, летучій*, несмотря на причастія: *горящій, кипящій, летящій*). Такъ есть прилагательныя: *вѣрющій* (вѣрющее письмо), *свѣдущій*; на томъ же основаніи академическій словарь допускаетъ начертаніе *малозначущій* (рядомъ съ *малозначащій*) и *огнедышущій*. Последнее можетъ быть оправдано и глаголомъ *дыхать, дышешь*.

Прилагательныя на *щій*.

е или и?

36. Неударяемые *е* и *и* смѣшиваются во многихъ случаяхъ:

1) Въ глагольныхъ формахъ ошибочно пишутъ: «мы приѣдемъ, вы прикажете, вы напишите» вм. *приѣдемъ, прикажете, напишите*, что уже объяснено выше (см. выше, стр. 29).

Глагольн. окончанія *емъ, ишь*.

Уменьшит.
имена на
екъ, икъ.

2) Въ окончанияхъ уменьшительныхъ именъ неправильно пишутъ: «цвѣточикъ, кусочикъ, вѣночкь» вм. *цвѣточекъ, кусочекъ, вѣночекъ*. Это уменьшительныя второй степени, образованныя отъ формъ: *цвѣтокъ, кусокъ, вѣнокъ* посредствомъ прибавленія суффикса *екъ*, при чемъ конечное *к* перваго окончанія обращается въ *ч*.

Уменьшительный же слогъ *икъ* приставляется либо къ имени (большою частію односложному), не имѣющему другого суффикса, кромѣ *з* или *ь*, напр: *столникъ, домикъ, дождикъ, ножикъ, мячикъ, шалашикъ*, либо къ окончанію имени на *икъ*, при чемъ *и* также измѣняется въ *ч*, почти всегда съ выпаденіемъ предшествующей гласной: конецъ — *кончикъ*, купецъ — *купчикъ*, образецъ — *образчикъ*, кузнецъ — *кузничикъ*.

Для повѣрки правописанія такихъ именъ, стоить только образовать одинъ изъ косвенныхъ падежей ихъ: исчезновеніе гласной передъ *к* (напр. *цвѣточекъ* — *цвѣточка*) будетъ несомнѣннымъ признакомъ, что слово оканчивается на *екъ*, а не на *икъ*, такъ какъ звукъ *и* никогда не бываетъ бѣглымъ: *столникъ* — *столника*.

Уменьшит.
имена на-
енька.

3) Въ ласкательныхъ уменьшительныхъ именахъ съ женскимъ окончаніемъ слѣдуетъ писать *енька*, а не «инька», напр. *маменька, папенька, рученька, Оленька, Васенька*.

Въ *собственныхъ* именахъ этого окончанія необходимость е объясняется посредствующей формой на *л* (малый юсь), т. е. на тонкій носовой звукъ (= ен); такъ произошли имена молодыхъ животныхъ, напр. отъ ягнла — *язенокъ*. Наши дѣтскія имена *Ваня, Коля, Надя, Вася* (въ народѣ иногда *Васеня*) и т. п. оканчиваются на такое же *я*. Въ именахъ на *ша* (*Маша, Паша*, въ народѣ *Пашеня*) это *я* превратилось въ *а* по причинѣ предшествующей шипящей; на второй же степени уменьшенія и у этихъ именъ является также окончаніе *енька*: *Машенька, Пашенька*. Только *Лизанька* составляетъ исключеніе.

Уменьш.
прилагатель-
ныхъ.

4) Тому же типу слѣдуютъ и уменьшительныя прилагательныя: *худенькій, толстенькій; хорошенькій*. Присутствіе въ нихъ

е яснѣ всего оказывается при переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткую форму или въ нарѣчіе съ переменною ударенія: *худенекъ, толстенекъ; хорошенко*. Когда это окончаніе слѣдуетъ послѣ гортанной буквы корня, то е обращается въ о, что особенно ясно оказывается въ нарѣчіяхъ при удареніи на предпоследнемъ слогѣ: *тихонько, плохонько, леонько*; слѣдовательно надо писать и прилагательныя: *плохонькій, леонькій, мяконькій*, хотя произносимъ мы обыкновенно по аналогіи: «тихенькій, лёгенькій, мякенькій».

5) Отъ вещественнаго имени *солома* единичное будетъ *соломина*, какъ *градина, горошина, крупина* отъ *градъ, горохъ, крупа*; а отъ *соломина* образуется *соломинка*, какъ отъ *крупина* — *крутинка*; слѣдов. неправильно писать «соломенка».

Окончанія:
ина, инка.

6) Когда имя среднего рода, кончащееся на *е*, является въ уменьшительной формѣ съ суффиксомъ *це*, то предшествующій послѣднему неударяемый звукъ *е* измѣняется въ *и*: *имѣнице, варенице*; ударяемое же *ѣ* только теряетъ акцентъ: отъ *копьѣ* образуется уменьш. *копьецѣ*. Появленіе *и* въ первомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что суффиксъ *це* имѣлъ первоначально форму *ице*, какъ видно изъ словъ съ этимъ окончаніемъ въ древне-слав. языкѣ.

Суффиксъ *це*.

7) Образуемая отъ собственныхъ именъ прилагательныя на *инскій* и на *енскій* должны быть различаемы въ правописаніи.

Окончанія
прилаг.
инскій, енскій.

Почти всѣ имена женскаго рода на *а* и *я* даютъ отъ себя только окончаніе *инскій*: *Анна* — *Анна-инскій*, *Екатерина* — *Екатерина-инскій*, *Елисавета* — *Елисавета-инскій*, *Марія* — *Марія-инскій*.

Очевидно, что это двусложное окончаніе *ин-скій* есть только распространеніе односложнаго женск. притяжательнаго суффикса *инъ*: *Анна-инъ, Екатерина-инъ* и проч., точно такъ же какъ *овскій, евскій* не что иное, какъ распространеніе мужскаго притяжательнаго окончанія *овъ* или *евъ*: *Петръ-овскій, Алексѣй-евскій*.

То же самое видимъ мы часто и въ относит. прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ или урочищъ: какъ при муж.

окончаніи такого имени вставляется для удобства выговора *ов*, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій*; такъ для облегченія выговора при женскомъ окончаніи вставляется *инѣ*: отъ собств. именъ: *Шемаха*, *Буульма*, *Бухтарма*, *Жиздра*, *Ломжа*, *Ялта*, *Сайма*, *Висла* должны быть образованы прилагательныя: *шемаха-инскій*, *буульма-инскій*, *бухтарма-инскій*, *жиздр-инскій*, *ломж-инскій*, *ялт-инскій*, *сайм-инскій*; *привисла-инскій*. Соотвѣтственную форму представляютъ существит.: *Семипалат-инскъ*, *Рыб-инскъ*.

Вмѣсто правильной формы *привислинскій*, въ печати, какъ и въ административномъ языкѣ, употребляется большею частію форма: «привислянскій», въ оправданіе которой можно привести развѣ только немногія другія имена, отступающія отъ господствующей нормы, какъ-то: *Моршанскъ*, *Мокшанскъ*, *Цыплянскъ*, *Таращанскій* (уѣздъ), отъ именъ рѣкъ: *Морша*, *Мокша*, *Цыпля* и города *Тараща*.

Форма *енскій* дается, напротивъ, нѣкоторымъ названіямъ женскаго рода, оканчивающимся на двѣ согласныя (напр. *Керчь* — *керченскій*), или и на-тѣ же гласныя *а*, *я*, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ образовательному окончанію, такъ что онѣ при составленіи прилагательнаго могутъ быть раздѣлены буквою *е*; всего чаще окончаніе *енскій* и происходитъ такимъ образомъ, напр. отъ *Коломна*, *Борзна*, *Ковно*, *Ромны*, *Ливны* образуются прилагательныя: *коломенскій*, *борзенскій*, *ковенскій*, *роменскій*, *ливенскій*. Отъ общаго правила отступаютъ однакоже слѣдующія прилагательныя: *пензенскій* (отъ *Пенза*), *чесменскій* (отъ *Чесма*), *пртсенскій* (отъ *Пртснѣя*). Прилагательное отъ *Гродно* должно бы слѣдовать второму способу, наравнѣ съ образованнымъ отъ *Ковно*, но присоединилось къ случаямъ перваго типа: *гродненскій*.

Въ теченіи.

8) Многіе пишутъ неправильно: «въ теченіи, въ продолженіи» вмѣсто: *въ теченіе*, *въ продолженіе*, въ противность наиболѣе распространенному въ языкѣ обычаю означать протяженіе времени винительнымъ падежемъ съ предлогомъ *въ*. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить выраженіе: *въ время* (не

«во времени»). Говорятъ также: *въ жизнь* не видѣлъ, *въ мою бо-
льшую, въ твою бытность, въ старину, въ эти дни, въ цѣлое
утро, въ былые годы, въ отечественную войну*. Правильность ви-
нительнаго падежа въ помянутомъ случаѣ обнаруживается так-
же, когда къ имени присоединимъ опредѣлительное слово: *во все
продолженіе, во все царствованіе*.

9) Существительное *свояченица* (отъ своячина) неправильно пишется многими: «свояченица». Частные слу-
чай начертанія и.

10) При начертаніи словъ: *старшинство, большинство, меньшинство*, слѣдуетъ помнить ихъ производство отъ именъ: *старшина*, и неупотребительныхъ: «большина, меньшина».

11) Вопреки общему правилу, соблюдаемому напр. въ формѣ *спокоенъ* отъ *спокойный*, краткое прилагательное отъ *достойный* пишется *достоемъ* для отличія отъ причастія: *удостоенъ*.

12) Правильная форма двойственнаго числа въ числительномъ «двѣстѣ» уступила мѣсто фонетической *двѣсти*. То же видимъ во множ. числѣ мѣстоименія *этотъ*: во всѣхъ трехъ родахъ принято писать: *эти, этихъ* и т. д. вмѣсто: «этѣ, этѣхъ».

13) О двойкомъ окончаніи предложнаго падежа на *и* или на *ъ* при склоненіи именъ, оканчивающихся на *ій* (Василій), на *ія* (Наталія), на *ье* (счастье, здоровье), будетъ сказано въ статьѣ объ употребленіи буквы *ъ*.

14) Обыкновенно пишутъ «ничто иное», напр. «это было ничто иное». При нарѣчій *ничто* предложеніе должно бы быть отрицательное: «это не было ничто иное». Уже одно это показываетъ, что «ничто» тутъ не на мѣстѣ. Еслибъ прилаг. *иное* было поставлено впереди, то мы сказали бы: «это было не иное что». Отсюда ясно, что слѣдуетъ писать: *не что иное*.

15) Слово *экзаминаторъ* часто является у насъ въ видѣ «экзамеаторъ», что очевидно неправильно: оно не образовано у насъ отъ имени *экзаменъ*, а перешло къ намъ уже готовое и должно сохранить свою латинскую форму.

— *ие, ыя*, — *іе, ія*, въ прилагательныхъ.

Множ. число
прилагатель-
ныхъ.

37. Правило отличать въ этихъ окончаніяхъ мужескій родъ буквою *е* отъ женскаго и средняго, которымъ въ удѣлгъ представлено *я*, это — правило совершенно произвольное, не имѣющее никакого этимологическаго основанія; тѣмъ не менѣе оно соблюдается строго, и нарушеніе его считается признакомъ незнанія грамматики. Здѣсь надо обратить вниманіе на одно неправильное употребленіе окончанія муж. рода. При словѣ *лица*, когда подразумѣвается мужской полъ, многіе ставятъ прилагательное или мѣстим. въ мужескомъ родѣ и пишутъ напр. *лица, которые*; но они забываютъ, что тутъ дѣло идетъ только о грамматическомъ родѣ, и что если мы говоримъ: *то* лицо, лицо которое, то нѣтъ основанія и во множ. числѣ отступать отъ общаго закона согласованія.

Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что неударяемое окончаніе прилагательныхъ муж. рода един. ч. *кій, скій*, напр. *легкій, земскій*, совершенно несогласное съ произношеніемъ, установилось вмѣсто употреблявшагося прежде «*кой, ской*», ради послѣдовательности, въ соотвѣтствіе общепринятому начертанію прилагательныхъ же муж. рода на *ій* безъ ударенія.

и или я въ глаголахъ:

отчаиваться, раскаиваться и т. п.?

Глаголы на
аять, яять.

38. Въ простыхъ глаголахъ *каяться, таять, чаять, смѣяться, спясть* корень составляютъ только слоги *ка та ча смъ стъ*, какъ видно изъ формъ наст. времени, *ка-еишь, та-еишь, стъ-еишь* и т. д.; слѣдовательно и въ неопр. наклоненіи многократнаго вида звукъ *я* долженъ выпадать и замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ива* въ другихъ глаголахъ. Итакъ правильны только начертанія: *раскаиваться, оттаивать, отчаиваться, осмѣивать*,¹. Такъ точно отъ глаголовъ

¹ Въ *Филол. Запискахъ* 1881 г. (вып. III) г. Дубровскій противъ этого замѣчаетъ, что и форма *ива* образовалась неправильно изъ *ава*, что напр. *дѣлывать* произошло изъ «дѣлавать». Если бъ и было такъ, то когда уже форма

боятся и *стоять* образованы формы: *баиваться* и *стаивать*; напротивъ, у гл. *сіять*, въ которомъ я принадлежитъ къ корню, этотъ звукъ не исчезаетъ въ другихъ формахъ, и въ многократномъ видѣ говорятъ: *осіявать*. Впрочемъ глаголы *таять* и *чаять* допускаютъ также церк.-сл. формы *истаявать*, *отчаяваться*, которыя, слѣдуя произношенію, иногда являются и съ е вмѣсто я. Отъ глаголовъ *стыть* и (за)*тъять* образуются еще многократныя формы: (по-, раз)*сть-ва-ть* и (за)*тъ-ва-ть*.

— *овать* или *ывать*?

39. На *овать* оканчиваются глаголы двухъ разрядовъ: 1) конечные, какъ *стыловать*, или образованные отъ именъ существительныхъ (*слѣдовать*) или прилагательныхъ (*радовать*) и 2) взятые изъ другихъ языковъ (*командовать*).

Глаголы на
— *овать*

Окончаніе *ывать* принадлежитъ многократному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ этого окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго, или, при предложномъ глаголѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣловать* можно вывести *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильны ли часто встрѣчающіяся въ нашей печати формы: *обнародывать*, *изслѣдывать*, *обжалывать*, вм. *обнародовать* и т. д.

Собственно говоря, въ этихъ глаголахъ правильно только окончаніе съ гласною *о*; но такъ какъ они при ней имѣютъ значеніе вида совершеннаго, то формы съ *ы* можно допустить

мы утвердилась въ языкѣ, нѣтъ причины допускать исключеніе для глаголовъ, оканчивающихся на *ять* съ предыдущею гласной. Но дѣло въ томъ, что и означенное указаніе на первоначальную форму многократнаго наклоненія глаголовъ на *ать* сомнительно: ибо какъ въ такомъ случаѣ объяснить формы: *сидывать* (отъ видѣть), *смаковать* (отъ смотрѣть), *калѣвать* (отъ колоть), въ которыхъ, по аналогіи, передъ *вать* должна была бы также удержаться первоначальная гласная *ы*, о и т. д.

развѣ только какъ сокращенныя формы несовершеннаго, потому что полныя «обнародовывать» и т. д. по трудности произношенія неупотребительны. При такой уступкѣ можно позволять себѣ и употребленіе сомнительныхъ формъ: *обнародываю, изслѣдываю* въ настоящемъ времени, подобно глаголу *образовывать*, который благодаря своему ударенію возможенъ безъ сокращенія.

Совсѣмъ другое представляетъ глаголѣ *советовать*, образованный отъ существительнаго *советъ*. Форма «советывать» невозможна, такъ какъ съ этимъ глаголомъ не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *советую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги: *по, при, отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церк.-славянскому, или русскому языку (*проповѣдовати, испытывати, связывати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю, испытую, обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*.

Отсюда происходятъ и возможность употреблять причастія такихъ глаголовъ въ формѣ: *завѣдующій, проповѣдующій* вм. *завѣдывающій* и проч.

е или о послѣ шипящихъ ж ш ч ц въ ударяемыхъ слогахъ:

жо шо чо цо?

Ударяемая
гласная по-
слѣ шипя-
щихъ.

40. Вопросъ: можно ли послѣ шипящихъ буквѣ писать *о* составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій нашей орфографіи и подаетъ поводъ къ наибольшему въ ней разногласію. Причина этому та, что въ др.-славянскомъ послѣ названныхъ согласныхъ, которыя сами составляютъ умягченіе другихъ, могли слѣдовать только мягкія или облеченныя гласныя, т. е. *и ѣ ѣ ю*; по-

нятно, что такъ какъ *я* и *ю* послѣ шипящихъ произносились почти какъ *а* и *у*, то эти двѣ послѣднія гласныя еще въ древности стали и на этомъ мѣстѣ допускаться, т. е. вмѣсто *ножа*, *ножи* или напр. *жютез*, рано стали писать *ножа*, *ножу*, *жутелз*; но такъ какъ въ ц.-сл. *е* никогда не обращался въ *ѣ*, то ни этотъ звукъ, ни сходный съ нимъ *о* не могъ появляться послѣ шипящихъ. Не могли также появляться тутъ *з* и *ы* по той объясненной уже причинѣ, что шипящія звуки сами по себѣ представляли мягкость. Въ русскомъ языкѣ, напротивъ, легкость измѣненія *е* въ *ѣ* естественно породила склонность вмѣсто *жѣ шѣ чѣ щѣ* писать *жо шо чо що*, и уже въ памятникахъ XII-го или по крайней мѣрѣ XIII-го вѣка мы находимъ: *жонз*, *шолз*, *крышонз* и т. п. Послѣ введенія у насъ гражданской печати такія начертанія, естественно, встрѣчаются чаще и чаще; они попадаютъ даже и у Ломоносова. Въ наше время нѣкоторыя стали послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ всегда писать *о* вмѣсто *е*; однакожь это правописание неохотно принимается. Установилось оно въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ словъ: *сѣтѣ*, *хорошо*, *горячо*, *плечѣ*; въ дифтонгѣ *ой*: *чужой*, *большой*; *душой*, *сѣтѣ*; въ окончаніи *окз*: *сверчокз*, *кружокз*, *кружокз*; въ открытыхъ слогахъ, даже и въ началѣ и въ серединѣ словъ: *шо-потз*, *шо-рогз*, *обжо-ра*, *чо-порный*, *тру-що-ба*. Напротивъ, въ замкнутыхъ слогахъ, какъ коренныхъ, такъ и флексивныхъ, неупотребительно писать въ такихъ случаяхъ *о*; пишутъ: *жесткій*, *шелз*, *счетз*, *четки*, *щетка*, *взчез*, *мечез*, *палашез*, *бережез*, *течетз*, а не «жосткій, шолкъ» и пр.

Особенно неудобно писать *о* въ такихъ формахъ, гдѣ *е* принадлежитъ къ этимологическому составу окончанія, именно въ личныхъ глагольныхъ формахъ: *ешь*, *етз*, *емз*, *ете* (течешь, течетз, какъ *берешь*, *етз*); въ причастной формѣ прошедшаго времени: *шелз*, какъ *велз*, *брезз*; а также въ страд. причастіи того же времени: *нареченз*, *пристыженз*, *рѣшенз*, *премыщенз*.

Иногда впрочемъ въ причастіяхъ этого рода ставится *о* (рѣже *ѣ*) изъ желанія яснѣе обозначить различный выговоръ двухъ

сходныхъ словъ, напр. *совершенный* и *совершенный*, *жены* и *жены*, *черты* и *чорты*, *шесть* и *самышость*, *душенька* и *душонка*. Обыкновенно пишутъ также *шовъ*, а не «шевъ».

Нѣкоторые предлагали вмѣсто *о* употреблять и послѣ шипящихъ начертаніе *ѣ*, но тогда пришлось бы: во 1-хъ, и послѣ другихъ согласныхъ всякій разъ отмѣчать измѣненное *е* двоетоціемъ, что неудобно; во 2-хъ, передѣлать многія общепринятые уже начертанія и начать писать: «плечѣ, хорошѣ, большѣй, чужѣй, дружбѣкъ», на что конечно не многіе были бы согласны.

Предпочтительное употребленіе послѣ шипящихъ *е* объясняется, кромѣ естественной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе тутъ *о* находится въ противорѣчіи: во 1-хъ, съ общимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во 2-хъ, съ начертаніемъ *е* вмѣсто *ѣ* послѣ другихъ согласныхъ (напр. *идеть*, *ледъ*, *полеть*). Когда въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то и послѣ шипящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій *е* въ *ѣ* или *о*. Желательно, напротивъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ *о* не вошло во всеобщее употребленіе вм. *е*, соблюдало было и послѣ шипящихъ этимологическое правописаніе.

Особенность
звука *р*.

41. Послѣ звука *р* неударяемое $\frac{o}{a}$ также слышится иногда какъ *е*: это замѣчается въ словахъ *ребенокъ*¹ и *завтра*, *застрашнѣй*, которыя обыкновенно произносятся *ребенокъ*, *завтре*, *завтрешнѣй*. Въ первомъ даже и пишутъ *е* вм. *о*. Этимологія слова *завтра* (заутра) яснѣе, а потому соблюдается и на письмѣ. Встарину однакожъ писали у насъ и «завтре».

е или *р*, *ы* или *ы* послѣ *ц*:

це или *цо*? *ци* или *цы*?

Гласныя по-
слѣ *ц*.

42. Звукъ *ц* гораздо болѣе шипящихъ способенъ соединяться съ твердыми гласными: это объясняется первоначальнымъ соста-

¹ Отъ *робить* (дѣлать), какъ дѣтя или дѣтя отъ *дѣлать*.

вомъ его изъ *т* и *с*; ибо *с* не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ неохотно смягчается, такъ что вмѣсто *съ*, *ся*, иногда и *сю*, многіе произносятся *сэ*, *са*, *су*, напр. «держи*сь*, я приму*сь*, дѣлат*са*, взя*лса*, суда» (вм. *сюда*). Поэтому неудивительно, что послѣ *ц* безъ затрудненія произносится и пишется даже *ы*, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причины чуждаться *о*, которое и ставится послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е*, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо*, *кольцо**мъ*, *куцо**мъ*.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ *е*, напр. *зеркальце*, *перце**мъ*, *иностранице**мъ*, *улицею*. Только въ словѣ *танцовать* ставится *о*, на томъ конечно основаніи, что наст. время изъяс. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не «танцюю». Собственно говоря, въ неударяемыхъ слогахъ *це*, *це**мъ*, *це**мъ*, *цею*, также слышится не *е*, а средній звукъ между *а* и *о*, и потому тутъ равнымъ образомъ можно бы писать *о*, что нѣкоторые и дѣлаютъ, употребляя *е* только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ: *лицевой*, *лице**мъ**ръ*, *отце**носцевъ*. Такъ какъ одинакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи *о* и *е* послѣ *ц* имѣетъ свою полезную сторону, именно служить указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

Въ окончаніяхъ фамильныхъ именъ нынче также принято писать *цевъ*, когда на этотъ слогъ не падаетъ удареніе, напр. *Ростовцевъ*, *Иноземцевъ*. Въ историческихъ именахъ приличнѣе однакожь сохранять ту форму, какую нѣкогда употребляли сами носившіе ихъ, напр. графъ *Румянцовъ* Задунайскій.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, послѣ *ц* слѣдуетъ *и*, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, удерживающими у насъ свой первоначальный видъ, и тѣми, которыя издавна передѣланы на русскій ладъ или взяты съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.:

- 1) *Цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ, цимкорій.*
- 2) *Цыбикъ, цыганъ, цынга, цырюльничекъ, цыфирь.*

Сходно съ именемъ *цыфирь* слѣдуетъ писать и *цыфра*, несмотря на весьма распространенный, но ни на чемъ не основанный обычай, требующій начертанія «цифра».

2) СОГЛАСНЫЯ.

ѣ или к? ѣ или х?

Употребленіе
гортанныхъ.

48. По производству и сообразно съ нарѣчіемъ *куда* и т. п., слѣдовало бы писать «кдѣ» (или, держась др.-слав. орфографіи, «кде»), но уже издавна принято писать по произношенію *идѣ*.

Равнымъ образомъ, вмѣсто «мяккій», «мякчить» (отъ корня *мяк*, который слышится въ словахъ *мякоть, мякшиз*) пишутъ: *мяккій, мякчить*.

Напротивъ, пишутъ согласно съ производствомъ: *ляккій* (кор. *ля*), *облячатъ, кто, когти, ногти, дѣтя*, хотя во всѣхъ этихъ словахъ слышится *х*.

Обращеніе *к* и *ѣ* передъ *к* и передъ *т* въ *х* основывается на естественномъ стремленіи органовъ рѣчи къ облегченію артикуляцій; поэтому же вмѣсто: *къ кому* произносятъ «хкому», в. м. *кто* — «хто», в. м. *ногти* — «нохте» и т. п.

Четвергъ пишется съ *ѣ* въ окончаніи по произношенію ко-свенныхъ падежей: *четверга, четвергу* и т. д., хотя первоначальная форма именительнаго — *четвертокъ* (др.-сл. «четвертъкъ»).

Слова: *рогъ* и *рокъ, порогъ* и *порокъ, лукъ* и *лукъ, тулъ* и *тукъ*, произносятся одинаково, но пишутся различно по указанію ко-свенныхъ падежей, въ которыхъ обнажается корень этихъ словъ. Такое же звуковое сходство между глагольными формами: *могъ* (наст. *могу*) и *мокъ* (отъ *мокнуть*).

Слѣдуетъ писать *поперекъ*, а не «поперегъ» по причинѣ корня *прек* (др.-сл. *прѣкъ*), явнаго въ словахъ: *вопреки, прекословить*.

Объ употребленіи *ѣ* вмѣсто западно-европейскаго *h* см. ниже въ отдѣлѣ о правописаніи заимствованныхъ словъ.

з или с?

44. По производству и сообразно съ нарѣчіемъ *сюда* и т. п., слѣдовало бы писать *сдѣсь* (или, держась церк.-слав. орфографіи, «сдесѣ»), но утвердилось звуковое начертаніе *здѣсь*, такъ же какъ: *вездѣ, носдри, мядра* (вм. «вездѣ, носдри, мядра»).

Частные случаи.

Сумасбродѣ, а не «сумазбродѣ» по общему этимологическому характеру нашего письма. Также не «съумасбродѣ»: см. ниже объ употребленіи буквы з.

Отверстіе, отверстѣй, потому что хотя эти слова образованы отъ глагола *отверзу*, но з передъ безголоснымъ суффиксомъ *т* перешло въ с, какъ въ неопр. накл. *отѣрѣсти*: древне-слав. существительн. — *отѣрѣстіе*.

45. Сюда же относится вопросъ о правописаніи слитно употребляемыхъ предлоговъ, кончащихся на з: *воз, из, низ, раз, без, чрез*.

Предлоги на з.

По общему требованію нашего правописанія предлоги, кончащіеся на другія голосовыя согласныя (*в б д*), когда служатъ представками, не измѣняютъ этихъ буквъ передъ безголосными; напр. пишутъ: *в-ставить, об-тянуть, под-писать*. Но относительно исчисленныхъ предлоговъ издревле допущено исключеніе, которое отчасти соблюдается и нынче: въ слитномъ употребленіи ихъ передъ безголосными *к х н т ф*, передъ шипящими *ч ш щ* и передъ *ц* пишутъ по произношенію: *вос, ис, нис, рас*; напр. *воскресенье, ис-ходѣ, нис-пускать, рас-травлять, рас-франтиться, ис-чезать, вос-шестьіе, рас-щепать, ис-царапать*. Только передъ *с* всегда удерживается з: *воз-станіе, из-сохнуть, раз-суждать*.

Но правило измѣнять въ названныхъ предлогахъ з на с не распространяется на предлоги *без* и *чрез*. Принято писать: *безкопечный, безпечность, безчисленный, чрезполосный*.

46. Затѣмъ есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ является сомнѣніе, писать ли *раз* или *рас*, потому что составъ слова понимается различно. Вотъ относящіеся сюда слова:

Соединеніе съ предл. *раз*.

Расчестѣ. Начертаніе «разчестѣ» неправильно, какъ показываетъ соединеніе того же глагола *честѣ* съ другими пред-

логами: *вы-честь, за-честь, пере-честь, при-честь*. Нигдѣ не прибавляется предлогъ *съ*; слѣдовательно онъ излишенъ и послѣ *раз*. Въ этомъ убѣждаютъ также глагольные формы: *разо-чи, разо-чу*.

Расчетъ. И здѣсь вставка *с* послѣ предлога *раз*, хотя и очень обычная, оказывается излишнею, какъ видно изъ сложенія того же существительнаго съ другими предлогами: *вы-четъ, за-четъ, на-четъ, от-четъ, пере-четъ*.

Расчитывать, расчитываютъ. Чтобы глаголь *читать* могъ означать дѣйствіе счисленія, нужно сначала помощью предлога *съ* образовать гл. *считать*, къ которому, для развитія дальнѣйшихъ оттѣнковъ значенія, присоединяются уже и другіе предлоги: *на-считать, об-считать, от-считать, пере-считать, на-считывать, об-считывать* и т. д. Только съ предлогомъ *вы* глаголь *читать* въ томъ же значеніи соединяется безъ помощи *съ*: *вычитать*. Но *высчитывать*. Слѣдовательно и *расчитывать, расчитать*.

Рассказать, рассказъ, рассказы. Глаголь *казать*, для выраженія понятія говорить, долженъ соединиться съ предлогомъ *съ* и обратиться въ *сказать*; а затѣмъ къ этому предлогу присоединяются другіе для приданія слову разныхъ оттѣнковъ значенія: *вы-сказать, до-сказать, на-сказать, пере-сказать, под-сказать*.

Разспросить, расспрашивать, расспросы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ *с* послѣ предлога *раз* не нужно, такъ какъ глаголь *просить* при предлогахъ *во* и *до* самъ по себѣ имѣетъ уже значеніе «спрашивать»: *вопросить, допросить*; но эти два слова — давняго происхожденія, тогда какъ глаголь *расспрашивать*, подобно глаголямъ *выспрашивать, переспрашивать* — болѣе поздняго образованія; эти сочетанія относятся къ тому времени, когда слово *просить* уже получило болѣе тѣсное значеніе *prier, bitten*, а для значенія *demandeur, interroger, fragen*, образовался сложный гл. *спросить, спрашивать*.

Объ употребленіи на письмѣ формы *роз* вмѣсто *раз* см. выше подъ вопросомъ: *а* или *о*? (стр. 27).

47. Въ прилагательныхъ: *дерзкій*, *отскій*, и т. п., должно Прилагатель-
ныя на кій. избѣгать вставки излишняго *с* послѣ кореннаго слога (*дерз*, *вѣс*); суффиксомъ ихъ служить слогъ *кій*, а не *скій*, какъ показываютъ краткія формы: *дерзокъ*, *вѣсокъ*; отъ прилагательныхъ же на *скій* вовсе не могутъ быть образуемы подобныя формы.

д или т?

48. Пишутъ съ одной стороны *женитба* по производству, съ другой *свадьба* по произношенію. Послѣдняя форма однакожь узаконена тѣмъ, что отъ нея пошли уже и производныя слова: *свадебка*, *свадебный*.

Частные
случаи.

Напротивъ, пишутъ *будочникъ* (отъ *будка*), хотя въ живой рѣчи слышится *т* вм. *д*.

Прежде писали «подчивать», полагая, что слово это составлено изъ предлога *подъ* и прилаг. *чивый*, но единственно правильное начертаніе его есть *потчевать*, такъ какъ этотъ глаголъ образовался, посредствомъ перемѣщенія звуковъ *т* и *ч*, отъ *по-чевать* (польское и южно-русск. *по-чта* зн. чествованіе, угощеніе). Въ настоящ. времени онъ спрягается: *потчую*, *потчуетъ* и т. д. (Въ областныхъ говорахъ слышатся мѣстами формы: *поштовать*, *попоштіу*).

Въ составѣ слова *затхлый* мы видимъ первоначальную форму прилаг. *дохлый*, къ объясненію которой можетъ служить др.-слав. *затхмъти*. Начертаніе «затхлый» предполагало бы неосновательное производство отъ *тухлый*, слова, понятіе котораго не входитъ въ прилаг. *затхлый*.

Въ словахъ: *поздно*, *праздникъ*, *окрестность*, *постный*, *лѣстница*, *стлать* (постилать) звуки *д* и *т* въ произношеніи не слышатся, но на письмѣ не должны быть опускаемы. Употребляемая иногда въ живой рѣчи форма «поздо» на письмѣ не допускается.

Основываясь на уменьшительномъ *мъсенка*, можно бы думать, что въ словѣ *мъстница* буква *т* излишня, но это послѣднее слово не что иное, какъ нѣсколько измененное церковно-слав. *мъстница*; *мъсенка* же образовалось вслѣдствіе произношенія слова *мъстница*, въ которомъ *т* не слышится. Въ существительномъ *славецъ* происхожденіе отъ глагола *стлатъ* забыто и писать «славецъ» не принято.

Въ словѣ *склянка* послѣ *с* было бы нужно *т* по этимологiи (отъ стъкло = стекло), но обычаемъ оно устранено для избѣжанія излишняго стеченія согласныхъ. Буква *т* исключена также изъ слова: *если* (вмѣсто *естъли*).

Имя звѣрька: *ласочка* (ласица, *mustela nivalis*) и названіе птицы: *ласточка* (*hirundo*) въ сущности конечно одно и то же (отъ *ластка*); но, для избѣжанія смѣшенія ихъ, пишутся различно.

Нѣкоторые совершенно ошибочно вставляютъ *т* послѣ *с* въ словахъ: *искусный*, *наперсникъ* (отъ *перси* — грудь), *ровесникъ*, *всечасно*. Между тѣмъ, по особенному свойству народной фонетики, звукъ *т* иногда вставляется между *с* и *р*; вопреки словопроизводству, онъ и на письмѣ утвердился въ словахъ: *встрѣтитъ*, *встрѣча* (при срѣтаю) и *строій* (вм. *срoгій*; др.-слав. *сразъ*, поль. *zrogі*).

ж или ш? ч или ш?

Употребленіе
шипящихъ.

49. На второй степени умягченія звуковъ согласный *з* переходитъ въ *ж*, которое должно оставаться и на письмѣ, хотя передъ безголоснымъ звукомъ произносится какъ *ш*; слѣд. надо писать: *дужка* (отъ дуга), *ляжка* (отъ ляга = лядвѣя) и т. п.

к и *ц* переходятъ въ *ч*, которое передъ суффиксомъ, начинающимся съ *н*, часто произносится, какъ *ш*¹, но на письмѣ не изменяется. Пишутъ: *скушно*, *нарочно*, *башмачникъ*, *табачный*, *молочный* и т. п., хотя произносить: «скушно, нарочно» и проч.

¹ Причина этого произношенія та, что въ артикуляціи звуковъ переходъ къ *н* отъ *ч* труднѣе чѣмъ отъ *ш*; въ послѣднемъ случаѣ языкъ не изменяетъ своего положенія.

Такимъ же образомъ должно писать: *пряничный, прачечная, пустячный, юрничная* и т. д.

Въ женскихъ отчествахъ: *Ильинична, Кузьминична, Лукинична, Фоминична* также не слѣдуетъ писать *и* вмѣсто *ч*: они образованы, хотя и со вставкою слога *и*, отъ мужского окончанія *ичъ* (такъ же какъ имена: *Петровна, Андреевна* и т. п. отъ муж. окончанія *ов*). Равнымъ образомъ *Никитична*.

и или *тс*?

50. Сочетаніе *т* въ окончаніи коренного имени съ буквою *с* Разложеніе звука ч. суффикса (какъ напр. въ словахъ *святскій, Гжатскъ*) не обра- щается въ *и*. Попытка Тредьяковскаго писать «свѣцкій, швецкій» не нашла послѣдователей. Исключеніе составляетъ обще- принятая, но не заслуживающая одобренія, орфографія именъ двухъ городовъ: *Полоцкъ* и *Шацкъ*, названныхъ такъ по рѣкамъ Полотъ и Шати. (Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова они пишутся правильно: *Полотскъ* и *Шатскъ*).

щ или *сч, зч, жч*?

51. Когда *с* или *з* составляютъ послѣднюю букву корня, а Разложеніе звука ч. суффиксъ начинается съ *ч*, то сочетанія *сч* или *зч* на письмѣ не замѣняются буквою *щ*; поэтому пишутъ *рѣз-че, привяз-чивый, занос-чивый, пис-чий*. (Такъ же пишется и *песчаный*, хотя *к* въ имени *песокъ* принадлежитъ къ корню).

То же бываетъ, когда *с* или *з* въ началѣ слова составляютъ представку или ея окончаніе, а коренное слово начинается съ *ч*: *с-четъ, с-частіе, ис-чадіе* (встарину писали: «щеть, щастіе»).

52. Но какъ поступать, когда суффиксами служатъ оконча- нія *щикъ* и *щина*, а коренное слово оканчивается на *с*, *з* или *ж*? Суффиксы шикъ, щина.

Извозчикъ, переписчикъ, мужчина или: «извозчикъ, перепищикъ, мущина»?

Оба окончанія: *щикъ* и *щина* происходятъ отъ прилагат. суффикса *скій*: *ямской* — *ямщикъ, женскій* — *женщина* (часто

прилагательное на *скій* неупотребительно и только предполагается).

Измѣненіе
щ въ *ч*.

Но послѣ *д* и *т* суффиксы *щикъ* и *щина* измѣняются въ *чикъ* и *чина*: переплет-*чикъ*, перевод-*чикъ*, объѣзд-*чикъ*, склад-*чина*, солдат-*чина*.

Подобное же бываетъ когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква *к*, которая при этомъ обращается въ *т*: такъ отъ *потакать*, *кабакъ*, *ясакъ* образовались производныя имена: *потатчикъ*, *кабатчикъ*, *ясатчикъ*.

На этомъ же основаніи нѣкогда писали «порутчикъ», но уже давно буква *т* изъ этого слова изгнана, и всѣ пишутъ: *поручикъ*.

Когда суффиксамъ *щикъ* и *щина* предшествуютъ коренныя звуки *з*, *с* или *ж*, то *щ* также обращается въ *ч*. Поэтому должно писать: *извозчикъ*, *приказчикъ*, *нагрузчикъ*, *вязчикъ*, *переложчикъ*, *разносчикъ*, *переписчикъ*, *мужчина*. Тѣ, которые пишутъ: «изво-щикъ, прика-щикъ, разно-щикъ, перепи-щикъ» предполагаютъ, что передъ суффиксомъ выпадаетъ *з* или *с*, но примѣръ такихъ словъ, какъ *перевод-чикъ*, *солдат-чина* заставляетъ предпочитать принятое нами толкованіе.

Уменьшительное *образчикъ* тѣмъ болѣе должно имѣть это начертаніе, что тутъ о суффиксѣ *щикъ* не можетъ быть рѣчи: это слово произведено отъ *образецъ*, съ обычнымъ измѣненіемъ *щ* въ *ч*, какъ напр. отъ *молодецъ* — *молодчикъ*. См. выше, стр. 32.

Слова *помтщикъ* и *сыщикъ* не могутъ быть написаны иначе, потому что въ нихъ сочетанія коренныхъ звуковъ *ст* и *ск* сами по себѣ переходятъ въ *щ*, и затѣмъ шипящій звукъ окончанія *чикъ* оказывается излишнимъ.

Говоря о буквѣ *щ*, нельзя не коснуться слова *вящій* (зн. собственно ббльшій, польск. *więtszy* и *większy*), въ которомъ можно бы опускать букву *щ*, если бъ она не имѣла существеннаго значенія примѣты сравнит. степени, подобно какъ въ прилагат. *лучшій*. Польской формѣ отвѣчаетъ др.-слав. *вѣщ* (*вѣч*)-шій.

—з или —ь?

Такъ какъ з и ь пишутся только послѣ согласныхъ, то здѣсь мѣсто разсмотрѣть употребленіе этихъ двухъ буквъ: 1, въ концѣ словъ, и 2, внутри ихъ.

1. Въ концѣ словъ.

53. Вообще говоря, самый звукъ конечной согласной указываетъ, которая изъ двухъ буквъ: з или ь должна за нею слѣдовать; только шипяція произносятся одинаково, будутъ ли онѣ отмѣчены *еромз* или *еремз*, напр. въ словахъ: *ложз* и *ложь*, *камышз* и *мышь*, *ключз* и *ключь*, *лещз* и *вещь* (*ж* и *ш* всегда слышатся твердо, *ч* и *щ* всегда мягко).

ерз и *ерь*
послѣ шипящихъ.

Поэтому въ употребленіи *ера* и *еря* послѣ шипящей въ концѣ словъ руководствуются особенными правилами.

На з оканчиваются:

1) Имена существительныя и прилагательныя муж. рода въ именит. падежѣ ед. ч., напр. *ножз*, *юлышз*, *ключз*, *плючз*; *приюжз*, *хорошз*, *юрячз*, *точз*, *блестящз*, и мѣстоименія *нашз*, *вашз*.

2) Имена существ. женскаго и средняго р. въ род. п. множ. ч., напр. *кожз*, *крышз*, *тысячз*, *ручичз*; *плечз*, *сокровищз*.

3) Сокращенные союзы *жз*, *ужз* пишутся такъ по требованію слуха вм. *же*, *уже* (хотя по общему правилу вмѣсто обличенной или, что все равно, умягченной гласной слѣдовало бы писать ь); также предлогъ *межз* (вм. между), напр. что *жз*, когда *жз*, *межз* тѣмъ.

На ь оканчиваются:

1) Имена женскаго р. въ именит. падежѣ ед. ч., напр. *платьиь*, *ложь*, *дичь*, *вещь*.

2) Глаголы въ неопред. накл. на чь: *вечь*, *стричь*, *толочь*.

3) Глаголы во 2-мъ лицѣ ед. ч. повелит. накл. и настоящаго или простаго будущаго времени изъявит. накл., напр. *тѣжъ*, *утѣшиь*, *кличь*; *юворишиь*, *несешиь*, *бросишиь*, *скажешь*.

Въ повел. накл. глагола *ѣсть* пишутъ «ѣшь», но производство отъ корня *ѣд* (*ѣдятъ*) требовало бы начертанія *ѣжь* (ц.-сл. *лждь*). Второе лицо ед. ч. повелит. накл. всегда оканчивается на *ь*, кромѣ формы *лязь*, отъ гл. *лечь*.

4) Нарѣчія: *лишь*, *настежь*, *сплошь*, *наотмашь*, *прочь*, *вновь*, *точь въ точь*, *вскользь*, *навзничь*, *настежь* и др.

Послѣ дру-
гихъ соглас-
ныхъ.

54. Иногда употребленіе *з* или *ь* въ концѣ слова и послѣ другихъ согласныхъ (не шипящихъ) бываетъ сомнительно вслѣдствіе самаго произношенія звуковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что на *з* оканчиваются:

1) Числительныя имена количественныя, означающія десятки послѣ 40-ка: *пятьдесятъ* — *восемьдесятъ*. (Форма *десятъ* есть древній родит. падежъ множеств. числа отъ *десять*).

2) Сокращенныя числительныя имена порядковыя при мѣстоименіи *самъ*: *самъ-пять*, *самъ-десять* (а никакъ не «самъ-пять», *самъ-десять*), какъ многіе говорятъ, ибо полная форма: *самъ пятый*, *самъ десятый*, *самъ-шостъ* (т. е. шѣсть), *самъ-сѣмъ*.

3) Нарѣчія: *близъ* (отъ др.-слав. *близоу*) и *покампъстъ* (вм. «по кая мѣста»), а на *ь*: *наизусть* (отъ неупотребительнаго гл. «изустить» съ предлог. *на*).

Вопреки общему правилу, что твердое или мягкое окончаніе сущ. имени проходить чрезъ всѣ падежи его, существительныя имена женскаго рода, оканчивающіяся въ именит. падежѣ ед. ч. на *ня* съ предыдущею согласною, или полугласною *й*, оканчиваются въ родительномъ множественнаго на *нъ* (когда удареніе въ этой формѣ падаетъ на предыдущій слогъ), напр.: *обѣдня*, *обѣденъ*; *таможня*, *таможенъ*; *колокольня*, *колоколенъ*; *соловарня*, *соловаренъ*; *басня*, *басенъ*; *пѣсня*, *пѣсенъ*; *сотня*, *сотенъ*; *конюшня*, *конюшенъ*; *бойня*, *боевъ*. Въ словѣ *кухня* предпочтительно окончаніе на *ь*: *кухонь*.

Въ народномъ языкѣ отъ существ. *день* и *сажень* (муж. р., какъ въ др.-сл. *сажана*), род. падежъ множ. числа имѣетъ формы: *дѣнъ*, *сѣженъ*.

2. Внутри словъ.

з.

55. Внутри словъ *з* пишется только послѣ представки (рус- з послѣ при-
ставокъ.ской или иноязычной) передъ облеченной гласной, начинающей слогъ, — чтобы показать, что она должна произноситься какъ двугласная: *раззединить, объёмъ, иззять, взѣздъ; адзютантъ, субъектъ, фельдзегеръ.*

56. Кромѣ того многіе пишутъ *з* послѣ представки и пе- и вмѣсто ѣ.редъ слогомъ, начинающимся гласною *и*, для показанія, что эта гласная должна произноситься широко; но такъ какъ для этого звука есть особая буква, которая именно и означаетъ сокращенно соединеніе *з* съ *и* (древнее ея начертаніе было *ѣ*), то нѣтъ причины въ этомъ случаѣ избѣгать ея, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ словахъ она уже и утвердилась окончательно. Такъ напр. всѣ уже пишутъ: *подымать, възискать, сыскной, розыгрышъ* (вм. «подъимать, възискать» и проч.). Сходно съ этимъ слѣдуетъ также писать: *предыдуцій, возымтъ, безызостный, безыменный* (ибо непонятно, почему напр. начертаніе — *ымать* позволительнѣе чѣмъ — *ымтъ* и др. т. п.), помня, что первая половина буквы *и* и означаетъ *з*, а вторая *и*.

Желая обойти мнимое затрудненіе, нѣкоторые стали писать: «безименный», но это не можетъ быть одобрено, такъ какъ оно не согласно съ выговоромъ. Только въ глаголѣ *взимать* гласный *и*, несмотря на предшествующій твердый звукъ предлога, остается, сходно съ др.-сл. формою, безъ измѣненія въ *и*. Это отразилось и въ формѣ *возиму* (вм. «возниму»).

57. Здѣсь кстаті сказать нѣсколько словъ объ употребленіи и или ѣ? *ѣ* въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. По требованію народной фонетики, въ нѣкоторыхъ словахъ, особенно послѣ *р*, слышится *ѣ* вмѣсто кореннаго *и*, напр. «скрыпѣтъ, скрышка, крышка, дыра» (вм. *дыра*, какъ показываетъ форма *дыратъ*, многокр. отъ *драть*); но на письмѣ обыкновенно соблюдается правильная форма этихъ словъ: *скрипѣтъ, скрипка, кринка, дыра*.

Напротивъ, существительное *латынъ* употребляется и на письмѣ рядомъ съ болѣе правильною формою прилагательнаго *латинскій*.

Собственное имя *Давидъ*, получивши въ народной рѣчи форму *Давыдъ*, сохраняетъ ее большею частью и на письмѣ. Форма эта перешла и въ фамильное прозваніе *Давыдовъ*.

Форма *псалтырь* также взяла верхъ надъ первоначальною *псалтирь*.

ъ не пишется
передъ твердыми
гласными.

58. Передъ твердыми гласными: *а о у* представка никогда не принимаетъ *ера*, напр. *от-объдать*, *пред-оставлять*, *раз-умъ*, *об-увъ*. Поэтому нѣтъ основанія писать: «сѣумѣть», «сѣузить», «сѣострить», какъ нынче большею частію пишутъ вм. *сумѣть* и т. д. Если это дѣлается для уясненія, что *с* не принадлежитъ къ корню слова, то слѣдовало бы такъ же писать, напр. «обѣухъ» (для отличія отъ глаг. формы *о-бухъ*), «предѣоставить» (чтобъ не предполагался составъ: «пре-доставить») и даже «сѣпагъ» (напр. — съ голоса, чтобъ отличить глаголъ *спасть* отъ *спать*) и т. п. Кромѣ того пришлось бы также писать: *сзумашедшій*, *сзума-сбродъ*, т. е. безъ надобности удлинять письмо тою самою буквой, употребленіе которой желательно вообще ограничить.

ѣ.

ѣ внутри
словъ.

59. Было показано, что къ отдѣленію представки отъ слога, начинающагося облеченною гласной, служитъ *з*; во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. въ корняхъ, въ суффиксахъ и во флексіяхъ употребляется *ъ*, какъ для отдѣленія согласной отъ гласныхъ *е (ѣ) и я ю*, такъ и между двумя согласными для означенія мягкаго звука первой.

ѣ передъ
гласною.

А. Передъ облеченною гласною буква *ъ* обыкновенно замѣняется *і*, напр.:

1) въ корняхъ словъ и въ словахъ иноязычныхъ: *нью*, *пьянъ*, *вьюга*; *дьякъ*, *нѣса*, *пѣдесталъ*, *ремѣдѣ*, *вьюкъ* (съ турецк.).

Однаго корня съ словомъ *вьюга* (отъ *вить*) имена: *вьюнъ*,

юморкѣ, ююшка. Слово *ююнецъ* произнесено такъ вмѣсто: *юнецъ*.

2) Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *судья, платье, ручки, страстию, пятію, Божію, третьему.*

Неоправедливо писать «подъячій», такъ какъ собственно составъ этого слова такой: «под-дьячій»¹, но первое *д* выпадаетъ и остается *подьячій*. Невѣрно также начертаніе «обезьяна» вм. *обезьяна*.

Б. Между двумя согласными буква *ь* пишется:

• между двумя согласными.

1) Въ корняхъ словъ для замѣны мягкой гласной: *льва, люта, лья, польза; возму.*

2) Въ суффиксахъ и флексіяхъ, либо съ тою же цѣлію, напр. *конька, вальки, восьмой, людьми* (вм. людьми), *строиться, держимся, поставъ, ютовся*; либо только для означенія мягкости звука, напр. *письмо, весьма, просьба, тоненькій.*

3) Въ ласкательныхъ уменьшительныхъ на *енка* буква *ь* необходима для отличія этого окончанія отъ суффикса *енка* (*ѣнка*), имѣющаго противоположное значеніе: *рученка, ножонка*. Только вмѣсто: «пѣсенка, басенка, башенка» и др. подобныхъ именъ (см. выше, стр. 50) принято писать: *пѣсенка, басенка, башенка* и проч.

Когда суффиксу *ка* предшествуетъ шипящая, то *ь* послѣ нея не ставится: *дочка, дочечка, ножка.*

4) При образованіи прилагательныхъ на *скій* отъ существительныхъ на *нь* и *рь*, эти окончанія теряютъ мягкость, напр. конь — *конскій*, царь — *царскій*, монастырь — *монастырскій*; равнымъ образомъ январь — *январскій*; но прилагательныя, образованныя отъ названій мѣсяцевъ: *июнь* и оканчивающихся на *брь*, удерживаютъ *ь*: *июньскій, сентябрьскій, октябрьскій* и т. д.

5) Въ означеніи десятковъ, начиная отъ *пятьдесятъ* до числительныхъ *восемьдесятъ* имена единицъ *пять, шесть* и т. д. сохраняютъ *ь*; но въ числительныхъ отъ *пятнадцати* до *девят-*

¹ Въ подтвержденіе этого можно имѣть въ виду др.-слав. *подъдьяконъ* или сокращенно: *поддьяконъ*.

надцати буква *ь* передъ второю частью этихъ именъ не пишется на томъ основаніи, что въ нихъ названія единицъ суть первоначально порядковыя: *пятъ*, *шестъ* и т. д., сокращенныя изъ полныхъ (въ ц.-сл. *пѣтъин-на-дѣсѣтъ* и т. д.).

Опущеніе
еря.

60. Вообще говоря, надобность *еря* между двумя согласными въ большинствѣ словъ опредѣляется произношеніемъ. Но есть два случая, въ которыхъ мягкость согласныхъ внутри слова на письмѣ не означается. На эти два случая, зависящія отъ закона уподобленія звуковъ, отчасти уже было указано выше въ отдѣлѣ фонетики (стр. 12, п. 20, и стр. 17, п. Г):

1) Когда согласный умягчается подъ вліяніемъ послѣдующаго мягкаго звука, то *ь* послѣ перваго не пишется; напр. слова: *персть*, *средній*, *сверстникъ*, *стѣдствіе*, по причинѣ мягкихъ въ концѣ звуковъ *т* и *в*, произносятся, безъ помощи *еря*, такъ, какъ если бъ написано было: «персьсть, сьредній, наъзьдыникъ, сьгѣдсьтьвіе»; по этой же причинѣ мягкость *н* передъ слогомъ начинающимся съ *ч* или *щ* (какъ мягкихъ по существу звуковъ) на письмѣ не означается *еремъ*: *нычѣ*, *внычикъ*, *бранчивый*, *тончайшій*, *утонченіе*, *деревенщина*, *каменчикъ*, *денчикъ*. Напротивъ, передъ *ш* (какъ твердымъ звукомъ) посовой *н* принимаетъ *ь*, когда того требуетъ выговоръ: *меньше*, *меньшой*, *раньше*, *тоньше*, а равно и въ производныхъ: *меньшинство*, *уменьшать*.

2) Когда слогъ *ер* стоитъ передъ гортаннымъ или губнымъ, хотя бы и твердымъ, звукомъ, то *р* умягчается, но эта мягкость также не означается *еремъ*: начертанія *церковь*, *Сергій*, *верхъ*, *первый* произносятся: «церьковь, Серьгій, верьхъ, перьвий».

II. Какую употребляютъ букву изъ двухъ гласныхъ, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ?

и или *і*?

61. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ буква *і* употреблялась только въ видѣ сокращенія *и*, особенно въ концѣ строкъ по недостатку мѣста. Впослѣдствіи, по примѣру южно-славянскаго правописанія памятниковъ XV вѣка, установилось правило, и теперь соблюдаемое, ставить *і* только передъ гласными буквами, какъ чистыми, такъ и облеченными, а также передъ полугласною *ѣ*, напр. *христіанинѣ*, *вліяніе*, *ловчѣи*. У употребле-
ніе буквы *і*.

Но, въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила, издавна принято писать съ буквою *і* слово *міръ*, когда оно значитъ то же, что *свѣтъ* (*mundus*), и производныя отъ него: *мірской*, *осемірныи*, *мірянинъ*. Для означенія же понятія, противоположнаго войнѣ, пишутъ: *миръ*, *мировой*, *миритъ*, *мироолитъ* и проч. Въ именахъ собственныхъ: *Владимиръ*, *Житомиръ*, *Казимиръ*, производство которыхъ составляетъ спорный вопросъ¹, слѣдуетъ, на основаніи общаго орфографическаго правила, и передъ послѣднею согласною писать *и*, а не десятеричное *і*.

Когда, при соединеніи двухъ словъ въ одно, первое оканчивается звукомъ *и*, а второе начинается гласною, то на письмѣ сохраняется буква *и*: *шестиаршинныи*, *пятиэтажныи*. Но въ предавкѣ *при* и въ словахъ иностраннаго происхожденія пишется въ такомъ случаѣ *і*: *приостановить*, *приучить*, *прійхать*; *патріархъ*, *архіерей*.

е или *ь*?

62. Въ нынѣшней азбукѣ буквы *е* и *ь* означаютъ одинъ и тотъ же звукъ: въ ихъ произношеніи нѣтъ ни малѣйшей раз- У употребле-
ніе буквы *ь*.

¹ Обыкновенно полагаютъ, что имя *Владимиръ* состоитъ изъ глагола *владѣть* и слова *міръ*; по мнѣнію же нѣкоторыхъ, второе слово этого имени однозначуще съ окончаніемъ *славъ* многихъ славянскихъ именъ и заимствовано отъ готскаго *shlagi* = знаменитый.

ницы, чему лучшимъ доказательствомъ служить частое смѣшеніе ихъ: слухъ не доставляетъ никакого указанія для выбора той или другой. Нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква ѣ представляла особенный оттѣнокъ произношенія звука е, но впоследствии точное значеніе ея утратилось, и въ каждомъ славянскомъ нарѣчій ея отвѣчаютъ различные звуки и начертанія. За достовѣрное можно только принять, что она нѣкогда изображала долгій гласный.

У насъ буква ѣ имѣетъ тройное употребленіе: 1) въ корняхъ словъ; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ, и 3) въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ и флексіяхъ.

1. ѣ въ корняхъ словъ.

Части слова,
въ которыхъ
пишется ѣ.

63. Прежде всего слѣдуетъ показать, въ какомъ мѣстѣ словъ ѣ и послѣ какихъ согласныхъ появляется ѣ:

1) Ею начинаются только два корня, именно: 1, корень словъ: *ѣда, ѣмъ (ѣсть)*, и 2, корень словъ: *ѣду, ѣдимъ*.

2) ѣ слѣдуетъ за начинающею корень одною согласной, чаще всего за е, напр. *ѣтра*, потомъ за с, напр. *ѣтъ* и т. д. Такіе корни могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, по мѣрѣ постепенно уменьшающагося числа *первообразныхъ* словъ, относящихся къ каждому корню:

ѣ: *ѣдатель (ѣсть), ѣжа, ѣжды, ѣко, ѣкъ, ѣна, ѣно, ѣра, ѣсь, ѣть (ѣроятно отъ ѣтъ, такъ же какъ и ѣн-окъ, -икъ), ѣтъ (за- на- от- при-, ѣщать), ѣха, ѣять (ѣть) . . . . . = 13 корней.*

ѣ: *ѣверъ, ѣд(ѣсть), ѣдой, ѣку, ѣно, ѣнь, ѣръ (ѣра), ѣтовать, ѣть, (по)ѣтить, ѣять (ѣмя) . . . . . = 11 »*

ѣ: *ѣдъ, ѣгъ, ѣна, ѣра, ѣсить, ѣсто, ѣсяць, ѣтить, (по)ѣха (ѣшать), ѣхъ, ѣш- кать . . . . . = 11 »*

<i>р</i> ъ:	рѣдкій, рѣдка ¹ , рѣзать, рѣзвый, рѣпа, рѣять (рѣка), рѣсница, (об)рѣту, рѣчь, рѣшить . . . =	10	корней.
<i>л</i> ъ:	лѣвый, лѣзу, лѣкъ (лѣкарь), лѣнь, лѣпить, лѣсъ, лѣто, лѣха . . . . . =	8	»
<i>ц</i> ъ:	цѣвка, цѣдить, цѣль (цѣловать), цѣль, цѣна, цѣпь, цѣпь . . . . . =	7	»
<i>т</i> ъ:	тѣло, тѣнь, тѣсный, тѣсто, (по)тѣха, (за)- тѣять. . . . . =	6	»
<i>п</i> ъ:	пѣгъ, пѣна, пѣствовать, пѣть, пѣх(-ота, пѣшій) =	5	»
<i>б</i> ъ:	бѣгать, бѣда (по-бѣда), бѣль, бѣсъ . . . . . =	4	»
<i>д</i> ъ:	дѣ(дѣ-лать, дѣ-ю, дѣ-ну, дѣ-ти, дѣтскій), дѣ- ва, дѣдъ, дѣлю. . . . . =	4	»
<i>н</i> ъ:	нѣга, нѣмъ, нѣ(нѣ-кто, нѣ-которые), нѣтъ . =	4	»
<i>з</i> ъ:	зѣвъ, зѣло, зѣница . . . . . =	3	»

86 корней.

3) ъ слѣдуетъ за начинающими корень двумя согласными, изъ которыхъ второю бываетъ *м*ас-ная, *н*осовая или *з*убная *е*, а' первую чаще всего гортанная (*г х к*), а затѣмъ зубныя (*с з*).

— <i>л</i> :	лѣдный, Глѣбъ, клѣть, плѣнь, плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣпъ, хлѣбъ, хлѣвъ. . . . . =	10	корней.
— <i>н</i> :	нѣвъ, нѣдъ, нѣтитъ (поднѣта) ² , нѣздо, Днѣпръ, Днѣстръ, снѣгъ, спѣхъ . . . . . =	8	»
— <i>р</i> :	рѣхъ, рѣпокъ, рѣсень, рѣнь . . . . . =	4	»
— <i>с</i> :	звѣрь, свѣжъ, свѣтъ, цвѣтъ . . . . . =	4	»
— <i>м</i> :	смѣхъ ³ . . . . . =	1	»

27 корней.

4) ъ слѣдуетъ за начинающими корень тремя согласными *стр*: стрѣла и стрѣха. . . . . = 2 корня.

¹ Въ древнемъ языкѣ писалось *реджа*.

² Кор. *нѣм* долженъ быть отличенъ отъ *нѣм*. См. Справочный указатель.

³ Въ словѣ *смѣхъ* (др.-сл. *змѣхъ*) букву *ъ* нельзя считать коренною, равно и въ словѣ *«хмѣль»*, которое лучше писать *хмелю*.

5) Во второмъ слогѣ коренная њ является только въ слѣдующихъ словахъ:

послѣ л: желѣзо, калѣка, колѣно, по-		
лѣно, телѣга ¹	=	5 корней.
послѣ р: орѣхъ, свирѣпый	=	2 »
послѣ с: невѣста	=	1 корень.
послѣ н: Онѣга	=	1 »
		<hr/>
		11 корней.

6) Третій слогъ образуется съ помощію њ только въ двухъ словахъ: *целостыкъ* и *печенныз*² . = 2 корня.

Всего 128 корней.

Изъ этого обзора видно, что нѣтъ такихъ корней, въ которыхъ буква њ стояла бы послѣ гортанцыхъ, а также послѣ шипящихъ. Не упоминаемъ объ *ѣ*, какъ не встрѣчающемся въ словахъ славянскаго корня.

Два случая
измѣненія
буквы њ въ е.

64. Почти съ самаго начала церковно-славянскаго письменности у Русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца XI вѣка, въ рукописяхъ встрѣчается смѣшеніе буквъ *е* и *њ*. Мало по малу первая вытѣснила послѣднюю изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ *р* и *л*, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *лѣ, рѣ* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере, оло*, какъ напр. въ словахъ: «брѣгъ, брѣза, врѣдъ, врѣмя, прѣдъ, срѣда, влѣку, млѣко». Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *березъ, береза, вередъ, время, передъ, середъ*. Вслѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ, дремать, преніе, претить, стрекать*, вм. «блѣскъ,

¹ Въ словѣ *лелѣмя* второго слога нельзя считать кореннымъ.

² Окончанія этихъ словъ принимаемъ какъ принадлежащія къ корню, по трудности опредѣлить ихъ настоящее значеніе.

дрѣмать» и т. д. Въ нынѣшнемъ языкѣ, въ большинствѣ подобныхъ словъ, пишутъ согласно съ требованіями производства: *ръкъ, хръкъ, хлѣбъ, клѣтъ, плѣтъ* (при полногл. формѣ *полонъ*), *плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣтъ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ др.-слав. языкѣ хотя коренная форма имѣетъ *e*, но которые по закону словообразованія удлинняютъ эту гласную въ *ь*, какъ напр. *нести* и *нѣтати*, *лѣтъми* и *лѣтати*, *лѣжати* и *лѣжати*, *метати* и *мѣтати*, *реку*, *реци*, *реченіе* и *ръжати*, *ръкъ*, *ръчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ *e*.

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ Русскіе вмѣсто др.-сл. *ь* употребляютъ *e*; таковы напр. слова: *вѣкша*, *клеи*, *колебать*, *меза*, *песокъ*, *семья*, *темя* и др., которыя въ ц.-сл. писались: «вѣкъша, клѣй, колѣбать» и т. д.

Наоборотъ, *ь* пишутъ теперь въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *ръдья*, *ръшето*, *ръшетка* и др.

Но есть и такія слова, въ которыхъ одни пишутъ *e*, другіе *ь*. Помѣщаемый въ концѣ настоящей книжки Справочный указатель имѣетъ цѣлю рѣшать представляющіяся въ частныхъ случаяхъ сомнѣнія.

2. ъ въ образовательныхъ окончаніяхъ.

65. Буква *ь* пишется въ окончаніяхъ нарѣчій: *вездь, онь, возь, идь, доколь, досель, дотоль, здьсь, индь, кромь, нынь, отколь, отсель, подь, разь* и въ произведенныхъ отъ этихъ нарѣчій именахъ прилагательныхъ: *оньшиній, здьшиній, кромьшиній, ныньшиній*.

Въ нарѣчійхъ.

Кромѣ того *ь* пишется въ нарѣчійхъ, составленныхъ изъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ въ предложномъ падежѣ: *одалекь, одвойнь, емьсть* (что впрочемъ относится собственно къ слѣдующему отдѣлу: о буквѣ *ь* во флексіяхъ).

66. Въ окончаніяхъ существительныхъ именъ иногда бы-
ваетъ сомнѣніе, писать ли *ель* или *ьель*, *ей* или *ьей*?

Въ именахъ
нѣ *ель* и *ьей*.

Изъ именъ перваго окончанія *ъ* пишется только въ словѣ *свиртъль*, да въ названіи мѣсяца: *апртъль*. *Колыбель*, *купель*, *шбель*, *обитель*, *добродѣтель* по церковно-славянски писались съ буквою *ъ*, но у насъ ее замѣнило *е*. Такъ же пишутся названія птицъ: *коростель* и *свиристель*. Всегда писалось и пишется *постель* и *постеля*, но уже на совершенно другомъ основаніи (отъ гл. *стлать*). О словѣ *змея* см. выше, стр. 57.

Изъ именъ на звукъ «ей» буква *ъ* является только въ словахъ: *злодѣй* (и другихъ того же корня *дѣ*) и *змѣй*, хотя Ломоносовъ правильно писалъ «змеѣй», образованное по русской фонетикѣ изъ ц.-сл. *змѣй*, какъ изъ *вработѣй*, *славѣй* — *воробей*, *соловей*. Такъ же пишется *имей*.

Нѣтъ основанія писать *ъ* въ именахъ: *брадобрей*, которое по образованію въ нынѣшнемъ языкѣ сходно съ *водолей* (хотя въ древности писали «водогѣй») и *грамотей* (съ греч. *γραμματεύς*).

Здѣсь же мѣсто упомянуть о словѣ *комейка*, въ которомъ встрѣчается тотъ же дифтонгъ: и въ немъ безъ всякой причины пишутъ большею частью *ъ*.

Въ именахъ
собствен-
ныхъ.

Особенную непослѣдовательность представляютъ заимствованныя изъ другихъ языковъ (особенно изъ греческаго) имена собственные, а отчасти и нарицательныя на *ей* и *нѣй*. Съ одной стороны пишутъ: *Андрей*, *Тимовей*, съ другой: *Алексѣй*, *Еремѣй*, *Елисей*, *Матвей*, *Сергей*, при чемъ выставляется правило, что *е* пишется тогда, когда эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени: *Ἀνδρέας*, *Τιμόθεος*, а *ъ*, когда въ подлинномъ имени *і* или *αι*: *Ἀλέξιος*, *Ἑρεμίας*, *Ἐλισσαῖος*, *Ματθαῖος*, *Σέργιος*. На этомъ же основаніи пишутъ *апртъль* (отъ лат. *argillis*):

Но изъ этого правила допускается множество исключеній, какъ показываетъ общеупотребительная орфография слѣдующихъ именъ: *Аней* (*Ἄνεϊς*), *Амлей* (*Ἄμπλιος*), *Пелагея* (*Πελάγια*), *Асмодей* (*Ἄσμοδαῖος*), *Фарисей* (*Φαρισαῖος*), *Саддукей* (*Σαδδουκαῖος*), *елей* (*Ἐλαῖον*), *батарея* (*batterie*), *лотерея* (*loterie*).

Отъ *Индія* образованы имена: *индѣецъ*, *индѣйскій* (съ *н*)¹, а отъ *армія*, *библія*, *линія*—*армейскій*, *библейскій*, *линейный* (съ *е*).

Можно слѣдовательно принять за общее правило, что въ образовательныхъ окончаніяхъ и въ серединѣ производныхъ именъ пишется дифтонгъ *ей* и только въ немногихъ выше исчисленныхъ именахъ — *нѣ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребле- Общее замѣ-
чаніе.
ніе буквы *ѣ* въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ *ѣ* остается воспоминаніемъ первоначальнаго правописанія, въ другихъ языкѣ по прихоти или недоразумѣнію удался отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка такого измѣненія могла бы только увеличить разладъ въ орфографіи.

3. ѣ во флексіяхъ.

67. Въ склоненіи именъ существительныхъ:

Въ предложномъ падежѣ единств. числа существительныхъ именъ муж. и сред. рода, въ дат. и предлож. падежахъ именъ жен. рода на *а*, *я*: *на дворѣ*, *въ сараѣ*, *въ селѣ*, *въ морѣ*; *рукѣ*, *башнѣ*.

Сомнѣніе встрѣчается относительно именъ на *іи*, *ія*, *іе* или *ѣе*.

а) О *гении*, *Василии*, *Григоріи*? или «о гениѣ, Василиѣ» и т. д.? *іи* или *іи?*

Въ древнемъ языкѣ всегда употреблялось окончаніе на *и*, даже и при сокращеніи предшествующаго *і* въ *ѣ*; нынче же въ послѣднемъ случаѣ пишутъ *ѣи*: о *Васильѣ*, о *Григорѣ*, т. е. употребляютъ обыкновенное окончаніе именъ муж. рода въ предлож. падежѣ. При сохраненіи полнаго *і* передъ падежнымъ окончаніемъ древняя форма остается неприкосновенною: о *гении*, о *Василии*.

¹ Формы: *индѣецъ*, *индѣйскій* относятся къ американской Индіи. Въ отношеніи къ Остѣ-Индіи предпочитаютъ формы: *индіецъ*, *индійскій*.

б) То же относится и къ именамъ съ женскимъ окончаніемъ имен. пад. ед. ч. на *ія, ѱя*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр. *о витіи, въ молніи, къ Софїи, при Наталїи*, а при сокращеніи *і* въ *ѱ*, говорятъ и пишутъ: *къ Софѱѱ, при Наталѱѱ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судѱѱ, въ скуфѱѱ, о семьѱ* и т. д.

Смѣшная *е* съ *і*, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: «по аллен, въ иден» вм. *по аллѱ, въ идѱ*. (Мимоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: «къ обѣдни» вм. *къ обѣднѱ*, «на недѣлю» вм. *на недѣлѱ*).

ѱ или ѱѱ?

в) Писать ли: о здоровѱ, въ счастѱ, на безлюдѱ, въ кушанѱ, въ имѣнѱ или о здоровѱи и т. д.?

И здѣсь, какъ въ именахъ муж. рода, нѣкогда являлось только окончаніе на *и*; во многихъ случаяхъ эта старая форма уцѣлѣла и въ нынѣшнемъ языкѣ, но рядомъ съ нею употребляется, при сокращеніи *і* въ *ѱ*, обыкновенная форма предл. падежа именъ ср. рода на *о* или *е*, т. е. окончаніе *ѱ*. Мы говоримъ исключительно: о *копѱ*, при *ружѱ*, въ *платѱ*, о *житѱ-бытѱ*, но говоримъ двояко: въ *забытѱ* и въ *забытѱѱ*, на *новоселѱ*, въ *имѱнѱ*, о *здоровѱ* и — на *новоселѱѱ*, въ *имѱнѱѱ*, о *здоровѱѱ*.

ѱ въ мѣ-
стоим. и чис-
литель-
ныхъ.

68. Въ склоненіи мѣстоименій и именъ числительныхъ:

Въ дат. и предлож. падежахъ мѣстоименій *я, ты, себя*: *мнѱ, тебѱ, себѱ*.

Въ творит. падежѣ мѣстоименій: *кто, что, тотѱ, весь*: *кѱмѱ, чѱмѱ, тѱмѱ, всѱмѱ* и во всѣхъ падежахъ множ. ч. двухъ послѣднихъ: *тѱ, тѱѱѱ, тѱмѱ, тѱми, всѱ, всѱѱѱ, всѱмѱ, всѱми*.

Въ именит. падежѣ множ. ч. женскаго рода мѣстоименій: *онѱ*, и именъ числительныхъ: *дѱѱ, обѱ*.

Во всѣхъ падежахъ множ. ч. числит. ж. р.: *однѱ, однѱѱѱ, однѱмѱ, однѱми*; *обѱ, обѱѱѱѱ, обѱмѱ, обѱми*.

ѱ въ срав-
нит. степенн.

69. Въ окончаніяхъ сравнит. степени прилагательныхъ: на *ѱѱ, ѱѱѱ, ѱѱѱѱѱ*: *бѱльѱ, бѱлѱѱ, бѱлѱѱѱѱѱ* и т. п. Также

въ сокращенныхъ формахъ: *болѣ*, *менѣ* (вопреки ц.-слав. формамъ *колаѣ*, *менѣ*) и *долѣ*, *тяжелѣ*.

Формы *тяжелѣ* нельзя приравнивать къ окончанію сравнительныхъ другой категоріи на *е*, съ умягченіемъ предшествующей согласной, или на *ше*, напр. *дороже*, *дешевле*, *крупче*, *раньше*, *юрше*; къ той же категоріи принадлежатъ произведенная прямо отъ корня, хотя и безъ умягченія согласной, форма *шире*.

70. Въ глаголахъ на *ю*, *шь* (напр. *зрю*, *зрѣть*, *зрѣлъ*, *имѣю*, *имѣть*, *имѣлъ*) буква *ѣ* удерживается во всѣхъ наклоненіяхъ и временахъ всѣхъ видовъ, а также и въ отглагольныхъ и производныхъ отъ нихъ именахъ: *умѣю*, *умѣть*, *недоумѣваю*, *умѣлый*, *разумѣніе*; *смѣть*, *смѣлый*; *тлѣть*, *тлѣнный*.

ѣ въ глаголахъ.

Отъ гл. *брить* невѣрно образуется основа настоящаго съ буквою *ѣ*. Слѣдуетъ писать: *брею*, *брей*, *брадобрей*, какъ отъ *бить*—*бей*, отъ *лечь*—*лей*, *водолей* (хотя въ ц.-сл.: «лѣй, водохлѣй»).

Глаголы: *пѣть*, *спѣть*, также подобные глаголамъ: *смотрѣть*, *смотришь*, *звенѣть*, *звенишь*, *шумѣть*, *шумишь*, *летѣть*, *летишь* и т. д. имѣютъ *ѣ* въ неопредѣленномъ накл., въ прошедш. времени изъявит. накл. и причастія, въ существительныхъ отглагольныхъ и въ производныхъ отъ нихъ:

Пѣть, *пѣлъ*, *пѣтый*; *пѣніе*, *пѣсь*, *пѣеиз*, *пѣчій*, *пѣтухъ*.

Спѣть, *спѣлъ*, *спѣшій*; *спѣдалище*, *спѣдло*, *наспѣдка*, *соспѣдъ*.

Сидѣть, *сидѣлъ*; *сидѣніе*, *сидѣеиз*, *посидѣлка*.

Разсмотрѣть, *разсмотрѣлъ*; *разсмотрѣніе*.

Впечатлѣть, *впечатлѣніе*; *цѣпенѣть*, *оцѣпенѣніе*.

Видѣть, *видѣлъ*, *видѣшій*, *видѣнный*; *видѣніе*.

Болѣть, *болѣлъ*; *заболѣвать*, *болѣнь*, *соболюбзнованіе*.

Велѣть, *велѣно*; *повелѣніе*.

Зрѣть, *призрѣть*, *призрѣвать*, *призрѣлъ*, *презрѣнный*, *подозрѣвать*, *подозрѣніе*; *заподозрѣть*, *заподозрѣлъ*, *заподозрѣвать*.

Терпѣть, *претерпѣнный*, *терпѣливый*. (Но *страстотерпецъ*, *ясновидецъ* по причинѣ сиффикса *ецъ* съ бѣглымъ *е*).

71. Прилагат. *виденъ* и *боленъ* образованы прямо отъ корней *Видѣть* и *болѣть*, а не отъ глаголовъ: *видѣть* и *болѣть*. Это краткія формы.

*

мы, отвѣчающія полнымъ прилагательнымъ: *видный* и *болной*; жен. рода *видна*, *болна*; сред. *видно*, *болно*; множ. ч. *видны*, *болны*. Ясно, что въ муж. родѣ ед. ч. *виденъ*, *боленъ*, звукъ *е* замѣняетъ полугласный *ь* для удобства выговора, какъ въ *стренъ*, *дооленъ* (вм. *вѣрьнь*, *довольнь*), а бѣглый звукъ *е* не можетъ быть передаваемъ буквою *н*. Что слово *виденъ* — прилагат., а не причастіе, явствуетъ изъ того, что оно можетъ сочетаться только съ дат. падежемъ, на вопросъ: *кому?* причастіе же *виданный* требуетъ творительнаго на вопросъ: *кѣмъ?* Безъ представки это прич. неупотребительно въ краткой формѣ («видѣнь»), но въ полной: *виданный* оно встрѣчается у лучшихъ писателей, напр. у Жуковского: «Огонекъ, пробужденный всѣмъ *виданнымъ* въ этотъ день».

Окончанія:
— *ннѣ* и
— *еніе*.

72. *н* сохраняется и въ существительныхъ, произведенныхъ отъ глаголовъ церковно-славянскаго языка: *вѣдѣти* — *вѣдѣннѣ*; *сѣдѣти* — *сѣдѣннѣ*; *мнѣти* — *мнѣннѣ*, *сомнѣти* (*сомнѣваться*).

Но старинное «прѣннѣ» отъ гл. *прѣтися* (*прюся*) у насъ передѣлано въ *преннѣ* не столько по привычкѣ измѣнять *н* на *е* послѣ *р* (см. выше, стр. 58), сколько по производству этого существительнаго отъ глагола *переть* (ср. *соперникъ*) и въ отличіе отъ другого сущ. *прѣннѣ*, отъ гл. *прѣтъ*.

Вообще существительныя подобнаго образованія, произведенныя отъ глаголовъ, не имѣющихъ *н* въ своей основѣ, оканчиваются на *еннѣ*, напр. *томленнѣ*, *одобреннѣ*, *благоволеннѣ*, *треннѣ*, *бореннѣ*. Они образуются большею частью при посредствѣ страд. причастій на *енъ*. На этомъ основаніи слѣдуетъ также писать: *затменнѣ* (отъ *затмитъ*, чрезъ посредство предполагаемаго, хотя и неупотребительнаго причастія «затмень»), *надменнѣ* (отъ *дмитъ*).

За симъ слѣдовало бы рассмотретьъ употребленіе согласныхъ *ѣ* и *е*, означающихъ одинъ и тотъ же звукъ; но такъ какъ эти двѣ буквы нужны только для начертанія заимствованныхъ словъ, то рѣчь о нихъ будетъ ниже въ отдѣлѣ, посвященномъ общему вопросу: какъ писать слова чуждаго происхожденія?

III. Удвоеніе согласныхъ.

73. Въ смыслѣ образованія звуковъ, удвоенія одного и того же согласнаго въ словѣ не бываетъ, а есть лишь такой способъ произношенія согласныхъ, который на письмѣ означается двойною буквой. Цѣль этого начертанія — только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлинненіе: при образованіи мгновенныхъ звуковъ дѣлается пауза между смычкою и растворомъ (напр. въ словахъ *труппа*, *итти*); длительные же (напр. въ словахъ *ванна*, *масса*) просто протягиваются. Это звуковое явленіе во всѣхъ европейскихъ языкахъ означается на письмѣ удвоеніемъ согласной.

Условное
значеніе тер-
мина.

Въ русскихъ словахъ (о заимствованныхъ изъ другихъ языковъ рѣчь будетъ въ особомъ отдѣлѣ) удвоеніе бываетъ либо *этимологическое*, т. е. основанное на происхожденіи или составѣ словъ, либо *фонетическое*, т. е. требуемое только произношеніемъ.

Два рода
удвоенія.

А. ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ УДВОЕНІЕ.

74. Оно бываетъ:

- 1) Въ корнѣ словъ, по закону превращенія одного звука въ другой, напр. *ожжетъ*, *ожженный*, *ожженіе* (вм. «жгетъ» и т. д.).
- 2) Въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, при встрѣчѣ основной ихъ части съ приставкою (т. е. какъ префиксомъ, такъ и суффиксомъ), напр. *в-вести*, *без-заботный*, *кон-ный*, *поддан-ный*, *рус-скій*.

Въ корняхъ
и при встрѣ-
чѣ съ при-
ставками.

Когда удвоеніе происходитъ вслѣдствіе уподобленія звуковъ при встрѣчѣ голосового съ безголоснымъ, то оно на письмѣ не означается; пишутъ: *оддать*, *подтянуть*, *сзади*, *возстать*, *сшибить*, *изжарить*, хотя произносятъ: «оддать, поттянуть» и т. д. (См. выше, стр. 17—19).

75. Есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ удвоеніе исчезло въ самомъ произношеніи, почему оно не изображается и на письмѣ. Въмѣсто: «раззѣвать, раззинуть, оттворить, поддьячій» говорятъ и пишутъ: *раззѣать*, *раззинуть*, *оттворить*, *поддьячій*.

Скрытое
удвоеніе.

Частныя за-
мѣчанія.

76. Начертаніе «раззорять» неправильно, какъ показываетъ др.-слав. глаголь *орити*, — разрушать; равнымъ образомъ не слѣдуетъ писать съ двумя *с* сущ. *росомахи* (ср. польск. и чеш. *rosomak*, по образцу средне-латин. *rosomacus*).

Два церковно-славянскія фонетическія начертанія: *вождемъ-нѣ* (отъ предл. *воз* и глаг. *желать*) и *иждивеніе* (отъ предл. *из* и глаг. *жить*), основанныя на переходѣ *жж* въ *жд*, издавна утвердились и въ русской орфографіи.

Формы: *возжи* и *дрожди* правильнѣе нежели «вожжи» и «дрожжи», такъ какъ первое изъ этихъ словъ въ родствѣ съ гл. *возить*, а во второмъ буква *д* оправдывается ц.-славянскимъ начертаніемъ *дрождѣмъ*.

Въ словѣ *искусство* корень *кус* требуетъ сохраненія *с* передъ окончаніемъ *ство*, тѣмъ болѣе, что древняя форма была: *искусъство*. Хотя желательно было бы избѣжать въ этомъ словѣ затруднительнаго стеченія согласныхъ (дающаго себя чувствовать особенно въ родит. пад. мн. ч.), но чтобы не расколоться съ господствующимъ издавна обычаемъ, принимаемъ строго-этимологическое начертаніе съ удвоеннымъ *с*.

Между тѣмъ въ словахъ *возженіе*, *возженный* принято писать одно только *ж* вмѣсто двухъ (*жженіе*, *жженный* отъ корня *жж*), что было бы согласно съ производствомъ. На томъ же основаніи, вмѣсто: «разсорить», предпочтительно начертаніе: *разсб-рить* съ однимъ *с* и съ удареніемъ на *ó* для отличія отъ глаг. *разсорѣть*.

Б. ФОНЕТИЧЕСКОЕ УДВОЕНІЕ.

Удвоеніе
звука *н*.

77. Въ русскомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ изъ индоевропейскихъ языковъ, замѣчается наклонность къ удвоенію, безъ всякаго этимологическаго основанія, звука *н* между двумя гласными. У насъ это удвоеніе весьма обыкновенно:

Причастія
страдатель-
ныя.

1) Въ полной формѣ причастій страдательныхъ прошедшаго вр. на *н*: *сдѣланный*, *представленный*, *снесенный*, *обреченный*. Изъ этихъ общеупотребительныхъ начертаній видно, что подобное

удвоеніе соблюдается и на письмѣ. Но такія причастія этой формы, которыя употребляются въ значеніи именъ прилагательныхъ или существительныхъ (съ утратою понятія времени и дѣйствующаго лица на вопросъ «кѣмъ?»), не удворяютъ *н*: *варенный, жаренный, раненный, сушеный, пряденный, суженный, бережанный, ученый, смысленный, тканый, браный, званый, жданный, окопанный, названый*; *мороженое, приданое*.

Подобныя слова представляютъ конечно болѣе древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднѣйшаго удвоенія; многія изъ нихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ, напр. «береженую Богъ бережетъ; незваный гость хуже татарина; не ждано, не *идано*». Это слова — болѣею частью, но не исключительно безпредложныя; по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они обыкновенно получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный, израненный, сотканный*. Нѣкоторыя ходятъ въ двойной формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имѣютъ ли они значеніе прилагательнаго, или причастія: *названый* (древ.) и *названный, положбный* и *положенный*.

Прилагательныя безъ удвоенія.

Слова *данный* и *желанный* неупотребительны безъ двойнаго *н*, послѣднее — несмотря на то, что это — прилагательное съ отгѣнкомъ народности. Первое только въ древнемъ сложеніи: *приданое* удерживаетъ свою первоначальную форму съ однимъ *н*. Въ существит. *подданный* удвоеніе *н* сохраняется. То же представляютъ прилагательныя: *бездыханный, неустанный, окаанный*.

По образцу прилагательныхъ и причастій пишутся и производенныя отъ нихъ второобразныя существительныя: а) съ двумя *н*: *оospитанникъ, избранникъ, священникъ, промышленность*; б) съ однимъ *н*: *ученикъ, труженникъ, вттреникъ, вареникъ, дощаникъ, масленица*. На такомъ же основаніи слѣдуетъ писать и *юстинница* (отъ гостинный): въ ц.-сл. письменности встрѣчается, правда, «гостинница», но въ древнѣйшихъ памятникахъ (Остром. ев.) гостинница.

Прилагатель-
ныя пасивныя.

2) Въ прилагательныхъ подобныхъ слѣдующимъ: *собственный, свойственный, мысленный, болѣзненный, внутренний, искренный* и т. п. Между прилагательными этой формы есть первоначальныя причастія: *обыкновенный* (отъ обыкнуть), *откровенный* (отъ открыть), *вдохновенный* (отъ вдохнуть).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ двойное *н* получило какъ бы органическое значеніе, такъ что даже при переводѣ ихъ въ краткую форму (въ новомъ языкѣ полная форма является первообразною) это удвоеніе не исчезаетъ; говорятъ: *обыкновененъ, откровененъ*, а не «обыковень, откровень»; такъ и въ жен. и ср. р. ед. ч. и во всѣхъ родахъ множ.: *совершенна, определенна, умеренна* (а не — совершенна, определена, умерена). Первый рядъ словъ, отличенный удвоеніемъ звука, представляетъ прилагательныя, тогда какъ слова, помѣщенные въ скобкахъ, суть причастія.

Прилагатель-
ныя вещест-
венныя на
яный.

3) Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе *яный*, при удареніи на предпоследнемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревянный, оловянный*.

Прежде писали также: «стеклянный, серебрянный, кожаный»; нынче же пишутъ основательно: *стекляный, серебряный, кожаный*, какъ *конопачный, лимонный, нитяный, жестяной* и проч. Очевидно, что слѣдуетъ также писать *замшиный*, а не «замшеный»¹, какъ это слово занесено въ наши словари.

Окончаніе *яный*, когда на немъ нѣтъ ударенія, произносится такъ близко къ окончанію *еный* или *енный* (безъ ударенія на *е*), что часто можно усомниться, которое изъ обѣихъ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что они иногда смѣшиваются и въ значеніи, т. е. для образованія вещественнаго прилаг. въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется суффиксъ *енный* предпочтительно предъ *яный*, напр. *соломенный, клеенный*. Отъ нѣкоторыхъ именъ могутъ образоваться формы обѣихъ окончаній, напр. *оттренный* и *оттряный, масляный* и *масляный*. (См. Указатель).

¹ О произношеніи *а* за неясное *е* послѣ шипящихъ см. выше стр. 27, п. 33.

78. Фонетическому удвоению подвергается также другой звукъ зубного органа *т* въ глаголь *итти*. Древняя форма, основанная на правильномъ производствѣ его отъ корня *и*, была «ити»; позднѣе же, именно въ московскихъ грамотахъ XV вѣка, рядомъ съ нею встрѣчается также начертаніе «итьти». Нынче большею частью пишутъ «идти», но здѣсь буква *д*, необходимая для настоящаго врем. (*иду*), ошибочно перенесена въ неопред. наклоненіе, такъ какъ въ немъ зубной согласный звукъ, по общему закону русскаго словообразованія, передъ окончаніемъ *ти* непременно измѣнился бы въ *с*, какъ въ глаголахъ: *веду*, *вес-* (вм. *вед*)-*ти*, *цѣпту*, *цѣпс-* (вм. *цвѣт*)-*ти* и проч. Лучшимъ доказательствомъ, что въ неопр. накл. глагола *иду* звукъ *д* не принадлежитъ къ корню, служатъ предложныя формы его, требуемыя самымъ произношеніемъ: *взойти*, *войти*, *дойти*, *зайти*, *изойти*, *найти*, *обойти*, *перейти*, *подойти*, *пройти*, *разойтись* (безъ удвоенія согласной), ибо при присоединеніи предлога къ первому замкнутому слогу слова «ид-ти» начальный звукъ *и* не могъ бы обратиться въ *й* и не было бы надобности послѣ согласныхъ (при предлогахъ *из*, *под*, *раз*) вставлять гласную *о*. Такое измѣненіе могло произойти только при соединеніи предлога съ одною гласною *и* передъ окончаніемъ *ти*. Употребительныя же нынче формы: «взойдти, войдти» и т. д. до «разойдтись», по нашимъ звуковымъ законамъ совершенно немислимы (раздѣлять ли ихъ на слоги: «взойд-ти, войд-ти, разойд-тись» или: «взой-дти, вой-дти, разой-дтись») и потому должны быть отвергнуты.

Удвоеніе звука *т* въ глаг. *итти*.

Тотъ же глаголъ съ пред-ставками.

При предлогахъ *съ* и *при* народный говоръ, по нерасположенію языка къ дифтонгамъ *ый* и *ій*¹, избѣгаетъ формъ: «выйти выйду, выйди, прійти, прійду, прійди» и вмѣсто ихъ предпочитаетъ упрощенныя: *ытти*, *ыду*, *ыдѣ*, *притти*, *приду*, *приди*. Но на письмѣ начертанія: *ыйти*, *ыйду*, *прійти* также употребительны и по правильности своей могутъ быть допускаемы.

¹ См. выше, стр. 5—6.

IV. Правописание заимствованныхъ словъ.

Общее замѣ-
чаніе.

79. Безусловная вражда къ заимствованнымъ словамъ не имѣетъ разумнаго основанія. Въ каждомъ языкѣ есть такія слова; тѣ, которыя укоренились вслѣдствіе давняго употребленія, могутъ считаться его законнымъ приобрѣтеніемъ. Подъ вліяніемъ народной фонетики заимствования этого рода подвергались иногда такимъ измѣненіямъ, что первоначальный ихъ обликъ становился неузнаваемымъ. Таковы напр. унаслѣдованныя нами отъ Грековъ слова: *малой* (ἀναλογεῖον), *исполать* (εἰς πολλὰ ἔτη), *уксусъ* (ὄξος). Впослѣдствіи, по мѣрѣ успѣховъ образованности и знакомства съ иностранными языками, является напротивъ стараніе съ возможною точностью сохранять въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинную форму. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее въ языкѣ право гражданства, исправляется или уступаетъ мѣсто своему двойнику, позднему зашедшему въ менѣе измѣненной формѣ. Такъ многія греческія слова переходили къ намъ въ двоякомъ видѣ: сперва съ *ѳ* изъ Византіи, потомъ съ *т* изъ западной Европы, сперва съ *ѳ*, потомъ съ *б*, сперва съ *и* (по рейхлин. произношенію б. η), потомъ съ *ѳ* (по эразмовскому выговору): припомнимъ напр. *ѳеатръ* и *театръ*, *риторъ* и *реторъ*, *ниита* и *позтъ*, *Омиръ* и *Гомеръ*; въ словѣ *библіотека* мы находимъ всѣ три различія въ сравненіи съ *вивліѳѳика*. Такимъ же образомъ взятое съ нѣмецкаго имя *ярмонка*, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухъ *р* въ одномъ и томъ же словѣ, стало въ недавнее время уступать мѣсто формѣ *ярмарка*.

Два разряда
заимствован-
ныхъ словъ.

80. Заимствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна употребительныя могутъ быть названы *столны усвоенными* или *обрусѣвшими* (Lehnwörter), а другія, новѣйшія, *чуждыми* (Fremdwörter). Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть еще разныя степени давности заимствования, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно

провести границу между тѣмъ и другимъ разрядомъ, а оттуда сомнительная или двойственная форма нѣкоторыхъ словъ, вслѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово *проскура* на письмѣ получаетъ болѣе правильную форму: *просфора*, хотя произведенное отъ перваго народное *проскурня* не подвергается измѣненію.

81. Германскіе, романскіе и тѣ славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо, могутъ писать заимствованныя западно-европейскія слова безъ всякаго измѣненія ихъ подлинныхъ начертаній. Совершенно въ другомъ положеніи находимся мы. По различію русской звуковой системы съ фонетикой другихъ европейскихъ языковъ и по своеобразности нашей азбуки, начертаніе заимствованныхъ словъ и преимущественно собственныхъ именъ русскими буквами представляетъ большія трудности.

Трудность начертаній.

Мы часто бываемъ лишены возможности написать имя иностраннаго происхожденія такъ, чтобы можно было угадать его подлинную форму, и для ясности принуждены присоединять ее въ скобкахъ¹. Поэтому мы должны пользоваться всѣми средствами нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ. Остановимся на главныхъ изъ этихъ средствъ, и прежде всего на буквахъ *э*, *з* и *е*.

э.

82. Буква *э*, которой нѣтъ въ церковно-славянской азбукѣ, введена въ нашу печать вскорѣ послѣ установленія граждан-

Необходимость буквы *э*.

¹ Въ *Библиотеку для чтенія* 1830-хъ годовъ, Сенковский подалъ примѣръ, которому и теперь еще иногда слѣдуютъ, писать иностранныя собственные имена латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія, отдѣленнаго отъ имени апострофомъ. Этотъ способъ письма, вообще говоря, не можетъ быть признанъ удачнымъ, потому, во 1-хъ, что онъ предполагаетъ въ каждомъ читателѣ нѣкоторую, вовсе необязательную, степень знанія иностранныхъ языковъ, а во 2-хъ, что апострофъ ставится для означенія пропуска какой-нибудь гласной, чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Иногда для краткости, особенно въ ученыхъ сочиненіяхъ, можно конечно прибѣгать и къ начертаніямъ этого рода, но тогда апострофъ слѣдовало бы замѣнять соединительной черточкой.

скаго письма и конечно совершенно основательно, такъ какъ она изображаетъ особый дѣйствительно существующій въ языкѣ звукъ чистаго *ε*: буква *e* представляетъ йотованную или облеченную гласную, почему и названіе ея въ азбукѣ должно произноситься «йэ» и не «э», какъ обыкновенно ее называютъ.

Употребленіе *э* въ началѣ слоговъ.

83. Въ собственно-русскихъ словахъ звукъ *э* встрѣчается только въ началѣ немногихъ междометій, мѣстоименій и нарѣчій: *экэ, эхэ, эво; этотэ, этакій, экій, этакэ, эстолько*. Но эта буква особенно полезна для начертанія нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, напр.: *экзаменэ, элементэ, эго, энцирамма, эллиписэ, поэзія, силуетэ*. Ея употребленіе было бы еще гораздо обширнѣе, еслибъ не произошло издавна смѣшенія двухъ буквъ церковно-славянской азбуки (*ε* и *κ*), вслѣдствіе чего и теперь неточно пишется и произносится множество заимствованныхъ изъ греческаго языка словъ, напр.: *Ева, Египетэ, Евдокія, Евлампій, Европа, евангеліе, епархія, епископэ*, вообще большая часть собственныхъ именъ съ приставками *εὐ* и *ἐπί*.

Впрочемъ и наоборотъ буквою *э* иногда начинаются у насъ слова, которыя въ греческомъ имѣютъ предъ начальною гласной густое придыханіе: *Эмада, экзаметрэ* (Ἑλλάς, ἑξάμετρος). Иногда же въ подобныхъ случаяхъ мы пишемъ *ε*: *еврей* (ἑβραῖος), *ересь* (αἵρεσις), *Елена* (Ἑλένη).

Неправильно пишется *э* въ словѣ «проектъ»: такъ какъ и въ латинскомъ языкѣ, откуда оно взято, *e* слѣдуетъ за *j*, т. е. является йотованнымъ, то надо писать *проектэ*. То же замѣчаніе относится къ слову *реестрэ*, которое въ этомъ видѣ ближе къ своему латинскому первообразу (registrum), чѣмъ будучи написано «реэстръ».

Употребленіе *э* послѣ согласныхъ.

84. Въ послѣднія десятилѣтія у насъ стали употреблять *э* и послѣ согласныхъ для передачи иностраннаго широкаго *ε*: фр. *è, ais*, нѣм. *ä* и т. п., напр. въ именахъ: *Бэрэ, Тэнэ, Жерээ, Боларнэ*. Для болѣе точной передачи звуковъ можно допустить эту ореографію, но исключительно въ однихъ собственныхъ именахъ; въ нарицательныхъ же, которыя въ каждомъ языкѣ видоизмѣняются

по требованіямъ его фонетики, мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія, и потому въ такихъ словахъ какъ *тема, мерз, проблема*, употребленіе э вмѣсто е неумѣстно.

Скорѣе слѣдовало бы ставить э когда надо обозначить, что звукъ е не долженъ быть обращаемъ въ ѣ, какъ напр. въ словахъ *доктринеръ, партнеръ*, которыя неправильно произносятся: «доктринѣръ, партнѣръ», именно потому, что не знающій ихъ полной формы (*doctrinaire, partner*), видя въ окончаніи ихъ е передъ твердымъ звукомъ, не затрудняется измѣнять эту гласную въ ѣ на общемъ основаніи, какъ напр. въ словахъ: *актеръ, гувернеръ* (*acteur, gouverneur*). Иногда въ иноязычныхъ словахъ можно также употреблять э для избѣжанія двусмыслія, напр. въ словѣ *перъ* (анг. peer), косвенные надежи котораго иначе были бы тождественны съ такими же надежами существительнаго *перо*.

85. Въ параллель буквѣ ѣ недавно стало входить въ употребленіе нейотованное э для звука, изображаемаго германскимъ ð, французскимъ eu въ началѣ словъ, напр. въ именахъ: *Ohmann, Ovel, Ohlenschläger, Eugène*, и надо согласиться, что этимъ способомъ удачно дополняется начертаніе буквы э, которая сама по себѣ вовсе не отвѣчаетъ помянутому звуку. Такимъ же образомъ слѣдуетъ замѣнять ѣ послѣ согласныхъ, напр. въ именахъ: *Гѣте, Шлѣцеръ, Тэнберъ, Сентъ-Бѣсъ*. Это лучше нежели вводить въ русское письмо букву ð, непонятную для незнакомыхъ съ германскими языками. Э можетъ служить также къ передачѣ англійскаго неопредѣленнаго и въ замкнутыхъ слогахъ, напр. *Бърнсъ, Дэфферинъ*, (*Burns, Dufferin*).

Буква ѣ.

Само собою разумѣется, что въ такихъ именахъ, какъ *Эдипъ* (*Oedipus*), *экономія* (*oeconomia*) и др., форма которыхъ исторически установилась, нѣтъ надобности измѣнять давнишнюю орфографію.

Начертаніе «Монтескѣ» можетъ быть допущено только подъ условіемъ, чтобы э послѣ ѣ считалось ѣотованною гласною.

г.

Двойное на-
значеніе.

86. Буква *г* служитъ у насъ для изображенія двухъ различныхъ звуковъ; такъ напр. въ именахъ: *Gambetta* и *Hugo*, *Göthe* и *Heine*, *Gent* и *Hamburg*, мы пишемъ одинаково: *Гамбетта* и *Гуго*, *Гёте* и *Гейне*, *Гентъ* и *Гамбургъ*. Уже болѣе полутора ста лѣтъ наши грамотеи жалуются на недостатокъ у насъ особой буквы для отличенія звука малороссійскаго спиранта *г* отъ грекорусской *гаммы*, но изъ всѣхъ предположеній для устраненія этого неудобства ни одно не перешло въ практику, а между тѣмъ ошибочныя начертанія, какъ было объяснено выше (см. стр. 9), привели и къ ошибочному произношенію многихъ словъ. Ломоносовъ не ожидалъ такого результата, когда, примеряясь съ недостаткомъ буквы, говорилъ: «Въ иностранныхъ реченіяхъ, которыя въ Россійскомъ языкѣ весьма употребительны, выговаривать пристойно какъ *h* гдѣ *h*, какъ *g* гдѣ *g* у иностранныхъ»¹. Въ именахъ, не пріобрѣтшихъ себѣ права гражданства историческою давностью, позволительно употреблять *х*, которое къ германскому *h* все-таки ближе чѣмъ наше *г*, напр. въ фамильныхъ именахъ: *Ховенъ* (*Hoven*), *Хуссъ* (*Huss*) и т. п. Но, вообще говоря, употребленіе буквы *г* для обонхъ иностранныхъ звуковъ такъ утвердилось, что попытка ввести *г̃* для означенія гортаннаго спиранта едва ли могла бы ожидать успѣха.

е.

Цѣль употре-
бленія енты.

87. Совершенно противоположное явленіе видимъ мы въ *ентѣ*: *г* представляетъ два звука, а *е* изображаетъ звукъ, для котораго есть другая, болѣе употребительная буква (*ф*). Однакожъ на *енту* можно смотрѣть различно: въ отношеніи къ передачѣ звуковъ она конечно излишня, и для людей, не получившихъ литературнаго образованія, составляетъ почти неодолимое затрудненіе; но если принять во вниманіе неудобство нашей азбуки для

¹ См. Грамматику Ломоносова, изд. I, § 99; въ послѣдующихъ § 102.

передачи иноязычныхъ начертаній, то мы должны дорожить всякимъ имѣющимся у насъ средствомъ точнѣе означать подлинную форму заимствованнаго слова. Но, признавая за *ѣтой* это значеніе, надобно уже употреблять ее правильно; ничто не можетъ быть негнѣе встрѣчающихся у насъ начертаній въ родѣ: «Ѣебъ, Ореей изъ Фракіи, кореей, сеера». Главное соображеніе въ пользу сохраненія *ѣты* въ нашемъ письмѣ заключается въ томъ, что такъ какъ согласный *ѣ* (чистый, не въ видѣ безгласнаго *ѣ* при уподобленіи звуковъ) не встрѣчается въ собственно-русскихъ словахъ, въ заимствованныхъ же онъ бываетъ двоякаго происхожденія (ph или th), то, сообразно съ общимъ началомъ нашей орфографіи, нужно всякій разъ означать на письмѣ, который изъ двухъ видовъ этого звука входитъ въ составъ иностраннаго слова. — Имена, въ которыхъ *ѣта* должна имѣть мѣсто, приведены въ приложенномъ къ настоящей книгѣ Указателѣ.

ѣ или и?

88. Другая греческая буква *υ* (*ижица*) могла бы быть полезна развѣ только въ словѣ *μυρο* для отличія его въ косвенныхъ падежахъ отъ двухъ одинаково съ нимъ произносимыхъ начертаній: *миръ* и *миръ*. Но имѣть особую букву для одного только слова было бы странно, тѣмъ болѣе, что конечно всякій и безъ помощи *ижицы* пойметъ значеніе начертаній: *μυρο* (съ его косв. падежами), *μυροпомазаніе*, *μυроточивый*, какъ мы безъ всякихъ особенныхъ отличій понимаемъ значеніе этихъ словъ въ живой рѣчи, или какъ для насъ равнымъ образомъ понятно различіе напр. *судовъ* въ значеніи то кораблей, то судилищъ. Что же касается словъ: *синодъ*, *символъ*, *синклитъ*, то въ нихъ *ижица* не болѣе нужна, чѣмъ напр. въ словахъ: *система*, *мира*, *типографія* и мн. др., въ которыхъ она давно замѣнена буквою *и*. Слѣдовательно *ижица* должна считаться исключенною изъ русской азбуки.

у или в?

Передача ан-
глийскаго w.

89. Английское *w* нѣкогда передавалось у насъ постоянно буквою *в*, но около 1840-хъ годовъ многіе стали употреблять для этого звука гласную *у*; напр. стали писать: *Уальтеръ, Уиндзоръ, Уильямъ*. Въ фонетическомъ отношеніи это не лишено основанія, но прежняя орфографія предпочтительна по слѣдующимъ причинамъ: 1) обращеніе *у* въ *в* въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ старинныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора, Августъ, Евангеліе, Европа, Январь* и изъ собственно-русскаго слова *заотра*; 2) начертаніе *у* не можетъ быть выдержано во всѣхъ случаяхъ, напр. передъ тою же гласною *у*; такъ слова *Woolwich* никто не напишетъ «Уудичъ» вм. *Вулвичъ*; всѣ пишутъ также *вагонъ*, а не «уагонъ», *Дарвинъ*, а не «Дарувинъ»; 3) имена: *Виндзоръ, Вальтеръ Скоттъ, Вашингтонъ* и др. приобрѣли уже издавна право гражданства въ русскомъ языкѣ. На томъ же основаніи слѣдуетъ писать *Вельскій* (а не «Уэльскій»), вм. стариннаго «Валлійскій» (of Wales).

е или ѣ?

Случай употребленія *ѣ* въ окончаніяхъ заимствованныхъ именъ (напр. *Алексѣй, Апрельъ*) уже были показаны въ общихъ замѣчаніяхъ объ этой буквѣ. (См. выше, стр. 60).

Своего рода затрудненіе въ начертаніи заимствованныхъ словъ составляетъ соединеніе гласной *і* съ другими гласными (*іа, іо*) или передача дифтонговъ, образующихся при французскихъ такъ называемыхъ *sons mouillés l* и *gn* (какъ напр. въ словахъ *brillant, compagnon*).

іа или ія?

Передача со-
четанія іа.

90. Въ концѣ слова иноязычный звукъ *а* послѣ *і* всегда обращается у насъ въ *я*: *матерія, Азія, Італія*, но въ произведен-

ныхъ отъ такихъ словъ прилагательныхъ или второобразныхъ существительныхъ наше правописание не установилось: въ однихъ словахъ пишутъ *а*, въ другихъ *я*, и притомъ не всё одинаково. Напр. пишутъ то *матеріалъ*, то «матеріаль»; такому же разнообразію подвергаются слова: *азіатскій*, *италіанскій*, *венеціанскій*, *форте-піано* и др. Между тѣмъ всё пишутъ: *христіанинъ*, *епископскій*, *спеціальный*, *провіантъ*, *патріархъ*. Для единообразія слѣдуетъ писать *я* только въ окончанія *ія*, внутри же такихъ именъ всегда употреблять *а*: *матеріалъ*, *вариантъ*; *фоліантъ*, *персіанинъ*, *италіанскій*, *азіатскій* и проч.

Начертаніе слова *россіанинъ* не будетъ исключеніемъ, такъ какъ это — не заимствованное слово, а наше собственное, правильно оканчивающееся на *янинъ*, какъ *дворянинъ*, *кіевлянинъ* (а является только послѣ *жд* и шипящихъ: *вражданинъ*, *мѣщанинъ*).

Въ заимствованныхъ съ греческаго словахъ представка *ди* сохраняетъ эту форму: *діаметръ*, *діалектъ*, *діаволъ*, *діаконъ*; но послѣднія два существительныя, какъ издавна обрусѣвшія, пишутся также: *дьяволъ*, *дьяконъ*, подобно словамъ: *дьякъ*, *дьячокъ* (откуда и *подьячій* вм. «подьячій»).

Тамъ, гдѣ звуку *а* въ иностранныхъ словахъ предшествуетъ *l mouillé*, какъ напр. въ именахъ: *brillant*, *billard*, нѣтъ основанія писать по-русски: «бриллиантъ», «биллиардъ»; всего ближе къ составу подлинныхъ словъ правописание: *брильянтъ*, *бильярдъ*.

Milliard слѣдуетъ передавать начертаніемъ: *милліардъ*.

іо, ѱо, ѱо?

91. Существованіе буквы *я*, т. е. йотованнаго *а*, облегчаетъ передачу *l mouillé* или *gn* передъ *а* начертаніями: *мя*, *нмя*. Для звука же *о*, слѣдующаго послѣ этихъ французскихъ согласныхъ, мы не имѣемъ иной буквы, кромѣ *ѣ*, которая очевидно не пригодна въ настоящемъ случаѣ. Поэтому, вмѣсто начертаній: «бательнъ», «компаньнъ», или употребляемыхъ нѣкоторыми по примѣру Карамзина: «бательюнъ», «почтальюнъ», «компаньюнъ», принято писать: *бательонъ*, *почталонъ*, *компанонъ*. Хотя и эти

последнія начертанія не совсѣмъ вѣрны, ибо въ сущности они должны бы произноситься: «баталь-онъ» (т. е. баталёнъ) и т. д., но по своей простотѣ они предпочтительны, если принять за правило, что въ этомъ случаѣ *o*, подобно буквѣ *u*, подъ вліяніемъ предшествующаго *ery*, дѣлается облеченною гласною.

Million слѣдуетъ передавать начертаніемъ: *милліонъ*.

Франц. *l mouillé* въ концѣ слова обыкновенно передается чрезъ *ль*, — *gn* чрезъ *нь*, напр.: *эмаль*, *портфель*, *Шампань*, *Бретань*, *де-Линь*; но вставлять передъ *l mouillé* въ русскомъ письмѣ *й* (напр. «Распайль») нѣтъ основанія, потому что такое начертаніе не соотвѣтствуетъ произношенію подлиннаго слова.

Передача сочетанія *io* какъ дифтонга.

92. Въ именахъ: *Йоркъ*, *майоръ*, *Баюнна*, полугласная *й*, принадлежитъ къ дифтонгу, правильнѣе нежели гласная *і*, составляющая особый слогъ; впрочемъ многіе пишутъ также: «Йоркъ, майоръ, Баюнна» и въ оправданіе свое могутъ сослаться на общеупотребительныя начертанія: *Иосифъ*, *Иорданъ*, *Иена*; еще Востоковъ допускалъ въ такихъ случаяхъ употребленіе *і* въ значеніи полугласной.

Начертанія: *куръёзный*, *серъёзный* вм. *куріозный*, *серіозный*, могутъ быть терпимы на томъ основаніи, что въ нихъ буква *ё* отвѣчаетъ французскому слогу *eux*, нѣм. *ö*.

йэ, іе, ѳе? іу или ю?

Передача сочетанія *іе*.

93. Въ сущности иностранное *іе* могло бы часто быть передаваемо просто йотованнымъ *е*, но въ подражаніе иностраннымъ начертаніямъ мы пишемъ: *іезуитъ*, *Иена*, *Іеверъ*, *Іемень*, — *іерей*, *іеролифъ*, *Іерусалимъ*, *Іеронимъ*; при чемъ въ послѣднихъ четырехъ оставляемъ безъ означенія, въ началѣ ихъ, греческое придыханіе (латинск. *h*), которое впрочемъ уже и у самихъ грековъ не произносилось въ позднѣйшую эпоху ихъ письменности.

Когда въ иностранныхъ словахъ *і* или *у* (йпсионъ) принадлежатъ къ другому слогу. чѣмъ слѣдующее за нимъ *е*, то мы пишемъ *йэ*, напр. *дѣта*, *пѣтистъ*, *шѣзна*, *ізна*; когда же *іе*,

je (jot + e), *ye* въ западно-европейскомъ словѣ составляетъ дифтонгъ, то онъ передается у насъ чрезъ *ье* или *йэ*, напр. *курьеръ*, *пѣдесталь*, *пѣса*, *Кордильеры*, *Пьерро* (что очевидно вѣрнѣе чѣмъ *пѣдесталъ*, *пѣса* или *пѣса*); *Лафайетъ*, *Йѳльтъ* (въ швед. *Hjelt* *h* передъ *j* не произносятся).

Что касается сочетанія *iu*, то въ именахъ, перешедшихъ къ намъ путемъ церковной письменности, оно изображается двойко: *Иуда*, *Иудея*, и *июнь*, *июль*, тогда какъ мірскія личныя имена пишутся: *Юдинъ*, *Юній*, *Юлій*. Въ серединѣ слова звукъ *iu* передается безъ измѣненія: *тиунъ*, *Фриунъ*, *радиусъ*.

Здѣсь кстати упомянуть объ италіанскихъ географическихъ именахъ, оканчивающихся на *иа*. Слѣдуетъ писать: *Генуя*, *Капуя*, *Падуя*, сообразно съ косвенными падежами: *Гену-и*, *Гену-ѣ*, въ винит. *Гену-ю*, *Капу-ю*, *Гену-ей*, *Капу-ей*.

Въ правописаніи заимствованныхъ словъ особенную важность представляетъ вопросъ объ удвоеніи согласныхъ, къ которому теперь и переходимъ.

Удвоеніе согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ.

94. Въ словахъ, заимствованныхъ въ болѣе или менѣе отдаленное время, даже еще и въ петровскую эпоху, такое удвоеніе большею частію исчезло: *арестъ*, *атака*, *батарея*, *грамота*, *камергеръ*, *канцелярія*, *карета*, *команда*, *комендантъ*, *офицеръ*, *панхида* почти всѣми пишутся такъ вмѣсто: «аррестъ, атака, баттарея» и проч., какъ слѣдовало бы писать сходно съ формою подлинныхъ словъ. Однакожъ, и во многихъ изъ старинныхъ заимствованій сохраняется удвоеніе, напр. пишутъ: *коллегія*, *аттестатъ*. Между тѣмъ, на основаніи первыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ, нѣкоторые въ наше время стали, во всѣхъ заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, гдѣ въ подлинникѣ есть двойная согласная, писать одну только букву: «колегія, комисія, професоръ, Одеса, Прусія». Но этого правила нельзя одобрить, такъ какъ, во 1-хъ, оно противорѣчитъ

Случаи несо-
блюдаемаго
удвоенія.

признанному нами общему началу, что всякое заимствованное слово должно по возможности сохранять слѣды своего состава; во 2-хъ, оно часто несогласно съ произношеніемъ, въ которомъ ясно слышется такъ называемое удвоеніе согласной. Это бываетъ особенно когда удвоеніе появляется въ концѣ ударяемаго слога, напр. въ такихъ словахъ, какъ: *ванна, вилла, колонна, касса, масса, манна, миссія, пресса, программа, профессія, сессія, сумма, трупа*, а также и въ собственныхъ именахъ, какъ напр. *Ахиллъ, Улиссъ, Сицилла, Анна, Скоттъ, Гриммъ, Шиллеръ, Патти*. Очевидно, что и во всѣхъ производныхъ отъ выше-приведенныхъ словъ удвоеніе должно быть сохраняемо: *кассиръ, колоннада, комиссія, репрессалии*.

Пропускъ со-
гласной въ
представкѣ.

Большею частью пишутъ «ком-мис-сія», но первое изъ встрѣчающихся тутъ удвоеній въ выговорѣ не слышится; а такъ какъ во многихъ заимствованныхъ словахъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, представка теряетъ свою конечную согласную при встрѣчѣ съ тою же буквой (*командиръ, комендантъ, афиша, офицеръ*), то по примѣру этихъ словъ позволительно писать также: *комиссія* (при имени *миссія*); писать «коммисія», какъ водится у насъ особенно въ канцелярскомъ быту, противно произношенію. Такое же сокращеніе допущено почти во всѣхъ европейскихъ языкахъ въ словѣ *комитетъ*, по образцу французскаго *comité*, которое передѣлано изъ англійскаго *committee* (отъ *to commit*, поручать, довѣрять).

Пропускъ въ
собствен-
ныхъ име-
нахъ.

Въ составѣ собственныхъ именъ германскаго происхожденія принято писать слово *манъ* съ однимъ *n*: *Гартманъ, Циммерманъ*. И въ другихъ окончаніяхъ иностранныхъ фамильныхъ именъ удвоенная буква часто сокращается, напр. *Рашетъ, Лафайетъ, Радзивилъ, Рейфъ* (*Rachette, La Fayette, Radzivil, Reiff*).

Случаи двоя-
каго письма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиною сохраненія двойной буквы можетъ быть то, что слово безъ нея получаетъ другое значеніе; таковы имена: *металлъ, баллъ* (цыфровая отмѣтка), *классъ, колоссъ*, которыя слѣдуетъ такъ писать для отличія отъ:

металл (глагол.), *балл* (танцевальное пиршество), *класс* (церковно-сл. = колось), *колос*. Подобно слову *металл* должно писать и *кристалл* (греч. *κρύσταλλος*). Но въ словахъ, гдѣ удвоеніе какъ для слуха, такъ и на письмѣ издавна исчезло, нѣтъ надобности возстановлять его, между прочимъ и въ концѣ словъ, напр. въ именахъ: *адрес*, *интерес*, *протокол*, *партер*, *камергер*. Само собою разумѣется, что когда удвоеніе находится въ именительномъ един. ч., то оно должно быть удерживаемо и во всѣхъ косвенныхъ пад. обояхъ чиселъ; слѣдовательно должно писать: *сталь*, *сумм*, *программ*, *колонн*, *трупн*, *трупн*. Французы, правда, пишутъ *groupe* (муж. р.), но у насъ это слово взято съ нѣмецк.: *Gruppe*; по-итал. также: *gruppo*.

Измѣншія
удвоенія.

95. Не отвергая двойныхъ согласныхъ въ словахъ, гдѣ онѣ умѣстны, надобно однакожъ избѣгать употребленія ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ языкѣ, откуда заимствовано слово. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы; слѣдуетъ писать безъ удвоенія буквъ: *прислѣнія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, *карикатура*, а не «привиллегія» и т. д. *Галлерей* пишется съ двумя *л* по образцу этого слова у итальянцевъ и нѣмцевъ, хотя французы пишутъ *galerie*. *Суббота* пишется такъ по примѣру греч. *σάββατον*, хотя по ц.-сл. *сѣбота*.

Удвоеніе
гласныхъ

Удвоеніе *ласной* допускается у насъ только въ иностранныхъ собственныхъ именахъ¹, для указанія орографіи подлиннаго имени, напр. *Аа* (рѣка въ Курляндіи), *Оомз*, *Цез*. Впрочемъ послѣднее начертаніе обуславливается тѣмъ, что въ нѣмецкомъ имени два слога, отдѣляемые буквою *h* (*Zehe*). Но протяжное *e*, означаемое въ нѣмецкой орографіи удвоеніемъ этой гласной, нѣтъ надобности удваивать и въ русскомъ письмѣ. Названіе рѣки, на которой стоитъ Берлинъ, можно напр. писать просто *Шпрэ* (а не «Шпрез»).

¹ Нельзя считать за *удвоеніе*, въ приданномъ нами этому термину смыслѣ, встрѣчу гласной префикса съ такимъ же начальнымъ звукомъ главнаго слова, напр. въ глаголахъ: *пообѣдать*, *прискакать*.

Оберъкъ II Отд. Н. А. Н.

Употребленіе большихъ или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.

Общее замѣчаніе.

96. Большія буквы составляютъ, собственно говоря, роскошь письма. Въ древности онѣ ставились только въ началѣ рукописи, позднѣе и въ началѣ отдѣловъ текста, если онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ статей. Болѣе употребляться стали онѣ въ средніе вѣка, и мало по малу мудрствующіе писцы довели это употребленіе до излишества. Въ наше время вездѣ замѣчается стремленіе ограничить насколько можно пестроту письма, происходящую отъ большихъ буквъ. Впрочемъ въ нихъ есть и нѣкоторая практическая польза: при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго, онѣ даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ отысканіе нужнаго; кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малозвѣстности, могли бы возбуждать недоумѣніе, если бѣ ничѣмъ не отличались отъ другихъ словъ. Правиламъ объ употребленіи большихъ буквъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія, тѣмъ болѣе, что невозможно дать точныхъ указаній на всѣ встрѣчающіеся случаи.

Отдѣльныя правила.

Съ большой буквы пишутся:

1. Первое слово строки, начинающей новый отдѣлъ текста, или первое слово послѣ точки.
2. Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками.
3. Каждое слово, начинающее стихъ.

Этотъ обычай, въ сущности, не имѣетъ разумнаго основанія и въ послѣднее время уже начали, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, отступать отъ него.

4. Имена трехъ Лицъ Божества и высшихъ существъ, составляющихъ предметъ религіознаго почитанія христіанъ: *Богъ, Господь, Творецъ, Всевышній, Спаситель, Богородица, Святой Духъ, Св. Троица* и т. п.; также слова: *Провидніе, Промыслъ, Небо, Церковь* въ духовномъ смыслѣ.

Не требуютъ большой буквы названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, признаваемыхъ Церковію: *ангелъ, херувимъ, се-*

рабѣмъ; тѣмъ болѣе подходятъ подъ это правило языческія названія: *мамба, дриада, нажда, муза, парка, зарпѣя, цѣра*; *альфа, морна, салкирія; русажа, вила* и т. п.

5. Титла царствующаго въ Россіи Дома: *Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Ихъ Императорскія Величества*.

Съ большой же буквы пишутся обыкновенно личныя и притяжательныя мѣстоименія, замѣняющія имена, означенныя въ пунктахъ 4-мъ и 5-мъ.

6. Собственныя личныя имена, а также составляющія съ ними одно прозваніе придаточныя титла или нарицательныя имена, равно прилагательныя и числительныя: *Іоаннъ Креститель, Юліанъ Отступникъ, Иванъ Камита, Иванъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина Вторая* и пр.

Всякія другія титла и наименованія званій, должностей и чиновъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, пишутся съ малой буквы: *патріархъ, пророкъ, апостолъ, евангелистъ, митрополитъ, архіерей; консулъ, преторъ, сатрапъ; канцлеръ, министръ, генералъ-губернаторъ; князь, графъ, баронъ; камергеръ, юфмаршалъ; академикъ, профессоръ; генералъ, полковникъ, тайный советникъ*.

Въ письменныхъ сношеніяхъ слова, употребляемыя для титулованія, какъ-то: *Ею Высочайшородію, Ваше Превосходительство, Ваше Сіятельство*, также слова: *Милостивый Государь* и даже просто *Господинъ* пишутся съ большой буквы, равно какъ и мѣстоименія 2-го лица множ. ч.: *Вы, Вашъ*.

7. Собственныя географическія имена, означающія государства, страны, области, селенія, горы, моря, озера, рѣки, каналы, также названія улицъ, зданій, мостовъ: *Россія, Бессарабія, Нижній Новгородъ, Мураевна, Пріютино, Морская, Мойка, гора Благодать, Тихое море, Байкалъ, Вола; Адмиралтейство* (какъ зданіе), *Синій мостъ*.

Когда названіе состоитъ изъ прилагательнаго и существительнаго, то различаются два случая: а) если существительное означаетъ видъ, къ которому принадлежитъ предметъ, то съ большой буквы пишется только прилагательное: *Бѣлое море, Тверская гу-*

бертія, Троицкій соборъ, Ладожское озеро, Черная рѣчка, Зимній дворецъ, Лѣтній садъ, Чернышевъ переулокъ, Красный мостъ;
 б) если существительное не означаетъ вида, подъ который подходитъ именуемый предметъ, то и оно пишется съ большой буквы: городъ *Царское Село, Великія Луки, село Черная Грязь.*

Когда прилагательное состоитъ изъ двухъ словъ, то оба пишутся съ большой буквы: *Александро-Невская лавра, Киргизъ-Кайсацкая степь, Киево-Печерскій монастырь.*

Названія отрасль свѣта: *западъ, востокъ* и т. д. пишутся съ большой буквы только тогда, когда подъ ними разумѣются земли или народы, конкъ географическое положеніе означаетъ этими именами.

Имена именъ, народовъ, населеній, имена нововѣданій или ученій и послѣдователей ихъ, также названія орденовъ, колковъ, учебныхъ заведеній и лицъ, именуемыхъ по полямъ или заведеніямъ, къ которымъ они принадлежатъ, пишутся въ обонхъ члѣлахъ съ малой буквы: *славянныя, славяне, чехи, поляки, татары, москвичи, европейцы; христіане, христіанство, католики, православныя, мотераны; исламъ, сунниты; буддизмъ; неоплатониксы; классическая гимназія; кадетскій корпусъ; студентъ, лицейскій, правослѣдъ, кадетъ; измайловскій полкъ; преобразженецъ, цусаръ, уланъ, владимирскій крестъ, аннинская лента, Александровскій кавалеръ.*

8. Названія высшихъ государственныхъ и ученыхъ учрежденій, также различныхъ обществъ. Если названіе состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, то большою буквою можетъ быть отмѣчаемо или только первое, или же и второе слово, смотря по тому, считать ли его въ этомъ случаѣ за собственное, или за нарицательное имя: *Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, Государственный Советъ, Государственный Контроль, Академія Наукъ, Императорская Публичная библіотека, Московскій университетъ, Русское Историческое общество, Техническое общество, Общество для пособія нуждающимся литераторамъ, Министерство Иностранныхъ дѣлъ.*

9. Нѣкоторыя названія праздниковъ, недѣль и дней, имѣющихъ особенное церковное значеніе: *Рождество Христово, Пасха, Благовѣщеніе, Великій постъ, Страстная, Светлая недѣля, Великій четвертъ, Преполовеніе.*

Но имена мѣсяцевъ и дней недѣли, а также народныя названія праздниковъ и разныхъ эпохъ года, пишутся съ малой буквы: *святки, масленица, мясодѣ, седмица, каникулы.*

Съ малой же буквы пишутся названія историческихъ событій и эпохъ: *реформація, бирюзовщина, пугачевщина.*

10. Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, статей, стихотвореній: *Дѣянія Святыхъ Апостоловъ, Исторія Государства Россійскаго, Московскій Вѣстникъ, Новое Время.* Иногда съ большой буквы пишется только первое слово заглавія, напр.: *Капитанская дочка.*

Но названія книгъ, приводимыя не въ видѣ ихъ заглавій, а для означенія содержанія ихъ, не пишутся съ большой буквы: *календарь, святцы, священное писаніе, евангеліе, грамматика.*

11. Названія кораблей и другихъ судовъ: *Держава, Орелъ, Слава Россіи, Проворный.*

12. Прилагательныя притяжательныя, образованныя отъ личныхъ именъ посредствомъ окончаній *овъ* и *инъ*: *Петрово* время, *Гомерово* эпосъ, *Екатерининъ* вѣкъ.

Прилагательныя относительныя на *скій* и *кій*, образованныя какъ отъ личныхъ именъ, такъ и отъ именъ народовъ и мѣстностей, тогда только пишутся съ большой буквы, когда входятъ въ составъ названій и могутъ прочитаться собственными именами, напр. *Тульская губернія, Россійская академія, Русское Историческое общество.* Во всѣхъ другихъ случаяхъ такія прилагательныя пишутся съ малой буквы: *лomonосовскій слогъ, шведская нація, португальскій языкъ, тамбовскій губернаторъ, тульскій самоваръ, вяземскій пряникъ; тамекій театръ, донецкій уолю.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О соединеніи двухъ словъ въ одно.

Общее замѣ-
чаніе.

97. Вопросъ: когда писать слитно два слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ одна часть рѣчи, очень важенъ по своему значенію для лексикографіи, такъ какъ реченія, слитно пишущіяся, должны занимать въ словарѣ особыя мѣста въ азбучномъ порядкѣ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаніемъ и обычаемъ. Въ противномъ случаѣ лучше писать ихъ раздѣльно, напр.: *въ заключеніе, за границу, за границей, съ размаху, со временемъ, въ волю, въ добавокъ, въ пору, въ разрытъ, въ одиночку, въ гору, въ плеча* и мн. др.

Отдѣльныя
правила.

Слитно съ предлогомъ пишутся:

1. Существительное.

а) Когда каждое изъ обоихъ словъ теряетъ свое отдѣльное, самостоятельное значеніе, такъ что они вмѣстѣ образуютъ нарѣчіе или предлогъ, напр.: *сверхъ, снизу, сверху, снизу, вмѣстѣ, востыкъ, впередъ, врознь, вслѣдъ, тайнѣ, тишии, вдали, вслѣдствіе, послѣдствіи*¹; *кстати, издали; сначала, сверху, снизу, слишкомъ; наверхъ, наверху, наотки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напрыгъ, насчетъ* (когда послѣднее значить: относительно).

Тѣ же слова пишутся врознь, когда къ имени присоединено опредѣленіе, или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на*

¹ На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени*. Употреблять въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе дается ему только въ соединеніи съ предлогомъ *съ*, то мы и считаемъ правильнымъ видѣть въ этомъ сочетаніи нераздѣльное нарѣчіе.

конецъ, на примѣръ (указать, сослаться). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣсть многолюднозъ*.

б) Когда имя само по себѣ безъ предлога неупотребительно: *вдоль, вдоволь, взаимы, взапуски, внутрь, внутри, внаймы, вплавь, стредь, вновь, встарь, вкость, вкривь, впрямь, вскользь, вопреки, взаперти, облизн, впотымахъ, впопыхахъ, встороняхъ; набекрень, навыворотъ, навзничь, назади, наземь, оземь, наперекорь, навстрѣнка, напрямки, наружу; снаружи, наяву; изстари, искони, поодаль, позади, понутру; сзади, спереди, сплошь* и проч.

2. Прилагательное полное средняго рода: *впрочемъ, повидимому, попржнему*.

3. Прилагательное краткое средняго рода: *одалекъ, вполнѣ, вскорь, вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернь; вправо¹, вльво, вообще; докрасна, досыта; навѣрно, нальво, направо, набльо, начерно; налекъ, навесель, наготовь; заново, запросто; слезка, сътва, справа, смолуду, снова, сплона, сгоряча, свысока, изрѣдка, издалека, изсиня; понемногу*.

4. Прилагательное полное женскаго рода: *вразсыпную, вкрутую, всплошную, зачастую, напропалую*.

5. Числительное: *вдвое, вдвоемъ, вчетверомъ; заодно; вдвойнѣ, впервые*.

Но въ словахъ *во-первыхъ, во-вторыхъ* и т. д. соединеніе предлога съ числительнымъ означается только черточкою, такъ какъ при сліяніи ихъ въ одно слово пришлось бы занести въ словарь всѣ порядковыя числительныя до самыхъ высокихъ цифръ вторично въ этомъ видѣ.

6. Мѣстоименіе: *потому, посему, поэтому, почему; потомъ; притомъ; затѣмъ, зачѣмъ; оттого, отчего*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ ставиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не

¹ Въ *право* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

должны писаться слитно: тут предлогъ *при* сохраняетъ свое отдѣльное значеніе, а въ этомъ случаѣ и слова *при томъ* пишутся врознь. По той же причинѣ и реченіе *при чемъ* должно оставаться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ словъ.

7. Нарѣчіе.

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда, дотуда, доколь, досель, дотоль, донынѣ, понынѣ, покуда; насколько, настолько, поелику, послѣзавтра*.

Сюда же можно отнести нарѣчія: *свыше* и *стуне*.

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно, поочередно, дословно, поголовно, повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески, по-молодецки, по-стариковски, по-дитски, по-свойски, по-каковски, по-русски, по-французски*. Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Для образованія составныхъ реченій соединяются еще:

1. Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *полгода, полчаса; двѣсти, триста, пятьсотъ*; почему и въ косвенныхъ падежахъ слѣдуетъ писать: *двухсотъ, тремстамъ*. Передъ существительными, начинающимися гласною, слѣдуетъ писать *полъ* съ черточкою, напр. *полъ-имѣнія, полъ-оборота*; кромѣ того: *полъ-листа*, такъ какъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинакихъ согласныхъ первая уподобляется второй и при начертаніи «поллиста» первое *л* умягчалось бы подъ вліяніемъ второго, какъ напр. въ словахъ: *аллея, миллионъ* (произн.: «альея, мильионъ»).

Форма «двѣстѣ» (старинное двойственное число) была бы конечно правильнѣе общеупотребительнаго правописанія: *двѣсти*, но

повторившіяся не разъ попытки возстановить ее можно считать окончательно неудавшимся, равно какъ и начертаніе: «этѣ, этѣхъ», согласное съ составомъ этого мѣстоименія, не принялось, несмотря на старанія многихъ.

2. Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ, сегодня, тотчасъ*.

3. Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ, или два союза: *тоже* (нарѣч.), *однакоже, также*. Но когда выражается сравненіе, то слѣдуетъ писать: *такъ же* скоро; *такъ же*, какъ.

Въ другихъ случаяхъ частица *же, ажъ* пишется отдѣльно: *кого же, что ажъ, тотъ же, тѣмъ же, та же, тѣ же, то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы: *ли, ль, бы, бѣ*, напр.: *то ли, если бы, если бѣ, ежели бы*, за исключеніемъ словъ: *ужели, чтобы* (союзъ). Но когда *что* служитъ мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? *что бы* ни говорили. Соединеніе частицъ *либо, нибудь, таки* съ предыдущимъ словомъ означаетъ черточкою: *кто-либо, что-нибудь, все-таки*. Заключительный союзъ *итакъ* (фр. *donc, par conséquent*) для отличія отъ случая, когда *и* сохраняетъ значеніе отдѣльнаго союза, пишется слитно. Напр.: «вы согласны; *итакъ* дѣло кончено», или: «онъ говорилъ такъ умно *и такъ* краснорѣчиво», или: «такъ я понимаю жизнь, *и такъ* рѣшился жить».

4. Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-малыски, давнымъ-давно, просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соединеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за границы, изъ-подъ стола*.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова, снаружки, наизустъ, наискось, исподлобья, навярды, ополсыта, ополтуты, сполаторя, исподволь*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный; такимъ бываетъ большею частью второй членъ.

5. Два существит. иностраннаго происхожденія, означающія извѣстныя должности, званія и чины: *камергеръ, камергюнкеръ, гофмейстеръ, егермейстеръ, фельдмаршалъ, фельдгеръ.*

Иногда же оба имени пишутся врознь и соединяются черточкою: *камеръ-лакей, штабъ-ткарь, штабъ-офицеръ, гофъ-интендантъ, унтеръ-офицеръ, оберъ-гофмаршалъ, генералъ-майоръ, генералъ-губернаторъ, генералъ-штабъ-докторъ.* Во всѣхъ такихъ соединеніяхъ склоняется только послѣднее слово.

98. Отрицаніе *не* пишется большею частью безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что вслѣдствіе этого каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными и нарѣчіями частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій, недавній, невозможный, нестырно, неволью.*

Но когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ; они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно. Бываютъ и другіе случаи, въ которыхъ, смотря по смыслу, слѣдуетъ писать *не* то слитно, то врознь, напр.: «онъ *не* много работаетъ» не одно и то же, что: «онъ *немного* работаетъ».

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не* знать, *не* хожу, *не* видитъ. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человекъ, *не* любящій ссоръ, ничего *не* видящій, *не* любимый товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отрицается, то *не* пишется слитно: человекъ *нелюбящій, нелюбимый, независимый, несъдущій, неумолмый.*

Съ глаголомъ отрицаніе можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея неупотребителенъ: *ненавидѣть, негодовать*. Слитно пишутъ также: *нельзя, недоставать*.

Реченіе *несмотря* пишется слитно.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть, негодование, нечѣрность, непокорность, невѣжда, неряха, недругъ, нетель, несчастье, немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ особаго поясненія.

Что касается частицы *ни*, то она пишется слитно въ словахъ: *никто, ничто, никакой, нидѣ, нигуда, никогда, нисколько*, какъ составляющихъ отдѣльныя понятія, въ нѣкоторыхъ языкахъ выражаемыя даже особыми словами, но остается не соединенною въ другихъ случаяхъ, напр. *ни одинъ, ни который, ни мало, ни откуда*.

О переносѣ частей слова изъ строки въ строку.

98. Основаніемъ для переноса въ новую строку частей слова, Общее замѣчаніе. не умѣщающагося цѣликомъ въ концѣ предыдущей, служитъ правильное раздѣленіе словъ на слоги. Въ этомъ отношеніи надо отличать слова *простыя*, т. е. не имѣющія представки, отъ *сложныхъ*, образованныхъ съ ея помощію.

I. Слова простыя.

Раздѣленіе согласныхъ буквъ.

1. Согласная, находящаяся между двумя гласными, начинаетъ новый слогъ: *сѣ-ча, во-ро-та, су-ма-то-ха*.

2. Изъ двухъ одинакихъ согласныхъ, стоящихъ между гласными, вторая переносится въ другую строку: *сум-ма, кон-ный, рус-скій, жуж-жать, мас-са, Ал-лахъ*.

Но передъ суффиксомъ, начинающимся съ согласной, двѣ одинакія буквы, принадлежащія къ корню слова, не должны быть раздѣляемы: *класс-ный*:

3. Когда согласная отдѣлена *еремз* отъ другой согласной, то эту послѣднюю начинается новый слогъ: *демь-и, конь-и, торь-ма, дть-и, толь-ко, Оль-и*.

4. Суффиксы, начинающіеся согласною и составляющіе слогъ, переносятся въ другую строку: *бож-ба, враж-да, дѣв-ка, дерз-кій, жи-зни, боль-ни, раз-ный, дур-ной, долж-но, кос-ный, одох-нуть, дряб-мый, теп-лый, стд-ло, чис-ло, мет-ла, сѣт-ло, бед-ро, доб-рый, муд-рый, хит-рый, муж-ской, разн-ствовать, ую-стоо, бѣд-ствіе, серд-це, корм-чій, выс-шій*.

Суффиксы *ство, скій*, не могутъ быть раздѣляемы, а должны быть переносимы цѣликомъ, т. е. нельзя, напр., такъ переносить: «гречес-кій», «естес-тво» или «естест-во» вм. *грече-скій, есте-ство*.

5. Раздѣленіе двухъ или нѣсколькихъ стоящихъ сряду согласныхъ, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ къ суффиксу, зависитъ отъ свойства этихъ буквъ. Если стеченіе начинается плавными, носовыми или шипящими, то эти буквы остаются въ концѣ строки, а слѣдующія за ними съ своею гласною переносятся: *гор-доть, дол-женъ, Дер-бентъ, тол-стый, дом-на, лам-ти, сун-дукъ, вин-ты, баш-макъ, фикс-мы, дыш-ло*.

6. Если же стеченіе такихъ согласныхъ начинается не тѣми буквами, которыя означены въ предыдущемъ пунктѣ, а другими, особенно буквою *с*, то вся группа согласныхъ переносится: *чи-стый, ко-сти, мо-сты, Мо-сква, ю-сподинъ, ра-стеніе*.

7. Сочетанія *бл, вл, мл, жд*, представляющія смягченіе губныхъ и зубного *д*, переносятся нераздѣльно: *кро-вля, кора-бли, зе-мая, стре-мясь, ку-пья, цѣ-пять, доса-ждать, стра-жду, въ-жды*.

8. Въ заимствованныхъ словахъ двѣ буквы, отвѣчающія одной въ иностранномъ словѣ, — *кс, кз, пс* (греч. ξ, ψ), *дж* (анг. и итал. *g, j*) — не раздѣляются, а относятся обѣ къ слѣдующему слогу, если за ними нѣтъ согласной; когда же слѣдуетъ еще согласная, то онѣ остаются въ концѣ строки, а эта буква отъ нихъ отдѣляется: *Але-ксий, снита-кисъ, этиле-псія, памм-нсетъ, экс-педиція, Окс-фордъ, Инс-вичъ, Ведж-вудъ*.

9. Согласная *е*, употребленная для передачи греческой *ο* или латинской *и* передъ другою согласной, относится къ предыдущему слогу: *ав-торъ*, *Ав-рора*, *ев-нухъ*, *Ев-рона*, *Кав-казъ*, *рев-матизмъ*.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГЛАСНЫХЪ БУКВЪ.

10. Буква *і*, стоящая передъ *и* или умягченною гласною *я*, *е*, *ю*, можетъ быть отдѣляема отъ нихъ въ предыдущій слогъ: *Гаври-ицъ*, *ви-яніе*, *ми-еніе*, *ми-ющій*; но, находясь передъ *а*, *о* въ словахъ иностраннаго происхожденія, гласная *і* не отдѣляется отъ нихъ, когда въ подлинномъ словѣ она составляетъ съ ними одинъ слогъ. Слѣдуетъ переносить: *христиа-ницъ*, *мил-ліонъ*, *се-нециан-скій*; а не «христі-анинъ, миллі-онъ» и т. д.

11. Вообще не надо раздѣлять двухъ гласныхъ, составляющихъ въ иностранномъ словѣ дифтонгъ. Не слѣдуетъ писать: «Ло-ара, ту-алеть, га-уптвахта» вм. *Ло-ра*, *ту-алетъ*, *гаупт-вахта* (Loire, toilette, Hauptwache).

12. Мягкая или умягченная гласная (*и*, *я*, *е*, *ю*), отдѣленная *еремъ* отъ согласной, составляетъ съ нею одинъ слогъ и не можетъ быть безъ нея переносима въ другую строку. Нельзя переносить: «соловь-евъ, семь-янинъ» и т. п. вм. *соло-вьевъ*, *се-мья-нинъ*, *кре-стья-нинъ*, *пла-тьемъ*.

13. То же правило соблюдается и въ заимствованныхъ словахъ, гдѣ *ь* служитъ для передачи звуковъ *l mouillé* или *gn*: *бри-льянтъ*, *би-льядъ*, *бата-льонъ*, *си-ньоръ*.

14. Когда слогъ состоитъ изъ одной гласной въ началѣ или въ концѣ слова, то обыкновенно ее не отдѣляютъ отъ остальныхъ слоговъ, а переносятъ все слово, или присоединяютъ къ этой буквѣ еще слогъ, напр.: *и-мя*, *ули-ца*, *осе-локъ*, *твое*, а не: «и-мя, у-лица, о-селокъ, тво-е».

II. Слова сложные.

Общее замѣчаніе.

99. Сложными или составными называются такія слова, которыя, сверхъ коренного слога или слоговъ, содержатъ еще и представку; представкою же можетъ служить имя, предлогъ или нарѣчіе.

Отдѣльныя правила.

1. При переносѣ изъ строки въ строку слоговъ сложнаго слова необходимо отдавать себѣ отчетъ въ составѣ его, чтобы буквы принадлежащія къ корню не были относимы къ префиксу, и избѣгать такихъ, напр., переносовъ: «во-стокъ, выз-вать, совсѣмъ, нас-тавникъ, нель-зя, нес-носный» и т. д. вмѣсто: *вос-токъ, вы-звать, со-всѣмъ, на-ставникъ, не-льзя, не-сносный*. Вотъ еще нѣсколько образцовъ правильнаго переноса: *на-дменный, по-здравить, по-мнить, по-демъ, по-длинный, по-дробно, про-шлый, подо-шва, при-знакъ, по-дьячій, разо-братъ, рас-четъ, прельститъ, вто-тъмакъ, нѣ-кто*.

2. Сложное слово можетъ быть раздѣляемо на составныя части даже и съ нарушеніемъ основныхъ правилъ раздѣленія *просто*го слова на слоги, напр.: *раз-умѣть, без-образіе*. Ясно, впрочемъ, что къ предствкѣ можетъ быть причисляемъ и цѣлый слогъ главнаго слова, напр.: *разу-мѣть, безоб-разіе*. Но неправильно было бы такое раздѣленіе: «ра-зумъ, бе-зобразіе». Подобныя переносы позволительны только тогда, когда составъ слова неясенъ, или когда слово искажено; напр. *по-душка* (вм. под-ушка), *поль-за* (вм. по-льза), *двад-цать* (вм. два-дцать) могутъ быть такъ переносимы, хотя помѣщенныя въ скобкахъ раздѣленія были бы правильнѣе.

3. Правило о раздѣленіи сложнаго слова на основаніи его состава распространяется, хотя въ слабѣйшей степени, и на заимствованныя слова. Нельзя напр. допускать довольно употребительнаго, особенно въ канцелярской практикѣ, но совершенно неправильнаго переноса: «контр-актъ, контр-агентъ» вмѣсто: *контрактъ, кон-трагентъ* (лат. *con-tractus*). Равнымъ образомъ

слѣдуетъ такъ раздѣлять слова: *аб-рисъ, адъ-ютантъ, дис-путъ, ин-спекторъ, об-латка, транс-парантъ, суб-сидія, суб-альтернъ, экс-педиція.*

4. Если послѣ предлога, оканчивающагося согласною, выпущена коренная согласная, то слѣдующая за нею гласная не можетъ начинать слога: нельзя переносить: «об-итать, об-ычай, раз-внуть» вм. *оби-тать, обы-чай; рази-нуть.* Неправильно было бы также писать: «ра-звнуть».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Употребленіе знаковъ препинанія.

100. Для указанія большей или меньшей пріостановки, или паузы въ чтеніи, служатъ слѣдующіе знаки препинанія: *точка, точки съ запятой, двоеточіе и запятая.* Назначеніе ихъ.

Употребленіе этихъ знаковъ предполагаетъ знаніе главныхъ основаній синтаксиса, или ученія о предложеніяхъ.

Точка ставится послѣ предложенія или ряда предложеній, содержащихъ полную, законченную мысль. Въ употребительной вышѣ такъ называемой *отрывистой* рѣчи точками раздѣляются часто весьма короткія предложенія. Такъ у Пушкина въ *Капитанской дочкѣ*:

Точка.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вптеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе... Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повавилъ хлопьями. Вптеръ завылъ, сдѣлалась метель.

Или у кн. Вяземскаго:

Царница удалилась въ свой теремъ. Все кругомъ нею было тихо. Молва умолкла. (Соч. т. VII).

Замѣтимъ однакожъ, что въ обонхъ отрывкахъ можно было бы между предложеніями вмѣсто точки поставить и точку съ запятой, какъ знакъ, служащій для раздѣленія предложеній, Точка съ запятой.

которые по содержанию подходят подъ одну общую мысль. Поэтому, при раздѣленіи главныхъ предложений, выборъ точки или точки съ запятой нерѣдко зависитъ отъ усмотрѣнія писателя. Вотъ примѣръ употребленія точки съ запятой Пушкинымъ же въ *Капитанской дочкѣ*:

Служи вѣрно, кому присянешь; слушайся начальниковъ; за изъ лаской не юнляйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся.

Или въ *Исторіи Пугачевского бунта*:

Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и блиали. . . Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и т. д.

Точка съ запятой между главными предложениями бываетъ нужна особенно тогда, когда при этихъ предложенияхъ находятся придаточныя, отдѣленные отъ нихъ запятыми:

Осаждающіе слабымъ духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда юродятъ; роптали; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу, Замойскаго; юворили, что онъ и т. д. (Карамз. И. Г. Р.).

Точка съ запятой ставится и тогда, когда такія предложения отдѣлены одно отъ другого союзами: *но, а, же, однакожъ*, передъ которыми впрочемъ, при краткихъ (особенно слитныхъ) предложенияхъ, достаточно бываетъ и одной запятой. Иногда съ этими союзами можетъ появляться и новое предложеніе послѣ точки.

Вотъ примѣры всѣхъ трехъ случаевъ:

1. *Нѣкоторые изъ послушныхъ (казаковъ) хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ. (Ист. Пуг. б.).*

2. *Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. (Кап. дочка).*

Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. (Кап. д.).

3. *Брантъ послалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ (Ист. Пуг. б.).*

Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только главныя предложенія, но и придаточныя, относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки:

Симизмундовъ посланникъ объявилъ Иоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ письма бранныя; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ клеветъ; что герцогъ Маннусъ съ помощію Россіянъ воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Симизмундъ и т. д. (И. Г. Р.).

101. Двоеточіе ставится:

Двоеточіе.

1. Передъ предложеніемъ, содержащимъ причину, слѣдствіе, доказательство или объясненіе предыдущаго:

Сержусь-то я на самого себя: самъ кругомъ виноватъ (Кан. д.).

Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли костры свои (И. Г. Р.).

Исторія есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ (Жук.).

2. Передъ приводимыми пишущимъ чужими словами или мыслями, передъ цитатами, изреченіями, заглавіями и т. п.

«Помилуй», говоритъ: «какъ можно это снести?» (Крыл.).

Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!» (Крыл.).

Вмѣсто отѣта она показала свое кольцо съ надписью: «Ничто, кромѣ смерти» (И. Г. Р.).

Передъ началомъ и при концѣ приводимыхъ авторомъ чужихъ словъ, заглавій и т. п., обыкновенно ставятся *кавычки*, или *относные знаки « »*. При цитатахъ нужны кавычки только тогда, когда выписка дѣлается слово въ слово.

3. Передъ словами, составляющими исчисленіе нѣсколькихъ предметовъ, лицъ или дѣйствій, иногда съ прибавленіемъ частицъ: *какъ-то, именно*:

Оберникъ П. Отд. Н. А. Н.

7

Насъ было двое: братъ и я (Пушк.).

—
*Друзья! не все ль одно и то же:
 Забыться праздною душой
 Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ
 Или въ кибиткѣ кочевой? (Евг. Он.).*

Многоточіе. **102.** Многоточіемъ, т. е. тремя и болѣе точками сряду (...), отмѣчается либо неконченная мысль, либо многозначительное размышленіе или сильное чувство:

*А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
 И свѣтъ въ очахъ затмился... (Жук.).*

—
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая! (Пушк.).

—
*Утихнула бездна... И снова шумитъ...
 И пѣною снова полна...
 И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
 И бьетъ за волною волна... (Жук.).*

Запятая. **103.** Запятая ставится между краткими однородными предложеніями, т. е. между двумя главными или двумя придаточными, когда они непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ, или раздѣлены союзами: *а, же, но, да* (въ значеніи *но*), или:

*Проходитъ годъ,
 Никто нейдетъ,
 Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый (Крыл.).*

—
*... Что онъ не въдаетъ святыми,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него. (Пушк.).*

*Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать.* (Крыл.).

—
*Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ* (Крыл.).

Когда два сказуемые при одномъ и томъ же подлежащемъ соединены союзомъ *и*, то обыкновенно запятой не ставится:

Я съѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу (Кап. д.).

—
*Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружнице!»* (Крыл.).

Но когда изъ двухъ сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *и*, второе означаетъ либо позднѣйшее дѣйствіе, либо слѣдствіе того, что выражено первымъ, то и передъ союзомъ *и* ставится запятая:

Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. (Вяз.).

104. Когда два предложенія, соединенныя союзомъ *и*, имѣють не одно и то же подлежащее, то они раздѣляются запятой: Запятая передъ союзомъ *и*.

Бурное объясненіе облегло ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать. (Кн. Вяз.).

—
Грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло. (Жук.).

—
Когда союзы: *и, да* (въ значеніи *и*) соединяють однородныя части предложенія (два подлежащія, два опредѣленія и т. п.), то передъ ними запятой не ставится, напр.

Однажды лебедь, ракъ да щука (Крыл.).

—
Но при повтореніи этихъ союзовъ запятая ставится:

И лаять, и визжать, и рваться. (Крыл.).

Нптз, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ ляжку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи. (Кан. д.).

Впрочемъ, когда и повторяется только разъ, то запятая обыкновенно опускается: *и тотъ и другой; и тамъ и сямъ; и осалко и смъшино.*

И день и ночь до новой встрѣчи. (Пушк.).

И радость и печаль, все было пополамъ. (Крыл.).

Запятая между повторяемыми словами.

105. Запятая ставится и при повтореніи другихъ союзовъ или нарѣчій въ одномъ и томъ же простомъ или слитномъ предложеніи:

*Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ. (Пушк.).*

*Доло ли мнѣ чужать на степь,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣтѣ, то пшикомъ? (Пушк.).*

Иль явно, иль исподтишка. (Пушк.).

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья! (Крыл.).

То же соблюдается, когда или чередуется съ союзомъ *ли*:

*Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она. (Пушк.).*

Вообще между повторяемыми въ предложеніи словами, къ какой бы части рѣчи ни принадлежали они, ставится запятая:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны. (Держ.).

Запятая передъ союзомъ или.

106. Когда союзъ *или* стоитъ между частями предложенія, то надобно различать, служитъ ли онъ для раздѣленія двухъ разныхъ понятій, или для поясненія одного слова другимъ. Только

во второмъ случаѣ нужна передъ союзомъ *или* запятая. При-
мѣры:

- 1) *Ѣму или мнѣ погибнуть надо.* (Пушк.).
- 2) *Скорбь, или печаль, есть состояніе души, томимой и проч.* (Жук.).

—
Когда союзъ *или* раздѣляетъ два предложенія, то передъ
нимъ ставится запятая:

*Надежды сердца ожили,
Иль сонъ тяжелый перерои.* (Пушк.).

—
*Когда случилось итъ-нибудь
Ей встрѣтитъ чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей.* (Пушк.).

107. Стояція передъ предложеніемъ нарѣчія: *да, нѣтъ*, и Запятая при нарѣчіяхъ: *ну, увы, ахъ*, если не произносятся съ особенною *да, нѣтъ* и при междо-
метіяхъ.
силой, отдѣляются отъ него запятою (и только въ противномъ
случаѣ знакомъ восклицательнымъ):

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли. (Пушк.).

—
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой. (Крыл.).

Но иногда частица *ну* бываетъ въ такой тѣсной связи со слѣ-
дующими за нею словами, что не должна быть отдѣляема отъ
нихъ запятою:

Ну то-то жъ, говоритъ имъ слонъ: смотрите. (Крыл.).

—
И ну топорищиться, пытаться и надуваться. (Крыл.).

108. Слова, стояція въ звательномъ падежѣ, какъ означаю-
щія лицо или предметъ, къ которому говорящій обращается, также отдѣляются отъ предложенія запятыми (иногда же зна-
комъ восклицанія, о чемъ ниже). Запятая при звательномъ падежѣ.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ? (Крыл.).

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ олядки? (Крыл.).

При нарѣчі-
яхъ и дру-
гихъ подоб-
ныхъ рече-
ніяхъ.

Запятыми же обыкновенно отдѣляются нарѣчія и другія по-
добныя реченія, когда они не входятъ въ составъ предложенія,
а служатъ къ обозначенію либо степени увѣренности говорящаго,
либо отношенія его къ предмету рѣчи, либо основанія мысли его
и т. п., именно слова: *конечно, вѣроятно, можетъ-быть, право,
кажется, помнится, разумется, знать, безъ сомнѣнія, словомъ,
короче, признаться, къ счастью, къ сожалѣнію, впрочемъ, по-
смотришь, пожалуйста, нѣтъ спору, напримѣръ, повидимому, на-
противъ, наоборотъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ, во-вторыхъ,
и т. д., съ одной стороны, и др.*

Посмотришь, въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. (Крыл.).

Это показалось ему, повидимому, страннымъ. (Пушк.).

*Деньги, по моему обѣщанію, находимся въ полномъ ея рас-
поряженіи. (Пушк.).*

*Можетъ-быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы
не еполнѣ хорошими министрами. (Вяз.).*

Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ. (Крыл.).

Ступай по немъ, пожалуйста, хоть въ каретѣ. (Крыл.).

*На большой мѣть, знать, дороги
Умереть Господь судилъ. (Пушк.).*

*Жизнь наша есть, такъ сказать, ночь подъ зѣлѣнымъ не-
бомъ. (Жук.).*

109. Когда въ предложеніи слѣдуетъ одно за другимъ, безъ союзовъ, нѣсколько подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣленій или дополненій, то каждое отдѣляется отъ стоящаго рядомъ запятою:

Запятая въ слитныхъ предложеніяхъ.

*Достави нотъ, баса, алта, дѣтъ скрипки
И спали на лужокъ подъ липки. (Крыл.).*

*Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать. (Пушк.).*

Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. (Пушк.).

Но два сряду стоящія опредѣленія (прилагательныя имена) не раздѣляются запятою, когда значеніе одного входитъ въ понятіе другого, или, говоря иначе, когда одно прилагательное служитъ опредѣленіемъ не существительнаго только, но вмѣстѣ съ нимъ и другого прилагательнаго, напр. *толстое красное сукно; морозный зимній день; шумная городская жизнь.*

Прилагательныя, не раздѣляемыя запятыми.

Изяславъ велъ за собою многочисленное стройное войско. (И. Г. Р.).

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ. (Пушк.).

110. Опредѣлительное прилагательное или причастіе, стоящее передъ опредѣляемымъ словомъ не отдѣляется отъ него запятою даже и тогда, когда сопровождается дополненіемъ:

Опредѣлительное не отдѣляется запятою отъ опредѣляемаго.

Упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. (И. Г. Р.).

*Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй. (Крыл.).*

Прилагательное или причастіе, стоящее и послѣ существительнаго въ качествѣ его опредѣленія, также не отдѣляется отъ него запятою:

Лицо его имло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. (Пушк.).

Въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги. (Карамз.).

Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. (Пушк.).

Прилагательное или причастіе въ значеніи обстоя- тельственна- го слова.

111. Но когда прилагательное или причастіе, съ дополне- ніемъ или и безъ онаго, употреблено не какъ опредѣленіе, а какъ обстоя- тельственное слово или какъ сокращенное придаточное пред- ложеніе (см. ниже), то оно отъ своего существительнаго отдѣ- ляется запятою, будетъ ли стоять передъ нимъ или послѣ него.

Неужасаемый ничѣмъ,

Мазена козми продолжаетъ. (Пушк.).

Мазена, въ думу погруженный,

Взиралъ на битву, окруженный

Толпой мятежныхъ казаковъ. (Пушк.).

Мужествоенный, твердый, (т. е. будучи мужественъ и твердъ) Александръ былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія. (Ф. Глинка).

Іоаннъ имлъ легкость въ нравѣ, несогласную (которая была несогласна) съ глубокими впечатлѣніями горести (И. Г. Р.).

Я погружился въ размышленія, большею частію печаль- ные (Пушк.) — которыя были большею частью печальны.

Запятая пе- редъ прило- женіемъ.

112. Приложеніе, т. е. опредѣленіе, выраженное суще- ствительнымъ, употребленнымъ въ одномъ падежѣ съ опредѣляе- мымъ, не отдѣляется отъ послѣдняго запятою, если стоитъ пе- редъ нимъ. Приложеніе же, слѣдующее за опредѣляемымъ име- немъ, отдѣляется отъ него запятыми:

Правка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коро- вница Акулиха. (Пушк.).

Хозяинъ, родомъ ящикій казакъ, казался мужикъ лѣтъ 68, еще сѣтливій и бодрый. (Пушк.).

Если стоящее передъ опредѣляемымъ приложеніе само имѣетъ при себѣ опредѣленіе или дополненіе, то иногда, для ясности смысла, оно также отдѣляется запятою.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ въ молодости своей служилъ при графѣ Мининѣ. (Пушк.).

Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ имена отца могутъ, наоборотъ, считаться приложеніемъ; и тогда они должны быть поставлены между запятыми.

Запятая ставится равнымъ образомъ и передъ приложеніемъ, поясняющимъ мѣстоименіе:

*Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Молчій мститель злыхъ обидъ. (Пушк.).*

113. Запятою отдѣляется придаточное предложеніе отъ главнаго, стоятъ ли они рядомъ, или придаточное поставлено между частями главнаго:

Отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложеній отъ главныхъ.

А. Опредѣлительныя предложенія.

1. Полныя, образуемая мѣстоименіями: *который* (въ косв. падежахъ и *кой*), *какой*, *кто*, *что*.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ мѣстоименіемъ *который*:

а) *Я встрѣтилъ генерала Буризова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. (Пушк.).*

Марья Ивановна подала бумажку незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя. (Пушк.).

б) *Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я познать. (Пушк.).*

Если смотреть на чинъ и почести, до коихъ дослужился

Фонетизмъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. (Вяз.).

Есть разница между фразами, помѣщенными подъ литерою *а*, и тѣми, которые приведены подъ *б*. Въ первомъ случаѣ опредѣлительное предложеніе составляетъ только добавочную подробность при главномъ; во второмъ оно необходимо для полноты мысли. Поэтому въ нѣкоторыхъ языкахъ предложенія послѣдняго рода не отдѣляются запятою отъ главныхъ.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ другими мѣстоименіями:

Каждый, кто только одаренъ чувствомъ любви къ нравственно-прекрасному. (Вяз.).

—

*Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торуетъ Лондонъ щепетивый (Пушк.).*

2. Сокращенныя придаточныя предложенія, образуемая причастіями дѣйствительнаго или страдательнаго залога, а также прилагательными, когда тѣ и другія стоятъ при опредѣляемомъ ими существительномъ и притомъ съ принадлежащими къ нимъ дополненіями и обстоятельственными словами:

Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставляющаго пушки. (Пушк.).

—

Все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирилломъ Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. (Пушк.).

—

Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, были настежь растворены для семейства. (Вяз.).

Сюда относятся также примѣры, приведенные выше подъ пунктомъ 111.

Б. Дополнительныя и обстоятельственныя предложенія, какъ полныя, образуемая при помощи союзовъ: *что, когда, идъ, куда, откуда, какъ, ибо, потому что, если, хотя, чтобы, дабы* и т. п.,

такъ и сокращенныя, выраженныя посредствомъ дѣепричастій, отдѣляются запятыми отъ главныхъ.

а) Съ союзами:

Вотъ что Жанъ-Поль Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю. (Жук.).

Чтобы не быть темнымъ или смѣлымъ, я долженъ сдѣлать отступленіе. (Жук.).

Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. (Жук.).

*Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой... (Пушк.).*

Отъ натяжки выраженіе затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ ея соотвѣтствовать. (Жук.).

Въ періодической рѣчи, для означенія соотвѣтствія между первою и второю частью, — соотвѣтствія, выражаемаго союзами *если — то, когда — тогда*, также передъ союзомъ *ибо* Карамзинъ употреблялъ обыкновенно двоеточіе; но у позднѣйшихъ писателей двоеточіе въ такихъ случаяхъ обыкновенно замѣняется запятой или, при длинныхъ предложеніяхъ, точкою съ запятой.

Когда, при употребленіи сложнаго союза *потому что*, съ особеннымъ удареніемъ произносится первая часть его, то запятая ставится передъ *что*:

Онъ не знаетъ, идѣ и какъ проснется, не знаетъ потому, что смотритъ на жизнь сквозь черное стекло скептицизма. (Жук.).

б) При дѣепричастіяхъ:

Я выѣхалъ изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ. (Пушк.).

Неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ. (Пушк.).

Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ. (Пушк.).

Когда стоящее безъ дополненія дѣепричастіе имѣеть значеніе нарѣчія (напр. *молча, шутя, стоя, лежа*), то при немъ запятая не употребительна:

Что за вздоръ! отъѣчалъ батюшка назмурясь. (Пушк.).

Вообще обстоятельственные слова отдѣляются запятыми только тогда, когда ихъ нѣсколько, или когда они вставляются, для поясненія мысли, между частями предложенія.

Вмѣстѣ проишли они, рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни. (Вяз.).

Эта книга, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. (Плетн.).

Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ. (Жук.).

Отдѣленіе
словъ, коими
начинаются
придаточныя
предложенія.

114. Такъ какъ придаточныя предложенія всякаго рода отдѣляются отъ главнаго запятою, то и передъ всѣми словами, которыми можетъ начинаться придаточное предложеніе, вставленное въ середину рѣчи, употребляется запятая:

1. Передъ мѣстоименіями относительными: *кто, что, который*, когда они слѣдуютъ за указательными: *тотъ, то*, или за существит. именами.

2. Передъ союзами: *что, будто, какъ, если, хотя, нежели, чѣмъ*; также передъ предлогомъ *кромѣ* и послѣ управляемыхъ имъ словъ.

3. Между отвѣчающими другъ другу союзами: *тогда, когда; тамъ, идѣ; такъ, какъ; столько, сколько.*

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. (Тург.).

Черта.

115. Кромѣ исчисленныхъ главныхъ знаковь препинанія, одинаковое съ ними назначеніе имѣеть черта, или тире (—).

Она употребляется:

1. Между подлежащимъ и сказуемымъ при опущеніи связки въ настоящемъ времени (*есть, суть*), когда безъ черты

отношеніе между обѣими частями предложенія не было бы ясно:

*Между откупщиковъ,
Съ которыми теперь и графы и князя —
Друзья. (Крыл.).*

—
Велико дѣло — миллионъ! (Крыл.).

—
*А философъ —
Безъ омуцовъ. (Крыл.).*

2. Вообще когда при ускоренной рѣчи опускаются слова, употребительныя при спокойномъ выраженіи мыслей, или когда нарушается обыкновенный порядокъ изложенія, а также для означенія быстроты дѣйствія или передъ неожиданною мыслью, передъ разительнымъ заключеніемъ предложенія:

*Кому нѣтъ мѣста и причины, и проч.
Кого мы называемъ — Богъ! (Держ.).*

—
Летѣй, летѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву. (Крыл.).

—
Шаннулъ — и царство покорилъ. (Держ.).

—
*Сегодня лѣтитъ надежда лестна,
А завтра — идѣ ты человекъ? (Держ.).*

—
Надежду и пловца — все море поглотило. (Крыл.).

—
И шуку бросили — въ рѣку. (Крыл.).

3. Для означенія рѣзкой противоположности:

Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ.

4. Въ периодической рѣчи, передъ вторымъ членомъ періода, особенно когда пропускаются союзы: *то, такъ, тогда*:

*Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ. (Крыл.).*

5. Иногда черта замѣняетъ запятую, и отдѣляетъ:

а) Не принадлежащія къ предложению (вводныя) слова:

*Какъ вдругъ, — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ оракулъ вздоръ. (Крыл.).*

*Я слышалъ — правда ль — будто встарь
Судей такихъ видами. (Крыл.).*

Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались. (Крыл.).

б) Приложение, когда оно довольно длинно:

*И тебя не стало, нашъ Государь 12-го и 14-го годовъ —
эпохъ сожженія Москвы и пощады Парижа. (Ө. Глинка).*

в) Слова повторяемыя:

Встряхнулся и лежитъ, — лежитъ и видитъ онъ. (Крыл.).

6. Черта можетъ ставиться и вмѣстѣ съ другими знаками препинанія, какъ показываетъ уже и послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ. Когда приводятся чужія рѣчи, то слова одного лица отдѣляются отъ словъ другого чертою при точкѣ, при восклицательномъ или вопросительномъ знакѣ:

Но отдать я желаю:

Вы сколько пользы принесли? —

Да наши предки Римъ спасли! —

Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —

Мы? ничею! — Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть? (Крыл.).

Черточка.

116. Отъ черты должно отличать черточку - (или, какъ въ старину говорили, единичный знакъ). Она ставится:

1. Между двумя существительными, соединяемыми въ одно названіе:

Царь-птица, жаръ-птица, баба-яга, кума-лиса, адъютантъ-профессоръ, генералъ-майоръ, чудо-богатырь.

2. Вообще между словами, составляющими вмѣстѣ одно понятіе, но которыя не принято писать слитно:

Что-то, какой-то, кто-нибудь, что-либо, то-есть, все-таки,

изъ-подъ, изъ-за, по-нашему, по-русски, по-молодечки, самъ-третьей, можетъ-быть.

3. Иногда нарѣчіе соединяется черточкою съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ, напр.: *истинно-патріотическій, западно-европейскій, греко-латинскій, древне-классическій.*

Сводъ небесъ зелено-блѣдный (Пушк.).

117. Чтобы явственнѣе отдѣлять отъ предложенія вводныя слова, къ нему не относящіяся, или вообще слова, служащія къ поясненію предыдущихъ, употребляются скобки ( ): иногда между скобками ставится цѣлое предложеніе, напр.:

Скобки.

*Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).*

*И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами*

Непосредственно передъ скобками большею частью не ставится знаковъ препинаія; если ими прерывается предложеніе, или отдѣляется главное отъ придаточнаго, то требующійся знакъ ставится послѣ второй скобки. См. предыдущій примѣръ.

118. Отъ всѣхъ другихъ знаковъ препинаія отличаются своимъ назначеніемъ знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), служащіе для указанія тона рѣчи.

Знакъ восклицанія.

Знакъ восклицательный ставится:

1) Послѣ слова, употребленнаго въ звательномъ падежѣ, когда зову придается особенная сила, преимущественно въ началѣ рѣчи:

Владыка дней моихъ! (Пушк.).

2) Послѣ предложенія, содержащаго восклицаніе, а также и послѣ междометія:

Взять! Топить! Да здравствуетъ Дмитрій! (Пушк.).

Ага! увидѣлъ ты! (Пушк.).

—

О! да исполнять безсмертные боги твои все желанья! (Жук.).

Впрочем послѣ междометія, служащаго только для усиленія восклицанія, часто достаточно бываетъ запятой:

*О, если бѣ могъ отъ взорозъ недостойныхъ
Я скрыть подвалз!* (Пушк.).

Когда междометіе о поставлено передъ словомъ, которое само по себѣ употреблено въ видѣ восклицанія, то первое отъ послѣдняго вовсе не отдѣляется знакомъ:

О горе! (Жук.).

О страшное, невиданное горе! (Пушк.)

Знакъ вопро-
сительный.

119. Знакъ вопросительный ставится послѣ главнаго предложенія, содержащаго прямой вопросъ:

*Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онз?
Та монахиня — кто же она?* (Жук.).

Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не дружилась Англія? Въ какой земль Европы, идъ китльз мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызанные кровію герои? (Жук.).

Впросительный знакъ ставится также послѣ придаточнаго предложенія, относящагося къ прямому вопросу, выраженному главнымъ:

Не Англія ли бросила Швейцарію во власть грабителей радикаловз, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разерата, которые не даютъ свободно вздохнуть Европль? (Жук.).

Передъ косвеннымъ вопросомъ, выраженнымъ въ придаточномъ предложеніи, ставится по общему правилу запятая, вопросительнаго же знака въ концѣ вопроса не нужно.

Никто не можетъ сказать, когда началась вѣра въ Бога. (Жук.).

Можетъ ли русскій языкъ приобрести это свойство, не знаю. (Жук.).

Иногда, когда предложеніе заключаетъ въ себѣ вопросъ и восклицаніе вмѣстѣ, ставятся одинъ за другимъ оба знака, или, если въ вопросительномъ предложеніи преобладаетъ восклицаніе, то ставится одинъ восклицательный знакъ:

Лишь объ одномъ я буду плакать:

Зачѣмъ они не дѣти! (Лерм.).

120. Для болѣе яственного означенія выговора употребляются два надстрочные знака: 1, знакъ ударенія ('), о которомъ уже было говорено въ п. 8-мъ, и 2, двоеточіе (¨) надъ буквами *e* и *э* (см. выше, стр. 14 и 73).

Надстрочные знаки.

Знакъ ударенія употребляется либо для показанія различія въ произношеніи двухъ словъ, которыя пишутся одинаково, напр. въ словѣ *зѣмокъ* для отличія отъ *замокъ*, либо для означенія выговора малоизвѣстнаго слова, областного или иноязычнаго, или же наконецъ собственнаго имени.

Для тѣхъ же цѣлей служить начертаніе *ѣ*, напр. въ словѣ *нѣбо* для отличія отъ *небо*. Кромѣ того, къ двоеточію надъ *e* прибѣгаютъ иногда въ стихахъ, чтобы яснѣе показать созвучіе одного слова съ другимъ, иначе написаннымъ; напр. пишутъ *слѣзъ* для болѣе нагляднаго означенія рѣзмы къ слову *трозъ*.

Справочный указатель.

Помѣщенные нозмѣ словъ цифры означаютъ страницы, гдѣ можно найти замѣчанія объ этихъ словахъ.

А.

Аббатъ (ит. abbate).

Або (шв. Åbo, собств. Обо). Карамзинъ употребляетъ форму: *Абошъ, абовскій*.

Абониментъ (фр. abonnement).

Аввадумъ.

Авдй (народ. *Лодей*).

Авдотья. См. *Овдотья*.

Авнионъ.

Агаеонъ. — *Агаея*.

Аггей 60.

Аграфена (лат. Agrippina).

Адресъ, адресовать (фр. adresse) 81.

Адрианъ (въ народѣ неправильно *Андрей*).

Адъютантъ. — *Адъютантъ* 51.

Азіатскій 77.

Агаеонъ.

Акклиматизація.

Акомпанировать. — *Акомпаниментъ*.

Аккордъ (ит. accordo).

Аккредитовать.

Аккуратно (лат. accuratus).

Актерь.

Акула (др.-норв. hákall).

(Ладья). См. *Оладья* (отъ *ἐλαίον*, масло, елей).

Алевтина (жен. имя).

Алексй 60.

Аллегорія (гр. ἀλληγορία).

Аллея (фр. allée); предл. п. по аллеѣ.

Алилуя (еврейск. halal, восхвалять, и jah, сокр. им. Иегова, — хвалите Господа).

Алоэ (раст., греч. ἀλόη; цер.-сл. алгоуѣ и алгоуинъ).

Алтареъ (лат. altare отъ altus, высокій). Древн. *олтарь*.

Алфавитъ (лат. alphabetum, отъ *ἄλφα* и *βῆτα*, первыхъ двухъ буквъ греч. азбуки).

Алфей.

Амбаръ (тюрк. и перс. амбар, новогреч. αμταρι. Болг. амбар; серб. и словен. гамбар).

Ампій (просто нар. Ампей) 60.

Амуниція.

Амфилохій. — *Амфитеатръ*.

Амфионъ.

Анаеема.

Англіи́скій.

Андрей 60. — *Анноія*.

Анеимъ. — *Анеиса*.

Аннионскій (прилаг. отъ *Анна*) 33.

Апелляція (лат. appellatio).

Апеннины.

Аполлонъ.

Апофеогма.

Апофеозъ.

Аппенцель.

Аппетитъ (лат. appetitus).

Апрѣль (лат. aprilis) 60.

Арабъ, им. Аравитянинъ, уроженецъ Аравіи. Оттуда: арабскій языкъ.

Арапъ — негръ.

Ардалионъ. — *Арееа*.

Арестъ, арестантъ, арестовать (ср.-лат. arrestum) 79.

Аристофанъ.

Арнеметка.

Армейскій 61.

Артиллерія (отъ франц. artiller, корень art, — снаряжать, вооружать; сред.-лат. artillium, снарядъ, орудіе).

Архіерей 55.

Аррьергардъ (фр. arrière-garde).

Ассессоръ (лат. assessor). Ср. *сессія*.

Ассириять.

Асמודей 60.

Ассамблея. Стар. (фр. assemblée, отъ ср.-лат. assimilare).

Ассигнація (лат. assignatio).

Ассоціація.

Астафій. См. *Остафій*.

Атака, атаковать (фр. attaque) 79.

Атласъ (отъ *Атланта*, титана, носящаго мирозданіе. Оттуда нѣм. *Atlasen*, собранія картъ).
Атласъ (араб. *atlas*, вытертый, гладкій). Шелковая матерія.
Атрибутъ.
Аттестатъ (лат. *attestatio*) 79.
Афиша (фр. *affiche* отъ гл. *afficher* прибивать, т. е. объявленіе) 80.
Афоризмъ.
Аенасій. — Аены.

Б.

Байонна.
Баклага (тат.).
Баллада (ит., прованс. *ballada*).
Балластъ (англ. *ballast*).
Баллотировать (фр. *ballotter*).
Балль (фр. *ballotte*, «petite balle, servant à donner des suffrages». Littré. Голл. *bal* = шаръ) 80.
Баль (фр. *bal*, отъ ит. *ballare*, плясать).
Баррикады.
Барышня. Род. мн. *барышень* вопреки и. 54, стр. 50.
Басня, род. п. *басенъ*. **Басенка** 50. 53.
Бассейнъ (фр. *bassin*).
Баталіонъ, **батальонъ** (фр. *bataillon*) 77.
Батарея (фр. *batterie*) 79.
Батъка, **батюшка** 24.
Бахрама (турец. *makrama*).
Башмачникъ 46.
Башня; род. мн. *башенъ* 50. **Башенка** 53.
Безменъ (шв. *besman*, дат. *bismer*, польск. *bezmiar*, тюрк. *батманъ*) 43.
Безпокоить, **безпокоять** 29.
Безчисленный 43.
Безъ, предлогъ. Правописаніе его въ соединеніи съ другимъ словомъ 43.
Безызвѣстный. — **Безыменный** 51.
Безыскусственный 51.
Белена (чеш. *blin*, *blen*; пол. *bjelun* = *hyoscyamus niger*).
Бельгія.
Бельмесъ (турец. *belmèz* = ничего не знаетъ): «ни бельмеса не смыслить».
Береженный 67.
Бесѣда 56. Обыкновенно относятся это слово къ корню *сѣдъ* (сѣсть), но въ сущности оно съ нимъ не имѣетъ ничего общаго: серб. *бѣсѣда*, *бѣседа*, хорут. *beseđa* зн. просто слово.
Бетховенъ (*Beethoven*) 74.
Бечева, **бечовка** (не *бичевка*; значеніе не имѣетъ ничего общаго съ глаг. *бить* и сущ. *бичъ*).

Виблейскій 61.
Видіонъ 78.
Вильярдъ 77.
Влаговѣтъ.
Влагодарить, **благодарствовать**.
 Говорить: «благодарствуй» вм. «благодарствую», хотя и вошло въ обычай, но неправильно.
Влеять, **блещешь**, **блещутъ**.
Влизорукий (отъ близзорокій — формы, которая мѣстами еще слышится въ народн. языкѣ. См. *Обл. Словарь*).
Влизъ, нар. 50.
Вогадѣльня (производить отъ выраженія: *Вои дѣля* (др. вм. *дѣл*)).
Вокаль (ит. *voccale*).
Воленъ (не «болѣтъ»), больна, больны 63.
Вольшой, **большого**; **большій**, **большаго**. — **Вольшинство** 35.
Волѣе, **болѣ** (въ древ. слав. *боле*) 63.
Волѣвъ 63.
Вормотать, **бормочуть**.
Восфоръ (*Vosphorus*).
Вотвинья (ботва и ботовъ — свекла; вообще стебель и листья корнеплодныхъ растений; лат. *beta*).
Врадобрѣй 60, 68. См. **Брять**.
Враній 67. **Враная** ткань, **браніна** (отъ гл. *братъ*, работать узорную ткань), «узорочная, которая точется не просто черезъ нитку, а основа перебирается по узору» (*Толк. Сл. Даля*).
Браслетъ, **браслетка**.
Брезентъ (голл. *presepning*, морск. терминъ = намоленная парусина для завѣшиванія).
Брезжится. Литов. *brėkszta*, норв. *braga* (свѣтиться, пылать).
Бренчать (ц.-сл. *брацать*), **бренчать**.
Брильянтъ (*brillant*) 77.
Британія. — **Бриты**.
Брить, **бреютъ**. Повелит. *брей* 28.
Бровь (скр. *b'ŗū*, множ. *b'ŗūv* - аз, перс. *a-brou*, греч. *ὄφρυς*, нѣм. *Braue*).
Брошюра¹ (фр. *brochure*), но **брошировать** (отъ *brocher*).
Брыжи (пол. *brzyż*, съ итал. *fregio*).
Брызгать (ср. прыскать).
Брюзжать.
Будень. Отъ др.-слав. *бѣдѣти* (ср. серб. прилаг. *будан* или *бѣднѣй*, *будна*, *будно* = бодрствующій).
 Болѣе употребительно множ. ч. *буд-*

¹ Правило о несочетаемости шипящихъ и гортанныхъ согласныхъ съ обличенными гласными *я*, *ю*, маложеное въ п. 24, не относится къ многоязычнымъ словамъ.

ми, *будней*; въ акад. словарѣ и у Даламъ есть однакожь и *будень*. Также и въ малорос.
Будничный правильнѣе нежели *будничный*. См. *Будень*.
Будочникъ 46.
Бумажка 46.
Бурка (им. «бурко», бурая лошадь) 25.
Бухгалтеръ.
Бы, бѣ. Пишется слытно только въ союзѣ *чтобы*.
Быгать — *Бижать, бѣжись, бѣгутъ* 29.
Бѣда. Серб. бијѣда (незаслуж. обвиненіе); поль. biada, чеш. bida. (Бѣлена). См. *Велена*.
Бѣлый. Серб. бијел, пол. biały, чеш. bílý.
Бѣсъ. Серб. бијес, пол. biés, bis; чеш. běs.
Бѣшеный.
Бюллетень. (ит. bulletina, отъ bulletta, записка, грамота).

В.

Вагонъ (англ. waggon).
Валя (греч. βάλω) верба. (Вались). См. *Вельсь*.
Валторна. (Нѣм. Waldhorn: Wald — лѣсъ, и Horn — рогъ. Ср. пол. wal-tornia).
Ванна (нѣм. Wanne) 80.
Вареникъ.
Вареный 67.
Вариантъ (фр. variante) 77.
Вариация (фр. variation) 77.
Варевохмей.
Васенька (уменьшит. отъ *Василь*) 32.
Вассалъ (фр. vassal). (Ватрушка). См. *Вотрушка*.
Ваяніе (скр. vā, копать, поражать).
Вблизъ 87.
Вверху, вверхъ 86.
Вечеру 86.
Вѣкъ 86.
Вдалекѣ 87.
Вдали. Вдаль. — **Вдвоемъ**. — **Вдвойнѣ** 86. 87.
Вдоль. — **Вдоль** 86.
Вдомекъ 86.
Вдребезги 86.
Вдругъ.
Вѣдро (гр. αἶθρα, исл. heidr).
Вѣдрó (гр. ὑδρεῖον). (Вежа). См. *Вѣжа*.
Ведрѣ 43. 59.
Вексель (нѣм. Wechsel).
Векша (перс. véchak = красная лисица).
Веленовый (фр. vélin).
Великобританія.

Великобританій.
Вельсъ (Wales) им. употреблявшася прежде *Валлисъ*. Названіе *Валлисъ* принадлежитъ одному изъ кантоновъ Швейцаріи. Еще менѣе правильно прилаг. *валлійскій*, которое слѣдуетъ замѣнить формою *Вельсскій* 76.
Велѣть — *Велѣно* 63.
Венеціанскій 77.
Вензель (польск. weseł, ср. др.-слав. вазати); прил. *Вензелевый*.
Верблюдъ (им. вельбудъ или собств. вельблэдъ, отъ гот. ulbandus = нѣм. elefant, др.-франц. oliphant).
Вереть — *Вереница*. — *Веретено*.
Веревка 26.
Вертепъ.
Верхъ 54.
Вершокъ.
Весна. — **Весенній, вешній**.
Весь, всякъ. Все, всѣхъ.
Весьма 58.
Вѣтла, ии. ч. вѣтлы.
Вѣтхій. — **Ветощь**. — **Ветшати**. (Ветчина). См. *Вадчина*.
Вечоръ (т. е. вчера вечеромъ).
Вешнякъ.
Вездѣ и впередъ.
Везимы. — **Везимъ**. — **Взаперти** 87.
Везуски 87.
Везалочный (ср. *баломутить*).
Взирать 51.
Взойти 69.
Возокать. Возоканіе 51.
Возать, возмутъ (им. возимуть) 51.
Видѣть (не «видѣтъ»), видна, видно 63. 64.
Видѣть, видѣть. Видѣнный 63. 64.
Визжать, визжать.
Вилы 80.
Вильна.
Вильямъ (William).
Винтъ (польск. gwint).
Високосный (ново-гр. βίσεκτος отъ лат. bissextus).
Виссаріонъ.
Виссонъ.
Висять, вину, висать. — **Висѣлица**.
Витать — *зи. жить*; отсюда *об(е)житать*.
 Въ современномъ языкѣ по недоразумѣнію неправильно употребляется въ смыслѣ «носиться» (planer).
Вкеанія.
Вкопанный 67.
Вкозь 87.
Вкратцѣ 87.
Вкривъ 87.
Владимиръ 55.
Влѣво, влѣвъ 87.
Вмигъ 86

Вѣсто. — **Вѣстѣ** 86.
Вѣстны 87.
Вначалѣ 86. Но съ опредѣлит. *съ* *началъ*, напр. *отка, юда*.
Внезапно. Первонач. форма *внелану*. *Лану* (ц.-сл. *запа*) винит. пад. отъ *лани*, *лани* = ожиданіе, подозрѣніе. Оттуда гл. *Запани*, подозрѣвать, сомѣваться, медлить. Слѣдов. *внелани* собственно зн. неожиданно.
Внизу. **Внизъ** 86.
Вновь, вновь 50. 87.
Внутренній, внутренне 67.
Внутри, внутрь 87. «Внутри», съ удвоеннымъ предлогомъ *съ*, есть реченіе ошибочное.
Внѣ 59 (др.-сл. *вънѣ*, друг. форма *вънъ*, *въноу* = *вонъ*). Ср. Словарь Миклошича подъ словомъ *вънъ*.
Внѣшній 59.
Во-время. — **Вовсе.**
Во-вторыхъ 87.
Вовѣкъ. **Вовѣки** 86.
Водолей 60.
Водопохъ (ср. *похы*).
Водоросль. Здѣсь *а* принадлежитъ богу ц.-сл. *форисъ* (*отрасль*); ср. русск. *поросль*.
Водяной.
Воедино 87.
Вожделѣніе (вм. *возжелѣніе*) 66.
Возгорать (древ. *възгарати*) 24.
Возжа, множ. возжи, род. возжей (отъ корня *вез, воз*) 66.
Возженный 66.
Возрѣніе.
Возлѣ (= *въздѣ*. Миклош. Ср. *подлѣ, подоглѣ, поздоглѣ*).
Возмездіе.
Возместить; возмещать. Въ акад. словарѣ это слово совсѣмъ пропущено, но тамъ есть ц.-сл. *возместіе* (въ томъ же значеніи какъ *возмездіе* — отъ ц.-сл. *възмѣстити*), изъ чего слѣдуетъ, что надо писать: *возмѣстити, возмѣщать* (какъ *вымѣщать*), а не *возмѣстити, возмѣщать*.
Вознамѣриться.
Возрастать. — **Возрастить.** — **Возращать.** — **Возрасть** 24.
Возрождать 24.
Восвѣсть, восвѣдутъ.
Всечки 47.
Восникъ 51.
Воснуть 51. 53. См. *Взять*.
Войти, войдутъ 69.
Вокругъ 86.
Вонъ. См. *внѣ*.
Вообще (*обще* здѣсь *внн.* падежъ

среди. рода, какъ въ нар. *вовсе, впервые*) 87.
Во-первыхъ 87.
Вопить, вопять. (Греч. дор. *ἀπῶ*, хорут. *voriti*, кричать, всл ор, восклицаніе). Звукоподр. — *В* призывкѣ, какъ видно изъ предложнаго *возолимъ*, а не «возвопить».
Вопреки 42. 87.
Ворихша 24.
Воробей.
Восемнадцать. — **Восемьдесятъ** 50. 53. — **Восмерка.** — **Восмеричный** 54. — **Восмидесятый** (см. *Осмерка*).
Восемь (др.-сл. *осмь*, съ русск. призывкомъ *е*). — **Восьмой.** См. ниже.
Воскресеніе (*дѣйствіе*) 43.
Воскресенье (воскресный день) 43.
Воспитаніе.
Воспитанникъ 67.
Восприемникъ (отъ *воспріятъ*).
Восьмой, осьмой (др.-сл. *осмый*) 53.
Вотрушка. Для объясненія этого слова Даль указываетъ на первообразное *сотра* или *сотря*, зн. опилки, стружки, остатки соломы, мякина и т. п., съ чѣмъ оны сближаетъ мелкую изъ творага начинку вотрушекъ.
Вотчимъ (призывкѣ *е*).
Вотще (др.-сл. *вътыште*).
Впервой, впервые 87.
Впереди. -- **Впередъ** 86.
Впечатлѣніе 63.
Вплавъ 87.
Вплотную, вплоть 87.
Вполнѣ 87.
Вполугути 89.
Вполыта 89.
Впопыхахъ 87.
Впослѣдствіи 86.
Впотымахъ 87.
Вправо 87.
Вправѣ (въ правой сторонѣ) 87. Но когда *право* сущ. имя, то слѣдуетъ отдѣлять предлогъ *въ*.
Впредь 87.
Впросакъ.
Впрочемъ 87.
Впрямъ 87.
Впустѣ.
Враспину 87.
Врасплохъ.
Вредъ (др.-сл. *врѣдъ*).
Время (др.-сл. *врѣмя*).
Вронецъ.
Вронецъ, вросъ. И то и другое правильно: 1-е отъ прил. *розынъ*, 2-е отъ самаго корня *роз*. — «Въ народномъ языкѣ употребительнѣе *розъ, вросъ*,

напр. въ пословицѣ: дѣло дѣлу розь, а иное хоть брось; — пошло врозь да вкось, хоть брось». (Буслаевъ, *И. Г. I, § 72*) 86. 87.

Врядъ, врьдъ *лх, наврядъ.*
Все. — Все-таки 89. — Всегда.
Всего на все.
Воеденная (первонач. въ смыслѣ всей населенной земли: ἡ οἰκουμένη, тогда habitata).
Военочная.
Воечасно 46.
Вокачь. — Вокользь 50. 87.
Вокоръ.
Вокухъ. — Вохидъ 86.
Вохидствіе 86.
Вомятку 87.
Вошлошную 87.
Вопись. — Встарь. Встарину 86. 87.
Вотрѣтитъ, вотрѣчу, вотрѣтатъ.
Вотрѣча 46.
Вотупитъ, вотуплю, вотупатъ.
Воуе.
Всѣ, всѣмъ, всѣми.
Воуду.
Втайнѣ. — Втиши 86.
Второй, р. п. второго 22.
Второпяхъ 87.
Втрое. — Втроемъ. — Втройнѣ.
Втуне (др.-сл. тоунѣ) 88.
Втуникъ (туникъ = глухой заулокъ).
Вудичъ (англ. Woolwich) 76.
Вчернѣ 87.
Вчетверо. — Вчетверомъ 87.
Вчужѣ.
Вьяль (отъ неупотреб. сущ. *лѣя*).
Вьядѣ (отъ неупотр. сущ. *лѣя*, какъ наяду).
Выгорать 24.
Выжать, выжимуть.
Выжить, выживатъ.
Выдоравливать.
Выдоравливаніе. — Выдоравлитъ.
Выгрышъ.
Выдти (вытти), выдуть; выдѣ 69.
Выместитъ, вымещать.
Вымно(е)лѣ.
Вырабатывать.
Вырастать. Вырасти. Прош. выросъ, выросла. — Выраститъ. Выращать 24.
Вырвубъ.
Вырожаться; вырождаться 24. (Высокосный). См. **Высокосный.**
Выспренный (отъ нар. *выспрь*; ср. др.-сл. *въсперіе*, *восперіе* = полегъ, также: *испръ въиспръ* = вверхъ). Одного корня съ глаг. *паритъ*.
Высшій.

Вышній. См. примѣч. подъ словомъ *далній*.
Вьюга (отъ гл. *вить*). **Вьюжъ** 52.
Вьюжъ (польск. *iuk*, отъ тур. *yuk*).
Вьюрокъ 53.
Вьюшка (отъ гл. *вить, вѣять*) 58.
Вѣданіе. Отъ црк.-сл. *вѣдѣти* 56. 64.
Вѣдъ. Отглагол. частица, подобная словамъ: *чуть, муть, почини*.
Вѣдьма.
Вѣеръ. Ср. чеш. *vějíř* (1, вѣяло; 2, вѣеръ); ниж.-луж. *wśjer* (вѣяло).
Вѣжа 56.
Вѣжда (отъ корня *вѣд* = вид.) 56.
Вѣко (польск. *wieko*, чеш. *wiko*). Зн. вообще крышка: обл. крышка на дежѣ, ср. шв. *ögonlock* (глазная покрышка) 56.
Вѣкъ. (Серб. *viijek*, польск. *wiek*; чеш. *wék*) 56.
(Вѣкша). См. **Векша**, хотя первое согласіе съ древнимъ правописаниемъ.
Вѣна (чеш. *Viden*).
Вѣнецъ. — Вѣнокъ 56. Вѣничикъ 54.
Вѣникъ. Литов. *wanotĩ*, хлестать вѣникомъ. Отсюда *wanta* или *anta*, вѣникъ.
Вѣно (ц.-сл. *вѣнити* = продавать).
Вѣносецъ 41.
Вѣра. — Вѣрующее письмо 31.
Вѣентъ, вѣшу, вѣсятъ. — Вѣскій 45.
Вѣсть, вѣстовщикъ.
Вѣтъ (отъ *вить*?). Др.-сл. *вѣм*.
Вѣтеръ, вѣтръ.
Вѣтренникъ 67.
Вѣтреность.
Вѣтреный. Подверженный дѣйствию вѣтра, имѣющій къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человекъ. (Можетъ употребляться и въ краткой формѣ: Здѣсь вѣтрено; онъ оченъ вѣтренъ) 67.
Вѣтряный. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мѣхъ. Прич. *смирный*, какъ вещество, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ вѣтряный (такъ же какъ и серебряный, золотъ) 67.
Вѣха (польск. *wiecha*, чеш. *wicha*).
Вѣче (отъ корня *вѣм*).
Вѣчний.
Вѣшать, вѣшаютъ.
Вѣщать (кор. *вѣм*). — Вѣщій.
Вѣять, вѣютъ.
Вѣдчина. Присутствіе тутъ корня *вѣд* доказывается соответствующи-

ми словами въ другихъ слав. нарѣчїяхъ, и особенно въ польск. гл. *węzić* зн. «скоптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и сущ. *węzina*, копченое мясо; *węziarz*, коптильщикъ *węziarnia*, коптильня. Другой корень *więd*, еще болѣе соответствующій нашему *вѣд*, далъ въ польск. слѣдующія реченія: *więdle* мѣсо, *więdzuна* (вяленос, копченос мясо).

Вязать, вяжешь, вяжутъ 29.

Вязига.

Вязчикъ 48.

Вязчикъ 48.

Г.

Гавриилъ. Народн. Гавриилъ 26.

Гаданый 67.

Галерея (фр. *galerie*; ит. *galleria*, нѣм. *Gallerie*).

(Галоша). См. Калоша.

Галстухъ (нѣм. *Halstuch*). Галстучекъ. Буква ч въ уменьш. формѣ слова указываетъ на невѣрность начертанія «галстухъ».

Галунъ (фр. *galon*, ит. *gallone*, отъ роман. *gala, gale*, пышность, убранство).

Гамбургъ.

Гдѣ (др.-сл. кѣде, кде, кѣдѣ) 42. 59.

Геенна (евр., адъ).

Гекзаметръ (правильнѣе, нежели «экзаметръ»).

Гельсингфорсъ (шв. *Helsing* и *fors* = водопадъ). **Гельсингфорскій.**

(Генварь). См. Январь.

Генераль-майоръ 90.

Геніальный 77.

Генуя 79.

Гигіена 78.

Гимназія (γυμνάσιον отъ γυμνός, нагой).

Гіена (звѣрь, *ūziva*) 78.

Глафира. — **Глѣбъ.**

Глухоймой.

Глянецъ (нѣм. *Glanz*).

Гнесты (-сть), **гнетутъ.** — **Гнетъ** 57.

Гнѣвъ. — **Гнѣвить.** — **Гнѣваться.**

Гнѣдой. — **Гнѣдко.**

Гнѣздо. Мн. **гнѣзда** (произн. «гнѣзда») 14. 57.

Гнѣтитъ 57 (сп. швед. *gnista*, исл. *gnista*, искра). **Зажигать,** **разводить огонь.**

Голштинія (стар.). — **Гольштейнъ-Готторкъ.**

Гомозиться (Корень виденъ изъ чеш. сущ. *hmuз*, насѣкомое. Ср. серб. *гнизати*, *гнизати*; чеш. *hemšiti*, ползать).

Гордїя (народн. *Gorděj*) 60.

Горничная 47.

Горшокъ. Уменьш. отъ *корнь*, какъ *иребешокъ*, *корешокъ* и проч. отъ *иребеть*, *корень*.

Горькій; ср. ст. **Горше.**

Горѣ (нарѣч.): **верхъ,** **вверху.**

Госпиталь. Народ. «госпиталь».

Гостиница 67.

Гофмейстеръ. **Гофъ-интендантъ** 90.

Гравиловать. **Гравиюра.**

Грамматика.

Грамота (издавна обрусѣвшее слово, почему и нѣтъ основанія писать «грамата» или «граммата» совершенно согласно съ греч. γράμμαта = буквы) 24. 79.

Грамотей (гр. γράμματεύς) 60.

Граненый 67.

Греча. — **Гречиться,** **гречатся.**

Гренокъ (отъ корня *гр* въ глаг. *грѣмѣть*, *грѣмѣть*).

Грести, **гребуть.** Старинная и народная форма «гребсти» менѣе правильна, ибо с передъ *т* могло явиться только *взаимнѣ б*.

Гречневый (произн. грешневый) 46.

Греча, **гречиха.**

Гродненскій 34.

Громадный (не «огромный»).

Группа. — **Группировать** 81.

Грызть, **грызуть.**

Грѣхъ. **Грѣшный.**

Гувернантка.

Гужъ (ц.-сл. *жже*, веревка, цѣпь; начальное *т* въ русск. словѣ есть призвукъ).

Гульливый.

Гусеница (ц.-сл. *жсѣница*). Произн. *гусеница*.

Давеча } Отъ малоупотреб. *давля*.
Давешній } Ср. хорут. *dave*, *davi*
Давній, **дав-** } въ томъ же значеніи;
нишній. } ц.-сл. *даемъ*, нѣкогда,
и *даемъ*, древній.

Давнымъ-давно 89.

Давидъ. **Простовар.** **Давидъ** 52.

Дальній (не «дальный», какъ встарину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *нїй*, которыя всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ: *утренній*, *вечерній*, *ранній*, *поздній*; *зимній*, *весенній* (*весенній*), *лѣтній*, *осенній*; *нынешній*, *теперешній*, *прежній*, *прошлый* и т. д. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искръ* (близъ). Но нарѣчіе *искрено*.

Дальновидный. **Дальноворкїя.**

Даниилъ. **Данила** 26.

Двадцать. **Двадцать-одинъ.** **Двадцать-первый.**

Дворняжка (отъ дворняга) 46.
Двухсотый. — **Двухтысячный**.
Двухэтажный. (Вставка: здѣсь нужна, потому что при отсутствіи этого знака буква *x* передъ *e* сдѣлалась бы мягкою).
Дѣвѣнадцать. (*Дѣвѣ* есть двойственное число, какъ и въ слѣдующемъ за симъ *дѣвѣсти*).
Дѣвѣсти, двухсотъ, двумстамъ 35. 88.
Дѣ, частица одного корня съ глаг. *дѣлать, дѣлать*, хотя въ ней *e* замѣнено *ѣ*.
Дебелый (толстый, густой).
Деверь.
Девяносто.
Декабрьскій 58.
Демосеенъ.
Денница. — **Денщикъ** 54.
Деньга. Считается восточнымъ словомъ, но въ корут. нар. также *dengi = dnarji, penesi*.
Деньжонки.
Деревищница.
Деревянный 68. — **Деревяжка** (отъ деревяга) 46.
Держать, держишь, держать 29.
Дерзкій (не «дерзскій»): кратк. форма *дерзокъ, дерзка* 45.
Десантъ (фр. *descente*).
Десертъ (фр. *dessert*).
Дескать. Сокр. плеоназмъ им. *де-ска-зать* (см. *де*).
Десная, десница. Ср. серб. *десни* — правый, *десно* — справедливо.
Дѣсть. Ср. серб. гл. *дѣсти, дѣдем* — класть въ стогъ (напр. сѣно), полагать, дѣлать.
Десять, Десятиречный.
Дешевый; ср. ст. *дешевле* 63.
Дилемма (гр. *δίλημμα* отъ *δί* = двойной, и *λέμβανειν* = брать).
Дилеттантъ.
Дира. Впрочемъ употребительно и согласное съ выговоромъ начертаніе *дыра* 51.
Диссидентъ. — **Диссонансъ**.
Дитя (въ твор. падежѣ одинъ пишутъ: *дитю*, другіе: *дитятель*, третьи: *дитятлю*; послѣднее всего болѣе согласно съ употребленіемъ).
Диенрамбъ.
Дьяволъ } Въ простор. *дьяволъ, дья-*
Дьяконъ } *конъ* 77.
Дѣта.
Дѣтпръ. — **Дѣвѣстръ**.
Добродѣтель.
Довѣсть. Первонач. значеніе видно изъ сравненія съ словомъ *добольно*.
Дойти, дойдуть 69.

Доколѣ 59.
Докопать (кор. *копѣ*).
Докрасна 87.
Доктринеръ 73.
Докуда 88.
Домишко 24.
Доносчикъ 47.
Донныя 88.
Дорастать. — **Дорости** 24.
Дороеей.
Доселѣ 59. 88.
Досшеей.
Досконально (ср. *докопать*).
Дословно. — **Доспѣхъ**.
Достойнъ (не «достоенъ», вопреки общему правилу). Причастіе: *удостоенъ* 35.
Досужій — **умѣлый, искусный**.
Досужный — свободный отъ дѣлъ.
Досыта 87.
Дотолѣ; дотуда 59. 88.
Дочка 53.
Дошаникъ 67.
Дошатый. — **Дошечка** 58.
Драма (греч. *δράμ* — дѣлать, дѣйствовать) 81.
Древле. — **Древній**. Црк.-сл. *древс*; чеш. *dive* (прежде).
Дребезжать, дребезжать.
Дремать, дремлю, дремлютъ 30.
Дрова. Собственно особая форма множ. ч. сущ. *дерево*. Ср. серб. *дрво*, множ. *дрва* (дрова) и *дрвета* (деревья).
Дрожь, род. дрождей 66.
Дрожек (отъ *дрога*) 46.
Дрягиль (нѣм. *Träger*).
Дубрава, дуброва.
Дужка (отъ *дука*) 46.
Душеприказчикъ 47.
(Дыра). См. **Дира** 51.
Дышать, дышишь, дышать. Формы: *дышетъ, дышутъ* принадлежать глаголу *дыхати* 30.
(Дьяволъ). См. **Дьяволъ**.
(Дьяконъ). См. **Дьяконъ**.
Дьякъ, род. дьяка. — **Дьячокъ** 52. 77.
Дѣва. — **Дѣвка**. — **Дѣвица**. — **Дѣвчонка**.
Дѣдъ.
Дѣлать, Дѣять. — **Дѣвать, Дѣть, дѣнутъ**.
Дѣлать. — **Дѣлеть**.
Дѣти. — **Дѣтенышъ**. — **Дѣтина**.

Е.

Евангеліе (εὐαγγέλιον).
Ева (евр. зн. жизнь, гр. *Εὐα*).
Евдокимъ. Простонар. **Овдокимъ**.
Евдокія. Простор. *Оедотья*.

Валампій.
Еврей.
Европа. — **Европеецъ.** — **Европейскій.**
Евонгней. Народн. *Евонгней* 60.
Евстаѳій. Народн. *Остаѳій.*
Евстратій. Народн. *Евстратъ.*
Евфимій (Εὐφύμιος). Народн. *Ефимъ.*
Евфросинія. Народн. *Овфросинья.*
Евхаристія.
Евемія. **Евемій** (Εὐδύμιος).
Егеръ. Множ. **егеря.** — **Егерскій.**
Египеть 72.
Ежитья (произн. *ѣжитья*).
Екатерина (греч. *Καθαρίνη*, гдѣ *Αι* сокр. изъ *ἅγια* = святая). Зап. европейцы знаютъ только *Katharine*, отъ греч. *καθαρός* = чистый, непорочный).
Еле (ц.-сл. *лъ* = полу-).
Елей (ἔλαιον).
Елена (Ἑλένη, Ἑλένα). Народн. *Олена.*
Елизавета (евр. *Elisabeth*).
Елисей 60.
Елицифоръ.
Ель; елка (произн. *ѣлка*).
Епанча.
Епархія. — **Епархiальный** 72. 77.
Епископъ.
Епитимья (гр. отъ *ἐπι* и *τιμῆ* = возмездіе).
Еремій 60.
Ересь (гр. *αἵρεσις*, отъ *αἰρεῖν* — брать, избирать) 72.
Если. (Первоначально *есъли*).
Если бы, бъ.
(Есоиръ). См. **Эсоиръ.**
Ефесъ (нѣм. *Gefäss*, отъ *fassen* — хватать).
Ефимокъ (Ефимъ. вм. *Іоакимъ*). Поль. *Ioachimik* съ нѣм. *Ioachimathaler*, по имени городка въ долинѣ Рудныхъ горъ въ Богеміи, гдѣ чеканились первые талеры.
Ефремъ (евр. *Ефраимъ*).
Ефрейторъ.
Ея (произн. *ея*), род. пад.; отъ вин. же ее 23.

Ж.

Жалейка 27.
Жалованіе (дѣйствіе, выражаемое глаголомъ *жаловать*).
Жалованье (содержаніе, присвоенное должности или занятію).
Жалче, сравн. ст. прил. *жалкій*.
Жареный 67. — **Жаровня.**
Жданный 67.
Же, жъ 49. 89.

Желанный 67.
Железа; мн. ч. **железы** (ц.-сл. *жлаза*; серб. *жлезда*, *жлѣзда*).
Желобъ (одного корня съ гл. *долбить*?) — Ц.-сл. *жлаб*; серб. *жлеб*, *ждлеб*, польск. *łob*.
Желтый. Лат. *flavus*; нѣм. *gelb*; англ. *yellow*.
Желудь. **Желудковый.**
Желчь (отъ *желтый*).
Жельзо (серб. *железо*, чеш. *železo*, польск. *żelazo*, лит. *geležis*).
Жена. — **Женинъ** и **Женинъ.**
Женитьба 45.
Жену, жёншь, женуть, ц.-сл. отъ гнать.
Женщина.
Жерновъ. Гот. *quainus* (мельница); лит. *girna* (жерновъ ручной мельницы).
Жердь. — **Жердочка.**
Жесткій.
Жженіе (кор. *жж*), **жжений** 65.
Житейскій.
Житомиръ 55.
Жужжать, жужать.

З.

Забіака (отъ *забить*).
Заблагоразсудить.
Заболѣвать 63.
Зависть, завистиу, завистишь, зависять.
Завтра (за-утра; за, предлогъ, въ значеніи во время, съ род. пад.) 40.
Завтракъ.
Завтрашній 40.
Завѣдывать, завѣдываютъ и завѣдуютъ. — **Завѣдывающій и завѣдующій** 38.
Завѣтъ. Завѣщать.
Загорать 24.
За границей; за границу. Пельзя образовать существит. «заграница». — **Заграничный.**
Задолго.
Задхлый 45.
Заемъ, займа.
Заживо 87.
Зайти, зайдуть 69.
Закадычный (отъ сущ. *кадыкъ* — гортаня).
Закоренѣлый.
Закорузлый (также: *заскорузлый*).
Закоснѣлый.
Закоулокъ (гдѣ *ко* считаютъ предлогомъ).
Закулоный.

Залпъ (фр. *salve*, выстрѣлъ изъ нѣсколькихъ орудій разомъ).
Заматерѣлый. Отъ прил. матерой. Ср. сущ. материкъ. Употребительна и ф. *заматорить*, *заматорилый*, образовавшаяся по удобству произношенія.
Замораживать.
Замужемъ; замужь 86.
Замужняк. — **Замужество**.
Замша (нѣм. *sämish Leder*, отъ фр. *chamois*, олень).
Замшанный (-шевый) 87.
Занавѣсъ, м. р., и **Занавѣсъ**, ж. р.
Зане (им. *за-е*; и *призвукъ*), т. е. за тѣмъ что, собств. за то что, ибо.
Заново 87.
Заносчивый 47.
Заодно 87.
Запечатлѣвъ (произн. *запечатлѣвъ*) 14. 68.
Запаченъ (произн. *запаченъ*) 28.
Заповѣдь.
Заподозрѣть; заподозрѣвъ 68.
Запретить. **Запретъ**.
Запросто 87.
Запречь (произн. «запречь»), прош. *запрѣгъ* (произн. «запрѣгъ») 23.
Запѣвала, р. п. — *ды* 26.
Зарабатывать 22.
Зарастн. — **Зарастать**. — **Зарастити**.
Зарашать. **Заросль** 24.
Зарождаться 24.
Застыть, *засту*, *застытъ*.
Застриженъ (прич. гл. *застрижнн*) 28.
Застычивый.
Затемнать. Соверш. видъ *затмнн*. Ср. *дмнть*, *надмевать*, *надмннн*; *намнриваться* и (воз) *намнрнться* 64.
Затмение 64.
Затѣвать. **Затѣять**, *затѣють* 87.
Затѣвъ, *за тѣмъ* 87.
Затѣя. **Затѣйникъ**.
Заутреня.
Зачающую 87.
Зачѣтъ, *за чѣмъ* 87.
Зайца (сскр. *саца*, отъ *сац*, прыгать, итти). Произн. *заяць*, уменьш. *зайка*, *заячка*. Род. *зайца*.
Зайчій, *зайчья*, — *чье*.
Забруя. См. **Обруя**.
Званый 67.
Звено. Польск. *dzwono*. Ср. *позвонокъ* (часть хребта).
Звенѣть, *звеню*, *звенять* 63.
Звѣзда. (Серб. *звнзезда*; чеш. *hvězda*, поль. *gwiazda*). Мн. *звѣзды* 14. 57.
Звѣрокъ и **Звѣрокъ**. **Звѣроскій**.
Звѣрь. Серб. *звнжер*; чеш. *zvěř*, поль. *zwierz*; лит. *zweris*. Ср. гр. *θηρ*, лат. *fera*, нѣм. *Thier*

Здаты, *зждуть*. Формы: «зждити», *зждитса*, *зжднлса*, нынче *нерѣдко* встрѣчаемы въ печати, ошибочны. Серб. *зидати*; чеш. *zdití*.
Здороваться, *здороваются*.
Здоровье. О здоровьи или —ъ 62.
Здравый (собств. *сдравый*; ц.-сл. *съ-дравъ*).
Здѣсь (ц.-сл. *сьде*) 43.
Зеленой (прилаг. отъ *зеленъ*): *зеленная лавка*.
Зеленщикъ. **Зеленый**. (Ср. *зелю*).
Землетрясение.
Земляной. **Земляника**.
Зеркальце 41.
Зждитель. Отъ гл. *здытъ*, *зждуть*.
Зжду, *зждешь*, *зждуть*. **Зждется** (а никакъ не «зждитса»). См. **Здытъ**.
Здытъ; — *здыуть*. Первой, ц.-сл. формой соответствуетъ русск. *здыать*. Вторая неупотребительна безъ предлога *раз*. См. *раздыуть*.
Злодѣй 60.
Змѣя, *змѣй*; *змѣя* 57. 60.
Знаменіе.
Значить, *значншь*, *значать*. Прич. **Значащій** 31.
Зобать, *зоблешь*, *зоблютъ*.
Зодчій (отъ *здытъ*). **Зодчество**.
Зрѣлый. **Зрѣть**, *зрѣють* (созрѣвать).
Зрѣніе. **Зрѣтъ**, *зрѣтъ* (видѣть).
Зыбать, *зыблю*, *зыблешь*, *зыблють*. (Формы: «зыбантъ», *зыблнтса*, *зыбнлса*, нынче *нерѣдко* встрѣчаемы въ печати, ошибочны).
Зывать. См. **Здытъ**. — **Зывъ** 57.
Зыло (названіе буквы и нарѣчіе) 57.
Зыница 57.

И.

Идиллія. Гр. *εἰδύλλιον* (= картинка). (Идти). См. **Итти**.
Ижживеніе (им. *ижживеніе*) 66.
Ижора.
Имба. (Собств. *истба*; ср. нѣм. *Stube*).
Известъ, *известка* (*αγξέστης*, отъ *αβνύναи* — гасить).
Извнн 88.
Извозчикъ 48.
Извѣстіе. — **Извѣстнн**.
Издавна.
Издалица. **Издали** 86. 87.
Издравле.
Издваться. — **Издѣтства**.
Измарить.
Измѣну, *измѣнешь*, *измѣнутъ* (цер.-слав. отъ *изгнать*). Нѣкоторые отъ формы *изжму* неправильно обра-

зуютъ неопр. вакл. **изженить** *вм. изнаиъ*, и 3-е лицо наст. «изженит-ся» *вм. изженется*.

Изжога 89.

Иззаблудъ.

Излгшпшй; излгшпше.

Изможденный (*вм. изможенный*)

Изнанка. *Вм. изнаника* (или просто *нанка*, *наничка*) отъ *наникъ*, *наниче* — т. е. лицомъ внизъ, то же, что *ничкомъ*. Оттуда *наничникъ* — вывороченная одежда.

Изнутри (никакъ не «извнутри»).

Изойти, изойдутъ 69.

Израненный 67.

Изречать. — **Изречь.** — **Изреченіе.**

Изрѣдка 87.

Изсяня 87.

Изслѣдовать. — **Изслѣдывать** 88.

Изстари 87.

Изъ-за. Изъ-подъ 89.

Изискать. — **Изисканіе** 51.

Изъявъ (перс. *ziā*), а не «изъянъ». Здѣсь *изъ* не есть предлогъ.

Изящный.

Изларіонъ 81.

Изліада (*Ἰλιὰς*) 81.

Иллирія.

Иллюминація. — **Иллюстрація.**

Ильинична 47.

Именины. Нѣтъ причины писать по старинному *имянини*. Есть только 2—3 случая, когда древній *юсъ* въ серединѣ слова переходитъ въ *ян*, а не въ *ен*, именно въ словахъ: *пясмяникъ*, *стрелянный*, *кляну*.

Империаль 77. — **Импровизовать.**

Имѣльце 83.

Индѣить (отъ *иней* со вставкою *д*).

Индифферентизмъ.

Индѣ. Нарѣч.

Индѣецъ; индѣйскій 61. Эти формы употребительны только когда рѣчь идетъ о туземцахъ Америки; о первобытныхъ жителяхъ Остъ-Индій говорить: *Индуси*, *Индю*, *Индійци*.

Иней 60.

Инженеръ (фр. *ingénieur*, отъ слова *génie*. Др.-русс. переводъ: *Размыслъ*).

Инокентій.

Интересъ 81.

Ипполитъ.

Искать, ищутъ 29.

Искони 87.

Искренній, искрененъ, искренно.
См. подъ словомъ дальній.

Искусный 46.

Искусство. Искусственный 66.

Испостригъ; испощрять (какъ *исостригъ*, *исощрять*; *умерщить*,

умерщлять; ср. *слить*, *шлю*; *смыслить*, *смыщленъ*).

Исповѣдь. — **Исповѣдывать, исповѣдать** 87.

Исподволь и исподоволь 89.

Исподлобъ 89.

Исподтишка 89.

Испоконъ; испоконъ вѣка.

Исполать (*εις πολλὰ ἔτη*) 70.

Испытать. Испытывать 87. 48.

Истаивать, истаявать 87.

Истина, сущ. — **Истинна, краткое прил. жен. рода.**

Истощать (отъ *тощій*).

Исчадіе. — **Исчезать** 48. 47.

Итакъ. И такъ 89.

Итальянскій 77.

Итогъ.

Итти 69.

I.

Иакимъ.

Иезуитъ. — **Иена.** — **Иерархія.** — **Иерей** 78.

Иероглифъ 78.

Иеронимъ. — **Иеросей.** — **Иерусалимъ** 78.

Иовъ. — **Ионванъ.** — **Иорданъ.**

Иоакимъ. Народн. *Екимъ*.

Иоркъ, Йоркъ 78.

Иосифъ. Народн. *Осимъ* 78.

Иудей 79.

Июнь, июньскій. — **Июль, июльскій** 68.

К.

Ка (частица): **посмотри-ка** 27.

Кабатчикъ 48.

Кавыка, кавычка.
(Кавылъ). *См. Ковылъ.*

Кадило 27.

Кавказъ (тюрк. *kazak*, *кайсакъ*) 24.

Казенный.

Казимиръ 55.

Казовый (не «казовый») въ выраженіи: *казовый ковецъ* (ср. нѣм. *Schau-ende*).
Хазъ (перс.) *зн. кусокъ матеріи и бесполезно для объясненія нашего слова.*

Какъ-то.

Каламанка (нѣм. *Kalamank*. Сред.-лат. *salatapsus*, шерстяная матерія). — **Каланча.**

Калачъ. Правильнѣе было бы неупотребительное *колачъ*, т. е. круглый хлѣбъ (отъ *коло* = *кругъ*) 24.

Каллиграфія (гр. *καλλός* = прекрасный).

Калоша (фр. *galoches*, сомнительнаго происхожденія, почему и нѣтъ на-

добности писать «галоша» сходно съ франц.).
Калѣя (перс. *kālek* = безобразный, гр. *χάλος* = изувѣченный).
Камелекъ. — **Каменищикъ** 54.
Камергеръ. — **Камердинеръ** 79. 81.
Камерълюнгеръ. — **Камерълюнкеръ** 90. — **Камка**. **Камфора**.
Кампанія (фр. *campagne* = походъ).
Канапе.
Канделабръ.
(Кандитеръ). См. **Кондитеръ**.
Канникулы (лат. *canicula*, созвѣздіе пса). Название лѣтнихъ ваканцій, немѣстное, когда рѣчь идетъ о зимнихъ ваканціяхъ.
Каннифоль.
(Кануть). См. **Наканунѣ**.
(Канура). См. **Конура**.
Кануть (сокр. вм. канпуть, какъ то- нуть вм. топнуть).
(Канфорка). См. **Конфорка**.
Канцелярія (сред.-лат. *cancellaria*, отъ *cellae* = бакистрада) 79.
Канючить (отъ *канюкъ* = «полевой коршунъ, докучающій клектомъ». — Даль).
Канѣще (отъ *кань* = изображение).
Канетолина.
Канлунъ (ср. *κότταυ*, нѣм. *karpen*, шв. *karra*, англ. *to chop*, фр. *couper*). *Karphahn* = Карауп.
Капуцинъ. — **Капуя** 79.
(Каравай). См. **Коровай**.
Каракуля (тюрк. *karakulla*, дурная рука, дурной почеркъ).
Карандашъ (тюрк. *кара* = черный, *ташъ* = камень). Обл.: *карандышъ* = карандашъ.
Карасъ (нѣм. *Karaische*).
Кардамонъ.
Карета (дат. *karreet* отъ итал. *carreta*) 79.
Карикатура (итал. *caricatura*, отъ *caricare, charger*) 81.
Карнизъ (нѣм. *Karnies* отъ гр. *καρνίς*, фр. *corniche*).
Карре. Пушкинъ склоняетъ это слово, напр. «три саа одного каррея».
Картечъ, ж. р. (нѣм. *Kartätsche* отъ ит. *cartaccia*, фр. *cartouche*).
Картофель, муж. р.
Картузъ (голл. *kardoes*).
Карусель, ж. р. (фр. *carrousel*, ит. *carosello*).
(Карячиться). См. **Корячиться**.
Касатка 24.
Касатка. — **Коскуться** 24.
Касса (нѣм. *Kasse*). — **Кассиръ** 80.
Кастрюля (ит. *casserola*).

Катавасія (греч. *κατάβασις* = собств. сходъ, въ церковной службѣ соединеніе двухъ клиросовъ въ серединѣ храма).
Катаръ. **Катаральникъ** 80.
Катерина. См. **Икатерина**.
Каторга (нов.-греч. *κατάρου*, иллир. и дам. *katorga* = галера).
Кафтавъ.
Кашель. — **Кашлять**.
(Кашей). См. **Кошчей**.
Каседръ.
Квартира.
Келаръ. — **Келѣя**. (Собств. *келлія*).
Керосинъ (греч. *κηρός* = воскъ).
Кесарь (греч. форма латинскаго имени *Цезарь* или *Цезарь*, которое поэтому въ Римской исторіи предпочтительно).
Кириль. Народы. **Кириль** 26.
Клянуться (но *поклоняться*) 24.
Классифицировать.
Классъ. — **Классный**; **классическій** 80. 91.
Классъ (колосъ) 81. — **Клеверъ**.
Клеветать, **клеветощь**, **клеветуць** 29.
Клевертъ (кельт. *colibertus*. Пав. II, § 61).
Клеенка (отъ страд. прич. *клееній*).
Клеить, **клеишь**, **клеить** 29.
Клей.
Клеймо (исл. *kleima* = пятно).
Клѣпки (нѣм. *Klößchen*).
Клиросъ (гр. *κλήρος*).
Клиентъ.
Клумба (поль. *kląb*, отъ англ. *clump*).
Клѣтъ, **клѣтка** 57.
Клювъ (= клеванье, о рыбѣ).
Клясть, **клянну**, **кляннуть** (правильнѣе было бы неупотребительное *клянну*. См. *илемини*).
Клуть (сканд. *knutta* = бить).
Князь. **Княгиня**. — **Княжить**.
(Кю) частица 27. См. *ка*.
-ко, окончаніе малоросс. фамильныхъ именъ 25.
Коверъ (скр. *kub, kumb* = покрывать, разстилать. Серб. губер=одъяло, хорут. *kober*, чеш. *koberec*).
Коверкать.
Коврига, **коврижка** (серб. *кврга*).
Ковчегъ (нов.-гр. *καύκος*, лат. *caucus*).
Ковшъ. — **Ковшикъ** (чеш. *kofik, koficek*).
Ковыль.
Ковырять.
Коготь, мн. ч. **когти** 42.
Кое-какъ, **кое-что**, **кой-кто**.
Кожаный 68.
(Козакъ). См. **Казакъ**.

Козлы (пол. *kozy*).
Козыр (пол. *kozera*).
Козьма (собств. Косьма, простонар. Кузьма).
Козьминична 47.
(Колачь). См. **Калачь**.
Колебать, колеблешь, колеблютъ 29.
Коленкорь. (Переименованное фр. слово *calicot* отъ *Kalkutta*).
Колесчатый.
Колеть (поль. *kolet*, шв. *kolt*, отъ итал. *colletto*).
Колен. **Коленна**.
Колнзей.
Коллегія. — **Коллежскій** 79.
Колодець (испорчено: колодецъ; — ср.-сл. *кладазь*. Ср. гот. *kaldigga*; дат. *kild*, родникъ).
Колонна. — **Колоннада** 80.
Колооссъ. — **Колоосальный** 80.
Колосъ (црк.-сл. *класъ*) 81.
Колоть, колешь, колютъ 29.
Колыбель 60.
(Колѣк). См. **Калѣк**.
Колѣно. Множ. *колѣна* и *колѣны*; сверхъ того *колѣныя* = составы, части цѣлаго.
Колѣска (поль. *kolaska*, отъ общеслав. *коло*).
Команда (фр. *commande*) 79.
Командировать. — **Командовать**.
Комедія (гр. отъ *κομη*, деревня, и *αἰδῆσιν* = пѣть).
Комедантъ 79.
Комиссаръ. — **Комиссионеръ** 80.
Комиссія. — **Комитетъ** 80.
Комментарій. — **Комментаторъ**.
Коммерція.
Коммуникація.
Комодъ.
Компаніонъ, компаньонъ. -ка 77.
Компанія (фр. *compagnie* = общество).
Компасъ (сред.-лат. *compassus*).
Компрессъ. — **Компромиссъ**.
Конвертъ. (Передѣл. изъ *кувертъ*, фр. *couvert*).
Конвоировать.
Конгрессъ.
Кондитеръ (отъ лат. *condire* = приправлять).
Кондратій (собств. *Кондратъ*, отъ греч. *Κονδράτος*).
Конечно; конечный.
Конкуренція. — **Конкурировать**.
Копопатить.
Копонляный.
Контора (фр. *comptoir*, отъ *compter* = считать).

Контрабанда (итал. *contrabbando*, т. е. противно запрещенію).
Контрабандистъ (а не «контрабандиръ», ибо и пѣлицы свое *Contrabandier* произносятъ какъ французы).
Контрактъ (кон-трактъ, а не контр-актъ) 94.
Контролеръ (фр. *contrôleur*).
Копура (изъ *комора*?).
Конфетчиный.
Конфеты (итал. *confetti*). Нѣтъ надобности соображаться съ латино-пѣм. *confect*: иначе какъ бы пришлось писать второбразныя слова; *конфетка* и *конфетчикъ*?
Конфорка, собств. *комфорка* (голл. *komfoog*, снарядъ для разведенія огня).
Кончень (прич. гл. *кончить*) 28. — **Кончить** 32.
Копейка. — **Копеечный** 60.
Копье. **Копьецо** 83.
Коралль. — **Коралловый**.
Коридоръ (отъ ит. *corregere*; въ роман. яз. часто испорченная форма: *colidor*).
Коринезъ. — **Корифей** (*χοριφαῖος* отъ *χοριφῆ*, голова, вершина) 75.
Коричневый (отъ *корица*).
Корнать (серб. *крњати* = разсѣкать; чеш. *krněti*).
Корова.
Коровой (ц.-сл. *кравай*) 24.
Корокатица (сериа) отъ *корокъ* (кракъ), нога, чрезъ возможное прилагательное *корокатый* — многоногий.
Коромысло (составъ необъясненъ).
Коростель 60.
Корочунъ.
Корпѣть (ср. лат. *torpere* = косность).
Корректоръ. — **Корреспондентъ**.
Корчить, корчатъ (сл. лат. *torquere*) 29.
Корчичиться. См. **Корокатица**. (Косатка). См. **Касатка**.
Коснуться (хотя *касаться*) 24.
Косой.
Костель (поль. *kościol*).
Костеръ (исл. *köstr*).
Косынка. — **Косыба**.
Косыщатый.
Котомка.
Коурый, коурка.
Кофе, кофей.
Кочанъ. — **Кочень** (лат. *coe*, *cotis* = камень).
Кочерыга, кочерыжка (ср. гл. *кочыть* и сущ. *кочера*, сучковатое дерево, откуда народн. *кочерыжисл*, упрямиться).
Кощей (отъ *кость*?).

Кравчій (иначе крачій, отъ край, *кроиѣ*. Ср. чеш. křečj = портной).
Красоудя (-вуля).
Крахмалъ (нѣм. Kraftmehl).
Крейсеровать (франц. être en croisière), глаг. отъ сущ. *крейсеръ*.
Крейсеръ. (Голл. kruisser, отъ глаг. kruissen, нѣм. kreuzen, — крестообразно двигаться). Военный корабль, который ходить то въ одномъ, то въ другомъ направленіи по морю съ цѣлю наблюдать за движеніями неприятельскаго флота. (Франц. croiseur).
(Крапива). См. Кропива.
Крегель (вм. кренгель, отъ kring, ring=кругъ, кольцо).
Кресло (полъ. krzesło).
Крестинско 24. — **Крестный**.
Крехтѣть. Поговорка: «Все охъ да крехъ».
Крещендо, не «крещендо» (ит. crescendo).
Кринна 51.
Кристаллъ (гр. κρύσταλλος) 81.
Кровообращеніе. — **Кровяной**.
Кромѣ (собств. мѣстн. падежъ сущ. *кромѣ*). Народ. *окромѣ*.
Кромѣшній (= вѣшній)
Кропива (ср. полск. korp = укропъ; рокгува = кропива).
Крупинка 33.
Крыжовникъ (ср. поль. krzew, чеш. křoví, кустарникъ).
Крылось (народн. вм. *кларось*).
(Крынка). См. Кринка.
Крѣпкій. — **Крѣпость**.
(Кряхтѣть). См. Крехтѣть.
Ксаней.
Ксенофонтъ.
Кстати 86 Окончаніе не ъ, а и, отъ сущ. *стать*: «А мнѣ-то что за статья?» (Крыловъ): — едва ли не единственный случай, когда предлогъ къ пишется слитно. (Начертанія: *ксерлу*, *кмилу* не освящены обычаемъ).
Кто, кѣмъ. — **Кто-либо**. **Кто-нибудь** 89.
Кувырнуть (и кувырнуть).
Кудель.
Кудерь, муж. р., род. п. кудря, мн. кудри, -ей.
Кузнечикъ, р. п. **кузнечика** 32.
(Кузьма). См. Козьма.
Кудобяка (фин. kala = рыба).
Кулиса.
Куличъ, род. п. **кулича** (гр. κολλιξ).
Кумиръ (фин. kumartaа = кланяться, поклоняться).
Кудель (въ др.-сл. *капѣль*; но нынче,

по аналогіи съ другими словами того же окончанія, пишутъ е) 60.
Курля, сущ., р. п. — **лы** 26.
Курьозный, курьезный 78.
Куролесить (отъ греч. Κύριε ἐλέησον Господи помилуй!).
Курьеръ.
Кусочекъ, — **чекъ** 32.
Кутила, сущ., р. п. — **лы** 26.
Кутя (греч. κῦβεια = похороны).
Кухня, р. п. мн. *кѣхомъ* 50.
Кухонный.
Кучеръ (нѣм. Kutscher) 10.
Кюмень (рѣка въ Финляндіи).
Кѣмъ (тв. пад. мѣстном. *кто*).

Л.

Лабазъ.
Лавировать (голл. laveeren).
Ладанъ (гр. λίβανον).
Ладонь (вм. долонь = длань).
Лазить, лазю, лаять. — **Лазейка**.
Лазутчикъ.
Лапша.
Ласочка (отъ ласка, ласица, mustela nivalis, мѣзъ рода хорьковъ) 46.
Ласточка, ластка (hirundo) 46.
Латинскій. — **Латынь** 52.
Латушъ (исп. látun, англ. latten, фр. laiton и т. д.).
Ляханъ (гр. λεχίνη). — **Лягать, лягутъ**.
Левкой (гр. λευκοῖον, отъ λευκός = бѣлый; ἶον = фиалка).
Легавый (chien couchant).
Легкій 42.
Легонный 39.
(Ледящій). См. **Лядящій**.
Леденецъ. — **Ледяной**.
Леввее (неизвѣстнаго происхожденія).
Лекало.
(Лекаръ). См. **Лѣкаръ**.
Лелѣять, лелѣешь, лелѣють.
Лепетать, лепечешь, лепечуть.
Лепеха. Правильнѣе было бы неупотребит. *лмеха*.
Лепта (гр. λεπτόν, отъ прил. λεπτός, малый, слабый).
Леса («нить или шнуръ на удѣ»).
Летѣть, летятъ.
(Лечить). См. **Лѣчить**.
Лечь, лягутъ. Повел. *лязъ, ляте* 50.
Лещъ.
Лизавета. **Лиза**. (См. **Елизавета**).
Лизанка 33.
Лилейный.
Линейка. — **Линейный** 61.
Липнуть (ср. гл. *лмнмнѣ*).
Листва, листовіе. В въ окончаніи объясняется подъемомъ *ера* (= У)

въ этотъ звукъ. Ср. Медвѣдь, медвѣднѣй.

Литейный (отъ *литыя*).

Литера.

Литература. **Литераторъ** 81.

Литія (гр. *λιτή* = молитва).

Лицевой. — **Лицеваръ** 41.

Лицо 41.

Лишь 50.

Ложбина (отъ сущ. *ложь*, нсл. *lag*).

Лопарь (Лапландецъ).

Лорнетъ. **Лорнетка**.

Лосось и **Лосоосъ**.

Лотерея (фр. *loterie*, отъ герм. *Loos lot* = жребій).

(Лохань). См. **Лахань**.

Лошадь (тат. *алаша*).

Лощина (иначе *лоскэ*).

Лощить.

Луть.

Лукинична 47.

Лучшій 48.

Льняной (народ. *аалайной*).

Львыи. — **Лѣвша**.

Лѣтъ, **лѣзуть**. *Пов. пользай*.

Лѣкарство, **лѣкаръ**. Хотя уже Карамзинъ писалъ *лекаръ* и эта орфографія получила перевѣсъ, но исное производство заставляетъ признавать правымъ меньшинство, въ главѣ котораго мы видимъ Ломоносова, указывавшаго на неудобство писать въ наст. вр. *лечу* вм. *лѣчу* (для отличія отъ *лечу, летать*). Кор. *лѣкъ*, поль. *lek*, зелье, лѣкарство. Ср. **Лѣчить**.

Лѣнь. — **Лѣнливый**.

Лѣпить, **лѣплю**, **лѣпятъ**.

Лѣстница; **лѣсенка** 45. 46.

Лѣсъ.

Лѣто. — **Лѣтній**.

Лѣха. (Рядъ, полоса, борозда).

Лѣчить, **лѣчать**. См. **Лѣкаръ**.

Лѣшій (отъ *лѣсъ*).

Людювикъ.

Людскость.

(Лягавый). См. **Легавый**.

Лягать (отъ *ляга, ляжка*, нога).

Лягушка (отъ *ляга*).

Лядащій (поль. *lada, ladaco*, какой ни есть, негодный. Ср. англ.-с. *laidh*, др.-в.-нѣм. *leid*, шв. *led*, фр. *laid*).

Ляжка (отъ *ляга*) 46.

М.

Магометь.

Мадрядъ.

Мадыри.

(Мастиникъ). См. **Маятникъ**.

Маетность (поль. *majętność*, отъ корня *ма* въ гл. *имати, имѣть*).

Мазанка.

Майоръ, или **Майоръ** 78.

Май, род. пад. *мая*.

Махать (отъ корня *мок*) 24.

Маленькій 32.

Малозначущій 31.

Малолѣтній. Нѣтъ причины предпочитать форму *малолѣтний*, когда во всѣхъ другихъ сложенияхъ говорятъ и пишутъ *лѣтний*.

Мало-мальски 89.

(Мальбретъ). См. **Мольбертъ**.

Мальчишка 24.

Мамонька 32.

Мамонтъ.

Манна 80.

Маскарадъ.

Масленица: масленая, сырная недѣля.

Масленый 67.

Масляникъ.

Масляный. Изъ масла сдѣланный, содержащій въ себѣ масло 68.

Масса. — **Массовный** 80.

Масштабъ (нѣм. *Maasstab*).

Матвѣй (отъ *Matthei*, *Matthaeus*, и *Matthei*, *Matthias*) 60.

Матеріаль. — **Матеріальный** 77.

Магросъ.

Мачеха (правильнѣе чѣмъ *мачиха*: древн. *маштеха*).

Машонька (уменьшит. отъ *Мама*) 32. (Маштабъ). См. **Масштабъ**.

Маятникъ (отъ *майти* = махать).

Медальеръ.

Медальонъ, **медальонъ**.

Медвѣдка (прона. медвѣдка).

Медвѣдь. — **Медвѣжій** (изъ *mede* = медь, и *ю*). Ср. **Листва**.

Медвяный. (Здѣсь *e*, такъ же какъ и въ предыдущемъ, есть подъемъ *era*=*у*).

Медицина.

Медить. — **Медленный** 68.

Межа. — **Между**, **межь** 49.

Между прочимъ. Неправильно употребляется вм. *между тѣмъ* не только въ живой рѣчи, но и въ печати.

Междометіе. — **Междоусобіе**.

Междупарствіе.

Меэга (ср. *мозгъ*).

(Меэдра). См. **Мяэдра**.

Мелить.

Мелкій. — **Мелочь**.

Мелю, **мелешь**, **мелютъ** (отъ гл. *молоть*).

Мелюзга.

Мель, **мельть**.

Мелькать. — **Мелькомъ**.

Мельникъ. — **Мельничка**.

Мельница.
Меньше. — **Меньшій;** меньшей 54.
Меньшинство 35. 54.
Менѣе, менѣ 63.
Мережа, мрежа.
Местъ.
Металль 80.
Метать, мечешь, мечуть и мечешь,
 мечутъ; также метаю.
Метель (отъ *мести*) и **Мятель** (отъ
мисти).
Метла. — **Метрополиа.**
Мееодія.
Мадъ (ср. *мстити* и гр. *μαδός* = воз-
 мездіе).
Мизинецъ (въ цсл. = младшій сынъ;
 стар. *мизиний*, меньшей).
Миллиардъ 77. **Миллионъ** 78.
Милосердый.
Миниатюра.
Миней четія. См. **Четія.**
Мирвохитъ 55.
Миро (прежде *муро*). — **Миропома-
 заніе.** **Мироточивый** 75.
Мировой 55.
Миръ. Этимологически, конечно, *миръ*
 и *миръ* одно и то же слово; устано-
 вленное между ними на письмѣ раз-
 личіе имѣетъ только практическое
 значеніе.
Миссія. — **Миссіонеръ** 80.
Миткаль (перс. *mitakâli*).
Митрополитъ. — **Митрофанъ.**
Михалъ. Народн. *Михайла* 26.
Михей.
Мишень (перс. *nischân*).
Мизъ. **Мисеология.**
Миръ. — **Мировой.** **Мирской.** **Миря-
 нинъ** 55.
Мистиіе (отъ ц.-сл. *мисти*).
Могорычъ.
Можеть-быть; **можеть-статься.**
Можжевальникъ (см. *меже-ельникъ*,
 т. е. растущій между ельникомъ).
Мозгъ. — **Мозжечокъ.** — **Мозоль.**
Моисей.
(Мокать). См. **Мазать.** — **Мокредъ.**
Мокій (народн. *Мокей*).
Молебень, род. п. *молебна.*
Молить, молюшъ, молятъ.
Молнія (ср. швед. *moln*=облако).
Молодежь (ж. р. и поэтому *).
Молотъ, мелю, мелютъ 30.
Молочный 46.
Мольбертъ (нѣм. *Mahlbrett*).
Монисто (лат. *monile*; исл. *men*=оже-
 режь; сскр. *manî*, драгоц. камень).
 Народ. *манисто.*
Мороженое 87.
Морочить, морочить, морочать 29

Морошка (ср. герм. *Mogast*, фр. *marais*,
 норв. *myg*=болото).
Мочалка. — **Мочало.**
Мраморъ (см. *марморъ*).
Мужинъ.
Мужчина 48.
Музей (прежде *музеумъ*).
Мундштукъ.
Мусульманинъ.
Мученикъ.
Мучить, мучишь, мучать.
Мучной (произн. *мучища*).
(Муштукъ). См. **Мундштукъ.**
(Мушца). См. **Мужчина.**
Мысленный. **Мыслить,** мыслю.
Мѣдъ. — **Мѣдный;** медяный.
Мѣль. — **Мѣловой.**
Мѣнять. — **Мѣнѣя.**
Мѣра. — **Мѣрять,** -рять; *мѣрять,*
мѣряютъ.
Мѣсить, мѣшу, мѣсишь, мѣсятъ.
Мѣстоименіе (первонач. *мѣсто* имене,
 т. е. имени, съ греч. *αὐτονομία*). Самый
 неудачный грамматическій терминъ.
Мѣсяцъ. **Мѣсячный.** **Мѣсяцеловъ.**
Мѣта. — **Мѣтить,** мѣчу, мѣтятъ.
Мѣткій. **Мѣтокъ** не тотъ, кто ловко
метаетъ, а тотъ, кто хорошо *мытитъ*,
 попадаетъ въ *мету*.
Мѣхъ. — **Мѣшокъ.** **Мѣшечекъ.**
Мѣшать. **Мѣшанный.**
Мѣшкать. — **Мѣшкотный.**
Мѣщанинъ (отъ *мѣсто*, польск. *miasto*
 = городъ).
Мягкій (см. *мяккій*). — **Мягчить** 42.
Мядра 48.
Мякина. — **Мякишъ.**
Мяконькій 33.
Мясодѣ.
Мясти, мятуть. — **Мятежь.** (Оттуда
 и *мятель,* *смятеніе*).

Н.

Набадапникъ.
Набедренникъ.
Набекрень 87.
Наблю 87.
Навага.
Наважденіе (древ. *вадимъ*, обвинять,
 клеветать).
Наверху, **наверхъ** 86.
Навеселъ 87.
Навничъ (лицомъ *вверхъ*) 50. Про-
 тивоположно: *нмчъ,* *нмчкомъ* (лицомъ
внизъ) 87.
Наврѣдъ.
(Навожденіе). См. **Наважденіе.**
Наврѣдъ, **навредъ** ли 89.

Навсегда 88.
 Навстрѣчу 86.
 Навыворотъ 87.
 Навѣки, навѣкъ 86.
 Навѣрняка 87.
 Навѣрно, навѣрное 87.
 Навязчивый.
 (Наган). См. Ноган.
 Нагайка.
 Наглухо. — Наголо.
 Нагой, р. п. нагого 22.
 Нагорать 24. — Нагорѣть.
 Наготовѣ 87.
 Нагрузчикъ 48.
 Надатчикъ.
 Надежда. — Надежный.
 Надежить, надлежащій.
 Надмевать. — Надменный 64.
 Надѣру.
 Надо, надобно.
 Надолго.
 Надотдала, р. п. — ли 26.
 Надодать; надодѣть, надодѣть.
 Надѣвать; надѣть, надѣнуть.
 Надѣяться, надѣешься, надѣются.
 29.
 Наединѣ.
 Наемникъ.
 Назадъ, назадъ 86, 87.
 Названный; названый 67.
 Наземъ 87.
 Назло 86. Назойливый.
 Наизусть 50. 89.
 Накоскъ 50. 89. — Найти 69.
 Наканунѣ (отъ гр. *καὶ ὄν* = корзина, приношеніе изъ плодовъ, которое присылалось на вечерни въ дни, предшествовавшіе праздникамъ).
 Наконьная.
 Наконецъ 86. Накосъ 87.
 Накрестъ 86.
 Накрѣпко 87.
 Налегѣ 87.
 Налой (гр. *ἀναλογιστὸν*).
 Налѣво 87.
 Намедни (собств. *ономедни*, т. е. оны-ми дни). Ср. серб. *омадне*.
 Намекать. — Намекъ.
 Намокать; намокнуть.
 Намѣреваться, намѣреваются.
 Намѣреніе.
 Наоборотъ. — Наобумъ 86.
 Наотманъ 50.
 Наотрѣзъ.
 Нападки (род. пад. *нападковъ*).
 Напередъ. — Напередѣ 86.
 Наперекоръ 87.
 Наперерывъ.
 Наперсникъ. — Наперсникъ (отъ перси) 46.

Наперстникъ (отъ персть).
 Напечатлѣвать 63. Напечатлѣть.
 Написать, напишешь, напишутъ 81.
 Напоследокъ. — Напоследѣкъ.
 Направо 87.
 Напрямѣръ 86.
 Напропагую 87.
 Напротивъ.
 Напрямикъ, напрямки.
 Напѣвъ.
 Наравнѣ.
 Нарастать. — Нарашеніе.
 Нарасхватъ.
 Нареканіе.
 Наречъ, наречешъ, нарекутъ.
 Нареченный.
 Народиться. — Нарождать.
 Нарочно. 46. Съ этимъ словомъ не должно быть смѣшиваемо *нарочито* = значительно, сильно.
 Наружу (отъ неупотребит. имени *ружа*) 87.
 Нарѣчие (отъ сущ. *рѣчь*, въ значеніи глаголь).
 На ряду.
 Насилу.
 Насквозъ.
 Насколько. — Настолько 88.
 Наскоро.
 Насмѣхаться. — Насмѣшка.
 Настежъ 50.
 Настрога.
 Настраивать.
 Насупротивъ.
 Насчетъ 86.
 Насѣдка.
 Насѣкомое.
 Наторѣть. — Наторѣлый.
 Натощакъ.
 Наугадъ 87.
 Наудачу 86.
 Наущеніе (отъ *наущити*).
 Начерно 87.
 Начетчикъ.
 Нашатырь (араб.).
 Нашептывать.
 Наѣзжать. Наѣхать, наѣдутъ.
 Наѣзжій.
 Наѣву 87.
 Наебаннѣ.
 Найти 69.
 Незавачай.
 Невождъ (фин. *neuwot* = орудіе).
 Невѣдѣніе.
 Невѣжда (народн. *невѣжа*).
 Невѣста (скр. *nivis* = вводитъ, же-ниться).
 Невѣстка (др.-слав. *свѣсть*, серб. *сваст.*).
 Негдѣ (отриц.).

Негодовать 91.
 Негодиантъ.
 Недомогать 91.
 Недоросль.
 Недоставать; недостаетъ (глаго. безличный) 91.
 Недоумѣвать 63. Недоумѣніе.
 Недѣля (первонач. воскресенье).
 Незадолго.
 Незапно; внезапно. См. Внезапно.
 Ненасчитанный. — Ненасчитанный.
 Нейдетъ, иногда вм. не идетъ.
 Нейслотъ (шв. Nyslott).
 Нейштадтъ (шв. Nystad).
 Некогда (т. е. не время).
 Некого, некому и проч.
 Не кто иной. — Некуда.
 Нелегкая.
 Нелзяя 91.
 Нелзпый.
 Неможетса. — Немошь.
 Ненавидѣть, ненавидѣть 91.
 Необинуаъ (вм. не обинулъъ).
 Неотвязчивый.
 Неоттуда. — Неподалеку.
 Не при чемъ.
 Нерѣдко.
 Нетопырь.
 Неугомонный.
 Неужели. Неужто.
 Неустанный.
 Нехота.
 Нечего дѣлать.
 Не что иное 35.
 Нигдѣ 91.
 Нивзпій.
 Никакой 91.
 Никифоръ. — Никитична 47.
 Никогда. — Никто 91.
 Ни который 91.
 Никуда. — Нимало 91.
 Нимфа. — Нимфодора.
 Ни одинъ. Ни откуда 91.
 Ни. Въ выраженіяхъ: *кто бы ни, какой бы ни, идъ бы ни* многіе ошибочно ставятъ *не* вм. *ни*. Для повѣрки могли бы нѣ служить реченія: *кто-нибудь, идъ-нибудь* и т. п.
 Ни за что. — Ничто.
 Нитяный 68.
 Нифонтъ.
 Нищій, нищенка; нищенство.
 Ногаи (народъ).
 Ноги 42.
 Ножиъ, р. п. *ножика*.
 Нодря. По мнѣнію Добровскаго (*Слав. Гр.*, стр. 59), здѣсь *д* вставочное: *нодори* говорятъ вм. *нозри*. Ср. вѣм. *Nüstern* того же значенія 43.
 Номеръ, номеръ.

Норманъ (множ. норманны). Прил. норманскій.
 Норовить 23.
 Нотебургъ (шв. Nöteborg).
 Ноябрьскій 53.
 Нынѣ. Нынче. — Нынѣшній 54.
 Нъ (частіца, употребл. только слитно съ мѣстоименіями и нарѣчіями для означенія неопредѣленности).
 Нѣга. — Нѣжный.
 Нѣдро (отъ ядро съ призвукомъ *н*).
 Нѣкій, нѣкоего.
 Нѣкогда. — Нѣкоторый.
 Нѣманъ (рѣка).
 Нѣмецъ; нѣмецкій.
 Нѣмой.
 Нѣсколько. Употр. и въ дат. падежѣ съ предлогомъ *по*: *по нѣсколько* — (числит. мѣстоименіе). Ср. *помаленьку, понемногу*.
 Нѣтъ.
 Нѣчто. — Нѣщечко.
 Няньчиться (отъ *нянька*: *к* въ *ч*).

О.

Обгорать 24. — Обгорѣть, обгорѣлый.
 Обезпоконвать 22.
 Обезьяна 53.
 Оберъ-гофмаршалъ 90.
 Обжаловать, обжалуютъ 37.
 Обжалывать, обжалываютъ 37.
 Обжогъ.
 Обжора.
 Обидѣть, обижу, обидѣть.
 Обитать (глаго. средн.): *Обитать идъ*.
 Обитель.
 Облегчать 42.
 Облокотиться. Облокачиваться.
 Обмакнуть. См. макать.
 Обнародовать, обнародуютъ 37.
 Обнародывать, обнародываютъ 37.
 Обозрѣвать. — Обозрѣніе.
 Обойти, обойдутъ, обошелъ 69.
 Обрабатывать 22.
 Образовать, образуютъ.
 Образовывать, образовываютъ 37.
 Образчикъ 32. 48.
 Обрастать. Обрасти.
 Обрусеніе (отъ *обрусить*).
 Обрусѣніе (отъ *обрусить*).
 Обрѣзать; — обрѣсти, обрѣтуть.
 Обсчитать. Обсѣсть, обсчитуъ.
 Объ. Обтовый (отъ предл. *объ*; оттуда и прил. *общій*). — Общество.
 Обувъ. — Обуть, обувутъ.
 Обужъ.
 Обучать; обучить, обучать.

Обуять, обуяють.
 Обшлагъ (нѣм. Aufschlag).
 Объемлю, объемлешь, объемлютъ.
 Объяздъ. Объяздчикъ 48.
 Обыграть.
 Обыденный. (Знач. однодневный).
 Ошибочно употребляется въ смыслѣ: обиходный, вседневный.
 Обысокъ.
 Обьярь, обьяринный (тур. abdâr = волнистый).
 Объядъ.— Объядн; дат. п. къ объяднѣ.
 Объять; объященіе.
 (Обдокимъ). См. Евдокимъ.
 Овдотья (отъ Евдокія, по общему фонетич. закону р. языка, какъ напр. Евдокимъ, озеро, олень, осень вм. Евдокимъ, езеро, елень, есень).
 Овощной.
 Оврагъ. (гот. auvagi, греч. ὄρυξ).
 Огнедышущій 31.
 Одежда (народн. одежа).
 Одинакій.— Одинаковый.
 Одинадцать.
 Одинокій.— Одиночка (въ одиночку).
 Однако; однакоже, однакожь 89.
 Одышка.
 Одѣвать; одѣть, одѣнуть. Смѣшивается съ *надевать*: одѣваютъ кого, надеваютъ что.
 Ожерелье (отъ жерло = горло).
 Жогиъ.
 Озабочивать 22.
 Оземь 87.
 Озорникъ.— Озорничать.
 Оказія.
 Окаанный.
 Околотокъ.— Околоточный.
 Оконченъ (прич. гл. *окончить*) 28.
 Окраина.
 Окрестный.— Окрестность 45.
 Окрестъ (ср. польск. kraw=край, предѣлъ).
 Октябрьскій 53.
 Олады (стар. *олей* вм. елей).
 Олена. (Простонар. вм. *Елена*).
 Оленька (уменьшит. отъ *Олена*) 32.
 (Отаръ). См. Алтарь.
 Оловянный 68.
 Оляповатый.
 Омерзѣніе.
 Они, для муж. и сред. рода. Онѣ для женскаго.
 Оносимъ.
 Ономедни. См. Намедни.
 Онуфрій.
 Онуца (по Микл. отъ уть: Lautlehre, 125).
 Оныга.

Онашень.
 Опереться, обопрусь, обопрутся.
 Оплеуха.
 Опознаться (ориентироваться).
 Оппозиція.
 Опричь (отъ прочь съ измѣнен. о на и).
 Опрометью.— Опрометчивый.
 Опрѣсноки.
 Опѣшить.
 Орфей (Ὀρφεύς) 75.
 Ореографія.
 Орѣхъ.
 Освободять (др. свобождати).
 Освѣдомиться.
 Освѣтить; освѣщать.
 Освятить; освящать.
 Осипъ. (Народн. вм. *Иосифъ*).
 Осиротѣлый.
 Осіявать; осіять 37.
 Ослабить.— Ослаблять (гл. дѣйств.).
 Ослаблять, ослабѣть (гл. средн.).
 Осмерка
 Осмеричный } Здесь в поелѣ с лишнимъ,
 Осмина } такъ какъ эта согласная
 Осми } отъ тогога за нѣмъ звука
 Осми } и безъ того умагчается 51.
 Осмивать; осмиять, осмиють 36.
 Оспаривать }
 Останавливать } 22.
 Остафій (народн. вм. *Евстафій*). См. *Овдотья*.
 Оствѣйскій.
 Остовъ.
 Острее и Острие.
 Остромиръ.
 Осьмой и Восьмой.
 Осьмуха и Восьмуха.
 Осѣдлый.
 Отвезть, отвезуть.
 Отверстіе.— Отверстый 43.
 Отворять (вм. *оттворять*) 65.
 Отвсюду; отовсюду.
 Отвѣтить; отвѣчать.
 Отгорать.
 Отереть. Неправильное дѣепр. *отерезъ* употребит. вмѣсто правильнаго *отѣрши*.
 Отколѣ. Откуда.
 Отмокать; отмокнуть,
 Отнекиваться.
 Отнюдь.
 Отойти, отойдуть.
 Отрасль.
 Отрости.— Отрастать.— Отрастить.
 — Отращать.
 Отречься.— Отреченіе.
 Отселя.— Отсюда.
 Оттаивать; оттаять, оттають 36.
 Оттого, отъ того 87.
 Оттоль.

Оттоманская Порта.
 Оттуда.
 Отучить.
 Отцовскій.
 Отдаваться; отчаться, отчаются
 36. 87. Отчаянный.
 Отчасти.
 Отчего, отъ чего 87.
 Отчество.
 Отчетливый.
 Отыграть. Отыскать, отыщутъ.
 Офицеръ. — Официальный 79.
 Офросинья. См. Евфросинья.
 Охмелѣть.
 Охрипнуть.
 Охтянка (крестьянка изъ Охты).
 Оцѣнить. — Оцѣненный. — Оцѣ-
 неніе 63.
 Очень.
 Очнуться (вм. очунуться или, собств.,
 очунуться, какъ *слонуть* изъ *слот-*
нута).
 Очутиться, очутятся. Корень чу,
 какъ и въ словѣ *чувство*. Ср. Ощу-
 тить.
 Ошеломить.
 Ощутить, — щать. Др.-слав. ѡ вм. руе-
 скаго ч: ср. *очунуться*.

II.

Павильонъ, павильонъ 77.
 Падуя 79.
 Падчерица (па-дчер...)
 Палага — Палачь.
 Палашь (нѣм. Pallasch).
 Палисадникъ (фр. palissade, отъ лат.
 palus, свая).
 Палтусъ (лат. platessa).
 Памфилъ.
 Панегирикъ.
 Панель (др.-фр. panel, нѣмъ panneau).
 Панибратъ (польск. pan brat).
 Паникадило.
 Паникда (греч. παννυχίς = всенощ-
 ная) 79.
 Пансіонъ (воспитательное заведение).
 Панталы (происхождение неизвѣст-
 но): сбиться съ панталыку.
 Пантелеймонъ.
 Паничка 32.
 Папилютка, папилютка 77.
 Папоротникъ.
 Параллель.
 Парасковья (собств. Параскева).
 Паремія (гр. παροιμία, отъ пара=при
 и ὅμιλη = ходъ).
 Паромъ (гр. πέριμα, др.-слав. прагъ,
 чеш. pruh).

Пароходъ 23.
 Партеръ 81.
 Партійный. Недавно появившееся въ
 печати слово, но образованное не со-
 гласно съ русской фонетикой. Изъ
 словъ: *линейный, армейскій, библи-*
скій и пр. (отъ линія, армія, біблія)
 видно, что слѣдовало бы по крайней
 мѣрѣ дать новому слову форму: *пар-*
тейный. О двугласномъ *ій* 6.
 Партнеръ 73.
 Парузо (греч. φάρσος, полотнище ка-
 кой-либо матеріи).
 Пареній (народн. *Парени*).
 Пассажиръ (фр. passager),
 Пастбище.
 Пасты, падутъ. Прич. стр. *пасты*
 употребительнѣе чѣмъ *пастыи*, имѣ-
 ющее особый отглаголъ значенія.
 Пастыръ.
 Пастухъ. — Пастушникъ.
 Патапій (народн. *Потана*).
 Патока.
 Патріархъ 56.
 Пахать, папешь, папуть 30.
 Пафлугій.
 Пахота, пахотный.
 Папешька (уменьш. отъ *Пама*) 32.
 Пашипортъ.
 Паузный (отъ фін. painaa — давить,
 жать; или rajotaа — колотить).
 Пацъ, пацють.
 Паццъ (нѣм. Pazzo съ ит. pagliaccio).
 Пеклеванный (по Далю, отъ гл. *пе-*
клевать, молотъ чисто, мелко и про-
 сѣвать).
 Пелагя 60.
 Пелена.
 Пелерника.
 Пемва (нѣм. Bimstein).
 Пензенскій 34.
 Пенсіонъ. — Пенсія.
 Пенязь.
 Пенязь (пеня, роена).
 Первоклассный.
 Первый 54.
 Пергаментъ, или, вѣрнѣе, пергаментъ
 (греч. περγαμηνή, лат. pergama, т. е.
 charta, отъ города Пергама).
 Перебѣжчикъ 48.
 Переводчикъ. Перевозчикъ 48.
 Передѣвать (въ просторѣчій вм. *пе-*
редѣлать).
 Пережевывать.
 Перейти, перейду 69.
 Перелистывать; перелистать.
 Переметчикъ.
 Перенять, переймутъ.
 Переодѣть, переодѣнуть.
 Перепелъ.

Переписчикъ 48.
 Перерастать. — Перерастн 24.
 Перерождать 24.
 Пересказчикъ 48.
 Переть, пруть 64.
 Перечень, род. пад. перечня.
 Перечить, перечишь, перечать.
 Перилъ (мн. ч., род. п. перилъ).
 Перламутръ, совр. перламуть (нѣм. *Perlemutter* = жемчужная матка).
 Персть 54.
 Перчатка. — Перчаточникъ.
 Пескаръ (мелкая рыбка, нѣм. *Gründling*).
 Песокъ (древ. пѣсокъ).
 Песчаный 47.
 Песчанникъ. — Песчанка.
 Пестрядь.
 Петербургскій. — Петербуржецъ.
 Печенѣги. — Печенѣжскій.
 Печерскій. — Печора. — Пещера.
 Пищать, пишешь, пишуть 29.
 Пищій. Пищяя бумага 47.
 Письмо. — Письменный 53.
 Пнеагоръ.
 Пяткость 78.
 Плявица (ср. забіяка).
 Платить, платишь, платять (пронзп. плѣтять) 23. Плательщикъ.
 Платье (предлож. пад. о платѣ; род. м. *платяе*). Платяице 33.
 Плятаной.
 Пляшма (ср. *пластать*).
 Пляшаница 27.
 Плева (др. плѣва).
 Плетень. — Плетъ. — Плетка.
 Плечо. — Съ плеча.
 Плотъ. — Плотва.
 Плотить, плотять 23. — Плотина.
 Плотской.
 Плохонный 33.
 Плутишка 24.
 Плянь (положь).
 Плясень. — Плясѣть; плясневѣть.
 Пляшь.
 Поборать. — Поборотъ, поборють.
 Побѣдять, побѣжду, побѣдять.
 Повводно.
 Повелѣвать. — Повелѣнїе 63.
 Повидимому 87.
 Повѣсть. — Повѣстка.
 Поганый (ср. чеш. *hapa* = хула).
 Поглотить, поглотять; поглощать 24.
 Погончикъ (польск. *rogon* изъ *ogon*, хвостъ).
 Погонщикъ.
 Погорать. — Погорѣть.
 Погребсти (неправ. погребсти). См. Грести.

Подвигъ (по-двигъ). — Подвижной (по-движной).
 Подвочекъ 48.
 Подвижный.
 Подгнѣта. См. Гнѣтитъ.
 Подданный.
 Поддевка (ср. одежда).
 Подьяконъ.
 Поденщикъ.
 Подешевѣть.
 Поджогъ.
 Подземелье.
 Подколичавъ.
 Подлинный. — Подлѣ (по-длѣ) 59.
 Ср. древнія формы: *подлизъ, подолзъ, подлы* и даже *подоль* (Вост. и Миклош.). Отсюда *по-длинный*.
 Подмастерье.
 Подозрѣвать. — Подозрѣнїе 63.
 Подойти, подойдутъ 69.
 Подписчикъ 48.
 (Подчивать). См. Потчевать.
 Подчасъ. — Подземъ. — Подъ радъ.
 Подымать. — Поднять, поднимуть, подымуть 51.
 Подьячій 53. 65. 77.
 Пожалуйста (*ста* — суеизкъ, остающійся еще сомнительнымъ).
 Повади 87.
 Позвоить (зм. позволить).
 Позвонокъ.
 Позднїй. — Поздно. — Позже 45.
 Поздороваться. — Поздоровится (употребл. только отрицательно).
 Полащать. — Позолотить, позолотять.
 Позументъ. — Позументщикъ.
 Поистинѣ.
 (Покаль). См. Вокаль.
 Покамѣсть 50.
 Поклониться, поклонятся; — поклоняться 24.
 Помяться, помянутся. См. клясть.
 Покоить, покоишь, покоять. Прич. Покоящій 31.
 Поколѣнїе. — Поколѣнно.
 Покорять.
 Покуда 88.
 Полагать. Положить, положить 24. 29.
 Полати.
 Полгода. — Полдень. См. Полъ.
 Ползти, ползуть.
 Полиціймейстеръ (правильнѣе нежелн «полиціймейстеръ» или «полиціймейстеръ»)
 Положенный. — Положенный 67.
 Половь; мн. ч. полова.
 Поломя (правильнѣе чѣмъ «полымя»).

Подоумный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *помай* — пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *полоудный*. Отъ прилаг. *помай* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *помяня*, также *половодье* (открытая, сплошная вода).

Полоцкь 47.

Полпиво.

Польсть.

Полтора (полтора).

Полтораста.

Полтретья.

Полушка.

Поль (въ значеніи половины). **Польдиста**; **поль-имѣнія**; **поль-оборота**. Но *полюда*, *полпути*, *полчаса* и нѣкот. др. имена принято писать слитно 88.

Полюно, мн. **полюнья**.

Помада (фр. pomade).

Помнить (по-мнить).

По-мѣсему. (Но *по моему мнѣнію*).

Помощникъ.

Помѣстье. — **Помѣщикъ** 48.

Помѣха.

Поневолѣ.

Понедѣльникъ (отъ недѣля = воскресенье).

Пономарь. См. въ словарѣ Дюкавжа *παρνομάρης*, въдрѣпленное многими примѣрами.

Понемногу 87.

Понутру 87.

Понянь 88.

Подадь 87.

Посидночкѣ.

Посочередно.

Попарно.

Поперекъ (отъ корня *прек*, и потому прежняя ортографія *попереть* должна быть оставлена) 42.

Поперемѣнно 88.

Поперечникъ.

Поплавокъ.

Пополамъ.

Попрежнему 87.

Попусту. — **Попустому**.

Порождать.

Порогъ.

Порожній. По Павскому вм. *порозній*, или *пороздый*, т. е. праздный.

Порознь.

Порокъ. — **Порочный**.

Пораста; **порастать**. — **Поросль**.

Портфель; род. портфеля (жен. р.).

По-русски.

Поручикъ 48.

Порфирій.

Посаженный.

По-свойски.

Посвятить, **посвящать**.

Посѣтить.

Посему.

Посидѣлка 63.

Поскольку.

Послѣ (по-слѣ отъ *слѣдъ*).

Послѣдній. — **Послѣдствіе**.

Послѣзавтра 88.

Посотенно.

Поспѣшный.

Посреди. — **Посредствомъ**.

Постель. — **ля** 60. **Постила** (отъ *ст.лат.*).

Постлатъ, **постеляютъ** («постелить» форма совершенно ошибочная).

Постничаютъ. — **Постный** 45.

Пострѣль.

Посѣвать.

Посѣтить; **посѣщать**.

Потапъ. См. **Патапій**.

Потатчикъ 48.

Потолокъ (ср. хорут. tlak = полъ).

Потому, **потомъ** 87.

Потому что; **потому, что** 87. 107.

Потчевать, **потчую** 45.

Потѣха.

Похлебка (отъ *хлебать*).

Похлѣбство (угожденіе за хлѣбъ-соль).

Похмелье. См. **Хмель**.

Похороны, род. п. **похоронъ**.

Похѣрить (отъ формы буквы *х*, *хѣръ*, гр. *χῆρε* = радуйся, или *χῆρ* = рука).

Поцѣлуй. См. **цѣловать**.

Почасту. — **Почему**.

Почетъ.

Почталіонъ, **почтальонъ** 77.

Почти (собственно повелит. наклон. гл. *почтити*: ср. народн. *почитай*).

Почтамтъ. — **Почтдиректоръ**.

Пошеви, род. п. **пошевень**.

Пощечина.

Поэтому 87.

Правовѣдніе.

Праздникъ. — **Праздничный** 45.

Прасковья. См. **Парасковья**.

Прасоль.

Прачечная 47.

Пращуръ.

Превозмогать.

Предвидѣніе.

Предвѣдніе.

Предвѣстіе. — **Предвѣщать**.

Предметъ (польск. przedmiot).

Предмѣстье (польск. miasto = городъ).

Предпринять, **предпримуть**.

Предпріимчивый. **Предпріятіе**.

Предрекать. — Предречь.
 Председатель.
 Предубѣждение.
 Предупреждение.
 Предыдущій 51.
 Предыдѣніе 51.
 Предъявлять.
 Преемникъ. — Преемство (ср. *перемѣла*).
 Прежде чѣмъ. Употребленіе этого союза съ неопр. наклоненіемъ, не зависящимъ отъ другого слова, есть галлицизмъ; нельзя напр. сказать: «Прежде чѣмъ *сжечь*, покажи... Пушкинъ однажды пишетъ: «Прежде чѣмъ *сожжешь* это письмо, покажи его Карамзину».
 Превнїй.
 Презрѣть; презрѣнїя.
 Преосоловить 42.
 Пренїе (отъ гл. *переть*) 58. 63.
 Преодолѣвать. Преодолѣть.
 Преподнести (какъ преподать, *проводить*).
 Преположеніе (отъ полъ = 1/2). Середѣ 4-й недѣли послѣ пасхи.
 Пререканіе.
 Пресса. — Прессъ 80.
 Преставитѣся (= умереть).
 Претензія.
 Претерпѣвать. Претерпѣть.
 Претерпѣнный 68.
 Претить.
 Преуспѣваніе.
 Прибаутка (отъ *балать*).
 Приблизить, приближу, приблизятъ.
 Привидѣніе.
 Привилегія 81.
 Привислинскій 34.
 Приволакивать 22.
 Привораживать.
 Приворачивать.
 Привѣтъ. — Привѣтствіе.
 Привязчивый 47.
 Приводить; пригвозждать.
 Пригорать 24. — Пригорѣть.
 Пригоршня.
 Приданое 67.
 Придѣлъ (не смѣш. съ *предѣла*).
 Призрѣть; призрѣнїя 63.
 Приказать, прикажешь, прикажутъ 31.
 Приказчикъ 48.
 Приколачивать; приколотить.
 Прикосновеніе.
 Прилагать; приложить 24.
 Прилежный. — Прилежаніе.
 Примораживать.
 Примѣта.

Примѣсь.
 Прикоравливать (отъ *морозъ*) 23.
 Припасть, припадаютъ.
 Приправа.
 Прирасти. — Прирастать. — Прирастить. — Прирастъ 24.
 Присутствовать. — Присутствіе.
 Присѣсть. — Присѣсть.
 Притомъ; — при томъ 88.
 Притча (отъ гл. *приткнуть* — приладить, примѣнить).
 Прицѣлъ.
 Прическа.
 При чѣмъ — не должно писаться слитно, потому что здѣсь предлогъ *при* сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, точно такъ же какъ въ выраженїяхъ: *при томъ, при этомъ* 87.
 При этомъ (не должно писаться слитно) 87.
 Приемъ. — Приемшъ 55.
 Прийти, прийти, придуть 69.
 Приобрѣтать; приобрѣсть, приобрести. Приобрѣтшїй (хотя неправильно, но почти вытѣснено фору: «приобрѣтшїй».)
 Призванїя.
 Приѣхать, приѣдешь, приѣдутъ 81.
 Проблема (гр. *πρόβλημα*, отъ *πρόβαλλειν* = предлагать) 73. 81.
 Провантъ 77.
 Прогнѣваться. — Прогнѣвить.
 Прогорать 24.
 Программа 80.
 Прогрессъ 80.
 Проектъ (ново-лат. *proiectum*; итакъ не «проектъ») 72.
 Прозора.
 Пронрастать. — Пронрасти; пронрастить 24.
 Проходить. — Прокошествіе.
 Пройти, пройдутъ 69.
 Прокопїй (народ. Прокопїй). (Пролубъ). См. Прорубъ.
 Промежутокъ.
 Промокать.
 Промыселъ. — Промыслить. Промышлять.
 Промыслъ (Провидѣніе).
 Промышленникъ. — Промышленность 67.
 Проловѣдать. — Проловѣдывать 37. 88.
 Проловѣдъ, ж. р. (род. мн. *проловѣдей*).
 Прорастать. — Прорасти.
 Прорубъ.
 Прорѣха. (Здѣсь виденъ корень гл. *рмшить*).
 Просвира (собств. *просфора*).

Просвѣтитъ; просвѣщать.
Просвѣщать.
Проскочить.
Проскомидія (гр. изъ *πρόξ* = впередъ,
 и *κομίσις* = принести).
Простереть; проструть.
Просто-напросто 89.
Просторѣіе.
Простой, р. п. простого 22.
Простора 71 (простон. *просира*).
Просьба 53.
Просѣдъ, ж. р.
Противень; противня (м. р.).
Противорѣчіе.
Протоіерей.
Протоколъ 81.
Профессія; профессоръ, профес-
сорша 80.
Прохлаждаться, прохлаждаться.
Прохлаживать.
Процессъ.
Прочій. — Прочъ 50.
Прошелыга.
Пруссакъ (о народѣ).
Пруссакъ (о насѣкомомъ).
Прѣненкой 34.
Прѣсный (некислый: др.-сл. *прѣсынъ*,
 словни. *pr̄esen*, сырой; серб. *прие-*
санъ, свѣжій; польск. *pr̄ezany*, др.-
 верх.-нѣм. *fr̄isc*, свѣжій).
Прѣтъ, прѣлѣтъ.
Пряденый 67.
Пряничный 47.
Псалтырь, р. п. псалтыря (м. р.) 52.
Пустомеля.
Пустопорожній.
Пшено. — Пшонный.
Пьедесталъ 52.
Пьеса 52. 79. Всего ошибочнѣе начер-
 таніе «пѣса» (= пѣса).
Пѣнный 52.
Пѣвецъ. Пѣвчій. Пѣніе 63.
Пѣгій. — Пѣна.
Пѣсельникъ (покущій въ хорѣ). — **Пѣ-**
сенникъ (сборникъ пѣсенъ).
Пѣсня (пѣсню, пѣсенъ), **пѣснь** (внн.
 п. пѣсь, род. м. пѣсней) 53.
Пѣтовать. — Пѣтухъ.
Пѣть, поють. — Пѣтухъ.
Пѣхота. — Пѣшія.
Пятугольный 55.
Пятнадцать. — Пятдесять 50. 53.
Пятьоотъ, пятноотъ, пятнстамъ.

Р.

Равнина. — Равный. — Равнять.
(Равлать). См. Рождать.
Развѣ 59.
Развѣснстый.

Развѣситъ. Развѣшенъ 28.
Разгораться 24.
Раздать (хотя *рождать*) 27.
Раздобаривать (евр. *dabar*, рѣчь).
Разденный 66.
Разина. — Разинуть (вм. *разинуть*) 65.
Разножить.
Размокать; размокнуть.
Размѣнять; прич. размѣнянъ.
Разносчикъ 43.
Разнять, разнику (хотя прош. *роз-*
нять) 27.
Разойтись, разойдутся, разошел-
ся 69.
Разорать (др.-слав. *орити* — разру-
 шать).
Разработывать.
Разровнять.
Разрѣдить, разрѣзать.
Разсада.
Разсказъ 27. 44. — **Разсказчикъ** 47.
Разскепъ (исл. *skerja*, раздѣлать; то-
 го же корня *щепать, щелка*).
Разсмотрѣнный 63.
Разсолъ.
Разсорить. Разсорить 66.
Разспрашивать 44.
Разспросы 44.
Разстаться, разстанутся.
Разстегай.
Разстегивать; разстегнуть.
Разстрига.
Разстрѣлянъ (прич. гл. *разстрѣлять*)
 28.
Разсчитывать 44.
Разсѣвать. — Разсѣивать 37.
Разсѣлина.
Размыкать; размыкать 27.
Размыканіе (хотя *розмокъ*) 27.
Разѣвать (вм. *раззѣвать*) 65.
Ранній; ср. ст. раньше 54.
Раненый 67.
Раннимъ-рано.
Расканваться; расканяться 36.
(Раскепъ). См. Разскепъ.
Расколачивать.
Расписка (хотя *росписъ*) 27.
Расписаться. — Расписываться 27.
(Распрашивать). См. Распрашивать
 44.
Растеніе 24.
Расти, растутъ; росъ, росла, росло.
 24.
Растлѣть; растлѣвать. — Растленіе
(дѣйствіе) 64.
Растлѣтъ. Растлѣніе (состояніе) 64.
Расхорохориться.
Расцѣловать. См. Цѣловать.
Расчетъ; расочуть. — Расочетъ 43.
Расшевелить, расшевелить 43.

Рашкуль (гѣм. Reisskohle).
Ращеніе (отъ гл. расшмнѣ).
Ребенокъ 40.
 (Редактировать). Правильнѣе редакци-
 ровать.
Регистръ (срд. лат. registrum, registrum
 или registorium отъ regestum—за-
 сенное, записанное; гл. regere—
 вносить) 72.
Рекомендація.—Рекомендовать.
Реку, река, рѣка. См. рѣчь.
Рельсы (англ. rail, множ. ч. rails), же-
 лѣзные брусья, полосы).
Ремесло; ремесленникъ.
Репортеръ (не «репортёръ».)
 (Ресница). См. Рѣсница.
Ресоора.
Ретивый (отъ сущ. реть).
Реторика (иначе риторика: ср. Хре-
 стоматія).
Реченіе.
Ржаной. Народн. *оржаной*.
Ритмъ (гр. *ῥυθμός*).—Риторъ.
Рема (гр. *ῥυθμός*).
 (Ребенокъ). См. Ребенокъ.
Ровесникъ (др.-сл.: равьсьникъ) 46.
Ровный.—Ровнять.
Рогожа.
Родіонъ (собств. Иродіонъ).
Рождатъ (др. раждати) 24.
Рождество.—Рождественскій.
Роженъ, род. п. рожна.
Рожокъ.
Роз. Это фонетическое начертаніе
 предлога *раз* (при удареніи надъ
 нимъ) встрѣчается только въ немно-
 гихъ случаяхъ и не должно быть
 распространяемо на другія слова то-
 го же происхожденія безъ акцента
 на предлогѣ. Ср. *розмыкъ* и *размык-*
санье, размыканіе 27.
Розвалки. Но *развалины*.
Розга.
Розговѣнъ. Но *разговѣваться* 27.
Рознь.
Розказаніи 44. Но *разказъ*.
Розмышл. Но *размыслить* 27.
Розыгрышъ 51. Но *разыграть* 27.
 (Розмыканіе). См. Размыканіе.
Розыокъ 27.
Роптатъ, ропшутъ 29.
Роскошь. (Для второй части слова
 ср. польск. *koszać* = любить).
 (Росада). См. *Разсада*.
 (Росолъ). См. *Разсолъ*.
 (Росписка). См. *Расписка*.
Росписокъ.
Россомаха 66.
Россианникъ 77.
Ростокъ.

Ростъ.—Ростокъ.
 (Рощеніе). См. Ращеніе.
Ртачиться (отъ сущ. реть). Народн.
ортачиться).
Русскій 65.
Руфинъ, Руфъ (лат. Rufinus. Rufus).
Рухлядь.
Рученька 82.
Руць (ср. Ruth).
Рыть, роешъ, роютъ 80.
Радкій.—Радина.
Радька (собств. редька) 57.
Радѣть.
Рѣзатъ, Рѣзкій; ср. ст. *рѣзче*.
Рѣвный.
Рѣкій; *рѣече*.—Рѣчишь 47.
Рѣка.—Рѣчной.
Рѣпа.
Рѣсница (польск. *głaza, gęza*, чеш.
řava. Ср. серб. *рѣса* и русск. *ряса*—
 украшеніе, бахрома).
Рѣчь. Въ двойномъ правописаніи
 словъ: *реку, наречъ, нареченъ, наре-*
каніе, и *рѣчь* мы видимъ единствен-
 ный слѣдъ различія, которе въ
 древнемъ языкѣ встрѣчалось перѣд-
 ко: многіе глаголы, при переходѣ въ
 многократный видъ, измѣняли е на
 ѣ, напр. *лѣтяти* и *лѣтати* 59.
Рѣшатъ, рѣшитъ 57.
Рѣшетка, Рѣшето 57.
Рѣятъ, рѣютъ.
Рѣхнуться.

С.

Сѣва.
Сѣврасый.
Садухей 60.
Сажалка.
Сажень; род. мн. *саженъ*.
Саламата.
Самой. Винит. пад. жен. р. мѣстоиме-
 нія *сама*: правильность окончанія *оѣ*
 доказывается формой *ее* въ вин. па-
 дежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, *фор-*
ма «саму», встрѣчаемая въ печати,
чужда живому языку.
Сампсонъ.
Самъ-другъ, самъ-третей (т. е. третій),
самъ-четвѣртъ, самъ-пятъ, самъ-
шость, самъ-седьмой (-сѣмь), **самъ-**
восьмой, самъ-девятъ, самъ-десять
 (не «десять») 50.
Сарафанъ.
Сарра.
Сбруя (поль. *zbroja*).
Свадьба.—**Свадебка**.—**Свадебный**
 45.
Сведеніе (отъ гл. *свести*).
Сверстникъ 54.

Сверху, сверхъ 86.
 Сверхъестественный.
 Сверчокъ.
 Свиристель 60.
 Свирыль 60.
 Свирыный.
 Своичиница 35.
 Свысока 87. Свыше 88.
 Свѣдущій (отъ вѣмъ, вѣсть) 31.
 Свѣдѣніе (отъ цсл. глагола *свѣдѣти*, какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти*) 64.
 Свѣжій.—Свѣжить.
 Свѣтокій 47.
 Свѣча.
 Сгорча.
 Сдобный.—Сдобритъ (сдабривать).
 Сдуру 87.
 Сдѣлать. Сдѣланный.
 Сегодня.—Сегодняшній (отъ нарѣчія *сегодня*, какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*).
 Седмица 54.
 Седьмой (самъ-седьмой; см. Самъ).
 Сейчасъ.
 Селить, селить.—Село.
 Сельдь, ж. р. Род. мн. сельдей.
 Семнадцать.—Семьдесятъ.
 Семья. Семейный. Семейство.
 Сентиментальный.
 Сентябрьскій.
 Серафимъ.
 Сергіій (народн. *Сергий*) 54. 60.
 Сердце.—Сердцевѣдецъ 63.
 Серебряный 68.
 Серіозный.—серьезный 78.
 Сермяга (у поляковъ *sermaga*).
 Сертукъ (проче чѣмъ *сертукъ*).
 Серьга; мн. ч. *серьги*, *серегъ*, *серьгамъ* (др.-сл. *оусеразь*, *оусерагъ*, съ гот. *ausharigga*).
 Сессія 80.
 Сестринъ.
 Сечь, сожгутъ.—Сожженъ 65.
 Свяди 87.
 Сиверко.
 Сивка 25.
 Сидѣлецъ 63.
 Сидоръ (сокращ. изъ Исидоръ).
 Символъ 75.
 Симметрия. Симметръ. Окстома.—Синодъ 75.
 Синтаксическій (а не «ситаксическій»)
 Сирота. Мн. ч. *сироты*.
 Сирѣчь.
 Сказать, скажешь, скажутъ 29.
 Складчина 48.
 Складка 46.
 Скворода.
 Скользкій.—Скоромный.

Острие, —остриѣть 51.
 Скучно.
 Сладкій. Ср. ст. *сладе* (см. *сладче*).
 Станецъ (см. *станецъ*) 46.
 Стать, шлю, шлютъ.
 Слегка.—Слегка 87.
 Слесарь (нѣм. *Schlosser*, поль. *slosarz*).
 Олишкомъ 86.
 Словесный.—Словесность.
 Слой (сомнит. происхожденія).
 Слышать, слышишь, слышатъ, слышанъ (прич.) 28.
 Слышенъ, слышна, слышно (прич.) 28.
 Олѣва 87.
 Слѣдъ. Слѣдовать 87. Слѣдствіе 54.
 Слѣзь, слѣзешь, слѣзуть.
 Слѣпой.
 Слѣпить, слѣпишь, слѣпятъ (отъ *лѣпимъ*, съ предл. *съ*). Оттуда *Олѣпокъ*.
 Слѣпить, слѣпишь, слѣпятъ (отъ *слѣпой*). Слѣпнуть.
 Слюна.
 Смежный (отъ *межа*).
 Смежать (ср. *намекъ*).
 Сметана (отъ *сметати*, Мпкл.).
 Сметать (отъ *мести*).
 Смолоду 87.
 Смородина (отъ *смородъ* = *смадь*, по сильному запаху ягоды).
 Смотрѣть, смотреть (народ. *смотреть*).
 Смычокъ.
 Смышленный 67.
 Смылый 68.
 Смына.—Смынять.
 Смыль.—Смышивать.
 Смыта (одного корня съ словами: *примѣта*, *замѣтка*, *отмѣтка*).
 Смытливый (одного происхожденія съ *примѣтливъ*).
 Смыхъ.—Смышенъ (т. е. «смышонъ»), крат. прилаг. 28.
 Смышанъ (прич. гл. *смышати*) 28.
 Смытеніе (отъ *мисти*, *млуту*). (См. *Смѣта*). См. *Вомѣту*.
 Снабдѣвать (старин.). Первонач. форма *сънабдѣти*, *сънабдѣвати* (отъ корня *бѣдъ*) зн. *приобрѣтати*, *наблюдати*, *хранити*. Нынѣ *снабдимъ*, *снабжатъ* гл. переход. съ другимъ значеніемъ.
 Снаружи 87. 89. Сначала 86.
 Снегирь.
 Снегу 86.
 Снитокъ (черезъ перестановку звуковъ, отъ нѣм. *Stint*, польск. *stynka*. Подтвержденіемъ служитъ старинная форма: *снитейнѣ*).

Снова 87.
 Спорова.
 Стыгъ. Стыжный.
 Слѣдъ.— Слѣдъ (гдѣ я призывкъ).
 (Снятокъ). См. Снитокъ.
 Собоулѣнованіе 63.
 Собрать; мн. ч. собратья.
 Собща, сообща.
 Совершенный. Совершенный 40.
 Совѣтъ.— Со всѣмъ тѣмъ.
 Совѣсть.— Совѣстливый; совѣст-
 ный.
 Совѣтовать, совѣтуютъ 88.
 Сожалѣніе.
 Создать, создавать; создамъ, соз-
 дадутъ.
 Создать (созидать). Созиду, со-
 зидуютъ. Формы: «созидитъ, со-
 зиденный» ошибочны.
 Совесть (въ народѣ Совесть).
 Соименный.— Соименникъ.
 Солдатчина 48.
 Соломенный 68.
 Соломинка (отъ соломина, какъ го-
 рошинка, крупинка, песчинка) 33.
 Соломонъ.
 Сомнѣваться.— Сомнѣніе 64.
 Соперникъ (отъ гл. *переть*; ср. народ.
спорникъ).
 Сопка, ц.-сл. съпъ — насыпь, возвы-
 шеніе.
 Сорочоусть (изъ *тсѣсархѣостос*, со-
 роковой, — по народной фонетикѣ).
 Состариться. Состарѣться.
 Соотрѣть.
 Соудъ; мн. ч. соуды, — ей.
 Сотканый.
 Софроній.
 Сочельникъ (первонач. сочевникъ,
 отъ сочево).
 Спасокій.
 Спецѣнать, въ народн. яз. страдат.
 прич. отъ *спелемать*, мн. неупотреб-
 лѣт. *спелемакъ* (такимъ же образомъ
 народъ говоритъ: *брато* мн. *брано*).
 Сперва 87. — Спереди 87.
 Спесивый.— Спесь (а не «спѣсь, спѣ-
 сивый».)
 Сплетни; род. п. сплетенъ 50.
 Сплонъ 50. 87.
 Спознани (простовар. мн. *испознани*-
 км, постъ передъ успеніемъ Богоро-
 дичи).
 Спозагора 89.
 Сполна 87.
 Споспѣшествовать.
 Споткнуться.
 Справа 87.
 Спроста 87.
 Спява 87.

(Спѣсь). См. Спесь.
 Спѣхъ.— Спѣшить.
 Спѣшить; — ся (отъ *пѣмій*).
 Срамъ.
 Сраженіе.
 Срастить; срашать.
 Сртѣнъ. Ср. *Встрѣтитъ*.
 Сряду.
 Соора. — Соуда.
 Стало-быть.
 Стамова (нѣм. *Stemmeisen*).
 Статсъ-секретарь.
 Статуя.
 Стекло (по мнѣнію Я. Гримма, отъ
 гол. *stikls*, *стаканъ*).
 Стекланный 68.
 Степанъ (народн. мн. Стефанъ).
 (Склянка). См. Склянка.
 Стлать, стелешъ, стелють (не «сте-
 дять») 30.
 Стоить, стоишь, стоить. Прич.
 стоящій 81.
 Столбъ (русск.).— Столпъ (древне-сл.
стлпъ).
 Столикъ, — лика 32.
 Стрекать.
 Стремглавъ.
 Стремъ.— Стреманный (стар.).
 Строгий (ц.-сл. *срагъ*) 46.
 Строить, строишь, строить 29. 81.
 Стрѣла.
 Стрѣха (кровля).
 Студентокій и Студенческій.
 Суббота (Остром. *сабота*, первонач.
 форма, гдѣ носовымъ звукомъ уже
 замѣнено одно β греч. *σάββατον*) 81.
 Судорога.
 Сужденіе.
 Суженый 67.
 Сузять.— Суженіе 52.
 Сумасбродъ 43.
 Сумасшедшій 52.
 Суматоха.
 Сумерки, род. сумерокъ.
 Сумма 80.
 Сумъть 52.
 Супостать (др.-сл. *сапостать*).
 Супружній.
 Сургуць (неизвѣстн. происхожденія).
 Суффлёръ (фр. *souffleur*).
 Суффигсъ (отъ лат. *suffigere*, при-
 крѣплять снизу или сзади).
 Сухой, р. п. сухого 22.
 Сушенный 67.
 Сфера 75.
 Счастье 47.
 Счесть, сочтуть.— Счетъ 47.
 Считать.
 Шибить, прич. *шибенъ* (а не «шибе-
 лень»). См. Шибить.

Ошить, сошьютъ.
 Съезниться — *Ольшая*.
 Сыворотка (перестановкой вм. сыро-
 вотка; ср. чеш. *syrovátka*, польское
serwatka).
 Сыграть.
 Сыдѣтотва. *Сыжнова* 89.
 Сынать, сынлешь, сынлють (не
 «сынять».)
 Сырошка (отъ *сыромъ*).
 Сысканой 51.
 Сычь (вм. *совичъ*, совиной породы).
 Сыщикъ 48.
 Сыверъ.
 Сывъ (отъ *сымъ*).
 Сыдой. *Сыдина*.
 Сыдалище. — *Сыдио*.
 Сыкира.
 Сыма. (Въ род. падежѣ мн. ч. *сы-
 млы*).
 Сыно.
 Сынь (ц.-сл. = *жмъ*, *стмъ*).
 Сыра (чеш. *síra*, польск. *siarka*).
 (Сърмага). См. *Сърмага*.
 Сырый.
 Сыоть, садуть.
 Сыть (скр. *si*, вязать).
 Сытовать, сытують.
 Сычь, сыкуть. — *Сычка*.
 Сылят, сылешь, сылють 29.
 Сюда.

Т.

Табакерка (ит. *tabacchiara*, фр. *taba-
 tière*, но прежде также *tabaquière*).
 Табачный 46.
 Табулетъ (другая форма *табулетка*).
 Таблет (ново-гр. *ταβλί*), шашечница.
 Табже, такъ же 89.
 Табланъ (народ.). Счастіе, удача.
 Табланъ (гр. *ταλαντων* = вѣсы, вѣсъ).
 Табля (фр. *taille*).
 Таблець. — Табцовать, табцуютъ 41.
 Табасій (народ. Табастъ).
 Татарникъ. Мн. ч. *Татары*.
 Тачать, тачаютъ. (Далъ: «шить строч-
 кою на оба лица».)
 Тачить, тачишь 29.
 Тагъ, таешь, тають.
 Творогъ 24. (Ср. нѣм. *Quark, quarg* и
 средне-нѣм. *tvark*).
 Теза. — Тезоименитство отъ ц.-сл.
 тьъ (ср. *тъжде*), сомнительный.
 Телеграмма (греч. *τῆλε*, далеко, и
γραμμά, письмо).
 Телѣга.
 Тезьма (гр. *ἑσμά, ἑσμοί*).
 Тетива.
 Темлякъ (польск. *temblak*).

Тема; р. п. темень.
 Тешета (серб. *тешета*, сѣтъ охотничья).
 Теперь (вм. *топерво*).
 Тереть, трещь, трутъ.
 Теремъ.
 Терпѣливый. — *Терпѣіе* 63.
 Терраса 60.
 Тимосей.
 Титло. — *Титуль*.
 Тихонькій 38.
 Тичаный. Тичадый (отъ сущ. *жачъ*).
 Тичане. — *Тичанъ*. *Тичанный* 63.
 Тьма (мракъ и миряда).
 Тмить (здѣсь в послѣ ж передъ мяг-
 кою согласной измѣненъ) 54.
 Тогда, тогдашній.
 Тоже, то же 89
 Тождество и Тожество.
 Толстенькій } 32. 53.
 Тоненькій }
 Тонкій; ср. ст. *Тоньше*. *Тончайшій*
 54.
 Топтать, топчешь, топчуть 29.
 Тормазъ (гр. *τόρμος* = ступица у ко-
 леса, гвоздь).
 Тороватый 24.
 Тотчасъ.
 Тотъ, тѣмъ; тѣ, тѣхъ и т. д.
 Тошно. — *Тошій*.
 Трактиръ (нѣм. *Trastierger* отъ фр.
traiteur).
 Трапеца (греч. [*τε*] *τράπεζα*, т е. четве-
 роногъ).
 Трауръ (нѣм. *Trauer*).
 Трещать, трещлешь, трещлютъ.
 Треугольный.
 Трнадцать. — *Тринадцать*.
 Треста, трехоотъ, тремстамъ 88.
 Трифонъ.
 Трофей (фр. *trouphée*, отъ лат. *trouae-
 um*, съ греч.).
 Трофимъ.
 Труженникъ 67.
 Трушка 80.
 Трести, прош. *трясъ* (произн. *трѣсъ*).
 Туне (ц.-сл.; русск. *тумно*).
 Тщательный. — *Тщиться*.
 Тщедушный (вм. *тощедушный*).
 Тщеславіе.
 Тысча.
 Тьма (въ обонхъ знач.: мракъ и миря-
 да). Тмить 54.
 Тяло. — *Тялесный*.
 Тянь, тѣ, тѣмъ. См. *Тоть*.
 Тянь.
 Тянитъ.
 Тяото.
 Тяпять, тяпнешь, тяпнать.
 Тюльери (а не «тюльери»: франц. *tui-
 lerie* отъ *tulle*, черепица).

Тюрьма. — Тюремный.
Тяжелый. Ср. ст. *тяжелѣ* и *тяжелѣ*
 63.
 (Тма) См. **Тьма**.

У.

Убогий. — Убожество.
Увѣнчать. **Увѣнчанъ.**
Увѣще.
Угнетать.
Уголъ, род. п. *ула*, мн. *улам*.
Уголь, род. п. *ула*. Множ. ч. двойное:
ули и *улоля*, какъ камни и камень.
 Вторая форма имѣетъ болѣе собира-
 тельное значеніе; въ этомъ смыслѣ
 употребляется и ед. число *улоле*.
Угольный, прил. отъ *уголь*.
Угольный, прил. отъ *улоль*.
Угорать; **угорять.**
Удахой, или **Удалый.**
Удаться (а никакъ не «удасться»,
 какъ многие пишутъ).
Удлиненіе.
Удлинять (отъ корня, а не отъ при-
 лаг. съ удвоеннымъ н; ср. *укоро-*
тить, *расширить*, *возвысить* и т. п.).
Уже, ужъ 49. — **Ужели.**
Узды.
Уйти, уйдуть 69.
Указчикъ.
Украина.
Укротить. — **Укрощать.**
Укусы (гр. *βίς*).
Улей, род. п. *уль*.
Уменьшать 54.
Умереть, умрутъ. Прошед. *умеръ,*
умерла.
Умертвить, умерщвлять.
Умолчать, умолчать. Прич. стр.
умолчанъ 28.
Умыселъ, род. п. *умисла*.
Унять.
Унтеръ-офицеръ 90.
Упасть, упадутъ. Прич. прош. *упав-*
шій. См. **Пасть**.
Уплатченъ (произн. «уплоченъ») 23.
Уповать, уповаютъ (отъ *пъвати*, по-
 лагаться; ср. чеш. в польск. прил.
ревну, твердый, надежный).
Урасти. — **Урастать.**
Уровень, род. п. *уровня*.
Уроженецъ; уроженка.
Услышанъ, прич. глаг. *услышать* 28.
Усомниться 64.
Успеніе (отъ *успнути*).
Успокоивать 22.
Устарѣлый.

Устрица (гр. *δοστριον*, древ.-нѣм. *aster*,
 голл. *oester*).

Устранять.

(Усты). См. **Узды**.

Усыться, усядешься, усядутся.

Утренній. — **Утренній.**

Участвовать. — **Участіе.**

Ученый 67.

Ушибить, ушибу; прич. стр. *ушиб-*
енъ (не «ушибленъ», какъ нынче ча-
 сто пишутъ). См. **Шибить**.

Уйти. — **Уйти,** **уйдешь, уйдуть.**

Ф.

Фалбора.

Фальшь (ж. р.) род. п. *фальши*.

Фарисей 60.

Фебъ 75.

Февраль.

Февронья.

Фейерверкъ (нѣм. *Feuerwerk*).

Фельдфебель.

Фельдцеймгейстеръ.

Фельдшеръ. — **Фельдшерница.**

Фельдтегеръ 51. 90.

Ферейскіе острова (дат. *Færøer*).

(Фершаль). См. **Фельдшеръ**.

Физмы.

Филаретъ.

Филей (ср. *filet*).

Филимонъ.

Филинъ (голл. *uil*, нѣм. *Eule* = сова)

Филиппъ.

Философъ (*φωλοσοφία*).

Финнъ. — **Финской.** Ср. **Норманнъ**.

Фитиль (нов.-гр. *φωτίλι*).

Фиалка (нѣм. *Viole*).

Флегонтъ.

Флейтщикъ.

Флигель (нѣм. *Flügel*).

Флоръ (въ народѣ **Фроль**).

Фока.

Фоліантъ.

Фонарь (ново-гр. *φανάρι*).

Фонтанка.

Фореиторъ. — **Формуловать.**

Фортепиано 77.

Фотій.

Французъ; французенка. — **Фран-**
цузскій.

Фрейлина (нѣм. *Fräulein*).

Х.

(Хазовый). См. **Казовый**.

Ханжество.

Харлампій (собств. **Харалампій**).

Хіонія.
Хлебать.
Хлестать, хлещешь, хлещутъ.
Хлопотать, хлопочешь, хлопочуть 29.
Хлѣбъ, хлѣбъ-соль (ж. р.).
Хмель 57. 60.
Ходатай. — **Ходатайствовать.**
Хомуъ.
Хорекъ (см. дхорекъ, отъ дхоръ; корень тотъ же, что въ словѣ *духъ*).
Хорошенькій 32.
Хотѣть, хочешь, хотять 29.
Хребеть, род. п. хребта.
Хрестоматія, иначе христоматія.
 Первая форма, какъ согласная съ общепринятымъ въ нынѣшнее время произношеніемъ греческихъ словъ, предпочтительна.
Хрисанез. — **Христоворъ.**
Христіанинъ; христіанскій.
Хрипъ.
Худенькій 32.

Ц.

Царьградъ. Цареградскій.
Цѣвѣть. — **Цѣвѣсти, цѣвѣтуть.**
Цѣвѣточекъ, — **чка** 32.
Цедула (лат. *schedula*, фр. *cédule*).
Цензуровать.
Цензоръ. — **Цензура.**
Церковь 54.
Цѣхъ.
Цикорій 42.
Цилиндръ 42.
Цитадель 42.
Цитовать.
(Цифра). См. Цыфра.
Цыбикъ.
Цыганъ Мн. ч. *Цыгане* и *Цыганы* 42.
Цынга 42.
Цыновка.
Цырюльникъ 42.
Цыфра. Цыфирь 42.
Цѣвница (цѣвь; чеш. *cew* = тростникъ).
Цѣдить, цѣдятъ.
Цѣлебный.
Цѣлить, цѣлять (отъ *цѣль*).
Цѣловать (не «цаловать», какъ нѣкоторые пишутъ). Одного корня съ прилаг. *цѣлый*. Собств. привѣтствовать.
Цѣлый (санскр. *kaljā* = здоровый, гр. *kalós* = прекрасный; гот. *hail* = цѣлый, швед. *hel*).
Цѣль (герм. *til, Ziel*).
Цѣна (чеш. польск. *sepa*; ср. гр. *τιμή*).
Цѣпенять 68.
Цѣплять.
Цѣпъ (гр. *σκήτων*, шв. *käpp* = палка).

Цѣпъ (ц.-сл. *чепь*; въ другихъ славянскихъ языкахъ нѣтъ соответствующаго по корню).

Ч.

Чапракъ (турец.) 27.
Чародѣй.
(Чаколъ). См. Чехолъ.
Чакотка.
Чаять, чаешь, чаютъ.
(Чеботы) См. Чоботы.
Чеканъ.
Человѣкъ.
Челюдь (корень тотъ же, что въ словѣ *человѣкъ*; окончаніе — собирательн. суффиксъ; ср. *стадо*).
Червь.
Чердакъ (турецк.).
Черезчуръ (*чуръ*, граница).
Черемуха и Черемха.
Черенокъ.
Черный.
Чернильница (отъ прил. *чернильный*).
Чесменскій 34.
Четвергъ 42.
Четвереньки (уменьш. отъ *четверня*): на четверенькахъ.
Четверка (отъ *четыре*).
Четвертка (отъ *четыре*).
Четвертокъ. См. Четвергъ.
Четкій. Четки Миней, четкихъ миней (ново-гр. *μηνάιον*, отъ *μην*, мѣсяць). Для чтенія назначенный.
Четкий.
Четырнадцать.
Чехарда (ср. гр. *σκληρόδξ*).
Чехолъ (польск. *szechel*, чеш. *šechel*, нѣм. *Ziesche*).
Чибюкъ.
Чикчиры.
Чирей, род. п. чирья.
Чихать.
Чоботы (персид.) 89.
Чопорный (польск. *szuporny*) 89.
Чортъ 40.
Чрезъ. — **Чрезполосный.**
Что (чѣмъ)
Чтобъ, чтобы, что бы 89.
Что-либо, — что-нибудь.
Чужой.
Чучело и **Чучело** 27.
Чушка. — **Чушь.**
Чѣмъ.

Ш.

Шаблонъ (нѣм. *Schablone* отъ франц. *échantillon*) — образецъ, образчикъ, форма.

Шалапъ (у нѣкоторыхъ Славянъ *салапи*: Добров. *Слав. Грам.*, стр. 197); др.-сканд. *skåle* = хижина).

Шальливый.

Шалнеръ (зм. шарнеръ; франц. *charnière*, отъ лат. *cardo*).

Шалфей (нѣм. *Salbei*, отъ лат. *salvia*).

Шампинионъ, шампиньонъ.

Шандалъ (фр. *chandelier*).

Шать. — **Шастать.**

Шатеръ 27.

Шацкъ 47.

Швея. См. **шовъ.**

(Шеколадъ). См. **Шоколадъ.**

Шелуха.

(Шерохъ). См. **Шорохъ.**

Шероховатый.

Шершаво.

Шеры. См. **Шкеры.**

Шестиаршинный 55.

Шестнадцать. — **Шестьдесятъ.**

Шесть. — **шость** (самъ-).

Шесть.

Шибить. Причаст. стр. *шибень*, а не «шибленъ», ибо наст. время *шибу*, а не «шиблю».

Широкий; ср. ст. *шире* 63.

Шкапъ. — **Шкафъ** (верхне-нѣм. *Schaff*, но ниже-нѣм. *Schapp*, голл. *schar*, швед. *skåp*).

Шкворень (польск. *sworzen*).

Шкеры (правильнѣе чѣмъ *шкеры*, нв. *skär*).

Шмель (нѣм. *Hummel*, поль. *trzmiel*).

Шнурокъ.

Шовъ.

Шоколадъ (исп. *chocolate*, нѣм. *Schokolade*).

Шомполь (польск. *stempel*).

Шорохъ 39.

Шоссе (фр. *chaussée*).

Шпалеры (нѣм. *Spalier*, отъ франц. *espalier*).

Шпалы (анг. *spall*, плечо). Балки подъ рельсами.

Шприцевать (нѣм. *spritzen*).

Штабъ-дѣкаръ 90.

Штабъ-офицеръ 90.

Штиблеты (нѣм. *Stiefel*).

Штопоръ (голл. *stop* = пробка).

ШЦ.

Шавель.

Шадить.

Шобетать, шобечуть.

Шеголь (польск. *szczeł*, отъ нѣм. *Stieglitz*).

Шеголь (польск. *szcegol* = особенный).

(Щедушный). См. **Тщедушный.**

Щеколда.

Щелкѣть. — **Щѣлкать.**

Щелокъ.

Щепать (ср. *разсклепъ*).

Щетина. — **Щетка** (ср. лат. *seta*).

Щиколотокъ.

Щурупъ (польск. *szrub*, отъ нѣм. *Schraube*).

Ъ.

Ъда. — **Ъмъ, ъдять; ъсть** 56.

Ъдить; ѡжу, ѡдять 56.

Ъхать, ѡдутъ 56.

Ъшь (повел. накл., фонетич. начертаніе вм. этимологическаго *мжъ*, ибо умягченное *д* переходитъ въ *ж*) 50.

Э.

Экзаменъ. — **Экзаменовать.**

(Экзаметръ). См. **Гекзаметръ.**

Экзаминаторъ 35.

Экземпляръ (лат. *exemplar*).

Экій.

Эллипсоидъ.

Эпиграмма.

Эскізь.

Эсмеръ.

Этакій. — **Этакъ.**

Этотъ. — **Эти.** — **Этихъ** 35.

Ю.

Юбка (старо-нѣм. *Jure*, отъ сред.-лат. *jura*, фр. *jure*).

Я.

Яблоня и яблонь.

Яйцо, мн. яйца.

Якшаться (тюрк. *якши* = хорошо, ладно).

Январь. — **Январскій** 53.

Ярмарка (народн. *ярмонка*).

Ясакъ. — **Ясачникъ** 48.

Ясень, ж. р.

Ясновидецъ 63.

Яства (не «яство»).

Ячea; ячeйka.

Ячневый и ячный.

О.

Оаддей.

Оаладей.

Оекла.

Өемида.
 Өемистокль.
 Өеогность.
 Өеодоръ (народн. Өедоръ).
 Өеодосій.
 Өеодоть (народн. Өедоть).
 Өеодуль.
 Өеокритъ.
 Өеотистъ (народн. Өеклисть).
 Өеона (муж. р.).
 Өеопемптъ.
 Өеофанъ. Отсюда бранное: Өофанъ.
 Өеофиль.
 Өеофрасть.

Өерапонтъ.
 Өеопикъ.
 Өеосалия.
 Өеосалонки.
 Өетидъ.
 Өивы.
 Өижіамъ.
 Өиротъ.
 Өома.
 Өомкична 47.
 Өранбуль.
 Өракия 75.
 Өукидидъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>		<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
2	сн. 3	цифра ъ	цифра ь
14	св. 11	изо-бража ет ся	изоб-ража е тся
17	сн. 4	суффиксо ъ	суффиксо ь
21	сн. 6	они	он ь
—	сн. 10	возможно	возмо жн ы
24	сн. 9	суффикс ъ	суффикс ь
26	св. 4	<i>Германа</i>	<i>Герману</i>
50	св. 3	накл. всегда	накл. посл ѣ согласной всегда
—	св. 7	насте ж	накс о сь
54	св. 13	<i>сверстникъ</i>	<i>наѣздникъ</i>

Сверхъ того, на стр. 58, въ списокъ словъ подъ цифрою 5) слѣдуетъ прибавить слово *бесѣда* (см. Указатель).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXVI, № 2

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1884 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1885.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.**

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1884 годъ,

составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1884 года.

Въ октябрѣ 1883 года Отдѣленіе русскаго языка и словесности особымъ публичнымъ собраніемъ помянуло столѣтнюю годовщину возникновенія своей родоначальницы, Россійской Академіи, и затѣмъ оно вступило въ 43-й годъ своего существованія въ составѣ Академіи Наукъ. Согласно съ мыслию, руководившею законодателемъ при сліяніи обоихъ учрежденій, Отдѣленіе наше, съ самаго основанія своего, старалось дѣйствовать въ строго-научномъ направленіи, котораго недоставало большей части трудовъ его предшественницы. Независимо отъ отдѣльно печатаемыхъ книгъ по той или другой отрасли русской филологіи, литературы и исторіи, члены Отдѣленія помѣщаютъ свои изслѣдованія въ періодическихъ изданіяхъ Академіи.

До 1862 года Отдѣленіе издавало *Извѣстія и Ученія Записки*; когда же, въ президенство графа Блудова, для всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи основанъ былъ одинъ общій органъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Записки Академіи Наукъ*, то Отдѣленіе прекратило свои особыя два изданія. Вскорѣ однакожь затрудненіе отыскивать среди массы крайне разнородныхъ

ислѣдованій, печатаемыхъ въ *Запискахъ*, статьи по части русской филологіи и литературы, побудило Отдѣленіе издавать, рядомъ съ *Записками*, особый *Сборникъ*, куда входили бы какъ тѣ же труды членовъ Отдѣленія, которые появляются въ *Запискахъ*, такъ и другія статьи, по обширности своей или по инымъ причинамъ неудобныя для помѣщенія въ *Запискахъ*. Въ 17 лѣтъ, протекшихъ со времени основанія нашего *Сборника* въ 1867 году, вышло его 35 томовъ, изъ которыхъ три послѣдніе изданы въ нынѣшнемъ году.

Чтобы въ общихъ чертахъ охарактеризовать дѣятельность нашего Отдѣленія, исчислимъ категорій, на которыя труды его могутъ быть раздѣлены: 1, исторія языка и письменности, начиная съ самыхъ раннихъ временъ, именно съ церковно-славянскихъ памятниковъ; 2, изученіе средняго періода русской литературы сравнительно съ западно-европейскою; 3, исторія русскаго образованія со специальнымъ изученіемъ прошлаго Академіи Наукъ и Россійской Академіи; 4, теоритическая разработка современнаго русскаго языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніи, и 5, изданіе сочиненій прежнихъ русскихъ писателей.

По каждой изъ этихъ категорій представимъ краткій обзоръ трудовъ въ истекающемъ году.

I.

По отдѣлу исторіи языка въ связи съ разработкой источниковъ русской исторіи академикъ А. Ѳ. Бычковъ напечаталъ X-й томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, содержащей въ себѣ продолженіе такъ называемой Никоновской лѣтописи. Томъ этотъ, текстъ котораго сличенъ по восьми спискамъ, обнимаетъ время отъ вступленія на престолъ, въ 1177 г., великаго князя Всеволода III Георгіевича до удаленія изъ Владиміра въ Суздаль, въ 1362 г., великаго князя Дмитрія Константиновича, вынужденнаго уступить престолъ Дмитрію Іоанновичу Довскому.

Кромѣ того ак. Бычковъ, въ нынѣшнемъ году готовилъ къ изданію вторую часть описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. Въ эту часть войдетъ описаніе рукописей, которыя поступили въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной и которыя до сихъ поръ мало извѣстны занимающимся отечественной исторіей.

Академикъ И. В. Ягичъ, составившій въ 1883 году отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи архимандриту Амфилохію, напечаталъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ приложение къ этому отчету, четыре критико-палеографическія статьи, посвященныя вопросамъ, представившимся по поводу присужденной преміи. Первая статья касается греческой палеографіи въ видѣ разбора новѣйшаго, въ Россіи изданнаго пособия по этой отрасли филологіи. Вторая опредѣляетъ древнѣйшую редакцію славянскаго перевода псалтыри, доказывающую единство литературной школы, въ которой вышли первоначальные переводы главнѣйшихъ частей библіи. Третья имѣетъ предметомъ особенности языка и перевода такъ называемаго Галицкаго евангелія. Четвертая указываетъ на тѣсную связь глаголическаго письма съ греческою мелко скорописью.

Затѣмъ академикъ Ягичъ въ истекающемъ году продолжалъ свои занятія надъ памятниками древне-русской письменности. Желая воспользоваться всѣми доступными греческими и славянскими источниками, имѣющими значеніе для критики издаваемаго текста, академикъ долженъ былъ нѣсколько расширить размѣры предпринятаго изданія; вслѣдствіе чего I-й томъ еще не могъ выйти, хотя большая часть его уже отпечатана. Такъ напримѣръ памятникъ 1096 года уже оконченъ печатаніемъ со всѣми примѣчаніями и приложеніями; памятникъ же 1097 года печатается теперь послѣдняя треть. Къ приготавливаемому тому составляется специальный словарь.

По мысли академика Ягича, Отдѣленіе въ этомъ же году предприняло или, вѣрнѣе, возобновило (по примѣру издававшихся прежде «Матеріаловъ для словаря и грамматики») изданіе, исклю-

чительно посвященное изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Первый томъ этого изданія уже печатается подъ редакціею И. В.; въ самомъ началѣ его помѣщено подробное изслѣдованіе языка Остромирова евангелія.

Продолжая издавать въ Берлинѣ свой «Архивъ для славянской филологіи», г. Ягичъ напечаталъ въ немъ между прочимъ отрывки изъ переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, — Добровскаго и Копитара. По однимъ этимъ отрывкамъ любители славянской науки могли убѣдиться въ важности всей переписки и потому конечно сочувственно встрѣтятъ полное ея собраніе, печатаемое академикомъ Ягичемъ, по порученію Отдѣленія, въ академическомъ изданіи. Для характеристики движенія славистики въ первую четверть нашего вѣка у западныхъ Славянъ эта переписка доставитъ драгоценный матеріалъ.

Къ одному разряду съ этими занятіями наличныхъ членовъ Отдѣленія долженъ быть причисленъ объемистый трудъ нашего московскаго сотоварища *Ө. И. Буслаева*, изданный Обществомъ любителей древней письменности, подъ заглавіемъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ, сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX-й». Извѣстно, что академикъ Буслаевъ издавна съ особенною любовью занимается изученіемъ древнихъ церковно-славянскихъ рукописей и преимущественно находящихся въ нихъ живописныхъ изображеній. Самый богатый матеріалъ для этого представляютъ сохранившіяся въ большомъ количествѣ рукописи Апокалипсиса, писанныя въ Россіи, начиная съ XVI столѣтія. Неудивительно, что эти рукописи обратили на себя особенное вниманіе нашего академика, и плодомъ его многолѣтнихъ надъ ними изслѣдованій было названное великолѣпное изданіе, напечатанное на иждивеніи всегда готоваго содѣйствовать подобнымъ предпріятіямъ графа С. Д. Шереметева; оно состоитъ изъ русскаго текста, занимающаго 835 стр., и атласа, содержащаго болѣе 300 изящно воспроиз-

веденныхъ рисунковъ. Это одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ нашего времени по части исторіи древней русской письменности въ связи съ исторіей искусства иконографіи

II.

По сравнительному изученію средняго періода русской литературы академикъ А. Н. Веселовскій продолжалъ свои изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ и напечаталъ второй выпускъ этого труда. Главное содержаніе его составляютъ заѣзжіе богатыри: Иванъ Гостиный сынъ, богатыри Суздальцы, Чурила и Дюкъ Степановичъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ по былинѣ о Дюкѣ, матеріалъ для сравненія съ западно-европейскими произведеніями этого рода представлялся въ изобиліи, но авторъ дорожилъ не столько указаніями на сходства, сколько разысканіемъ, какими путями приурочилась та или другая пришлая тема къ русской почвѣ, въ какомъ видѣ присоединилась она къ Кіевскому пѣсенному циклу и какія измѣненія могла или должна была испытать, развиваясь уже подъ воздѣйствіемъ смежныхъ былинъ въ цѣломъ составѣ эпоса и подъ вліяніемъ его общей идеи. Въ послѣдующихъ отдѣлахъ своего труда академикъ переходитъ отъ пришлыхъ сюжетовъ къ народно-поэтическимъ элементамъ нашего эпоса. Разбирая былинку «о гибели богатырей на Руси», онъ указываетъ на историческія событія, ее вызвавшія, и на выступающій въ ней образъ древняго Алеши Поповича, еще не опошленный позднѣйшимъ одностороннимъ развитіемъ его типа. Греческія и юго-славянскія пѣсни о паденіи Византіи и Болгарскаго царства представили любопытныя параллели къ этой былинѣ «о гибели» и подали поводъ къ изслѣдованію о царѣ Константинѣ, переводящему эти параллели на болѣе общую почву. Къ былинѣ «о гибели» примыкаетъ, по сходству пѣсенныхъ схемъ, группа пѣсенъ «о боѣ Ильи съ сыномъ». Далѣе авторъ, возвращаясь къ вопросу о древнемъ типѣ Алеши Поповича, старается прослѣдить развитіе одной, вѣроятно до-татарской былинны въ

ея различныхъ приуроченіяхъ и искаженіяхъ. Наконецъ онъ знакомитъ насъ съ новой стороной личности Алеши, съ Алешей перемишникомъ, заслонившимъ стараго «зарывчатого» удалца, и предлагаетъ опытъ возстановленія одной утраченной пѣсни о немъ по сказкамъ и указаніямъ другихъ былинъ.

Изъ статей А. Н. Веселовскаго, печатавшихся въ теченіе года въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, рассматривающія источники сербской поэмы объ Александрѣ, которыхъ до сихъ поръ почти никто еще не касался. Эти статьи обнимаютъ лишь часть текста; въ цѣломъ видѣ онъ явится въ новомъ рядѣ изслѣдованій, которыя авторъ уже началъ печатать въ академическомъ изданіи.

III.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, продолжая свой обширный трудъ по исторіи Россійской Академіи, окончилъ недавно печатаніе 7-го выпуска ея. Въ шести предыдущихъ выпускахъ помѣщены біографіи тѣхъ изъ членовъ Академіи, которые принимали болѣе дѣятельное участіе въ ея работахъ и предпріятіяхъ. Въ нынѣшнемъ же выпускѣ говорится о писателяхъ ученыхъ и вообще о лицахъ, удѣлявшихъ Россійской Академіи лишь небольшую часть своихъ досуговъ. Поэтому тутъ являются уже не біографіи, а подъ каждымъ именемъ собраны только свѣдѣнія о прикосновеніи этихъ лицъ къ академической жизни и дѣятельности, свѣдѣнія, которыя приходилось по большей части отыскивать въ массѣ разнородныхъ архивныхъ рукописей. Несмотря на такой повидимому отрывочный характеръ своего содержанія, новый выпускъ нисколько не уступаетъ въ занимательности предыдущимъ, и заключающіяся въ немъ данныя представляютъ большой интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по связи съ другими чертами, рисующими взгляды, убѣжденія и нравы эпохи. Особенно любопытны сообщаемыя здѣсь письма академикомъ и лицъ, на-

ходившихся съ ними въ перепискѣ. Изъ этого источника мы узнаемъ напримѣръ, что Фонвизинъ былъ истиннымъ авторомъ плана перваго академическаго словаря или начертанія, послужившаго основою для дальнѣйшихъ работъ. Съ именемъ Хераскова, какъ директора Московскаго университета, связано введеніе русскаго языка въ лекціи тамошнихъ профессоровъ, которыя вначалѣ читались по-латыни и по-нѣмецки. Екатерина II ясно понимала необходимость, чтобы въ Россіи языкомъ науки былъ русскій, а не какой-либо другой языкъ. Уже въ первые годы своего царствованія Императрица, при одномъ докладѣ куратора Московскаго университета, выразила желаніе, чтобы русскимъ студентамъ лекціи читались по-русски. Въ письмѣ къ кабинетскому секретарю, Кузьмину, Херасковъ напоминаетъ ему объ этомъ словесномъ повелѣніи и проситъ доложить Ея Величеству, «чтобы утвердить письменно высочайшее намѣреніе, которое уже навсегда твердымъ узаконеніемъ останется».

Въ числѣ членовъ Россійской Академіи находились и нѣкоторые изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей вѣка Екатерины II, и они были членами не только по имени, но и внесли свои вклады (употребляя тогдашнее выраженіе) «въ общій академіи трудъ».

Ив. Ив. Шуваловъ собиралъ, выписывая изъ книгъ, слова для академическаго словаря; разсматривалъ отпечатанные листы, дѣлая къ нимъ свои дополненія и замѣчанія; предложилъ основать повременное изданіе, въ которомъ бы указывались ошибки языка въ сочиненіяхъ и переводахъ и подавались совѣты къ ихъ исправленію. Желавшимъ принять на себя подобный трудъ Шуваловъ предлагалъ, съ своей только стороны, по триста рублей въ годъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, представленный Гнѣдичемъ, въ его идиаліи: *Рыбаки*, въ образѣ вельможи, чуждаго «дарованія Бога», будучи избранъ въ члены Россійской Академіи, посѣщалъ академическія собранія и принималъ участіе въ академическихъ трудахъ: выписывалъ изъ книгъ слова для

академическаго словаря, сообщилъ свои замѣчанія на глаголы *амчу* и *амжаю* и т. д.

Особенно подробно разсмотрѣна дѣятельность Шишкова, который могъ бы сказать: «Россійская Академія, это я». Въ теченіе почти сорока лѣтъ Шишковъ былъ душою академической жизни и дѣятельности. Трудами его наполнялись академическія изданія; въ его рукахъ находился и выборъ членовъ и выборъ предметовъ для разработки ихъ совокупными силами.

При обзорѣ историческаго сочиненія М. И. Сухомлинова нельзя не отмѣтить, что онъ, выставляя пользу, какую оказывала академія, не скрываетъ и тѣней, являющихся въ ея дѣятельности. Такъ, при единогласномъ избраніи въ 1806 году въ академики преосвященнаго Евгенія Болховитинова, авторъ рассказываетъ:

«Избраніе это не доставило Евгенію ни малѣйшаго удовольствія; онъ принялъ его скрѣпя сердце, и только изъ приличія поблагодарилъ, кого слѣдуетъ, за оказанное ему вниманіе. Да иначе и быть не могло: Россійская Академія не представляла того, что имѣло большое значеніе въ глазахъ Евгенія. Въ ней не было тогда ни духа науки, ни крупныхъ талантовъ, ни вѣрнаго взгляда на цѣль и направленіе академической дѣятельности. вмѣсто дружной семьи просвѣщенныхъ тружениковъ, въ академіи работалъ, собственно говоря, только одинъ человекъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы труды его не пропали даромъ. Но водворяемое имъ направленіе не обѣщало большого добра и не могло возбуждать особеннаго сочувствія. Проницательный и чуткій Евгеній ясно понималъ, къ чему поведетъ такой порядокъ вещей, такое отчужденіе отъ всего того, что заключало въ себѣ залогъ движенія и жизни въ литературѣ, а слѣдовательно и въ литературномъ языкѣ.

«Несмотря однакоже на все это, Евгеній не уклонялся отъ участія въ предпріятіяхъ нелюбимой имъ академіи, и самымъ тщательнымъ образомъ исполнялъ то, что обѣщалъ въ отвѣтъ своему на звѣщеніе о выборѣ въ академики. Принося обычную благодарность за избраніе, Евгеній изъявляетъ полную готов-

ность исполнять всё порученія академіи, а также и представлять на ея благоусмотрѣніе все то, что можетъ содѣйствовать ея трудамъ и занятіямъ».

Весьма любопытна также статья о Востоковѣ, окончательное и единогласное избраніе котораго состоялось 12 іюня 1820 года. «Истинная цѣль избранія Востокова», говоритъ М. И. Сухомлиновъ, «раскрывается въ письмѣ къ нему Шишкова. Закоренѣлый въ своихъ филологическихъ убѣжденіяхъ и предразсудкахъ, Шишковъ, вводя въ академію ученаго, всецѣлю посвятившаго себя наукѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка чрезвычайно податливаго, уступчиваго и самою природою осужденнаго на безмолвіе ¹⁾, надѣялся приобрѣсти въ немъ усерднаго, работающаго сотрудника, вслѣдствіе чего и предлагалъ ему вникнуть въ правила корнесловія, которыми руководствуется Академія, и пользоваться ими въ своихъ изслѣдованіяхъ. Такого рода надежды и требованія весьма понятны со стороны Шишкова; труднѣе объяснить отношеніе къ нимъ самого Востокова. Знаменитый филологъ, одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ Европы, преклоняется передъ своенравнымъ дилеттантомъ, и съ большимъ вниманіемъ и даже, по его собственнымъ словамъ, *съ пользою для себя* читаетъ филологическія фантазіи, невыдерживающія научной критики. И не только самъ читаетъ ихъ, стараясь уразумѣть ихъ воображаемую глубину, но и другимъ совѣтуетъ искать въ нихъ путеводной нити, весьма полезной для неопытныхъ новичковъ въ филологіи. Письмо Шишкова и отвѣтъ Востокова имѣютъ большое значеніе и для біографіи этихъ лицъ и для характеристики современной имъ академической жизни и дѣятельности».

Подъ редакціей акад. Сухомлинова приготовляются къ изданію «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». Изданіе это, какъ было уже объяснено въ прошлогоднемъ отчетѣ, предпринято по мысли г. президента, графа Д. А. Толстого. Въ печатающійся нынѣ томъ входятъ документы, относящіеся ко времени учре-

¹⁾ Востоковъ сильно занкался.

жденія Академіи Наукъ и къ первымъ годамъ ея существованія. Рядъ первыхъ источниковъ, съ собственноручными замѣтками Петра Великаго, знакомитъ насъ со взглядомъ его на цѣль учрежденной имъ въ Россіи академіи, съ выборомъ силъ для научной дѣятельности и съ первыми попытками слѣдовать по пути, указанному гениальнымъ основателемъ академіи. Въ высшей степени любопытно «исчисленіе дѣлъ, что профессора, елико ко умноженію и совершенству наукъ и елико къ наставленію юношества, доселѣ произвели». Подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ Германа, Делиля, Леонарда Эйлера, Коля, Гроса и другихъ представляютъ много важныхъ чертъ для исторіи просвѣщенія. Любопытны также списки учениковъ академической гимназій, въ числѣ которыхъ находимъ Василія Адодурова, князя Антиоха Кантемира и др. Въ массѣ документовъ черты научной дѣятельности соединяются съ чертами тогдашняго быта, и т. п. «Академія повинна», говорится въ одной рукописи, «всѣ декуверты въ наукахъ разсматривать и откровенно сообщать, вѣрны ли оныя изобрѣтенія, великой ли пользы суть, или малой. . . . Такжеде и чюжестраннымъ великая забава будетъ, понеже ежегодно три публичныя ассамблеи уставлены, и отъ одного члена Академіи разговоръ изъ своей науки чиненъ будетъ и въ оной похвалы протектора защитителя введены будутъ».

Для академическихъ изданій присылали свои вклады также и иностранные ученые: «Христіанъ Вольфъ и прислалъ Начало силъ; Михелотти, медицины докторъ и профессоръ въ Венеціи, прислалъ «исторію болѣзни дочери жидовскія прекуріозную» и т. д.

Издаваемые документы представляютъ большой интересъ и для исторіи языка: поэтому важнѣйшіе изъ нихъ печатаются не только въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но и въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ.

Въ повременныхъ изданіяхъ помѣщены, между прочимъ, статьи академика Сухомлинова: 1, Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина, и 2, Полемическія статьи Пушкина. На основаніи неизвѣстныхъ доселѣ руко-

писныхъ матеріаловъ представлены здѣсь данныя для литературной исторіи произведеній Пушкина. Авторъ пользовался писаною самимъ поэтомъ тетрадью: «Бориса Годунова»,—тою самою, которая была въ рукахъ Императора Николая, а равно и подлинными рукописями другихъ произведеній Пушкина, которыя онъ представлялъ Государю.

Къ этому же виду дѣятельности Отдѣленія долженъ быть отнесенъ оконченный въ текущемъ году трудъ составителя настоящаго отчета: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ»,—систематическій обзоръ содержанія двадцатилѣтнихъ письменныхъ сношеній между императрицей и французскимъ литераторомъ, умѣвшимъ, во время своего краткаго пребыванія въ Петербургѣ, снискать и навсегда сохранить полнѣйшее ея сочувствіе и довѣріе. Собраніе подлинныхъ его писемъ къ государынѣ, дополненное въ послѣдніе годы множествомъ новыхъ писемъ, прежде считавшихся потерянными, печаталось тѣмъ же академикомъ, по порученію Историческаго Общества, въ особомъ изданіи, которое и появится въ наступающемъ году.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о составленномъ имъ и читанномъ въ общемъ собраніи названнаго общества очеркѣ исторіи одного эпизода шведской войны при Екатеринѣ II, извѣстнаго подъ именемъ Аньяльской конфедераціи. Находящійся въ связи съ этимъ трудъ его о шведскомъ эмигрантѣ Спренгпортенѣ будетъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія ¹⁾.

IV.

По разработкѣ современнаго русскаго языка напечатано имъ же 3-е изданіе его «Филологическихъ Разысканій» въ двухъ томахъ, дополненное нѣсколькими новыми статьями и представляющее нѣкоторыя измѣненія прежняго текста. Одновременно авторъ,

¹⁾ Онъ уже появился въ 1-й книгѣ этого изданія на 1895 годъ.

по порученію Отдѣленія, составилъ руководство къ *русскому правописанію*. Въ основаніе положено было его же изслѣдованіе о «спорныхъ вопросахъ нашей орфографіи, но каждый вопросъ подвергался тщательному пересмотру въ собраніи наличныхъ членовъ Отдѣленія и рѣшаемъ былъ съ общаго согласія. Этимъ Отдѣленіе хотѣло удовлетворить сознаваемую всѣми потребность и желаніе, которое не разъ было высказываемо въ обществѣ. По примѣру этого опыта, и другія стороны теоріи языка могутъ быть въ послѣдствіи такимъ же образомъ обработаны совокупнымъ академическимъ трудомъ.

Къ разряду филологическихъ работъ по части лексикографіи относится только что отпечатанный (по распоряженію Отдѣленія) *Словарь Архангельскаго нарѣчія*, составленный покойнымъ Подвысоцкимъ. Первоначально этотъ словарь представленъ былъ Академіи Наукъ въ 1881 году и тогда же увѣнчанъ Ломоносовскою преміей; при чемъ Отдѣленіе выразило готовность напечатать его, если онъ будетъ исправленъ и пополненъ по сообщеннымъ автору замѣчаніямъ. Это требованіе было добросовѣстно исполнено; но прежде нежели составитель успѣлъ возвратитъ въ Академію переработанный имъ словарь, внезапная болѣзнь прервала его жизнь въ началѣ 1883 г. Получивъ отъ вдовы Подвысоцкаго этотъ почтенный трудъ, Отдѣленіе успѣшило издать его и надѣется, что этимъ новымъ дополненіемъ къ академическому. «Опыту Областнаго Словаря» вносится существенный вкладъ въ русскую діалектологию ¹⁾.

---

¹⁾ Александръ Осиповичъ Подвысоцкій, родомъ изъ Черниговской губерніи, умеръ въ Архангельскѣ 23 февраля 1884 года, 53-хъ лѣтъ отъ роду. Отъ учився въ Харьковскомъ университетѣ и по окончаніи курса дѣйствительнымъ студентомъ поступилъ въ Украинскій егерскій полкъ; но въ 1844 г. оставилъ военную службу и былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка по Варшавскому учебному округу. Потомъ онъ занималъ разныя должности въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ. Въ турецкую войну 1854 года служилъ онъ столоначальникомъ при дежурствѣ войскъ и былъ при осадѣ Силистріи; затѣмъ состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при намѣстникѣ кн. Горчаковѣ, въ Варшавѣ; далѣе былъ членомъ могилевской слѣдственной комиссіи и исправникомъ въ Россійскомъ у. Коленской губерніи. Въ

V.

По части изданія сочиненій прежнихъ писателей въ истекающемъ году сдѣлано слѣдующее:

Къ столѣтней годовщинѣ дня рожденія Н. И. Гнѣдича, 2-му февраля, напечатано небольшое, но цѣнное собраніе рукописей этого писателя, полученное Отдѣленіемъ отъ почтеннаго любителя литературы П. Н. Тиханова. Въ числѣ ихъ особенно любопытна записная книжка Гнѣдича.

Наслѣдники покойнаго С. П. Шевырева предоставили въ распоряженіе Академіи рукопись *лекцій его о русской литературѣ*, читанныхъ имъ въ Парижѣ для кружка соотечественниковъ въ 1862 году. Отдѣленіе, признавъ полезнымъ опубликованіе этихъ бесѣдъ, отличающихся оживленнымъ и общедоступнымъ изложеніемъ, опредѣлило напечатать ихъ подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ своихъ. Оба названные труда вошли въ составъ *Сборника* и сверхъ того выпущены отдѣльными книгами.

Въ теченіе нынѣшняго года продолжалось возложенное на меня изданіе сочиненій и переписки академика П. А. Плетнева. По отпечатаніи 3-го тома, содержащаго между прочимъ переписку его съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, положено теперь же выпустить въ свѣтъ три первые тома, за которыми послѣдуетъ еще одинъ, куда войдетъ остальная переписка автора, біографическія о немъ свѣдѣнія и другія дополненія. По поводу этого изданія прошу позволенія нѣсколько распространиться о Плетневѣ и трудахъ его.

1866 г. назначенъ совѣтникомъ Харьковскаго губернскаго правленія; съ 1868 по 1871 исправлялъ въ разное время должность вице-губернатора, былъ директоромъ харьковскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и членомъ комитета статистическаго. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ архангельскимъ вице-губернаторомъ и послѣ того не разъ исправлялъ должность губернатора; наконецъ съ 1879 года занималъ должность управляющаго Архангельскою конторою Государственнаго банка. Вдова его Софья Абрамовна—рожденная Неудачина. Сынъ его въ настоящее время студентомъ Санктпетербургскаго университета.

Нынѣ живущимъ поколѣніямъ имя Плетнева мало извѣстно: онъ умеръ около 20-ти лѣтъ тому назадъ, а сочиненія его разсыяны въ журналахъ и сборникахъ, рѣдко попадающихся въ руки современныхъ читателей. Характеристика Плетнева, набросанная Тургеневымъ, не отличается вѣрностью и не говоритъ въ пользу проникательности автора. Въ этомъ убѣдится всякій, кто внимательно прочтетъ издаваемые нынѣ сочиненія и письма Плетнева. Въ нихъ онъ является человѣкомъ, рано уже усвоившимъ весьма здравыя понятія о литературѣ и искусствѣ, весьма зрѣлыя убѣжденія и твердыя правила; и тѣмъ и другимъ онъ остался вѣренъ до конца.

Происходя изъ духовнаго званія — онъ родился въ 1792 г. въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ. — Плетневъ только восемнадцати лѣтъ отъ роду, именно въ 1811 году, изъ мѣстной семинаріи привезенъ былъ въ Петербургъ для поступленія въ Педагогическій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ около того же времени, какъ Пушкинъ выпущенъ былъ изъ Царскосельскаго лицейя. Случайныя обстоятельства скоро сблизили его съ лицейскими поэтами и съ Жуковскимъ. Это знакомство имѣло рѣшающее значеніе для всей его будущности. Въ литературномъ кругу, признававшемъ Карамзина своимъ учителемъ и вождемъ, созрѣли тѣ нравственные и эстетическіе взгляды, которыми Плетневъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно руководился. Сдѣлавшись по призванію писателемъ, онъ вслѣдствіе воспитанія долженъ былъ поступить на поприще педагога. Дѣятельность въ этомъ званіи надолго связываетъ его съ женскими институтами, Екатерининскимъ и Патриотическимъ, въ которыхъ онъ своимъ разумнымъ преподаваніемъ и симпатическимъ характеромъ пріобрѣтаетъ восторженное уваженіе и привязанность нѣсколькихъ поколѣній своихъ ученищъ. Жуковскій, исполняя важныя обязанности по воспитанію Наслѣдника престола, на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга поручаетъ Плетневу преподаваніе русской литературы государевымъ дѣтямъ. Затѣмъ Плетневъ, уже составивъ себѣ имя какъ критикъ и поэтъ, получаетъ кафедру въ Петербург-

скомъ университетѣ, а въ 1839 году избирается въ ректоры его и занимаетъ эту должность болѣе двадцати лѣтъ сряду. При учрежденіи въ Академіи Наукъ новаго Отдѣленія, онъ назначается членомъ его, а съ 1859 года предсѣдательствующимъ, и въ этомъ званіи умираетъ въ Парижѣ въ 1865 году 29 декабря, въ тотъ самый день, въ который онъ столько разъ являлся на этой кафедрѣ лѣтописцемъ нашего Отдѣленія. Пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ и будучи привязанъ къ Петербургу своею службой, нерѣдко превращавшей его изъ ректора въ правящаго должность попечителя, Плетневъ до послѣдняго десятилѣтія своей жизни оставался безвыѣздно въ Россіи, не бывалъ даже въ Москвѣ; но женившись во второй разъ въ 1849 г. онъ, начиная съ 56-го, часто жила въ за границей, гдѣ въ послѣдніе годы безуспѣшно искалъ исцѣленія отъ постигшей его тяжелой болѣзни.

Авторскую свою дѣятельность Плетневъ началъ въ качествѣ члена Вольнаго Общества любителей россійской словесности, возникшаго въ Петербургѣ въ 1816 г., и вскорѣ на него были возложены обязанности редактора журнала *Современитель*, который оно издавало. По особенностямъ своего ума и характера, по роду своихъ занятій онъ и впослѣдствіи не разъ принималъ на себя заботы по изданію чужихъ трудовъ, особенно Пушкина. Но въ 40-лѣтнемъ періодѣ его литературной жизни всего важнѣе, въ этомъ отношеніи, тѣ девять лѣтъ (1838—1846), въ теченіе которыхъ онъ издавалъ, по смерти Пушкина, основанный потомъ *Современникъ*. Въ сущности Плетневъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для журналиста условій; между прочимъ онъ тщательно избѣгалъ полемики, но конечно не отъ робости, которую приписываетъ ему Тургеневъ, а отъ нежеланія вести борьбу съ противниками, не всегда сражающимися честнымъ оружіемъ. Въ этомъ онъ держался правила, которое неуклонно соблюдалъ Карамзинъ и которое отъ него наслѣдовало большинство его приверженцевъ. Впрочемъ, въ послѣдній годъ изданія своего *Современника* Плетневъ нарушилъ это систематическое молчаніе и доказалъ, что можно, вполне сохраняя

свое достоинство, карать ложь и недобросовѣстность. Какъ бы ни было, *Современникъ*, подъ редакцію Плетнева, какъ и при Пушкинѣ, оставался очень почтеннымъ литературнымъ сборникомъ, но мало отвѣчалъ идеѣ журнала, отличительною чертою котораго должно быть живое отношеніе къ интересамъ настоящаго.

Въ началѣ своего поприща Плетневъ являлся въ печати почти исключительно съ стихотвореніями, въ которыхъ преобладала элегическая струна. Иногда, подъ бременемъ своихъ обязательныхъ занятій, онъ невольно сбѣуетъ на свой жребій; по временамъ онъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности избраннаго имъ пути, въ своемъ призваніи къ поэзіи. Такъ въ концѣ посланія къ Гнѣдичу, въ 1822 году, онъ говоритъ:

Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
 На поприще поэзіи ошибкой:
 Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
 «Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ!» (III, 256).

Извѣстно его посланіе къ Пушкину, написанное въ отвѣтъ на слишкомъ строгій приговоръ его стихамъ, произнесенный поэтомъ въ письмѣ къ брату. Это одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Плетнева. Вотъ какъ онъ начинается:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
 На немъ печать твоей открытой силы,
 И можетъ быть, взыскательный урокъ
 Ослабія мой возбудитъ крылы.
 Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишникъ словъ,
 Утѣшиѣ хвалы простонародной:
 Я узнаю судью моихъ стиховъ,
 А не льстеца съ улыбкою холодной. . . (276).

Въ концѣ онъ горюетъ, что судьба, или, говоря проще, служба, удаляетъ его отъ болѣе свободныхъ друзей-поэтовъ:

Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
 Напрасно жду сердечнаго участья:

Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья. . . (278).

Послѣ этой глубоко-меланхолической и безукоризненной по отдѣлкѣ пьесы, Пушкинъ сталъ относиться справедливѣе къ таланту скромнаго друга, особенно когда прочиталъ его стихи «Къ Музѣ». Въ минуту душевной бодрости Плетневъ говоритъ:

Муза! ты мой путь презрѣнный
Съ гордостью не обошла
И судьбѣ моей забвенной
Руку вѣрную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
Брось послѣдніе цвѣты. (298).

Пушкинъ запомнилъ эти стихи, и при первой встрѣчѣ съ авторомъ прочелъ ихъ ему наизусть.

Несмотря однакожъ на возрастающій успѣхъ своихъ стихотвореній, которыми дорожили издатели тогдашнихъ альманаховъ и которыя онъ всего охотнѣе помѣщалъ въ *Съверныхъ Цѣптахъ* барона Дельвига, Плетневъ скоро покинулъ поприще поэта и послѣ 1827 года почти ничего изъ своихъ стиховъ уже не печаталъ. Въ бумагахъ его осталась переписанная имъ самимъ большая тетрадь его стихотвореній. Въ наше изданіе вошли тѣ изъ нихъ, которыя казались намъ наиболѣе заслуживающими вниманія.

Вслѣдъ за стихами Плетнева стали появляться въ журналахъ 1820-хъ годовъ и критическія статьи его. Съ первыхъ же шаговъ на этомъ пути онъ занялъ почетное мѣсто въ литературѣ. Послѣ Мерзлякова Плетневъ надолго становится самымъ замѣчательнымъ у насъ критикомъ, но идетъ вовсе не по слѣдамъ московскаго эстетика, любившаго наполнять свои разборы пате-

тическими возгласами, а говорить спокойнымъ тономъ и простымъ языкомъ судьи, вполне сознающаго законы, на которыхъ онъ основываетъ свои требованія и приговоры. Тогда начиналась самая свѣтлая эпоха нашей литературы. Карамзинъ, выпустивъ первые восемь томовъ Исторіи, стоялъ въ апогеѣ своей славы; Жуковский восхищалъ всѣхъ своими возсозданіями изъ Шиллера и Байрона; Батюшковъ допѣвалъ свои гармоническія пѣсни; Пушкинъ, издавъ Руслана и Людмилу, готовилъ къ печати Кавказскаго Пѣвника; каждое новое произведеніе его составляло событіе; въ сторонѣ отъ нихъ, но съ неменьшимъ почетомъ стоялъ Крыловъ; вокругъ этихъ первостепенныхъ талантовъ группировались другіе, хотя и менѣе блестящіе, но также замѣчательные: кн. Вяземскій, бар. Дельвицъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Глинка, Языковъ, Козловъ. Припоминая, что къ этой плеядѣ принадлежалъ и Плетневъ, мы поймемъ, что онъ для задачъ критика обладалъ важнымъ преимуществомъ, — тонкою восприимчивостью къ прелестямъ поэзіи, способностью и вкусомъ для оцѣнки истинно прекраснаго въ искусствѣ. Съ другой стороны, его близость къ корифеямъ тогдашней литературы, а чрезъ нихъ и ко всему внутреннему движенію ея, ставила его въ особенно выгодное для критика положеніе. По собственному его поэтическому настроенію естественно, что первые критическіе опыты свои онъ посвящалъ разбору произведеній поэзіи, и именно произведеній то одного, то другого изъ названныхъ первоклассныхъ писателей. Я замѣтилъ, что уже съ самаго начала своего авторства Плетневъ выражаетъ тѣ здравыя эстетическія понятія, которыя онъ и послѣ постоянно развивалъ въ своихъ статьяхъ. Въ чемъ же они состояли? Во всякомъ произведеніи изящной литературы, вообще во всякомъ искусствѣ, онъ первымъ требованіемъ ставитъ истину, вѣрность жизни и природѣ, наконецъ простоту. Онъ цѣнитъ каждое произведеніе по тому, насколько въ немъ отражается и чувствуется дѣйствительная жизнь. Все, съ усиленіемъ придуманное, неестественное, вычурное строго имъ осуждается, и первымъ признакомъ этихъ недостатковъ служитъ

для него многосложность и запутанность вымысла, отражающаяся въ общіи хитро-сплетенныхъ происшествіяхъ и подробностей. Онъ былъ врагъ всякихъ теорій. Онъ требовалъ только, чтобы каждое художественное произведеніе носило на себѣ отпечатокъ «жизни народа и мѣстности», чтобы художникъ «сосредоточивалъ свое вниманіе на исключительныхъ особенностяхъ всякаго предмета и не довольствовался чертами общими, похожими на истинны отвлеченныя». Уже въ началѣ 20-хъ годовъ, разбирая идиллію Гнѣдича «Рыбаки», онъ выразилъ мысль, что «народная поэзія предпочтительнѣе неопредѣленной и всеобщей поэзіи». Позднѣе, въ 1833 г. этотъ предметъ подробно развитъ имъ въ рѣчи, произнесенной въ университетѣ «о народности въ литературѣ». Замѣчательно какъ онъ понималъ и цѣнилъ поэзію Пушкина съ самаго появленія первыхъ созданій его. Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» онъ тогда же съ большою мѣткостью указалъ и красоты этой поэмы, и недостатки ея. Въ ней, по его замѣчанію, «два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что можетъ только представить воображеніе поэта: нѣжная сострадательность, трогательная простодушіе и первая невинная любовь, — все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ. . . Но неполнымъ остается разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна» (I, 73) и т. д. Такъ же вѣрно было впечатлѣніе, произведенное на Плетнева «Евгеніемъ Онѣгинимъ» еще въ рукописи. Получивъ ее для изданія, онъ писалъ Пушкину: «Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до умора. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня. . . . Но Разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я уже не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертациі столько порядка, не помѣститъ

столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики!» (III, 313).

Чѣмъ далѣе шель Плетневъ, тѣмъ шире и разнообразіе становился кругъ предметовъ, которые онъ обнималъ яснымъ умомъ своимъ. По поводу появленія переводовъ изъ Шекспира въ 1837 году, онъ высказалъ объ этомъ писателѣ нѣсколько мыслей въ статьѣ, которая была напечатана въ одной изъ распространенныхъ въ то время газетъ и обратила на себя общее вниманіе. Шекспиромъ онъ издавна восхищался и говаривалъ, что изученію и переводу его твореній можно бы посвятить цѣлую жизнь. Кромѣ произведеній изящной словесности, въ область критики Плетнева входила также исторія литературы и исторія политическая, относительно которой онъ часто высказывалъ тотъ неоспоримо вѣрный взглядъ, что изложенію общихъ событій должна предшествовать разработка матеріаловъ частной и мѣстной исторіи. Одною изъ любимыхъ идей его при изданіи журнала было помѣщеніе въ немъ отдѣла «современныхъ записокъ», которыя и дѣйствительно иногда появлялись въ немъ: такъ подъ этою рубрикой были напечатаны статьи о путешествіи по Россіи цесаревича великаго князя Александра Николаевича и Жуковского въ свитѣ его, о юбилеѣ Крылова, о читанныхъ въ Петербургѣ курсахъ литературы и др.

Смерть Пушкина, который въ послѣдніе годы жизни еще болѣе прежняго сблизился съ нимъ, глубоко поразила Плетнева. Съ тѣхъ поръ имя поэта стало часто появляться на страницахъ Современника, особенно въ воспоминаніяхъ самого издателя. Много свѣжихъ взглядовъ, много новыхъ чертъ для біографіи и характеристики великаго писателя сообщено его другомъ въ статьяхъ, которыя еще и теперь не потеряли цѣны своей. Сильное впечатлѣніе, произведенное на него этой утратой, долго отражается въ перепискѣ его: такъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Жуковскому онъ удивляется, что послѣ кончины гениальнаго человѣка все въ мірѣ продолжаетъ идти по

прежнему, какъ будто въ природѣ не произошло ничего особеннаго.

За нѣсколько лѣтъ ранѣе умеръ Дельвигъ, и ему Плетневъ посвятилъ некрологъ, заслужившій одобреніе Пушкина. Послѣ смерти Баратынскаго, Крылова, Жуковскаго, а также гр. Канкринна и гр. Уварова Плетневъ почтилъ память каждаго изъ нихъ превосходными статьями. Біографія Крылова, папечатанная передъ собраніемъ сочиненій баснописца, наиболѣе извѣстна и давно оцѣнена по достоинству. Но по теплотѣ сочувствія и по глубинѣ изученія еще выше стоятъ статьи Плетнева о Жуковскомъ. Съ Жуковскимъ соединяли его еще тѣснѣйшія узы, чѣмъ съ Пушкинымъ. По самой натурѣ своей, крайне воспріимчивой, мягкой и нѣжной, Плетневъ долженъ былъ чувствовать наиболѣе сильное влеченіе къ личности и произведеніямъ идеальнѣйшаго человѣка и поэта. Къ тому же онъ былъ и въ судьбѣ своей много обязанъ Жуковскому. Неудивительно, что Плетневъ смолоду не только горячо любилъ его, какъ старшаго друга и покровителя, но и питалъ къ нему какое-то благоговѣніе.

Кромѣ разборовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній Жуковскаго, Плетневъ написалъ о немъ двѣ большія статьи. Первая была начата въ послѣдніе мѣсяцы жизни Василя Андреевича по поводу новаго изданія его сочиненій, а окончена уже по полученія извѣстія о его смерти. Содержаніе этой статьи составляетъ характеристика поэзіи Жуковскаго. Плетневъ входитъ тутъ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ относительно поэзіи и поэта вообще. Между прочимъ онъ энергически возстаетъ здѣсь, какъ и при другихъ случаяхъ, противъ высказывавшагося въ тогдашней журналистикѣ мнѣнія, «будто поэзія отжила свой вѣкъ для европейскихъ народовъ, будто она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія». «Это мнѣніе, заключаетъ Плетневъ, принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, нерѣдко соблазняетъ слабые

и легкомысленные умы». «Для человечества поэзія не утратила и никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все прекрасное и высокое, отъ природы врожденное намъ и душѣ нашей». (III, 2).

Говоря о возвышенномъ содержаніи поэзіи Жуковскаго, въ связи съ возвышенностью души его, Плетневъ напоминаетъ замѣчаніе Пушкина, что «слова поэта суть уже дѣла его» и выводитъ отсюда прекрасное заключеніе объ обязанностяхъ писателя: «И отъ писателя», говоритъ онъ, «какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ сокровищницу добра и свѣта». Въ другой статьѣ авторъ этихъ строкъ еще полнѣе выражаетъ свои требованія отъ писателя: «Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ челоуѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво». (II, 179).

Исходя изъ такого взгляда, Плетневъ находитъ, что при разборѣ писателя недостаточно смотрѣть на него со стороны эстетической: «выводы важнѣйшіе, высшіе начинаются только съ вопроса: что значили слова его, какъ дѣла?» И затѣмъ, примѣняя этотъ вопросъ къ Жуковскому, онъ разбираетъ всѣ главныя произведенія его, начиная съ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». — Другая статья Плетнева о Жуковскомъ имѣетъ преимущественно біографическій характеръ и драгоценна по множеству новыхъ для того времени свѣдѣній о жизни и личности поэта.

Мелкіе разборы или, вѣрнѣе, критическія замѣтки, помѣщавшіяся въ Современникѣ и въ которыхъ издатель немногими словами оцѣнялъ выходившія въ свѣтъ книги, останутся навсегда доброю для историка тогдашней литературы. Естественно, что не всѣ они равнаго достоинства, но многіе изъ нихъ, по своей мѣткости, а иногда и по сквозящему въ нихъ юмору, могутъ быть названы настоящими перлами этого рода законической критики.

Для насъ любопытны между прочимъ отзывы, которыми Плетневъ въ 40-хъ годахъ встрѣчалъ первые опыты талантовъ, коихъ имена поздиѣе приобрѣли въ литературѣ общепризнанное значеніе, напр. Достоевскаго, Тургенева, Майкова, Полонскаго, Плещеева. Всѣхъ ихъ онъ привѣтствовалъ сочувственно и характеризовалъ вѣрными чертами, предугадывая будущее ихъ развитіе.

О занимательности переписки, помѣщенной въ концѣ 3-го тома собранія сочиненій Плетнева, достаточно говорятъ имена тѣхъ писателей, съ которыми онъ велъ ее.

Извлеченія изъ нея отдѣльныхъ мѣстъ повело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что она представляетъ весьма разнообразный интересъ не только какъ біографическій и библиографическій матеріалъ, но и какъ источникъ, откуда можно почерпнуть много любопытныхъ чертъ для общественной исторіи времени. Не говоря уже о томъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ является тутъ личность самого Плетнева, позволю себѣ только привести изъ одного письма его нѣсколько строкъ, имѣющихъ отношеніе къ изданію его сочиненій и показывающихъ какъ скромно самъ онъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность. «Въ отчетахъ моихъ по академіи и университету», пишетъ онъ Жуковскому въ 1852 г., «я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго рода, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка, который тѣмъ-нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце . . . Ежели, по смерти моей, въ чьей-нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій и, приложивши къ нимъ позамѣчательнѣе разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ. Хотя я и знаю, что это не выйдетъ что-нибудь вѣковѣчное, однакоже читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое

живымъ убѣжденіемъ». (III, 728). Такъ мало требовалъ онъ самъ отъ издателя своихъ трудовъ. Академія, цѣня по достоинству эти труды, поняла шире задачу такого изданія. Биографіи, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ словахъ, найдутъ мѣсто въ 4-мъ томѣ.

Въ предыдущемъ исчислены труды каждаго изъ членовъ Отдѣленія порознь. Общая дѣятельность ихъ выражается между прочимъ въ присужденіи нѣкоторыхъ изъ имѣющихся при Академіи премій. Недавно полною Пушкинскою преміей увѣнчанъ переводчикъ Горація, А. А. Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Фета, при чемъ главнымъ основаніемъ приговора послужила рецензія профессора Римской литературы И. В. Помяловскаго. Отдѣленіе уже имѣло случай публично выразить ученому критику, а также и другимъ лицамъ, обязательно принимавшимъ участіе въ разсмотрѣніи представленныхъ на конкурсѣ трудовъ, живѣйшую признательность Академіи за просвѣщенное содѣйствіе ихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ будущемъ году предстоятъ по Отдѣленію конкурсы на пять премій, а именно на преміи: Жуковскаго, Ломоносова, Пушкина, графа Д. А. Толстого и графа Уварова; условія соисканія этихъ премій уже были въ свое время оглашены и будутъ снова опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Учрежденіе въ послѣдніе годы при Академіи Наукъ нѣсколькихъ новыхъ премій конечно увеличиваетъ въ значительной мѣрѣ обязанности и отвѣтственность академиковъ передъ обществомъ; но мы охотно несемъ сопряженные съ ними труды въ той отрадной надеждѣ, что труды эти не пропадутъ для успѣховъ отечественнаго образованія, въ той ободряющей мысли, что они сближаютъ насъ съ живыми силами литературы и общества, къ обоюдной пользѣ науки и жизни.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVI, № 3.

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

—
III — XI.
—

Академика А. Н. Веселовскаго.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 6 лин., № 12.)
1884.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 года.**

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*.

III.

Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армури ¹⁾.

Проф. Дестунисъ описалъ и отчасти обнародовалъ содержаніе сборника, помѣченнаго въ каталогѣ греческихъ рукописей Имп. Публ. Библиотеки №-мъ ССП-мъ. Содержаніе это слѣдующее:

1. (Заглавія нѣтъ, но оно можетъ быть возстановлено по изданію Вагнера) Διηγησις παιδιοφραστος των τετραποδων ζων.
2. Διηγησις του πωρικολογου.
3. Προς τον ανεψιον αυτου ο κυρ σπανι παραγγελι του με ποδον εις τα ξενα.
4. Του Αρμουρι.
5. Περι της αναλωσεως και της αιχμαλοσιας ην γεγωνεν η πρω των Περσον εις αττικιν αδυνα.
6. α β σινακτικι περι πεδευσεως ανθρωπου.
7. Ο πουλολογος.
8. Заглавія нѣтъ; первый стихъ: Εδα συναξου λογισμε και λεπτηνη μου γνωσι.

---

¹⁾ Содержаніе этой и двухъ слѣдующихъ главъ (IV, V) воспроизводитъ отчасти моя статья, помѣщенная въ Archiv f. Slav. Philologie, т. III, стр. 549 слѣд.: Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos.

9. Заглавія недостаетъ; первый стихъ: *ω παραδοξος συμφορα, ω σκοτισμα ανθρωπων.*

Изъ 9 номеровъ сборника №№ 1, 2 и 7 были изданы по другой рукописи Вагнеромъ въ его *Carmina graeca mediae aevi* (Lipsiae, 1874); №№ 4 и 5 напечатаны впервые проф. Дестунисомъ по петербургскому тексту¹⁾, время написанія котораго можетъ быть опредѣлено приблизительно. Въ «Шуточномъ разсказѣ о четвероногихъ животныхъ» (*Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων*) говорится, что споръ между ними произошелъ въ 1365-мъ году; стихотвореніе, помѣщенное въ № 5 нашего сборника: «О завоеваніи и покореніи Аттической Аѳины Персами» (*περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰγυμалоσίας ἢ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα*) относится, по мнѣнію издателя²⁾, къ извѣстному покоренію Аѳинъ Турками въ 1456 году. Если такъ, то мы получили *terminus a quo* нашей рукописи, которая могла быть списана лишь позже этого событія. По общему характеру письма можно-бы отнести её къ значительно поздѣйшему времени, замѣчаетъ проф. Дестунисъ³⁾, отказываясь отъ болѣе точнаго опредѣленія за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ.

Перломъ сборника является историческая пѣсня-былина объ Армури, значительно обогащающая наши свѣдѣнія о *народномъ*, средне-греческомъ эпосѣ, достойно становящаяся рядомъ съ извѣстной пѣсней: о сынѣ Андроника⁴⁾ — и тѣми древнѣйшими

¹⁾ Объ Армурѣ, греческая былина византийской эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавриилъ Дестунисъ. Тоῦ Ἀρμούρη, ἄσμα δημοτικὸν τῆς Βυζαντινῆς ἐποχῆς, ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διερμηνευθὲν παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη. Ἐν Πετροῦπόλει, 1877. — О покореніи и пѣніи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. СПб. 1881.

²⁾ Армури, стр. I—II.

³⁾ Ibid. стр. III.

⁴⁾ Сл. Max Büdinger, *Mittelgriechisches Volksepos*, Leipz. 1866; Legrand, *Recueil de chansons populaires grecques* (Paris 1874). Сл. теперь Дестуниса, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средне-вѣковаго періода (1883 г.), стр. 68 слѣд.

пѣснями-былинами, которыя легли въ основу поэмы о Дигенисѣ. — Пѣсня объ Армури дошла до насъ въ неполномъ видѣ; сохранилось всего 200 стиховъ, но недостаетъ, очевидно, немногого; по моему мнѣнію усѣченъ конецъ; попытка возстановленія предложена будетъ дальше. Что касается до запѣва, то начало ех mediis rebus совершенно въ стилѣ народной эпикки и не даетъ повода предположить здѣсь какой-бы то ни было пропускъ. — Герой носить имя Армури, такъ названъ и его отецъ; издатель не пытается объяснить намъ это имя или прозвище ¹⁾ и позволяетъ себѣ лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить историческія отношенія самой пѣсни. Они указываютъ на продолжительный періодъ борьбы Византійцевъ съ Сарацинами въ Сиріи, что относить насъ ко времени отъ VII по XI-ое столѣтіе; событія, воспѣтыя въ былинѣ, могли совершиться въ промежутокъ между этими двумя датами, вѣроятно подальше отъ первой и не позже половины XI вѣка ²⁾. Это хронологическое опредѣленіе подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, и словаремъ пѣсни: въ ея 200-хъ стихахъ находится нѣсколько арабскихъ словъ, но ни одного турецкаго, а слова романскаго пошиба указываютъ на древнюю либо средне-вѣковую латышь, не на специально-романское, напр. итальянское происхожденіе.

Проф. Дестунисъ присоединилъ къ изданному имъ тексту прекрасный русскій переводъ, а въ примѣчаніяхъ и предисловіи къ нему предложилъ рядъ интересныхъ наблюденій, частью касающихся отдѣльныхъ словъ, частью привлекающихъ къ сравненію матеріалъ современной народной греческой пѣсни, въ поясненіе такого-же, народнаго характера нашей былины. Этими замѣтками мы воспользуемся впоследствии; пока предложимъ краткій, по возможности, пересказъ самого текста, минуя повторенія и длинноты лишь тамъ, гдѣ умолчаніе не вредитъ характеристикѣ ея.

¹⁾ См., однако, его Разысканія, I. с., стр. 114.

²⁾ Армури, стр. VI—VII.

I.

«Нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки (τὰ ἀρχοντόπουλα) выгдуть верхомъ; только лишь государя Армура сынъ не выгъзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ: «Пускай ты, мама, на моихъ братьевъ порадуешься!... пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «ты мальчикъ малолѣтка, не слѣдъ тебѣ верхомъ! а ужъ коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать... , тамъ, на верху виситъ копые отца твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, сверху и до-низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичъ плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается¹⁾: прежде чѣмъ захватилъ копые — оно ужъ давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужъ встряхивалось; къ рукѣ своей привязалъ его, трякнулося, согнулося.... И пошелъ опять мальчикъ къ матери: «А хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобою его изломлю?» — Какъ увидѣла это мать, велитъ архонтамъ осѣдлатъ воронаго отцовскаго, «что двѣнадцать ужъ годовъ, воды не пивалъ, что двѣнадцать ужъ годовъ подъ верхомъ не бывалъ, что разъѣдаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный»²⁾. — Сѣлъ на него Армури, и «пока сказалъ «прощайте», на тридцать миль умчался, пока отозвался ему, умчался на шестьдесятъ на пять». На берегу Евфрата (Ἀφράτης) онъ разъѣзжаетъ вверхъ и внизъ, ища переѣзда, какой-тѣ Саракниъ глумится надъ нимъ съ противоположной стороны: «у Са-

¹⁾ «Κλαίοντας ἀναβαίνει τὴν σκάλαν, γελῶντας καταβαίνει; пр. Дестунисъ сравниваетъ Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 28, v. 19: κλαίοντα καταβαίνει.

²⁾ См. Дестунисъ, Разысканія, I. с. стр. 102, гдѣ есть поправки къ первому переводу поэмы.

ракиновъ такіе кони, что вѣтеръ нагоняють, что голуби (τὴν φάσαν) и куропатку на лету хватають, а зайца въ гору бѣгучи догоняють; поиграють ими, поласкають ихъ (Дестунисъ до-полняетъ: καὶ ἀφήνουν νὰ πετώσιν или καὶ ἐλεύθερα τὰ ἀφήνουν: отпустить ихъ), а тамъ, когда вздумается, опять побѣгутъ и словятъ! И все-же Евфрата-рѣки переѣхать не могутъ! А ты на своей клячкѣ хочешь его переѣхать!» — Разозлился на эти слова молодець, пришпориваетъ коня, хочетъ переѣхать рѣку; а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами:

43 ἦτον ὁ Ἀφράτης δυνατός, ἦτον καὶ βουρκωμένος,
εἶχεν καὶ κύματα βαρῆα, ἦτον καὶ ἀποχυμένος.

Снова понукаетъ Армури своего воронка, взмолился збонкимъ голосомъ:

47 εὐχαριστῶ σε, Θεὲ καλέ, καὶ μυριοευχαριστῶ σε
εἰς με ἰδῶχας τὴν ἀνδρείααν, καὶ... (?) με τὴν παίρνει τώρα¹⁾.

Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: «Воткни свое копье въ корень финиковога дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди (? εἰς τὸ μπροστοβοῦρκιν), бодни воронаго своего, чтобы переѣхать на ту сторону». — Наставленіе нѣсколько загадочное — либо переводъ слишкомъ подстрочный. Ангелъ говоритъ: пришпорь коня, переѣзжай, какъ есть въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою (μπροστοβοῦρκιν? Βούρκα, βοῦρκιν: raptano, malta, acquazzo; сл. v. 43 объ Евфратѣ: βουρκωμένος), метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). — Армури перебирается за Евфратъ и, не давъ «одеждѣ своей высохнуть», наѣхалъ на Саракinna, ударомъ кулака вышибъ ему челюсть и спрашиваетъ: гдѣ войска? — Не пристало храбрцамъ — прежде ударить, а потомъ разспросить, говоритъ Саракинъ: «клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милой матерью (v. 61 μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυ-

¹⁾ Дестунисъ обозначилъ точками опущенное имъ непонятное слово: ἰδῶχας(?). Но второе полустыше не указываетъ на пропускъ.

κείαν του μάνα; сл. v. 76, 87, 95), вчера насъ было набрано до сотни тысячъ, всё молодцы, отборные, съ зелеными щитами: это такой удалый народъ, что имъ и тысячи не страшно, ни тысячи, ни десятка тысячъ, ни сколько-бы имъ ни встрѣтилось». — Въѣхавъ на вершину горы, Армури видитъ несчетное войско и раздумался: «коли нападѣ на нихъ невооруженныхъ, всегда будутъ хвастаться, что я засталъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣряться». И онъ кричитъ, что есть силы: Вооружайтесь Саракинны, собаки вы поганья (v. 72 σκυλιά μαγαρισμένα; сл. v. 92); Армурычъ (Арμουρόπουλος), сынъ Армура, храбрый богатырь, переѣхалъ рѣку! — Завязывается битва:

80 καὶ τότε πάλιν τὸ παιδὶν καὶ αὐτὸ καλὸ τ'ἀρίστι
 ἴωρατον σπαθίτζιν ἔσυρε ἀπὸ ἀργυρὸν φηκάριν
 εἰς τὸν οὐρανὸν τὸ ἀπέταξεν, εἰς τὸ χέριν του τὸ δέχθη
 κροῦ πτεριστηρέαν τὸν μαύρον του, ἐκεῖ κοντὰ ζυγώνει
 «ἀπὸ τὸ γένος τοῦ διαβό ἂν σὰς ἀλησιμονῆσω.
 Καὶ συγκροτάει πόλεμον καλὰ, ἀνδρειωμένα
 τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔκοπε, ἡ μέση ἔδαπανᾶτον
 μὰ τὸν κύρ ἤλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκείαν του μάνα,
 ὄλην τὴν ἡμέραν τοὺς ἔκοπτε τὴν ἄνω ποταμίαν,
 καὶ ὄλην τὴν νύκτα τοὺς ἔκοπτε τὴν κάτω ποταμίαν.
 Ἔδεσεν καὶ ἀπόδεσέν τους, κανένα δὲν ἀφῆκε.

Армури спѣшивается, чтобъ освѣжиться, а въ это время одинъ «собака Саракинъ» уводитъ его воронаго и уноситъ палицу. Сорокъ миль гонится за нимъ пѣшій молодецъ, нагнавъ его у воротъ Сирин, отсѣкъ ему руку и приговариваетъ:

99 ἄμz καὶ ἐσύ, Σαρακηνέ, νὰ πῆς καὶ σὺ μαντάτο.

До сихъ поръ мы знали объ отцѣ Армури лишь то, что онъ отсутствуетъ, что его дома желаютъ видѣть: «пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься», говорить Армури матери въ началѣ пѣсни. Теперь мы узнаемъ, что старикъ Армури въ плѣну у Саракинъ и сидитъ снаружи у двери своей тюрьмы, когда является на сцену раненый молодецъ Саракинъ. Отецъ тотчасъ-же узналъ своего воронка, палицу своего сына — а всадника-то не видѣть.

103 βαρέα βαρέα ἀναστέναξεν καὶ ἐσείστη ὁ πύργος ὄλος.
καὶ τότε πάλιν ὁ ἀμηνῶς τοὺς ἄρχοντας ἐλάλει:
«ἄματ' ἰδέτε οἱ ἄρχοντες, τί ἔχει καὶ ἀναστενάξει;
ἂν ἐν τὸ γιῶμα του κακόν, νὰ φάγη ἐκ τὸ δικό μου,
εἴτ' ἐνε τὸ οἰνάριν του κακόν, νὰ πῖν ἐκ τὸ ἐδικόν μου,
εἴτε βρωμᾶ ἢ φυλακὴ, νὰ τὴν μοσχοκαπνίσουν,
εἴτε εἶναι βαρέα τὰ σίδερα, νὰ τὰ λαφροκοπήσουν».

Не отъ вина и не отъ пищи и не отъ тяжелыхъ цѣпей мое горе отвѣчаетъ узникъ (v. 110 слѣд.), эпически повторяя, но въ смыслѣ отрицанія, слова и содержаніе эмировой рѣчи: горе мое въ томъ, что я узналъ своего коня и палицу сына, а его самого не вижу. — «Погоди, Армуръ мой, погоди немножко, говорить ему эмиръ: пусть крѣпко ударять въ органы, пусть громко въ трубы затрубятъ, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія, и тогда, гдѣ-бы ни находился твой сынокъ, . . . пусть со связанными назади руками приведуть его къ тебѣ. Подожди еще немножко». Ударили въ органы, затрубили въ трубы, — и никто не явился, кромѣ одорукаго Саракина ¹⁾, который, на вопросъ эмира, принимается рассказывать о пораженіи саракинскаго войска молодымъ Армури. Согласно стилю народной эпической пѣсни рассказъ этотъ воспроизводитъ, большей частью дословно, и въ третьемъ лицѣ, то, что мы знаемъ уже объ этомъ дѣлѣ отъ лица самого пѣвца: ст. 134—137 = ст. 62—65, ст. 139—152 = ст. 71—84, ст. 153—158 = ст. 86—91, ст. 160—166 = ст. 93—99. Подобныя повторенія встрѣчаются и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника.

«Небось хорошо это, Армуръ ты мой, что творить твой сынокъ?!», говорить эмиръ старому узнику. «Тогда-то мой Армуръ прекрасную грамотку пишетъ и съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкою: «Скажи ты ему, сыну суки, чаду беззаконія (v. 171: εἶπέ τῆς σκύλας τὸν υἱόν, τῆς ἀνομίας τὸ τέκνον): гдѣ только встрѣтитъ Саракина, чтобъ его миловалъ,

¹⁾ κουτζοχέρης v. 126, 128. Сл. Μονοχέρης, прозвище, которымъ Пав-
ликіане переводили арабскую кличку эмира Амброга: Alakta = одорукій.

какъ-бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ». А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птвичкою посылаетъ её, съ прекрасною ласточкой: «Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я гдѣ ни найду Саракина, кровь его я выпью; а коли-то раззадорятъ меня — такъ я и на Сирію налягу: закоулки (v. 182: τὰ στέμνυ-
ρίμνια) Сиріи головами наполню, сухіе гребни (v. 183: τὰ ξηρο-
ράχια) Сиріи я кровью наполню». Какъ услышалъ это эмиръ, убоился, велѣть вывести стараго Армура: пусть вымоется въ банѣ, переѣнится, отобѣдаетъ за его столомъ. По обѣдѣ онъ говоритъ ему: «Ну-же, Армуръ ты мой, ну-же иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятемъ его возьму, не къ племянницѣ я не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего..., гдѣ только встрѣтитъ Саракина, пусть его малуетъ; а коли прибыль перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлять, . . . и пусть живутъ въ любви».

Этимъ кончается петербургскій текстъ былины; кончалась-ли такимъ образомъ и самая былина — вотъ вопросъ.

II.

Въ народномъ характерѣ разобранный нами пѣсни не можетъ быть сомнѣнія: за него говорить и языкъ и весь стиль и поэтичскіе обороты — знакомыя общія мѣста современныхъ греческихъ пѣсенъ. На интересныя параллели указалъ проф. Дестунисъ (стр. XVI слѣд.); я воспользуюсь нѣкоторыми изъ его указаній, чтобы присоединить къ нимъ новыя.

Старый Армури, увидѣвъ своего коня и палицу сына, тяжело вздохнулъ, такъ что башня дрогнула, а эмиръ велѣть спросить его, чѣмъ онъ недоволенъ: виномъ-ли или пищей и т. д. (ст. 103—107). Сл. Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 19, 6—10:

ὁ Γιάννης ἀναστίναξε κι' ἡ φυλακὴ ἐταράχθη.
 Βασιλοπούλα τᾶκουσε μέσα 'ς τὴν κάμαρά τση
 καὶ στέλνει καὶ τὸν ἔκραξε γιὰ νὰ τότε ρωτήση.
 — Γιάννη, ἂν πεινάς δὲ γεύεσαι, Γιάννη, ἂν διψᾷς δὲν πίνεις;
 Γιάννη τ' ἔχεις καὶ θλίβεσαι καὶ βαρυαναστενάζεις; ¹⁾.

Шесть разъ встрѣчается въ текстѣ типическая клятва героя — солнцемъ и его матерью: μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκὺν, μὰ τὴν γλυκείαν τοῦ μάνα. Проф. Дестунисъ (р. XII) напоминаетъ по этому поводу известное въ новогреческой народной поэзии олицетвореніе: κύρ Χάρος, ἑ κύρ Βοριάς; новогреческія сказки знаютъ такое же олицетвореніе солнца и его матери, являющейся и въ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ, малорусскихъ, чешскихъ, словенскихъ, польскихъ и румынскихъ сказкахъ ²⁾. — Народное представленіе солнцевой матери восходитъ такимъ образомъ въ глубь среднихъ вѣковъ, какъ съ другой стороны солнце-исполнѣя новогреческихъ повѣрій уже зародилось въ γίγας ἥλιος Θεοдора Προδрома (Ῥοδάνθ. καὶ Δοσίχλ. βίβλ. с, v. I) ³⁾.

Птица-вѣстникъ (въ Армури: ласточка) принадлежитъ къ любимымъ образамъ народной поэзіи; онъ знакомъ и романо-

¹⁾ Сходно съ этимъ ib. I, 2, № 20, 5 слѣд.; сл. Ραζβωω, Саgmina popularia № 449, 11—18; Дестунисъ, Армури, стр. XVIII, прим. 26. Сл. въ былинахъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ вопросъ Владимира: почему онъ не ѣсть, не пить, не хвастаетъ:

Мѣсто-ли было тебя не по любви,
 Хлѣбъ-да-соль не по души,
 Цярой тебя пообонши,
 Пьяница не надсмѣялась-ли?

Гильф. № 135; сл. Рыби. III, № 34, vv. 24—26.

²⁾ См. Лѣтописи русск. литературы 1859—1860, V: Женитьба солнца на красавицѣ Грозданкѣ; Аванасьева, Поэтич. воззрѣнія, I, р. 177, 180; II, стр. 40—1, 128, 129; III, стр. 390; Πολίτης, Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους и отчетъ въ моихъ Разысканіяхъ, VIII, стр. 296.

³⁾ Сл. еще Никиту Евгеніана, Δοσίλλ. καὶ Χαρίκλ., B, v. 2 (τοῦ γίγαντος καὶ φεραυοῦς ἥλιου). Выраженіе, близкое къ образамъ новогреческой пѣсни, о красавицѣ, какъ дочери, отродѣ солнца, также встрѣчается у Никиты, I. с. B, v. 76, 85.

германскому миннезангу. Уландъ и Ваккернагель ¹⁾ собрали нѣсколько указаній на распространенность этого народно-поэтического представленія. Голубь, какъ вѣстникъ любви, встрѣчается уже въ Антологіи, № 14; въ болгарской пѣснѣ плѣнный Богданъ пишетъ своей женѣ Ангелинѣ письмо — на крылѣ голубя; тотъ-же образъ извѣстенъ и народной греческой поэзіи ²⁾.

Эпическимъ стилемъ отзывается и похвальба витазей, особливо передъ битвой. Ты хочешь за Евфратъ переѣхать, кричитъ Саракинъ Армури, а того не смогутъ и наши кони, что вѣтеръ нагоняють, голубя и куропатку на лету, зайца на бѣгу хватають!

Такъ хвалится и Дигенисъ (не о конѣ):

1481 Τρεῖς φοραὶ εἰς τάνηφορο τὸν λαγὸν ἔπιασά τον
καὶ ἄλλαις πάλιν τρεῖς φοραὶ ὀπίσω ἴγυρισά τον
καὶ πέρδικα πετάμενη ἔπλωνα, καὶ ἴπιανά την,
τὸ χέρι μου, καὶ ὕστερα ἐγὼ ἐμέρωνά την ³⁾;

а въ критской пѣснѣ ⁴⁾ о молодцѣ говорится:

Ἐ τὸ γλάμο πιάν ὁ νιὸς λαγὸ, ἔς τὸν πῆδο πιάν ἀγρίμ,
τὴν πέρδικα τὴν πλουμιστὴ ὀπίσω τὴν ἀφίμεν.

Укажу въ этой связи на стремительную поѣздку Армури:

29 ὡστε νὰ εἰπῆ ὅτι ἔχετε ὑγείαν, εἰδίβη τριάντα μίλια,
ὡστε νὰ τὸν ἐπιλογηθοῦν, εἰδίβη ἐξῆντα πέντε.

Сл. тѣ-же почти выраженія въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія: Петръ, увозя жену Константина, пришпорилъ своего коня Склѣрокарта, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать: «Будьте здоровы!», онъ уже умчался на тысячу миль, прежде чѣмъ закричалъ: «Прощайте!», проскакавъ другую тысячу (№ 2; то же въ № 3:

¹⁾ Uhlands Schriften, III, стр. 110 слѣд.; Wackernagel, Ἐπεὶ περὶ πάντων. Basel, 1864.

²⁾ Безсоновъ, Болг. пѣсни, I, стр. 19—31: Богданъ; сл. Муладзинови Болг. нар. пѣсни, № 89; *ibid.* № 63; Müller (Fauriel), Neugriechische Volkslieder, II, стр. 46, № XXI; Passow, № СХСVIII, и *passim*.

³⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 172.

⁴⁾ Jeannaki, Ἀσματα Κρητικά, № 142.

пѣсня о Теофилактѣ)¹⁾. Иначе выражена чудесная скорость бѣга въ пѣснѣ изъ Архипелага: воронко бѣжитъ, что вѣтеръ, за нимъ гонятся, но онъ исчезъ изъ виду; у кого изъ преслѣдовавшихъ конь былъ быстрый, тотъ еще видѣлъ пыль отъ мчавшагося; у кого былъ поплоче, не видѣлъ и пыли:

58 Μηδὲ τὸν μαῦρον εἶδανε, μηδὲ τὸν κονιαρτό του·
 Ὅπουχε μαῦρο γλήγωρο, εἶδε τὸν κονιαρτό του,
 Ὅπουχε μαῦρο πάρναμα, μηδὲ τὸν κονιαρτό του.

(Passow, № ССССXXXIX, p. 319—20). Сл. соответствующія выражения въ нашихъ былинахъ:

Только видѣли стараго сѣдучисъ,
 А не видѣли стараго поѣдучисъ,
 Только куревко въ ногѣ воскурилось,
 Туманъ въ ногѣ затуманился

(Рыбн. I, № 13, vv. 91—94; сл. ib. № 47, v. 76—8);

И видили добра молодца сядуци,
 И не видили добра молодца поѣдуци

(Гильфердингъ № 107; сл. № 217, стр. 1026);

Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
 А не видѣли, — куда поѣздеку далъ

(Кир. I, стр. 78; сл. ib. стр. 57; IV, стр. 14);

Только видѣли молодца на конѣ сядучисъ,
 А не видѣли со двора его поѣдучисъ.

(Рыбн. I, № 27, v. 258—9). Сл. ib. I, № 30, v. 70—2; II, № 28, v. 78—9, 139—140; № 65, vv. 38—39; Гильф. № 206, стр. 968.

Армури хвастается своей силой: «а хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобой его изломлю», говоритъ онъ матери, указывая на тугое отцовское копье. Сознаніемъ несокрушимой

¹⁾ Σαχιλλάρειος, Τὰ Κοπριακὰ, т. III.

мощи, выражающимся въ грубыхъ формахъ похвалы, но переходящимъ въ сознание «чести и хвалы молодецкой», отзывается его рѣшеніе — не нападать неожиданно на враговъ, не приготовившихся встрѣтить его, чтобы не дать имъ повода говорить, будто онъ не хотѣлъ помѣряться съ ними равными силами: «Саракины вооружайтесь, собаки вы поганья, живо надѣньте брони, . . . повѣрьте вы тому, что Армуръ переѣхалъ, Армурычъ, сынъ Армура, храбрый богатырь». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отнестись къ тому эпизоду русскаго Девгенія, гдѣ греческіе витязи посылаютъ къ эмиру плѣнныхъ Саракинъ, чтобы предупредить его: «да не рекъ бы онъ такъ, Амиръ царь, что мы придоша къ нему татемъ»¹⁾. Такъ и наши былинные богатыри не нападаютъ на спящаго врага:

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка соннаго что мѣртваго

(Гильф. № 49: Добрыни и Алеша), а въ старо-славянскоѣ повѣсти о Троянскихъ Дѣляняхъ²⁾ такъ именно говоритъ старецъ Пріамъ Ахиллу, когда тотъ, проснувшись, вдругъ увидѣлъ его въ своемъ шатрѣ: «Не бои са, господине, сътъ млада того нѣсмъ створилъ, да силца витеза погоубла». — Непосредственно реально выражается то-же кичливое чувство мощи въ пѣснѣ о сынѣ Андроника, когда онъ велитъ связать себя по рукамъ и по ногамъ, зашить глаза тройною ниткою, прицѣпить подъ мышку свинцу и заковать ноги въ двойныя желѣзныя кляпцы — за тѣмъ лишь, чтобы показать свою силу³⁾, — какъ наши старшіе богатыри похваляются, что повернули бы землю, если бы были у нихъ кольца, одно въ землѣ, другое въ небѣ.

Молодецкую похвалу вижу я и въ швыряніи сабли къ небу и подхватываніи ея на лету, передъ началомъ битвы (Армури, в. 81—2). Параллельныя мѣста изъ новогреческихъ пѣсенъ,

¹⁾ Нам. старинн. русск. лит., II, стр. 380.

²⁾ Miklosich, Trojanska priča, Starine, III, 180.

³⁾ Дестуинсь, Разысканія, стр. 70.

приведенныя проф. Дестунисомъ въ объясненіе соответствующаго положенія въ былинѣ объ Армури, не уясняютъ дѣла ¹⁾. Мы имѣемъ дѣло съ типическимъ образомъ, характеризующимъ представленіе битвы — богатырской потѣхой, въ которой весело и кичливо проявляется молодецкая удаль. Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ (и румынскихъ) пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко, подѣ облака, свою палицу, копье либо саблю, и подхватывая на лету тяжелое оружіе, которымъ вращаетъ легко, точно лебединымъ перомъ ²⁾.

Это — естественная прелюдія къ битвѣ — и битва началась: Армури «заводитъ бой крѣпко, мужественно, все по краямъ рубилъ, а середина изводилась. Въ кипрской пѣснѣ у Сакелларія № 2 Константинъ бьется съ непріятельскимъ войскомъ: бросится на задній полкъ, передній идетъ въ разсыпную, бросится на передній, задній не можетъ устоять (сл. ib. № 3: Теофилактъ по краямъ бралъ, середина изводилась). — Точнаго соответствія къ этой эпической формулѣ я не знаю. Въ былинѣ у Кир. III, № 2, стр. 119 поется:

Туть Константинушка Сауловичъ
Зачахъ Татаровъ съ краю битъ;

Тамъ-же, № 2, стр. 48, vv. 161—2:

Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
Не заѣжай-ко се, Михайло, въ силу въ матику.

Сл. Кир. IV, № 6, стр. 44:

Доставалася Самсону рука правая,
Никитѣ съ Алешей рука левая,
Илейнѣ доставалась середка силы, матица

(сл. Армури v. 86: τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔχοπε, ἡ μέση ἐδαπανᾶτον).

¹⁾ Сл. стр. XVIII—XIX: Passow, № ССССХVIII, v. 35; Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 27 и 17: золотую сабельку, золотой ножъ выхватилъ онъ изъ серебряныхъ коженъ, къ небу подбросилъ, а онъ очутился въ сердцѣ, вознися въ шею.

²⁾ Сл. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, р. 16, 23, 185, 248, 362, 569 (прихѣры изъ былинъ можно-бы безъ труда умножить); Буслаевъ, Русск. богат. эпосъ, Русск. Вѣсти. 1862, т. 41, стр. 92; Безсоновъ, Болг. пѣсни I, стр. 15, прим. 5; мои Разысканія VI, стр. 259.

Такъ и въ нашемъ Девгеніи говорится о трехъ братьяхъ-вѣтязяхъ: «болшой братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшой полкъ, а меншой съ лѣвую руку¹⁾. — Войско Сарацинъ, излюбленное прозвище которыхъ: *σκυλιά μαγαρισμένα*, напоминаетъ «собаку-Калина царя» нашихъ былинь, вооружено зелеными щитами, *πρασινοσχοιταράτοι*; издатель спрашиваетъ себя, не стоитъ-ли этотъ эпитетъ въ связи съ особымъ значеніемъ, какое дается зеленому цвѣту у магометанъ. Припомнимъ съ одной стороны Дигениса поэмы (по изданію Сааы и Леграна), у котораго въ рукахъ зеленое арабское копье (не съ зеленымъ-ли значкомъ?), съ другой — зеленые шлемы старофранцузскаго эпоса.

Богатырская сила вѣтязя проявляется съ юныхъ лѣтъ: мальчикъ Армури сгибаетъ отцовское копье, тряхнулъ имъ, хочетъ его сломить; никогда не ѣздилъ верхомъ, а только руками приударилъ, и сталъ всадникомъ. Такъ и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника: когда ему было два года, онъ схватился за мечъ, брался за копье; въ три года онъ уже ходитъ, ничего не боится, и слава о немъ гремитъ. — Трапезунтская пѣсня о Порфиріи выражаетъ его зачинающуюся мощь — гигантскимъ аппетитомъ: ему день отъ роду, а онъ уже съѣдаетъ сухарь, на второй день — пѣлый коровай; на пятый — всѣ хлѣбы, что были въ печи:

Μονοήμερος ἔτονε κ' ἔφαγεν πᾶσιμάτιν,
 διήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγ' ἕναν φουρνάριον.
 πεντεήμερος ἐγέντουνε, ἔφαγεν τὴν φουρνέαν.

Другая пѣсня изъ той-же мѣстности поетъ о «сынѣ монахини», Порфиріи, что еще въ колыбели онъ съѣдалъ по барану и овцѣ. Сыномъ монахини дѣлаетъ Порфирію и пѣсня изъ Спры: въ пятницу она родила его, въ субботу окрестила, а въ воскресенье онъ проситъ дать ему бобовъ пощелкать; на пятый день онъ

¹⁾ Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380. — Въ Джангаріадѣ Altan-Züdchi сражается по средній, Bogda-Dschangar на правомъ, Chongor на лѣвомъ крылѣ. Сл. Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga 1805, IV, 212—213.

берется за саблю, на шестой за копье, а на седьмой похваляется, что не боится никакого храбреца:

Ἦ καλοῦρηά ἐγέννησε τὸ γυιό της τὸ Πορφύρην,
 παρασκευὴ τὸν γέννησε, σάββατο τὸν βαφτίζει,
 κυριακὴ ἐζήτησε κουκκιά νὰ κοκκαλίση,
 ἔς τῆς πέντε πιάνει τὸ σπαθί, ἔς τῆς ἕξι, τὸ κοντάρι,
 καὶ ἔς τῆς ἑπτὰ κλυχῆστημεν πῶς ἄνδραϊς δὲν φοβᾶται. и т. д. ¹⁾

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ юный богатырь проявляетъ себя въ недѣтскихъ «шуточкахъ», приводящихъ въ ужасъ всѣхъ окружающихъ:

Сталъ Василья на улочку показывать,
 Не легкія шуточки пошучивать:
 За руку возьметъ, рука прочь,
 За ногу возьметъ, нога прочь,
 А котораго ударить по горбу,
 Тотъ пойдетъ, самъ сутулится ²⁾.

Такъ и въ сказкѣ о Русланѣ, персидскомъ Рустанѣ, пересказанной по какому-то восточному оригиналу ³⁾.

Мальчику-богатырю соответствуетъ и богатырскій жеребенокъ, точно предназначенный для него, подчиняющійся лишь его волю. Новогреческихъ пѣснямъ это представление извѣстно, но оно смѣшивается иногда съ другимъ, такъ-же народнымъ: о ста-

¹⁾ Сл. E. Legrand, Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française etc. Spécimen d'un recueil en préparation (Paris, 1876), p. 12—15. См. еще тѣ-же подробности въ былинахъ о Порфиріи - Лиссарѣ у Деступиса, Разысканія № 16—19, стр. 79—84, и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника ib. стр. 68 слѣд.

²⁾ Рыбн. I, № 55; Гильфердингъ, № 30, стр. 152—153; сл. стр. 215, 722 и т. д. То-же въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ, о которыхъ см. далѣе. Сл. Radloff, Proben der Volkalitter. der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, II, 254—5.

³⁾ Въ Шахъ-намѣ о Рустанѣ разсказывается слѣдующее: его кормить грудью десять кормилицъ; поздне онъ съѣдаетъ столько мяса и хлѣба, сколько пять взрослыхъ мужчинъ. Дѣдъ дивится его росту, широкой груди, крѣпкимъ, верблюдо-подобнымъ ногамъ, львиному сердцу, силѣ льва и пантеры. Но о «шуточкахъ» нашего Руслана нѣтъ и рѣчи.

ромъ, заброшенномъ, отцовскомъ или дѣдовскомъ конѣ, ожидающемъ появленія юнаго витязя, чтобы помолодѣть и снова окрылиться. Конь молодого Армури принадлежитъ, вѣроятно, ко второй категоріи: онъ двѣнадцать лѣтъ какъ не бывалъ подъ сѣдломъ—потому, можетъ быть, что столько именно лѣтъ отсутствуетъ его хозяинъ, отецъ молодого Армури. — Необходимо предположить, что пѣвецъ слѣдующей транезунтской пѣсни смѣшалъ оба ходячія представленія, потому что въ началѣ говорится о старомъ конѣ, а далѣе къ нему обращаются какъ къ — жеребенку. Если это не смѣшеніе, то въ названіи «жеребенка» можно искать прои́и.

Апелаты похитили жену Акрита, когда его самого не было дома. Птица приноситъ ему вѣсть о похищеніи; онъ спѣшитъ домой, видитъ всѣ двери растворенными, окна безъ ключей, идетъ въ конюшню и обращается съ просьбой къ конямъ: Скажите, Бога ради, который изъ васъ бѣжитъ проворно? — Ни одинъ не отвѣчаетъ, не издаетъ звука; проговорился лишь *древній конь*: Дай мнѣ отборнаго корму, и я умчу тебя. — Акритъ садится на него, поѣхалъ. На Девскомъ мосту Эллины хотять задержать его, а онъ говоритъ: Пропустите меня черезъ мостъ, у меня конь — молодой *жеребенокъ* и не можетъ обойтись безъ корму; моя милая—дѣвица молодая и не можетъ обойтись безъ меня. — Доѣхавъ до воротъ города, куда увлекли его жену, онъ держитъ привратникомъ ту-же рѣчь: Откройте мнѣ, привратники, чтобы мнѣ войти! Мой конь — молодой жеребенокъ и т. д.! ¹⁾. — Въ приведенной выше кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 2) Петръ увозитъ жену Константина, который также обращается къ своимъ конямъ съ вопросомъ: который изъ нихъ возметса догнать свою похищенную госпожу. При этихъ словахъ боевые кони падаютъ замертво, молодые жеребята мочатся кровью, проговорилъ лишь одинъ конь: Я силенъ и смѣлъ, и догоню мою госпожу, что тай-

¹⁾ Bathas et Legrand, Les exploits de Digenis Akritas, Introd. p. LVII—VIII. Сл. Дестунисъ, Разысканія № 3, стр. 15 сѣд.

комъ кормила меня ячменемъ изъ своего передника, пошла изъ серебрянаго ковша. Наложы на меня двѣнадцать сѣделъ, десять попонъ и 18 подпругъ, и я помчусь быстро; только не шпорь меня. Сл. такой-же наказъ коня—не шпорить его—у Legrand, Recueil de chansons pop. grecques № 145, vv. 17—19; для сюжета — Passow'a Carm. pop. №№ 439, 440: та-же просьба, обращенная къ конямъ:

·Ποιός εἶν' καλός ἀπό τ' ἐσχς τοῦς ἐβδομηταπέντε,
 Ν' ἀστράψῃ στήν ἀνατολή καί νά βρεθῇ στή δύσι;
 Οἱ μαῦροι ὅσοι τ' ἄκουσαν, ὄλ' αἶμα κατουρήσαν
 Κ' ἦ μαῦρες ὅσες τ' ἄκουσαν, ὅλες πουλάρια ρίξαν.
 Κ' ἕνας παλιός γερούτσικος καί σαραντοπληγιάρης
 Ἐγώμαι γέρωσ κ' ἄρρωστος, ταξείδια δὲν μοῦ πρίπτει.
 Μά γιὰ χατήρι τῆς κυρᾶς νά μακροταξειδέψω,
 Ὅπου μ' ἀκριβοτάγιζε στό γῦρο τῆς ποδιάς της,
 Κ' ὅπου α' ἀκριβοπότιζε στά χούφτα τοῦ χεριοῦ της.

(Passow № 439) ¹⁾.

Эпическая подробность о конѣ, съѣдающемъ «подкову гвоздчатую», встрѣчается и въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія, №№ 3 и 16: о конѣ, раздробляющемъ камень и желѣзо, пожирающемъ удила; въ одной пѣснѣ съ Олимпа то-же говорится о трехъ коняхъ:

Τοῦ κῶστα τρώει τὰ σίδηρα, τ' Ἀλίξῃ τὰ λιθάρια,
 καί τοῦ μικροῦ Βλαχόπουλου τὰ δένδρα ζερριζώνει ²⁾.

Русскія и румынскія сказки знаютъ чудесныхъ коней, которыхъ кормятъ — горячими угольями.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ богатырскіе кони рисуются въ тѣхъ-же самыхъ чертахъ, воспоминающихъ греческія пѣсен-

¹⁾ Сл. Müller (Fauriel), l. c. II. № XI. Въ пѣснѣ у Jeannarakі № 263 сынъ вдовы обращается къ своему коню съ обѣщаніемъ другого рода: раззолотить его, золотыя подковы сдѣлать, стремена и уздечку изъ перстней русской дѣвницы.

²⁾ Τεχνούβηκ τοῦ Ολύμπου, συλλεγόμενα ὑπὸ Αἰθ. Κ. Οἰκονομίδου, стр. 54, № 72.

ныя преданія, либо воспомяемыхъ ими. Ихъ быстрота изумительна: Мать Дигениса посылаетъ ему трехъ коней,

619 'που πτωῦν 'σὰ γεράκια
γὰ νὰ περνοῦσιν ποταμούς, καὶ τὰ πλατεῖα κυλάκια ¹⁾.

Съ болѣе чудесными чертами являются они въ русской повѣсти о Девгеніи ²⁾: одинъ конь — вѣтеръ, другой — громъ, третій — молнія. Сарацинамъ поручено увезти эмира вмѣстѣ съ его милой: какъ только выведутъ они ихъ изъ греческаго царства, да сядутъ на коня-вѣтеръ, такъ и станутъ невидимы. — Конь витязя зовется «γερρογόνατε καὶ ἀνεμοκικλοπόδη» (Jeappaгaki № 263), онъ такъ легокъ, что не поднимаетъ пыли (χορνιαχτούς ἐν βράλλει, Сакеларіѣ, I. с. III № 3); конь Константина (Passow, Sam. рор. № DXV) мчится, — спереди, словно молнія, сзади будто громъ ³⁾; не та-же-ли идея быстроты вызвала первоначально и образъ коня, напр. въ былинахъ о Сокольниковкѣ:

Подъ нимъ конь, какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры омплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ?

(Рыбн. I, № 13, в. 14—16 и друг.).—Конь русскихъ сказокъ ⁴⁾ и былинъ поднимается выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго,

И ископнть мечѣ кониную
И по-новыше лѣсу онъ жароваго,
И по-пониже онъ облака ходячаго.

(Гильф. № 252: Михайло Дородовичъ); сл. Кир. III, стр. 111, № 2, в. 44 слѣд. (Суровець—Суздалецъ):

¹⁾ Lambros, I. с. р. 188.

²⁾ Пам. старинн. русск. литер. II, стр. 388. Сл. мом Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ. Вѣсти. Европы, 1875 г., Апрель, стр. 758; Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russ. Revue 1875, IV Jahrg., 6-er Heft, р. 549.

³⁾ Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ, изд. Ламбромъ (стр. 121: В, 201—204):

Τὸ ἄλογο τοῦ Κωνσταντῆ ἔτρεχαν 'ς τὸν ἀέρα·
εἰς τὸ κεφάλι εἶχενε ἕναν χρυσοῦ ἀστέρα,
καὶ ὀπίσω 'ς τὴν ῥάχι τοῦ ἄτον ζωγραφισμένο,
ἀπὸ χρυσάφι καθάρου καὶ λίθους κοσμημένο.

⁴⁾ Сл. Кир. III, Прилож. стр. XXVIII—IX.

Подымается его добрый конь
 Выше дерева столчаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Горы и доли между ногъ пускаетъ,
 Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
 Широкия раздолья хвостомъ устилаетъ,
 По землѣ бѣжитъ — земля дрожатъ,
 Въ лѣсу раздается — на нивахъ чуть

(сл. Кир. IV, Прилож., стр. XXIX, в. 61—3: о Суровцѣ-Суздальцѣ);

Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
 А другаго ускова не могли найти

(Кир. I, № 6, стр. 42, vv. 24—5); либо скачетъ черезъ стѣну
 бѣлокаменну (Кир. I, стр. 60, № 1),

Рѣки, озера перескакивалъ,
 А темные лѣса промежъ ногъ пушалъ

(Рыбн. I, № 9, vv. 27—8; сл. ib. № 10, vv. 43—5; Кир. IV,
 № 6, стр. 40, vv. 58—9: о татарницѣ; Гильф. № 287: объ
 Ильѣ); конь Михайлы Казарянина скачетъ съ берега на берегъ,

Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ

(Кир. IV, стр. 92, в. 38); конь Дюка перенесся за Диѣпръ

За цѣлмй за помахъ за лошадинмй,
 И за цѣлгую за версту онъ за мѣрную

(Рыбн. I, № 48 vv. 357—8. См. вообще пѣсни о Дюкѣ); Бу-
 рушко-косматушко Ивана Гостиного сына

побѣгалъ по пятидесять вѣрстъ,
 Скокомъ поскакалъ по семидесять вѣрстъ,
 Заснибѣлъ онъ по змиѣному,
 Заревѣлъ онъ по звѣриному:
 Съ горъ желтѣи пѣскѣ сподымалися,
 Бѣлая вода вскопмхалася,
 Съ теремовъ шатры посвалалися.

(Кир. III, № 1, стр. 3, в. 60—66)

Триста жеребцовъ испугались,
 Съ княженецкаго двора разбѣжался:
 Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
 Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
 Положенъ воронкò въ золоту орду бѣжить,
 Онъ хвостъ поднявъ, самъ охраниваетъ

(ib. № 3, стр. 8, vv. 130—135; сл. Гильф. № 133, стр. 696)—
 какъ въ кипрской пѣснѣ кони, кромѣ одного, богатырскаго, пу-
 гаются и падаютъ замертво въ виду предстоящаго бѣга ¹⁾).

Та-же Кипрская пѣсня у Сакедларія (II, № 2) представляетъ
 еще и другую интересную параллель къ нашимъ былинамъ: какъ
 тамъ конь заказываетъ положить на себя 12 сѣделъ, 10 попонъ
 и 18 подпругъ, такъ поется напр. и о Дюкѣ Степановичѣ:

Сталь сѣдять-уздать добра коня,
 Накладывать потнички на потнички,
 Накладывать войлочки на войлочки,
 На верѣхъ накладывать сѣделшшко Черкасское,
 И задегивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
 Натягивалъ онъ тринадцату,
 Не для ради краси-басы,
 А для ради укрьны богатырска

(Рыбн. I, № 47, vv. 37—44); либо для того,

¹⁾ Въ еще болѣе гиперболическихъ чертахъ представляется быстрота
 коней въ тюркскихъ и татарскихъ пѣсняхъ. См. въ собраніи Radloff'a, I. с. II,
 пѣсни объ Altyn-Mergän (стр. 278 слѣд.) и Sugdjul Mergän (стр. 307 слѣд.);
 въ Schifner, Heldensagen der Minussinischen Tataren — пѣсни о Kap Mirgän
 и Küreldi Mirgän (стр. 235 слѣд.), объ Alten Toktai и Alten Areg (стр. 313 слѣд.).
 См. еще Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's, стр. 180—181 и Zeitschr.
 für deutsche Mythologie, II, p. 262 слѣд. — Въ мордовской сказкѣ о «красавцѣ
 Дамашѣ» такъ описаны кони царя Грома: «Изъ глазъ его коней огни блещутъ,
 изъ ноздрей дымъ валить, уши прядутъ веретенами, ноги играютъ пестами,
 хвостъ вѣетъ начевками; когда они бѣгутъ, земля дрожьма дрожить, небо
 звеня звенить; изъ подъ ногу ихъ огни, высѣкаясь, молніей блещутъ. Когда
 они скачутъ, медвѣди и волки, испугавшись, по глѣсу прячутся, змѣи на своемъ
 пути, ошалѣвши, въ оцѣпененіе приходятъ, ястреба въ поднебесьи за облака
 прячутся». См. Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Сказки
 и загадки, стр. 129; сл. стр. 167 (конь «легче земли»).

Чтобы добрый конь съ-подъ седла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не вырутятъ

(ib. № 49, vv. 69—70; сл. *ibid.* № 24, v. 12—19: Добрыня; Кир. I, стр. 59, № 1, v. 59—63: объ Ильѣ Муромцѣ; Гильф. № 8, стр. 75: Чурила; № 189, стр. 919: то-же; и *passim*).

Русскія сказки рассказываютъ о неприглядномъ, «шелудивомъ» жеребенкѣ, котораго юный витязь кормить сорочинскимъ пшеномъ, бѣлояровой пшеницей, поятъ сытой медвяной, валяетъ въ травѣ по утренней росѣ, — послѣ чего тотъ становится ровней богатырю, настоящимъ богатырскимъ конемъ. Такимъ чудеснымъ жеребенкомъ представляется мнѣ бурушка Ивана Гостинаго сына, котормъ онъ хвалится на пиру у Владиміра; въ описаніи его есть, несомнѣнно, такая-же доля шаржа, какъ и въ малорусской колядкѣ: о молодцѣ, хвастающемъ своимъ конемъ передъ королемъ:

Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каурушка,
Трѣхъ годковъ жеребѹшечка:
Маленькій, космáтенькій,
Глазочки какъ яблочки,
Копѣтечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженькѡвъ,
Хвостикъ его семѣдесятъ

(Кир. III, № 1, стр. 2, vv. 24—31; сл. Разысканія VI, стр. 281—2). На этомъ-то бурушкѣ Иванъ готовится бѣжать въ запуски съ жеребцами князя Владиміра; и вотъ онъ идетъ въ конюшню, кланяется своему коню «во правое копытечко», проситъ его сослужить ему службу. Тотъ отвѣчаетъ:

Ахъ ты Ваюшко, Гостиний сынъ!
Сослужу я тебѣ слѹжебку,
Не царскую, не государскую,
А свою собственную:
Накорми-жь ты меня пшеной áровомъ,
Ты наной меня бѣлой ключевой водой,
Выведи меня во чистѡе поле,

Пусти меня на травы зелѣныя,
 Накорми меня травой шелковою,
 Самъ покатайся и меня покатай.

(Кир. ib. стр. 2—3, vv. 45—54; сл. *ibid.* № 3, стр. 6, vv. 91—3).
 И онъ становится «добрымъ конемъ», какъ бурый, косматенькій,
 «неумудрый» жеребчикъ Ильи Муромца (Рыбн. I, № 8, v. 89 слѣд.).
 Такъ шелудивый Шарацъ Марка Кралевича крѣпнеть, будучи
 напоенъ виномъ, скачетъ на три копыща вверхъ, на четыре въ
 длину и т. д. ¹⁾).

Рядомъ съ представленіемъ чудеснаго жеребенка, подъ стать
 юному богатырю, извѣстно въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ
 еще и другое: старый дѣдовскій, отцовскій конь, когда-то слу-
 жившій древнимъ богатырямъ, стоитъ заброшенный и забытый,
 потому-ли, что его считаютъ негоднымъ, или богатырей болѣе
 нѣтъ; но стоитъ явиться юному витязю, и старый конь тотчасъ же
 распознаетъ его, соберется съ силами, выдержитъ стоя, какъ
 вкопанный, ударъ богатырской руки по хребту, отъ чего при-
 сѣдають другіе кони ²⁾), и вновь готовъ на боевые подвиги.

Владимиръ велитъ Добрынѣ и Ильѣ «ѣхать въ путь бога-
 тырскую»,

Выпрямляи дани выходи за двѣнадцать лѣтъ,
 Во тми Индѣи во богатни.

Добрыня жалуется матери, что у него нѣтъ «добра коня».

Отвѣчае добра да ему матушка:
 «Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 182—183, 260—61, 598 собралъ
 нѣсколько указаній для характеристики богатырскаго жеребенка въ народной
 поэзій. О Шарацѣ см. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. V, стр. 446. Разсказъ
 о томъ, какъ Марко Кралевичъ добылъ своего коня, помѣщенъ въ Ма-
 тичѣ III, 858—9; пѣсня о томъ-же въ Даничѣ 1861 г., стр. 59.

²⁾ См. сказку объ Ильѣ Муромцѣ у Кирѣевскаго I. с. I, стр. II Приложе-
 нія. Такимъ-же точно образомъ пытаются крѣпость своихъ коней Рустамъ
 и Зохрабъ въ Шахнамѣ, Русланъ въ русской сказкѣ, Ag-Ai въ одной пѣснѣ
 минусинскихъ татаръ (Schiefner, I. с. стр. 88—4), Вольфедитрихъ (Holtzmann,
 Der grosse Wolfdietrich, строфа 1464) и друг.

Поди на конюшню стоялю,
 А на другу поди ты на конюю,
 Выбирай добра коня учёнаго.
 Буде тутъ тебѣ не прилюбится,
 Опускайся въ погрѣбы глубокіа,
 Стоитъ добрый конь богатырскіа
 На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
 На двѣнадцати тонкіихъ поводахъ,
 На тыхъ-ли на поводахъ шелковныхъ,
 А не нашего шолку — Шемахинскаго.

Не слюбилсь Добрыня кони на конюшнѣ, опускался онъ въ погрѣба глубокіа,

Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 «Ужъ ты добрый конь богатырскій!
 Служилъ конь п батюшку,
 Служилъ добрый конь дѣдушку,
 Послужилъ-тко Добрыня Микитичу
 Во тнѣ путіа богатырскіа

(Гильф. № 206, стр. 966—7. Сл. Рыбн. I, № 24, в. 134: Обседлалъ онъ — Добрыня — дѣдушкова добра коня). — Въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ точно также говоритъ старикъ Данило молодому сыну, отправлявшемуся въ поле «пересчитывать-то видь силы невѣрные»:

А поѣдешь ты, Михайло, во чистѣ полѣ,
 Выѣдешь ты на шеломя на окатисто,
 А по Русскому — на гору да на высокую,
 Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
 Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
 «Ай, которой же служилъ ты мойму батюшкѣ,
 Послужилъ-тко ты топерь сыну Михайлушкѣ!»
 Прибѣжить тутъ конь да видь косматые,
 Стоитъ онъ на горѣ да на высокіа.

(Кир. III, № 2, стр. 46—47, vv. 126—134; сл. моя Южно-русскіа былины I, стр. 16).

И богатырский конь служит своему хозяину дѣломъ и совѣтомъ: оповѣщаетъ Добрыню о томъ, что его жена готовится выйти замужъ (Кир. II, № 4, стр. 6, в. 65 слѣд.), предупреждаетъ Михайлу и Илью, что имъ не перескочить третьяго погребца (ib. III, № 2, стр. 48, в. 160 слѣд.; IV, № 6, стр. 44—5, в. 210 слѣд.), какъ кони Момчилы и Марка обѣщаютъ вынести ихъ изъ вражьей орды (Миладиновы № 105, Чолаковъ № 31, стр. 286 слѣд.); богатырь проситъ коня помочь ему въ бѣдѣ: Добрыня и Иванъ Гостинный сынъ надаютъ ему въ правую ногу, въ копытчко, Илья (Рыбн. I, № 12, в. 116 слѣд.) молитъ своего бурушку косматенькаго послужить ему, чтобы поганый не побилъ его въ чистомъ полѣ, не срубилъ-бы буйной головушки и т. п. Сроднившись съ богатыремъ, конь раздѣляетъ его горе и радость, пріязнь и вражду: Шарацъ королевича Марка самъ участвуетъ въ его битвѣ, кусая вражьего коня ¹⁾; Дюкъ Степановичъ наѣхалъ въ полѣ на шатерь, у полости съ пшеницей бѣлоровой поставлена лошадь богатырская; Дюкъ не рѣшается войти въ шатерь, какъ-бы не убилъ его спящій въ немъ богатырь, и онъ ставитъ своего коня къ чужому, у одной полости:

Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлорову,
 Пойду въ шатерь — не тронетъ богатырь,
 А если кони дратьюа станутъ,
 Пойду на уѣздъ — могу-ль уѣхати?

Коня стоятъ смирно, спящимъ богатыремъ оказывается Илья (Рыбн. I, № 47, в. 132 слѣд.; II, № 30, в. 125 слѣд.). Братство (названное) русскихъ богатырей перенесено и на ихъ коней: конь Дюка говоритъ хозяину, чтобъ онъ не боялся за него, пусть бѣется «въ великъ закладъ»,

Не уступлю я братьямъ большиниъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
 А середній братъ у Добрыни Микитинца,

¹⁾ Jagič l. c., стр. 446.

А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужъ братъ у Чурилы Оленкова

(Рыбн. I, № 48, vv. 334—339); сл. Рыбн. III, № 34, vv. 71—3:
конь Ивана Гостинаго сына провѣщился своему хозяину:

Я твою буйву голову повыкнулю,
Князя Владиміра къ стыду приведу,
А большаго брата носоромлю

(т. е. Владимірова коня. Сл. Гильф. № 135, р. 699). — Въ гѣснѣ съ Олимпа ¹⁾ кони Константина, Алексѣя и Влахопула привязаны рядомъ въ то время, какъ ихъ хозяева пируютъ вмѣстѣ.

Эпическій образъ коня въ поэмѣ объ Армури далъ намъ поводъ къ сближеніямъ, заведшимъ насъ далеко въ область русскаго былиннаго стила. Я сдѣлалъ это не безъ умысла, если, можетъ быть, и не достигъ его цѣли: разъяснить *ближайшее* сходство народно-поэтическихъ образовъ греческихъ и русскихъ былинъ, въ чертѣ того общаго сходства, которое достаточно объясняется единствомъ эпическаго развитія. Болѣе прочные выводы въ указанномъ направленіи находятся въ полной зависимости отъ повторенія и разширенія сравненій, напр. на германороманскую область. Ограничусь пока общей характеристикой роли, какую играетъ конь въ средневѣковомъ французскомъ эпосѣ, напр. въ *chansons de geste* объ Ogier, въ *Aliscans*, *Garin*, *Guillaume d'Orange*, *Fierabras*, *Renaut de Montauban* и др. Характеристика эта была сдѣлана Тоблеромъ ²⁾:

«Если вообще можно сказать, что средніе вѣка относились къ животному міру любовнѣе, чѣмъ мы, усматривая въ немъ нѣчто отличное отъ человѣческаго не столько по существу, сколько по степени (доказательство тому въ баснѣ и легендѣ, въ естественно-историческихъ представленіяхъ среднихъ вѣковъ,

¹⁾ Τραγῶδία τοῦ Ὀλύμπου, № 54, стр. 172.

²⁾ Tobler, Ueber das Volksthümliche Epos der Franzosen, Zeitschr. f. Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft, IV, стр. 208—204.

въ ихъ правѣ и художественной символикѣ), то едва-ли какое нибудь другое животное пользовалось такимъ почетомъ, какъ конь, взысканный природою, особливо дорогой каждому рыцарю за услуги, имъ оказываемыя. Конь — лучшее достояніе, вѣрный товарищъ витязя; онъ дѣятельно помогаетъ ему въ битвѣ, мчитъ его, куда онъ ни потребуетъ, безбоязненно бросающъ въ опасность, схватываясь съ его врагами и ихъ конями; слушается словъ хозяина, и когда иной разъ рыцарю случится, послѣ долгаго бѣга или битвы, подбодрить его ласковою рѣчью, обѣщаніемъ овса въ изобиліи и соломы на подстилку, онъ снова собирается съ силами и совершаетъ невѣроятныя вещи. Бодрствуя, онъ нерѣдко спасаетъ безопасно уснушаго господина; его кровь питаетъ голодающаго. И хозяинъ знаетъ, чѣмъ онъ одолженъ коню, онъ обращается къ нему всегда дружественно и признательно и не рѣшается даже въ бою умертвить лошадь противника».

Интересно встрѣтить въ романскомъ эпосѣ, прошедшемъ черезъ руки литературныхъ пересказчиковъ, отраженіе того двойкаго представленія о богатырскомъ конѣ — конѣ-жеребенкѣ и дѣдовскомъ, старомъ, которое мы нашли въ русскихъ былинахъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Конь Роланда зовется *veil-lantif* (*Chanson de Roland*, v. 1153), можетъ быть, *viel-antif* (*antif* = *antiquus*) = старо-древній; съ другой стороны *Babieca* поэмы о Сиде толкуется какъ: глупый, неразумный, и уже проф. Буслаевъ сближалъ это представленіе — съ шелудивымъ, «немудрымъ» жеребчикомъ нашихъ былинъ и сказокъ¹⁾.

III.

Стилистическій разборъ былинъ объ Армури влечетъ за собою другой: разборъ ея содержанія и плана. Мыслимо-ли и въ обычаяхъ-ли народной поэзіи такая развязка пѣсни, какую пред-

¹⁾ Сл. *Damas-Hinard*, *Poème du Cid*, *Vocabulaire*, а. v. *Babieca*; *Diez*, *Etymol. Wb.* а. v. *bava*; Буслаевъ, въ Приложеніи къ *Зап. Ак. Наукъ*, т. V, стр. 36.

ставляетъ петербургскій текстъ? Я выше высказалъ на этотъ счетъ сомнѣніе: развязка, очевидно, усѣчена. Представимъ себѣ еще разъ весь ходъ былины. Отецъ Армури въ плѣну у Саракинъ; его сынъ, богатырь съ юныхъ лѣтъ, котораго отецъ оставилъ дома еще мальчикомъ (либо онъ родился въ отсутствіи отца), идетъ его отыскивать и съ перваго разу побиваетъ вражье войско. Еще не зная о томъ ничего, эмиръ говоритъ старику Армури, сѣдующему о сынѣ, что онъ велитъ привести его съ связанными назадъ руками. Послѣ этого понятенъ страхъ старика, какъ бы сынъ не попался въ плѣнъ, и его грамотка къ юному витязю: пусть милуетъ Саракинъ, иначе и ему помилованія не будетъ. Но сынъ не думаетъ слушаться, и вотъ эмиръ рѣшается освободить плѣнника и послать его на родину, чтобы склонить сына къ миру обѣщаніемъ почетнаго брака.

Если-бы сюжетомъ былины было: освобожденіе изъ плѣна стараго Армури, мы нашли-бы такую развязку естественной. Но герой пѣсни, очевидно, не старикъ, а сынъ, и неестественнымъ представляется, что пѣсня такъ неразсчетливо удалила со сцены главное дѣйствующее лицо, не давъ ему «досказаться». Мы ожидаемъ его встрѣчи съ отцемъ — мирной или бранной? Послѣдняя принадлежитъ къ положеніямъ, излюбленнымъ въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, въ русскомъ. На широкое распространеніе этого мотива указывали Édélestand Du Méril, Anthes, R. Köhler, O. Миллеръ и друг.; къ собраннѣмъ ими параллелямъ легко было-бы присоединить и новыя ¹⁾. Изъ русскихъ извѣстны бы-

¹⁾ Éd. Du Méril, *Hist. de la poésie scandinave*, стр. 417—440; Carl Anthes, *Das Deutsche Hildebrandslied und die iranische Sohrabsage*, Weimar. Jahrbuch, IV B., I-es Heft (1856), ib. IV B., II-es Heft: замѣтки R. Köhler'a; O. Миллеръ въ *Herrig's Archiv für das Studium d. neueren Sprachen*, XXXIII, 257; его-же: *Илья Муромецъ*, 1-я глава; R. Köhler въ *Revue critique* 1868 г., II, стр. 418—414 (сл. тамъ-же, стр. 414: примѣчаніе G. Paris'a) и въ *Richard li biaus*, ed. Förster'a, р. XXIII. — Сл. Kölbing, *Beiträge*, стр. 197; Floovant, ed. Michelant et Guesard, *Sommaire*, стр. XXXIV; Liebrecht, *Zur Volkskunde*, стр. 406—7; Romania, № XXIX, стр. 60 (G. Paris); Jagič, I. c., стр. 444: бой Марка Краевича съ племянникомъ.

лины о боѣ Илья съ Сокольниковъ; эпизодъ пѣсни о Данилѣ Игнатьевичѣ, готовящемся сразиться съ сыномъ, котораго призналъ за татарина (Кир. III, № 2, стр. 49—50, в. 210 слѣд.); наконецъ такой-же эпизодъ въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, представляющей во всемъ своемъ развитіи такія черты сходства съ поэмой объ Армури, что подробное изложеніе ея кажется намъ необходимымъ.

До насъ дошли двѣ былины о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ (Ванидовичѣ) съ сыномъ, у Кир. III, стр. 113—116=№ I и стр. 116—124=№ II. Далѣе мы дѣлаемъ ссылки на №№ I—II.

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопилъ онъ силушки въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латвиское,
Подъ другое царство Литвиское,
Подъ третіе царство Сорочинское

(№ I; въ № II Саулъ Леванидовичъ ѣдетъ «за море синее, въ дальну орду, въ Половецку землю»)

Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилася на бѣль-горючъ камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
«Далеко-ли идетъ мой князь
Сауръ сынъ Ванидовичъ?»
Изъ того-ли пѣзъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалася она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася, —
Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярмыки скорописные,

Посылаеть за самимъ княземъ,
 Чтобы князь Сауръ сынъ Ванюдовичъ
 Воротился домой:
 «Молодая княгиня беременна.
 Догоняеть его скорый посолъ,
 Владееть пакеты на бѣлы руки.
 Пакеты тѣ онъ прочитываетъ:
 «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ,
 Да не въ другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
 Тенерь не ворочусь я домой!
 Боли дочь родить — пой-корми пятнадцать лѣтъ,
 А на шестнадцатомъ за-мужъ отдай;
 А сына родить — такъ легѣй его до восьми годовъ,
 А на девятомъ году прислай его ко мнѣ на помощь» (№ I).

Въ № II нѣтъ эпизода о змѣѣ: княгиня сама говоритъ отъѣз-
 жающему мужу, что она «черевоста», и слышитъ отъ него тѣ-же
 наказы относительно будущихъ — сына или дочери. За то
 дѣтство и недѣтскія «шуточки» и первый выѣздъ юнаго богатыря
 рассказаны здѣсь подробнѣе, онъ и мать его, анонимные въ № I,
 названы: Константинушкой Сауловичемъ и Еленой Азвяковной
 или Александровной. — Ребенокъ родится вскорѣ по отъѣздѣ
 мужа:

А и царское дитя не по годамъ ростеть,
 А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
 А которой ребенокъ двадцати годовъ,
 Онъ, Константинушка, семи годковъ.
 Присадила его матушка грамотѣ учиться:
 Скоро ему грамота далася и писать научился.
 Будеть онъ Константинушка десяти годовъ,
 Сталь-то по улицамъ похаживати,
 Сталь съ ребятами шутку шутить,
 Съ усатыми, съ боролатыми,
 А которые ребята двадцати годовъ,
 И которые во полу-тридцати, —
 А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
 А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
 И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,

Еще-ли дѣти купецкіе. —
 Онъ шутку шутить не по ребячью,
 А творки творилъ не по маленькимъ:
 Котораго возьметъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выломить,
 И котораго задѣнетъ за ногу,
 По . . . . ногу оторветъ врозь;
 И котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричитъ-реветъ, окорачъ ползетъ,
 Безъ головы домой придетъ.
 Князи-боира дивуются,
 И всѣ кушцы богатые:
 «А что это у насъ за уродъ растетъ,
 Что это у насъ за выблдохецъ?»
 Доносили они жалобу великую
 Какъ-бы той царицѣ Азьяковнѣ,
 Молодой Еленѣ Александровнѣ.
 Втапорм скоро завела его матушка во теремы свои,
 Того-ли млада Константинушку Сауловича,
 Стала его журить-бранить,
 А журить-бранить, на умъ учить, смиренно жить.
 А млада Константинъ сынъ Сауловичъ
 Только у матушки выспросилъ:
 «Гой еси, матушка,
 Молода Елена Александровна!
 Есть-ли у меня на роду батюшка?» (Ж II)

Мать рассказываетъ ему объ отцѣ и объ его наказѣ.

Много царевичъ не спрашиваетъ,
 Выходилъ на крылечко на красное:
 «Конюхи, присѣвшики!
 Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
 Подъ то сѣделечко Черкесское,
 А въ задней слукѣ и въ передней слукѣ
 По тирону по каменю,
 По дорогу по самоцвѣтному,
 А не для ради меня молодца,
 Басы для-ради, богатырскія вѣрности,
 Для-ради пути для дороженьки,

Для-ради темной ночи осенней,
 Чтобм видѣть при пути-дороженьки
 Темна ночь до бѣла свѣта.
 А и только вѣдъ матушка видѣла:
 Ставалъ во стремя вальшатое,
 Садился въ сѣделечко Черкесское;
 Только онъ въ ворота въѣхалъ,
 Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
 А и только съ собою ружье везетъ,
 А везетъ онъ палицу тяжкую,
 А и мѣду литу въ триста пудъ (№ II).

Розстань на дорогѣ, встрѣченная юнымъ богатыремъ, — типическая подробность былиннаго эпоса, и здѣсь не у мѣста: Константинъ выбираетъ среднюю дорогу, которая сулитъ богатырю «смерть напрасную» — а онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ татарами, которые въ № II замѣнили Сарацинъ № I. Подѣхавъ къ рѣкѣ Смородинѣ въ то время, какъ черезъ нея перевозился съ своимъ войскомъ «Кунгуръ царь Самородовичъ» (сл. Смородина — Самородовичъ и у Гильфердинга № 304: Калинь Смарадоновичъ), онъ принимается «Татаровъ съ краю бить», бьется два дня, счастливо избѣгаетъ вражью западню (ч. 178: усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы), изъ Татаръ кого перебилъ, кого домой отпустилъ, а самого Кунгура въ крохи разбилъ.

Такъ въ № II. Иначе описываются бранные подвиги молодого богатыря въ № I: какъ подошелъ онъ къ царству Сорочинскому,

Увидали старики Сорочинскіе,
 Они дѣлали сходки все великія:
 «Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
 Просютъ поединщика».
 Возговорили старики Сорочинскіе:
 «Есть у насъ, братцы, колоневочекъ, затюремщичекъ,
 Пошлемъ мы его напротивъ силы поединщикомъ».
 Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
 «Ты гой еси, колоненьщичекъ,
 Ты гой еси, затюремщичекъ!
 Сослужи ты намъ службу великую,

Напротивъ силъ поединщикамъ».

Возговорилъ есь князь Сауръ сынъ Ванидовичъ:

«Ой ты гой еси, старики Сорочинскіе,

Давайте мнѣ коня добраго

И зброю богатырскую».

Сѣлъ на добра коня

И полетѣлъ напротивъ силъ во чисто поле

Стѣхались, поздоровались

И поцѣловались, врозь разѣзжались,

И бились день до вечера,

И никто никого не одолѣваетъ.

И взорѣлъ князь Сауръ

Сынъ Ванидовичъ на небо:

«Помоги ты мнѣ, Господи,

Молодаго воина изъ сѣдла выладить!»

И выладилъ изъ сѣдла

И палъ ему на бѣлу грудь

И сталъ его спрашивать:

«Охъ ты гой еси, молодой воинъ!

Какого ты роду-племени?»

— Не моя въ погѣ Божья помощь!

Не сталъ-бы я много спрашивать,

Срубилъ бы съ тебя буйну голову

По самыя могучія плечи!

Выгъ у меня батюшка,

Князь Сауръ сынъ Ванидовичъ,

Пошелъ воевать подъ три царства,

Тамъ и пропалъ. —

Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ заплакалъ,

И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:

«Ой ты гой еси, добрый молодецъ,

Видъ я твой родной батюшка!»

Тутъ онъ написалъ письмо

И послалъ гонца къ своей матушкѣ:

— Гой ты еси, моя родная матушка,

Выручилъ я роднаго батюшку». (№ I).

№ II представляетъ, начиная съ эпизода о битвѣ съ татарами-Сарацинами, несомнѣнное искаженіе № I, который, съ своей стороны, могъ утратить кое-какія древнія черты, возстановимыя

изъ втораго варьянта. Такъ битва Константина съ войскомъ царя Кунгура сохранилась лишь во второмъ, поединокъ съ отцемъ — только въ первомъ, а во второмъ лишь въ крайне искаженномъ видѣ, за которымъ, впрочемъ, легко возстановить черты подлинника. Послѣдовательность здѣсь такая: Константинъ перебилъ Татаръ вмѣстѣ съ ихъ царемъ Кунгуромъ; затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ городу Угличу, вызывая поединщика; Углицкіе мужики заманиваютъ его хитростью и сажаютъ въ погреба глубокіе; между тѣмъ Саулъ Леванидовичъ, который въ этой версіи и не является плѣнникомъ, вернулся домой (во второй половинѣ быльни его царство зовется: Алыберскимъ), узнаетъ, что въ его отсутствіи жена родила сына, который отправился въ поиски за нимъ; онъ тотчасъ-же ѣдетъ къ Угличу, проситъ

Чтобы выдали такого удача добра молодца,
Который сидитъ въ погребахъ глубокихъ.

«Мужики Углича» вначалѣ отнѣкиваются, а затѣмъ старики сошлись,

Выводили тутъ удача добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали гербуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣду литу въ триста пудъ,
И его платище царское, цвѣтное.

Сынъ и отецъ признаютъ другъ друга; боя нѣтъ вовсе.

Въ редакціи этого эпизода, какъ онъ представляется въ № II, отецъ и сынъ отчасти помѣнялись мѣстомъ, Углича вошли въ роль Татаръ-Сарацинъ. Послѣдовательность могла быть, первоначально, такая: царь Саулъ попадаетъ въ плѣнъ, куда его увлекаютъ хитростью (какъ въ № II Углича его сына Константина); является Константинъ, вызываетъ поединщика; противъ него

выпускаютъ его отца-плѣнника. Былина могла кончатся — боемъ и признаемъ.

Основаніемъ этого гипотетическаго возстановленія служить, съ одной стороны, нашъ № I, съ другой — поэма объ Армури, на всемъ своемъ протяженіи, за исключеніемъ конца, который по моему мнѣнію, восполняется въ свою очередь при помощи нашихъ былинъ. Для тѣхъ и другихъ планъ можетъ быть принять общій:

1. Отецъ въ отлучкѣ, въ плѣну.

2. Сынъ, родившійся въ его отсутствіи, съизмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско.

3. Противъ него высылаютъ плѣнника-отца. Поединокъ и спознаніе.

Отецъ носить въ былинахъ имя Саула = Саура, жена въ № II: Елены Азвяковны или Александровны; сынъ, тамже, имя Константина. Все это указываетъ на византійское пѣсенное или историческое преданіе, отразившееся въ нашемъ эпосѣ рядомъ эпимовъ: Константинъ Боголюбовичъ и его жена Елена Александровна царятъ въ Константинополѣ по былинамъ объ Ильѣ¹⁾; Константинъ и Саулъ (= Самуилъ) извѣстны изъ духовныхъ стиховъ о Теодорѣ Тиронѣ и восходятъ, несомнѣнно, къ новогреческому оригиналу²⁾; отечество Леванидовичъ взято, вѣроятно, отъ Левона, Леона = Льва, Левуя, Алевуя, Кир-Лея повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и константинопольской топографіи епископа Антонія³⁾. Съ этими именами, очевидно, не гармонируютъ Татары № II, и слѣдуетъ отдать предпочтеніе № I, гдѣ

¹⁾ Сл. Кир. IV, стр. 22 слѣд.; Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ въ Пам. стар. Русск. литер. II (по ркп. XVIII в.); то же въ изданіи Е. Барсова (по ркп. XVII в.); Гильфердингъ № 48, 196, 292.

²⁾ См. мои Разысканія I, стр. 12—18; II, стр. 159.

³⁾ См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (Славянскій сборникъ т. II), стр. 192—193; 157 слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 10—12.

враги названы Сарацинами, какъ съ Сарацинами-же бьется и Армури.

Я не далекъ отъ предположенія, что за былинной о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей битвы юнаго храбреца съ малоазиатскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кievскаго и владимировскаго центровъ, къ которымъ притянуло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и Сарацинъ, которыхъ № II уже переименовалъ Татарами. Это — такой-же признакъ начинавшагося приуроченія, какъ и имя татарскаго царя Кунгура, вѣроятно, такое-же эпонимическое, какъ Курганъ, Кумбалъ быльи о Суздальцѣ.

Предположеніе, что византійскія былины могли проникнуть на югъ Россіи и занять мѣсто въ ея эпическомъ циклѣ, не имѣетъ, само по себѣ, ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ припомнить греческую колонизацію нашего Крыма, роль Сурожа въ судьбахъ древней Россіи, международное пѣсенное общеніе, сплавившее средневѣковую Европу тѣснѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Декалина (945 г.) пѣлись, по свидѣтельству Лиутпранда, не только въ Европѣ, но въ Африкѣ и Азій; въ этомъ такая-же доля риторическаго преувеличенія, какъ и у автора Слова о Полку Игоревѣ, заставляющаго Нѣмцевъ и Венеціанъ, Грековъ и Моравянъ вторить пѣснямъ о славныхъ подвигахъ кievскихъ князей. Но за шаржемъ скрывается и доля дѣйствительности: отрывки византійскихъ новеллъ заходили уже въ X вѣкѣ къ нѣмецкимъ шпильманамъ; византійскіе отголоски легко встрѣтить въ поэмахъ о Ротерѣ, о Нуг- и Wolfdietrich'ахъ. Русскіе перепѣвы византійскихъ пѣсень принадлежатъ тому-же теченію, и ихъ необходимо принять въ расчетъ, изслѣдуя судьбы византійскаго вліянія на литературы запада.

IV.

Былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Ираклѣи.

I.

Пѣсни о бѣгѣ въ запуски богатырскихъ коней популярны въ румынской, русской и новогреческой народной поэзіи, какъ были когда-то въ старофранцузскихъ поэмахъ. Изъ области послѣднихъ упомяну лишь о знаменитой скачкѣ въ Renaud de Montauban; о соответствующихъ эпизодахъ въ Egacles и Voyage de Charlemagne будетъ рѣчь далѣе. Въ новогреческой пѣснѣ (Passow, Carmina popularia, № DXV) Константинъ бьется съ царемъ объ закладъ о свою голову, что его конь перебѣжитъ царскихъ коней, и остается побѣдителемъ въ состязаніи:

‘Ο Κωνσταντῆς κ’ ὁ βασιλεὺς ἀντάμα τῶν καὶ πίνουν,
Κ’ ἀθηβολὴν εὐρήκανε ποιὸς ἔχει κάλλιο μαῦρο.
‘Ο βασιλεὺς βάνει φλωριά, τί ἔχει πολὺ λογάρι,
Κ’ ὁ Κωσταντῆς εἶναι φτωχὸς καὶ βάνει τὸ κεφάλι.
‘Ως τ’ ἄκουσε κ’ ἡ λυγερὴ τοῦ Κωσταντῆ ἡ γυναῖκα,
Στὸ σταῦλον ἐκπέβηκε, βρῶμι στὸ σφραῖστο βάνει·
‘Ἄν ἀπεράσης μαῦρέ μου τοῦ βασιλεὺς τὸ μαῦρο,
Θὰ νὰ σοῦ σκάσω τὴν ταγὴν σαρανταπέντε φουκτες·
Τούταις ταῖς ζάβαις ποῦ φορῶ, πέταλα θὰ σταῖς κάμω
Καὶ τὰ σκολαριχάκια μου καρφιὰ τῶν πεταλιῶν σου».

Σαράντα μίλια τρέξανε και τὰ σαράντ' ἀντάμα
 Και στὰ σαράντα τέσσερα πρὸς τὰ σαράντα πέντε.
 Στέκει και διαλογίζεται τὰ λόγια τῆς κυρᾶς του.
 Σὰν ἀστραπὴ τοῦρτ' ἀπ' ὀμπρὸς και σὰ βροντ' ἀπὸ πίσω,
 Τὸν ἀφηκ' ἀπὸ πίσω του δέκα μιλίωνε τόπο·
 «Στέκα κ' ἐγῶμαι βασιλιάς, μὴ μὲ παραντροπιάζης,
 Τὸ στοίχημα ποῦ βάλλαμε, διπλὸ νὰ σοῦ τό δώσω».

Таково, въ сущности, содержание нѣкоторыхъ малорусскихъ колядокъ и нашихъ былинь объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ и здѣсь таже похвальба молодца передъ королемъ, княземъ, и тѣ-же результаты бѣга. Въ русскомъ эпосѣ извѣстны пѣсни еще и о другомъ ристаніи — Дюка Степановича въ запуски съ Чурилой. Сюжетъ, очевидно, принадлежалъ къ числу излюбленныхъ; этимъ обстоятельствомъ я склоненъ объяснить, почему изъ цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ сохранились главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя воспѣваютъ именно его состязаніе на коняхъ. Что такой циклъ дѣйствительно существовалъ и еще возстановимъ по отрывкамъ и намекамъ — это я намѣренъ доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ въ настоящей главѣ. Начну съ пѣсни о «бѣгѣ».

Вызовъ къ нему исходитъ отъ князя: во полу-пирѣ

Владиміръ князь распотѣшился,
 По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:
 «Гой еси, князи и бояра,
 И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
 Есть-ли во Кіевѣ таковъ челоувѣкъ,
 Кто-бъ похвалился на триста жеребцовъ,
 На триста жеребцовъ и на три жеребцы похваленные, —
 Сивъ жеребець, да вологривъ жеребець,
 И который положенъ воронѣ въ Большой орлѣ,
 Положилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
 Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
 Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ,
 Промежъ обѣдней и заутренею?»

Какъ бы меньшей за большаго хоронится,
 Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
 Изъ того стола княжецекаго,
 Изъ той скамьи богатырскія,
 Выстунается Иванъ Гостиной омиъ,
 И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
 Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь,
 Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
 А п бытъ передъ княземъ невольникомъ».

Онъ принимаетъ его вызовъ: скакать отъ Кіева до Чернигова

Два девяноста-то мѣрныхъ версть,
 Промежу обѣди п заутрени,
 Ускоки давать конинне,
 Что выметывать раздолья широкія.
 «А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 О своей буйной головѣ». —
 За князя Владиміра держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи п бояра, тутю, де, гости корабельщичи,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
 А никто, де, тутъ за Ивана поруки не держитъ.
 Пригодился тутъ владыка Черниговской,
 А п онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ они поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
 Подписалися.

(Кир. III № 3, стр. 4—5, vv. 10 слѣд.; сл. Гильф. № 133;
 въ № 307, замѣнившемъ Ивана Гостиного сына — Иваномъ
 Годиновичемъ, Владиміръ хвалятся тремя добрыми конями).
 Иначе у Рыби. III № 34 (и у Гильф. № 135): здѣсь поводомъ
 бѣга не вызовъ князя, а похвальба богатыря на пиру, гдѣ всѣ

Наѣдался,
 Всѣ на почестномъ напивался,
 Всѣ на пиру порасхвастался.
 Ктоть хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Ктоть хвастаетъ молодой женой,

Ктоль хвастаетъ золотой казной?
 Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
 А безумный хвастаетъ молодой женой,
 Богатый хвастаетъ золотой казной.
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
 И бѣлой лебеди не рушаетъ,
 И ни чѣмъ онъ, молодецъ, не хвастаетъ.
 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
 «Душка Иванъ Гостинный сынъ!
 Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 Бѣлыя лебеди не рушаешь,
 И ни чѣмъ ты, молодецъ, не хвастаешь?
 Хлѣбъ-ли соль тебѣ не по душѣ,
 Чарою-ль тебя пообошли,
 Алл пьяница надъ тобою надсмѣялася?»
 Гутъ душка Иванъ Гостинный сынъ
 Говоритъ ему не съ упадкою:
 Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
 Чарою меня не обошли,
 И пьяница надо мной не надсмѣялася.
 А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
 А столько я похвастаю:
 Есть-ли у васъ единъ молодецъ
 Ъхать-то на добрыхъ коняхъ
 Ко тому ко городу Чернигову,
 А перебѣгу ровно триста верстъ
 И тридцать три версты мѣрныхъ:
 И съѣздить намъ промежъ обѣдней и заутреней,
 Съѣздить намъ и ко обѣднѣ поспѣтъ?

Онъ бѣется о закладъ съ княземъ:

Ты заложн казны своей сорокъ тысячей,
 А я заложу свою буйну голову,

а Владиміръ говорить:

Во хлѣбъ дѣтна порасхвастался,
 Не на комъ тебѣ будетъ повиѣхати.

Дѣйствительно: у Ивана конь какъ будто не видный: косматый бурушко (Гильф. № 133), «трехъ годковъ жеребушечка» (Кир. III

№ 1, стр. 2, в. 26), «бурочко, косматочко, троелѣточко» (ib. № 3, стр. 6, в. 67). Я указалъ въ предыдущей главѣ, что это — сказочный, неприглядный и шелудивый жеребенокъ, становящійся въ рукахъ юнаго богатыря чудеснымъ конемъ. Иванъ обращается къ нему съ просьбой, припадаетъ къ правому копыту (Кир. III № 1, стр. 2, в. 42), въ ножку правую, во лѣвую во ноженку (Гильф. № 135, 133; Рыбн. III № 34, в. 59), говоритъ, что пробилъ свою буйную голову (Гильф. № 135), что «въ пьяномъ разумѣ поросквастался» (Гильф. № 133). И конь обѣщаетъ постоять за хозяина: велитъ кормить себя пшеницей яровою, либо пшеномъ сорочинскимъ, поить водою ключевою, либо сытой медвяной, пустить на травы зеленыя три дня по зарѣ (Кир. III № 1, стр. 3, в. 49 слѣд.; № 3, стр. 6, вв. 91 слѣд.). — До бѣга, въ сущности, дѣло не доходитъ: одно появленіе бурушки, его чудовищное ржаніе наводитъ на всѣхъ трепеть. Въ редакціи Кирши Данилова (Кир. III № 3, стр. 7—8, вв. 122 слѣд.; сл. Гильф. № 135, стр. 699) это рассказывается въ особенно яркихъ краскахъ:

Онь будетъ, де, Иванъ, середн двора княженецкаго,
 Сталъ его бурко передомъ ходять
 И копытами онъ за шубу посасывати,
 И по черному соболу выхватывати,
 Онъ на всѣ стороны подбрасывати:
 Князи и бояра дивуются,
 Купецкіе люди засмотрѣлися;
 Зряваеъ бурко по туриному,
 Онъ шинъ пустилъ по змѣнному, —
 Триста жеребцовъ испугался,
 Съ княженецкаго двора разбѣжались.

Испугались князя и бояре, Владиміръ

Кричитъ самъ въ окошечко косячатое:
 «Гой еси ты, Иванъ Гостинной сынъ!
 Уведи ты уроды со двора долой:
 Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя»

(сл. Гильф. № 133, стр. 696).

Встанори владна Черниговскій
 У великаго князя на ночестномъ пиру
 Великъ захватитъ три корабли на быстромъ Днѣпрѣ,
 Великъ похватитъ корабли
 Съ тѣми товары заморскими;
 — «А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдуть».

Иначе у Рыбн. III № 34, в. 141 слѣд.: заплативъ Ивану «великъ закладъ», Владимиръ проситъ его подарить ему «добра коня». Тотъ отвѣчаетъ:

Ты Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
 Мой конь купленъ въ Большой Орды,
 Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
 За коня было плочено пятьсотъ рублевъ.
 А съ проводными сталъ цѣлу тысящу.
 Развѣ Владимира конемъ подарить?

И онъ даритъ ему коня; но вскорѣ конюхи князя докладываютъ ему, что конь

Пшени не ѣсть и меда не пьетъ,
 Скричалъ онъ по звѣриному,
 И засвисталъ онъ по змѣиному
 И прибилъ онъ всѣхъ жеребчнковъ. —
 Владимиръ князь стольно-Кіевскій
 Сказалъ душики Ивану Гостинному:
 «Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
 Мнѣ не надобенъ; поѣзжай домой!»!

Эта развязка, несомнѣнно, собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣринный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былинны, гдѣ онъ впервые является на дворѣ князя; что онъ купленъ жеребенкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная: одинъ изъ коней, состязавшихся съ бурушкой, «полонень... во Большой Ордѣ» (Кир. III № 3, стр. 4, в. 19); у Гильф. № 307 бурушко

Ивана, купленный «селяточкомъ» за моремъ, затопталъ и залягалъ на смерть златогриваго и сивогриваго коней, а

Половеной воронкѣ Илья Муромча,
Половеныи воронкѣ едва высочилъ.

Черта древняя, засвидѣтельствованная особой былинной¹⁾. Хотѣлось, очевидно, знать, откуда взялся у Ивана его чудесный конь; отвѣтъ явился сборный, потому что подлинный былъ забытъ — съ утратой полного пѣсеннаго цикла объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

Кое-что могли запомнить русскія сказки. Они рассказываютъ намъ о царевичѣ Иванѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, какъ тотъ и другой раздобыли своихъ коней: они стояли въ подземельяхъ, погребахъ, гдѣ ихъ заперъ за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, какой-то древній богатырь; и они привѣтствуютъ громкимъ ржаніемъ пришествіе юнаго витязя, передъ которымъ склоняютъ колѣна²⁾. Интереснѣе для нашего вопроса третья сказка объ Иванѣ (Аванасьевъ, Нар. русск. Сказки II № 107): жилъ-былъ старикъ со старухой, старыепрестарые, а дѣтей у нихъ не было, хотя они постоянно молили Бога о ниспосланіи имъ наследника. И вотъ старикъ даетъ обѣтъ: коли родится у него сынъ, взять ему въ кумовья перваго встрѣчнаго. Старуха забеременѣла и родила сына; мужъ пошелъ искать кума, и такъ какъ первый, кто ему попался на встрѣчу, былъ царь, то его и позвали на крестины. Царскаго крестника назвали Иваномъ; десяти лѣтъ онъ уже былъ высокъ ростомъ

¹⁾ См. далѣе гл. X. Въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ (Кирша № XXI) богатырь освобождаетъ свою сестру-половянку отъ трехъ татаръ, сажаетъ еѣ на своего коня, самъ ѣдетъ верхомъ на татарскомъ, а двухъ коней ведетъ въ поводу. Владимиръ говорить ему:

У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого единаго жеребца!
Исполать тебѣ доброму молодцу.

²⁾ Кир. III, Приложенія, стр. XXVI—VII.

и силенъ, а крестный посылаетъ за нимъ, хочетъ его повидать. Путь былъ далекий, надо было раздобыть лошадь; вотъ отецъ и даетъ Ивану сто рублей, велитъ ему пойти въ городъ на конную и выбрать себѣ коня. По дорогѣ повстрѣчался съ Иваномъ старикъ и даетъ ему совѣтъ, отъ соблюденія котораго зависитъ его счастье: какъ придеши на конную, увидишь мужика съ тощей, паршивой клячей, еѣ и бери; сколько бы за нее не запросилъ хозяинъ, давай, не торгуйся; лошадь поведи домой, паси еѣ по утренней и вечерней росѣ въ теченіи двѣнадцати дней — тогда ты еѣ узнаешь. — Иванъ такъ и дѣлаетъ, привелъ лошадь домой; отецъ недоволенъ, жалуется что деньги потрачены даромъ; по прошествіи двѣнадцати дней, когда Иванъ исполнилъ все повелѣнное старцемъ, его лошадь преобразилось, стала сильной и красивой — и юный витязь отправляется на ней ко двору. — Дальнѣйшее развитіе сказки лежитъ, собственно говоря, внѣ вопроса насъ занимающаго: царь отличаетъ передъ другими своего крестника, вызывая тѣмъ зависть въ придворныхъ, которые клепятъ на Ивана, будто онъ похвастался, что увезетъ и возметъ себѣ въ жены царевну Анастасію прекрасную, чтó живетъ въ тридесятѣмъ царствѣ, въ тридесятѣмъ государствѣ, въ мраморномъ дворцѣ. Царь повѣрилъ этому навету и велитъ Ивану, подъ страхомъ смерти, исполнить подвигъ, о которомъ онъ никогда не помышлялъ и который удастся ему при помощи его чудеснаго коня (сл. начало сказки № 165 у Аванасьева III).

Я полагаю, что въ связи съ сообщенной сказкой стоитъ другая: объ Иванѣ — крестьянскомъ сынѣ, рожденномъ послѣ трехлѣтняго безплодія родителей, богатырскомъ сиднѣ, ощутившемъ въ себѣ силу послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ (Кир. III, Приложенія, стр. XXIII—XXIV). Оба сюжета являются соединенными въ одной былинѣ (побывальщинѣ) объ Ильѣ Муромцѣ (Рыбн. I № 8; сл. II № 2) и соотвѣтствующемъ чувашскомъ разказѣ (Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 251 слѣд.): Ильа — сидень; выпивъ «чарочку пѣтыца медвянаго» изъ рукъ каликъ

перехожихъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что «богатырско его тѣло разгорѣлося». Калики говорятъ ему, между прочимъ:

55 «Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покунай перваго жеребчика,
Станови его въ срубѣ на три мѣсяца,
Корми его пшеномъ бѣлоаровымъ,
А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
И въ три росы жеребчика выкачивай,
Подводи его къ тину ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тинъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону,
Поѣжай на немъ куда хочешь,
Будетъ носить тебя».

89 Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ ¹⁾).

Существовалъ ли въ былинной поэзіи подобный рассказъ о приобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ — этого мы пока не знаемъ; за то сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пѣлось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣльное.

Пѣсня у Кир. III № I, стр. 1—3 въ большей своей части посвящена извѣстному намъ бѣгу въ запуски; но пѣвецъ переходитъ къ нему не прямо: онъ начинается издалека, загѣвомъ, извѣстнымъ изъ другихъ былинъ ²⁾):

¹⁾ У Гильф. № 120 конь Ильи Муромца принадлежитъ не къ типу «немудраго жеребенка», а къ типу заброшеннаго дѣдовскаго коня.

²⁾ См. Запѣвы у Гильф. №№ 215, 222, 228, 254, 306 и друг.; Вуслаевъ, Русскій богатырскій эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 558—60.

Нашему хозяину честь-бы была,
 Намъ-бы, ребятамъ, ведро пива было:
 Самъ-бы попилъ, да и намъ бы поднесъ.
 Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
 А вы, старички, вы послушайте,
 Что про матушку про шіроку про Волгу рѣку.
 Шірока рѣка подъ Казань подошла,
 А пошире подалъ подъ Астрахань.

Слѣдующіе два стиха могли быть началомъ пѣсни, къ которой, первоначально, относился приведенный запѣвъ:

Велкъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ,
 Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ.

Пѣвецъ запомнилъ продолженіе пѣсни и его память случайно перенеслась къ былинѣ о ристаніи Ивана Гостинаго сына. Переходитъ онъ къ ней чисто внѣшнимъ образомъ: тамъ пѣлось о похвальбѣ Ивана на пиру у князя Владиміра; у него обстановка другая: насадничекъ — и вотъ онъ продолжаетъ:

Въ этомъ во насадничѣхъ смнѣ со матерью,
 Пью они ѣдѣ, прохлаждаются,
 Промежду собою похваляются:
 Одинъ похвалился жптьѣмъ-бытьѣмъ,
 А другой похвалился молодою женой,
 А третій похвалился саблей вострою.
 Взгворилъ Ванюшка Гостиний смнѣ:
 Ахъ вы братцы, вы бѣары!
 Одинъ похвалился жптьѣмъ-бытьѣмъ,
 .....
 Я похваляюсь своимъ каурушкой.
 .....
 Вотъ они и закладываются,
 Не объ стѣ рублей, не объ тысячу,
 А просто объ своей буиной головы:
 Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
 Выѣхавши отъ заутрени,
 Къ ранней обѣдѣ поспѣть.

Владимиръ - городъ, вмѣсто Чернигова, очевидно, по памяти о князѣ Владимірѣ.

Въ этой сборной и, очевидно, испорченной пѣснѣ одна подроб-
ность отзывается чѣмъ-то древнимъ, — памятью о какой-то ма-
тери Ивана Гостинаго сына. Дѣйствительно: о ней и о ея сынѣ
сохранилась, въ двухъ записяхъ, одна интересная былина, кото-
рую я и приведу цѣликомъ:

Какъ отъ батюшки было умнаго,
 Какъ отъ матушки да отъ разумнаго,
 Зарождается чадушко безумное,
 Что-ль по имени Иванушко Гостинаго сынъ.
 Какъ не стало у Иванушка да родна батюшка,
 И остается у Иванушка да родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна.
 И унимаетъ родна матушка да своего чада,
 И своего-ли чада милаго,
 И того-ли дитятка любимаго,
 И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
 «И гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!
 И не ходи тво, чадо, да на царевъ кабакъ,
 И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
 И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
 И не связывайся, чадо, со жонками со курвами,
 И со тѣма-ли со дѣвками со блудками».
 И не послушалъ Иванушко да своей матерн,
 И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
 И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
 И съ тѣма-ли со жонками со блудками,
 И съ тѣма-ли со дѣвками со курвами.
 И какъ прослишала да ёво матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И приходила тутъ ево да родна матушка,
 Приходила она да на царевъ кабакъ,
 Непроговоритъ она да таково слово:
 «А гой-же вы народъ люди православнии!
 И не видали-ль вы моего да чада милаго,
 Чада милаго, дитя любимаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго?»
 Непроговарятъ народъ да православнии:
 «А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!

И не видали ми твоего да чада милаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 Испроговорить тутъ Офимья Александровна,
 И что-ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкѣмъ:
 «А гой же вы голи вы кабацкія!
 Вы сважите-тео да гдѣ моѣ есть чадо милоѣ,
 И чадо милоѣ, дитя любимоѣ,
 И что-ль по имени Иванушко Гостиний смѣть?
 И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
 И привели тутъ голи кабацкія
 А ѣ оборваннаго да добра молодца,
 А ѣ что-ль по имени Иванушка Гостинаго. .
 И какъ беретъ Ивана родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И какъ беретъ ево да за желти кудри,
 За желти кудри да за бѣлы руки,
 И за бѣлы руки да за злати перстни,
 И повела его на пристаю корабельную,
 И ко тѣмъ-ли кунцамъ да ко заморскѣмъ,
 И ко заморьянамъ кунцамъ да къ вавилоньянамъ.
 Испроговорить честна вдова Офимья Александровна,
 Испроговорить она да таково слово:
 «А гой же вы кунци заморьяна,
 И вы заморьяна кунци да ѣ вавилоньяна!
 И вы купите-тео да моего чада,
 И моего-ли купите чада милаго,
 И чада милаго купите дитя любимаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
 И дайте-тео за нево мнѣ-ка-ва петьсотъ рублей».
 Испроговорать кунци да таково слово:
 «А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 И не вора-ли продаешь да не разбойника?
 А ѣ отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
 И ко тѣмъ кунцамъ да ко заморьянамъ,
 Ко заморьянамъ кунцамъ да къ вавилоньянамъ:
 «И я не вора продаю, да не разбойника,
 А своего-ли продаю да чада милаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
 А ѣ отвѣтъ держитъ да добрый молодець,
 И что-ль Иванушко Гостиний смѣть,

И ко тѣмъ купцамъ да ко заморанамъ,
 Ко заморанамъ купцамъ да къ вавлонянамъ:
 «И не жалѣйте-тео вы да цѣлой тысящи,
 И что было-бы мойи матушки
 И до гробной доски ей да не снѣтатся.»
 И тутъ пролилъ горячія слѣзы добрый молодецъ,
 И въ слезахъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:
 «И ты прощай-ко-съ, прощай да родна матушка,
 И какъ честна вдова Офимья Александровна,
 И по писаному была да родна матушка,
 А ѿ по житью бытью да змѣя лютая.»
 И тутъ простилася да родна матушка,
 А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
 Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ

илльф. № 172 = Рыбн. IV, № 13).

Изложеніе сообщенной нами былины представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить на-ново удержавшіеся въ памяти отрывки. Такой процессъ реставраціи, естественный въ позднѣйшей жизни всякаго народнаго эпоса, легче представить себѣ совершившимся не на исконной почвѣ «южно-русскихъ» былинъ, а въ той сѣверной средѣ, куда проникли ихъ глухіе, невнятные отголоски.

Прежде всего пьянство Ивана, можетъ быть, такой-же поздній мотивъ, какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Василюемъ ¹⁾. Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то-же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ — можно бы объяснить особенною уступчивостью былиннаго эпитета; но эта устоячивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ, очевидно, черезъ край: по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая, говоритъ Иванъ проданный въ рабство — а былина поетъ о прощаньи матери съ «любимымъ» сыномъ и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него

¹⁾ См. мои южно-русскія былины I, стр. 50.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

цѣну вдвое большую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! Необходимо предположить въ просьбѣ Ивана сознание своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и могло побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты милый, любимый объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Всѣ это могло быть забыто и спутано — и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, — со внесеніемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу.

Пока мы выяснили себѣ только слѣдующее: Иванъ Гостиный сынъ — сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней, и остается побѣдителемъ бѣга. Я сообщу кстати содержаніе сказки-былины о другомъ Иванѣ-удовкинѣ сынѣ¹⁾, съ цѣлью воспользоваться нѣкоторыми ея чертами, какъ комментариемъ къ нашимъ пѣснямъ. Иванъ, вдовій сынъ, сватается за дочь царя Волшана Волшановича; какъ въ нашихъ былинахъ о Гостиномъ сынѣ, такъ и здѣсь, герой бьется о свою голову: онъ станетъ «обряжаться», т. е. принимать различные образы; коли царь не узнаетъ его въ этихъ превращеніяхъ, пусть выдастъ за него дочь, не то отсѣчетъ ему «буѣну головушку». Два раза онъ обращается горностаемъ, проникаетъ къ царевнѣ,

Въ палаты обернулся добрымъ молодецъ,
Цѣловаль-миловаль онъ Марью Волшановну,
Цѣлуешь онъ, самъ прощается:
«Прощай, свѣтъ, моя любезная,
Смогу ли я обратится?»
Обернулся Ванька горностаемъ,

¹⁾ Рыбн. I № 76: О Ванькѣ удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ. Тотъ-же мотивъ въ греческой сказкѣ у Hahn'a, Griech. Märchen № 61 (сл. прим.). См. еще Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 152—3.

Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
 Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
 Промель-проскакалъ тридевать вазовъ,
 Тридевать вазовъ, тридевать цвѣтовъ,
 Тридевать цвѣтовъ, тридевать дубовъ,
 Зашелъ за тѣй-ли за единый дубъ,
 И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Оба раза царь узнаеть о метаморфозахъ Ивана, справившись утромъ въ своей «книгѣ волшанской», «книгахъ волшенскихъ». На третій разъ Ивану помогаетъ Могуль-птица, въ благодарность за то, что онъ прикрылъ своимъ цвѣтнымъ кафтаномъ ея дѣтнышей, прозябшихъ и перемокшихъ въ гнѣздѣ. Она даетъ ему три перышка изъ своего праваго крыла и огниво, съ помощію которыхъ онъ лишаетъ волшанскую книгу ея вѣщей силы: она уже не открываетъ царю, куда дѣлся Иванъ, и Волшанъ смегаеть её, а дочь выдаетъ за вдовьяго сына.

Остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой сказки-былины. Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостыный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ цркв.сл. влѣхвъ; его волшанскія книги—волшебныя. Наричательное «Волшанъ» сложилось подъ впечатлѣніемъ идей волшебства, проведенныхъ въ разсказѣ; трудно представить себѣ, чтобы оно съ самаго начала стояло, какъ имя собственное, естественнѣе предположить, что оно прислонилось къ какому-нибудь болѣе древнему, созвучному. Древнерусская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея¹⁾. Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ — Волотомономъ названъ византійскій императоръ; съ другой стороны варианты этого имени переводятъ насъ

¹⁾ См. V. Jagić, Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv f. Slav. Philol. I, стр. 87—88.

отъ Волотомана къ Волотомиру, Володимиру — и Владимиру. Гостиный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира, могъ впервые проявиться въ окруженіи какого-нибудь Константинопольскаго Волотомона—Волшана; первый стая на мѣсто втораго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претворится въ былинку южно-русскаго цикла. Пока — это лишь одно теоретическое построеніе, отчасти лишь поддержанное предположенной нами генеалогіей пѣсенъ о Саугѣ Леваидовичѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ этой гипотезы обратимъ вниманіе еще на одну, можетъ быть, не случайную подробность, касающуюся роли Ивана Гостиного сына въ нашихъ былинахъ. У Кир. III, стр. 70—71, № 4 (= Кирша Даниловъ) Владимиръ, думая жениться, говоритъ на пиру таково слово:

Гой еси вы, князи и боара, и могучіе богатыри!
 Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
 Только я Владимиръ князь холостъ хожу,
 А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
 А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
 Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
 Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
 Станомъ бы статна и умомъ свершна,
 Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
 И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
 А и черныя брови какъ соболи,
 А и ясныя очи, какъ бы у сокола?

Никто изъ богатырей не находитъ отвѣта; нашелся лишь Иванъ Гостиный сынъ: въ Золотой Ордѣ, у грознаго короля Етмануѣла Етмануѣловича, видѣлъ онъ двухъ его дочерей: Настасью и Афросинью (очевидно: вм. Апраксін) королевиченъ;

Сидитъ Афросинья въ високомъ терему,
 За тридцать занками булатными,
 А и буйные вѣтры не выхнутъ на ее,

А красное солнце не печетъ лице.

.....
Посылай ты, сударь, Дуная свататься.

Афросинья-Апраксія выходитъ за Владимира. Ея типъ въ былинахъ крайне опредѣленный: она увлекается каликой Михайлой, мигуется съ Чурилой и Тугаринимъ; она — невѣрная жена по былинному признанію. Въ виду послѣдующихъ параллелей намъ была-бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кириши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище «Гостиный сынъ» здѣсь едва-ли не случайное; существеннѣе имя Иванъ, появленіе котораго въ роли знатока невѣсть мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ. Замѣтимъ, что на невѣсту Владимиру указываетъ обыкновенно Дунай (у Кириши являющійся лишь сватомъ), у Гильф. № 81 (= Рыбн. I № 31) Пермилъ или Пермиль, вѣроятно тождественный съ лицомъ того-же имени, выступающимъ въ пѣсняхъ о Чурилѣ (и Дюкѣ); у Рыбн. III № 21: Илья; въ испорченной былинѣ у Гильф. № 125: Добрыня, по несомнѣнному смѣшенію съ Дунаемъ (сватами являются, нерѣдко, оба богатыря).

Въ заключеніи предложеннаго обзора мы позволимъ себѣ свести къ немногимъ чертамъ, что поютъ и сказываютъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ сохранившіяся о немъ былины и привлеченныя нами къ сравненію народныя сказки. Вѣроятность и послѣдовательность нашей схемы выяснится лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями; пока её придется принять на вѣру.

1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотогѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіи ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (Сказка о доставаніи коня; былина о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ).

2. Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

4. (?) Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впоследствии невѣрной женой.

II.

Это, пока апіорное, построеніе можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности.

Въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса написалъ, слѣдуя какому нибудь нынѣ утраченному византійскому источнику, большую поэму объ Erasles = Иракліи, вскорѣ послѣ того пересказанную и во Нѣмецки ¹⁾. Сообщивъ намъ въ 5060-хъ первыхъ стихахъ легендарную исторію чудеснаго мальчика Иракліи, авторъ отождествляетъ его подъ конецъ (vv. 5060—6516) съ извѣстнымъ византійскимъ императоромъ того-же имени, заставляя его побѣдить Хосроя и снова отвоевать древо святаго креста. Это отождествленіе принадлежитъ, быть можетъ, фантазиі самого Gautier, но нѣчто не мѣшаетъ предположить, что и въ самой Византіи могъ ходитъ какой-нибудь баснословный рассказъ объ юности славнаго царя, подобный сообщенному въ поэмѣ. Его греческій оригиналъ утраченъ, либо еще не найденъ, но сохранился его вариантъ, въ которомъ мѣсто чудеснаго мальчика или юноши заступаетъ чудесный старецъ. Эта редакція была недавно напе-

¹⁾ Сл. Eraclius, Deutsches und französisches Gedicht des XII Jahrhundert., hrsg. v. Massmann. 1842. — Сл. Eraclius, deutsches Gedicht des XIII-en Jahrhunderts, hrsg. von Harald Graef. Strassburg, 1883.

чатана, по разнымъ текстамъ, Леграномъ¹⁾ и Вагнеромъ²⁾, при чемъ Gidel'ю принадлежитъ указаніе на ея отношенія къ сюжету Ираклія.

Передамъ вкратцѣ содержаніе той и другой легенды.

1. Повѣсть о мудромъ старцѣ.

Въ Византіи жилъ когда-то мудрый старецъ, богатый и семейный. Случалось такъ, что вслѣдствіи-ли неурожайнаго года или арабскихъ набѣговъ, онъ обѣднѣлъ. И вотъ онъ велитъ своимъ дѣтямъ связать себя и продать, точно преступника или раба. Услышавъ о томъ царь или топархъ и послалъ своихъ людей освѣдомиться о дѣлѣ. Они находятъ цѣну, какую запросили за старика, слишкомъ высокою, но тотъ убѣждаетъ ихъ не торговаться, ибо онъ стѣбитъ большаго: онъ знаетъ природу мушницъ и женщинъ, знатокъ въ лошадахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. — Царь очень доволенъ, что такой мудрецъ попался ему въ руку, тѣмъ не менѣе велитъ запереть его и заставляетъ нѣкоторое время голодать: въ день ему даютъ лишь по сухарю и однажды напиться. Между тѣмъ прибылъ изъ дальнихъ странъ купецъ и предлагаетъ царю купить у него за большую цѣну драгоцѣнный камень. Привели изъ тюрьмы старика; онъ говоритъ, что камень многого не стоитъ, такъ какъ въ немъ гнѣздится червь — что подтвердилось на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе старика опять заключили въ тюрьму, только удвоили ему дневной паекъ. Въ другой

¹⁾ Collection de documents pour servir à l'étude de la langue Néohellénique, 1-re série, № 19: Παρά τοῦ γέροντος τοῦ φρονίμου Μουτζοχωρεμίου. Сл. Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 6-e année, 1872: Mémoires et notices, p. 58 слѣд.: Gidel, Histoire de Ptocholéon. — Другой пересказъ изданъ былъ Леграномъ въ № 1 новой серіи той-же Collection: Recueil de chansons populaires grecques, Paris, 1874, № 126, p. 258—264: Ὁ σοφὸς κερσούτης.

²⁾ Wagner, Carmina Graeca medii aevi, Lips. 1874, p. 277—303: Βίος καὶ πολιτεία τινὸς δοκίμοῦ καὶ σοφοῦ γέροντος. Сл. Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 203, къ № 126 Легранова сборника.

разъ его снова вызвали, чтобъ узнать его мнѣніе о продажной лошади; онъ говоритъ, что эта лошадь, будучи жеребенкомъ, вскормлена была коровьимъ молокомъ, что опять-же оказалось вѣрнымъ. Старика снова заперли, а паёкъ увеличили. — Когда царь захотѣлъ жениться на дѣвущкѣ-красавицѣ, онъ обратился къ мудрецу за совѣтомъ и узнаеть отъ него, что мать той дѣвухи была блудницей и сама она, выйдя за мужъ, станеть торговать своимъ тѣломъ. Старику еще разъ увеличили его дневную порцію и на день начинаютъ выдавать по три сухаря. Подъ конецъ царю приходитъ на умъ разспросить своего узника о самомъ себѣ и своемъ происхожденіи. Тотъ требуетъ отъ царя предварительной клятвы, что онъ не сдѣлаеть ему никакого зла, еслибы и услышалъ про себя что-либо дурное — и открываетъ ему, что онъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ крестьянина, либо пекаря: онъ узналъ это изъ его обращенія съ нимъ, по тому, какъ онъ награждалъ его — увеличивая порцію хлѣба. Такъ поступать — не въ природѣ царя; прирожденная склонность оказалась въ немъ сильнѣе привычки. Опрошенная царемъ мать его сознается въ своемъ проступкѣ, а старикъ, щедро награжденный, отпущенъ на свободу. Въ одномъ изъ трехъ стихотворныхъ рассказовъ, говорящихъ о немъ, онъ названъ Львомъ, или ближе: бѣднымъ Львомъ, Πτωχολέων.

Этотъ рассказъ, быть можетъ, восточнаго происхожденія, что не трудно усмотрѣть изъ параллелей, собранныхъ D'Ancona'ой къ № 3 Cento Novelle antiche¹⁾. Что касается до соответствующ-

---

¹⁾ Romania III: Le fonti del Novellino, стр. 164—165. Къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ еще присоединить повѣсть о бѣднякѣ изъ собранія рассказовъ, приписываемаго Рабби Ниссиму: пророкъ Илья предлагаетъ бѣдняку, чтобъ онъ продалъ его, какъ раба, а вырученные деньги употребилъ бы на свое пропитаніе. Какъ тотъ ни отпѣкивался, Илья настоялъ на своемъ: Исполни мое приказаніе и продай меня. Царскій служитель покупаетъ Илью за 50000 динаровъ, и пророкъ тотчасъ-же обращаетъ на себя вниманіе царя, какъ искусный архитекторъ. Ему поручаютъ построить большой дворецъ въ шестимѣсячный срокъ, онъ создаетъ его за ночь и самъ исчезаетъ до восхода солнца. Cf. Perles, Rabbinische Agada's in 1001 Nacht. ein Beitrag zur

щей новеллы послѣдняго сборника, то я считаю вѣроятнымъ, что ея болѣе или менѣе близкимъ источникомъ была какая-нибудь византійская повѣсть, сходная съ предъидущею. Вотъ содержаніе новеллы.

Nelle parti di *Grecia* ebbe uno Signore che portava corona di Re et avea grande reame et avea nome Filippo et tenea in sua *pregione uno savio greco per alcuno malfatto*; lo quale greco era di tanta sapienzia, che llo intelletto suo passava oltra le stelle. Et avvenne che a questo Re fue presentato delle parti di Spagna uno nobile distriere et di grande podere et di bella guisa. Mandò lo Re per malischalchi per sapere la bontà del distriere: *fuli detto che innella sua pregione era lo sovrano maestro di ccid, intendente di tutte le cose*. Fece menare-lo distriere al campo et fece traere lo greco di pregione et disse: Maestro, avisa questo distriere, *che m'è fatto conto che tu se' molto saputo*. Lo greco avisa lo cavallo et disse: Messere, elli he di bella guisa, ma tanto judico, che lo cavallo he notricato a latte d'asina (что оказывается вѣрнымъ) . . . Questo tenne lo Re a grande maraviglia: ordinò et stabilio che gli fosse dato mezo pane per die alle spese della corte. — Un altro giorno avvenne che lo Re raundò sue pietre pretiose. Rimandò per lo detto suo greco et disegli: Maestro, tu se' di grande savere, credo che di tutte le cose t'intendi: *se tt'intendi delle virtù delle pietre, quale ti sembra di più riccha valuta?* Lo greco avisò et disse: Voi quale avete per più cara? Lo Re prese una pietra tra l'altre molto bella et disegli: Maestro, questa mi sembra più bella et di maggior valuta. Lo greco la prese et miselasi nella palma et strinse lo pugno et misesela all'orecchie, et poi parlò et disse: Messere, qui àe uno vermine. Lo Re mandò per li maestri et fecela spezare, et trovossi inella detta pietra uno vermine. Et allotta lo Re lodoe lo greco d'oltra mirabile senno. Et ordinoe che uno pane intero li fosse dato per die alle

---

Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen, въ Frankels Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenthums 1873, Februar, p. 68—69. Сл. Libro de los Enxemplos № CXLVII.

spese di sua corte. Poi dipo' non molti giorni lo Re ripensò di no essere legittimo. — Онъ спрашиваетъ о томъ мудреца и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, говоритъ ему, что онъ сынъ — пекаря (pisternaio), — что подтверждается показаніемъ матери царя, допытывающаго, какимъ образомъ мудрецъ дошелъ до этого открытія. Онъ отвѣчаетъ: Messere, quando io vi dissi dello cavallo cosa così maravigliosa, voi mi stabilistè uno dono di mezzo pane per die. Et della pietra quando vi dissi dello verme, voi mi stabilistè un pane intero; pensate, che allora m'aviddi di cui voi eravate figliuolo. Мудреца отпускаютъ съ почестями и большими подарками ¹⁾).

Передъ нами на сценѣ греческій мудрецъ, царь, властвующій гдѣ-то въ Греціи, съ греческимъ именемъ Филиппа: не намекъ-ли на царя — охотника до лошадей, пользующагося для этой цѣли познаніями своего узника? Въ общемъ впечатлѣніе итальянскаго рассказа такое, какъ будто компиляторъ Cento novelle имѣлъ передъ собою знакомую намъ византийскую повѣсть, но пересказалъ её въ своей обычной компендіозной манерѣ, выставляя лишь крупныя черты и тѣмъ затушевывая мотивированіе цѣлаго. Такъ мы напр. совсѣмъ не узнаемъ, какимъ образомъ мудрецъ попалъ въ плѣнъ къ царю, да и вопросы послѣдняго являются совершенно случайными, ибо не видно, чтобы ему заранѣе была извѣстна вѣщая мудрость его плѣнника.

II. Повѣсть о мудромъ юношѣ.

Какъ византийская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староритальянскомъ памятникѣ, такъ византийское-же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Ираклиѣ. Пересказывая её, мы распредѣлимъ содержаніе по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ номерамъ схемы, установленной нами для древнихъ гѣсенъ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ.

¹⁾ Le novelle antiche, ed. Biagi, № III — Gualteruzzi № III, Borghini № II.

1. Въ Римѣ жилъ благочестивый человѣкъ, сенаторъ, по имени *Miriados* (*Meriados*) т. е., вѣроятно: богачъ, миллионеръ; онъ и его супруга *Casine*'а вели примѣрную жизнь, раздавали богатую милостыню Бога ради, но въ теченіи семи лѣтъ у нихъ не было дѣтей. И вотъ они молятъ Господа, и молитва ихъ услышана: однажды ангелъ явился женѣ въ сновидѣніи, и сказалъ ей: пусть встанетъ, постелетъ богатый коверъ, поверхъ его шелковый платъ, и попроситъ своего мужа совокупиться съ нею. Въ эту ночь она зачнетъ, и весь Римъ возрадуется плоду ея чрева. На другое утро ей слѣдуетъ заказать обѣдню, а коверъ и платъ пожертвовать на церковь и на бѣдныхъ. — Совершилось всё такъ, какъ возвѣстилъ ангелъ: въ урочное время жена родила мальчика, котораго назвали Богданомъ (*Dieudonné*), а въ крещеніи нарекли Иракліемъ (*Eraclès*). Въ день крестинъ Господнее посланіе снесено было ангеломъ къ кроваткѣ ребенка; никто кромѣ него не долженъ его распечатать и прочесть. А въ немъ было написано, что Господь сподобилъ его дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней.

2. Когда *Мириадось* умеръ, *Ираклію* еще не минуло 10 лѣтъ. Мать раздала все свое достояніе въ успокоеніе души покойнаго мужа, съ согласія сына. Они основали больницы, ставили монастыри и церкви, одѣляли нищихъ и сиротъ, такъ что, прежде чѣмъ истекъ мѣсяцъ, они сами стали бѣднѣ послѣдняго римскаго бѣдняка. — Въ то время былъ такой обычай, что каждый могъ продать своего ребенка. На это рѣшилась и *Казина*, и сынъ согласился охотно, лишь бы она продала его за большую цѣну:

416   *tenes me sier,*
Ne laïies rien de mil bezans.

Набросивъ на его шею свой поясъ, мать повела его въ такомъ видѣ на главный базаръ города. Многіе смѣялись надъ нею, находили, что цѣну за мальчика она проситъ слишкомъ высокую, но *Ираклій* убѣждаетъ мать не уступать:

471 *Mere* (*fait-il*), *n'en doutez rien,*
Car vous me venderes molt bien.

G'iere encor lui molt cier tenus,
Cil, ki m'avra, n'est pas venus.

Такія-же рѣчи держитъ онъ и царскому сенешалю, обратившему на него вниманіе и также подсмѣивавшемуся надъ высокою цѣною. Если цѣна не по немъ, то пусть отступится отъ него, говорить ему мальчикъ; только пусть знаетъ, что лучшаго приобрѣтенія онъ никогда не сдѣлаетъ. И онъ сообщаетъ ему, какими тремя чудесными знаніями онъ обладаетъ. Сенешаль хочетъ купить его; разставаясь мать и сынъ плачутъ, цѣлуютъ другъ друга, а мать сѣтуетъ:

581 Dieus, bien ait telle engendretüre!
Onkes plus douce portetüre
Ne fist mais femme, ke g'ai faite,
Et ceste iert mes tous jours retraite;
Ainc mes ne fu si dure mere
Con jou por lui, a Dieus biaux pere!
Ne n'iert mes el siecle vivant
La mere vendist son enfant,
Onkes mes nulle n'en fu teus,
Ramenbre t'ent, biau sire dieus!
Biau sire dieus, ramenbre t'ent!
Garde mon fil, maintien m'enfent,
Aies ent pité et de moi,
Car cest mercié fac jou por toi.

Между тѣмъ сынъ утѣшаетъ мать тѣмъ, что она продала его не по злomu намѣренію, а Бога ради. Она, дѣйствительно, раздѣляетъ между бѣдными полученную ею цѣну, а сама идетъ въ монастырь.

Сенешаль ведетъ мальчика ко двору, гдѣ принужденъ выслушивать надсмѣшки надъ его слпшкомъ дорогой покупкой; самъ императоръ, которому Ираклій заявилъ о присущихъ ему трехъ чудесныхъ дарованіяхъ, выражаетъ сомнѣніе, не шарлатанъ-ли онъ, и хочетъ испытать его. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоцѣнные камни, какіе только находились въ Римѣ или его окрестностяхъ, а Ираклію приказываетъ выбрать

изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоилъ. Ираклій разсматриваетъ ихъ цѣлыя груды, но проходитъ мимо, ничего не выбравъ. Видитъ, въ концѣ базара какой-то человекъ торгуетъ пряностями, рядомъ съ которыми онъ выложилъ и какой-то неприглядный камень, случайно найденный имъ по дорогѣ. Ираклій доволенъ: онъ, наконецъ, нашелъ, что ему нужно; спрашиваетъ продавца о цѣнѣ того камня, и когда тотъ запросилъ всего шесть динаровъ (deniers), велитъ ему выплатить сорокъ марокъ, а камень отнести императору. Императоръ гнѣвается за столь дорогую покупку, но Ираклій увѣряетъ его:

909 Que ceste pierre vaut tout l'or
 Ke vous aves en vo tresor,
 K'aighe ne fu n'arme ne crient
 Ne ne puet cremir ki le tient.
 Se li caitis, li deceüs
 N'eüst ke sis deniers eüs
 Sa viertu pierdist.

Онъ предлагаетъ самъ на себѣ испытать чудодѣйственные свойства камня и выходитъ счастливо изъ всѣхъ испытаній. Самъ императоръ изъявляетъ желаніе подвергнуть себя испытанію огнемъ, и на этотъ разъ результатъ тотъ-же. Разумѣется какой-нибудь баснословный камень въ родѣ Ктезіева пантарва (Ctesias, fragm. 80; Philostrat., Vita Apollonii III, 46), играющаго роль въ VIII-й книгѣ Эеіопикъ Геліодора, § 11:

Παντάρβην φορέουσα πῦρος μη τάρβει ἐρωτῶν.
 ῥηιδίως μοίραϊς καὶ τ' ἀδόκητα πέλει,

упоминаемаго и Никитой Эвгеніаномъ (τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλέα βιβλ. ζ, νν. 398—9):

ἄλλ' Ἰνδικὴν λίθον σε παντάρβην ἔγω.
 καὶ φεύξεται με καὶ τὸ πῦρ φέροντά σε.

3. Въ другой разъ императоръ желаетъ убѣдиться, на сколько Ираклій знатокъ въ лошадыкѣ. Снова изданъ приказъ: собрать

на базарѣ всѣхъ коней, какіе ни есть въ странѣ, и пусть Иракліи выбереть изъ нихъ лучшаго. А тотъ обратилъ вниманіе на жадкаго жеребенка, у котораго всего четыре зуба; его хозяинъ-бѣднякъ готовъ отдать его за двѣ марки, хотя, говоритъ онъ, старикъ, отъ котораго онъ получилъ жеребенка, завѣрилъ его, что отъ него онъ разбогатѣетъ.

1457 Ne sai, ki il fu, nel counois,
 Mais il fu tous plus blanc ke nois,
 Por amour dieu le me donna,
 Onkes plus mot ne me vouna.

Иракліи велитъ заплатить за жеребенка 40 марокъ и увѣряетъ разсерженнаго императора, что его конь перебѣжитъ трехъ самыхъ быстрыхъ:

1540: Soient or li troi mellour prest,
 Et s'il nes vainc, je vous otroi
 Ke vous n'aies mierci de moi
 De ma tieste prendre et trencier.
 Ici metes tout le plus cier,
 Al cief de tort la-gus a val
 Faites metre l'autre ceval;
 Le tierc metes al cours apres
 A la bonne, droit al cief pries.
 U elle soit, juske al premier,
 Ja ne m'i veres delaiier,
 Si mouverous de ceste place;
 Se jou nel tieng tout à estace
 Ains ke gou viegne à l'autre enmi,
 Si me faites trencier parmi;
 Se il à l'autre autel ne fait,
 Si me soient li doi oeil trait.

И здѣсь, стало быть, какъ въ греческой пѣснѣ о Константинѣ и нашей былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, молодецъ бьется объ закладъ о свою голову; съ *тремя* конями поэмы слѣдуетъ считать ихъ число въ былинѣ: обыкновенно ихъ триста три, но это, очевидно, эпическая амплификація, и главное вниманіе обра-

щено на *трехъ* «жеребцовъ похваленныхъ», которые ближе и опредѣляются. Съ *тремя* лучшими конями византійскаго императора хочеть помѣряться и архиепископъ Турпинъ въ *Chançon du Voyage de Charlemagne à Jerusalem .et à Constantinople*, хотя его скачка въ запуски болѣе напоминаетъ гимнастическія упражненія цирка :

Treis de meilleurs destriers qui en sa citet sont
 Prenget li reis demain, si'n facet faire un cors
 La defors en cel plain. Quant mielz s'eslaiseront,
 Jo i vendrai sor destre corant par tel vigor
 Que me serrai al tierz et si larrai les dous;
 Et tendrai quatre pomes molt grosses en mon poin,
 Sis irrai estruant et getant contremont,
 E larrai les destriers aler a lor bandon:
 Se pome m'en eschapel ne altre en chiet del poin,
 Charlemaignes mis 'sire me criet les oilz del front ¹⁾.

Ираклій, впрочемъ, не считаетъ возможнымъ тотчасъ-же испытать своего жеребенка: для того онъ еще слишкомъ малъ, надо выдержать его въ продолженіи года; если заставить его бѣжать теперь, онъ сдѣлается никуда не годнымъ впослѣдствіи. Но императоръ настаиваетъ на томъ, чтобы бѣгъ устроился тотчасъ-же — и Ираклій принужденъ осѣдлать своего «косматенькаго» (*velus*, v. 1643), еще не испытаннаго удла (v. 1518). Испытаніе оказалось блестящимъ, но у жеребенка отъ усилія не по лѣтамъ вытекъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры (v. 1852—53: *Vous veres entre quir et car — Qui la moole i est trestoute*), п онъ теперь ни на что не годенъ. — Ираклій всецѣло завладѣлъ довѣріемъ императора, который просить его проявить еще и третій свой даръ — выборомъ достойной императора невѣсты-сверстницы.

4. По императорскому указу сѣзжаются въ Римъ со всей страны родовитыя дѣвушки. Ираклію предстоитъ сдѣлать изъ

¹⁾ Ed. Koschwitz, 2-e Aufl., vv. 495—504.

нихъ выборъ, но ни одна изъ нихъ не нравится ему, ему ясны ихъ слабости, онъ угадываетъ ихъ сокровенныя помышленія. Онъ уже возвращался домой, недовольный, когда ему повстрѣчалась красивая, бѣдно-одѣтая дѣвушка, дочь сенатора, по имени Аеннада; она давно потеряла отца и мать и жила у своей тетки. Её то и рекомендуетъ Ираклій императору, какъ вполне достойную его жену.

2708 Ja n'iert mes femme de son pris
S'ensi se tient, con a empris.

Императоръ обрадованъ, свадьба сыграна и молодая чета живетъ счастливо. Такъ прошло семь лѣтъ. Случилось, что императоръ долженъ былъ выступить противъ непріятелей, осадившихъ его городъ; онъ беретъ съ собой и Ираклія, но предварительно спрашиваетъ его, какъ ему поступить, чтобы уберечь жену. Тотъ говоритъ, что лучший оберегъ состоитъ — въ отсутствіи его; но императоръ не согласенъ съ этимъ и велитъ держать жену въ башнѣ подъ строгой охраной. — На одномъ большомъ празднествѣ, на которомъ, по обычаю, присутствовала и императрица, она увидѣла прекраснаго Парида и влюбилась въ него: онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своею ловкостью:

3447 Devant la dame a fait le jour
Maint estampie et maint trestour.

Одѣтъ онъ богато:

3462 D'uns dras de soie bien viestus
Se fut molt bien laciés as las,
Biel a le cors et gens les bras,
Les ious ot vairs, le vis traitis,
Cank'a sour lui, est bien faitis,
Cevieus a blons reciercelés,
Bien fais est molt et bien mollés.

Онъ также влюбился въ императрицу и оба втайнѣ страдаютъ. Старуха Морфея устраниваетъ свиданіе влюбленнымъ, но Ираклій

узнаеть о томъ, благодаря своего дару прозрѣнія, и сообщаетъ императору. Когда онъ вернулся домой, любовники героически признаются ему въ своей взаимной страсти — и прощены, по совѣту Ираклія, разъясняющаго мужу, что въ невѣрности жены виновать не кто иной, какъ онъ самъ.

Я не счелъ нужнымъ входить въ подробности, передавая послѣдній эпизодъ поэмы, потому что для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ онъ предлагаетъ наименѣе матерьяла. Только въ *одномъ* пересказѣ былины Иванъ указываетъ Владимиру на Апраксию, какъ Ираклій императору на Аѳинаиду; Аѳинаида влюбляется въ Париду, какъ Апраксія напр. въ Чурилу, котораго легко было-бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ: романъ Чурилы разыгрывается на сторонѣ, съ Катериной, женой Бермяты, и было бы натяжкой съ нашей стороны предположить, что первоначально онъ могъ быть приуроченъ именно къ Апраксіи. Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сходные съ соответствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ, они представляютъ существенно то-же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ рассказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью — эпизоды одного и того-же дѣйствія. — Съ другой стороны лишь косматенькій жеребенокъ Ираклія выяснилъ намъ настоящее значеніе «бурушки-косматушки» въ пѣсняхъ о нашемъ Иванѣ: здѣсь онъ исконно являлся чудеснымъ жеребенкомъ. тогда какъ при другихъ богатыряхъ (напр. Дюкъ и др.) «бурушко» могъ обобщиться до значенія простой, безцѣльной клички.

На Византійскій источникъ Готье мнѣ не разъ приходилось

указывать; подтвержденіемъ этого предположенія служитъ обликъ такихъ собственныхъ именъ, какъ *Athenais, Parides, Morphæa*; быть можетъ; и Римъ, какъ мѣсто дѣйствія, принадлежитъ лишь французскому перескащику, послѣдовательно увлеченному и къ упоминанію Тибра: оригиналъ могъ говорить о новомъ Римѣ, т. е. о Константинополѣ; таково мѣсто дѣйствія византійской повѣсти о «мудромъ старцѣ». — Разумѣется, греческій пошибъ собственныхъ именъ, самъ по себѣ, легко истолковать и другимъ образомъ, напр. школьно-классическими воспоминаніями трувера. Болѣе вѣса слѣдуетъ дать изображенію общественныхъ и нравственныхъ отношеній: они отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ *Floire et Blanceflor*. Таковы описанія: всемогущества любви — Эрота, праздника въ Римѣ (новомъ Римѣ?), гдѣ обычныя рыцарскія игры замѣнены игрой на арфѣ, пѣніемъ, пляской, бѣгомъ въ запуски, а юноши выставляютъ на показъ свою ловкость и хваткость, напоминая намъ отчасти такія-же положенія въ пѣснѣ о Чуригѣ, только съ меньшимъ противу нихъ шаржемъ и съ болѣе глубокимъ мотивированіемъ. — Принадлежалъ-ли византійскому подлиннику тотъ христіанско-мистическій колоритъ, съ которымъ рассказаны въ поэмѣ рожденіе и юность Ираклія до его появленія при дворѣ — этотъ вопросъ я не пытаюсь разрѣшить, хотя и считаю положительный отвѣтъ довольно вѣроятнымъ.

Я не утверждаю, чтобы источникомъ нашихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ былъ именно подлинникъ Ираклія, и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику. Изъ этого прототипа нашихъ былинъ перешли въ нихъ и купцы «вавилоняне», которыхъ сказитель едва-ли нашелъ въ эпическомъ запасѣ своей памяти. Каково было первоначально имя царя — мы не знаемъ; имя *Lais*¹⁾ у *Gautier*, всегда въ римѣ

¹⁾ Имя *Lais* встрѣчалось мнѣ еще разъ, рядомъ съ Константиномъ, въ числѣ именъ сыновей *Geirarð'a*, въ *Mágus-saga*'ѣ. Сл. *Wulff*, *Notices sur les Sagas de Mágus et de Geirarð etc.* Lund, 1874, p. 43.

съ Atanais (vv. 2767, 2885, 5057), быть можетъ, типическое; имя Льва, Leo, трудно было исказить такимъ образомъ. Очень можетъ быть, что царь являлся анонимный ¹⁾, — а у русскихъ пѣвцевъ и разсказчиковъ былъ готовый эпонимъ для византійскаго императора: Волотоманъ, искаженіе изъ Птолемея. Это имя и могли дать безымянному царю греческаго разсказа или пѣсни, когда она переселилась на русскую почву. Дальнѣйшая ея исторія, исторія послѣдовательныхъ искаженій и отождествленій чужого съ своимъ, представляется мнѣ ясной — если признать прочной мою точку отправленія: Волотоманъ обратился, съ одной стороны, въ Волшана нашей сказки-былины объ Иванѣ Удовкинѣ сынѣ; съ другой, Волотоманъ перешелъ незамѣтно, черезъ извѣстныя намъ посредствующія формы: Волотомиръ, Володимиръ — къ Владимиру, и могъ быть отождествленъ съ Владимиромъ нашего эпоса. Такимъ путемъ византійская сказка проникла въ кругъ южно-русскихъ былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятое, необходимо облекалось въ болѣе грубую формы. Таково неловкое

¹⁾ У Готье Ираклій является въ Римѣ при царѣ Laïs'ъ и въ концѣ поэмы отождествляется съ императоромъ Иракліемъ, противникомъ Хосроя. Переходъ совершается такимъ образомъ: Хосрой будто бы велѣлъ предательски убить византійскаго царя Фоку (Focas); византійцы избираютъ ему двухъ наследниковъ, Ираклій прибылъ изъ Рима первымъ и принялъ бразды правленія. — Нѣмецкая поэма объ Egeclius, слѣдовавшая Gautier, переноситъ самого Фоку въ Римъ: для него Ираклій и избираетъ жену; по убіеніи Фоки избранъ императоромъ Ираклій, отправляющійся въ Константинополь, гдѣ, со времени Константина Великаго, подобало пребывать императорамъ. Очень вѣроятно, что нѣмецкій пересказчикъ удержалъ мѣсто дѣйствія въ Римѣ, согласно съ Gautier, но что отождествленіе легендарнаго Ираклія съ историческимъ наследникомъ Фоки навело его на мысль перенести Фоку и въ первую часть романа, т. е. въ Римъ. На сколько эти измѣненія могли быть внесены какими нибудь другимъ изводомъ сказанія, помимо поэмы Готье, сказать трудно. Слѣдуетъ предположить (напр. для упоминанія вѣщаго Ираклія у Вольфрана в. Eschenbach), что такіе изводы были извѣстны. См. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, мѣс: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника (по поводу изданій г. Сырку), стр. 85—87.

«щипленіе» и лубочное щегольство Чурилы — по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Афинандой; тѣмъ-же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣсняхъ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это — на столько-же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого. Мать Ивана продаетъ его не ради богоугоднаго дѣла, а потому, что онъ сталъ пьяницей; выше мы замѣтили, на сколько искажился, по сравненію съ предполагаемымъ оригиналомъ, этотъ эпизодъ, полузатерянный въ русскомъ эпосѣ, съ любовью сохранившемъ изъ всего цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ — лишь былинну о его бѣгѣ въ запуски. — Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія, объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвергнуться византійская сага, примкнувъ къ владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись по мелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символическое воплотившееся въ лицѣ князя Владимира — и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна-лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ, многія другія пришлыя сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ цѣлаго, не въ случайныхъ матерьялахъ, пошедшихъ на его созданіе.

V.

Богатыри - Сурожцы.

Суровець Сузалець и Чурила Пленковичъ.

I.

Намъ уже два раза приходилось имѣть дѣло съ русскими былинами, въ которыхъ мы открывали отголоски византійскаго либо ново-греческаго эпоса. Какъ зашли онѣ на Русь? Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня нерѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго влiянiя не указаны какими-нибудь историческими или географическими условiями, напр. сосѣдствомъ. Такiя условiя представляла именно южная Россiя: я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду греческiя колонiи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религiозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическiя связи.

Отзвукомъ послѣднихъ представляется намъ роль Сурожа въ нашемъ былинномъ эпосѣ.

Сурожъ — древняя Сугдая, Сугдея, именемъ которой во время Тпетца обозначался весь Крымъ, нынѣ Судакъ (Суракъ, Сурдакъ), Солладiя, Солдая, Содая средневѣковыхъ Европейцевъ, Шол-

тадія Эдриси — основана была, по греческому Синаксарию XII—XIV вѣковъ, около 212 года. Когда Хазары завладѣли большою частью Таврическаго полуострова, они подчинили себѣ и Сурожъ; съ конца VII-го вѣка мы встрѣчаемъ въ немъ архиепископа, зависимаго отъ византійской митрополіи; однимъ изъ наслѣдниковъ его былъ Св. Стефанъ Сурожскій, между чудесами котораго находится загадочная легенда — о пришествіи русскаго князя «бранлива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), полонившаго всю страну отъ Корсуни до Керчи. Въ Слово о Полку Игоревѣ Сурожъ, подобно по-Сулю, Корсуню и Тьмутороканскому бгъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ — для Руси: онѣ подчинены были въ то время Половцамъ, противъ хана которыхъ Шарукана былъ направленъ походъ 1111 года. Брунъ предполагаетъ, что его владѣнія находились въ Крыму и что подъ Сугровомъ, сожженномъ Русскими, слѣдуетъ разумѣть — Сурожъ. Это объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ мечь Шароканю — на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ 1111 года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи — до самаго Рима.

Въ 1223 и 1239-хъ годахъ Сурожъ дважды подпадалъ подъ власть Татаръ, а съ 1253-го сдѣлался ихъ данникомъ. Его древнее коммерческое значеніе съ этимъ не прекратилось: онъ остался, по прежнему, однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для заморской торговли, византійскіе и итальянскіе купцы продолжаютъ посѣщать его, а Венеціанцы и Генуэзцы спорятъ изъ за обладанія имъ. Арабское названіе Чернаго моря — Сурожскимъ свидѣтельствуетъ о важности для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ: до поздняго времени было у насъ въ ходу обозначеніе: «гость сурожанинъ» въ значеніи купца, преимущественно шелковыми товарами, какъ и теперь еще мы говоримъ о «суровскихъ товарахъ», «суровскомъ ряду». «Суровець» нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ съ Сурожанину; Суровець-Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе

извѣстномъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожъ: Суздалецъ вмѣсто Судадецъ, Сугдалецъ; въ одной пѣснѣ онъ — «богатаго гостя *заморенинъ* сынъ» (Сл. Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, *вавилоняне*), что едва-ли идетъ къ Суздаю, но, быть можетъ, не относится непосредственно и къ Сурожу: названіе «гостей-сурожанъ» имѣло и болѣе общее значеніе, его переносили, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII-го вѣка, именно въ Кафѣ ¹⁾.

Чтобы проникнуть въ богатырскій эпосъ «гость-суроженинъ» долженъ былъ и самъ стать богатыремъ; это лежало, впрочемъ за требованіями народной идеализаціи, въ дѣйствительныхъ условіяхъ средневѣковой торговли: надо было умѣть отбиваться отъ кочевниковъ, какъ на Западѣ отъ хищниковъ-рыцарей, чтобы провезти черезъ степи и доли къ немногимъ культурнымъ, укрѣпленнымъ центрамъ, заморскій товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и заморскія пѣсни и чудные рассказы о видѣнномъ — въ тридцатомъ государствѣ. — Такимъ богатыремъ является охотничекъ «Суровець-Суздалецъ» въ сохранившихся о немъ пѣсняхъ: Кир. III, стр. 107—110 = № 1; *ibid.* стр. 110—112 = № 2; Кир. IV, Прилож. стр. XXVII—XXIX = № 3; Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы (Пѣсни, собранныя Мордовцевымъ и Костомаровымъ), стр. 12—14 = № 1

Въ старыя вѣки, прежніе,
 Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
 Какъ жилъ на Руси Суровець молодець,
 Суровець богатырь, онъ Суроженинъ,
 По роду гóрода Суздаля,
 Сынъ отца гостя богатаго,
 Охочь онъ ѣздитъ за охотою,
 За гусями, за лебедями,

¹⁾ Сл. Bruun, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mém. de l'Académie impér. des sciences de St. Petersburg, VII série, t. X, № 9, 1866; его-же: Черноморье, ч. II, стр. 121 слѣд. и Указатель, а. в. Сугдея, Судаць, Сурожъ, Солдая. Наши сообщенія о Сурожѣ записованы, главнымъ образомъ, изъ послѣдняго труда.

За сѣрми за утицами.
 Ъздитъ день до вечера,
 А покушать молодцу нечего (№ 2).

Иначе начинаютъ № 1 и 3: «Суровень богатъ самъ Суздадецъ» (№ 1), «Суровецъ богатырь сынъ Ивановичъ» (№ 3) — ѣздятъ въ полѣ «ровно три» (№ 1), либо тридцать три года (№ 3) — и ничего въ полѣ не наѣзживалъ. И вотъ онъ наѣзжаетъ теперь на сырой, «колповистый» (№ 1), «не простой, корокольчестой» (№ 2) дубъ; на немъ воронъ.

9 Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ,
 Единъ сыръ дубище и кривистый,
 Онъ кривистый дубъ, жароватый,
 У дуба кореньце булатное,
 А сучья-вѣтви позлаченне;
 На дубу-то сидитъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая, перелетная,
 Птица младъ черенъ воронъ,
 Перо его какъ смола кипитъ,
 А очи его какъ свѣчи горятъ воску ярова,
 А ноги его какъ лучи свѣтатъ,
 Какъ лучи свѣтатъ, лучи солнечные,
 Лучи солнечные и подвосточные. (№ 3)

Такъ ѣздитъ за охотой и Михайло Казарянинъ (Кирша XXI)
 и съ такой-же неудачей, пока не

Наѣхалъ въ полѣ сыръ кривоветный дубъ,
 На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
 Съ ноги на ногу переступиваетъ,
 Онъ правильно перушко поправливаетъ,
 А и ноги, носъ — что огонь горятъ.

Это напоминаетъ загадочное, вычурное изображение вѣщаго ворона въ поэмѣ объ Освальдѣ и еще болѣе чудеснаго ворона въ мусульманской легендѣ о рожденіи Salih'a: у него туловище черное, голова бѣлая, спина отлиываетъ изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза — что два драгоценныхъ камня; темный покой освѣщается ими, точно

взошло солнце¹⁾. Сл. образъ сокола въ *Völsungasaga*'ѣ 139, 18, по сравненію съ *Nibelungenlied*: *pat dreymdi mik, at ek sá einn fagran hauk mér á hendi; fjaðrar hans váru með gulligum lit* = *Nib. L. 13: troumte Kriemhilde* — *wie sie züge einen valken starc, schoen und wilde*²⁾. — Ирина видитъ во снѣ золотокрылаго орла (*ἀτὸς χρυσοπτερότος*), гонявшагося за голубкой — это ея мужъ³⁾. Сл. въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ такой-же образъ разукрашеннаго сокола⁴⁾.

Богатырь готовится стрѣлять въ ворона, но тотъ останавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ: — эпизодъ, довольно распространенный въ нашихъ былинахъ; сл. Гильф. № 49 и 168 (Добрыня); Кир. II № 1, стр. 80—1 (Алѣша); IV, стр. 94—95 (Михайло Казарянинъ); Рыбн. I № 47 (Дюкъ), II № 30 (Дюкъ) и др. Воронъ вѣщаетъ: къ чему тебѣ стрѣлять въ меня? Не будетъ тебѣ отъ того никакой корысти; лучше

32 Поѣзжай ты далече во чисто поле,
А еще того подагъ ко снѣю морю,

1) Weil, *Bibl. Legenden der Muselmänner*, p. 51.

2) Сл. Edzardi, въ *Germania*, XXIII, p. 98.

3) Lambros, l. c. p. 142, v. 723 слѣд.

4) Качановскій, *Памятники*, № 85:

Соколъ піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Криле му у злато позлатены,
На глава му бѣлѣ трендафилъ цвѣти,
На гръло му дробенъ бисеръ трепти.

На вопросъ дѣвушки, кто его такъ разукрасилъ, онъ отвѣчаетъ, что зять-златаръ и сестра. Иначе у Караджича, Сръпске нар. п. из Херц. № 151:

Соко сједи на Солуну граду,
Жуте му су ноге до кожено
А златена крила до рамена,
А крвава до очију кљуна.

Солунскимъ дѣвушкамъ онъ говорить, что сдѣлали то три дочери его хозяина. Сл. у *Kürenberg*'а:

Ich zôch mir einen valken mêre danne ein jâr,
Dô ich in gezamete, als ich in wolte hân,
Und ich im sin gevidere mit golde wol bewant,
Er huop sich ôf vil hôhe und vloug in anderiu lant.

Ко широкому, ко чистому раздольцу;
 Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
Кумбалъ царь Самородовичъ,
 Со многими Татарами со уланами,
 Хочетъ онъ тебя погубити,
 Погубити и сорубити (№ 1).

Въ № 2 татарскій царь названъ Курбаномъ, въ № 3 Курганомъ — и рѣчь ворона нѣсколько иная:

45 Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле
 Ко тому же князю ко Кургану,
 Гдѣ *Курганъ* князь перевозится,
Перевозится онъ и переносится
Черезъ матушку черезъ Неву (см. Нпму?) утку;
 Его зме Татары все богатыри:
 Принца себѣ поединщиковъ.

Эти подробности напоминаютъ намъ былинну о Саулѣ Леванидовичѣ въ редакціи Кирши: Константинъ доѣхалъ до рѣки *Смородины* (сл. въ нашемъ № 1: Кумбалъ царь *Самородовичъ*),

А станомъ Кумуръ царь перевозится
 Со тѣми ли Татары погаными.

Погаными — или смердящими: не оттуда-ли эпитетъ *Смородовичъ* (Самородовичъ, Смарадоновичъ, сл. выше, стр. 31), *Smaro-duxxi* или *Sprizentè* (pizzolente), какъ названъ Сарацинъ въ дубровницкой легендѣ о Роландѣ? ¹⁾

Богатырь Суровець послушался совѣта ворона: наѣзжаетъ на Татаръ и принимается ихъ бить; перескочилъ черезъ первый и второй ровъ, а въ третій обрушился; но тутъ разыгралось его молодецкое сердце: схватилъ онъ Татарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ — тамъ улица, куда ни повернется — переулочекъ. Добрался онъ и до царя Кумбалъ или Курбана, который проситъ отпустить его, сулитъ ему золотую казну,

¹⁾ Сл. мою замѣтку: Die Rolandsage in Ragusa, въ Архивѣ Ягича, V, р. 468—9. Съ татарскимъ царемъ *Кумбаломъ* нашего № 1 сл. литовскаго царя *Цимбала*, *Чимбала* у Рыбн. I, №№ 74, 75, *Чембала*, *Чолмана* Гильф. №№ 61, 42 (Наѣздъ Литовцевъ).

табуны заповѣдныя, хочеть быть ему братомъ названнымъ, либо ссылается на то, «что въ книгѣ написано» — не казнить царей и князей.

Таково заключеніе былины въ №№ 1 и 2, снова относящее насъ къ пѣснѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, у Кирши, гдѣ Константинъ счастливо минуетъ татарскіе рвы и «вымыслы», но разбиваетъ «въ крохи» ихъ царя Кунгура. — Иначе, нѣсколько ех abrupto, кончается былина о Суровцѣ въ № 3:

.... прибѣжалъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлои шатерьъ.
Они плп-ѣли, веселилися,
И попробавъ силы, разлучилися.

Общая основа этихъ пѣсней сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарскою ратью и побиваетъ её. Если Татары принадлежать подлиннику, а не замѣнили какого-нибудь иного, болѣе древняго врага, и наше толкованіе: Суровець = Сурожанинъ въ географическомъ значеніи этого слова было-бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинь — въ враждебныхъ отношеніяхъ Татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII вѣка (1223, 1239, 1253 гг.). Народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы: Суровець побѣждаетъ татарскаго царя, какъ и въ нашихъ былинахъ Татары всегда бывають разбиты и посрамлены.

Обычное толкованіе былинь о Суровцѣ-Суздальцѣ обобщаетъ значеніе перваго наименованія — въ смыслѣ гостя, а второму даетъ географическое значеніе въ связи съ сѣвернымъ Суздалемъ. Я ничего-бы не имѣлъ противъ такого толкованія, если-бы не слѣдующія соображенія: пѣсни о Суровцѣ-Суздальцѣ, какъ и былины о Саулѣ Леванидовичѣ, принадлежать къ небольшому числу обособленныхъ, не примкнувшихъ къ владимировскому циклу, охватившему все древнее содержаніе нашего эпоса. Такая обособленность мыслима либо для пѣсней новѣйшаго происхож-

денія, которое трудно будет доказать именно для наших былинъ, либо для пѣсенъ древнихъ, случайно оставшихся неприуроченными къ Кіевскому центру. Что касается до такъ называемаго Суздальскаго періода нашего эпоса, то онъ весь коренится въ кіевскомъ, и мы ожидали-бы встрѣтить богатыря Суздальца — въ окруженіи Владимира.

Загадочными для меня являются братья Суздальцы въ одной старинѣ про Илью Муромца ¹⁾: Илья убиваетъ Мамай, богатыри бросаются на Татаръ, оставивъ въ «лагеряхъ» лишь двухъ братьевъ, двухъ Суздальцевъ, чтобы было кому встрѣтить богатырей «съ приѣзду».

Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали въ ту рать силу великую,
 .....
 И сами они похваляются:
 «Кабы была теперь сила небесная,
 И всѣ бы мы побили её по полю».

Эта извѣстная по другимъ былинамъ кощунственная похвальба, въ которой Суздальцы и винятся передъ Ильєю, влечетъ за собою, не удвоеніе, а оживаніе павшихъ Татаръ, съ которыми не въ силахъ справиться русскіе витязи: они ѣдутъ въ Кіевъ, въ монастыри и пещеры, гдѣ и «представились».

Слѣдующіе далѣе отрывки и упоминанія былинъ говорятъ намъ о приѣзжихъ Суздальцахъ — на первый разъ даже не въ Кіевъ и не къ Владимиру, а въ какой-то городъ Покидошъ и къ князю Михайлу Ефимонтьевичу. Тождественъ-ли этотъ Покидошъ съ городомъ Кидишемъ или Кидашемъ одной быliny о Муромцѣ (Кир. I № I, стр. 79, vv. 92—3, стр. 82, v. 200—1), съ Большимъ или Малымъ Китижемъ нижегородскаго преданія (Кир. IV, Прилож. стр. СХVIII слѣд.) — я не знаю; поводомъ къ отождествленію могла послужить лишь увѣренность, что Суровець-

---

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-ая, стр. 82 слѣд.

Суздадецъ слѣдующей былины, дѣйствительно, изъ Суздаля, и что Покидоша слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь по близости.

Былина, о которой идетъ рѣчь, очевидно безъ конца, а въ началѣ представляетъ два неидущихъ къ дѣлу запѣва! Первый изъ нихъ (Высока ли высота — поднебесная . . . Черны грязи — Смоленскія, А и быстрыя рѣки — Понизовскія) принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ былиннаго стиля¹⁾; второй слѣдуетъ безъ всякой связи съ предъидущимъ:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
 При старцѣ Макарѣ Захарьевичѣ,
 Было беззаконство великое:
 Старцы по кельямъ — родильницы,
 Черны по дорогамъ — разбойницы,
 Сны съ отцемъ на судъ идетъ,
 Братъ на брата съ боемъ идетъ,
 Братъ сестру за себя емлетъ.

Это указываетъ на мотивы Иерусалимскаго стиха и, болѣе того, на эсхатологическія пророчества Андрея Юродиваго. Если запѣвъ здѣсь не случайный, то переходъ къ былинѣ могъ быть мотивированъ такъ: пришли послѣднія времена, характеризуемая упадкомъ нравственности — общей безурядицей — и божьей карой, нашествіемъ враговъ, напр. Татаръ. Суровець-Суздадецъ явился-бы какъ разъ во-время, на помощь Михаилу Ефимонтьевичу. Но это было-бы слишкомъ гипотетическое возстановленіе, не поддерживаемое сохранившимся отрывкомъ былины, рассказывающимъ лишь — о приѣздѣ богатыря:

Изъ далеча, чиста поля,
 Выскавалъ тутъ, выбѣгалъ
 Суровець богатырь, Суздадецъ,
 Богатаго гостя Заморенинъ смнѣ.
 Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
 Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
 Себѣ сильна-могуча богатыря,

¹⁾ Сл. выше, стр. 45, прим. 2.

Побиться, податься, порататься,
 Слы богатирски поотвѣдати,
 А могучи плечи прооправити.
 Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
 Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
 Не нашелъ онъ въ подѣ сопротивника,
 И поѣхалъ ко городу Покидошу.
 Во славномъ городѣ Покидошѣ,
 У князя Михайлы Ефимонтьевича,
 У него князя почестной пиръ.
 А и тутъ молодцу пригодилось,
 Приходилъ на княженецкой дворъ,
 Походилъ во гридню во свѣтлую,
 Спасову образу молится,
 Великому князю поклоняется.
 А князь Михайло Ефимонтьевичъ
 Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
 Подаетъ ему, доброму молодцу,
 А и самъ говорилъ таково слово:
 «Какъ, молодецъ, именемъ зовутъ,
 Какъ величать по изотчеству?»
 Сталъ, молодецъ, онъ рассказывать:
 «Князь-де, Михайло Ефимонтьевичъ!
 А меня зовутъ, добра молодца,
 Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
 Богатаго гостя Заморенникъ смилъ.
 А и тутъ князю то слово полюбилось:
 Посадилъ его за столы убранне,
 Въ ту скамью богатырскую,
 Хлѣба съ солью кушати,
 И довольно пшти, прохладатися.

(Кир. III, Прилож. стр. VIII—X = Кирша Дан. № LIV).

Суровецъ — Заморянинъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ наши
 былины говорятъ о заморскихъ товарахъ, камочкѣ и т. д.
 Добрыня называетъ себя скоморохомъ Данилой Замориннымъ
 (Кир. II, № 7, стр. 16, в. 69), т. е. привозимъ изъ за моря:
 Суровецъ торгуетъ за моремъ, онъ одинъ изъ тѣхъ сурожскихъ

гостей-богатырей, которые являются при дворѣ Покидошскаго князя, заходятъ и въ Кіевъ, гдѣ у нихъ особая слобода:

Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
 Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
 У насъ вѣтъ молодець, удалыхъ Суздальцевъ,

говоритъ Иванъ Годиновичъ Владимиру (Кяр. III, № I, стр. 10, vv. 38—40). Такимъ заѣзжимъ богатыремъ выступаетъ въ окруженіи Кіевскаго князя и Чуриза Пленковичъ, сынъ богатаго гостя изъ Сурожа, но уже не греческаго, а итальянскаго: Пленковичъ не что иное, какъ народная перегласовка изъ Франковичъ, т. е. сынъ Франка = Пленка.

Эта перегласовка требуетъ объясненія.

Греч. φ нерѣдко переходитъ въ слав. и русск. п: сл. *Осмиъ* (Joseph), *параонъ* (Фараонъ), *перваръ* (februarus, гдѣ, впрочемъ, слѣдуетъ признать и участіе народной этимологіи), *пѣникъ* (φοῖνιξ), *дафиново хвощи* = дафиново вѣт'выи, δάφνις, Алекс. ¹⁾; *типанъ* фариже, *типане парижсе*, тифане фарижи, Алекс., φάρισον = фарижъ, новогр. φαρί (Pfarit, parafricit); о типанѣ, тифане см. замѣтку проф. Ягича (ibid. стр. 214): «ja držim da je to takodjer grčka rieč, stojeći u svezi s glagolom τυφῶω, možda τυφῶν — a da znači: biesan, romatan». Укажу съ своей стороны на необъясненное до сихъ поръ слово: типа, у Иоанна Экзарха Болгарскаго: имать (сердце) родомъ жестокоу плоть, типами многообразными солежа са (Miklosich, Lexicon, a. v. типа: sensus dubius); сл. τυφος — Dünkel, Hoffart, Einbildung, Verblendung и т. д. — *фаносъ*, *паносъ*: въ мѣсто фаноса, место паноса = ἀντί φανῶ Алекс. — С *пиникиемъ*, var. *съ финеемъ* Алекс.; *плашѣ пиничаски*, var. *финичьскый* Алекс.; *Миди и Пиници*; много нему меда и *пиника* донесоше; *Пиником* var. *Финикомъ*; *Пинику*; *Пиници* var. *Финици*; у *пиничком* краи Алекс. Сл. также: de Thetide: Тетиде var. Федиде, Петиде.

¹⁾ Алекс. = хорватская Александрія, изданная проф. Ягичемъ: Život Aleksandra Velikoga, Starine, III 203 слѣд.

Слав. русск. *пр* изъ греч. φρ: phugius: *фридискимъ* странамъ, *придинскимъ* странамъ; к *придинско* земли, *придинску* землю Алекс.; *придежскимъ* отоки, *придинскимъ* крѣви, *придинскимъ* крѣви; *Прижѣ* = Phugia; *Пришедъ*, *Пришедемъ* = Phugius, Trj. pr. ¹⁾. — Я разберу въ этой связи еще нѣсколько мѣстъ славянской Александрии. Въ Псевдокаллистоу С (ed. Müller, стр. 29—30) говорится объ Александрѣ Великомъ: «Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὤρμησε κατὰ δυσμῶν καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀντιστάμενος. Καὶ προὔπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλείαι δυσμῶν. Καὶ δῶροις ἐκμειλίσσονται αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτόν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ἔριοις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνθυποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων χύριον τὸν Λαομέδοντα». Въ сербской Александрии Кирилло-бѣлозерскаго списка ^{11/1088}, XV-го вѣка, л. 59 лиц. об. (= Ягичъ I. с., стр. 246) Александръ ставитъ Лаомедонта царемъ въ Римѣ; иначе въ концѣ романа: изъ Александрова наслѣдія Лаомедонту достается нѣмецкая и — *франкская* земля, ибо эпитетъ «фарижскій» едва-ли можетъ имѣть, въ указанной связи, иное значеніе, кромѣ «франкскаго»: «а Ламедаоушоу да нѣмецкою землю и фарижеское црство» (Клр. бѣл. сп. л. 168 об.). — Рудницкій текстъ Александрии, изданный Ягичемъ, удержалъ, въ этомъ эпизодѣ (стр. 312), имя Лаомедонта, но отдаетъ ему «енглитерско госпцтво», Пинику «нимнику землю и пажадско юспцтво», вмѣсто котораго одна рукопись (с) ставитъ «франкческо юспцтво», другая (f) — «парижское господство» (сл. Новаковичъ, Приповетка о Александрѣ Великомъ у старој српској книженности, стр. 126 прим.), т. е., очевидно, франкское. *Пажадско* госпцтво напоминаетъ мнѣ загадочное географическое опредѣленіе Троянской прѣтчи: (Полинешерь краль) «кои краловаше по всен *Палажи*», и такое-же въ Александрии: «дарова му фарижа.... оседлана у *праначкоу френи*», var. ou *франкском* фране, in francisco fraeno (Ягичъ, I. с., стр. 311; Новаковичъ, I. с., стр. 124).

Предложенныя сопоставленія даютъ намъ право допустить уравненіе: *франкз*, *френиз* (фрагъ) = *пранкз*, *прениз* — и далѣе,

¹⁾ Trj. pr. = Trojanska priča, ed. Miklošič, Starine III, стр. 147 слѣд.

съ извѣстнымъ переходомъ *p* въ *л* (и наоборотъ: Оурикшешъ = Шухеш, Тгој. рг.) — *пленкз*: отецъ Чурилы зовется Пленкъ и Пленко, онъ самъ — Пленковичъ, *Пеленковичъ, что предполагаетъ форму *пеленкз*, отвѣчающую одному изъ наименованій, которыми татары обозначали осѣдыхъ въ Крыму Генуэзцевъ: *Frenk*, *Fegenk*, *Felenk* = т. е. Франкъ. Это устраняетъ безосновское объясненіе: Плена = Пѣномъ, полономъ, а самого Чурилы — богомъ чуромъ, фаллосомъ и т. п. ¹⁾: Чурило не что иное, какъ народная форма Кирилла, греч. *Κύριλλος*, црквнсл. Коуриль, Куриль, Кюриль (сл. Рыбн. III № 26: Чырилушка и Кирилушка Попленковичъ); Чурилья игуменья одной шутиливой пѣсни = Кирилья ²⁾. Для перехода звуковъ сл. сербск. ћирил, ћурилица = *alphabetum cyrillicum*, црквнсл. коуриловица; сербск. комин, чемин, чимин = *κύνιον*, црквнсл. кюминъ, куминъ; *τσ* изъ *κ* въ новогреческихъ говорахъ: *τσρί* = *κρίον*, *τσμα* = *κμα*, *τσαίω* = *καίω*, *τσοуρά* = *хуріа* и др. ³⁾. Можетъ быть, часть значеній, съ которыми встрѣчается русск. чуръ (чурать, чуровать, чураться и т. д.; «чуръ чуровъ и чурочковъ монхъ»; «чурочками клянусь, что не буду»), восходитъ къ греч. *κύριος*, средне- и новогреч. *хур*, црквнсл. куръ, куръ, кюръ, кирь ⁴⁾.

Такимъ образомъ Чурило Пленковичъ, т. е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ-грекороманскихъ гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суroveň-Суздадецъ нашихъ былинъ или Франки старыхъ румынскихъ пѣсенъ, отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами

¹⁾ Кир. IV, Прилож. стр. LVIII слѣд.

²⁾ Другія толкованія словъ: чурила, чурилка, чурилья относятся къ области шутиливой народной этимологій (курить, чурка, щуриться). Сл. Опытъ областного великорусскаго словаря; Дополн. къ Оп. област. великорусск. слов.; словари Дала и Носовича.

³⁾ Сл. Разысканія VI, стр. 289 прим. 1.

⁴⁾ Коуръ въ извѣстномъ мѣстѣ Слово о Полку Игоревѣ («до коуръ Тмоутороканія») — не греческое-ли *хур*? Сл. Буслаевъ, Христом. 612.

Крыма и Молдавіи. Въ одной румынской колядкѣ молодець готовится продать своего коня, чтобы на вырученныя за него деньги сыграть свою свадьбу, а конь не знаетъ, откуда на него такая напасть; ни въ чемъ онъ не повиненъ передъ своимъ хозяиномъ — развѣ въ одномъ:

De cândü ne băteamü
 Intr' alü Mării prundü
 Cu Turcii,
 Cu Frâncii,
 Frâncii ne'nfrângeaü,
 Turcii ne băteaü,
 'N mare ne băgaü,
 Multî că se'necaü, —
 Eü amü inotată,
 Marea'n lungü şi'n latü.
 D'asta'sü vinovatü,
 Că m'amü pedicatü
 D'ua péna
 De mrénă,
 Şi că şi-amü udatü
 Pólă de caftanü,
 Coltü de posunarü;
 Dêrü m'amü bisuitü,
 La malü d'amü eşitü:
 Din nări c'amü suflatü,
 Tóte le-amü svéntatü,
 Nimicü n'amü stricatü.

Малорусская колядка, почти тождественная съ приведенной румынской и записанная въ нѣсколькихъ пересказахъ, говорятъ, лишь о Туркахъ, либо о Туркахъ и *Татарахъ*¹⁾, замѣнившихъ,

¹⁾ Чубинскій, Труды этнограф. статист. эксп. въ зап. русск. край, свараж. Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. III (Народный дневникъ), Колядки № 19 и 89. См. мои Разысканія VI, стр. 278 слѣд. Къ приведеннымъ тамъ колядкамъ слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія:

Молодый (ния) по торгу ходить,
 Коника водить, въ коникомъ говорить:

стало быть, *Франковъ* румынскаго текста, какъ и въ нашихъ былинахъ они нерѣдко заслоняли собою другихъ, болѣе древнихъ враговъ, напр. Сарацинъ и т. п. — Въ саду, въ виноградѣ, подь калиною, молодецъ ведетъ бесѣду съ своимъ конемъ, хочетъ продать его за сто червонцевъ, за бочку вина, за бочку пива; а конь напоминаетъ ему о своихъ прежнихъ заслугахъ:

Якъ насъ Турки за Дунай загнали,
 Більшъ потопали, якъ вирнали;
 А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ,
 Ни чоботка, ни стременичка,
 Ни стременичка, ни сиделочка (№ 39 А);
 Ні поли жупана, ни чоботка сапьяна (№ 39 В).

Въ другой румынской колядкѣ о героѣ поется, что онъ бьется подь Браилой съ Турками — и Франками:

О коню мой, коню! Продамъ я ѣбе
 За сто червонцовъ, за трубку сукна, за румку вина!
 — Молодый (вима)! Ні продай мене,
 Буду я табѣ ў великой пригоди.
 О, якъ будѣшь ты дѣ жаняйся,
 Перевѣзу ѣбе черезъ сине море,
 Штобъ нѣ замочивъ полы каштана,
 Сапбги сапьяны.

(Опытъ описанія Могилевской губерніи, подь ред. Дембовецкаго. Могилевъ, 1862, стр. 525, № 9):

Мав Іваненько вороного коня
 Примав его в рублянѣ стайні,
 Давав му їсти яру пшеницю,
 Давав му пити зелене вино.
 Вивів він его на нове місто:
 Ой коню, коню, продам я тебе!
 Ой пане, пане, чи не жаль ти буде?
 Погадай собі, чи не жаль тобі? —
 Скоро го продав, жалібно зашржавъ:
 Я в тебе стояв по боки в гною,
 Я в тебе їв житну солону,
 Я в тебе пив холодну воду (колядка со Смотрича, незад.).

Și se bate cu Turcii,
Cu Turcii,
Și cu Frâncii ¹⁾.

Teodorescu приводитъ эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 году и съ разгромомъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму Турками. Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ, и точная хронологія здѣсь такъ-же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинь. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти — рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственное имя и прозвище по отчеству.

II.

Пѣсенъ о Чурилѣ у меня было подъ рукою 22 пересказа, не считая пяти болѣе или менѣе попорченныхъ и упоминаній Чурилы въ другихъ былинахъ, особливо въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ. Нигдѣ его пѣсенная біографія не является въ цѣльномъ видѣ, т. е. въ совокупности всѣхъ ея эпизодовъ: совокупности, выходящей изъ взаимнаго сличенія пѣсенъ о немъ и на столько естественной, что въ ней нельзя заподозрить результатъ позднѣйшаго свода. Послѣдовательность является такая: а) Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы; б) Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира; в) эпизодъ съ Апраксіей на пиру; д) впечатлѣніе Чурилиной красоты; е) Чурила и Катерина. Рыбн. I № 45 ограничивается четырьмя эпизодами (abde); Рыбн. III № 24 и Гильф. № 223 не знаютъ послѣдняго (abcd); Кир. IV, № 1,

¹⁾ Teodorescu, *Noțiuni despre colindele Române*, București, 1879 г., стр. 77—78, 80—94. — Въ одной румынской балладѣ у Alexandri (*Poesii populare ale Romanilor*, 1867, № XXXII, стр. 24 слѣд.) паша, являющійся съ толпой Босняковъ и Браильцевъ (*Braileni din Brăila*), названъ «палачемъ Франковъ», *măcelarul Frâncilor*.

стр. 78—86 (= Кирша Даниловъ) довольствуется тремя: ab—e; Кир. IV, № 2, стр. 86—7, двумя (cd); Гильф. № 229 и 251 первымъ (a), и, наконецъ, цѣлый рядъ пѣсень знаетъ только о любви Чурилы къ Катеринѣ (= e). Сл. Кир. IV, № 3, стр. 87—90; Рыбн. I, № 46; II, № 23, 24; III, № 26; Гильф. № 8, 27, 35, 67, 189, 224, 242, 268, 309. — Присоединимъ къ этому еще небольшой отрывокъ былины у Рыбн. I въ прим. къ № 45, стр. 265—6 (abc).

При слѣдующей передачѣ мы держимся установленнаго нами распорядка содержанія.

а) *Владимиръ съ гостями у Чурилы.*

Владимиръ пировалъ въ Кіевѣ и столъ былъ во полу-столѣ,
когда явилось триста молодцовъ,

14 Всѣ они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Вьютъ челомъ, жалобу творять:
Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
Взднл мн по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Черегя,
На твоёмъ государевомъ займищѣ,
Ничего мн въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскачюга,
Не видали птицы перелетныя;
Только наѣхали во чистомъ полѣ:
Есть молодцовъ за три ста,
[Есть молодцовъ] и за пять сотъ:
Жеребцы подъ ними Латинскіе,
Кафтанцы на нихъ камчатные,
Однорядочекъ-то — голубъ скурлатъ,
А и колпачки — золоты плашки;
Они соболи, кунницы повывили,
И печерски лисцы повывгнали,
Турь, олени выстрѣлили,
И насъ избили-изранили;
А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,

А отъ васъ, осударь, жалованья нѣтъ,
Дѣти, жени оспротѣли,
Пошли по міру скитатися.

Не слушаетъ ихъ Владимиръ, «пѣеть онъ, ѣсть, прохлаждается», а между тѣмъ новая толпа вошла во дворъ: то «охотники рыболовые», также жалуются, что незнаемые люди всю рыбу у нихъ повыловили, а ихъ самихъ избили-изранили. Кто эти люди — князь узнаетъ отъ сокольниковъ и кречетниковъ, явившихся съ такимъ же къ нему челобитьемъ: они «называются дружиною Чуриловою».

92 Тутъ Владимиръ князь
За то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таковъ?»
Выступался тутъ старой
Бермата Васильевичъ:
«Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже Малаго Кіевца
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзний тынъ,
На всякой тычинѣ по маковѣ,
А и есть по жемчужникѣ;
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Грядки бѣлодубовня,
Покрты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей ¹⁾,
Матица-то важеная,
Поль-середа одного серебра,
Брюки да пробки по булату злачены;
Первые у него ворота вальщатые,
Другіе ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянные».

¹⁾ Сл. Гильф. № 251:

Потолоки были соболиныя;

Гильф. № 228:

Да потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей.

Владимиръ съ княгинею, боярами и Бермятой ѣдутъ провѣдать Чурилу: встрѣчаетъ ихъ старый Плень (или: Пленка) Сароженинъ, князю и княгинѣ отворилъ ворота вальщатые, князямъ да боярамъ хрустальные, простымъ людямъ оловянные. Начинается пированье,

148 Веселая бесѣда, на радости день.

Князь со княгинею весель сидитъ,
Посмотрѣвъ въ окошечко косащатое
И увидѣвъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
«По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,
Князя, меня, въ домѣ не случилось,
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
Или какой грозенъ посоль.»
Старый Пленка Сароженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
«Изволь ты, осударь,
Владимиръ князь со княгинею,
И со всеми своими князи и бояры кушати:
Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
И не грозенъ посоль,
Ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурила сына Пленковича;
А какъ онъ, осударь,
Будетъ предъ тобою-жь,
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Будетъ столъ во полу-столѣ.»
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти спятъ;
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ собирается:
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть [молодцовъ] и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не заекло солнце бѣла его лица.

Впереди бѣжитъ скороходъ, заглянуль на дворъ, видитъ, что

дружины не проѣхать, и вотъ они въѣзжаютъ окольнымъ дворомъ, а Чурила догадался: беретъ золотыя ключи, идетъ въ подвалы глубокіе, выноситъ князю и княгинѣ дорогіе подарки.

198 Втапоры Владимиръ князь, стольной Кіевской,
 Больно со княгинею возрадовался,
 Говорилъ ему таково слово:
 «Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
 Подобаетъ тебѣ, Чуригѣ, въ Кіевѣ жить,
 [Въ Кіевѣ жить], князю служить».

(Кир. IV, № 1, стр. 78 слѣд. = Кирша).

Былины, сохранившіе этотъ эпизодъ, передаютъ его въ существенно тѣхъ-же чертахъ, съ нѣкоторыми отличіями и новыми подробностями, которыя мы отмѣчаемъ.

Вездѣ то-же зачало: три толпы являются одна за другою къ Владимиру съ челобитьемъ на Чурилиныхъ людей: — это охотники, рыбаки и сокольники-кречетники. У Рыбн. I, № 45 отличіе ступешано и три раза повторяется одна и та-же жалоба, что Чурила

Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
 Кунную рыбу повывадалъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223, Гильф. №№ 229 и 251 первыя двѣ жалобы касаются охотничьяго дѣла, третью ведутъ купцы торговые и мужики посадскіе, на Чурилиныхъ людей, что они

Ѣзда по городу уродствують,
 Лукъ и чеснокъ повыщпнали,
 Бѣлую капусту повывломали,
 Красныхъ-то дѣвокъ ко сорому-де привели,
 Молодыхъ молодыхъ прибезчестили,
 Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. (Гильф. № 229).

Владимиръ не знаетъ, гдѣ живетъ Чурила, у Гильф. № 251 онъ повторяетъ послѣ каждаго челобитья:

Не знаю я Чуриловой вотчины,
 Не знаю я Чуриловой поселицы,
 Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоять.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. 223 и Гильф. № 229 его научаютъ князья и бояре, у Гильф. № 251 «удалой добрый молодець — по имени *Иванъ*, да *Ивановичъ*», заступившій здѣсь *Бермяту* пересказа Кирши. *Бермята-Пермилъ* — мужъ Катерины, за которой приволокнулся Чурило; интересно, что въ пѣсняхъ о сватовствѣ Владимира на невѣсту указываютъ ему — *Иванъ* Гостиный сынъ, либо *Пермилъ* или *Перминъ*¹⁾. — Иванъ говорить:

Знаю я Чурилову вотчину,
 Знаю я Чурилову поселицу,
 Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоять:
 У Чурила дворъ на Сароги на рѣкѣ,
 Супротивъ креста Леванидова,
 У Святыхъ мощей у Борисовыхъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 онъ не въ Кіевѣ, и не за Кіевомъ, а «на Почай на рѣкѣ — у чудна креста Дминдалидова» (Гильф. Мендалидова; вар. къ Рыбн. I, № 45, стр. 266: Леванидова) — у святыхъ мощей у Борисовыхъ». Почай рѣка вторглась сюда изъ былинныхъ воспоминаній: слѣдуетъ, быть можетъ и здѣсь читать Сорогу, гдѣ происходитъ охота въ началѣ пѣсни у Рыбн. I, № 45 (Сорога), Гильф. № 229 (Сорога), Кирши (Черега) и въ нашемъ пересказѣ, Гильф. № 223, припомнившемъ, некстати, и рыбу того-же имени: «рыбу сорогу повыловили!» — Гильф. № 229 ограничивается, относительно Чурилиной поселицы, общимъ указаніемъ: не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ, какъ у Кирши: не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца; сл. Рыбн. I, № 45: Какъ живетъ-то Чурило во Кіевцѣ, — На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ. — Всего этого слишкомъ мало для какихъ-бы-то-ни-было заключеній. Подъ Малымъ Кіевцемъ, очевидно, нельзя подразумѣвать что-нибудь географически опре-

¹⁾ См. выше, стр. 53.

дѣленное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живетъ гдѣ-то далеко за Киевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога — не указываютъ-ли на Сурожъ? Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ.

Описаніе Чурилина дворца вездѣ вычурное; сл. Гильф.
№ 229:

Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
Около двора всё булатнѣй тинъ,
Верхѣ-ти были всё точѣние,
Подворотенки-ти были дорогъ рыбей зубъ,
Надъ воротами нконъ до семидесятъ,
На дворѣ есть теремовъ до семи ихъ сотъ

(Рыбн. III, № 24: стояло теремовъ де до семидесяти; Гильф.
№ 251: три терема).

Пошолъ-то Владимиръ на широкой дворъ:
У Чурила первы сѣни рѣшетчатые,
У Чурила други сѣни серебряные,
У Чурила третьи сѣни были на золотѣ

(трое сѣней и у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф.
№ 223 и Рыбн. I, № 45; сл. у Кирши отвѣчающіе имъ трое
воротъ).

Заходилъ-то Владимиръ во високо терѣмъ,
Въ терему полъ-середѣ одного серебра,
Стѣны-потолокъ красна золота,
На неби сонце и въ тереми сонце,
На неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
На неби звѣзды розсыплются,
Въ тереми звѣзды розсыплются.

Тѣ-же подробности — о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ — въ фантастическомъ описаніи терема встрѣчаются у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45 (солнце, мѣсяцъ, звѣзды — и зори), въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, Садкѣ и Дюкѣ, наконецъ въ мало-и бѣлорусскихъ обра-

довыхъ пѣсняхъ: общее мѣсто¹⁾, имѣвшее, быть можетъ, реальное основаніе въ какихъ-нибудь хитрыхъ деталяхъ средневѣковой архитектуры. Въ византійскомъ романѣ о Каллимахѣ и Хризороѣ такъ описываются палаты драка: крыша у нихъ позолоченная, украшенная жемчугомъ; мало того:

428 ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀστέρων δρόμους.

.....
μετὰ πανσόφου μηχανῆς καὶ τέχνης παραξίνου²⁾.

Сходныя черты въ описаніи чудесъ Индѣйскаго царства указаны будутъ далѣе; на средневѣковую характеристику Хосроя я обратилъ вниманіе по другому поводу: въ его дворцѣ — искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine; Hermann von Fritzlar); сл. Gautier d'Arras, въ Eracles:

5187 Un ciel ot fait faire li fos
à cières pières et à clos
molt ricement l'ot fait ouvrer,

и описаніе «Kaiserchronik»:

11158 ein heidensker kunic hiez Cosdras,
dem geriet der vālant,
daz er hiez wirken ubir sin lant
einen himel ērtin.
vil gerne wolde er got sin.
dō hiez er mālen dar inne
die sunnen unde die maeninne
ūz den karvunkeln,
von blfe die wolken,
ūz edelme gesteine
die sternen vil kleine³⁾.

¹⁾ Сл. моя Южно-русскія былины, II, стр. 69—71.

²⁾ Lambros, l. c. стр. 19.

³⁾ Сл. моя Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 145.

Пленчище Сорожанинъ (Рыбн. I, № 45) = Пленко гость Сорожанинъ (Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223), Пленкъ, сынъ Сорожанинъ (Гильф. № 229) — встрѣчаетъ Владимира; Гильф. № 229 (сходно съ Рыбн. III, № 24) описываетъ его, какъ старо-матераго человѣка:

Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогомъ подъ зеленымъ подъ знаметоу

(Рыбн. III, № 24: самитомъ; Гильф. № 223: стаметомъ)

Пуговки всё вольячине,
Лить-то вольякъ красна золота.

Въ отличіе отъ редакціи Кирши и Гильф. № 223 (разнящагося въ этомъ случаѣ отъ Рыбн. III, № 24), появленіе Чурилинныхъ молодцовъ описано во всѣхъ другихъ пересказахъ въ параллель къ тремъ толпамъ челобитчиковъ, приходящихъ къ Владимиру: ихъ также три толпы, и лишь въ третьей мы видимъ самого Чурилу. У Гильф. № 229 и Рыбн. III, № 24 этотъ эффектъ разработанъ еще особымъ образомъ: Владимиръ видитъ «въ окошко косѣрчатое» толпу молодцовъ, исполошился, говоритъ таково слово:

Не царь-ли съ ордой, не король-ли съ Литвой,
Не думные боярнпъ-ли не сватовщикъ
На любимые Забави на племяннцы (Гильф. № 229).

Пленкъ его успокоиваетъ:

Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой.
Не думные боярнпъ да не сватовщнкъ
На любимые Забавнъ на племяннцы,
А ѣдутъ то Чуриловы все стольники.

(Рыбн. III, № 24: повары). А затѣмъ новая толпа и то-же сомнѣніе Владимира и такой-же отвѣтъ Пленка:

А ѣдутъ то Чуриловы все ключники

(Рыбн. III, № 24: стольники). Это постепенное усиленіе — изумленія и страха напоминает такой-же поэтический климаксъ въ былинахъ о Дюкѣ, гдѣ онъ, несомнѣнно, древній.

Въ послѣдней толпѣ ѣдетъ и Чурила:

Середній ѣде улицею мѡлодець,
Съ коня-то онъ на конь перескѡкиваетъ,
Черезъ три-то онъ коня да на четвѣрдаго.

Сл. Гильф. № 251 и Рыбн. III, № 24 (= Гильф. № 223):

Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемакиваетъ,
Черезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копье да подбрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.

Иначе у Рыбн. I, № 45:

Одинъ мѡлодець получше всѣхъ:
Волосники — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый свѣтъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на коня перескакиваетъ
У мѡлодець шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

На подбрасованіе и подхватываніе копья, въ знакъ мѡлодецкой удали — мы указали при другомъ случаѣ¹⁾, какъ на общее мѣсто славяно-русскаго, румынскаго и греческаго эпосовъ. Иное значеніе имѣетъ перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ, напоминающія подобныя-же упражненія Турпина въ поэмѣ о поѣздкѣ Карла Великаго въ Константинополь и Иерусалимъ. Чурила являлся не столько богатыремъ, сколько культурнымъ человѣкомъ, а понятіе культурности выразилось наивнымъ удивленіемъ къ ловкости, граничившей съ фиглярствомъ, къ ще-

¹⁾ Сл. выше, стр. 12—13.

гольству и нарядности, переходившей въ жеманство. У Чурилы шея, что бѣлый снѣгъ, лицо, будто маковъ цвѣтъ; у Кирши передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобы лицо не загорѣло. Сл. въ пѣснѣ о Дюкѣ, Рыбн. II, № 30: надъ его матерью несутъ подсолнечникъ «чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое»; въ № 28 *ibid.* она для этой цѣли «обвѣшана бархатомъ», но у Рыбн. III, № 29 «подсолнечные» — вѣроятно, люди, несущіе зонтики-подсолнечники: «Потомъ пошла уже другая толпа — подсолнечныхъ сорока сажень» (?) — а у Гильф. № 230:

Идутъ какъ тутова три женщины,
Несутъ подзонтикъ-отъ подсолпечной.

Въ одной кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 15) Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина; другая выводитъ, въ окруженіи Дигениса, какого-то паликара, маленькаго роста, съ длинными волосами и — зонтикомъ на плечахъ (*ib.* № 17).

Вездѣ эпизодъ о поѣздкѣ Владимира къ Чурилѣ кончается приглашеніемъ послѣдняго на княжюю службу въ Кіевъ.

в) *Чурилы отъ Кіева, на службу у Владимира.* Въ Кіевѣ онъ былъ «счастливъ добръ», говорится о Чурилѣ въ одной пѣснѣ о Дюкѣ Степановичѣ (Кир. III, № 2, стр. 104); въ былинѣ о Дунаѣ онъ выдаетъ его невѣстѣ изъ княжей казны «платице женское цвѣтное» и «соянъ хрущатой камки» (*ib.*, № 4, стр. 78); въ пѣснѣ о «Сорока каликахъ со каликою» (1. с. № 2, стр. 87) онъ вызывается у княгини Апраксин учинить между ними обыскъ. Его споръ съ Дюкомъ, такимъ же пріѣзжимъ богатыремъ, какъ и онъ, относится ко времени его кіевского служенія. Послѣдовательность былинъ о Чурилѣ въ этомъ эпизодѣ нѣсколько перебита, а кое-гдѣ и подновлена. У Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 84 слѣд.) Чурилы прямо является *позовщикомъ* Владимира, но Рыбн. I, № 45 и III, № 24 = Гильф. № 223 указываютъ мѣсто этой подробности лишь послѣ приключенія съ Апраксией, котораго Кирша не знаетъ. Послѣдовательность восстанавливается на первый

разъ при помощи Рыбн. I, № 45: Владимиръ предлагаетъ Чуригѣ жить въ Кіевѣ «*оз курятникахъ*» (sic.).

Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурига на бѣду накупается.
 И живеть-то Чурига во Кіевѣ,
 У князя у Владиміра въ курятникахъ.
 И возговоритъ княгиня Опраксія:
 «Ай-же ты, солнышко Владиміръ князь!
 Положи-тко Чуригу *во постельнички*,
 Чтобы сталъ онъ перину пуховую,
 И владаль-бы зголовьице высокое,
 И спдѣль-бы у зголовьица високаго,
 Играль-бы въ гуселишки яровчати
 И спотѣшалъ-бы князя Владиміра».
 И возговоритъ Владиміръ таковы слова:
 «Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
 Не довѣеть ти жить въ курятникахъ,
 А довѣеть жить ти въ постельничкахъ.
 .....
 Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурига на бѣду накупается.
 И живеть то Чурига въ постельничкахъ.

Слѣдуетъ за тѣмъ, безъ всякаго мотива, предложеніе князя Чуригѣ — быть *позощикомъ*; Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 объясняютъ это рѣшеніе — страстью Апраксія къ Чуригѣ, но не — постельнику, какъ значитъ, согласно съ Рыбн. I, № 45, въ испорченномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7, а *чашинику и столынику*.

с) *Эпизодъ съ Апраксіей на пиру.*

Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
 На хороша на новаго на столынка,
 Да завѣлъ государь да почестной пррь.
 Да премладий Чурига-то сынъ Пленковичъ.
 Да ходить-де ставитъ дубовіи столы,
 Да желтымъ кудрями самъ потрѣхиваетъ,

Да жёлтн кудри разсынаются,
 А бывъ скачбнъ жемчугъ раскатается.
 Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебедіноѣ,
 Смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую.
 Сама говорила таково слово:
 — Да не дивуйте-ко вы жени господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
 Да помѣшался у меня разумъ во буйноѣ головѣ,
 Да помутилисе у м'ня-де очи ясные,
 Да смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Да на егѣ-то на кудри на желтне,
 Да на егѣ-де на перстни злаченне,
 Помѣшался у м'ня разумъ во буйноѣ головѣ,
 Да помутились у меня да очи ясные.
 Да сама говорила таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 Да премладому Чурилу сыну Пленковичу
 Не на этой а ему службы быть,
 Да быть ему-де во *постельникахъ*,
 Да слати коври да подъ насъ *мяккіе*.
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мнѣ пришла.
 Да кабы ты, княгиня, не въ любовь пришла,
 Да я срубилъ-бы тѣ по плечъ да буйну голову,
 Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила».
 Да снялъ-де Чурила съ этой бѣльшны,
 Да поставилъ на бѣльшину на іную,
 Да во ласковыя *зазыватели*,
 Да ходить-де по городу по Кіеву,
 Да зызывать гостей во почестной пирѣ.

(Гильф. № 223 = Рыбн. III, № 24, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ отпо-
 вѣди князя Апраксін. Сл. варьянтъ у Рыбн. I, № 45, стр. 266
 прим.). Въ искаженномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7
 послѣдовательность могла быть та-же самая: пиръ у Владимира,
 княгиня заглядѣлась на Чурилу и порѣзала себѣ «руку лѣвую»;
 слѣдовало, вѣроятно, ея предложеніе сдѣлать Чурилу постель-

никомъ и отвѣдь, чтобы быть ему не *постельникомъ*, а *позовщицомъ*. Вмѣсто того говорить сама княгиня:

Не годенъ Чуривушка во постельнички,
 Во пашы во постели княженецкія;
 Сказана Чуриувъ служба явленая:
 Ёму ѣздитъ по городу по Кѣву,
 Ёму звать гостей съ гостинами жонѣ и т. д.

Впечатлѣніе, произведенное на Апраксию Чурилипой красотой, рассказано съ тѣми-же анекдотическими чертами и въ другой былинѣ: объ Апракси и Тугаринѣ. Я имѣю основаніе предположить, что въ послѣднемъ случаѣ это черта перенесенная — можетъ быть, изъ былинъ о Чурилѣ. Дѣло въ томъ, что Тугаринъ явился въ Кіевѣ лишь вслѣдствіи искаженія древней пѣсни о немъ и послѣдовавшаго оттого смѣшенія Константинополя съ Кіевомъ; что при дворѣ Владимира онъ, собственно, является насильникомъ, не красавцемъ *χατ' ἑξοχήν*, какимъ вступаетъ вездѣ нашъ Чурила, и что если былина заставляетъ Апраксию заглядываться на Тугарина, то она указываетъ уже на позднюю детеріорацію пѣсвеннаго преданія, совершившуюся преимущественно на сѣверѣ, очерствившую образъ Владимира и заставившую Апраксию влюбляться во всякаго мушкетера. — Такъ или иначе, рассказъ «о порѣзаніи рукъ» болѣе у мѣста при Чурилѣ, и интересно наблюдениіе, что большая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области — апокрыфа, откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелфы Тимоосевны, и Сафать рѣку, и Леванидовъ крестъ — и чашу калпки Михаила ¹⁾.

¹⁾ См. параллели, собранныя мною въ Beiträge, I. с. стр. 570 и, въ особенности, Köhler'a, Zum Spruch vom König Ezel, Germania XIV, 243—5; его-же, ib. XXVIII, стр. 11 слѣд. и Anzeiger für Deutsches Alterthum u. deutsche Litteratur IX. стр. 204 (въ разборѣ Grünbaum. Jüdisch-deutsche Chrestomathie, p. 227 и 165). Большая часть сопоставленій Köhler'a (кроме тѣхъ, которыми я пользуюсь въ текстѣ) могутъ быть названы вариантами къ нашему сюжету: засматривается не женщина на мужчину, а молодецъ на красавицу, и съ тѣмъ-же результатомъ.

Въ двѣнадцатой сурѣ Корана пересказано слѣдующее равнинское преданіе объ Іосифѣ: онъ отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ! Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотой: Это — не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ, сказали онѣ, и — порѣзали себѣ руки. — Это тотъ самый, изъ за котораго вы такъ повосили меня, отвѣтила жена Пентефрія (Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? Bonn, 1833, стр. 141 слѣд.). — Въ еврейскомъ *Sepher Hajjaschar* (Geiger l. c., стр. 143) прямо сказано, что женамъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ пальцы. Арабскіе толкователи нашли эту подробность въ разночтеніяхъ къ пересказанному выше мѣсту Корана, которое *Elphegar* (Geiger l. c.) толкуетъ такимъ образомъ: жены порѣзали ножемъ свои руки, думая, что рѣжутъ апельсинъ, но не почувствовали при томъ никакой боли, ибо все ихъ вниманіе было обращено на Іосифа.

Исторія Іосифа и Зулейки (= *Μεμφία* греческаго апокрифа) нѣсколько разъ пересказывалось по Корану арабскими поэтами (сл., между прочимъ, в. *Hammer, Rosenöl*, стр. 71—2); на такомъ могометанскомъ источникѣ основанъ соотвѣтствующій эпизодъ въ старопанской поэмѣ объ Іосифѣ: *Zuleja* пригласила къ себѣ городскихъ женъ:

*Diolas sendas toronjas e caminetes en las manos,
Tajantes e apuestos e mui bien temperados.
E fuese Zuleja a do Jusuf estaba,
De purpura e de seda mui bien lo aguisaba,
E de piedras preciosas mui bien lo afeitaba,
Berdegadero en sus manos a los duennas lo embiaba.
Ellas de que lo bieron perdieron su cordura,
Tanto era de apuesto e de buena figura;
Pensaban que era tan angel e tornaban en locura,*

Cortabanse las manos e non se abian cura.
 Que por las toronjas la sangre iba andando.
 Zuleja quando lo bido toda se fue alegrando, и т. д.

д) *Впечатлѣніе Чурилыной красоты*. Непосредственно за эпизодомъ къ Апраксіей слѣдуетъ въ отрывкѣ у Кирши (Кир. IV, № 2, стр. 86—7) явленіе Чурилы-позовишка; всѣ дивуются на него:

Встаетъ Чурива ранѣхныю,
 Умывается (Цы)Плѣнковичъ бѣлѣхныю,
 Надѣвать сапожки-зелѣнь сафьянъ,
 Патки гладки, носки плоскі,
 Кругъ паты хотъ нѣомъ прокати,
 Подъ пату воробей проскочи.
 Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
 Заглядѣлся на Чуриву всѣ люди-тѣ:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещать,
 Гдѣ молодушки глядятъ — лишь окѣненки звенять,
 Гдѣ стары глядятъ — манаты на сеѣ дѣруть.

Та-же послѣдовательность у Рыбн. I, № 45, vv. 180—184 и Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223: Чурила идетъ улицамъ, переулками,

Желтымъ кудрями всѣ потряхиваетъ,
 Желтые-то кудри рассыпаются,
 Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
 Смотрячись на красоту Чурилову,
 Старцы по кельямъ онаяшь (Гильф. № 223: онаѣ) деруть;
 Смотрячись де на красоту Чурилову
 Молодые молодцы въ голенище сц...;
 Смотрячись де на красоту Чурилову,
 Красные дѣвки очелье (Гильф. № 223: отселья?) деруть.

(Рыбн. III, № 24; старцы вм. «стары» Кирши, а келья явились по связи съ особеннымъ значеніемъ «старцы»). — Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 заставляетъ Апраксию еще разъ повторить просьбу — Владимиру, чтобы онъ поставилъ Чурилу въ по-

стельникахъ — что очевидно здѣсь не у мѣста. Оба пересказа былины заключаются предложеніемъ князя Чуриль — хотъ въ Кіевѣ жить, хотъ домой пойти, а въ дому у него онъ не нуженъ. Чурила уѣзжаетъ къ себѣ — потому что былина не знаетъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Что эпизодъ о ней слѣдовалъ за разбираемымъ нами, доказывается тѣмъ, что описаніе Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія, ею произведеннаго, обыкновенно стоитъ передъ свиданіемъ съ Катериной въ былинахъ, знающихъ её въ связи съ цѣлымъ, либо обособившихъ её въ отдѣльную пѣсню. Такъ въ отрывкѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8: Чурила

4   добро по городу погуливалъ,
           Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
           Лазоревый цвѣточикъ не ломится,
           Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.

Сл. *«щепливую походку»* Чурилы въ былинѣ о Добрынь, Кир. II, № 1, стр. 31, vv. 280—1; Рыбн. I, № 32 въ былинѣ о Днѣпрѣ Королевичѣ и Донѣ Ивановичѣ, v. 21 слѣд. (Нѣтъ молодцовъ походкой, пощипкой — Противъ Чурилица Оепенковича: Идетъ то Чурилице по Кіеву, Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются). См. еще въ пѣсняхъ о Чуриль описаніе его *наряда* у Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. №№ 8, 35, 189, 309; *типическое впечатлѣніе красоты* у Рыбн. I, № 45, vv. 181—184 (Какъ стары старухи костыли грызутъ, А молоды молодницы мошны дерутъ и т. д.), № 46, v. 7—8 (На его дѣвки глядятъ — золоты пелы ломаютъ, Стары бабы глядятъ — прялицы ломаютъ), Гильф. № 309, (Красныя тѣ дѣвки вѣдь стѣкла рвутъ . . . Старыя старухи вѣдь клюхи тѣ грызутъ).

Всѣ эти описанія отзываются тѣмъ грубоватымъ шаржемъ, культурно-историческое значеніе котораго мы старались уяснить себѣ по другому поводу¹⁾. Въ одной былинѣ о Дунаѣ (Кир. III, № 3, стр. 58 слѣд., vv. 135—137), которую мы разберемъ

¹⁾ Сл. выше, стр. 67—68.

далѣе, въ связи съ пѣснями о Чурилѣ, тѣ-же впечатлѣнія выражены мягче: молодцы идутъ по Кіеву, а

Дѣвки, жонки по плечъ въ окно металися:
«Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»

Сл. въ романѣ Θεοδора Προδρομα впечатлѣніе, какое производить красота Дозиклея:

Н. 195 Ὁ πᾶς γὰρ ὄχλος τῶν προπομπῶν παρθένων
ὄλοις βλεφάροις τὸν Δοσικλέα βλέπων
ἤλικαν εἰσδέδεκτο τῇ ψυχῇ βέλος·
ὅποια πάντως οἶδεν ἐντείνειν Ἔρωσ,
φαρμακτὰ πικρὰ πυρπολοῦντα καρδίαν.
Ἦ μὲν γὰρ αἰδοῦς ἐκποδῶν τεθειμένης
ἤγγισεν, ἀντέβλεψεν ἀπλήστοις κόραις,
ὡς ἐγγύθεν βλέπουσα καθαρῶς βλέποι·
ἄλλη προσῆλθε, τοῦ χιτῶνος ἤψατο
καὶ τῆς ἀφῆς ἔλαβε δεύτερον βέλος·
ἄλλη παροιστρηθεῖσα ταῖν δυοῖν πλέον
καὶ πάντας ἐκτύσασα δεσμοὺς χισχύνης,
ὠχρὰν δὲ σεμνὴν ἐξάρασα τῆς χροᾶς
προσῆλθεν ἠσπάσατο τὸν νεανίαν
καὶ πάντα ὡίστευτο τῆς ψυχῆς τόπους ¹⁾.

е) *Чурила и Катерина*. Такъ она названа въ большинствѣ пересказовъ: Кир. IV, № 1, стр. 85: *Катерина*; Рыбн. I, № 45, 46; II, № 23, 24; III, № 25, 26 (= Гильф. № 67), 27 (= Гильф. № 224); Гильф. №№ 8, 35, 242, 309, 268; Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, Чтенія Общ. ист. и древн. 1877 г., III, стр. 18 слѣд.: *Катерина Микулична*; Гильф. № 27, 189: *Катерина Викулична*; у Гильф. № 132, гдѣ Добрыня является въ роли Чурилы, Катерина Микулична, но въ № 110 *ibid.*, гдѣ Добрыня замѣнилъ Бермяту, *Домна Александровна*. — Мужъ Катерины носитъ имя *Бермяты Васильевича* (Кир. IV, № 1,

¹⁾ Τοῦ φιλοσόφου Κύρου Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου τῶν κατὰ Ροδάνθην καὶ Δοσικλέα βίβλια Δ, у Hercher, *Erotici scriptores graeci*, t. II, стр. 408.

стр. 85; Рыбн. I, № 45; II, № 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. №№ 268 и 309), *Пермяты Васильевича* (Гильф. № 35), *Бермяты Михайловича* (Гильф. № 242), *Пермятьева* (Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд.; жена безъ имени: Пермятьиха), *Пермяна Васильевича* (Гильф. № 189), *Бурмяна Ивановича* (Рыбн. III, № 25), *Веммы Васильевича* (ib. № 26 = Гильф. № 67), *Бермаса Васильевича* (Шейнъ, I. с.), *Ермы Васильевича* (Рыбн. I, № 46), *Безмяра Васильевича* (Гильф. № 8). — Очевидно, это тотъ самый Бермята, который въ редакціи Кирши одинъ знаетъ гдѣ живетъ Чурила, указываетъ на него Владимиру и ѣдетъ къ нему съ княземъ — а въ послѣдствіи платится за свое указаніе — домашнимъ горемъ. — Въ пѣснѣ о Дюкѣ, побѣдившемъ Чурилу своимъ щегольствомъ, Пермятъ Ивановичъ говоритъ Владимиру:

Посмотри-тко ты да на глѣву руку:
Молодой Щурилушка да Пленковичъ
Прозакладагъ ѣнъ свою буйну головушку

(Гильф. № 85; у Рыбн. I, № 48 эти слова приписаны Дунаю) Въ другой, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29 Дюкъ, явившись въ Кіевъ, становится въ церкви между Бермятой Васильевичемъ и Чурилой.

Съ Катериной Чурила знакомится уже будучи въ роли позовщика: у Рыбн. I, № 45 онъ идетъ «Звать князей-бояръ на почестень пирь»; всѣ любятъся имъ (слѣдуетъ типическій эпизодъ: впечатлѣніе красоты);

Идетъ-то Чурила въ суконный рядъ
Ко старому Бермяту Васильевичу
Звать его на почестень пирь:
«Ай-же ты, Бермята Васильевичъ!
Поди-ка, сударь, на почестень пирь,
Ко князю поди, ко Владимиру».
Скажетъ Бермята сударь Васильевичъ:
«Ай-же ты, Чурила Пленковичъ!
Поди-ка въ мон палаты бѣлокаменны,

Зови-ка Катерину Микуличну,
Любимую мою семейшку».

Чурила идетъ, а Катерина зазываетъ его къ себѣ. Такъ представляется положеніе и у Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 85):

Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ
И собралъ ко князю на почестный пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятъ Васильевичу,
Въ его молодой женѣ,
Въ той Катеринѣ прекрасна,
И тутъ онъ позамѣшкался.

Долго ждали на пиру, пока явился Чурила — но Владимиръ «ни во что положилъ» его мѣшканье.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій *слѣдъ*,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;
А ине тутъ усмѣхаются
[Усмѣхаются], сами говорятъ:
«Знать, это не зайка скакалъ,
[Не зайка скакалъ], не бѣлъ горностай,
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Въ старому Бермятъ Васильевичу,
Въ его молодой женѣ
Катеринѣ прекрасна.

Этотъ слѣдъ по порошѣ сохранился и въ былинѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8, у Рыбн. II, № 24 и въ испорченномъ видѣ и съ лишними подробностями въ другихъ пересказахъ: выпадала пороша, не бѣлый горностай прометывалъ по ней слѣды, а Чури-
рила;

Всѣмъ ходя малые ребятушки
Обирали гвоздочки серебряные,
Тѣмъ де ребята головы кормятъ.

РЫБН. III, № 27 = ГИЛЬФ. № 224. Сл. ГИЛЬФ. № 268 и начало пѣсни у РЫБН. II, № 23:

*Не бѣлый зайчика проскакиваетъ,
Не малы слѣдочки прометиваетъ:*
Гвоздички серебряны выравиваетъ.
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
Гвоздички серебряны нахаживали.

Въ былинахъ, обособившихъ приключеніе съ Катериной, дѣло прямо начинается съ того, что Чурила ходитъ, ѣздитъ щеголемъ по городу, а Катерина зазываетъ его къ себѣ (Сл. Кир. IV, № 3, р. 88, РЫБН. I, № 46; II, №№ 23 и 24; III, № 27 = ГИЛЬФ. № 224; ГИЛЬФ. 8, 27, 35, 189, 309; Шейнъ, I. с.). Но у ГИЛЬФ. № 268 сохранились слѣды древнихъ отношеній: Чурила-позовщикъ забытъ, онъ находитъ Бермяту у заутрени, а тотъ, безо всякаго мотива, яснаго изъ РЫБН. I, № 45, посылаетъ его къ себѣ домой:

Кто-ли отъ бѣды да откупается,
Иной-то на бѣду не накупается. ¹⁾
Старше Бермята Васильевичъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идѣтъ,
Посылаетъ-ли Чурилу во высокъ теремъ:
«Ты подп-тко-ли, Чурило, во высокъ теремъ,
Заходитъ-ли Чурило во высокъ теремъ,
Стоитъ-то Катерина, Богу молится

(— не подъ влияніемъ-ли заутрени, на которой обыкновенно стоитъ Бермята?). Менѣе значенія, въ смыслѣ возстановленія древняго состава пѣсни, слѣдуетъ дать РЫБН. III, № 26, гдѣ Катерина обнаруживаетъ болѣе раннее знакомство съ Чурилой (ч. 19: Что-же ты, Кирила, вечеръ не бывалъ?); сл. ГИЛЬФ.

¹⁾ Сл. тѣже выраженія о Чуригѣ у РЫБН. I, 45. См. выше стр. 95.

№ 67 (Что-же ты, Чурила, не пожаловалъ?) и Рыбн. I, № 45 (Все ждала Чурилушку Пленковича; сл. Шейнъ, I. с.).

Мужа Катерины нѣтъ дома, и обыкновенно онъ въ церкви (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224; Гильф. 8, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, I. с.; у Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд. и Рыбн. I, № 45, 46 этой подробности нѣтъ), когда является Чурила. Жена заываетъ его, ведетъ въ горницу, садитъ за дубовый столъ, угощаетъ; насыпаетъ пшеницы бѣлояровой его коню (Шейнъ, I. с.; Гильф. № 8; сл. ib. № 189 = здѣсь № 27 ibid.), зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей. Интересно, что въ цѣломъ рядѣ пересказовъ этотъ эпизодъ предваряется игрой Катерины и Чурилы въ шахматы (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 27, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнъ, I. с.):

Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
«Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я тебя поиграю, тебя Богъ простить,
А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»

Три раза даетъ ей Чурила матъ, а она бросила доску и шахматы и говорить:

«Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
Я не знаю глядѣть на твою красоту,
На твои-то на кудри на желтые,
На твои на перстни значенные:
Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
Помутились у меня очи ясные,
Смотрючись де, Чурило, на твою красоту.»
Брала Чурила за руки за бѣгны,
Вела его въ лежни во теплыя
Да ложились на кровать спать слоновыхъ костей,
Начали съ Чуриломъ забавляться (Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224).

На брачно-символическое значеніе игры (въ шахматы, шашки и т. п.) въ средневѣковой и народной поэзиі я указалъ въ другомъ мѣстѣ, по поводу соответствующаго эпизода въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ ¹⁾.

Любовной бесѣдѣ Катерины съ Чурилой мѣшаетъ «сѣнная дѣвушка» (Кир. IV, № 3, стр. 88), «старая служанка» (Рыбн. II, № 23; Гильф. №№ 242, 309: служанка); дѣвка «дворовая», «челядична», «челягична» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67), «щелядична» (Рыбн. I, № 46), «челядична» (Гильф. № 35), «челяночка» (ib. № 27), «черная дѣвчоночка челядинка» (ib. № 189; сл. Шейнъ, I. с.), «черная дѣвка служанка» (Гильф. № 268), «чернавка» (Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224), «дѣвчоночка черная», «челядинка» (Гильф. № 8), «черनावушка» (Рыбн. II, № 24), «Чернява колачница» (Рыбн. I, № 45): — собственное имя изъ эпитета. — Въ былинѣ у Рыбн. I, № 45 она предупреждаетъ Чурилу не ходить въ «палаты во Бермятны», а Катерина бросаетъ её за тѣ слова «о сыру землю» (сл. Гильф. № 35); въ другихъ она грозитъ донести обо всемъ мужу, и её стараются закупить обѣщаніемъ награды (Рыбн. I, № 46, Гильф. № 8, 27, 35, 189), при чемъ пѣкаторые пересказы (Гильф. № 8, 27, 189; Шейнъ, I. с.) заставляютъ Катерину пожалѣть о подаркахъ, посланныхъ Чурилой:

Еще а ѿ же ты Чурилушка Пляковичъ!
Еще шапочку-то эту самъ сдержи,
А ѿ полтняки серебра мнѣ-ка-ва отдай

(Гильф. № 189).

Служанка бѣжить и все открываетъ отсутствовавшему мужу (у Рыбн. I, № 45 эта черта просто забыта). Онъ говоритъ ей:

Ты правду говорпшь — стану жаловать,
Неправду говорпшь — голову срублю

¹⁾ Южно-русскія былины, II, стр. 71, 72—3.

(Рыбн. II, № 23; сл. Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 309);

либо:

Буде правду говоришь, я за мужь возму,
А неправду говоришь, голову срублю

(Рыбн. I, № 46; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 242), что отвѣчаетъ особой развязкѣ этихъ былинъ, лишь случайно не досказанной въ Рыбн. I, № 46

Мужь спѣшитъ домой, стучится въ ворота (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 268), два (Рыбн. II, № 23, Гильф. № 242) и три раза (Гильф. № 309, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224):

Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спять Катерина, не пробудится;
Застучалъ де Бермата во второй наконь,
Спять Катерина, не пробудится;
Застучалъ Бермата во третій наконь
Изо всей могуты богатырскія:
Всѣ теремы пошатался,
Маковки поломался (Рыбн. III, № 27).

Катерина выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ безъ пояса, волосы у ней растрепаны, грудь открыта, на ногахъ одни чулки безъ чоботовъ, либо «сафьяны башмачки на босой ногѣ» (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 189, 242, 268, 309). Мужь спрашиваетъ, отчего она такъ растрепана, «не сварядна»?

Сегодня у насъ вѣдь честный праздиень,
Честное Христово Благовѣщенье

(Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224; сл. Рыбн. II, № 23, 24; Гильф. № 242, 309). У ней болитъ «буиная голова», ей «и не можется, и хворается» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67;

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; сл. Шейнъ, 1. с.); заболѣло сердечко ретивое (Гильф. № 8; см. № 268, 309).

Либо вопросъ такой: почему она не пошла въ церковь?

Ай-же ты Пермать сынъ Васильевичъ!

Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскихъ?

Еще нельзя-то мнѣ идти да во Божью церковь

(Гильф. № 35).

Что дома у него непрощенный гость — въ этомъ мужъ убѣждается, обыкновенно, не съ разу: онъ видитъ чужого коня (Рыбн. I, № 46, III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 8, 35, 189, 242, Шейнъ, 1. с.; въ № 8 и 189, Гильф. мужъ сносить ему голову), шапку («золотокъ колпакъ», Кир. IV, № 3, стр. 89; Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 309: шапка), «перчатки шелковы» (Кир. IV, № 3, стр. 89), кафтанъ («зелень кафтанъ» Кир. *ibid.*; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224: платье; Рыбн. II, № 23: кафтанъ, № 24: «шуба соболиная»; Гильф. № 242: «шинель-сертукъ»; № 268 *ibid.*: кафтанъ), сапоги («сафьяны сапожки, Кир. 1. с., стр. 89; Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67: лапотцы; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. II, № 23, Гильф. № 309: сапоги), саблю (Рыбн. II, № 24), сани и плетку (Рыбн. I, № 46). — Что это такое? спрашиваетъ мужъ, а Катерина отвѣчаетъ, что всё это пожаловали ей батюшка и матушка, братецъ съ сестрицей, хочетъ она сварядить своего мужа «лучше стараго», либо это — вещи ея брата, помѣнявшагося съ Чурилой (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. I, № 46, II, № 23, 24; Гильф. № 35, 189, 242, 268, 309, Шейнъ, 1. с.). — Въ двухъ пересказахъ (Гильф. №№ 35 и 189; сл. *ib.* № 8) мужъ готовъ вѣрить отповѣди жены и обращается къ дѣвкѣ съ угрозой — доказать, что она ему показывала. — Чурилу онъ находитъ на кровати (Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 —

Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 67, 242, 268, 309), либо за печкой:

Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горять,
То ясны очи глядятъ, то Чуриловы

(Кир. I. с. № 3, стр. 90), наконецъ — въ ларцѣ: такъ у Шейна, I. с., Гильф. № 8 и — 189, прибавляющемъ слѣдующія новыя черты: Перминъ подходитъ къ воротамъ, увидала его Катерина:

«Еще охъ-ти мнѣ да пере-охъ-ти мнѣ,
Куды-то я кладу да Чурилушку,
А ѿ Чурилушку да Пленковича?»
Еще брала тутъ она да золотѣи ключи,
Отмыкала она тутъ кованѣи ларцѣ,
Полагала Чурилушку Пленковича,

а на вопросъ мужа, кто у нея былъ въ гостяхъ, «быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой», отвѣчаетъ:

Еще бѣла валика переходая.
Накормила, напоила, на порѣнки отдохнутъ.

У Рыбн. I, № 45 дѣло кончается обращеніемъ Бермяты къ Чурилу:

Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ,
А экъ-ли зовутъ на почестенъ пиръ?

намекая на Чурилу, проникшаго къ нему въ званіи позовщика. Былина, очевидно, тѣмъ не кончалась: обыкновенно она заключается смертью Чурилы и Катерины:

Выходи-ко ты, Чурило, среди поля,
До тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
105 Мы съ тобой, Чурило, *побратуемся*.
Ты гой еси, княгиня моя, превмысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо,
На красно крыльцо, на перильчато:
Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
На другомъ женихѣ, — вострой сабелькѣ

2 0 *

(Кир. I. с., стр. 90). Ст. 105 явился, вѣроятно, когда забыто было значеніе братанья — какъ *братанья въ битю* (если это не пропія на мнимое братанье Чурилы съ братомъ Катерины, сл. Рыбн. № 23). У Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67 мужъ убиваетъ Чурилу и Катерину; такъ и у Рыбн. II, № 24, такъ было, несомнѣнно, и у Рыбн. I, № 46¹⁾; сл. еще Гильф. 242, 268; либо: обонхъ любовниковъ, дѣвку, чтобъ не доказывала на мужнихъ женъ, и себя (Гильф. № 8, 189); или: убить одинъ Чурила (Рыбн. II, № 23; Гильф. № 35), а Катерина сама себя убиваетъ (Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Гильф. № 309).— Иногда былина кончается бракомъ мужа съ дѣвкой-доносчицей (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Рыбн. I, № 46¹⁾, Гильф. №№ 242, 268, 309). Лишь у Шейна, I. с., мужъ ограничивается смертью любовника, а жену щадитъ.

Таково содержаніе былинъ о Чурилѣ. Для устойчивости пѣсеннаго преданія, въ его послѣднемъ эпизодѣ, интересно замѣтить, что въ пяти (шести: Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224) пересказахъ онъ приуроченъ къ празднику Благовѣщенія. Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь, не столько хронологическаго, сколько мѣстнаго указанія? (церковь?).

III.

Эпизоду о Чурилѣ и Катеринѣ особенно посчастливилось: онъ сохранился по крайней мѣрѣ въ шестнадцати пересказахъ, выдѣленныхъ изъ общей связи. Это выдѣленіе должно было отразиться на внѣшнемъ видѣ пѣсни: она забыла объ отношеніяхъ къ Владимиру и Апраксін и прямо выводитъ на сцену Чурилу, ѣздящаго щеголемъ по городу и зазываемаго Катери-

¹⁾ Сл. выше, стр. 107.

ной. Гильф. № 242 присоединяетъ къ этому еще новую романтическую подробность: Чурига

Выѣзжае противу дому Бермятова,
Занграѣ онъ во доску гусельною,
Да перву доску играе про Кіевъ градъ,
А ѣ другу доску ѣграе про свою повздочку,
А ѣ третью доску играе про Бермятовъ домъ,

послѣ чего Катерина его зазываетъ. — Эти подробности напоминаютъ сходныя въ былинахъ о Добрынѣ и Садкѣ ¹⁾ и, можетъ быть, перенесены оттуда, но положеніе, во всякомъ случаѣ, новое, напоминающее Харикла ночью у терема («πρὸς αὐτοῦς παρθεωνῶνας») Каллигоны:

В 320 Καταλαβούσης τοιγαροῦν τῆς ἐσπέρας
ἀναλαβὼν κίθαριν ἠργυρωμένην
ἐπεκρότουν κρούσμασι καλλιστοκρότοις,
καὶ συγκροτῶι ᾠδεον εἰς Καλλιγόνην ²⁾,

Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой:

Ε 1731 Καβαλλικέυει 'ς τ'ἄλογο κρατῶντας καὶ τὴν λύρα,
Τραχούδι εὐμορφό 'λεγεν γιὰ τὴν 'δική του μοῖρα....

1755 Τριαντάφυλλό μου κόκκινο καὶ ῥόδο μυρισμένο,
μῆλό μου ὠραιότατον ἄξιο καὶ πλουμισμένο,
σῆκω, γλυκύτατό μου φῶς, γιὰ νὰ περιπατοῦμεν,
Αὐγερινός ἀνέτειλεν καὶ ἔλα νὰ διαβοῦμεν.
Τοῦτ'α 'λεγεν ὁ Διγενής καὶ 'σήμαινε τὴν λύρα ³⁾.

Популярность пѣсни о Чуригѣ и Катеринѣ засвидѣтельствована, между прочимъ, — ея искаженными переѣвами, бросающими косвенный свѣтъ на историческую жизнь былинны. У Гильф. № 132 Добрыня Микитиничъ (при Пермятѣ Васильевичѣ и Кате-

¹⁾ Сл. Разысканія VII, стр. 216—218.

²⁾ Νικήτου τοῦ Ἐνγενειάνου τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλῆα βιβλ. 3., у Hercher, Erotici scriptores graeci, II, стр. 458.

³⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 182—8.

ринѣ Микулчнѣ) замѣнилъ Чурилу, наоборотъ, въ № 110 Гильф. онъ является на мѣсто Бермяты, при Щурилѣ Щиплѣнковичѣ — и Домнѣ Александровнѣ.

Замѣны эти могутъ быть отчасти объяснены: Добрыня ухаживаетъ за Мариной, какъ Чурила за Катериной; какъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ эпизодъ его любви къ Катеринѣ является лишь послѣ его служенія въ должности *чашиника*, *ключника*, *позовщика* при дворѣ Владимира, такъ и былины о Добрынѣ и Маринѣ открываются общимъ мѣстомъ:

Въ стольномъ въ городѣ во Киевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владимира
Три года Добрынюша *стольничалъ*,
А три года Никитичъ *приворотничалъ*,
Онъ *стольничалъ*, *чашиничалъ* девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ

(Кир. II, № 6, стр. 53 = Кирша; сл. *ibid.* № 1, стр. 41, № 4, стр. 48; Рыбн. II, № 2, стр. 11; Шейнъ, I. с. стр. 16). — Съ другой стороны, трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Годиновичемъ (Гильф. № 194), но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ, какъ Дмитрій князь наглузившуюся надъ нимъ *Домну* Фалегѣвну: зазавъ её къ себѣ на пирь, онъ бьетъ её до полусмерти (Кир. V, стр. 13—15). У Рыбн. I, № 79 вмѣсто Дмитрія является Митрій Васильевичъ, *Домна* названа *Александровной*; пѣсня развивается тождественно, но ея печальная развязка усилена. — Сидя въ новой горенкѣ, подъ косящатымъ окномъ, Домна Александровна потѣшается надъ Митріемъ Васильевичемъ:

«Видитъ-то Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Напередъ горбатъ, назадъ поклапъ,
Глаза у него бытто у совы,
Брови у него бытто у жоги,
Носъ-то у него бытто у журава». —

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
 «Ай-же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
 Заводи, братецъ, пирь-пированье,
 Зазови-тео Домну Александровну
 На широкій дворъ, на почестный пирь».

Приходятъ послы къ Домниной матери, просятъ отпустить дочь
 «на почестный пирь». Мать не отпускаетъ её, она видѣла сонъ,

«Бытто золота цѣлощечка рассыпалася,
 Рассыпалася она и укаталася.»
 Говоритъ Домна Александровна:
 «Ай-же, родна моя матушка!
 Про себя спала, про себя сонъ видѣла!
 Уйду я за мужъ за Митріа Васильича,

и она отправляется къ нему. Онъ встрѣчаетъ её,

Береть за ручки за бѣлья,
 Цѣловагъ во уста во сахарнія,
 Велъ ю за столы за дубовые,
 Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ,
 И учалъ онъ Домну по бѣлу тѣлу:
 И шелковый поясъ расплетается,
 Домнино тѣло разбивается.

Узнавъ о томъ, мать Домны спѣшить ко двору Дмитрія, уви-
 дѣла её мертвой и сама падаетъ на кирпичный полъ бездыханная.

Говоритъ тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичъ:
 «Ай-же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
 Ты сдѣлала три головки безповинныхъ!»
 Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
 Наставилъ тупымъ концемъ во кирпичепъ полъ
 И острымъ концемъ во бѣлы груди.

Поводы къ сближенію ясны: *Дмитрій Васильевичъ* = Бермята,
Безмѣръ, *Вельма* и т. д. *Васильевичъ*; *Домна Александровна* =
Катерина извѣстныхъ намъ пѣсень о *Чурилѣ*, *Домна* у *Гильф*.
 № 110; сестра мужа являлась отчасти въ роли дѣвки-доносщицы,

тройственная смерть въ концѣ — также напоминала развязку эпизода Чурилы съ Катериной.

Иной типъ искаженія представляетъ Рыбн. III, № 25: имена сохранены, мотивы страшно перепутаны, либо поняты ложно, но одна черта, можетъ быть, не лишена значенія: Бурмянь братается съ Чурилой; если здѣсь не искаженіе того символическаго братанья въ битвѣ, которое мы видѣли у Кир. IV, стр. 90, в. 105, то Чурила проникнулъ въ домъ Бермяты — какъ крестовый братъ: тѣмъ грѣховнѣе его проступокъ; званіе крестоваго брата отягчаетъ, въ глазахъ Добрыни, притязаніе Алеши на руку его жены.

Чурила снаряжается куда-то въ путь; дѣвушка челядинка, — та самая, которая и здѣсь, какъ вообще въ пѣсняхъ этого цикла, доноситъ мужу Катерины на Чурилу — провожаетъ его словами, въ стилѣ тѣхъ, съ которыми въ другихъ былинахъ конь обращается къ своему хозяину: черезъ первый, второй ровъ перескачу, въ третій попаду:

Станешь во чистомъ полѣ стрѣляться,
 На добрыхъ коняхъ разѣзжатися,
Первой ты разъ стрѣлишь — не дострѣлишь,
Другой разъ ты стрѣлишь — не дострѣлишь,
Третій разъ стрѣлишь — перестрѣлишь.
 Пойдетъ сила-армія великая,
Черезъ три стѣны кони перемаживать —
 Твое конишко маломочное,
 Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.

(Сл. въ былинѣ о Дунаѣ, Кир. III, № 2, стр. 57—8: не дострѣлилъ, перестрѣлилъ, попалъ; сл. ib. № 3, стр. 68; № 4, стр. 79 и разнѣ въ пѣсняхъ объ этомъ богатырѣ). Въ чистомъ полѣ онъ сѣзжается съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ — и предлагаетъ ему побрататься крестами! — Катерина Микулична, «богатырша . . . великая», оказывается дагѣе — сестрой Чурилы — очевидно, по смѣшенію: въ пересказахъ, разобранныхъ выше, она постоянно ссылается на брата, съ которымъ, будто-бы,

Чурилу помѣнялся конемъ, шапкой и т. д. — Далѣе эти братскія отношенія забыты: Катерина видитъ подѣзжающаго Чурилу, засыпаетъ пшеницы бѣлоярой его коню (съ тѣми-же почти словами, что у Гильф. № 27 и 189) — и проситъ Бурмяна отдать ей Чурилу — котораго приводитъ въ теремъ и замыкаетъ во «дубовый ларь», какъ у Гильф. № 8 и 189. Слѣдующія слова, очевидно, обращены къ Чуригѣ:

Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
 Что ему (Бурмяну) по разуму разложится,
 Можетъ быть, онъ къ намъ не воротится.

Между тѣмъ Бурмянь вернулся, и та-же дѣвка, которую мы встрѣтили въ началѣ пѣсни — при Чуригѣ (сл. v. 80 = v. 18), говоритъ Бурмяну:

Поди, сходи теперъ во высокъ теремъ,
 Ко той Катерины Мивулчной:
 Тамъ ображенъ Чурилушка Пленковичъ.

Былина кончается тѣмъ, что Бурмянь убиваетъ Чурилу и Катерину, дѣвку-доносчицу и себя, какъ у Гильф. № 8 и 189, пошедшихъ, очевидно, изъ одного источника съ разбираемой.

Отчудившись, въ большинствѣ пересказовъ, отъ Кіева и Владимира, былина въ двухъ редакціяхъ сохранила — или возстановила? — порванную связь, но въ силу особаго пріема: приключеніе съ Катериной отнесено въ какое-то другое мѣсто, Чурила остается въ живыхъ — и затѣмъ уже ѣдетъ къ Владимиру. У Гильф. № 27 эта послѣдовательность нѣсколько спутана: Чурила живетъ въ Кіевѣ, а дальше говорится, что онъ пріѣзжаетъ «ко городу ко Кіеву, — Да ко славному царю(?) ко Владимиру»; слѣдуютъ: зазываніе Катерины, кормленіе коня, игра въ шахматы и — «тисова кровать». «Дѣвчонка челяночка» спрашиваетъ Катерину, кто у ней въ гостяхъ — «али братъ родной, али мужъ грозной»; Чурила сулитъ ей подарки, Катерина отговариваетъ.

Видитъ Чурила — двлати теперъ нечего.

Попъжасяетъ Чурилушка ко городу,

Ко городу ко славному ко Києву;

Ко тому-то царю ко Владиміру,

Крестъ-то ведеть по писаному,

А поклонъ-то ведеть по учёному,

Вьеть-то челомъ, князю Владиміру:

«Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,

Грозно-кіевскій великін!»

Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:

«Сважи, чей ты да отвулешной,

Ты койи орды, ты койи земли,

Ты чьего отца, чьей-то матери?»

— Отца матерн не помню теперъ,

Есть молодець а Чурилушка Пленковичъ —.

(Конца пѣвница не помнила).

Пріѣздомъ въ Кіевъ кончается и былина о Чурилѣ у Гильф. № 127. Она требуетъ особаго объясненія.

Въ пѣсняхъ о князѣ Волконскомъ и *Ванкѣ* ключникѣ, — князь узнаеть изъ доноса служанки¹⁾ о томъ, что его ключникъ живеть съ его женой, велить его казнить, а она умираеть. Имя ключника обыкновенно: Ваня, Ванюша, Иванъ, Иванушка. — Въ пѣсняхъ о «молодцѣ и кородевнѣ» молодець любитъ царскую дочь, проговаривается о томъ во хмѣлю; развязка либо такая-же, какъ въ предъидущихъ, либо счастливая — и молодець отпушченъ во свояси. Такъ у Рыбн. III, № 52 (= Гильф. № 155):

Проходилъ молодець изъ орды въ орду,

Прошелъ молодець къ королю въ Литву,

проситъ къ нему въ конюхи, попадаетъ черезъ три года въ *стольники*, въ *ключники*; Настасья королевна просить его себѣ въ *кرواتники*, и отецъ

¹⁾ Сл. Кир. V, стр. 141: «Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку — Черезъ такую *подлость* — самую *последнюю*»; сл. стр. 142: *подлюю* . . . *последнюю*; р. 154: черезъ самую *подлячку* *черезъ последнюю*; 157: *подлячку* *последнюю*. Тоже въ былинѣ о Чурилѣ и Катеринѣ особаго состава (Рыбн. III, № 25): в. 18: черная, *последняя подлячка*; в. 80: *последняя подлячка*.

Пожаловалъ ей любимаго ключника
 Стоять у кровати тесовня,
 Постылатъ-то перина пуховая,
 Ей складать круто-складно зголовнице
 И натянуть соболіно одѣяльце.

Онъ хвастается «въ царевомъ кабаѣ» своею связью съ королевой, ему велено отрубить голову, а онъ проситъ повести себя мимо королевнина окошечка. Она видитъ его, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татаринѣмъ, — а самого отпускаетъ, наградивъ казной, къ отцу и матери, женѣ и малымъ дѣтушкамъ. Сл. Рыбн. I, № 77 (Настасья); Гильф. № 162 (Настасья); № 184 (Елена). У Рыбн. III, № 53 молодецъ «отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ», заходитъ въ Литву; далѣе развитіе тоже (имя королевны Елена), но въ заключеніи — свиданье съ женой и дѣтьми. Сл. Рыбн. II, № 49 (имя молодца: Василій Буслаевичъ, но в. 19 заставляетъ предположить, что первоначально оно было другое: Дунай), № 50 (опущены: хвостовство и казнь; самъ король отпускаетъ молодца на родину); I, № 78 (королевна: Аннушка). — Король названъ: Литонскимъ, Литовскимъ, Политовскимъ (Прусскимъ, Шведскимъ).

Обратимся къ былинамъ о Дунаѣ: за немногими исключеніями, отчасти объясняемыми случайностью, Дунай обыкновенно указываетъ Владимиру на подходящую ему невѣсту, сверстницу. Какъ узналъ онъ о ней?

Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ,
 У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
 Ровно три года я былъ въ *кѣноухахъ*,
 Три года у воротъ стоялъ,
 У воротъ стоялъ *приворотничкомъ*;
 Три года я у дверей стоялъ,
 У дверей стоялъ *придверничкомъ*;
 Три года я у стола-стоялъ,
 У стола стоялъ — *стольничалъ*.
 У того-же у короля у Ляховинскаго
 Есть двѣ дочери, двѣ хорошія.

Когда Дунай является къ королю сватомъ, тотъ спрашиваетъ его, прѣѣхалъ-ли онъ къ нему «по старому служить» (Кир. III, № 1, стр. 54—55). Подобныя указанія можно встрѣтить и въ другихъ редакціяхъ былины, досказывающей въ другомъ мѣстѣ исторію служенія Дуная при дворѣ Ляховинскаго — или Литовскаго короля. Такъ напр. у Рыбн. I, № 30: Дунай и Добрыня силой заставляютъ короля отдать за Владимира одну изъ своихъ дочерей Апраксию, которую и увозятъ. По дорогѣ ихъ нагоняетъ другая дочь, богатырша Настасья; Дунай не признаетъ её, бьется съ ней, спшибъ съ коня, хочеть пластать груди бѣлыя, но

У его сердечушко ужаснулось,
 А рука въ плечи застоллася.
 «Что-же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
 А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
 Въ одной бесѣдушки не сиживали,
 Съ одной чарочки не кушпвали?
 А ты жилъ у насъ ровно три году:
 Первый годъ жилъ ты въ *конохалъ*,
 А другой годъ ты жилъ во *чанимичалъ*,
 А третій годъ жилъ во *столмичалъ*».

У Кир. III, № 3, стр. 58—69 эти указанія сведены въ цѣлое, напоминающее пѣсни о королевичѣ: Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, три года служитъ *конохоломъ*, три года *стольничалъ*, три года *ключничалъ*, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на пиру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кабацкому, а Дуная отпустить. Онъ приходитъ въ Кіевъ, и когда Владимиръ раздумался о невѣстѣ для себя — онъ является естественнымъ ему укащикомъ.

Сходство мотивовъ этой былины съ содержаніемъ пѣсенъ о Ванькѣ, Иванѣ-ключникѣ и о королевичѣ ясно само собою. Иванъ могъ-бы съ точно такимъ-же правомъ выступить въ роли укащика — что и сдѣлала былина у Кир. III, № 4, стр. 70 слѣд.,

замѣнившая Дуная — Иваномъ Гостинимъ сыномъ, тогда какъ другая (I. с. № 1, стр. 9 слѣд.) называетъ его Иваномъ Годновичемъ ¹⁾).

Мы можемъ вернуться теперь къ былинѣ о Чурилѣ, Гильф. № 127: Шурилушко Щапликовичъ идетъ скитаться отъ «худой женишки», какъ Ванька ключникъ, «изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду», нанимается на десять лѣтъ въ услуженіе къ королю Литовскому. Стосковался онъ по своей сторонѣ; королевна даетъ ему денегъ на дорогу; онъ идетъ «по городу да Окіанову», заходитъ въ кабакъ и здѣсь въ пьяномъ видѣ хвастаетъ:

«И я жилъ, молодецъ, у короля въ Литвы,
 .....
 И спалъ я у дочери королевской,
 И спалъ я на правѣй руки,
 И на правѣй руки у бѣлой груди,
 Цѣловалъ ю во уста да й во сахарныи
 И услышали тутъ короля да литовскаго
 А слуги вѣдь да и вѣрныи,
 Да сковали-то ему да ножи рѣзвыи и т. д.

Чурила просить повести его на казнь («на поле Куликовое») мимо королевскаго дома, а королевна также спасаетъ его (нѣтъ лишь замѣны татаринѣ, либо пьяницею), какъ въ другихъ пѣсняхъ Ивана и Дуная: «да спустите на волю да й на вольнюю». Снова идетъ Чурила по городу «Кіанову» (сл. выше «Окіановъ»), вышелъ на дорогу; видитъ впереди пахаря, до котораго доходитъ лишь на третій день (неумѣло приуроченный эпизодъ изъ пѣсни о Микулѣ Селяниновичѣ) ²⁾; здороваётся съ престарѣлыми родителями, —

¹⁾ Сл. выше, стр. 53.

²⁾ Чурила въ роли Вольги, съ Дюкомъ, въ роли Микулы, встрѣчается еще у Барсова, Пам. нар. творчества въ Олон. губери., стр. 18 слѣд.: Чурила нагоняетъ Дюка-пахаря лишь на третій день — что отвѣчаетъ извѣстному эпизоду пѣсенъ о Вольгѣ, который съ трудомъ нагоняетъ пахаря Микулу и не въ силахъ опередить его кобылу на своемъ конѣ. Это вызвало память о скачкѣ Чурилы и Дюка въ былинахъ о послѣднемъ: слѣдуетъ скачка богатырей, осложненная мотивомъ поединка, въ которомъ Дюкъ оказывается побѣжденнымъ. Онъ будетъ меньшимъ братомъ, Чурила большимъ, и какъ у Гильф. № 127 одинъ Чурила, такъ здѣсь онъ и Дюкъ ѣдутъ на службу къ Владимиру.

«да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ». Отдохнувъ три дня, ощутивъ «по себѣ силу великую», онъ

ладить итти да вѣдь во Кіевъ градъ
 Да ко солнышку князю да ко Владимиру,
 Да даваться-то на службу богатырскую.
 Ёвъ пришло-ли то ко городу ко Кіеву
 На этотъ-ли на дворъ на княженецкой-то,
 .....
 Ёвъ крест-отъ владѣтъ да по писаному,
 Да поклон-отъ ведеть по учоному,
 И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется,
 Да солнышку князю да вѣдь Владимиру
 Ёвъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину,
 Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
 «И ты солнышко Владимиръ князь стольня-кїевской,
 И возьми-тео мя въ службу богатырскую.»

Князь принимаетъ его. Былина кончается, стало-быть, совершенно также, какъ Гильф. № 27: тамъ приключеніе съ Катериной помѣщено передъ поѣздкой Чурилы въ Кіевъ; здѣсь точка отправленія была иная: послѣдовательная служба Чурилы при Владимировомъ дворѣ въ званіи чашника, стольника, постельника, позовщика-зазывателя, эпизодъ съ Апраксіей (быть можетъ, приравненный къ приключенію съ Катериной?) и удаленіе Чурилы отъ двора — всё это вело съ сближенію съ соответствующей схемой пѣсенъ объ Иванѣ ключникѣ-королевичѣ-Дунаѣ: съ послѣдовательной службой въ конюхахъ, стольникахъ, ключникахъ, кроватникахъ, любовью королевы — и отъѣздомъ молодца; въ былинѣ о Дунаѣ Кир. III, № 3, стр. 58—69 — въ Кіевъ, какъ и въ разбираемой нами пѣсни о Чурилѣ. Ясно, что послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсенъ, представлявшихъ сходныя положенія; что Гильф. №№ 27 и 127 являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былинъ изъ кїевской связи и — вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ. Для обратной гипотезы,

что въ нихъ сохранились образки пѣсенъ о Чурилѣ до ихъ приуроченія къ Владимиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый слѣдъ этого приуроченія, повлекшаго за собою перенесеніе въ Кіевъ всего, что когда-либо пѣлось о Чурилѣ — для подобной гипотезы Гильф. №№ 27 и 127 представляютъ слишкомъ мало данныхъ. — Я принужденъ оставить безъ прямого отвѣта и другой вопросъ, открываемый сопоставленіемъ былинъ о Чурилѣ — и о ключникѣ-королевичѣ: мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини-королевы встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество бѣльшей древности и возможно-ли здѣсь предположеніе заимствованія или только вліянія, съ той или другой стороны? Я не рѣшусь въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на «общіе эпические мотивы», которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно-бы допустить, а priori, развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ.

Заключу указаніемъ на одну странную былинку, отзывающуюся сказочно-книжномъ складомъ: о пагубѣ «молодаго дѣтинушки Гусина Пленковича Бусурьманищемъ Шаркомъ великаномъ». — «Горемычно стало Шарку великану свою жизнь коротати»: палъ его конь, изломался мечъ, «обуяла имъ страсть побѣдная» къ Марьѣ, Лебеди Бѣлой. «Молодой дѣтинушка» Гусинко Пленковичъ (= Чурило), съ которымъ онъ братается, указываетъ ему «у князя у Новгородскаго» (sic) — жеребенка не объѣзженнаго — онъ будетъ ему подъ стать; въ Кіевѣ, въ палатахъ Владимира, мечъ кладенець; но когда великанъ проговорился о своей страсти къ Марьѣ, Гусинко Пленковичъ останавливаетъ его: тебѣ-ли, бусурманскому сыну, «рѣчи таки вымолвливать»? «Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно», схватилъ Гусинка за его бѣлую грудь, закинулъ его за тридевять земель (Рыбн. II, № 25).

Эта невѣроятная былина записана г. Шкалинымъ, какъ и слѣдующая, служащая ей какъ-бы продолженіемъ и того-же

стиля (Рыбн. I, № 51): о состязаніи Шарка великана съ Дюкомъ Степановичемъ «Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладываетъ», очевидно — въ Кіевъ; Дюкъ слышитъ о томъ, молится, проситъ благословенія у отца(?) и матери: хочеть выѣхать противъ недруга. Два раза они съѣзжаются, но Дюкъ струсилъ и откладываетъ поединокъ; въ третій разъ, когда сго конь попятился по прежнему, онъ вступаетъ въ пѣшій бой: мечи рассыпались въ черепья, враги сплетаются руками, кровь течеть ручьемъ; тутъ Дюкъ вспоминаеть — о запасномъ мечѣ, которымъ и сноситъ противнику голову.

Связь этой псевдо-былины съ предыдущей поддерживается отчасти 1) испорченной пѣсней у Рыбн. I, № 52, гдѣ на Дюка перенесенъ сюжетъ Хотена Блудовича, а невѣста Дюка, зовется «*Бѣлой Лебедью*» — какъ въ былинѣ о Чурилѣ и Шаркѣ является Марья *Лебедь Бѣлая*, и 2) Рыбн. II, № 26, записанной тѣмъ-же г. Шкалнымъ и представляющей смѣшеніе пѣсенъ о спорѣ Дюка съ Чурилой — съ мотивами Шарка: Дюкъ ѣдетъ въ Кіевъ, по просьбѣ царевны вступаетъ въ состязаніе съ Чурилой (Гусинко Пленковичъ), её самое увозитъ, тогда какъ его вѣрный слуга, Никита Полица схватываетъ Чурилу,

Ко вѣдмы Кіевской во темну яму забрасывать,
какъ Шаркъ Чурилу у Рыбн. II, № 25. — Царевна не названа, но осталась память объ ея прозвищѣ, гдѣ мы вовсе не ожидали-бы встрѣтить её: Дюкъ хвалится конемъ,

Не гнаться за мной самой кобылѣ *Бѣлой Лебеди* (!).

Шаркъ великанъ, по объясненію Безсонова (Кир. IV, Приложение, стр. СХV), искаженіе имени *Шарукана*, хана половецкаго, котораго мы встрѣтили выше властителемъ Сугрова = *Сурожжа* (Брунь). Если такъ, то его враждебное столкновеніе съ *Сурожжаниномъ Чурилой* было-бы — заманчивымъ отзвукомъ изъ сѣдой дали, исторической нотой, удержавшейся въ широкой гармоніи эпоса. Къ сожалѣнію, былины о Шаркѣ такъ сильно отзываются стилемъ лубка и какъ-бы намѣренной складкой, что на нихъ трудно

что-либо построить. Интересно и прочно въ нихъ сопоставленіе Чурилы и Дюка въ борьбѣ съ однимъ и тѣмъ-же врагомъ, при различномъ исходѣ дѣла: Чурила, «молодой дѣтинушка», оказывается побѣжденнымъ, Дюкъ побѣдителемъ. Когда Чурила и Дюкъ сходятся вмѣстѣ, напр. въ пѣсняхъ объ ихъ щегольствѣ, бѣгѣ въ запуски, ихъ роли оказываются тѣ-же (исключеніе представляетъ лишь испорченная былина у Барсова, Пам. стр. 18 слѣд.). Это отличіе лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ: Дюкъ — выходецъ изъ «Индіи богатой», оттого у него все чудесно: и нарядъ и роскошь жизни и невѣроятной быстроты конь; всё это отгѣняется и тѣмъ болѣе выставляется на показъ сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, который уходитъ на задній планъ. Въ царство Дюковой матери ѣдутъ послы Владимира и входятъ въ страну чудесъ; въ типѣ Чурилы нѣтъ ничего баснословнаго, онъ главнымъ образомъ красавецъ-щеголь, и я не далеко отъ предположенія, что побѣдка Владимира въ его помѣстья на Сорогѣ сложилась по подобію соответствующаго эпизода пѣсенъ о Дюкѣ — и подъ вліяніемъ его сопоставленія съ Чурилой. Существеннымъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго «щাপленія», впечатлѣніе, какос онъ производитъ на женщинъ — и на Апраксію (если здѣсь дѣло не въ типическомъ положеніи); его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ, который указалъ на него Владимиру, быть можетъ, побратался съ нимъ — и былъ имъ, впоследствии, обманутъ. Какъ видно — это матерьялъ новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами (Кирша № 2, Рыбн. III, № 43), а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giral di Cintio.

Иллюстрируя былины о Чурилѣ необходимо имѣть въ виду забѣгаго гостя изъ Франкскаго, т. е. итальянскаго Сурожа, и впечатлѣніе чужой, блестящей цивилизаціи, увлекавшей однихъ, тогда какъ другіе находили для нея призрачныя слова протеста. «Ай ты, Чурило сухоногое — Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами» (Рыбн. III, 29; сл. IV, №№ 9, 10; Гильф.

№№ 225, 230), ходи за бабами по Кіеву (Рыбн. I, № 48), «бабами уплаканый» (I. с. № 49; сл. Гильф. № 152), «бабий умоленникъ и старушій упрашивальникъ» (Рыбн. II, № 30), — говорить Чуригѣ, побѣдивъ его въ конскомъ бѣгѣ, Дюкъ Степановичъ. — Такъ наши древніе ревнители протестовали противъ мірской утѣхи, противъ прельщеній латинства, а суровые французы сѣвера противъ лоска и изнѣженности провансальцевъ. — Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былинну; такимъ-же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

Ішов Журило з міста,
За нимъ дівочок треста.

Въ варьянтѣ, слышанномъ Липинскимъ, еще удержалась древняя форма имени: Чурило; пляска, сопровождавшая пѣсню, носила названіе: *Джурыло* или *Цюрыло*¹⁾. Это одинъ изъ рѣдкихъ слѣдовъ эпоса, удержавшихся въ поэзіи народнаго обряда.

---

¹⁾ Жегота Паули, ч. II, стр. 149—150; Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. нар. I, 54—56; Петровъ, Слѣды сѣверно-русс. былаго эпоса въ южно-русской народной литературѣ, Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1878, стр. 387. См. еще Дашкевича, Былины объ Алешѣ Поповичѣ (Кіевъ, 1883), стр. 55—56 прим. Съ статей г. Дашкевича я могъ познакомиться уже во время печатанія этой работы.

VI.

Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ.

За исключеніемъ трехъ испорченныхъ былинъ о Дюкѣ (Рыбн. I, № 51, 52 и II, № 26), рассмотрѣнныхъ нами въ концѣ предыдущей главы, всѣ остальные — ихъ было у меня подъ руками до 30 №№ — развиваютъ одно и то-же содержаніе, представляя сходный планъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не ограничиваются однимъ какимъ нибудь эпизодомъ цѣлаго. Въ общихъ чертахъ планъ этотъ представляется слѣдующій: 1) выѣздъ Дюка; 2) Дюкъ въ Кіевѣ; его похвальба и состязаніе съ Чурилой; 3) послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. — Въ § 1 выдены, въ нѣсколькихъ пересказахъ, подробности, лишь развивающія идею «препятствія» (заставы; встрѣча съ Ильей и Идоллицемъ); между § 2 и 3 порядокъ кое-гдѣ перебитъ, но легко возобновимъ путемъ сравненія. — Царство Дюка географически опредѣляется: это *Индія* (Рыбн. I, № 47, 49, Гильф. № 152, 159); *Индія и Корела* (Рыбн. II, 27, Гильф. № 9) или *Корна* (Рыбн. III, № 31); *Индія, Волинъ-городъ, Галица проклятая* (Рыбн. I, № 48; сл. Гильф. № 85: Галичъ, Индія, Волинъ; ib. № 218: Волинъ, Индія, Галиць); *Волинеиз, Галичъ, Сорочина, Индія* (Рыбн. II, № 29); *Волинъ, Галичъ, Сорочина, Ко-*

рела, Индія (Рыбн. II, № 28, Гильф. № 225); *Галичъ, Волинь, Кирела, Индія* (Рыбн. III, № 29); *Индія, Корели, Волинецъ* (Рыбн. III, № 30; Гильф. № 115); *Волинецъ, Галичъ, Корели* (Гильф. № 213, 230; Кир. III, № 2, стр. 101; Барсовъ, Пам. нар. творчества въ Олонецкой губ., стр. 71 слѣд.); *Галичъ, Корели* (Рыбн. II, № 30; IV, № 9); *Волинь, Галичъ* (Гильф. № 243; сл. ib. № 279: Изъ Волинца-то города изъ Далеча!); лишь въ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50: Клинь! — Сосдищеніе Индія богатой и Корелы проклятой встрѣчается, какъ общее мѣсто, и въ другихъ былинахъ. Сл. Рыбн. IV, № 17 = Гильф. № 12.

Перейдемъ къ изложенію былинны.

I.

1) *Вызвать Дюка*. Опъ снаряжается въ путь: описываются его лукъ и стрѣлы (полтораста Кир. III, № 1, стр. 101; триста три, ib. № 2, стр. 102, Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; триста тридцать три Рыбн. II, № 28; тридцать три Гильф. № 279), между которыми три драгоцѣнныя:

Кохоты опъ были изъ трость-древа,
 Строганы тѣ стрѣлки изъ Новгородѣ,
 Кілепы опъ кілепъ осотра рыбы,
 Перены опъ перыцемъ сиза орла,
 А сиза орла, орла орловича,
 А того орла, птицы Камскія,
 Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
 А тоя-то Камы — за сиппимъ моремъ,
 Своия устьемъ впаза изъ сипе море.
 А леталъ орелъ надъ сиппимъ моремъ,
 А ропялъ опъ перыца по сипе море,
 А бѣжали гости корабельщики,
 Собирали перья на сипемъ морѣ,

Вывозили перья на святую Русь,
 Продавали душамъ краснымъ дѣвцамъ:
 Покунала Дюкова матушка
 Перо по сто рублень, во тысячу.
 Почему тѣ стрѣлы дороги?
 Потому опѣ дороги,
 Что въ ухахъ поставлено по тиропу,
 По камешю по дорогу самоцѣтпому;
 А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
 Подлѣ ушей перѣвивапо
 Аравтскимъ золотомъ.
 Ѣздитъ Дюкъ подлѣ спия моря
 И стрѣляетъ гусей, бѣлихъ лебедей,
 Перелотныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
 Опѣ днсмъ стрѣляетъ,
 Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ;
 Какъ днсмъ-то стрѣлочскъ не видѣти,
 А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
 Свѣчи теплются носку яраго

(Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., в. 41 слѣд.). У Кир. III, № I, стр. 100—1 орелъ роиляетъ тѣ перья «въ Окіяпъ море», ихъ собираютъ корабельщнки — «плоты плотить, корабли снаститъ»; либо: орелъ сидитъ «на синенькомъ на камешки» (переходъ эпитета отъ «спия моря»), роиляетъ перья, ихъ подбираютъ гости-корабельщнки, покупаютъ «мужики-то видѣйскіе», Рыбн. I, № 49 = Гяльф. № 152, сл. iv. № 159. Сл. Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29 = Гяльф. № 225: орелъ садится

На бѣлѣ камешный стеницъ,
 И кроится норьяча орлиныя,
 Отлетаетъ на море на синее;
 И тамо ѣдутъ гости-корабельщнки
 И обираютъ перьяца слза орла,
 Развозятъ перьяца по всемъ ордамъ,
 По всемъ ордамъ, по всемъ украинамъ,
 Дарятъ царей и царевичевъ,
 Дарятъ королей да и королевичевъ,

Дарятъ сильныхъ могучихъ богатррей.
 .....

А тымъ эти стрѣлы дороги:
 Ветраны были въ паты
 Камень самоцвѣтное, все ахоты;
 Гдѣ стрѣла летить,
 Отъ нея лучъ печеть:
 Въ день — красно солнышко,
 Въ ночь — отъ свѣтлаго мѣсяца.

(Сл. Рыбн. IV, № 9). У Рыбн. III, № 30 орелъ сидитъ на ка-
 мени,

На тоемъ на камени на латырѣ;
 Аще тотъ орелъ сворахнется,
 Сине морюшко сколнблется,
 А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ,
 Тутъ ѣздятъ гости-корабельщны,
 И берутъ-то перья орловы и т. д.

(Сл. Гильф. №№ 115, 230). Последняя подробность (о пѣтухахъ),
 вѣроятно, апокрифическая, указывающая на источники нашего
 стиха о Голубиной книгѣ ¹⁾.

¹⁾ Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврастѣ, стр. 218,
 215—216, прим. — Сл. въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ Ильи его встрѣчу
 съ разбойниками: описывается богатое вооруженіе Ильи: у коня промежъ
 ушей «вплѣтанъ былъ свѣтѣлъ камень», ради темной ноченьки; «Розстрѣлягъ я
 всѣ стрѣлки каленыя, — Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ» (Гильф. № 305).
 Къ нимъ, а не къ шляпѣ, какъ у Гильф. № 291, или сѣдлу (ib. № 287) относил-
 лась первоначально подробность объ орлиныхъ перьяхъ:

Перена она перьемъ орлинымъ,
 Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
 И того-ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ,
 Ударился онъ о горючь камень,
 Обломалъ онъ перья орлиныя.
 Ёхали купцы Измайловски,
 Собирали перье орлиное,
 Веали-то старому въ подарочкахъ.

Измайловскіе купцы, вѣроятно, *измамлитскіе*, отвѣчающіе *индѣйскимъ* въ
 былинахъ о Дюкѣ, упоминающихъ рядомъ съ Индіей — и *Сорочину*. Сл. выше,
 стр. 48, купцовъ *осемломанъ* въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ.

На другихъ частяхъ Дюкова вооруженія былины остаются мало: лишь Кир. III, № 2, стр. 101 (= Кирша Даниловъ) даетъ ему «куякъ и панцырь чиста серебра», кольчугу «красна золота»¹⁾, да въ Гильф. № 218 говорится о «сбруѣ лыцарской»: остромъ мечѣ «подъ пазухой», тугомъ лукѣ на плечѣ и булатной палицѣ, которую Дюкъ «въ кольцо кладалъ». — Все вниманіе обращено на его бурушку, описаніе котораго восполняетъ, въ одномъ цѣльномъ образѣ, матерьялы, собранные нами въ другомъ мѣстѣ (см. гл. III) для характеристики богатырскаго коня въ нашемъ эпосѣ. — Бурушко, каурушко, маленькій, косматенькій принадлежитъ къ типу чудеснаго жеребенка, встрѣченному нами въ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ онъ объявился намъ, въ связи съ цѣлымъ, восстановленнымъ нами преданіемъ, какъ принадлежащій къ его древней основѣ; здѣсь, при Дюкѣ, онъ, можетъ быть, лишь перенесенный. Какъ бы то ни-было, но подобно конямъ Армури и Ираклія, и онъ представляется жеребенкомъ (сл. Гильф. № 20: Брагъ коника да мала шахманка), лошадошкой малешенькой, удалешенькой (Ефименко, Матеріалы, стр. 18), «не ѣзжанымъ» Гильф. № 218, 225, 230:

Выбралъ коня собѣ да добраго,
 Коня добраго да не ѣзжалаго,
 Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
 Да шерсть у бурушка по три пяди,
 А грива у бурушка да трѣхъ локоть,
 А фостъ у бурушка да трѣхъ сажонъ,
 А фостъ и грива до сырой землѣ,
 Фостомъ слѣды да онъ запахивать

(Гильф. № 230; сл. iv. № 225; Рыбн. II, № 28). — Какъ жеребенокъ Армури «стоитъ какъ вкопанный», такъ и конь Дюка

¹⁾ Тѣмъ-же чертами описано у Кирши № XXI и вооруженіе Михаила Казаринова, выѣзжающаго, подобно Дюку, «изъ Волинца города изъ Галичя». Последнее указаніе, встрѣтившееся намъ въ пѣсняхъ о Михайлѣ (= Алешѣ), лишь въ пересказѣ Кирши, обличаетъ вліяніе запѣва какой-нибудь былины о Дюкѣ, въ родѣ Кирши № III.

вросъ въ землю, и онъ поитъ и кормитъ его, прежде чѣмъ пуститься въ путь, какъ Ивагъ Гостиный сынъ своего бурушка:

По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ бурка пятьемъ медвянныимъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 159). — Слѣдуетъ подробное описаніе, какъ герой сѣдлаетъ своего коня, повторяющееся и въ другихъ былинахъ съ тѣми-же общими мѣстами, на которыя мы уже имѣли случай обратить вниманіе (см. выше стр. 16—17, 20—1):

Сталъ сѣдлатъ-уздатъ добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верѣхъ накладывалъ сѣделашко Черкасское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія и г. д.

(Рыбн. I, № 47; сл. iv. № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30; Гильф. №№ 9, 115, 159, 213, 218, 279). Конь оказывается «крылатымъ» (Рыбн. II, № 27); быстрота его описывается знакомыми намъ (см. выше стр. 11) типическими чертами:

Только видѣли молодца еядучись,
А не видѣли — куда поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Тумапъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодецъ поверхъ травы,
Поѣхалъ молодецъ ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго

(Рыбн. II, № 28). Сл. Рыбн. III, 29, 30, 31; Гильф. № 9, 115, 218, 225, 230; Гильф. №№ 20, 213 и 230 (см. стр. 1105: Не поспѣтъ къ христосскимъ заутренямъ) прибавляютъ новыя подроб-

ности, напоминающія извѣстную быстроту Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
 Ко заутренки пошелъ христосскіи,
 И отстоялъ заутренку христосскую.
 Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церкви,
 Отъ тыи заутренн отъ христосскіи,
 Набъ поспѣтъ къ обѣденки христосски
 И ко столынѣму городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владиміру.

.....
 А ѿ выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
 И толь садился ѣнъ да на добра коня.

.....
 Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дѣрѣвца,
 Ёнъ приправилъ коня повыше дерева,
 А ѿ повыше дерева стоячаго,
 А ѿ пониже онъ облачка ходячаго.
 И разстаньяца было немножечко
 Отъ Волынца города отъ Галича
 И до столынѣго города до Кіева,
 До ласкова князя до Владиміра,
 Разстанья было триста тридцать верстъ.
 Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ

(Гильф. № 213).

Кіевъ — конечная цѣль Дюковой поѣздки. Какъ распредѣлился первоначально въ былинахъ рассказъ о ней? Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ нашего взгляда на значеніе эпизода о «заставахъ», встрѣчаемыхъ Дюкомъ на пути въ нѣкоторыхъ пересказахъ пѣсни. Изъ многихъ, бывшихъ у меня подъ рукой, десять начинаются съ рассказа объ охотѣ Дюка, послѣ чего слѣдуетъ его просьба къ матери — отпустить его на подвиги, къ князю Владиміру. Такъ у Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152: тамъ и здѣсь къ эпизоду охоты неловко припутано и добываніе Дюкомъ орлиныхъ перьевъ, которыми украшены его стрѣлы; сл. Рыбн. II, № 28, III, № 29, 30, 31, Гильф. 20, 115, 159, 225, 230. —

Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., гдѣ просьба къ матери опущена, не идетъ въ сравненіе ни съ указанными былинами, ни съ тѣми, гдѣ порядокъ представляется обратный: просьба Дюка къ матери — и охота: такъ у Рыбн. I, № 47, II, № 27, 30, Гильф. № 218 (сл. ib. № 279). — Въ первой группѣ охота Дюка рассказана такимъ образомъ: онъ ѣздитъ у снѣга моря, стрѣляетъ гусей, лебедей, сѣрыхъ малыхъ утокъ, разстрѣляя всѣ свои стрѣлы. Слѣдующая за тѣмъ просьба къ матери мотивирована лишь въ трехъ пересказахъ: у Рыбн. III, № 31:

Выѣзжалъ удалый добрый молодець
 По тѣмъ-ли по мелкімъ по заводямъ
 И по тѣмъ-ли луговьямъ по зеленымъ,
 И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ поле себѣ супротивника,
 Только слышалъ въ далеки-далекѣ чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
 Кіевъ градъ на краснѣ стоитъ,
 На краснѣ стоитъ да улечечьн,
 Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ.

У Гильф. № 230 Дюкъ, возвращаясь съ охоты, встрѣчаетъ калику, идущихъ изъ Кіева, и узнаетъ отъ нихъ, какъ далеку онъ отъ Галича, и какія на прямой дорогѣ заставы. — Наконецъ въ № 20 Гильф. богатырь выѣзжаетъ въ чисто поле,

Хочу пострѣлить да чорна ворона.
 Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
 «А ѣ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Не збей моей туши о сырѣ землю,
 А ѣ не рушай моихъ перьевъ по чистѣ полю,
 Не пролей-ко крови по сырѣ дубу!
 Слава тая по Русѣ носится:
 Старца убить, не спасенъ добить,
 Ворона убить не корысть получить.
 А ѣ поѣжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
 Есте во Кіевѣ богатыри,
 Е кому да тамъ поправиться,
 Е кому съ тобой да супротивиться.

Дюкъ знаетъ теперь, гдѣ ему искать супротивника — и слѣдуетъ его просьба къ матери, съ которой, наоборотъ, начинается другая группа пѣсенъ о немъ. — Передавая этотъ эпизодъ, общій той и другой группамъ, мы слѣдуемъ обѣимъ.

Дюкъ хочетъ «поразить своего плеча богатырскаго», съѣздить въ далеко чисто поле. Говоритъ его мать, Мамелфа Тимоеевна:

«Ай-же ты, мое рожино дитяко,
 Молодой бояринъ, Дюкъ Стенановичъ!
 Не бывалъ ты, молодець, во чистомъ полѣ,
 Не слыхалъ ты крику звѣринаго,
 Визгу-писку Татарскаго,
 Не видалъ поѣзди богатырскія:
 Не можешь вынести изъ чиста поля головушкп.
 А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Кіеву,
 Ко стольному ко князю ко Владиміру,
 Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодець
 Заводитъ столованье почестень пиръ,
 На поѣздѣ удалыхъ много жалуетъ,
 Жалуетъ безсчетной золотой казной.
 .....
 Какъ поѣдешъ во далече далече чисто поле,
 Не пды-ка ты на славу на Палаць-гору Леанасьеву:
 На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодець,
 А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.
 А още-ль случится тебѣ путь
 Ко славному ко городу ко Кіеву,
 Ко стольному ко князю ко Владиміру,
 Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
 На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодець
 Заводитъ столованье почестень пиръ:
 На честномъ пире не хвастай сиротскимъ имѣньцемъ,
 Имѣньцемъ сиротскимъ, богатствомъ,
 Не хвастай мною матушкой» (Рыбн. I, 47, см. II, № 30).

Въ другихъ пересказахъ самъ Дюкъ изъявляетъ желаніе посмотреть на князя Владиміра и его могучихъ богатырей, на

Апраксию и на Киевъ, что «на красы стоятъ», Рыбн. I, № 47: Скажутъ, вашъ городъ на красы стоятъ, на угожествѣ, — Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живетъ; ib. № 49: Что Киевъ-градъ очень красивъ — добришь; Гильф. № 9: въ чести въ добри; Барсовъ, I. с., стр. 71: Киевъ-градъ на горы стоятъ; Рыбн. III, № 31: на красы стоятъ да упечечья. (Сл. Рыбн. II, № 51, стр. 274 въ сказкѣ-былинѣ о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ: славенъ Киевъ градъ на красы стоятъ, на красы-басы на великія). Сл. Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29, 30; IV, №№ 9, 10; Гильф. № 20, 85, 115, 159, 213, 225, 230; Ефименко, Матеріалы, № IV, стр. 17—18, № IX, стр. 36. — Предупрежденіе матери — не хвастать — является довольно общей чертой: сл. Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. I, № 50; II, № 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 20, 85, 213, 218; Ефименко, I. с.; но рядомъ съ этимъ цѣлая группа пересказовъ вводитъ и другой мотивъ: мать предупреждаетъ сына объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Иногда это — «заставы» баснословнаго характера въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ царевичъ народныхъ сказокъ, напр. греческой сказки о Безсмертной водѣ ¹⁾, и нашъ Егорій Храбрый въ духовныхъ стихахъ о немъ ²⁾; иной разъ —

¹⁾ Амарантосъ или розы возрожденной Элады, собр. Георг. Эвлампиосъ (СПБ. 1848), стр. 88.

²⁾ Въ моихъ Разысканіяхъ II, стр. 143, разбирая эпизодъ «заставъ» въ большомъ стихѣ о Егоріи Храбромъ, я предположилъ, что основною въ немъ чертою могли быть «горы толкучія». Я полагаю теперь, что этотъ образъ внушенъ мѣстными палестинскими легендами. Въ храмѣ св. Георгія въ Диосполисѣ находится колонна, къ которой привязано было колесо, орудіе казни святаго. «Εἰς τὸν αὐτὸν κίονά ἐστι μάρμαρον τετραπῆμένον ποιοῦν σημεῖα. Ἐὶν ἐξαγορεύσει, δύνασαι διελθεῖν ἀκαλύτως καὶ εὐκόλως· εἰν δὲ οὐκ ἐξαγορεύσει, διελθεῖν οὐ δύνασαι. Καὶ πρὸς δύσειν τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὡς ἀπὸ μιλίων τεσσάρων, ἐστὶ τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγγεως καὶ οἱ ἀτόκιοι λίθοι, οἷς λέγουσιν οἱ προφῆται: «Ὅτι ἡμεῖς σιωπήσομεν, οἱ λίθοι οὗτοι κράζονται» (Eriphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 5). Сближеніе двухъ подробностей: непродоходимаго для не показавшихся отверстія въ колоннѣ — и неплодныхъ камней могли быть точкой отправленія для поѣздки Георгія — между толкучихся горъ. — Интересно у Епифанія сочетаніе «воды испытанія» и «неплодныхъ

богатырская застава, съ Ильей во главѣ; либо то и другое является въ соединеніи. — У Рыбн. I, № 49 мать говоритъ, что на прямой дорогѣ къ Кіеву

Есть три заставы великія.
 Первая застава великая:
 Стоять тутъ горы толкуція;
 Типъ-жь какъ горы врозь растолкнутся,
 Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,
 Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 Тутъ тебѣ молодому живу не быватьи.
 Есть другая великая тамъ застава:
 Спятъ тамъ птицы клевуція;
 Тме птицы тебя съ конемъ склюють,
 Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

каменей». Первая восходитъ къ библейскому испытанію чистоты женъ (не дѣвственницъ), которымъ давали испить «горькія воды»; неплодныя (не рожаящія) камня принадлежать, не смотря на ссылку на «пророковъ» (Луки, 8, 8; 19, 40), специально нашему тексту. Въ протоевангелии Іакова такъ испытывается дѣвственность Маріи и Іосифа: «καὶ εἶπεν ὁ ἱερεὺς: Ποτιῶ ὑμᾶς τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγχως Κυρίου, καὶ φανερώσει τὰ ἀμαρτήματα ὑμῶν ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν. Καὶ λαβὼν ὁ ἱερεὺς ἐπότισεν τὸν Ἰωσήφ, καὶ ἐπεμφεν αὐτὸν εἰς τὴν ὄρεινήν· καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος. ἐπότισεν δὲ καὶ τὴν Μαρίαμ, καὶ ἐπεμφεν αὐτὴν εἰς τὴν ὄρεινήν· καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος». Сл. маршрутъ Зосимы (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66): *церковь Георгія; домъ Захарія*, гдѣ родился Предтеча; «И есть тутъ *кладязь*, а глаголють: коли дѣвицы испіють тое воды, а не сохранили дѣвства своего, ино имъ уста позлатѣють; сія же *вода* взовъ (?) есть *на обличеніе*. И оттуду поидохъ къ камени, ндѣ-же Елисаветъ скрыся со младенцемъ отъ Иродовыхъ слугъ».

Пользуюсь случаемъ для замѣтки къ Разысканіямъ X, стр. 377: опущены при печатаніи свѣдѣнія о древѣ распятія въ Иверскомъ монастырѣ у Данила Памонника и Гогары, Сахаровъ, I, с., стр. 26 и 114. — Въ «Διήγησις Δανιὴλ μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ περιόδου τῶν ἁγίων τόπων» (конца XV вѣка), издаваемомъ проф. Дестунисомъ для Православнаго Палестинскаго Общества, такъ объясняется причина наименованія Иверскаго монастыря Крестнымъ: «ὑποκάτω τῆς ἁγίας τραπέζης τοῦ ναοῦ τούτου ἐστὶν ὡσπερ τις ὀμφαλὸς διὰ μαρμάρου, ἐν ᾧ φασὶ τόπω τοὺς τρεῖς θαλοὺς ξηροὺς ὄντας ὁ Λῶτ μετὰ τὸ ἀμαρτήσαι ὁδηγία δηλονότι τοῦ τε Ἀβραάμ καὶ μάλιστα τοῦ ἱερέως ἐκείνου Μελχισεδέκ ἐφύττεισαν, οἱ τινες βλαστήσαντες καὶ ἐνωθέντες καὶ δένδρον ἐν ὑψίκομον γεγονότας, ὕστερον τε ὑπὸ τοῦ Σολομῶντος τοῦ δένδρου ἀποκοπέντος καὶ ἀχρήστου εὐρεθέντος, ἐν τῇ οἰκοδομῇ τοῦ ναοῦ τοῦ ὑπ' αὐτοῦ κτιζομένου, ἐξ αὐτοῦ τοῦ ξύλου κατασκευασθῆναι ὕστερον τὸν τοῦ Χριστοῦ σταυρὸν οἰκονομικῶς φασὶ (гл. 14, стр. 17—18).

Тутъ тебѣ молоду живу не бывать.
 Есть третія великая тутъ застава:
 Лежить Змѣнще-Горничще,
 О двѣнадцати змя о хоботахъ;
 Тоя змя теба съ конемъ сожреть п т. д.

Дюкъ счастливо минуетъ всѣ три заставы: не успѣли горы столкнуться, птицы расправить крылья, змѣй свой хоботь, какъ онъ уже проскакалъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152). Сл. Гильф. №№ 9, 159: тоже; 85 (змѣи поклевучіе, звѣри поѣдучіе, горушки толкучія).

Иначе въ другой группѣ былинь: Рыбн. I, № 47, II, № 30, III, № 31, Гильф. № 218, 279: заставъ нѣтъ, мать совѣтуетъ Дюку не забѣжать на «славному на Палачь-гору Аванасьеву» (Рыбн. I, 47; Рыбн. II, 30: гора шеломчатая; Гильф. № 218: Палань-гора; у Гильф. № 279 вмѣсто того: Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полѣ). Дюкъ не слушается и ѣдетъ: разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы (Рыбн. I, 47, II, № 30, Гильф. № 279),

И наѣхалъ во сиромъ дубу черна ворона,
 Черна ворона граучаго,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Ай-же ты, воронъ, птица вѣщая,
 Вѣщая птица, граучая!
 Натяну какъ свой тугой лукъ,
 Положу-то валену стрѣлу,
 Спущу-то тетиву шелковую,
 Распущу твое перье по чисту полю,
 Пролью кровь твою по сыру дубу,
 Премамъ ти смерти напрасныя:
 Не попадайся-ка на выстрѣлъ впереди богатыря!»
 Испровѣщилъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
 «Ай-же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не бей-ка ворона на сиромъ дубу,
 Не проливай моей крови горячія:
 Поѣжай-ка още впередъ по чисту полю,
 Такъ надеешь себѣ поединщика,
 По плечу себѣ супротивника.

Дюкъ, дѣйствительно, наѣзжаетъ въ полѣ на шатеръ, въ которомъ спитъ какой-то богатырь; изъ того, что его конь смирно сталъ рядомъ съ богатыревымъ, онъ заключаетъ, что хозяинъ его не тронетъ — и онъ будитъ его. Спаль, оказывается, Илья Муромецъ. Онъ спрашиваетъ Дюка объ его имени и изотчинѣ и затѣмъ разбудилъ его: помощь-ли его ему нужна, или хочетъ съ нимъ «спробовать силы-удачи молодецкія». Но тотъ и не думаетъ помѣряться съ Ильей:

Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?
 Тебѣ смерть на бою не написанъ;
 А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,
 Положить надоть буйная головушка.
 Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,
 А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,
 Повнучить всѣмъ похматкамъ, поѣздамъ богатырскимъ.

Тутъ богатыри «крестами побратались», стали пить зелено вино, какъ является «изъ чиста поля поганый Идолище», ищущій себѣ поединщика, пожирающій «по быку семилѣтнему ко выти» и побиваемый Ильей. — Уже затѣмъ богатыри направляются къ Кіеву, но не доѣхавъ до него, Илья велитъ Дюку ѣхать одному, повторять завѣтъ матери — не хвастать на пиру,

А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
 Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто поле,
 Ко моему шатру бѣлополотняному —
 Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ (Рыбн. I, № 47).

Тотъ-же самый распорядокъ содержанія представляетъ, въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ, и Рыбн. II, № 30 (гора-шеломчатая; всѣ стрѣлы разстрѣлены; воронъ вѣщаетъ о поединникѣ, Илья и Идолище и напутствіе Ильи Дюку); у Рыбн. III, № 31 сокращено: Дюкъ тотчасъ по выѣздѣ, наѣзжаетъ на шатеръ Ильи, не желаетъ съ нимъ бороться, и ѣдетъ въ Кіевъ, напутствуемый обѣщаніемъ помощи («Не станутъ-ли обижать, сюда вѣсть держи»). У Гильф. № 218 послѣдовательность такая: Палань-гора,

(стрѣлянья нѣтъ), воронъ указываетъ на поединщика: Илью; Дюкъ будетъ его, братается, явленіе Идолища (былина на этомъ кончается). Въ № 279 Гильф. Дюкъ разстрѣлялъ всѣ стрѣлы (эпизода съ ворономъ нѣтъ), встрѣча съ Ильей, отказъ отъ боя и мирное столованье богатырей.

Разборъ пересказаннаго нами эпизода приводитъ прежде всего къ убѣжденію, что Идолище въ немъ лишній, перенесенный изъ былины о немъ и о Тугаринѣ — по слѣдамъ Ильи. Важнѣе вопросъ — чѣмъ объяснить появленіе послѣдняго? Дюкъ говоритъ, что ищетъ себѣ въ немъ товарища, помощника, и Илья обѣщаетъ уберечь его отъ обиды — но именно въ этой роли Илья въ пѣсняхъ о Дюкѣ выступаетъ случайно. Кроме того заявленіе Дюка не вяжется и съ вѣщаніемъ ему ворона, что онъ найдетъ — себѣ поединщика. Замѣтимъ, что въ русскихъ былинахъ воронъ обыкновенно вѣщаетъ богатырю о предстоящемъ ему боѣ: такъ Добрыни (Гильф. № 49: съ Алѣшей; Гильф. № 168: съ Татарами), Алѣшѣ (Кир. II, № 1, стр. 80—1: съ Татарами), Михангу Казаринову (Кир. IV, стр. 94—5: то-же), Суровцу-Суздальцу (то-же. См. выше, стр. 72—3), Ильѣ (Рыбн. III, № 14, Гильф. №№ 219, 226, 233: передъ боемъ съ сыномъ), Королевичу изъ Крякова (Рыбн. I, № 72, Гильф. № 182: передъ враждебной встрѣчей съ братомъ). Ясно, что въ былинахъ о Дюкѣ, передъ мирной его встрѣчей съ Ильей, онъ не у мѣста. Тѣмъ страннѣе его появленіе въ № 20 Гильф., принадлежащемъ, какъ мы видѣли, къ той группѣ былины, которыя помѣстили эпизодъ о стрѣляньи Дюка передъ его просьбой къ матери и выѣздомъ: здѣсь воронъ проситъ богатыря не убивать его, а отправиться — въ Кіевъ, гдѣ онъ найдетъ себѣ противника. Едва-ли пѣсня могла имѣть въ виду его состязаніе съ Чурилой.

Но вернемся къ вопросу, какимъ путемъ Илья попалъ въ пѣсню о выѣздѣ Дюка. Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: на пути въ Кіевъ Дюкъ встрѣчаетъ разныя заставы: горы толкучія, птицъ клевучихъ (звѣри поѣдучіе), змѣище Горынчище (змѣи поклевучіе). Какъ древенъ этотъ мотивъ въ былинѣ и не

вставленъ-ли онъ позднѣе, какъ общее мѣсто, для выраженія трудности и дальности пути? — Не рѣшая вопроса, я полагаю однако, что этотъ мотивъ древнѣе другихъ, являющихся вмѣсто него, либо рядомъ съ нимъ, въ эпизодѣ выѣзда. Но помню баснословныхъ заставъ, русскія былины знали еще и другую: богатырскую, стоящую на стражѣ Кіева, съ Ильей Муромцемъ во главѣ. Ея нельзя было миновать пріѣзжему витязю, — и вотъ нѣкоторыя былины присоединили къ змѣямъ и звѣрямъ — и богатырскую стоянку. Такъ у Рыбн. II, № 27: сѣры волки, змѣи лютыя, двѣнадцать богатырей съ Ильей (замѣтимъ, что на пути къ Кіеву Дюкъ побиваетъ еще — и Соловья разбойника); *ibid.* № 28: люты звѣри, люты змѣи, Илья Муромецъ въ шатрѣ; Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225: Горынь-змія о двѣнадцати главахъ (хоботахъ); лютый звѣрь; «стадо грачевъ — По нашему, стадо *черныхъ вороновъ*, — И хочуть вороны молодца расторпути»; шатерь Ильи Муромца; Гильф. № 230: Горынь-змѣя, стадо «лютыхъ грачевъ — По русскіи назвать дакъ *черныхъ вороновъ*»; стадо «лютыхъ гонцевъ — По русски то назвать дакъ сѣрыхъ волковъ»; «богатырь во бѣломъ шатрѣ» (Илья). — Рыбн. III, № 30: змѣи, звѣри, пять богатырей съ Ильей; Гильф. № 115: змѣи, звѣри, семь богатырей съ Ильей. — Такимъ образомъ мотивъ заставы втянулъ Илью въ пѣсню о поѣздкѣ Дюка, но надо было что-нибудь рассказать про ихъ встрѣчу. Дюку не биться съ Ильей — и онъ дѣйствительно отказывается отъ желанія поратиться съ старымъ богатыремъ, котораго величаетъ, и обнадеженъ обѣщаніемъ его помощи — если-бы ему плохо пришлось въ Кіевѣ. Такъ у Рыбн. II, № 27, 28, 29 = Гильф. № 225; Рыбн. III, № 30, 31; Гильф. № 230 (сл. еще *ib.* № 279). — Мы уже сказали, что былины о дѣйствительной помощи Ильи почти ничего не знаютъ.

Изъ своднаго типа былины, подобнаго разобраннымъ нами, выдѣлились впослѣдствіи тѣ пересказы, которые знаютъ одну лишь богатырскую заставу, или собственно говоря — встрѣчу Дюка съ Ильей. Передъ тѣмъ могли пѣть о какой-нибудь изъ

другихъ встрѣчь: съ птицами клевучими, лютыми грачами — *черными воронами* — и это явилось поводомъ къ обособленію, подъ вліяніемъ былины съ эпизодомъ о *тыщемъ воронѣ*: Дюкъ выѣхалъ, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, встрѣчаетъ ворона, который и указываетъ ему на шатеръ Ильи.

Еще новое измѣненіе былины явилось продуктомъ другого смѣшенія: въ началѣ пѣсни о выѣздѣ Дюка подробно говорится о его чудесныхъ *стрѣлахъ* съ орлиными перьями; это дало поводъ пѣвцу тотчасъ-же припомнить эпизодъ о *стрѣлѣ* Дюка и такимъ образомъ перенести его ближе къ запѣву, передъ просьбой къ матери. Перенесеніе было на-ново мотивировано — его охотой; желаніе Дюка — выѣхать является послѣ того совсѣмъ неожиданнымъ. У Рыбн. I, № 49 = № 152 еще ясны слѣды совершившейся спайки: Дюкъ ходитъ-гуляетъ по тихимъ заводямъ, бьетъ гусей-лебедей, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, между ними три, которымъ онъ цѣны не вѣдаетъ: онѣ оперены орлинымъ перомъ, которое подбирали гости-корабельщики, покупали мужики индѣйскіе, приносили Дюкову батюшкѣ въ подарочки,

А онъ самъ убилъ молодой боярнѣ Дюкъ Степановичъ.
 Съ тоя съ великія со радости
 Пошелъ ко государниѣ родной матушкѣ,
 Онъ сталъ просить прощенья съ благословеньцемъ и т. д.

Въ одномъ случаѣ (Гильф. № 20) мы видѣли, что съ эпизодомъ стрѣлбы, перенесенъ былъ къ началу пѣсни и эпизодъ съ грающимъ вѣщимъ ворономъ.

2) Дюкъ въ Кіевѣ. Его похвальба и состязаніе съ Чурилой.

Мать заказываетъ Чурилѣ (Рыбн. I, № 47) не хвастать въ Кіевѣ

Имѣньцемъ спротскимъ, богачествомъ,
 Не хвастай много *матушкой*;

либо Гильф. № 230:

Пофасташъ, Дюкъ, ты родной *матушкой*,
 Пофасташъ, Дюкъ, да ты добрымъ *конѣмъ*,

Пофасташъ, Дюкъ, да *золотой казной*,
Пофасташъ, Дюкъ, да *платьемъ цѣтннимъ*.

Я полагаю, что это указываетъ на дѣйствительную послѣдовательность настоящаго (хвастовство *богатствомъ: платьемъ, конемъ*) и слѣдующаго отдѣла (посольство въ царство Дюковой *матери*), который мы и отнесли въ конецъ, тѣмъ болѣе, что тѣ пересказы былины, въ которыхъ посольство является включеннымъ въ эпизодъ «состязанія», обнаруживаютъ, по моему мнѣнію, слѣды позднѣйшей вставки.

Почти вездѣ Дюкъ застаётъ Владимира въ церкви у обѣдни, откуда и идетъ къ нему на пиръ; тѣ немногіе пересказы (Кир. III, № 2, стр. 103, Рыбн. IV, № 9, 10), гдѣ Дюкъ прямо приходитъ въ гридню, въ палату, опустили и его глумленіе на пути изъ церкви. — Владимиръ спрашиваетъ его, откуда онъ и кто такой? Отвѣтъ Дюка тотчасъ же вызываетъ сомнѣніе Чурилы въ его самозванствѣ; сомнѣніе ничѣмъ не мотивированное въ Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152 (сомнѣніе выражаютъ «князи да вси бояра», «да вся мелка чета»), Рыбн. II, № 30, III, № 31 (вм. Чурилы — «молодой Шатенька, племянникъ княжескій»), Гильф. № 20 (гдѣ слова Чурилы приписаны Владимиру), 85, 159, но легко объяснимое изъ намековъ и другихъ пересказовъ. Мы уже знаемъ изъ Гильф. №№ 20, 213 и 230, что Дюкъ хочетъ отстоять «христосскую» заутреню дома и въ тотъ-же день поспѣть въ Кіевъ къ обѣдни; у Рыбн. I, № 47 онъ говоритъ на пути Ильѣ, что ѣдетъ ко Владимиру «ко рання обѣдни воскресенскія» (v. 170; сл. v. 270 и 282; сл. Рыбн. II, № 30, Гильф. № 115). На вопросъ Владимира онъ отвѣчаетъ:

Я есть изъ Инди богатя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
Отстоялъ дома ранняю заутреню,
И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. Гильф. №№ 9, 159).
Либо Владимиръ спрашиваетъ:

Ты откутъинный, удалий-добрий молодець?
 «Есть я пѣз Волниъ-города изъ Галича,
 Изъ той Сорочини изъ широкія,
 Изъ той Ивдѣи богатя,
 Изъ той Корели упрямя»
 Давно-ли выѣхалъ изъ Волниъ-города изъ Галича?
 «Я поѣхалъ въ поудень Страстныя субботы,
 А поспѣлъ сюды къ заутрени Христосьскія.
 А дороги-ль у васъ такіе кони?
 «У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
 А моему-то коню и смѣти нѣтъ»

(Рыбн. II, № 28: Чурила замѣненъ Алѣшей). У Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225 Дюкъ поспѣваетъ отъ вечерни въ Галичѣ къ заутрени въ Кіевѣ; дивятся этой его отвѣди князь и бояра:

«Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
 Много-ли отъ Кіева до Галича разстоянія?
 Говорять князь и бояра:
 «Прямимъ ходомъ на три мѣсяца,
 А окольной дорогой на шесть мѣсяцевъ,
 Были бы де кони перемѣнныя,
 Съ коня на конь де перескакпвать,
 Изъ сѣдла въ сѣдло переметпвать».

И здѣсь Владимиръ освѣдомляется, дороги-ли кони въ Галичѣ: есть во всякую цѣну, отвѣчаетъ Дюкъ:

«А моему добру коню,
 Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю».
 Говорять тутъ князь и бояра:
 — Свѣтъ Государь, Владимиръ князь!
 Не бывать тутъ Дюку Стенанову,
 Только бытъ мужлченку засельщику
 И бытъ деревенщину:
 Жилъ у купца-гостя торговаго
 И укралъ у него платье цвѣтное;
 Жилъ у пного у боярина,
 Угналъ у боярина добра коня,
 На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,

Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
Надъ нами, боярами, пролыгается.

Такъ говорить въ другихъ пересказахъ и Чурила (Рыбн. III, № 31 = Шатенька), и въ этой связи его сомнѣніе понятно: изумительная быстрота, съ которой Дюкъ перенесся въ Кіевъ, кажется невѣроятной, заявленіе Дюка — ложью; Чурила попытается доказать это впоследствии, помѣрившись въ конскомъ бѣгѣ съ пріѣзжимъ богатыремъ, котораго считаетъ нахвальщикомъ.

Что роль Ильи-пособника въ судьбѣ Дюка чисто внѣшняя, созданная позднѣйшимъ развитіемъ былины, доказывается, для разобраннаго эпизода, его упоминаніемъ у Рыбн. II, № 30 (сл. I, № 47): отвѣчая Владимиру о себѣ, Дюкъ говоритъ, между прочимъ:

Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
То-бы я не былъ и во Кіевѣ (?).

У Ефименка I. с. № IV, Дюкъ находитъ Илью — въ Кіевѣ, въ церкви; позванный княземъ на пиръ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ другими богатырями:

У нихъ кони скакомъ скачуть,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: «У меня такіа лошадоchen водозозниа».
А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ!»

Но онъ повторяетъ ту же похвальбу и на пиру:

Есть-то у меня добрыхъ коней,
Добрыхъ коней наступчивыхъ.

Дюкъ уже нарушилъ однажды заповѣдь матери, похваставъ своимъ конемъ; Рыбн. II, № 29 развиваетъ мотивъ похвальбы — еще въ церкви: стоитъ Дюкъ на обѣднѣ,

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкываетъ,
А на князя Владимира взглянетъ,
Только головой пошатываетъ,

На Апраксию королевичу взглянетъ,
И рукой махнетъ,

о чемъ Владимиръ и допрашиваетъ его позднѣе на пиру. — Либо Чурила уличаетъ его въ томъ, что «все онъ, дѣтина, на платьѣ поглядываетъ» (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159; сл. Рыбн. III, № 29, 31).

Обыкновенно похвальба продолжается на пути изъ церкви къ двору и палатамъ Владимира:

Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядывать,
Поглядывать на сапожки, на шубку посматриваетъ.

.....

Говоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:

«Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!

У васъ все не по нашему:

Во той землѣ, богатой орды,

Во той Индѣи богатя,

Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ

Настланы мостики каменные,

Разостланы сукна кармазинныя,

Не мараются сапожки сафьянныя во грязь черныя

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 48, 49 = Гильф. № 152; II, № 30, Гильф. № 9, 20, 85, 159, 213, 225, 230). Другіе пересказы развиваютъ это подробнѣе:

У моей сударини у матушки
Мощены мосты были все дубовые,
Сверху стланы сукна багречевыя,
Напередъ пойдуть у насъ лопатники,
За лопатниками пойдуть метельщики,
Очищаютъ дорогу сукна стланаго;
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные, всё сосновыя.

.....

У моей сударини у матушки,
Надъ воротами было иконъ до семидесяти¹⁾,

¹⁾ Сл. соответствующую подробность въ былинахъ о Чурилѣ, выше стр. 90.

Всѣ иконы были на золотѣ,
 А у тебя, Владимиръ, десятка нѣтъ.
 .....
 У моеѣ сударини у матушки
 На дворѣ стоять *столбы* все серебряныя,
 Продернуты *кольца позолоченныя*,
 Разоставлена *сыта медвяная*,
 Есть насыпана *пшена бѣлаяряя*,
 Есть что добрымъ конямъ пить и кушати —
 А у тебя, Владимиръ, того не случилось.

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225); Гильф. № 230 добав-
 ляетъ:

Ты мой маленькой бурушко косматенькой!
 Помрѣшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
 Какъ вѣдь брошено овсешка тебѣ заблого.
 Во своемъ ты городѣ во Галичѣ,
 У моеѣ государини у матушки,
 Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлаярова.

Сл. еще Рыбн. II, № 28, III, № 30, 31. — Описаніе чудесныхъ
 палатъ Дюковой матери — и Чурилинныхъ? — несомнѣнно повліяло
 на стилистическое развитіе, какое получила похвальба Дюка на
 пути изъ церкви, равно какъ и слѣдующая — на пиру у Влади-
 мира. — Чурила по прежнему уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ:
 когда тотъ оглядываетъ свои сапоги и шубку, онъ говорить:

Заподлинно есть холопниа дворянская:
 Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
 Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ (Рыбн. I, № 47).

Ты убилъ куца либо боярина,
 Снял-же тутъ саножки да зелѣнъ сафьянъ,
 Самъ-же ты сапожковъ знать не держивалъ,
 Все-же на сапожки ты поглядывашъ.
 А ударимъ-ко, бояринъ, во великъ залогъ
 Ѣздить-то же намъ да е по тріи годы,
 А по тріи годы-то намъ-же Ѣздить нѣ три дни,
 Въ каждый день да платица-ты смѣнныи,
 Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 глумится надъ Дюковымъ хвастовствомъ — не Чурила, а бояре и богатыри. Вызовъ Чурилы обыкновенно слѣдуетъ за третьей похвалой Дюка — на пиру, гдѣ онъ продолжаетъ гнушаться и чваниться, откладывая верхнюю корочку колача (Кир. III, № 2, стр. 104), либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару: всё это у него дома лучше. Иногда похвальба растетъ: Дюкъ продолжаетъ говорить о своихъ богатствахъ, между прочимъ, о цвѣтныхъ платьяхъ (Рыбн. I, № 47; II, № 30) — можетъ быть, припомнившихся здѣсь пѣвцу въ связи съ слѣдующимъ дагѣе вызовомъ Чурилы? Въ сущности, еще ранѣе того Дюкъ обратилъ на себя вниманіе своимъ щегольствомъ, чѣмъ и объясняется, что у Гильф. № 9 Чурила вызываетъ его на состязаніе уже на пути изъ церкви. — Вся сцена на пиру понята, какъ обычная въ русскихъ былинахъ похвальба «во полу-столѣ», и кое-гдѣ разработана въ чертахъ этого мотива: у Дюка дома — всё мѣдныя, крыши серебряныя, «Шблумы, потоки золочоныя, — Шарикъ самоцвѣтнымъ камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горять» (Гильф. № 20); у его матушки

Построены тридцать три терема златоверхіе,
И въ сѣни зайдешь во рѣшатчаты,
Въ други зайдешь частоберчатны,
А въ третьи зайдешь въ стекольчатны ¹⁾);
Въ теремы зайдешь златоверхіе:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори,
Все-то въ терему по небесному (Рыбн. III, № 31).

Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одиночныя,
Нашъ любимые конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.

¹⁾ См. тоже въ былинахъ о Чурилѣ, выше, стр. 86—7, 90.

Зайдешь во грядню во столовую,
 Всѣ окошечки скутаны,
 Вклады въ стѣны камни драгоцѣнные,
 Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ

(Рыбн. II, № 28; сл. III, № 30, Гильф. № 115). Все это хвастовство привязывается къ гнушенію — яствами и напѣтками княжескаго стола.

Не перебирая всѣхъ пересказовъ этой сцены остановимся на одномъ изъ пространныхъ, Рыбн. II, № 30: у Владимира «столованье, почестный пиръ»;

Какъ тутъ всѣ на пиру напивались,
 Какъ всѣ на пиру наѣдались,
 Похвальбами всѣ похвалялись.
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
 Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
 Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
 Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Иной молодымъ молодечествомъ,
 Умной и разумной хвастаетъ
 Старымъ батюшкой и старой матушкой,
 А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
 Молодой бояринъ сидитъ — да впчѣмъ онъ не хвастаетъ;
 Потому онъ не хвастаетъ,
 Что чару пьетъ, — а другу за окошко льетъ,
 Колачнкъ ѣстъ, — а другой подъ столъ мечетъ,
 А съ пнаго верхнюю корочку вырѣжетъ — на столъ кладетъ,
 Середочку самъ онъ съѣстъ,
 А впжнюю корочку подъ столъ кпнетъ.

На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не могу я ѣсть вашихъ колачнковъ,
 Не могу я пить вашихъ напѣточекъ сладннхъ,
 Потому что ваши напѣтчен сладкіе, меду да стоялне
 Повѣшены во погреба глубокіе,
 Туда не ходятъ вольные воздуха, —

Они тамъ заткнулися:
 Потому и не могу я нить вашихъ сладкихъ напеченовъ.
 А у васъ еще печки кирпичныя, помальца сосновыя,
 Пашутъ печки кирпичныя,
 Пекутъ колачки крупчатныя, —
 Они нахнутъ на фюю сосновую:
 Для того я не могу ѣсть и колачковъ.

Иное дѣло у его матери:

«Есть у насъ печки муравлены,
 Помальчики шелковыя,
 Купаютъ въ росу медовую,
 Пашутъ печки муравлены,
 Пекутъ колачки крупчатныя:
 Колачки съѣшь — другаго хочется,
 Другой-то съѣшь, — по третьемъ душа горитъ.
 Эта похвальба, да не похвальба:
 Какъ водочки сладкія, меду столныя
 Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
 Бочки висятъ на дѣвкахъ на желѣзничкахъ,
 Туда подведены вѣтры буйныя;
 Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ,
 Пойдутъ какъ воздухъ по погребамъ,
 И загогочутъ бочки какъ лебеди,
 Какъ лебеди на тихихъ заводахъ:
 Такъ отъ того не заткнутся водочки сладкія
 И меду столныя;
 Какъ чару пьешь — другой хочется,
 Другую пьешь, — по третьей душа горитъ.
 Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимиръ князь:
 «Ай какъ-бы на это на пору на времячко
 Былъ-бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ,
 Онъ-бы зналъ, что съ тобою поговорить!».

Какъ разъ является Чурила, всѣмъ ведетъ поклонъ по писаному,
 по ученому, одному лишь Дюку «не клонитъ буйныя головы».
 Дюкъ упрекаетъ его за это невѣжество, пошло у нихъ «слово
 за слово»:

Ай-же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!
 Можешь-ли ты со мною споровать?
 Ты передо мною настушна деревенская.
 Въ той-то землѣ, во богатой ордѣ,
 Въ той Коремѣ богатыя

.....
 У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:
 Потому жъ омы не держатся,
 Что шведы у насъ не выводятся:
 Та толпа шведовъ со двора сошла,
 А другая толпа шведовъ да на дворъ пришла ¹⁾.
 Это хвальба, да не похвальба:
 Есть нѣсколько лошадей — стоять на стойлахъ лошадиныхъ,
 Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,
 Только выскочать на чисто поле прогулятися.
 Это хвальба, да не похвальба:
 Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, всѣ глубокихъ,
 Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго свачнаго жемчуга;
 На одинъ я на погребъ, — на красное на золото,
 Скуплю и сиродамъ вашъ городъ Кіевъ. ²⁾
 Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбился:
 «Какого намъ послать обцѣнщика,
 Обцѣнить животы всѣ Дюковы?»

О такомъ-же невѣжествѣ Чурилы на пиру говорить и Рыбн. III,
 № 31, послѣ чего Дюкъ также хвастаетъ:

Вамъ въ городѣ Кіевѣ гостинный рядъ продать,
 Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать.

И здѣсь, какъ у Рыбн. II, № 30, Владимиръ рѣшаетъ послать
 обцѣнщиковъ «описать имѣніе Дюка Степановича», и рассказомъ

¹⁾ Сл. ту-же подробность о «швецахъ» и далѣе у Рыбн. I, № 47, vv. 397
 слѣд.

²⁾ Сл. Гильф. № 230:

Да а й ты Чурило сухоногое,
 Сухоногое Чурило, грабоногое!
 Я своимъ имѣньцемъ-богачествомъ
 Да и вашъ-отъ весь я столень Кіевъ градъ
 Я продамъ имѣньемъ да и выкуплю.

о томъ кончается былина, тогда какъ Рыбн. II, № 30 заставляетъ Чурилу уже послѣ оцѣнки состязаться съ Дюкомъ — платьями и конями. Уже а priori такая послѣдовательность представляется нелогичной: во всѣхъ пересказахъ былины Владимиръ убѣждается, что богатства Дюка неоцѣннымы; вызовъ Чурилы послѣ того просто необъяснимъ. Настоящій планъ выяснился намъ отчасти изъ всего хода пѣсни: тотчасъ по приѣздѣ въ Кіевъ Дюкъ хвастаетъ своимъ конемъ; на пути изъ церкви охарашивается, поглядывая на свое платье, сапожки и шубу; на пиру кичится богатствомъ; Рыбн. II, № 30 собралъ всѣ эти моменты похвалы въ сценѣ на пиру: Дюкъ хвалится цвѣтными платьями, конями, казной. — Соображая всѣ имѣвшіеся у меня пересказы былины легко прійти къ заключенію, что первоначальная послѣдовательность могла быть такая: за похвалой на пиру и вызовомъ Чурилы слѣдовало а) испытаніе щегольства, Чурила и Дюкъ одѣваются въ запуски другъ передъ другомъ; одежду Чурилы приносятъ изъ Индіи (Корелы и т. д.) его конь; б) скачка; в) посольство въ царство Дюка и оцѣнка его богатства.

Такой распорядокъ представляетъ Рыбн. I, №№ 48, 49 (= Гильф. № 152), Гильф. 85, 159. Не идутъ въ сравненіе пересказы, сохранившіе лишь нѣкоторые изъ намѣченныхъ мною моментовъ (а в с) пѣсни, такъ какъ для нихъ трудно установить, въ какомъ именно мѣстѣ совершилось выпаденіе того или другаго эпизода. Таковы пересказы у Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., Гильф. № 180, Рыбн. III, № 31 (с); Гильф. № 128 (b); Рыбн. IV, № 9 (а b). — Рѣшающимъ является Гильф. № 9: Дюкъ хвастаетъ на пути изъ церкви и на пиру; Чурила вызываетъ его (на пути изъ церкви) — ѣздить съ нимъ въ теченіи трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. — Дюкъ посылаетъ въ Индію ко своей матери коня — за платьемъ; только что привезли его, какъ Владимиръ снова шлетъ въ Дюково царство оцѣнщиковъ — между прочимъ, Добрыню; когда они вернулись, оказывается, что Дюкъ и Чурила уже три года и три дня ѣздили и щеголяли другъ передъ другомъ

въ запуски; остался еще день, который былина и наполняетъ разсказомъ, обычнымъ для *a* (щеголянья) и *b* (скачка). — Не менѣе характеренъ для генеалогіи былинъ Рыбн. II, № 29 (сл. Барсовъ, 1. с.): здѣсь за похвалъбой и вызовомъ слѣдуетъ посольство въ Индію, ради оцѣнки и — за платьемъ Дюковымъ, послѣ чего уже идетъ *a* и *b*; у Рыбн. II, № 28 за посольствомъ Добрыни (для оцѣнки «животовъ») также идетъ *ab*, но за платьемъ Дюка коню приходится бѣжать въ Индію; у Рыбн. II, № 30 порядокъ такой: посольство Добрыни; Дюкъ шлетъ своей матери «письмы строгія» — прислать ему платья и коней; у Гильф. № 213: скачка, посольство; Дюкъ посылаетъ коня за платьемъ. Эти примѣры уясняютъ намъ поводъ, по которому мотивъ посольства = *c* былъ перенесенъ изъ конца быliny въ непосредственное сосѣдство съ вызовомъ: Чурила вызывалъ Дюка пощеголять съ нимъ въ запуски въ перемѣнныхъ платьяхъ, Дюкъ посылалъ за ними въ Индію — коня (Рыбн. I, №№ 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28; Гильф. № 9, 85, 189, 213); этотъ эпизодъ напомнилъ другое посольство, также въ Индію, но для оцѣнки Дюкова живота; посломъ, либо въ числѣ другихъ, является, обычно, Добрыня. Оба эпизода были сближены (Гильф. № 9, Рыбн. II, № 28), либо смѣшаны (Рыбн. II, № 29), — и, наконецъ, посольство оцѣнщиковъ (*c*) и совсѣмъ вторглось на мѣсто разсказа о посылкѣ за платьемъ и получился распорядокъ: *cab* (Рыбн. IV, № 10); либо путемъ дальнѣйшаго искаженія: *acb* (Рыбн. III, № 29, Ефименко, № IX, Гильф. № 225), *bca* (Гильф. № 213; такъ, вѣроятно, и въ недопѣтой былинѣ Рыбн. III, № 30). Гильф. № 230 (*cab*) представляетъ, сходно въ этомъ случаѣ съ Гильф. №№ 20 и 213, ту новую черту, что Дюка, до возвращенія оцѣнщиковъ, Владимиръ садитъ «во глубокъ погребь». Такъ у Гильф. № 159 («И не спустили тутъ Дюка Степановича — Съѣздить за платьемъ за двѣтнимъ») и Ефименка 1. с. № IV (Нѣтъ ни вызова, ни щапленья, ни скачки, а за похвалъбой — посольство въ Дюково царство).

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію эпизодовъ щеголянья

и скачки, посмотримъ, чѣмъ сказалося въ этомъ отдѣлѣ былины пособничество Ильи. У Рыбн. II, № 28, когда Владимиръ рѣшилъ послать оцѣнщиковъ въ Дюково царство, Дюкъ стрѣляетъ и на стрѣлѣ шлетъ «ярлыки» ко Илью Муромцу, всё еще стоящему въ шатрѣ. По вызову Ильи Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, и Дюкъ проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. Позднѣе, когда Дюкъ перещанилъ Алѣшу (= Чурилу) и хочетъ снести ему голову (закладъ о головѣ), Илью вызываютъ изъ чиста поля, и онъ проситъ Дюка пощадить соперника. — Въ № 30 *ibid.* Илья впервые является изъ поля въ эпизодѣ скачки и говоритъ Чуригѣ, побившемуся съ Дюкомъ о головѣ:

Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семь на бѣломъ свѣту?
Хоть-бы не перескочилъ конь у молода боярина,
У молода боярина у Дюка Степановича,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
Даль-ли я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
Когда я засматривалъ ровно три года во каждый день?

(т. е. имѣлъ о немъ попеченіе). Лишь у Рыбн. III, № 29 (сл. Ефименко, № IV) Илья, вызванный Дюкомъ (ярлыки на стрѣлѣ), идетъ за него поручителемъ (вмѣстѣ съ голями кабацкими, явившимися, очевидно, по слѣдамъ Ильи, но выступающими въ той-же роли и у Рыбн. I, № 28, Гильф. № 225, 230) въ его закладъ съ Чурилой — вмѣсто владыки Черниговскаго (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Гильф. №№ 9, 159), знакомаго въ этомъ значеніи изъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ. У Барсова, I. с., за Дюка ручается вмѣстѣ съ Ильей и Добрыня. — Роль пособника, очевидно, не выдержанная и поздняя, вызванная центральнымъ положеніемъ Ильи въ «кіевскомъ», не «южно-русскомъ» эпосѣ — въ томъ болѣе широкомъ значеніи этого слова, какое вообще имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе. — Именно внѣшній характеръ связи Дюка съ Ильей (и Владимиромъ) представляется мнѣ яснымъ признакомъ «присталости» Дюка къ кіевскому циклу.

Обратимся, въ порядкѣ, нами установленномъ, къ эпизоду «шапленія» Дюка и Чурилы.

Стали они ѣздить-то день за день,
 День за день и още годъ за годъ,
 Проѣздили нори-времени по три году,
 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія.
 Молодой Чурилушка Пленковичъ
 Надѣлъ-то онъ одежду драгоцѣнную:
 Строчечка одна строчена чистимъ серебромъ,
 Другая строчена краснимъ золотомъ;
 Въ пуговики воплетано по доброму по молодцу,
 Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкѣ:
 Какъ застенутся, такъ обоймутся,
 А разстенутся, и подѣлуются.
 Поглянуть Владиміръ на праву руку
 На молода Чурилушку на Пленкова,
 Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
 «Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Прозакладалъ все свое имѣніе богатество».

Дюкъ выступаетъ въ точно такой-же одеждѣ, но у него на головѣ еще и «шляпонька»:

Спереду такъ введено красно солнышко,
 И сзади введѣнъ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
 А на верховьцѣ шляпы быдто жаръ горить.
 Говорить ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
 «Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
 Посмотри-тео теперь на лѣву руку:
 Молодой Чурилушко Опленковичъ
 Прозакладалъ свою буйну головушку (Рыбн. I, № 48).

Такъ и у Гильф. № 85, съ новой подробностью: Чурила повелъ плеткой по бѣлой груди:

Еще петелки-ты свистуть по солóвьему,
 А ѣ то пуговики кричать-то по звѣрному;

повелъ Дюкъ, и отъ посвисту соловьяго и покрику звѣринаго народъ сталъ падать на кирпичный полъ.

Иначе у Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152 (сл. Гильф. № 159): въ церкви Чурла стоитъ на правомъ крылосѣ, Дюкъ на лѣвомъ.

Какъ тотъ Чурлушко Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Пимветъ змище-Горинчище.
Тутъ всё въ церкви приужасулися.

Дюкъ также начинаетъ поваживать по пуговкамъ:

Вдругъ запли птицы пѣвудіа,
Закричали звѣри всё рыкудіа:
А тутъ вси во церкви да о зень пали,
О зень пали, а нине обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Приуйми-тея птицы ты клеудіа,
Призаклинь-ка ты звѣрей тыхъ рыкудіахъ,
Оставь людей намъ хотъ на сѣмена».

Но Дюкъ унимається лишь по просьбѣ своего «крестоваго батюшки», а самъ говоритъ Владимиру:

Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
Намъ которому съ Чурлой голова рубить?

Оба мотива соединены въ пространной былинѣ у Рыбн. II, № 30:

Обувалъ Чурла сынъ Пленковичъ сапожи-зелень сафьянъ,
Пряжечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Надѣвалъ шубу черныхъ соболей заморскіахъ;
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было влетено по красной дѣвухѣ:
По петелкамъ какъ поведеть,
Такъ красны дѣвушки наливають зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведеть,
 Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.
 А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
 Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шелочкату,
 А въ пятн-тѣ вплетено по камешечку самоцвѣтному:
 Днемъ итти — какъ по красному солнышку,
 Ночью итти — какъ по свѣтлому мѣсяцу;
 Надѣвалъ онъ шапочку со рогавками:
 У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтныи,
 Отъ камешечковъ нечетъ какъ отъ красного отъ солнышка ¹⁾;
 Надѣвалъ какъ шубу черныхъ соболей,
 Черныхъ соболей заморскихъ,
 Подъ дорогимъ подъ самитомъ,
 Во петелки-то было вплетено по лютой змѣи,
 Во пуговицы-то было влито по лютому звѣрю:
 По петелкамъ какъ поведеть, —
 Такъ всѣ змѣи засвнцуютъ во всю голову,
 По пуговкамъ какъ поведеть, —
 Тутъ всѣ люты звѣрья закричатъ во всю голову:
 Отъ пкъ свисту змѣйнаго и крику звѣрнаго,
 Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
 Такъ всѣ будутъ на землѣ лежать.

Сл. Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225; Рыбн. IV, № 10
 (у Чурилы въ пуговкахъ молодцы и дѣвицы, у Дюка звѣри
 и змѣи), Рыбн. IV, № 9 (отъ Дюковыхъ пуговиць «стукъ да
 гремъ»); Гильф. № 9 (у Чурилы отъ пуговицы до пуговицы
 «пошли враны, стали прогуркивать», а отъ петелки до петелки
 «поплыла змѣя, стала просвистывать»; у Чурилы въ первомъ
 случаѣ «птицушки пѣвучи», во второмъ «звѣрюшки крыкучи»).
 Сл. еще Гильф. № 230. — Въ одной кипрской майской пѣснѣ
 (Сакелларій № 22) сынъ проситъ мать подать ему шляпу о трид-
 цати углахъ, съ тридцатью верхами и тридцатью верхушками,
 вокругъ сидятъ птички, посреди — голуби. «Голуби, голуби,

¹⁾ Сл. Рыбн. II, № 28, в. 430 слѣд.

понесите меня, чтобы мнѣ увидѣть дядю своего — что агую розу, отца — что мѣсяць».

Καὶ φόρησ' μου τὴν σκούφιάν μου τὴν τρανταμασσοῦρένην,
ὅπου ἔχει τρᾶντα μάσσοῦρους καὶ τρᾶντα μασσοῦρούδια,
καὶ γύρου γύρου τὰ πουλιὰ καὶ μέσα τὰ πεζούνια.

Πεζούνιά μου, πεζούνιά μου, πετάξετέ με πέρα,
νὰ ἴδῶ τὸν θεῖόν μου ῥοδινόν, τὸν κῆρῖν μου φεγγάριν η τ. д.

Щаплење въ церкви пуговками и петелками — послѣднее состязаніе въ щегольствѣ изъ многихъ ему предшествовавшихъ: по смыслу вызова Чурилы, онъ и его противникъ должны были въ теченіи извѣстнаго времени являться въ «смѣнныхъ», «перемѣнныхъ» платьяхъ (Рыбн. I, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 85, 159, 225, 230) — и на смѣнныхъ коняхъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, 30; IV, № 9; Гильф. №№ 9, 159). На послѣднее требованіе былины отвѣтили различно: у Чурилы коней — цѣлое стадо,

А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повмстанеть,
Бурка въ роси онъ повкисаетъ,
На бурки-то шерсть перемѣнится

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 9, 159).— У Рыбн. II, № 30 мать Дюка посылаетъ ему перемѣннаго платья и «добрыхъ коней стады — стадами, шерстью разною». — Иногда ѣзда по городу Дюка и Чурилы выражается предложениемъ Владимира Дюку прогуляться съ его князьями, боярами и могучими богатырями (Гильф. № 213). Владимиръ, очевидно, поставленъ здѣсь вмѣсто Чурилы, какъ у Рыбн. III въ № 30, замѣнившемъ Чурилу — Владимиромъ (въ эпизодѣ вызова) и Аleshей Поповичемъ (въ сценѣ скачки) и обратившемъ гулянье на коняхъ въ какое-то рыцарское «штурмованье». Вліяніе лубочной сказки, съ подробностями западнаго турнира, несомнѣнно въ слѣдующей сценѣ: Владимиръ говоритъ Дюку:

«Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле,
 Съ нашими богатырями силы поотвѣдати?»
 Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:
 «Я още витязь молодой,
 Съ вашима богатырями незнакомый,
 Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли.
 И тутъ съѣхалось на княжей дворъ
 Сильныхъ могучихъ богатырей:
 Въ первыхъ старшій Донской казакъ Илья Муромецъ,
 А во вторыхъ Добрынюшка Никитьевичъ,
 А третій Олешинька Поповичъ,
 Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
 Пятой Василій Буслаевичъ,
 Шестой Чурилушка Щапенковичъ,
 Седьмой Иванъ сынъ Годимовичъ.

Какъ видно — сборъ богатырей случайный, для фона, на которомъ тѣмъ ярче выйдеть богатырство Дюка — въ общемъ хорѣ русскаго эпоса нигдѣ не являющагося богатыремъ. Приемъ, напоминающій, *si licet parva comprobere magnis*, подобныя-же искусственные сборы богатырей въ *Rosengarten*'ѣ и *pidreksaga*'ѣ.

Съ богатырями ѣдетъ и Владимиръ,

Посмотрѣть на дѣло ратное, на побойще смертное.
 Не ясиме соколы по полю летаютъ,
 А сильныхъ могучихъ богатыри разъѣзжаютъ.
 И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
 Онъ бурушка подираживаетъ,
 Босматаго понуживаетъ,
 И столько видать, что въ полѣ кудельба стоитъ,
 А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
 Не два ясныхъ сокола слетается,
 А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:
 Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,
 А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
 И оборачиваетъ коня тупымъ концомъ,
 И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь, —
 И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
 И палъ на землю, что овсяный сношъ.

И подѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владимиру,
 Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,
 И князь его выхваляетъ.
 Тутъ ѣхать-ли не ѣхать Василью Буславьевичу.
 Тутъ не два орла слетается,
 А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:
 Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;
 Другъ друга они ударяютъ,
 У нихъ копья изъ рукъ выпадаютъ;
 И другой разъ разѣзжаются,
 У Дюка сердце разгоряется,
 А Василій на Дюка разъяряется,
 А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,
 И тутъ паль-то Василій о спру землю.
 И тутъ-то Дюкъ разѣзжается,
 А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
 Съ княземъ Владимиромъ прощается и съ богатырями;
 И тутъ-то онъ разѣзжается,
 И съ Дюкомъ-то онъ сражается, —
 Дюку-то онъ покоряется.
 И мирно поѣхали они ко городу ко Кіеву.
 И говоритъ Олешинька Поновичъ:
 «Ужъ ты, молодой боярской снѣзъ Дюкъ Степановичъ,
 Мы поѣдемъ-ко черезъ Нѣи(рѣ)-рѣку скакать».

Скачкой черезъ рѣку кончается въ былинахъ гулянье на коняхъ, какъ сценой въ церкви щапленье въ запуски Дюка и Чурилы. Скачутъ черезъ Днѣпръ или Пучай рѣку; Дюкъ обращается къ своему коню, падаетъ ему «на стену на лошадиную», просить помочь ему.

Прояснилъ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
 «Не убойся-тео страха, Дюкъ Степановичъ,
 Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадинныхъ,
 Не уступлю я братьямъ большімъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,

А середній братъ у Добрини Микитинца,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужъ братъ у Чурилы Опленкова».

Богатыри скачуть:

Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
На добромъ конѣ на богатырскомъ
За цѣлый за комахъ лошадинній
И за цѣлую за версту за мѣрную;
И взглянулъ онъ на правую на ручушку,
Какъ вѣтъ подлѣ него товарища,
Молода Чурилушки Опленкова:
Чурила-то Пленковичъ посередъ Нѣпры приогрѣшился
Съ добрымъ конемъ со богатырскимъ.
Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку новыскочилъ
И Чурилушку Опленкова за желты кудри повѣтадилъ
Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
И говорилъ онъ Чурилы такыя слова:
«Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
Не твое-то дѣло есть охвастати,
Да не твое дѣло бити о великъ закладъ,
А твое дѣло столько ходити тобѣ по Киеву,
По Киеву ходити тебѣ за бабами».

(Рыбн. I, № 48). Почти также передается этотъ эпизодъ и въ другихъ пересказахъ: просьба коню встрѣчается еще у Гильф. № 85 (конь Чурилы — меньшій братъ, у него одно крыло под-кожное, у Дюкова два, у Ильина — три), 128, Рыбн. II, № 30 («Ежели не перескочишь черезъ Матушку Нѣпру рѣку, — То поѣду я искать своего брата крестоваго, — Старога казака Илью Муромца»). Вездѣ Дюкъ вытаскиваетъ изъ воды упавшаго Чурилу, которому иногда собирается рубить голову (Рыбн. II, № 30, III, № 29; Гильф. № 9, 159, 225; сл. Рыбн. IV, 10), но за него просятъ «Старыя старухи, молодыя молодухи — И крас-выя дѣвушки» (Рыбн. II, № 30), либо князь со княгиней (ib. III,

№ 29; сл. Гильф. № 9, 159, 225), либо «просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить» (Рыбн. IV, № 10) — и онъ отпускаетъ его. Презрительнымъ обращеніемъ къ Чурлгѣ, которому пристало возиться съ дѣвками и бабами, а не хвастать, обыкновенно кончается этотъ эпизодъ пѣсни (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 30, III, № 29, IV, № 10; Гильф. № 9, 85, 128, 159, 225). Особо стоитъ Рыбн. II, № 29: скачки нѣтъ, щепять платьями; побѣдивъ Чурлгу, Дюкъ ухватилъ его

И съ конемъ въ карманъ посадилъ.

И на этотъ разъ онъ отпускаетъ его по общей просьбѣ. Очевидно воспоминаніе объ Ильѣ, посаженномъ въ карманъ женой Святогора, о Добрынѣ — въ карманѣ у поляницы. Можетъ быть, такимъ-же воспоминаніемъ (сл. въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ эпизодъ о «сумочкахъ») отзывается развязка у Ефименка, I. с., № IX: Дюкъ предлагаетъ Ильѣ и Добрынѣ скакать черезъ рѣку; ему это удастся, они не въ силахъ,

Тутъ же они и ушли.

3) *Послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери.*

Послы ѣдутъ:

Подъѣхали подъ Индию подъ богатую,
 Повнстали на гору на высокую,
 Увидели Индию тую богатую,
 Самы говорятъ да таково слово:
 «Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Стенановичъ
 Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
 Чтобы зажгали Индию ту богатую:
 Ай, горитъ Индия та богатая!»
 Какъ подъѣхали они поближе де:
 У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
 У нихъ мавовки на деревьяхъ самоцвѣтныя,
 Мостовыя рудожелтныя несочками призащипаны и т. д.

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. *ib.* № 159). Или:

Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
 Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую,
 Вся Индѣя что-ли насъ да перепалася,
 Вся Индѣя вдругъ да загорѣлася!

.....

Думаи Индѣя перепалася,
 Ажно ихъ Индѣя не спугалася:
 Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золотѣ

(Гильф. № 9; сл. еще № 85).

Только у Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд. и въ подновленномъ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50 самъ Владимиръ ѣдетъ въ царство Дюка, чтобы удостовѣриться, на сколько вѣрна его похвальба богатствомъ. Во всѣхъ другихъ пересказахъ идутъ туда послы-оцѣнщики, всего чаще *Добрыня* (Рыбн. I, № 48: Дунай, Василий Казимировичъ, Алеша Поповичъ; № 49: *Добрыня* и Илья = Гильф. № 152, 159; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30, 31, Гильф. № 225, 230, Барсовъ, I. с.: *Добрыня*; Гильф. № 9: *Добрыня*, Пóтыкъ, Алеша; № 85: двѣнадцать богатырей, съ ними Дюкъ; № 180: Чурла и Алеша; № 213: «оцѣнщики»; № 20: мастера молодые», «писаря ученые»; Ефименко I. с. № IV: Михайлушко Петровичъ съ Алешей; № IX: Алеша и Илья). — Посольство описывается въ началѣ, какъ рядъ иллюзій и неожиданныхъ разубѣжденій: на первыхъ же порахъ Владимиръ или его послы видятъ такое богатство, что невольно поражены — а между тѣмъ до Дюка еще далеко, и встрѣтились пока лишь его служилые люди.

И пріѣхали они на пашню къ нему,
 Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
 И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
 Припасъ про князя Владимира почестный столъ

.....

И будетъ день въ половину дня,
 И будетъ столъ во полу-столъ,
 Владимиръ князь полента наѣдается,
 Польяна наливается,

Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
 «Каково про тебя сказывали,
 Таковъ ты и есть».
 Покушавши, ласковой Владимиръ князь
 Велѣлъ домъ его переписывать,
 И былъ въ томъ дому сутки четверо:
 А и домъ его крестьянскій переписывали —
 Бумаги не стало. То оттеца Дюкъ Степановичъ
 Повелъ князя Владимира
 Со всѣми гостями и со всѣми людьми
 Ко своей сударниѣ *матушкѣ*.

И здѣсь, во полу-столѣ, Владимиръ отказывается отъ оцѣнки:

Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
 Да отложилъ всё печали на радости

(Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд.).

Другіе пересказы умножаютъ встрѣчи Владимировыхъ пословъ до послѣдней — съ матерью. Число ихъ въ цѣльныхъ былинахъ (Гильф. № 180 не кончена) колеблется: ихъ *два* (Гильф. № 213, Ефименко № IX: *портмойница*, мать), *три* (Гильф. № 152: *портмойница*, *калачница*, *матушка*; такъ, вѣроятно, и въ тождественномъ пересказѣ у Рыбн. I, № 49 и у Гильф. № 159, гдѣ при первомъ опредѣленіи, несомнѣнно, пропускъ: я не Дюкова *матушка*; Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230: *колачница*, *бажатушка*, *матушка*; Гильф. № 225: *портмойницы*, *божатушка*, *матушка*; Ефименко № IV: *служаночки*, *портмойницы*, *матушка*), *четыре* (Рыбн. I, № 48: *рукомойница*, *портмойница*, *стольница*, *матушка*; Рыбн. II, № 29: *работница*, *портмойница*, *нянюшка*, *матушка*; Рыбн. III, № 31: *коровница*, *хлѣбница*: «я на Дюка *хлѣбы* пеку», *наложница*, *матушка*; Гильф. № 85: *рукомойница*, *судомойница*, *стольница*, *матушка*; Барсовъ I. с.: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, *матушка*), *пять* (Рыбн. II, № 28: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, *чашница*, *матушка*; Рыбн. II, № 30: *халуница*, *рукомойница*, *постельница*, *колашница*, *матушка*) и *шесть* (Гильф. № 9: *коровницы*, *портмой-*

ницы, постельницы, колачницы, горничны, матушка). — Любовь къ трончности, обнаруживаемая русской народной поэзіей, даетъ право предположить, что первоначально встрѣчь было *три*: мать являлась послѣдней, первой, можетъ быть, портомойница, встрѣчающаяся на этомъ мѣстѣ въ восьми пересказахъ (Гильф. № 152 = Рыбн. I, № 49; Гильф. № 159, 180, 213, 225; Рыбн. II, № 28, Барсовъ I. с., Ефименко № IX; отсюда уже: рукомойница, судомойница); за тѣмъ нѣкоторую устойчивость на второмъ мѣстѣ обнаруживаетъ *божатушка* (Рыбн. III, № 29, Гильф. №№ 225 и 230) ¹⁾.

Встрѣчи описываются либо такъ, что послы находятъ Дюкову мать и ея прислужницъ сидящими каждая въ отдѣльныхъ покояхъ (Рыбн. I, № 48, Гильф. № 85), либо шествующими изъ церкви (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 9); въ большинствѣ пересказовъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, №№ 28, 29; III, № 29, 31; Гильф. № 159, 213, 225, 230) первыя встрѣчи совершаются въ покояхъ, и лишь мать Дюка объявляется на пути отъ обѣдни. — Добрыня

доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
 И идетъ въ его теремъ златоверховатнѣй.
 И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ:
 На небѣ сонце, и въ теремѣ сонце,
 На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ.
 И сидитъ женщина,
 Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
 И приходитъ онъ и поклоняется:
 «Здравствуешь, Дюкова матушка!»

¹⁾ Сл. былины о князѣ Романѣ: наѣхали Татары, ищутъ княгиню Марью Юрьевну, встрѣчаютъ ея *портомойницу* и стали ея бить; она отвѣчаетъ:

Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
 Я есть Марьяна протомойница.

Вторая встрѣча съ *ключницей*; княгиня выдаетъ себя сначала за свою *постельницу*. Кир. V, № 2, стр. 96—99; сл. Якушкинъ, Русскія пѣсни (СПБ. 1860), № II, стр. 66—68.

Она отвѣчаетъ ему :

— Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова работница;
Ступай туди во второй покой. —
Приходить во второй покой:

Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

И женщина отвѣчаетъ ему:
«Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница;
Ступай впередъ въ третій покой. —
Приходить онъ въ третій покой:

Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

Женщина ему отвѣчаетъ:
«Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова нянюшка;
Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
Да всѣмъ тебѣ не накланяться;
А Дюкова матушка къ обѣдни ушла.

Поди къ обѣдни воскресныя,
Да смотри, да всякому не кланяйся:
Когда пройдутъ мательники изъ церкви,
Да пройдутъ лонатники изъ церкви,
Тогда Дюкову матушку
Ведутъ дѣвцы подъ руки:
Она вся въ каменьяхъ драгоценныхъ.

И тогда пошелъ Добрыня Никитьевичъ
Къ обѣдни воскресныя,
И стоитъ онъ у церкви у соборныя;
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
И народъ идетъ, кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ,
Да пошли и мательники,
Да пошли и лонатники,

Повадѣ Дюкову матушку
 Ведутъ дѣвицы подѣ руки;
 И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
 «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 — Здравствуй, удалий добрый молодецъ!

(Рыбн. II, № 29). — У Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225, 230, прислужницы Дюковой матери сидятъ въ теремахъ; отъѣхавъ отъ одного Добрыни просыпаетъ въ полѣ ночку темную, и затѣмъ уже доѣзжаетъ до другого; въ № 31 ib. теремовъ тридцать три, «вершки свиваютъ въ одно мѣсто». — Появленіе Дюковой матери описывается съ особою торжественностью: её ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею, «вся она обвѣшана бархатомъ, чтобы не запекало её солнце красное» (Рыбн. II, № 28), либо надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; Рыбн. II, № 30). Она принимаетъ пословъ и угощаетъ ихъ, при чемъ обыкновенно общее мѣсто Чурилина хвастовства: одинъ калачикъ съѣшь, другого хочется, другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ. — Узнавъ о цѣли пріѣзда, мать ведетъ оцѣнщиковъ по кладовымъ, погребамъ и клѣткамъ, и они принимаются переписывать: сбрую лошадиную (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, Гильф. № 9, 159), погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. III, № 31, Гильф. № 159), бочки «красна золота не держанаго», (Гильф. № 230), погреба съ «деньгой нехоженой» (Рыбн. III, № 29); сл. Рыбн. II, № 30. Къ предметамъ оцѣнки иные пересказы присоединяютъ еще: платья (Рыбн. II, № 28, 30), сапожную и сѣдельную клѣтки, амбары съ товарами заморскими (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), коней (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 230); въ 33-хъ теремахъ сидятъ Дюковы счетчики, казну сводятъ (Рыбн. III, № 31); либо: стоитъ семьдесятъ столовъ, у каждаго стола по три человѣка, на щетахъ ходятъ, казну принимаютъ; семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ (Рыбн. II,

№ 28). — Встрѣчаются и баснословныя черты: послы идутъ на широкій дворъ:

А течеть тутъ *струйка золоченая*, —
А тутъ не могли они смѣты дать

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152: струйка золоченая). Сл. то-же у Гильф. № 159:

А по той же по Иадѣи по богатоей,
А по той-то по Корелы по проклатоей,
Потекла рѣка да было съ золотомъ

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 мать идетъ къ погребамъ,

Вынимать она *три камешка* съ погребовъ глубокнхъ,
«Ай-же вы господа мои общѣннички!
Можете-ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тнхъ вѣдь тутъ камешковъ
По всему по городу по Галичи
Всякіи огни гора, лучи некутъ,
Ѣны господа да тутъ общѣннички,
Ѣны стали тутъ да пороздумались,
А ѣ не могутъ они да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоятъ этии три камешка.
Говорить тутъ Дюкова-то матушка,
А ѣ честна вдова Офимья Тимошеевна:
«А ѣ же вы господа да тутъ общѣннички!
Ужъ что вы стали подроудумались?
Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать?
А ѣ надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
Дакъ не дорого вы стоите господа общѣннички,
А ѣ общѣннички да столю-кіевски!»
Говорятъ господа вѣдь тутъ общѣннички:
«А ѣ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
А ѣ честна вдова Офимья ты Тимошеевна!
А ѣ не можѣтъ тутъ мы цѣны-есть дать
Твоимъ-ли этимъ тутъ камешкамъ,
Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
А ѣ велики вѣрно что у Дюка животы.

Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
 А ещё семь разъ спродать ёго помыкупить,
 Накупить бумага да черниловъ-то,
 То не хватить намъ у Дюка животовъ унсать».

Этимъ характернымъ признаніемъ: что если продать Кіевъ, либо Кіевъ и Черниговъ, да купить бумага (чернилъ и перьевъ) для описи Дюковыхъ животовъ, то бумага не хватить — этимъ признаніемъ обыкновенно кончается эпизодъ «оцѣнки» (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 28, 30; Гильф. № 159; сл. еще Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225, 230). Похвальба Дюка еще разъ оправдалась; но ему въ Кіевѣ, очевидно, дѣлать нечего: лишь у Рыбн. II, № 30 заключеніе такое:

Туть-то узнали молодого боярина
 По всемъ землямъ, по всемъ ордамъ;
 Туть-то сталъ вездѣ поѣзживать
 Со старимъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
 Со братцемъ крестовникомъ.

У Ефименка № IV Дюкова матушка посылаетъ Ильѣ съ оцѣнщикомъ — Дюковы «сапожки обродочки»:

Туть Дюкъ съ Осударемъ поназванались,
 Поназванались, покрестовались.

Въ другихъ пересказахъ Дюкъ уѣзжаетъ во свояси (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), раздавъ по монастырямъ свое цвѣтное платье (Рыбн. II, № 28), не смотря на приглашеніе Владимира — остаться и — торговать во весь вѣкъ безошлнно (Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152, 159). У Гильф. № 230 онъ говорить на отъѣздѣ Владимиру:

«Владимиръ ты князь да столецъ-кіевской!
 Какъ вѣдъ съ ўтра солнышко не снело,
 Подъ вечеръ облышко не огрѣе.
 На прѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
 А теперъ на поѣздѣ не учостовать,
 А будь-ко свинья да ты безшорстнал!»

Полагаю, что то-же значеніе имѣеть и его рѣчь къ князю въ Гильф. № 213, хотя издатель и толкуеть её какъ приглашеніе Дюка Владимиру — пріѣхать къ нему въ гости :

«А ѣ гости Владимиръ столю-кїевски!
Ты гости-тео князь да на ту-же честь,
А ѣ на ту-же честь какъ и меня употчиваль!»

Особое, очевидно, не традиціонное окончаніе представляетъ прозаическій пересказъ былинны у Рыбникова I, № 50, которыми, по причинѣ его сказочнаго характера, мы до сихъ поръ и не пользовались. Дюкъ носитъ здѣсь имя Юнка; Владимиръ съ Чурилой, князьями-боярами и приказными ѣдутъ его «животовъ общѣнивать». — «Пріѣхалъ князь Владимиръ и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведеть въ палаты — инѣ половицы въ полу стеклянные, подѣ ними вода течеть, вовѣ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснеть рыба хвостомъ, половица точно треснеть. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожь ведуть, такъ надо ѣтти». Такъ въ сказанїяхъ о Соломонѣ царица Савская не рѣшается вступить въ воду — стеклянный полъ, на которомъ стоить престолъ Соломона. — «Сѣли за столъ, ѣли такія яствїа, какихъ не слыхано, пили петья, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владимиръ: Гдѣ-же мой подъячїи? — Привели подъячихъ, такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли общѣнить одного сѣдла тридцать человекъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ: Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и общѣнить можетъ. — Попался князь въ услуженїе Юнкѣ (по условїю заклада?), а Юнка говоритъ ему: «Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужаго человекъ незнакомаго въ домѣ не обижали».

Повторимъ въ заключенїи разбора пѣсни о Дюкѣ, что не всѣ пересказы сохранили её въ полности, иные ограничились запомнанїемъ одного или другаго ея эпизода. Такъ № 128 Гильф.

знаеть лишь скачку Дюка съ Чурилой, которая приурочена къ обычной похвальбѣ богатырей на княжескомъ пиру; наоборотъ, Гильф. № 243 выдѣлилъ описаніе чудесъ Дюкова царства, къ которому придѣлалъ небольшой запѣвъ:

Кого нѣтъ сильнае да могучѣе?
 Старика Ильи да Ильи Муромца.
 Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе?
 Молодца-то Дюка да Степанова:
 Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
 Да кругомъ двора да всё булатнѣй тмѣть,
 Столбики были точенне,
 Да точѣнне да золочѣнне,
 Да на каждомъ столбичкѣ по маковкѣ,
 Маковки ты были мѣднне,
 Дорогою мѣдью всё казарскіе,
 Да пекутъ лучи да солннопечнне
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатне.
 Да ещё у Дюка у Степанова
 Ворота были вольячнне,
 Подворотенки были хрустальнне,
 Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Надъ воротами да надъ широкима
 Да стоя у Дюка чудны образы,
 Да гора свѣчи неугасимне.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Да стоятъ три церкви три соборнне:
 Да на каждой церкви по три маковки,
 Маковки ты были мѣднне,
 Дорогою мѣди всё казарскіе,
 Да пекутъ лучи да солннопечнне
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатне.
 Да во перву церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкова-то матушка,
 Да во другу церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ,

А во третью церкву соборную
 Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова.
 Среди двора его широкаво,
 Да стоятъ три терема высокіе,
 Да высокіе да златоверхіе.
 Да во первомъ тереме высокіемъ
 Да живѣтъ тутъ Дюкова-та матушка,
 А во другомъ тереме высокіемъ
 Да живѣтъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
 Да во третьемъ теремѣ высокіемъ
 Да живѣтъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора того широкаго
 Да стояли погребы глубокіе;
 Да во эти погребы глубокіе
 Бочки спущены да на тетпвочкахъ,
 Да во эти погребы глубокіе
 Да провѣдены да трубы мѣдные,
 Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
 Да повіють вѣтры со чиста поля
 Да во эти трубы да во мѣдные,
 Да во эти погребы глубокіе,
 Въ погребкахъ тамъ бочки зашатаются,
 Оттого ли пиво да не затыхается ¹⁾.

¹⁾ Этотъ отрывокъ былинны выдѣленъ изъ типа, представляемаго цѣльной пѣсней у Ефименка, Матеріалы № IV: именной запѣвъ, описаніе Дюкова царства — и просьба Дюка къ матери благословить его съѣздить въ Кіевъ.

Начало:

Нѣту на силу Самсонову,
 Что того-же Самсона Колыбанова,
 Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца,
 На вѣжество Добрынюшки Никитича,
 На ярость Олешеньки Поповича,
 На имѣнье Садка-купца богатаго,
 На злату казну Дюка сына Степанова.
 Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ и т. д.

Сл. ib. № IX: былина прямо начинается описаніемъ Дюкова царства; испорченный вариантъ, въ которомъ три боярина щипать съ Дюкомъ, а онъ скачетъ въ запуски съ Ильей, Добрыней и Алешей: не могли они перескочить черезъ рѣку, «Тутъ де они и уходилса». Сл. выше стр. 160.

Обособленное такимъ образомъ описаніе Дюкова царства, съ его дворомъ, тремя церквами и тремя теремами, напоминаетъ подобныя же черты малорусскихъ колядокъ съ ихъ тремя крестами, церквами, окнами и т. п. («Зелёный дворъ, — Мѣдныя вѣроты, — Подвѣротнички, — Рыбы косточки и т. п.¹⁾) — какъ Дюкова скачка находитъ себѣ знаменательную параллель въ томъ-же мотивѣ колядокъ малорусскихъ и румынскихъ. Былевья, балладныя пѣсни могли пѣться въ пору народныхъ, годовыхъ или бытовыхъ празднествъ; ихъ отзвуки и теперь слышны въ брачныхъ и рождественскихъ напѣвахъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ, Южноруссовъ; излюбленные въ колядкахъ мотивы скачки и чудесныхъ чертоговъ, можетъ быть, — обобщившіеся отзвуки этихъ пѣсенъ, либо поддержаны были ихъ древнею популярностью.

II.

Дюкъ Степановичъ — пріѣзжій богатырь; онъ даже не остается въ Кіевѣ, какъ напр. Чурила, и я считаю древнимъ то заключеніе былины, гдѣ Дюкъ, недовольный пріемомъ Владимира, уѣзжаетъ во свояси, что не помѣшало ему въ позднейшемъ синкретизмѣ эпоса такъ-же постоянно примкнуть къ Кіеву, какъ Чурилѣ и Ивану Гостиному сыну. — Онъ — «бояринъ», «княжевецкій сынъ» (Рыбн. I, № 48, vv. 290, 292); его имя — Дюкъ, несомнѣнно, византийское Δούκας, извѣстное какъ титулъ, а затѣмъ какъ родовое и — собственное имя. Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ Андроника Дука, на дочери котораго женится отецъ Дигениса²⁾; Дука, отца Дигенисовой жены³⁾; сербск. болг. дукъ = дождь; Дукадинъ = ducatus = Герцеговина; мальчика

¹⁾ Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовецкаго, стр. 531.

²⁾ Sathas et Legrand, p. 6; сл. Lambros l. c. p. 129, v. 405.

³⁾ Sathas et Legrand, p. 92, 98.

Докадиче сербскихъ и болгарскихъ пѣсень¹⁾. — Дюкъ перешель въ имя собственное, какъ Девгеній и Акритъ заслонили въ томъ-же значеніи собственное имя Василя въ старо-русской повѣсти о Девгеніи.

Откуда пріѣзжаетъ Дюкъ? Изъ Индіи, Волынца Галицкаго, Корелы. Эти противоположныя указанія, служащія теперь къ обозначенію чего-то неопредѣленно далекаго, надо помирить. Корела — если только это имя не испорчено изъ другого (сл. корлязей нашей лѣтописи; королязей = каролингъ = франковъ вставки въ нѣкоторыхъ текстахъ Слова Данила Заточника) — можетъ принадлежать лишь сѣверу и предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, Корелу, какъ что-то еще мало-извѣданное, темное, иначе её не употребили бы для обозначенія чудесной дали. — Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII-мъ вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморья. Дюкъ, стало быть, оттуда и пріѣзжалъ — объяснили себѣ пѣвцы, и этотъ географическій фактъ внесенъ былъ въ былинну, когда она переселилась въ Кіевъ и пристала къ князю Владимиру. Относилось-ли имя Дюка = Δούκας къ этому этапу пѣсни или принадлежитъ еще болѣе древнему — это вопросъ лишній и для насъ не существенный. Древняя, до-Кіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодецъ = Дюкъ пріѣзжалъ издалека: изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому — еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ быть, на пути, по которомъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе — на сѣверныя окраины. Судя по молчанію нашей начальной лѣтописи именно о Корелѣ²⁾, слѣдуетъ предположить, что внесеніе ея въ нашу былинну могло совершиться уже

¹⁾ Сл. напр. въ сборникѣ Качановскаго №№ 151—155.

²⁾ Н. Барсовъ, Очерки Русск. Истор. Географіи, стр. 49, 57—8.

на сѣверѣ. Повліяли-ли на то баснословныя представленія о чудесной Біарміи норманновъ — я сказать не рѣшусь.

Дюкъ, или кто-иной, названный впоследствии Дюкомъ, пріѣзжалъ, стало-быть, первоначально изъ «Индіи богатой», изъ страны чудесъ и баснословнаго богатства, какою представляло её себѣ воображеніе средневѣковаго человѣка ¹⁾, настроенное извѣстнымъ Посланиемъ пресвитера Іоанна, изъ стари переведеннымъ чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и на русскій. На значеніе этого памятника для объясненія «Индіи богатой» «Дюковой матушки» давно было указано въ нашей литературѣ; въ послѣдній разъ г. Баталинымъ ²⁾. Я думаю остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Эпистоля пресвитера Іоанна къ императорамъ Фридриху I либо Эммануилу объявилась въ XII-мъ вѣкѣ ³⁾. Общественныя, политическія и религіозныя неурядицы этого и предшествовавшего столѣтія неволью вызывали утопію блаженной, а потому далекой страны, гдѣ всѣ люди нравственны и не нуждаются, гдѣ нѣтъ и той распри, въ которой терзалось и крѣпло средневѣковое сознаніе: распри церкви и государства. Эту страну

¹⁾ Сл. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens im 15 Jahrhundert. 1863.

²⁾ Н. Баталинъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Воронежъ, 1876.

³⁾ Сл. замѣчательныя изслѣдованія Царьке: De patriarcha Johanne quasi praecursore presbyteri Johannis (1875 г.); Quis fuerit qui primus presbyter Johannes vocatus sit, quaeritur (1875 г.); De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur (1874 г.; цитруется далѣе: Epist.); De epistola Alexandri papae III ad presbyterum Johannem (1875 г.); De rege David filio Israel filii Johannis presbyteri (1875 г.). — Всѣ указаные выше №№ явились, какъ программы Лейпцигскаго университета. Сл. того-же автора: Der Priester Johannes, zweite Abhandlung, enthaltend Capitel IV, V und VI, изъ 8-го тома Abhandlungen der philol. hist. Classe d. kön. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften. Leipz. 1876 (цитруется далѣе: Presb. Johann.); Ueber eine neue, bisher nicht bekannt gewesene lateinische Redaction des Briefes des Priester Johannes, въ Berichte über die Verhandlungen der kön. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol. hist. Classe, XXIX B. (1877), p. 111—156. — О пресвитерѣ сл. также соображенія Бруна въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin, XI B., 4—5 Heft, стр. 279 слѣд. (Die Verwandlungen des Presbyters Johannes). — Брошюра G. Brunet, La légende du prêtre Jean (Bordeaux, 1877), лишена всякаго значенія.

помѣстили въ Индіи, о чудесахъ которой ходили древніе разсказы: уже Ктезій, Димахъ, Мегасеенъ и, позднѣе, Псевдокаллисеенъ населили её пигмеями, грифонами, чудовищными народами, помѣстили въ ней золотой источникъ, камень-пантарбъ, дѣлающій невидимкой, муравьевъ, собирающихъ золото и т. п. Съ другой стороны вѣсти Мегасеена о Брахманахъ и Сарманахъ, свѣдѣнія о святой жизни брахмановъ-гимнософистовъ, распространенныя Мегасееномъ, Филостратомъ, Палладіемъ и Псевдокаллисееномъ, смѣшались съ смутной памятью о христіанахъ въ Индіи — и сложилось представленіе о далекомъ христіанскомъ царствѣ, гдѣ люди блаженствуютъ, не зная ни лжи, ни татьбы, ни разврата, гдѣ земля всё даетъ въ изобиліи, а всѣмъ править могучій властитель, пресвитеръ и царь въ одномъ лицѣ: пресвитеръ Іоаннъ. — Обстоятельства времени дали этой утопіи значеніе жгучаго памфлета: Востокъ подвигался на Европу, предвѣстіе крестовыхъ походовъ — и ожиданій, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть великое царство христіанъ, которое, въ минуту опасности, явится на помощь своимъ единовѣрцамъ. — Эпистолия пресвитера къ европейскимъ монархамъ, наполненная описаніемъ чудесъ и нравственнаго и матеріальнаго благоустроенія его царства, кончалась увѣреніемъ, что онъ, во главѣ несмѣтнаго войска, придетъ поклониться Гробу Господню и постоятъ за святое дѣло.

Эти грезы надолго овладѣли умами: путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его — путемъ бессознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе разсказы Елисея (XII в.), Мандевилля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389) — всецѣло коренятся въ представленіяхъ эпистолии.

Presbiter Johannes sum, dominus dominantium, говоритъ о себѣ пресвитеръ ¹⁾, et praecello in omnibus divitiis, quae sub

---

¹⁾ Текстъ сообщается по изданію Zagnske, *Epist.*; отиѣны противъ основнаго текста, представляемыя позднѣйшими редакціями, каждый разъ цитуются подъ сиглой, установленной издателемъ.

caelo sunt, virtute et potentia omnes reges universae terrae. Septuaginta duo reges nobis tributarii sunt. . . . In tribus Indiis dominatur magnificentia nostra, et transit terra nostra ab ulteriore India, in qua corpus Sancti Thomae requiescit, per desertum et progreditur ad solis ortum, et redit per declivum in Babilonem desertam juxta turrin Babel. — Слѣдуетъ описаніе чудесъ фауны и звѣрообразныхъ народовъ, обитающихъ въ Индіи; редакция С прибавляетъ къ этому перечню и народы, заключенные Александромъ Великимъ, во главѣ ихъ: Гогъ и Магогъ. Ista nempe et alias multas generationes Alexander puer magnus rex Macedonum conclusit inter altissimos montes in partibus aquilonis. Quas cum volumus ducimus super inimicos nostros et datur eis licentia a majestate nostra, quod eos devorent, et continuo nullus hominum, nullum animalium remanet, quin statim devoretur. Inimicis namque devoratis, reducimus eas ad propria loca. Et ideo reducimus, quia, si absque nobis reverterentur, omnes homines et universa animalia, quae invenirent, penitus devorarent. Istae quidem pessimae generationes ante consummationem saeculi tempore Antichristi egredientur a quatuor partibus terrae et circuibunt universa castra sanctorum et civitatem magnam Romanam. . . . Nec mirum, quia numerus earum est sicut harena, quae est in litore maris, quibus certe nichil resistere potest. Hae vero generationes, sicut quidam propheta prophetavit, propter suas abominaciones non erunt in judicio, sed dens deorum mittet super eas ignem de caelo, et ita consummabit eas, quod nec etiam cinis ex his remanebit.

Это — известное преданіе Псевдокаллистоена (Müller, С, III, 26; ВС, III, 29) о томъ, какъ по молитвѣ Александра Великаго двѣ горы, «сосцы Борея», сошлись на разстояніи десяти футовъ, которое онъ велѣлъ задѣлать мѣдными вратами и залить составомъ, предохранявшимъ ихъ отъ дѣйствія огня и желѣза. За этими вратами онъ заперъ, будто-бы, нечистые народы, пугавшіеся всякою нечестью и падалью и грозившіе стать гибелью землѣ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Гогъ и Магогъ

(или: Гогъ и Магогъ). — Преданію этому суждено было играть значительную роль въ христіанской эсхатологій¹⁾, гдѣ заключенные Александромъ народы, вырвавшись изъ-за горъ, являлись Божьимъ бичемъ, предвѣстниками приближающейся кончины міра. Пока они находятся подъ властью Пресвитера: такъ въ редакціи С эписголин и въ ея различныхъ отраженіяхъ. Chronicon Tigonense говоритъ подъ 1227 г. о Давидѣ, баснословномъ потомкѣ Пресвитера: *ex alia parte Acconensis episcopus publice praedicabat, quod David rex utriusque Indiae ad Christianorum auxilium festinabat, adducens secum ferocissimos populos, qui more belluino Sarracenos sacrilegos devorarent*²⁾. У Жуанвилля³⁾ Гогъ и Магогъ помѣщены у предѣловъ Пресвитерова царства, за непроходимыми скалами: «*et disoient (li Tartarin) que léans estoit enclos li peuples Got et Margoth, qui doivent venir en la fin dou monde, quant Antecriz venra pour tout destruire*»; то-же у Марко Поло: «*et sachiés que en ceste provence estoit le mestre seje dou Prestre Johan . . . et ce est le leu, qe nos apellon de se en nostre pais Gogo et Magogo; mès il l'apellent Ung et Mungul*»⁴⁾. У Іоанна Witte de Hese — Гогъ и Магогъ локализованы во владѣніяхъ Пресвитера: *et dicitur, quod ibidem sunt Gog et Magog, conclusi inter duos montes*⁵⁾. — Эти горы, сошедшія и имѣющія когда-то разойтись, повели къ образу толкущихся горъ: въ нѣмецкомъ текстѣ Мандевилля⁶⁾: *Man findet da zcu lande etzlich gebirge, das sere hoch ist, unnd das eyn gebirge gegin dem andern zcu stosset, unnd das mer umb slichet nyder das*

¹⁾ См. моя Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 293, 299, 303—4, 310, 318 и прим. на стр. 313—314 и passim; I, II, стр. 51—2, 64, 78 прим., 75. См. также моя Замѣтки по Литературѣ и народной словесности I, стр. 84—5. Новое изслѣдованіе о библейскомъ Магогѣ сдѣлано было Lepout англ'омъ въ *Muséon*, t. I, № 1, стр. 9—48 (1882 г.).

²⁾ *Zarnecke, Presb. Johann.*, p. 9.

³⁾ *ib.* p. 84.

⁴⁾ *ib.* p. 110.

⁵⁾ *ib.* p. 171.

⁶⁾ *ib.* p. 149.

gebirge gar ferre und dringet sich hindurch unnd dar zewschen; und das ist so gruwelich, das keyn schiff von eyme gebirge an das ander mag, unnd dy leute hyczu unnd darzcu horen eyns das ander unnd ire hunde unnd ire pferdt unnd ire hanen unnd ire geschreige unnd mogen doch nymmer zcusammene kommen, wy wol sy sich horen und gesehn unnd zcu sammene ruffen unnd reden kegn eynander, unnd meynet man, das dy czwey gebirge eyn berg sint gewest unnd eyn landt unnd eyne sprache, bis das das grosse mer von Indien mit gewalt dy gebirge durchdrungen hat unnd zwei werlt also von eynander gescheiden hat, dy nach eyne sprache haben unnd zcusammene mogen reden, so sy das gewinde, das das mer dy sluffe durch dringet, nicht hindert. Wenn sich dy sere wegen (Wan so es sere weet B), so mogen sy nicht gehoren».

Возвратимся къ тексту эпистоли: въ предѣлахъ Пресвитеровой Индіи течеть рѣка Ydonus, выходящая изъ рая (de Paradiso) и влекущая съ собою множество драгоцѣнныхъ камней; есть и гора Олимпъ, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens. Variatur autem sapor per singulas horas diei et noctis et progreditur itinere dierum trium non longe a paradyso, unde Adam expulsus est . . . Ibi sunt lapilli, qui vocantur midriosi, quos frequenter ad partes nostras deportare solent aquilae, per quos rejuvenescunt et lumen recipiunt. Si quis illum in digito portaverit, ei lumen non deficit, et si est imminutum, restituitur, et quo plus inspicitur, eo magis lumen acuitur. Legitimo carmine consecratus, hominem reddit invisibilem, fugat odia, concordiam parat, pellit invidiam . . .

Juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit rivulus quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Aperitur enim aliquando terra, et si quis inde transit, tunc potest intrare et sub velocitate exire, ne forte terra claudatur. Et quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae, quia harena et sabulum nil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitu-

dinis, in quod homines terrae nostrae intrant et maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt, nec audent illos vendere, nisi prius excellentiae nostrae demonstrant, et si eos in thesauros nostros vel ad usus nostros retinere volumus, data medietate precii accipimus.... Ultra fluvium vero lapidum sunt X tribus Judaeorum, qui quamvis fingant sibi reges, servi tamen nostri sunt et tributarii excellentiae nostrae.

Редакція С, внося въ текстъ эпистолин эпизодъ о Гогѣ и Магогѣ, повторила-ли подробность, уже стоявшую въ древнемъ текстѣ? Разсказъ о десяти іудейскихъ колѣнахъ, живущихъ за песчаной рѣкою, куда проникнуть и откуда выйти можно лишь когда расходятся горы (*aperitur enim aliquando terra — ne forte terra claudatur?*) — явился-ли дублетомъ къ образу толкущихся горъ, заключившихъ Гога и Магога, которыхъ древніе памятники отождествляли именно съ десятию колѣнами Израильтянъ, либо помѣщали ихъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ? ¹⁾ Или слѣдуетъ предпо-

---

¹⁾ О легендарной локализациі десяти колѣнъ израильскихъ сл., между прочимъ, Fabricii, Cod. apocr. Novi Testam. II, 174 слѣд.; Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, II, p. 782—42; Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—4, 299, 372, 386, 400 слѣд.; Israel Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch (Revue des études juives, № 13, Juillet-Septembre 1888, p. 88); Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, v. II, p. 544—8. — Еврейскія повѣрья говорятъ о героѣ изъ Иосифова рода, который, побѣдивъ на сѣверѣ Гога и Магога, освободитъ десять колѣнъ, томившихся въ ихъ сосѣдствѣ (сл. Веер, Welchen Aufschluss geben jüdische Quellen über den zweihörnigen des Koran, въ Zeitsch. d. d. Morgenländischen Gesellschaft, IX, 793). Древняя локализациа Гога и Магога на Кавказѣ, гдѣ Евреи удержались долгое время спустя по распаденіи Хазарскаго царства, могла поддержать въ христіанской средѣ предположеніе ихъ тождественности: въ IX в. Христіанъ Друтмаръ, извѣстный подъ названіемъ Корвейскаго грамматика, замѣчаетъ въ своей Expositio ad Matth. 24, что Gog и Magog — Гунны или Хазарскія племена, «quas Alexander conduxerat» — приняли, видѣвъ съ образаніемъ, еврейскую вѣру (Bibl. P. P. Max. XV, 157 f.); Richerius Senonensis (Böhmer, Fontes rerum Germ. III 56, l. IV, c. 19) говоритъ о Татарахъ: *Alii vero assererant eos Judaeos illos esse, quos ferunt ab Alexandro Magno intra Casprios montes quondam fuisse inclusos.* — Въ средневѣковыхъ памятникахъ отождествленіе либо географическое сближеніе десяти израильскихъ колѣнъ съ Гогомъ и Магогомъ встрѣчается не разъ; слѣдующія указанія собраны у меня нѣсколько случайно. Сл. Орозія l. III c. 7; Кельнскую хроникку (Essard, Corp.

ложить въ нашемъ случаѣ отраженіе еврейской легенды, сложившейся уже на почвѣ апокрифической IV-й книги Ездры: о десяти колѣнахъ, переселенныхъ за Евфратъ и рѣшившихъ странствовать, пока не достигнутъ страны, куда никогда не заходила нога человѣческая, и тамъ въ чистотѣ хранить вѣру и обычаи предковъ? До этой страны они доходятъ послѣ полуторогодоваго пути, и оттуда они явятся въ концѣ дней, чтобы собраться вокругъ Мессіи. Легенда эта, повторенная въ *Carmen Apologeticum* Коммодіана (с. XLII), нашла себѣ особое выраженіе въ повѣсти, о которой я поговорю при другомъ случаѣ: о «сынахъ Моисея», Рахманахъ = Рехавитахъ Зосимова Хожденія ¹⁾.

Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, продолжаетъ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelesas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari facimus, et unamquamque ipsarum secuntur X milia militum et C milia peditum armatorum, exceptis aliis, qui in sarcinis et curribus et in ducendis victualibus exercitus sunt deputati. Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram praecedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Jesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro nostra in propriam redigetur origi-

---

Hist. Med. aev. t. I, p. 712, 718); Готфрида изъ Витербо, *Pantheon*, part. XI; *Ranulphi Higden, Polychron.* l. II, c. 34; *Guilelmus de Rubruquis*; неизданную еще Александрію Вилькина (*Gripon, I Fatti di Alessandro Magno*, p. 202); Генриха Нейстадскаго (*Von Gotes zuokunft*, ed. Strobl: vv. 5424—5: die roten Juden, das volc Gog — Amazones und Magog; vv. 5684—5: zehen der geslehte sint — Und kamen von Japhetes kint); *Hugo von Langensteins Martina* (hrgr. v. A. v. Keller, p. 484: Sun diu zehin gesleht wesin — Diu von Jacob kamen); *Der jüngere Titarel*, ed. Hahn, vv. 6057—60 (красные Евреи); *Libro de Alexandre*, строфа 1938 слѣд. (ср. *Morel Fatio, Recherches sur le Texte et les sources du libro de Alexandre, Romania XIII*, p. 76—7); *Мандевилля*; *Pecorone, Giorn. XX nov. 1* и *Vason, Opus majus*, p. 100. Ср. еще *Weissman, Alexander, II*, 463—6; *Liebrecht* къ *Gervasius von Tilbury Otia Imperialia*, p. 95—6.

¹⁾ Ср. объ этомъ мою нынѣ печатающуюся работу объ источникахъ Сербской Александріи.

nem i. e. terram. Et aliud vas argenteum plenum auro portatur ante nos, ut omnes intelligant nos dominum esse dominantium. — Тѣ-же символическіе крестъ и сосуды упоминаются и въ повѣсти Елисея ¹⁾ и въ текстахъ Мандевилля ²⁾.

Palatium autem, quod inhabitat sublimitas nostra, ad instar et similitudinem palacii, quod apostolus Thomas ordinavit Gundoforo regi Indorum, in officinis et reliqua structura per omnia simile est illi. Laquearia, tigna quoque et epistilia sunt de lignis cethim. Coopertura ejusdem palacii est de ebено, ne aliquo casu possit comburi. In extremitate vero super culmen palacii sunt duo poma aurea et in unoquoque sunt duo carbunculi, ut aurum splendeat in die et carbunculi luceant in nocte. Majores palacii portae sunt de sardonii commixto de cerastis, ne aliquis latenter possit intrare cum veneno, ceterae ex ebено, fenestrae de cristallo. Mensae, ubi curia nostra comedit, aliae ex auro, aliae ex ametisto, columpnae, quae sustinent mensas, ex ebore. Ante palacium nostrum est platea quaedam, in qua solet justitia nostra spectare triumphos in duello. Pavimentum est de onichino, ut ex virtute lapidis animus crescat pugnantibus. — In supradicto palacio nostro non accenditur lumen in nocte, nisi quod nutritur balsamo. Camera, in qua requiescit sublimitas nostra, mirabili opere, auro et omni genere lapidum est ornata. . . . Semel in die comedit curia nostra. In mensa nostra comedunt omni die .XXX. milia hominum praeter ingredientes et exeuntes. Et hi omnes accipiunt expensas singulis diebus de camera nostra tam in equis quam in aliis expensis. Haec mensa est de precioso smaragdo, quam sustinent duae columpnae de ametisto. Hujus lapidis virtus neminem sedentem ad mensam permittit inebriari. — Ante fores palacii nostri juxta locum, ubi pugnantes in duello agonizant, est speculum praecelsae magnitudinis, ad quod per .CXXV. gradus ascenditur. Gradus vero sunt de porfirifico, partim de serpentino

¹⁾ Presb. Johann., p. 126.

²⁾ I. c. p. 182—3 (французскій текстъ), p. 135—6 (англійскій), 144 (латинскій), 150—1 (нѣмецкій).

et alabastro a tertia parte inferius. Hinc usque ad tertiā partem superius sunt de cristallo lapide et sardonico. Superior vero tertia pars de ametisto, ambra, jaspide et panthera. Speculum vero una sola columpna innititur. Super ipsam vero basis jacens, super basim columpnae duae, super quas item alia basis, et super ipsam quatuor columpnae, super quas item alia basis et super ipsam .VIII. columpnae, super quas item alia basis et super ipsam columpnae .XVI., super quas item alia basis, super quam columpnae .XXXII., super quas item alia basis et super ipsam columpnae .LXIII., super quas item alia basis, super quam item columpnae .LXIII., super quas item alia basis et super ipsam columpnae .XXXII. Et sic descendendo diminuuntur columpnae, sicut ascendendo creverunt, usque ad unam. Columpnae autem et bases ejusdem generis lapidum sunt, cujus et gradus, per quos ascenditur ad eas. In summitate vero summae columpnae est speculum, tali arte consecratum, quod omnes machinationes et omnia, quae pro nobis et contra nos in adjacentibus et subjectis nobis provinciis fiant, a contuentibus liquidissime videri possunt et cognosci. — Дворецъ этотъ находится въ Сузахъ.

Редакція В' (В^{II}, В^{III}) присоединила къ дворцу, описанному выше, второй, построенный отцемъ Пресвятера, Quasideus, согласно велѣнію, бывшему ему во снѣ: «Fac palatium filio tuo, qui nasciturus est tibi, qui erit rex regum terrenorum et dominus dominantium universae terrae. Et habebit illud palatium a Deo sibi talem gratiam collatam, quod ibi nullus esuriet, nullus infirmabitur, nullus etiam intus existens poterit mori in illa die, qua intraverit. Et si validissimam famem quis habuerit et infirmaverit ad mortem, si intraverit palatium et steterit ibi per aliquam moram, ita erit satur, ac si de centum ferculis comedisset, et ita sanus, quasi nullam infirmitatem in vita sua passus esset. — Quasideus велитъ построить дворецъ, in cujus compositione non sunt nisi lapides preciosi et aurum optimum liquatum pro cemento. Caelum ejusdem i°. tectum est de lucidissimis saphiris, et clarissimi topazii passim sunt interpositi, ut saphiri ad

similitudinem purissimi caeli et topacii ad modum stellarum palatium illuminent. Pavimentum vero est de magnis tabulis cristallinis. Camera vero nec aliqua divisio est intra palatium. Quinquaginta columnae de auro purissimo ad modum acus formatae infra palatium juxta parietes sunt dispositae. In unoquoque angulo est una, reliquae infra ipsas locatae sunt. Longitudo uniuscujusque columpnae est LX cubitorum, grossitudo est, quantum duo homines suis ulnis circumcingere possunt, et unaquaeque in suo cacumine habet unum carbunculum adeo magnum, ut est magna amphora, quibus illuminatur palatium ut mundus illuminatur a sole.... Nulla fenestra nec aliquod foramen est ibi, ne claritas carbunculorum et aliorum lapidum claritate serenissimi caeli et solis aliquo modo possit obnubilari.

Въ редакціи D описывается еще и третій дворець, quod fuit Pori, regis Indorum, de stirpe cujus omnia signa nostra et progenies descendit. In quo quidem pallacio multa sunt humanis mentibus penitus incredibilia. Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos, alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis.... In aula hujus pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter. — Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius quam credi potest cantabant. Quod mirabilius est omni mirabili, more ystrionum videntur modis diversis jocari, et hinc inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in hyeme quam in aestate, quando nobis placet, facimus cantare et jocare, dulcedo et suavitas cujus cantilenae tot et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur.

Описанія индѣйскаго царства, составленныя по Эпистолии, говорятъ о двухъ дворцахъ Пресвитера, причемъ первый дворецъ посланія, разнообразно видоизмѣненный, обыкновенно лежитъ въ основаніи новыхъ изображеній, а третья палаты редакціи D привлечены лишь нѣсколькими своими чертами.

Такъ у Елисея ¹⁾: первый дворецъ Пресвитера находится въ концѣ первой Индіи, въ Gamarga; второй — въ Селпѣ на Евфратѣ.

Civitas illa pulchra et habilis est, plena populo, undique circumdata est muro. Muri ejus 30 passus habent altitudinis, duos autem latitudinis. In eadem civitate summum *palatium* presbyteri Iohannis aedificatum est. Quod palatium a tempore Quasidei incoeptum est. Quasideus autem vocabatur, quia dicioer erat aliis regibus et etiam major; idcirco vocabatur Quasideus. Ipse autem dominabatur super *duas et 70 civitates et provintias*; solium eius in eadem civitate erat. Qui dum quadam nocte in thalamo suo dormiret, relatum est ab angelo in sompnis, ut surgeret aedificare palatium filio suo, qui nasciturus esset ei in eodem loco, ubi beatus Thomas apostolus regi Gundafaro designaverat. Locus ille erat in civitate eadem. Ipse autem rex accessit et invenit magistros, et pervenit ad locum et ibidem iussit fieri palatium, cuius longitudo est 15 stadiorum, altitudo 500 cubitorum, latitudo 400. Est autem *quaedam columpna in medio palatii posita*, ex lapidibus preciosis, ex auro et ex omni metallo composita: exteriores lapides omnino porfiretici. Super columpnam illam sunt bases, super quas bases sunt 5 columpnae berillae, super quas 5 columpnas sunt aliae bases, super quas bases sunt aliae 10 columpnae ametistae, super quas 10 columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam pavementum ex saphiris compositum, ut animus ingredientium et egredientium revirescat nec valeat provocari ad aliquod malum. Supra praedictum pavementum sunt bases, super quas bases est quoddam aliud

¹⁾ Presb. Johann., p. 125 слѣд.

pavimentum, super quod pavimentum sunt aliae 15 columpnae smaragdinae, super quas columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam aliud pavimentum ex onichinis, in quo rex tenet consistorium propter honestatem lapidum. Et super ipsum pavimentum sunt aliae 20 columpnae lapidum topaticae. Ita vadunt ascendendo columpnae et bases et pavimenta usque ad 72 gradus ordinatim, alia vero parte palatii veniunt descendendo de gradu ad gradum usque ad inferiorem statuam, super quam omne palatium consistit. Super unamquamque columpnam positi sunt carbunculi ad modum amphorae, unde numquam dies ibi deesse poterit: semper adest ibi claritas, nulla obscuritas potest inesse palatio prae splendore preciosorum lapidum, qui in palatio sunt. In summitate autem palatii est quaedam columpna smaragdina, super quam sunt duo poma aurea et duo carbunculi. Poma fulgent in die, carbunculi in nocte. Est autem in inferiori pavimento quaedam alia columpna, composita ex onichinis et facta ad modum acus; inferior locus est subtilis, superior est grossus, et super ipsam columpnam carbunculus est positus, ex quo 10 milia hominum vident absque ullo lumine, qui comedunt ad mensam regis. Columpna illa, super qua positi sunt carbunculi, inferius est gracilis et superius grossa; nam si superius esset subtilis et inferius grossa, grossitudo illa inferior auferret splendorem superioris carbunculi, ut non adeo claresceret. Sunt etiam ibi tabulae iacinctinae et smaragdae et ametistae ex diversis materieis preciosorum lapidum. Ad quas tabulas astantes numquam inebriari possunt propter virtutes lapidum. — In eodem palatio sunt 12 ianuae, 8 sunt aureae, 4 ex lapidibus preciosis compositae et ex cornibus cerastinis. Per istas 4 ianuas homines ingrediuntur. Una posita est ad orientem, alia ad occidentem, altera ad meridiem, alia ad septentrionalem plagam. Si quis per orientalem vult ingredi, ibi est lapis tantae candiditatis, quod non posset pati introitum, nisi temperatus esset cum aliis lapidibus. Si quis per occidentalem vult ingredi, est ibi lapis tantae frigiditatis, quod non posset habere introitum, nisi temperatus

esset a custodibus palatii. Si quis per meridianam vult ingredi, bene potest, quia temperata est cum bonis lapidibus. Si quis per septentrionalem vult ingredi, ianua illa distemperata est, ita ut amitteret sensum et vires et omne bonum, quod in se est, ut loqui non valeret propter distemperantias lapidum. Unaquaeque istarum 4 ianuarum habet cornua cerastina, ut nullus cum aliquo veneno possit ingredi; alioquin cornua sudarent. Qui vero sic ingrederetur, mox deprehenderetur et indicaretur secundum legem regis. — Est etiam ibi plateola, ubi *arbor aurea est cum ramis et foliis, super quam sunt aves aureae ex omni genere, quae apud Indos inveniuntur. Ipsa arbor concava est, et rami et folia. Ibi est etiam fovea, cui insunt folles fere 60 ex arte factae. Homines vero ingrediuntur foveam et inflant folles, et sic inflatur arbor et rami et folia, deinde inflant aves, et unaquaeque incipit cantare iuxta genus suum.*

Въ текстахъ Мандевиля первый дворець Пресвитера находится въ Сузѣ (франц. текстъ: Suse, ркп. busse?; англ. текстъ: Suse, лат.: Suze, нѣм.: Suse); «il a aussi un moult bel palais a Nisc (?), la ou il demeure, quant il luy plaist, mais l'air n'est mie du tout si atrempé comme il est ailleurs en tout son pays». — Латинскій текстъ помѣщаетъ въ числѣ прочихъ чудесъ Индіи еще дворець богатаго «Villanus», такъ называемый «райскій»¹⁾.

По Johannes Witte de Hese²⁾ городъ, въ которомъ живетъ Пресвитеръ, зовется Эдессой (Edissa). Et illa civitas est capitalis tocius regni sui et est sita in superiori India in fine terrae habitabilis, et illa civitas est maior quam essent XIII^{or} civitates Colonienses. Et habitacio presbiteri Iohannis est sita in medio civitatis, et habet bene in longitudine duo miliaria teutonica et eciam bene tantum in latitudine, quia est quadratum, et palacium stat super columpnas, quarum sunt, ut dicitur, IX C in numero, et *media inter istas columpnas est maior aliis*, et ad hanc sunt facti quatuor *magni gigantes* de lapidibus preciosis et deauratis,

¹⁾ Presb. Johann., p. 183, 146.

²⁾ Pr. Joh. стр. 165 слѣд.

stantes inclinatis capitibus subtus palacium, acsi portent totum palacium. Et ad quamlibet aliam columpnam sunt eciam factae ymages, ad unam *ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos deauratos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis sibi propinando et sic econtra.* Et istae ymages sunt de lapidibus preciosis deauratis. Et ita sub palacio est magnus transitus, ad quem populi multitudo convenit. Et ibidem fiunt iudicia spiritualia et saecularia omni die et concilia dominorum civitatis . . . Item idem palacium custoditur omni nocte mille viris armatis. Item in palacio est unus pulcher ambitus, stans eciam super columpnas, ad quas sunt facti ymages paparum et imperatorum Romanorum, qui fuerunt, et aliquarum reginarum, scilicet Helenae. Item ascendendo palacium sunt quingenti gradus veniendo ad primam habitationem, et in quolibet gradu sunt duo vel plures *leones viventes*, detenti ibidem. Et si aliqui haereticorum vel paganorum praedictos gradus ascenderent, a leonibus interficerentur, ut dicitur. Et istud palacium infimum vocatur «*palacium prophetarum*», quia omnes prophetae sunt ibidem facti de lapidibus preciosis et deauratis, et est ornatum pannis preciosissimis, et lanternis die ac nocte ardentibus. — Слѣдуютъ далѣе, постепенно возвышаясь по лѣстницѣ, еще нѣсколько покоевъ, посвящящихъ особое названіе каждыи: *palacium patriarcharum, habitacio sanctarum virginum, habitacio sanctorum martirum et confessorum, chorus sanctorum apostolorum, chorus sanctae Mariae virginis et angelorum*: «ibi capella pulcherrima, et de mane omni die post ortum solis cantatur ibi missa de beata virgine solempniter. Et ibi est speciale palacium presbiteri Iohannis et doctorum, ubi tenentur concilia. *Et illud potest volvi ad modum rotac, et est testudinatum ad modum coeli*, et sunt ibidem multi lapides preciosi, lucentes in nocte, ac si esset clara dies. — Послѣдній, седьмой покой, названъ «*chorus sanctae Trinitatis*», et ibi est capella pulcherrima pulchrior aliis . . . Et ista capella est nimis alta testudinata, et est rotonda ad modum coeli stellati et transit

circumeundo ad modum firmamenti et est pavimentata de ebureo, et altare est factum de ebureo et de lapidibus preciosis . . . . Et ibi prope est dormitorium presbiteri Iohannis, mirae pulchritudinis et magnitudinis et testudinatum et stellatum ad modum firmamenti; et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos ut in coelo, et hoc est artificialiter factum. Item ibi est speculum, in quo sunt positi tres lapides preciosi, quorum unus dirigit et acuit visum, alter sensum, tercius experientiam. Ad quod speculum sunt electi tres valentissimi doctores, qui inspiciendo speculum vident omnia, quae fiunt in mundo . . . . Item stat ibi magnus gygas, fortiter armatus; et dicitur, quod si aliquis inimicus intraret post occasum solis, quod gygas illum interficeret. Item supra isto septimo et ultimo palacio sunt xx turres mirae altitudinis et pulchritudinis deauratae, sub quibus totum palacium concluditur et tegitur. Et in isto ultimo palacio sunt etiam xxiii palacia seu camerae, quae possunt circumvolvi ad modum rotae. Et ita istud totum palacium habet septem habitaciones prius narratas, in quibus adhuc plura mirabilia et rara . . . . Item istud totum palacium est situm super uno flumine, quod dicitur Tigris, veniente de paradiso, de quo flumine proicitur aurum».

Обращаемся еще разъ къ показаніямъ Пресвятера: «Singularis mensibus serviunt nobis reges ·VII·, unusquisque illorum in ordine suo, duces ·LVII·, comites ·CCCLXV· in mensa nostra, exceptis illis, qui diversis officiis deputati sunt in curia nostra. . . . Quorum unusquisque singulis mensibus redeunt ad domum propriam per vices suas. Ceteri a latere nostro nunquam discedunt». — Въ концѣ посланія онъ снова возвращается къ своимъ служилымъ людямъ: «dapifer enim noster primas est et rex; pincerna noster archiepiscopus et rex, camerarius noster episcopus et rex, marscalcus noster rex et archimandrita, princeps cocorum rex et abbas». — Но и его мелкіе служилые люди — такіе-же большіе бары: редакція D рассказываетъ о мельницѣ на золотыхъ столбахъ съ жерновами изъ «adamante lapide», которые приводились

въ движеніе силою какого-то чудеснаго камня. Та-же сила заставляеть зерно подниматься на мельницу черезъ полюю колонну, а муку спускаться такими-же жолобами въ пекарню, гдѣ она тотчасъ-же обращается въ хлѣбъ. «Pavimentum clibani est de topazio frigido, qui naturaliter est frigidus, ut caliditas pasti temperetur, alioquin panis non coqueretur sed combureretur, tantus est calor pasti. Longitudo hujus furni est XL cubitorum, latitudo XV. Hostia sunt hinc et inde X, et pro unoquoque hostio sunt X pistores, et unusquisque pistorum habet de beneficio furni possessiones quingentorum militum et alias divitias multas. Magister pistorum habet tantum quantum omnes pistores habent. Tot etiam sunt molendinarii, et omnes sunt in beneficio aequales cum pistoribus nostris».

Таковы рассказы о чудесахъ Индіи — въ эпистоли и ея отраженіяхъ. Придите и посмотрите, говорилось въ заключеніи эпистоли: «sed cum veneris ad nos, dices, quia vere sumus dominus dominantium universae terrae . . . Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram». Иначе въ русскихъ пересказахъ ¹⁾: «аще хочещи вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да приѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своей». Нѣсколько иначе въ рки. Ундольскаго: «И вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануйлу греческому, да продайте свою землю греческую, да на то купите бумаги и чернилъ, на чемъ вамъ писать моя земля чудеса Индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣмъ своими

---

¹⁾ Русскіе тексты посланія напечатаны по разнымъ рукописямъ: Тихоновымъ, въ Лѣтоп. русской литературы и древности, т. II, Смѣсь, стр. 100—103; Баталнымъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ (Воронскъ, 1876), стр. 120—124; Хрущовымъ въ Пам. древней письменности, 1880, вып. III, стр. 11—15; начало у Пыпина, Очеркъ, стр. 91—2. — Въ приложеніи мы печатаемъ Пославіе по списку Кир. Бѣлоз. № 11¹/₁₀₁₂, XV вѣка.

книжники и скорописцы, ино вамъ не написать моея земли и чудесь до исхода души своей; и се не будетъ ваша земля съ бумагу и съ чернила, да пришедъ послужите моему чапнику, и вы будете богаты свыше царства своего»¹⁾. — Уже О. Миллеръ²⁾ обратилъ вниманіе на сходство этого заключенія съ такимъ-же въ былинѣ о Дюкѣ:

Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
 На эти на бумаги на гербовна,
 Да на чернила, перья продай още Черниговъ градъ,
 Тогда можешъ Дюково имѣнье описывать.

Въ латинскомъ текстѣ заключеніе другое, и въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе вліяніе былины на русскіе пересказы Послания, чѣмъ обратное, предполагающее существованіе особаго текста эпистолы. То-же можно сказать и о другой подробности: Пресвитеръ награждаетъ своихъ людей «*tam de equis quam in aliis expensis*». Мать Дюка посылаетъ ему «добрыхъ коней стадыстадами, шерстью разною» (Рыбн. II, № 30), Владимировы послы описываютъ ихъ въ царствѣ Дюковой матушки (Рыбн. I. с.; Гильф. № 230);

На дворѣ стоятъ столбы всё серебряные,
 Продернуты кольца позолоченны,
 Разоставлена сыта медвяная,
 Есть насыпана пшена бѣлоярая,
 Есть что добрымъ конямъ пить и кушати

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225). Сл. Рыбн. II, № 30 и Ефименко, Матеріалы № IV, стр. 17:

Во той во оградѣ булатныя
 Надѣланы были бойни-кузницы,
 Телы конюшни стоялыя;

¹⁾ Баталинъ, I. с., р. 124.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 594—5.

Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
 Пьютъ-то ѣдятъ траву шелковую,
 Заниваютъ водою свѣжей, ключевою.
 Во той-то оградѣ булатная,
 Было грота столбовъ серебряныхъ,
 Четыреста было золоченыхъ,
 Мѣдныхъ и желѣзныхъ
 Числа смѣтъ вѣтъ.

Въ одномъ изъ древне-русскихъ текстовъ сказанія Пресвитеръ говоритъ: «да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебрянныхъ, позолоченныхъ, а во всякомъ столпѣ вковано по 40 колецъ, а у всякаго кольца привязано по 40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздятъ со мною на всякую потѣху» ¹⁾).

За вычетомъ этихъ эпизодовъ все вообще содержаніе Дюковыхъ былинъ облпчаетъ вліяніе Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ. Начну съ мелочи: съ описанія роскошной пекарни Пресвитера въ редакціи D, которая неволью напоминаетъ глумленіе Дюка за столомъ Владимира и его рассказъ о муравленыхъ печкахъ и шелковыхъ помелочкахъ! — Но намъ важнѣе уяснить себѣ общій планъ нашихъ былинъ по отношенію къ матеріаламъ эпистоліи.

Какой-нибудь византійскій пѣвецъ или рассказчикъ XII вѣка легко могъ представить себѣ, что греческій императоръ, лично или черезъ пословъ, пожелалъ удостовѣриться въ дѣйствительности чудесъ Индіи. Его герой не могъ-бы миновать на ея границахъ «горъ толкучихъ», которыя представлялись на пути Дюка; Индія открылась-бы ему горящею золотою, какъ послу-Добрынь. Тамъ течетъ «струйка золотая» — Тигръ, несущій въ себѣ золото; тамъ хоромы Пресвитера, не столько дворецъ, сколько цѣлая система дворцовъ, невиданное великолѣпіе которыхъ, въ эпистоліи и ея подражаніяхъ, является преувеличеннымъ отголоскомъ одной лишь, возможной въ средніе вѣка дѣйстви-

¹⁾ Баталинъ, I. с., р. 99 прим.

тельности: придворной византийской. Въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце и луна и семь небесныхъ планетъ — какъ въ индѣйскихъ теремахъ Дюка ¹⁾; на драгоценныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты, какъ въ Дюковой Индіи крыши всѣ серебряныя, «шеломы, потоки золоченые — Шарикъ самоцвѣтные камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ». Пѣвецъ-разскащикъ не забылъ-бы, вѣроятно, и еще одной хитрости-мудрости Пресвитерова дворца: ряда колоннъ, на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты (*ludos* = арабск. *al'-oud* и его европейскіе производные) и кубки (*cyphos* = *scyphos*): они точно подносятъ другъ другу «зелена вина», и лишь по ошибкѣ переселились въ Дюковы пуговки и петелки:

Во пуговекъ-то было вшто по доброму молодцу,
 А въ петелки-то было влетепо по красной дѣвушкѣ:
 По петелкамъ какъ поведеть,
 Такъ красны дѣвушки наливають зелена вппа
 И подносятъ добрымъ молодцамъ;
 А по пуговкамъ поведеть,
 Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

Въ основаніи могло лежать описаніе какого-нибудь органа особаго устройства, въ родѣ механическихъ птичекъ на золотомъ деревѣ, поющихъ подъ давленіемъ мѣховъ: о немъ говоритъ въ описаніи индѣйскаго царства Елисей, онъ встрѣчается въ средне-вѣковыхъ романахъ и его видѣли, въ дѣйствительности, при византийскомъ дворѣ, въ числѣ прочихъ диковинокъ ²⁾. Сл. описаніе органа съ еще болѣе сложнымъ механизмомъ въ нѣмецкой Александріи Лампрехта (= Alberic de Besançon?).

¹⁾ Сл. въ монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, основанномъ Константиномъ Мономахомъ, сводъ на подобіе неба, съ золотыми звѣздами.

²⁾ Сл. Разысканія IV: Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ.

Но пойдемъ далѣе за воображаемымъ византийскимъ пѣвцомъ-разскащикомъ. Семьдесятъ два царя, князя и т. п. находятся въ окруженіи Пресвитера, прислуживаютъ ему, одинъ въ качествѣ чашника, другой стольника, третій — архимагера (*prince de ceux*) и т. д. Легко и совершенно въ народномъ стилѣ было — извратить послѣдовательность: не цари-стольники, чашники — а простые стольники, чашники, служилые люди, встрѣченные пришельцомъ, посломъ, представляются ему въ такомъ блескѣ, что онъ принялъ ихъ — за царя, какъ Добрыня принимаетъ за Дюкову матушку — портомойницу, божатушку, служанокъ, сидящихъ въ теремахъ, въ шолку, золотѣ и серебрѣ. Подобной народной разработкѣ могла подвергнуться и другая подробность эпистоли: торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатью драгоценными крестами и блестящей военной свитой, могло быть понято какъ шествіе изъ церкви — во время котораго Добрыня впервые видитъ Дюкову матушку, въ толпѣ дѣвушекъ, метельщиковъ, людей, несущихъ надъ ней зонтикъ-подсолнечникъ. — Что до «*tres lapides preciosi, quorum unus acuit et dirigit visum, alter sensum, tercius experientiam*» (Joh. Witte de Hese), то о нихъ ходила такая легенда: Пресвитеръ Іоаннъ шлетъ пословъ къ именитому и могущественному императору Фридриху, «*a scolui che veramente fue specchio del mondo in costumi, et amò molto dilicato parlare, et istudiò in dare savi risponsi. La forma et la intenzione di quella anbasceria si fue solo in due cose, per volere al postutto sapere et provare se lo Imperadore fosse savio in parole et in opre. Et mandolli per li detti anbasciadori tre pietre nobilissime, et disse loro: donatele allo Imperadore et ditegli da mia parte, che vi dica qual è la migliore cosa del mondo; et lle sue parole et risponsi serberrete*». Посланники являютъ ко двору императора, который хвалитъ присланные ему драгоценные камни и велитъ ихъ спрятать, не спросивъ объ ихъ свойствахъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Пресвитера, онъ говоритъ его посламъ: *Ditemi al vostro singnore, che la miglore cosa del mondo si è misura*. — Когда посланники, вернувшись во свояси,

сообщилъ своему повелителю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ «lodd lo'imperadore et disse che molto era savio in parole, ma non in fatti, per ciò che non avea dimandato delle virtù delle pietre le quali erano di così grande nobilitade. — Rimandòvi gli ambasciadori allo Imperadore et proferselli, se lli piacesse che'l presto Giovanni il fare'siniscalco della sua corte. Et feceli contare tutte le suoi riccheze et le diverse generazioni delli sudditi suoi et lo modo del suo paese. — Таково, какъ извѣстно, содержаніе письма Пресвѣтера Іоанна, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ котораго онъ также предлагаетъ императору поступить къ нему на службу. — Da indi a pocho tempo, pensando lo Presto Giovanni, che lle pietre che avea donate allo Imperadore avevano perdute le loro virtude, poi che non erano per lo Imperadore conosciute, tolse uno suo carissimo lapidario et mandollo celatamente in della corte dello Imperadore et dissegli: Al postutto metti lo ingegno tuo sì che tue quelle pietre mi rechi et per nessuno tesoro rimangnia. Lo lapidario si mosse guernito di molte pietre di grande bellezze, giunse a corte dello Imperadore, puosesi presso dal suo palagio. Questi fece bottega et incominciò a lleghare di molte belle pietre. Li baroni venieno et li cavalieri et vedevano lo suo mistieri. Lo lapidario era molto savio: quando vedea alcuno che avesse luogo in corte, donavagli. Donò anella molte; tanto che la lode di lui andò davanti allo Imperadore. Lo Imperadore mandò per lui et mostrogli sue pietre. Lo maestro le lodoe, non di grandi vertude. Dimandò se avesse più care pietre. Lo Imperadore fece venire le tre pietre preziose, quelle che lo maestro desiderava di vedere et d'avere. Allora lo lapidario si rallegrò et prese l'una di queste tre pietre et rinchiusesela in mano, et disse: Messer, questa pietra vale la migliore cittade che voi avete. Et poi prese l'altra et disse: Questa vale la migliore provincia che voi avete. Poi prese la terza et disse: Questa vale più che tutto il vostro imperio. Strinse lo pugno colle dette tre pietre: la virtù dell'una sì lo celò sie che lo Imperadore nè sua gente non lo poteno vedere. Et andonne per li gradi del palazo

et andossi via. Et tornò al suo singnore messer lo Presto Giovanni, et rapresentogli le pietre con grande allegrezza ¹⁾.

Та-же новелла встрѣчается и въ сѣверномъ пересказѣ, изданномъ Гисласономъ по одной исландской рукописи XIV вѣка, съ нѣкоторыми отличіями и явными искаженіями. Рассказывается объ одномъ Датчанинѣ, отправившемся путешествовать куда-то на югъ и дошедшемъ до Индіи. Въ одномъ большомъ городѣ онъ остановился у какого-то скабина (échevin), который далъ ему три небольшихъ драгоценныхъ камня, въ подарокъ его королю. Вернувшись домой, датчанинъ исполнилъ порученіе. «Не думаю, чтобъ эти камни многого стояли, говорить король, и дорого за нихъ я не дамъ, но я сохраняю ихъ, потому что пославшій ихъ мнѣ, вѣроятно, потребуеъ взаимнаго подарка». Черезъ нѣкоторое время какой-то незнакомецъ явился къ королю, когда онъ былъ за столомъ; поклонившись, онъ спросилъ, передали-ли ему камни, посланные изъ Индіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно. — «Желаете-ли вы вознаградить пославшаго?», спросилъ далѣе незнакомецъ. — «Не знаю, на сколько камни того стоятъ.» — «Покажите ихъ мнѣ». — Когда принесли камни, онъ взялъ ихъ въ руку и сталъ объяснять королю ихъ достоинства. «Вы считаете ихъ ничего не стоящими, — а вотъ этотъ камень таковъ, что если взять золота, одного вѣсу съ нимъ, и положить къ нему, золото всё время будетъ удвоиться; этотъ камень предохраняетъ носящаго его при себѣ въ сраженіи, будь онъ даже невооруженнымъ, отъ всякой раны; что до третьяго, продолжалъ пришлецъ, то я, держащій его, теперь стою здѣсь, а черезъ мгновеніе буду въ Индіи». И онъ дѣйствительно исчезъ изъ виду при закрытыхъ дверяхъ. О какомъ это рассказывается королѣ, навѣрное не знаю, говорится въ концѣ повѣсти; говорили мнѣ,

---

¹⁾ Текстъ Biagi № 2 = Gualteruzzi (Milano, 1825), nov. 2; Il Novellino ed. Domenico Carbone (Firenze 1862) Nov. I; въ изданіи Borghini (Giunti 1581) № 1. См. момъ Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 102—108.

что то былъ Вольдемаръ старый, у котораго много было рѣдкихъ камней, привезенныхъ изъ Индіи ¹⁾.

Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV вѣка пресвитеръ Іоаннъ посылаетъ императору Фридриху II платье изъ саламандровыхъ кожъ, сосудъ съ молодящей водой и золотой перстень, дарующій побѣду, съ тремя камнями: одинъ изъ нихъ не даетъ человѣку погибнуть въ водѣ, еслибъ онъ находился въ ней въ теченіи цѣлаго года; другой дѣлаетъ его неуязвимымъ, третій невидимымъ. Развязка разсказа иная ²⁾.

Это не тѣ-ли три *камешка*, которые Дюкова мать показываетъ Владиміровымъ оцѣнщикамъ: отъ нихъ «огни горя, лучи пекутъ» — и послы не въ состояніи цѣны имъ дать? «Камни-самосвѣты» подставились, вѣроятно, на мѣсто какихъ-нибудь другихъ, болѣе дяковинныхъ, — какъ общее мѣсто: по Midrasch Bereschit Rabba камень-самосвѣтъ, висѣвшій въ воздухѣ, замѣнялъ Ною въ ковчегѣ солнце и мѣсяцъ (Wünsche, Bibl. rabbinica, IV, 134). Такихъ камней много въ Индіи Пресвитера, въ византійскомъ дворцѣ Гугона — и Дарія (въ сербской Александріи, ed. Новаковичъ, кн. II, гл. 11: «четыри же камены на четири оугле токъ полати бѣхоу, иже въ ношти тако оуѣнь въ мѣсто свѣштъ свѣтехоу»); въ палатахъ Дигениса есть башня, и въ ней покой, весь въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ: его освѣщаетъ ночью «большой круглый камень». Въ русскихъ былинахъ такіе камни-самосвѣты, «тироны», вплетены бывають въ лапотцы, въ шапку, у коня межъ ушей (Кир. I, стр. 87) и т. п.; въ сербской Александріи кн. II, гл. 31 Александръ носитъ такой камень передъ войскомъ на копѣѣ «въ мѣсто лоучева фаноса». Кстати: тиронъ или тиронъ, т. е. оберегъ-камень? Новогр. τῆρῶ — смотрѣть, глядѣть, но и сохранить, беречь.

¹⁾ R. Köhler, La nouvelle italienne du prêtre Jean et de l'empereur Frédéric Barberousse et un récit islandais, Romania XVII, p. 76 слѣд.

²⁾ Cf. Zarncke, Der Priester Johannes. Erste Abhandlung (въ Abhandlungen d. philol. hist. Cl. d. k. sächs. Ges. d. Wiss., т. VII), vv. 1019 слѣд.

Въ предложенной выше реставраціи византійской пѣсни-рассказа мы держались плана Дюковой былины, собственно ея послѣдней части, но пересказали её при помощи матеріаловъ Эпистолин и памятниковъ, отъ нея пошедшихъ. Соответствіе вышло значительное, полученное, какъ мнѣ кажется, безъ помощи натяжекъ. Византійскій посоль ходилъ въ Индію богатую и лецеарѣлъ ея чудеса; впоследствии вмѣсто него ходилъ туда-же посоль или послы Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Эпистолин, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и его побѣдоносная похвальба. Кто являлся въ ролп Дюка въ предполагаемомъ оригиналѣ его былины? Едва-ли самъ Пресвитеръ; что до Дюковой матушки, то она могла развиться уже на почвѣ русскаго приуроченія. Какого роду-племени Дюкъ, Соловей Будимировичъ, Иванъ Гостинный сынъ? могли спрашивать себя пѣвцы, приобщившіе къ Кіеву и Владимиру бродячія пѣсни объ этихъ «захожихъ» богатыряхъ? Сказать что-либо объ ихъ отцѣ не умѣли; отецъ Чурилы — одно имя: онъ для того только и выведенъ, чтобы учествовать Владимира до появленія сына; а генеалогическая струнка, столь сильная въ сложеніи всякаго эпоса, продолжала звучать — и ей отвѣтили типическимъ образомъ матери, строгой, любящей и журливой, — образомъ нѣсколько иконописнымъ. Явилась мать у Соловья Будимировича, у Дюка: она и стала распоряжаться въ царствѣ — Пресвитера Іоанна.

На сколько первичная былина о Дюкѣ возстановляется данными Посланія, она представляетъ собою архаистическій типъ. Кіевское приуроченіе чувствуется слабо: Дюкъ въ Кіевѣ не уживается; для народной гордости не сдѣлано никакой уступки: Дюкъ приходитъ ко двору кіевского князя, похваляется, и пѣсня кончается посольствомъ къ нему, которая вѣнчается побѣдой его похвальбу. — Представимъ себѣ, что пѣсня подобнаго рода зашла въ другую среду, исполненную бѣльшаго самосознанія, хотя бы сознанія силы, дивящуюся, но не смущающуюся несмѣтными богатствами и невиданными чудесами иной страны. Характеръ пѣсни измѣнится — подъ вліяніемъ болѣе крѣпкихъ жизненныхъ идеаловъ

и прочнаго общественнаго строя: тотъ-же, кто станетъ дивиться, поспѣшитъ похвастать и самъ.

Таковы отношенія нашихъ пѣсень о Дюкѣ къ той сказочной схемѣ, на которой построены старофранцузскія преданія — о паломничествѣ Карла Великаго въ Иерусалимъ и Константинополь. Взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ могутъ быть выражены такимъ образомъ:

А. а) Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

b) Въ Кіевѣ похваляется.

с) Послы Владимира ѣдутъ въ Индію: встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка, которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. п., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

В. а) Карлъ хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величій и могучествѣ котораго говоритъ ему его жена.

b) На пути въ Константинополь онъ и его палadini встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинонасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. — Видитъ самого императора въ торжественномъ шествіи (балдахинъ), чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцовъ на пилястрахъ, играющихъ, кивающихъ другъ другу и т. п.

с) Карлъ и его палadini хвастаются.

Отношеніе этой схемы къ предъидущей ясно само собою; матеріалъ разсказа одинъ и тотъ-же, но пониманіе другое. Нерѣдко наша быльня и старофранцузское преданіе покрываютъ другъ друга, указывая позади себя на болѣе древній, общій обимъ, источникъ; вліяніе эпистоліи легко замѣтить тамъ и здѣсь въ общихъ чертахъ, но на сторонѣ французскаго сказанія заимствованій обнаруживается больше и онѣ сохранились

чище: и въ его оригиналѣ дѣлю странствованія могла быть Индія, чудеса которой были перенесены на Константинополь, когда путешественникомъ туда сталъ являться не византійскій витязь или императоръ, а — Карлъ Великій.

Древняя повѣсть о Хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь ¹⁾ рассказана въ старофранцузской поэмѣ, сохранившейся лишь въ одной (нынѣ утраченной) рукописи XIII—XIV вѣка, но относимой къ XI-му, можетъ быть вѣрнѣе, къ первой половинѣ XII-го вѣка. Тому-же столѣтію принадлежатъ, вѣроятно, и та особая ея редакція, къ которой восходятъ кимрійскій и старосѣверный переводы (XIII в.) и оригиналъ старофранцузскаго Galien. Koschwitz (Sechs Bearbeitungen № I) издалъ кимрійскую Ystoria Charles по Красной книгѣ Неггест'а, доказавъ зависимость ея текста отъ сходнаго, встречающагося въ кимрійскихъ-же переработкахъ Псевдо-Турпина. — Старосѣверный переводъ романа вошелъ въ составъ Karlamagnus-saga; отъ него зависятъ шведскій и датскій пересказы; двѣ поэтическихъ обработки Хожденія, исландскій и фарейскій были недавно изданы Kōlbing'омъ (Koschwitz l. c. № V и VI: Geiplur и Geira-táttur). — Что до французскаго Galien, то онъ сохранился 1) въ прозаическомъ Galien le Restoré одной парижской ркп. Bibl. Nationale fr. 1470, anc. 7548 (у Koschwitz'а l. c. № III = G) и въ старопечатномъ текстѣ романа того-же имени (ib. № IV = G'), указывающихъ на общій имъ, болѣе древній прозаическій оригиналъ; 2) въ эпизодѣ эпической компиляціи, ходящей подъ именемъ Guerin de Montglanc, стихотворный текстъ которой недавно открытъ Р. Meyer'омъ въ одной чельтенгэмской ркп. XV вѣка, прозаическій пересказъ извѣстенъ

¹⁾ Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel. Heilbronn, 1880 и 1883 гг.; его-же: Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel., l. c. 1879; Gaston Paris, La chanson du pèlerinage de Charlemagne, въ Romania № 37, p. 1—50. См. его-же ibid, № 45, p. 1—13: Le roman de la geste de Montglanc и статью о Galien въ Hist. litt. de la France, t. XXVIII, p. 221 слѣд. — Karlamagnussaga цитуетъ далѣе по изданію Unger'а.

по старопечатному изданію и одной рукописи библиотеки Арсенала (у Koschwitz, l. c. № П = Р). — Всѣ эти тексты Galien'a восходятъ къ предполагаемой особой рецензіи Хожденія XII вѣка, при посредствѣ вторичной ея переработки, совершенной, вѣроятно, въ XIII столѣтіи. — По догадкѣ G. Paris'a эта-же стихотворная переработка дала матеріалъ для франко-итальянской поэмы, конца XIII либо начала XIV вѣка, и отъ нея-то, нынѣ утраченной, ведутъ свое начало позднѣйшіе итальянскіе прозаическіе пересказы, вродѣ того, который внесенъ въ *Viaggio di Carlo Magno in Ispagna*, и эпизода «похвальбы» въ *Libro del Danese* ¹⁾. — На данныхъ указанныхъ выше поэмъ построена отчасти и старо-англійская, отрывокъ которой, сильно испорченный, напечатанъ былъ Sir Fr. Madden'омъ въ предисловіи къ *Sir Gawain* и въ новомъ изданіи балладъ Перси: Карлъ Великій замѣненъ Артуромъ; какъ тотъ хвастается своимъ величіемъ, такъ Артуръ Круглымъ столомъ; жена Карла указываетъ ему на византійскаго императора Гугона, Женьевра — на Корнуэльскаго короля; и Карлъ и Артуръ идутъ съ своими спутниками, какъ паломники, но похвальбу (*gabs*) французскихъ поэмъ замѣнили въ англійской — обѣты (*vows*) ²⁾.

Разбирая содержаніе рассказовъ о хожденіи Карла мы будемъ слѣдовать установленной выше схемѣ.

¹⁾ *Romania*, № 37, p. 3, прим. 1. Сл. Koschwitz, *Sechs Bearbeit.* p. XVI—XVII и *Rajna въ Romania* 1876 г., p. 401—2, 414 слѣд.

²⁾ G. Paris, l. c. p. 2, прим. 1, стр. 10, прим. 1. Въ одномъ еще неизданномъ романѣ цикла Круглаго стола (*Rigomer*) Артуръ садится на коня и Gauvain держитъ ему стремя. Артуръ смѣется; спрошенная королевой о причинѣ своего смѣха, онъ говоритъ: Какъ мнѣ было не развеселиться, когда я подумалъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучше царя, чѣмъ я, нѣтъ коня лучше моего, и что лучший рыцарь держитъ мнѣ стремя. Царица замѣчаетъ, что правда прежде всего и что найдется рыцарь, который поспоритъ съ Gauvain'омъ. Разгнѣванный Артуръ готовъ побить жену, грозитъ ей смертью, если она не назоветъ ему того рыцаря. По просьбѣ Gauvain'a царицѣ даютъ срокъ на годъ — по истеченіи котораго лучшимъ рыцаремъ являлся, быть можетъ, Ланцелотъ. Сл. G. Paris, *Études sur les Romans de la Table Ronde*, I: *Lancelot du Lac*, въ *Romania*, № 40, p. 493—4 и прим. на стр. 494.

а) Однажды, когда Карлъ былъ въ аббатствѣ Saint-Denis, въ вѣнцѣ и при мечѣ, онъ покичился передъ женою:

7 Il la prist par le poin desoz un olivier,
De sa pleine parole la prist a araisnier:
«Dame, veistes onques rei nul de desoz ciel
Tant bien seist espée ne la corone el chief?

Нечего тебѣ хвастать, говоритъ ему жена: Знаю я другого царя, болѣе величаваго и милостиваго чѣмъ ты. — Карлъ смущенъ и разгнѣванъ этимъ отвѣтомъ, настаиваетъ на томъ, чтобы жена назвала ему, кого она разумѣетъ: онъ самъ пойдетъ убѣдиться въ истинѣ ея словъ, и если окажется, что она сказала неправду, онъ велитъ снести ей голову съ плечъ. Та называетъ Гугона, императора Рима и Константинополя, обладающаго Персией и Каппадокией (48 *Et si tient tote Perse tresque en Caradoce*). — Карлъ объявляетъ баронамъ о своемъ рѣшеніи: посѣтитъ Іерусалимъ, чтобы поклониться гробу Господню, а за тѣмъ и Константинополь. Онъ и двѣнадцать его перовъ идутъ, въ одеждѣ паломниковъ, съ сумой и клюкой; при нихъ 80000 войска, о которомъ далѣе вовсе не упоминается. Перы названы: Rollant, Olivier, Turpin, Guillelme d'Orenges, Ogier de Danemarche, Naimon, Gérin, Bérenger, Ernalt de Gironde, Aimer, Bernard de Brusban и Bertrans. — Путь идетъ сначала на Іерусалимъ, гдѣ Карла привѣтствуетъ Патріархъ, дающій императору частицы мощей и святынь; лишь на обратномъ пути паломники попадаютъ въ Константинополь. — Хожденіе Карла въ Іерусалимъ, о которомъ существовали древніе рассказы, сплочено чисто внѣшнимъ образомъ съ его хожденіемъ къ Гугону, почему въ слѣдующемъ изложеніи мы его и не касаемся, тѣмъ болѣе, что G. Paris обстоятельно комментировалъ, съ точки зрѣнія топографической и археологической, іерусалимскій эпизодъ поэмы. Позволю себѣ коснуться лишь одной подробности. Въ *Carlamagnus-zaга* говорится, что Патріархъ далъ императору плащаницу и онучи Христа, частицы честнаго креста, остріе копья, которымъ былъ

прободенъ Спаситель, и копье св. Меркурія. Вернувшись во Францію Карлъ положилъ онучи въ Aix'ѣ, плащаницу въ Compiègne (Comragins), честной крестъ въ Орлеанѣ; острие копья онъ велѣлъ вдѣлать въ рукоятъ своего меча, почему его и прозвали Joyeuse; оттуда, будто-бы, и военный кликъ французскихъ рыцарей: Montjoie. — G. Paris (l. c. p. 34, прим. 4) находятъ то-же преданіе — объ остріи — и въ Chanson de Roland:

Asez savuns de la lance parler
Dunt nostre sire fut en la cruiz naffrez;
Charles en ad la mure, mercit Deu:
En l'orie punt l'ad faite manuvrer.
Par ceste honor e pur ceste bonstet
Li noms Joinse l'espée fut dunez.
Barun franceis nel deivent ublier:
Enseigne en unt de Munjoie crier.

Въ греческихъ легендахъ оба обрѣтенія честнаго креста царицей Еленой нѣчто подобное разсказывается — о Константинѣ Великомъ ¹⁾).

Таковъ разсказъ поэмы XI-го вѣка о «выѣздѣ» Карла; въ сущности таковымъ представляютъ его и вся ея отраженія.

¹⁾ Я имѣю въ виду напечатанную у Гретсера (Gretseri, Opera omnia, Batisbonae MDCCXXXIV, t. II, p. 429—86) легенду о нахожденіи честнаго креста царицей Еленой, и именно слѣдующій эпизодъ: Μετακαλεσαμένη (т. е. Елена) γὰρ ἄνδρα πιστόν καὶ ἐπιστήμονα ὡν κλείονες προσπαύουσαν, ἔφη πρὸς αὐτὴν· Βασιλεὺς ἐνταῦθα εὐρέσθαι καὶ βασιλεὺς μυστήριον ἔργασαι. Λάβε τὰς ἑλούς τούτους καὶ ποιήσον σαλιβαρίον ἐν τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἐφ' ᾧ ὁ βασιλεὺς ἐκουσίῃσιν. Οὗτος γὰρ ἔσται ὄπλον ἀκατάμαχτον πρὸς πάντας τοὺς ὑπεναντίους, νίκος τε βασιλέων καὶ τέρησις πολέμου, ὅπως πληρωθῇ τὸ ρηθὲν ὑπὸ τοῦ προφήτου καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τὸ ἐπὶ τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἅγιον κληθήσεται τῷ Κυρίῳ. Сходно въ одномъ греческомъ житіи, по рѣкѣ XI-го вѣка, предварившемъ, въ эпизодѣ о рожденіи Константина, извѣстный разсказъ Никеоора Каллиста: Елена приносить сыну гвозди отъ креста Господня; онъ-же «τῶν δὲ ἤλων τοὺς μὲν εἰς τὴν περιφεραλαίαν τὴν ἑαυτοῦ ἐχάλαυσε, τοὺς δὲ ἀνέμιξεν ἐν τῷ σαλιβαρίῳ τοῦ ἵππου αὐτοῦ, ἵνα πληρωθῇ τὸ ρηθὲν διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἔσται τὸ ἐπὶ τοῦ χαλινῷ τοῦ ἵππου τοῦ βασιλέως ἅγιον τῷ Κυρίῳ Παντοκράτορι». — Житіемъ этихъ, равно какъ и другихъ, также по списку XI вѣка, я могъ пользоваться въ копіяхъ В. К. Эрнштедта, которому и приношу мою благодарность.

Вездѣ дѣло начинается съ похвалы императора и отповѣди жены; только въ P (Guerin) эта черта смягчена: «Et qui voudroit savoir qui mouvoit l'empereur et ses barons a venir par la, dit l'istoire que au partement de l'empereur en la cité de Vienne estoit la royne laquelle dist Charlemaine qu'elle avoit ouy parler du plus riche prince du monde. Sy ne se pot tenir l'empereur de lui enquerir qui estoit cellui prince. «En non deu, sire», ce lui respondi la dame, «c'est le roy Hugues de Constantinoble, duquel je me merveil plus que d'aultre chose, car j'ay sceu par certains pelerins lesquelz ont esté au Saint Sepulcre ou vous devez aler par promesse qu'il a le plus beau tresor du monde. Sy vous prie que par la retournez pour en savoir la certaineté.» Sy lui respondi l'empereur qui grant desir avoit de toutes nouvelles savoir(s), qu'il passeroit par la voirement et que de ce qu'il auroit veu lui ferait faire savoir la vraie verité».

Имена перовъ, спутниковъ Карла, въ различныхъ пересказахъ слегка колеблются и искажаются, представляя, впрочемъ извѣстное число постоянныхъ собственныхъ именъ. Столь-же постоянно имя Константинопольскаго императора: Hugues, — онъ (поэма), Hugh (кипр.), Hugon (Guerin), Hugues (Galien), Hugon (сага), Hugunn, Hugi (Geiplur), Hugon (Geira-táttur) ¹⁾. — Давно тому назадъ я пытался связать это загадочное имя съ Hugdietrich'омъ, царящимъ въ Константинополѣ въ старонѣмец-

¹⁾ Húgon, царь Miklagarð'a (= Константинополя) въ Mágússaga, очевидно, тождественъ съ нашимъ, какъ и начало саги обличаетъ вліяніе Хожденія: Hlóbveg, король Саксланда, внукъ Карла Великаго, спрашиваетъ однажды своего совѣтника Сигурда — существуетъ-ли на свѣтѣ царь равный ему могуществомъ (сл. въ началѣ Хожденія хвостовство Карла В.). Тотъ отвѣчаетъ, что пока у него нѣтъ семьи, его могущество не полно, и указываетъ ему на подходящую жену: Ерменгарду, дочь византийскаго императора Гугона. Этимъ мотивируется брачная поѣздка Hlóbveg'a въ Константинополь. Далѣе сага развивается своеобразно; замѣтимъ только, что Hlóbveg, разгнѣвавшись на жену, задаетъ ей, въ числѣ другихъ трудныхъ уроковъ, и задачу: построить дворецъ, столь-же великолѣпный, какъ Гугоновы палаты. Сл. Wulff, Notices sur les sagas de Mágus et de Geirarð et leurs rapports aux épopées françaises Lund, 1874; Suchier, Die Quellen der Mágússaga въ Germania XX, стр. 275.

кихъ поэмахъ о немъ и Wolfdietrich'ѣ¹⁾. — Такое-же сближеніе предлагаетъ теперь и G. Paris²⁾.

б) Карлъ и его паладины подъѣзжаютъ къ Константинополю. Издали свѣтятся его колокольни, куполы, золотые орлы;

264 Destre part la citet demie l'ue grant
Troevent vergiers plantez de pins e loriers blanz;
La rose i est florie, li albors et l'aiglenz.
Vint milie chevaliers i troverent seanz,
E sont vestut de pailles e de hermines blans
E de granz pels de martre jusqu'as pies trainanz.
As eschies et as tables se vont esbaneiant,
E portent lor falcons et lor ostors alquant;
E treis milie pulceles a orfreis reluisanz.
Vestües sont de pailles, ont les cors avenanz.
Et tienent lor amis, si se vont deportant.

Карлъ со своими ѣдетъ дальше,

283 Trovat le rei Hugon a sa carue arant;
Les cunjugles en sont a or fin reluisant,
Li aissels et les rões e li coltres aranz.
Il ne vait mie a piet, l'aguillon en sa main,
Mais de chascune part at un fort mul amblant;
Une chaire sus le tient d'or sozpendant.
La sist li emperere sor un coissin vaillant —
La plume est d'oriol, la teie escharimant —
As piez un eschamel neielet d'argent blanc,
Son chapel en son chief; molt par sont bel li guant;
Quatre estaches d'or mier entorn lui en estant,
Desus i at jetet un bon paille grizain.
Une verge d'or fin tint li reis en sa main,
Si conduit son arere tant adrecieement,
Si fait dreite sa reie cum ligne qui tent.

¹⁾ Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, въ Russ. Revue, IV Jhrg., 6 Heft, p. 554, прим. 18.

²⁾ l. c. p. 15, прим. 2.

Императоры здороваются, Гуголь предлагает приѣзжимъ свое гостепрѣимство.

317 Li reis desjoint ses boes et laisset sa charue;
 E paissent par ces prez, amont par cez coltares.
 Li reis montet al mul si s'en vait l'ambleüre.
 «Sire», dist li reis Carles, «ceste vostre charue,
 Tant i at de fin or que jo n'en sai mesure;
 Se senz garde remaint, crien qu'ele seit perdue».
 E dist Hugue li reis: «De tot ço n'aliez cure;
 Onques nen out larron tant com ma terre duret.
 Set anz i porrat estre, ne serat remote».

.....
 Li reis brochet le mul si s'en vait l'ambleüre
 E vint sus al palais ou ont s'oïssor vedë.
 Il l'at fait conreer; et cele est revestue,
 Li palais et la sale de pailles portendue;
 A tant es-vos Charlon od sa grant gens venne.
 L'emperere descent defors le marbre blanc,
 Cez degrez de la sale vint al palais errant.
 Set milie chevaliers i troverent seanz
 A peliçons hermines, bialz escharimanz;
 As eschies et as tables se vont esbaneiant,
 La defors sont corut li plusor e alquant,
 Reçurent les somiers et les forz mulz amblanz,
 A lor ostels les meinent conreer gentement.

Въ тѣсной связи съ поэмой стоитъ кмирійскій пересказъ: Карль и его перы пришли въ широкую, цвѣтущую равнину, покрытую цвѣтами и колеными деревьями. Здѣсь они встрѣтили толпу тысячи въ три человѣкъ: всѣ богато одѣты, точно каждый изъ нихъ царь или властелинъ. Одни изъ нихъ играли въ шашки, другіе въ шахматы, у этихъ сидѣли на рукахъ сокола, тѣ бесѣдовали съ благородными дѣвцами и царевнами; ихъ было много, такъ что Карль подвинулся такому множеству родовитыхъ людей. Онъ спрашиваетъ одного изъ нихъ, гдѣ бы ему повидать императора. Онъ впереди — пашеть.

Въ этомъ эпизодѣ кимрійской прозы и соответствующемъ поэмѣ кое-что не досказано: въ другихъ текстахъ Карлъ встрѣчаетъ пастуховъ и т. д. Гугона, которыхъ принимаетъ за людей сановныхъ, именитыхъ. То-же могло быть и здѣсь: играютъ, забавляются охотой, очевидно, простые смертные, служители императора; въ первомъ покоѣ императорскаго дворца Карлъ видитъ позднѣе рыцарей, играющихъ въ шашки, шахматы и другія игры — какъ на дворѣ у Дюка

Разостланы сукна одинцовыя,
 Наши любимые конюхи по сукнамъ катаются,
 Въ кости, зернь, въ шашечки поигрываютъ.

Явленіе Гугона описывается въ кимрійскомъ текстѣ такимъ образомъ: онъ пашеть, у его плуга сошникъ и омешки золотые, ярмо изъ драгоценнаго камня; за волами онъ не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой растянута, на четырехъ золотыхъ жердяхъ по краямъ стула, шелковое покрывало, не пропускавшее солнечныхъ лучей; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость; онъ проводитъ борозды такія прямыя и красивыя, какъ настоящій пахарь, а дѣлаетъ это не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ»; «со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей»¹⁾.

Сага тѣсно примыкаетъ къ поэмѣ: 20 тысячъ рыцарей заняты играми (*sumir léku at skaktafli, sumir at kvátrutaflí, sumir bágu gáshauka, sumir vali á höndum*), четыре тысячи дѣвушекъ пляшутъ въ хороводѣ (*fjórar þúsundir meyja gerðu þar*

¹⁾ Бытіе гл. III, 17, 19. Полагаю, что эти именно тексты отвѣчаютъ приведенному въ кимрійскомъ оригиналѣ и его англійскомъ переводѣ: «In the sweat and labour of thy body and the sorrow of thy heart shall thy food be». Koschwitz, I. с. p. 26.

hringleik, klaeddar með guðvefjarfellum, hver annarri fegri, ok helt hver i hönd annarri ok svá sínum unnasta). Гуговь папешть подь шелковымъ балдахиномъ (undir guðvefjarPELLI); когда онъ оставляетъ въ полѣ свой драгоцѣнный плугъ, Карль дѣлаетъ ему то-же замѣчаніе, что и въ поэмѣ, и слышитъ ту-же отвѣдъ (þó at hann lægi þag sjau vetr, þá mundi engi maðr misrugna honum). Объясненія, почему Гуговь занимается земледѣлемъ, не дается никакого.

Играющіе и веселящіеся юноши и дѣвушки являются и въ исландскихъ Geirlug — передъ встрѣчей съ папущимъ императоромъ (сл. Koschwitz, Sechs Bearb. V, строфа 54), и въ фарейскомъ Geira-táttur, гдѣ эпизодъ папши опущенъ, а встрѣчи развиты своеобразно: триста пляшущихъ рыцарей, одѣтыхъ въ золото и шелкъ(?), триста дѣвушекъ въ хороводѣ, между ними молодцы, держащіе ихъ за руки; далѣе, у воротъ дворца, пара бѣлыхъ медвѣдей, у другихъ — двѣнадцать псовъ; въ палатѣ бьетъ изъ подь полу ядовитый источникъ, на скамьяхъ горитъ пламя.

21 Tá íð tú kemur mitt á leið,
allt sigi eg taer satt,
trý sins hundrað riddara
teir ganga og troða ein dans.

22 Trý sins hundrað riddara
teir hava so víðar vegir,
teir hava eingi onnur klaði,
uttan gull og vovin frei (?).

23 Trý sins hundrað jómfúrar
taer ganga og troða ein dans;
knegt í millum hvörja,
taer halda saer í hand.

24 Tá íð tú kemur at borgar lið,
býst taer ei við frið;
standa har tvaer hvítaljörnir
hvörjum minni lið.

- 25 Har íð taer hvítabjörnir
vilja at taer leggja,
snarliga skaltu vísa teim
tey hvössu svörðs eggjar.
- 26 Har íð taer siggja
svörðs eggjum við,
báðar detta hvítabjörnir
steindyr niður.
- 27 Tá íð tú kemur at öðrum portri
hallar inn á golv,
standa har í bondunum
úlvhundar tolv.
- 28 Har íð teir siggja
svörðs eggjum við,
allir detta úlvhundar
steindyr niður.
- 29 Tá íð tú kemur innan halla,
elvist taer meiri vandi:
borð og beinkir og ljósasta ker
uppi á eingjum standa.
- 30 Tá íð tú kemur innan halla,
harmin mantú kenna,
eiturkelda á golvi stendur,
eldar á beinki brenna.

(сл. строфы 34—42). Медвѣди и псы, въ сущности, выходятъ изъ категоріи *остръчъ*, напоминая гигантовъ и львовъ въ описаніи дворца Пресвитера Іоанна, такія-же диковинки византійскихъ палатъ у Лиутпранда — и препятствія на Дюковомъ пути изъ Индіи.

Пересказы въ Guégin и двухъ текстахъ Galien'a передаютъ согласно и съ особыми обстоятельствами эпизодъ встрѣчь. Сообщаемъ его по рукописному Galien (= G) ¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько вариантовъ, приводимыхъ подъ строкой, заимствованы изъ печатнаго текста Галиена = G' (Kochwitz, № IV).

Карль и его спутники вышли въ долину, «ou ilz adviserent ung tref moult bel et moult richement ouvré, *et fust pour ung roy*, ouquel tref demouroient *porchiers*; et dessus le tref avoit ung pommel doré (ркп. dozé), et estoit ce tref au roy Hugues, lequel ne mist jamais son entente a esperviers, a autours, ne a chasser en bois ne en nulle autre maniere, mais alloit chascun jour labourer a la charrue et mectoit son entente à nourrir porcs et vaches et moutons et les tenoit en grant sollempnité; et estoient les porchiers qui gardoient ses porcs en sa court plus presez que autres, car ilz avoient trefz ou ilz hebergeoient aux champs aussi riches *comme si ce fust pour ung roy ou pour ung prince*¹⁾; et disoient plusieurs que le roy Hugues fut ainsi destiné en son enfance par phées²⁾, mais non obstant ce si estoit il en son pais en grant paix et estoit [craint] et doubté de chascun tellement qu'il n'y avoict si osé ou monde qui lui osast meffere. Si advint que quant Roland eut le tref regardé si dist tout hault: «Vez cy grant richesse et se ainsi estoict què ce tref fust aux Sarrasins, tantost l'aurions conquesté». — «Roland», dirent les autres, «vous dictes moult bien et c'estoit bien nostre penser». Si print Charlemagne son destrier et ses .xii. pers avecques lui jusques au tref ou ilz trouverent des gens dedens, et il leur demandent qui y sont, et ilz leur respondent qu'ilz sont tous porchiers et qui gardent les pourceaux qui estoient illecques, desquelz ilz avoient chescun par an cent sextiers de froment quant ce venoit en aoust³⁾, et y avoit bien cent milliers de pourceaux. «Et a qui estes vous?» dist Charlemagne. «Sire», dirent ilz, «nous sommes au roy Hu-

---

¹⁾ Les porchers et vachers honoroit a sa court plus tost que ceux qui portoient couronne a leur teste; et aussi estoient ilz habillez si richement qu'il sembloit proprement a les voir que ce fussent roys, duoz ou contes.

²⁾ On dict qu'il fut predestiné en son enfance d'une fée qui luy donna celle de labourer et d'estre le plus riche qui fust sur terre.

³⁾ Et le porchier luy respondit qu'il avoit au moys d'aoust par chacun an cent septiers de fourment pour chacun pourceau; et adonc Rolant et tous les autres furent tous esbahys et veoient que les porchers estoient vestus de drap d'or et de velours, qui estoit une plaisante chose a veoir dedans une porcherie.

gues le Riche; mais s'il vous plaist, dictes nous de quel terre vous estes». — «Certes», dist le roy Charlemaigne, «je suis roy des François et suis Charles appellé, et veez cy mes .xii. pers avecques moy. Si nous dictes si nous pourrions huy mais estre herbergez en ce tref». — «Ouy», ce dist le porchier, «et feussiez vous quatre cens, pour l'amour de mon sire le roy Hugues, et si aurez pain, vin, chair et tout tant qu'il sera a vostre plaisir». — «Sire», dist Rolant, «s'il estoict sceu en France qu'en l'ostel d'un porchier vous eussiez logé, a tousjours mais vous seroit reprouché». — «Rolant», dist Charlemaigne, «or ne m'en parlez plus, car de telz porchiers n'a gueres en France».

Si sault avant le porchier qui fut preux et habille, et a dit a Ogier: «Vous me semblez expert et hardi jouvencel; prenez ce bastonnet et faictes appareiller ce qui semblera bon a vostre seigneur». Lors fist dresser les tables et appareiller tout ce qui estoict necessaire, et Ogier servoit le roy de tout ce que mestier lui estoict ¹⁾; et quant Rolant l'advise, si se prent a rire et appella les autres compaignons et leur dist: «Dieu a faict aujourd'uy ung moult bel miracle quant il a fait Ogier maistre d'ostel d'un porchier». Si s'en vont riant les barons de ces parolles, mais Ogier n'en estoit pas trop contens. Si soupperent a leur aise et furent moult bien serviz et puis s'allèrent reposer; et quant ce vint que le jour fut levé si se habillent et apprestent. Puis monte l'empereur a cheval et les .xii. pers aussi et se mectent a leur chemin; si les convoya le porchier troys lieues loing ²⁾. — Si erre-

¹⁾ Alors Ogier print les tables et les dressa, et puis après mist les napes dessus comme un valet, et le porchier luy apporta un grand tas de vaisselle d'or et d'argent pour servir le noble roy Charlemaigne.

²⁾ Or chevaucherent royement jusques a la vespre tant qu'il arriverent dedans une isle qu'on appeloit Marade qui estoit fort verdoyante ou il y avoit un autre pavillon lequel estoit encores plus riche sans comparaison que l'autre, faict et ouvré d'ouvrage Sarrazine, et reluysoit a l'encontre du soleil la pomme qui estoit d'or ou y avoit une escarboucle qui flamboit si cler qu'a peine on en perdoit la veue quand on le regardoit, et jamais ne vy un si riche tref. — Съ остро-

rent jusques a none et puis trouverent ung tref qui estoict moult riche; et avoit par dessus le tref ung pommel moult flamboiant. Si le regarde Charlemaigne, puis dit a son nepveu Rolant: «La royne n'aura ja garde de ce qu'elle me dist a mon despartement, car bien congnois qu'elle disoit verité, car oncques mais en mon vivant ne vis telle richesse». Lors s'adressent au tref; si y avoict dedens des gens qui yssirent dehors ¹⁾ et demanderent aux pers qui ilz estoient et les pers leur respondirent: «Veez cy le roy de France Charlemaigne et tous ses .xii. pers qui allons de jour en jour querant le roy Hugues; si nous dictes si vous nous pourrez mes huy herberger». — «Ouy», dist ung *vachier*, «et feussiez vous troys mille; et aurez pour vous aider tout tant que pourrez demander». Lors dist Roland au roy par maniere de gaberie: «Beaulx oncles, par cellui Dieu qui fist le firmament, se ne feussent les porchiers qui gardent les porcs et les vachiers qui gardent les vaches, je cuide que jamais ne retourneissions en France; si cuide que leur mestier vous soit plaisant puis que ainsi vous allez (ms. aller) acointer d'eulx».

Quant le vachier sceut que le roy Charlemaigne estoict et qu'il sceut lequel c'estoict d'eulx, pour lui porter honneur alla son destrier saisir et lui dist: «Sire, tout ce qui est ceans est a faire vostre plaisir». Lors Charlemaigne descendit de son destrier et les .xii. pers aussi; si fut incontinent tout le soupper appresté et les tables mises et adressées. Lors se assist Charlemaigne a table et ses .xii. pers et furent moult bien serviz, et le vachier apporta davant le roy Charlemaigne entre deux platz deux grans chappous roustiz, et quant Roland les vit si dist a Olivier et aux autres tout hault tant que Charlemaigne l'ouyt: «Dieu a faict grant miracle a l'empereur aujourd'uy, puis que Dieu lui a donné

воиъ Марде сл. у Мандевилля островъ Milsterache, Milstorache, Milschorah, по сосѣдству съ страной Пресвятера Иоанна, съ дворцомъ — богатую крестьянина.

¹⁾ Saillit dehors un vacher qui estoit habillé comme un roy.

la grace que ung vachier l'a servy». Si s'en print a rire l'empereur moult fort. Si s'en soupperent et puis se allerent esbatre et deviser de plusieurs choses; et après s'allerent coucher et reposerent toute la nuit; et quant il fut jour se leverent et s'abillerent et puis allerent monter a cheval et se misdrent a chemin, et quant ilz eurent une piece cheminé, arriverent en ung champ ou dedens avoit ung pavillon ouquel avoict ung bergier et bien .xl. compaignons lesquelz gardoient grant quantité de brebiz. Charlemagne les monstre a Roland son nepveu et Roland lui dit: «Sire, si le roy Hugues est aussi bien garni de toutes choses qui appertienent a guerre comme il est de bestiail, il m'est advis qu'il n'y a roy en tout le monde qu'il craignist de riens; si ay grant envie de le veoir». — «Par ma foy», dist le roy Charlemagne, «aussi ay je». Lors print son destrier et va au pavillon; si y trouve ung bergier moult richement adoubé; si luy demande s'ilz pourroient pour mes huy herberger en sa maison; le bergier lui respont que ouy tres volentiers, «pour l'amour de ce que vous me semblez estre tres gentilz homs et aussi pour l'onneur de mon sire le roy Hugues». Lors Rolant dist tout hault: «Foy que je doy a Dieu, ne me croiez ja mes si aussi tost que nous serons en France retournez, se Charlemagne ne se rend de quelque religion et vouldra savoir comment vaches et moutons sont gouvernez par les champs». Le bergier advisa le roy Charlemagne et va tenir son destrier pour descendre; puis lui dist: «Sire, ceans serez serviz tout a vostre plaisir». Et quant Rolant l'entendit, si dist a ses compaignons: «Seigneurs, il n'est homme ou monde qu'il puisse ja tant servir le roy qu'il puisse sa grace desservir; mais porchiers et vachiers en font du tout a leur volenté: si ay doubte vraiment qu'a leur mestier ne se vueille briefvement retourner».

Charlemagne et les .xii. pers coucherent la nuytée chez ce bergier, et au matin se leverent et se sont habillez et armez et mis a chemin, et ainsi qu'ilz chevauchent virent venir ung messaige qui chevauchoit moult vistement. Charlemagne brocha

encontre luy, et quant il fut approuché, lui demanda qui il estoict et s'il lui sauroit a dire nouvelles du roy Hugues. «Sire», dist le message, «je suis au roy Hugues et fois ses (més. ces) messages par toutes terres, et se vous le voulez trouver avant qu'il soit nuyt, vous le trouverez par deça Constantinnoble en une grant vallée, la ou il maine sa charrue dorée qui est toute faicte d'argent et de fin or». Lors dist Charlemaigne au message: «Tu m'as compté merveilles, car oncques mais n'ouy dire a personne que roy fust charretier». — «Sire», dist le message, «pour Dieu n'en soiez courroussé(e), car en enfance lui fut ceste chose destinée». — «Par ma foy», dist le roy, «ce fut pouvre destinée, puis qu'il couvient que ung roy face aux champs sa journée; au cueur en ay grant dolleur», dist le roy, «qu'en ung feu puisse estre arce la putain deshonneste qui ainsi le destina». Si tost que le roy eut entendu le messaigier si se met a son chemin et chevaucha tant qu'il arriva au champ ou le roy Hugues menoit sa charrue de laquelle(s) les rouelles estoient toutes d'or, et d'argent estoict le soc, et le couste aussi qui tient la charrue. Si estoient les chevaux de la charrue couvers de moult nobles couvertures batues a pierres et a orfaverie. Si dist Charlemaigne a Rolant: «Foy que je doy a Dieu, si je tenoie celle charrue je la feroie rompre et mettre en monnoie pour paier souldaiers encontre les mescreans, car qui a richesse et il ne l'employe, ell' est perdue».

Or estoict le roy Hugues en ce champ qui sa charrue menoit, et estoict assis sur ung mulet blanc et avoict sur sa teste ung ciel¹⁾ qui grant clarté gectoit, et le portoient quatre ducz moult richement atournez²⁾, et reluisoit ce ciel moult fort pour la grande richesse(s) d'or et de pierres precieuses qui y estoient. Et si tost que Charlemaigne et ses pers vindrent la, si saluerent le roy

---

¹⁾ poille.

²⁾ et le portoient quatre princes attaché au bout de quatre lances montes chacun sur une hacquenée blanche comme neige; au bout de chacune lance avait un gros pommel d'or qui reluisoit contre le soleil a merveilles.

Hugues lequel s'enclina le premier, et le roy Charlemaigne après, et lui dist: «Sire, cellui qui le monde forma salve le roy Hugues, qui a telle çarrue, et le gard d'ennuy et d'enconbrier». Lors respont le roy Hugues: «Sire, vous soiez le bien venu; or me dictes dont vous venez, qui vous estes, ne que querez». — «Sire», dist Charlemaigne, «je ne le vous celeray pas; je suis le roy de France et vez cy mon nepveu Rolant avecques mes pers, qui venons d'adorer le Saint Sepulcre, et quérons pour mes huy quelque hoste qui nous herbergeast». Quant le roy Hugnes l'entent, si destella ses chevaulx et dist au roy que bien le logeroit. Si regarda Roland la çarrue au roy Hugues et la souhaicta au Palais de Paris, et dist tout bassement a Olivier que pendu fust il qui premierement fonda çarrue d'or, et aussi le roy premier qui se mist a la çarrue mener, et dist: «arce puisse estre celle qui ainsi le destina!» Quant le roy Hugues a advisé le roy Charlemaigne et ses .xii. pers, si alla incontinant desteller sa çarrue et se descendit de son mullet; si emmena Charlemaigne et ses .xii. pers en son palais qui estoict moult bel et moult riche, et *pour l'amour de la beaulté et de la richesse qui estoict en ce chasteau fut il Constantinoble appellé*¹⁾. Quant Roland et ses

¹⁾ Сл. въ Guérin y Koschwitz'a, Sechs Bearbeit. p. 50: «la cité de Constantinoble qui tant estoit somptueusement et richement faite tant par dehors comme par dedens que c'estoit grant noblesse et beaulté de une telle cité veoir; et a ceste cose fut elle nommée Constantinoble. Въ печатноѣ текстѣ Galien (Koschwitz, l. c., p. 114): *et pour la grant noblesse qui fut au dté palais Charlemaigne le nomma Constantinnoble et ainsi le baptisa*; Geiplur (l. c., p. 142), строка 69:

[Bidenciána var borgin sú
af brögnum köllud ólim;
[þó er hun kend af köppum nú
Constantinópólim.

Очевидно, такое наименование, имѣеть смыслъ лишь во французскомъ текстѣ: Constantinople = Constantin noble. Сл. въ изданномъ мною Dit de l'empereur Coustant, Romania, № 22: Constant вводитъ христіанство въ Византин:

621 Et pour cette nouvielleté
Ont Bissance sen nom mué:
Le nom leur singneur li donnerent,

compaignons eurent grant piece regardé l'ostel et l'estat du roy Hugues, se dirent l'un a l'autre que en lui avoict riche varlet pour charrue mener. «Voire», dist Rolant, «que pleust a Dieu que je tinsse a Paris charrue et charretier, car par ma foy incontinant en feroie florins forger ou la feroie sur le pont en monnoie changer». Si s'en allerent ainsi les deux roys et les .xii. pers et les monterent ou palais; si les festoya moult richement le roy Hugues».

Авторъ соответствующаго эпизода въ Guérin ограничивается однимъ указаніемъ на первыя встрѣчи Карла, не заслуживающія, по его мнѣнію, серьезнаго вниманія. «Et qui vouldroit toutes leurs aventures raconter, ce seroit chose trop ennueuse; pour ce s'en taist l'istorien de la plus grant part, mesmement que ce lui samble fantosme ou clere mençonge trop entendible; car ilz trouverent *porchiers, vachiers et bergiers* gardans leurs bestes, couchans et retrayans en tentes en paveillons sy richement appointiés et ouvrez que ce pouroit sambler chose faée ou menteresse». — Первая встрѣча Карла — съ messagier, который на его вопросъ о Гуговѣ, отвѣчаетъ: «Par foy», fait il, «beaux signeurs, du roy Huguon say je toutes nouvelles plus ou autant que nul homme a qui vous le puissiez demander; et se demandé l'avez a ung porchier, a ung vachier et a ung bregier que en vostre chemin povez ou devez avoir veus, autant en scevent ilz comme je fais, car chascun d'eulx est son prochain parent par linage, et lui mesmes est au labour comme ja tos le pourez vous veoir se jusques la ou il est voulez venir». — ПУТНИКИ ВЕДЯТЪ

Le roi Coustant, que moult amerent:
 Pour ce que si nobles estoit,
 Et que nobles oevres faisoit,
 L'appielloient *Coustant le noble*:
 Et pour çou ot *Constantinnoble*
 Li cyté de Bissance a nom.

Подобное преданіе могъ имѣть въ виду и авторъ поэмы, пересказанной въ Guérin и Galien.

дагѣ Гугона, «lequel estoit monté sur une mulle si richement afentrée que l'en ne pouroit plus; et entour lui aux quatre coings avoit quatre ducs et nobles princes qui sur son chief pour la chaleur du soleil lui soustenoient ung poisle de drap espesement ouvré et batu a or, et le soustenoient chascun au bout d'une lance, et la dessoubz se ombroyoit Huguon et tenoit une charue si riche c'onques de telle ne fut ne avoit mais esté parlé. Et de la façon dit l'istoire que les rouelles estoient de fin or et le soc de fin argent, les manchereaux de fin ciprès et les trays de la plus fine soye du monde. Sy la tiroient .iii. chevaux enharneschiés si richement comme se roy ou roynes les eussent voulu chevauchier, car ilz estoient couvers richement et leur pendoient aux costez petites sonnettes d'or et d'argent ausques differentes de son l'une a l'autre qui rendoient si grant melodie que ja n'eust eu desplaisance au cuer qui si grant douceur eust ouie».

Откуда явился типическій образъ пашущаго императора? О. Миллеръ сближалъ его съ нашимъ Микулой Селяниновичемъ, съ которымъ намъ еще предстоитъ встрѣтиться; G. Paris¹⁾ указывалъ на сходство съ китайскимъ обычаемъ, по которому императоръ открываетъ земледѣльческій годъ, самъ проводя первую борозду. Тексты Галіэна нашли легкій выходъ въ объясненіи — что такъ суждено было императору отъ рожденія, феями-рожаницами; но, очевидно, это объясненіе придумано. Въ Guégin посланецъ говоритъ Карлу, что Гугонь «близкій родственникъ» видѣнныхъ имъ пастуховъ и свинопасовъ, почему онъ и самъ занимается хлѣбопашествомъ. Родственникъ — по человѣчеству, по Адаму? Такъ можно заключить со словъ кимрійскаго пересказа, что Гугонь пашеть — изъ смиренія, помятуя заповѣдь: «Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю изъ которой ты взятъ» — какъ передъ Пресвитеромъ несутъ сосудъ съ землею, какъ memento mori, въ память о томъ, что

¹⁾ G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 343; сл. Romania, l. c. p. 4, прим. 1.

всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ персть, а по Гервасію Тильберійскому (*Otia Imperialia, decis I, c. X*) золотая держава императора наполнена перстью и золой, «*ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur*». — Съ точки зрѣнія этого сближенія Гуговъ-пахарь напоминаетъ черты Пресвитера: то-же благоденствіе — и та-же нравственность въ народѣ: никто не украдетъ драгоценный плугъ Гугона — еслибъ онъ семь лѣтъ пролежалъ въ полѣ; то-же могущество и то-же смиреніе царя, только выраженное въ другомъ образѣ. Это отличіе стало существеннымъ въ смыслѣ разработки второстепенныхъ мотивовъ сказанія: у Гугона-пахаря естественно очутились слугителя пастухи, свинопасы, коровники.

Но послѣдуемъ далѣе за путешественниками, дивящимися чудесамъ Константинополя и Гугонова дворца:

365 Seignors, dist Charlemaine, molt gent palais at ci;
 Tel nen out Alixandre ne li vielz Costantins,
 Nen n'out Creissanz de Rome qu'a tante honor bastit.

Koschwitz въ первомъ изданіи старофранцузской поэмы безъ нужды заподозрилъ *Crisans* послѣдняго стиха, замѣнивъ его другимъ именемъ. Въ Разысканіяхъ IV, стр. 53, прим. я указалъ на эту ошибку, объяснивъ ¹⁾, что подъ *Crisans de Rome* разумѣется Кресценцій, имя котораго рано окружилось легендой, вошло въ романическіе рассказы и пристало къ нѣкоторымъ древнимъ сооруженіямъ Рима. G. Paris ²⁾ приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ, пользуясь отчасти тѣми-же источниками. «Очевидно *Crisans* — то-же лицо, которому нѣкоторые тексты приписываютъ римскій *Chastel Creissant*, говоритъ онъ: этотъ замокъ упоминается въ одной, нынѣ утраченной *chanson de geste*, о которой я говорилъ въ другой разъ, поэмѣ, сохранившейся въ из-

¹⁾ *Croissans* - *Crescens* и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, СПБ. 1881, стр. 29—30.

²⁾ l. c. p. 45—6.

влеченіи у Филиппа Мускэ и послужившей основаніемъ для Fiedabgas¹⁾: онъ служитъ убѣжищемъ христіанамъ; о немъ говорится, какъ о крѣпости, возвышающейся надъ Римомъ, въ стихотворномъ романѣ о Семи Мудрецахъ, написанномъ около половины XII вѣка на основаніи другого, значительно болѣе древняго текста; о Castellum Crescens упоминаетъ также и Gautier Mar въ своей интересной, хотя спутанной компиляціи, сохранившейся въ одной лишь рукописи подъ заглавіемъ: De Nugis Curialium. Я высказалъ, при другомъ случаѣ, объ этой крѣпости, высящейся надъ городомъ, предположеніе, нынѣ подтверждающееся текстами, которые въ то время были мнѣ неизвѣстны. Замокъ Св. Ангела называется, начиная съ конца X-го столѣтія, Chateau Croissant. Это названіе онъ получилъ отъ знаменитаго Кресценція, владѣвшаго Молой Адріана и оттуда простиравшаго свою власть и на весь Римъ; въ этой твердыни онъ былъ осажденъ Оттономъ II и его обезглавленное тѣло было сброшено съ ея стѣнъ по приказанію императора. Имя Кресценція надолго осталось при замкѣ, бывшемъ орудіемъ и послѣднимъ оплотомъ его могущества; впоследствии названіе не удержалось и старая кличка «Замка Св. Ангела» снова получила преобладаніе²⁾. — Такимъ образомъ «Crisant de Rome» поэмы — признакъ ея относительной древности; и въ слѣдующемъ полустішии: «qui tanz honors bastit» слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть не одно лишь общее мѣсто, служащее къ наполненію стиха. Народъ естественно приписывалъ Кресценцію - Croissant построеніе замка, носившаго его имя; и вотъ въ Римѣ дѣйствительно существуетъ интересное зданіе, относимое археологами къ концу X-го вѣка: народъ называетъ его въ настоящее время Casa di Rienzi либо Casa di Pilato, но также и Casa di Crescenzio³⁾ — и это, вѣроятно, его древнѣй-

¹⁾ G. Paris, Hist. poét. de Charlemagne p. 251.

²⁾ О Castellum Crescentii, называвшемся также Castellum, domus Theodorici, см. статью Мюллера (Zeitsch. f. deutsch. Alterth. XII, 319) и относящаяся сюда мѣста у Nibby, Gregorovius'a и Jordan'a.

³⁾ Если Casa di Crescencio не древнѣе, то и не многимъ позднѣе X-го вѣка. Сл. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom, t. III, p. 564.

шее обозначеніе. Паломники XI вѣка, разказами которыхъ пользовался авторъ поэмы, видѣли богатыя палаты «Croissant», его неприступный замокъ, и, разумѣется, приписывали ему и другія постройки: оттого онъ и названъ «строителемъ» въ пѣснѣ о Хожденіи». — Во 2-мъ изданіи поэмы в. 367 Koschwitz возстановилъ Creissenz = Crisans ¹⁾).

Роскошь Гугонова дворца въ поэмі изумительная:

343 A or fin sont les tables, et chaires et banc.
 Li palais fut d'azur listez et avenanz
 Par molt chieres peintures a bestes et serpenz,
 A totes creatures et a oisels volanz.
 Li palais fut voluz et desore cloanz,
 Et fut fais par compas et serez noblement;
 L'estache del miliu neielee d'argent.
 Cent colombes i at tot de marbre en estant;
 Chascune est a fin or neielee devant...
 De cuivre et de metal tresjetet dous enfanz.
 Chascuns tient en sa boche un corn d'ivoire blanc.
 Se galerne ist de mer, bise ne altre venez
 Qui fierent al palais dedevers occident,
 Il le font torneier et menut et sovent
 Come roe de char qui a terre descent.
 Cil corn sonent et boglent et tonent ensement
 Com tabors o toneires o granz cloche qui pent.
 Li uns esguardet l'autre ensement en riant
 Que ço vos fust viaire que tuit fussent vivant.

Карлъ любитъ устройствомъ дворца, когда вдругъ поднялся
 вѣтеръ съ моря, ударилъ во дворецъ,

372 Altresil fait torner com arbre de molin.
 Celes imagenes cornent, l'une a l'autre sorrist
 Que ço vos fust viaire que il fussent tuit vif,
 L'uns halt, li altre cler; molt fait bel a oïr.

---

¹⁾ О другихъ зданіяхъ Рима, носившихъ имя Кресценція, - см. Graf. Roma, I, p. 179, прим. 50.

Ço'st avis, qui l'escoltet, qu'il seit en parais
 La ou li angele chantent et soëf et serit.
 Molt fut granz li orages, la neif et li gresilz,
 Et li venz durs et forz, qui tant bruit et fremist.

- .....
- 384 Molt fut gries li orages et hisdos et costis.
 Charles vit le palais torneier et fremir;
 Il ne sout que ço fut, ne l'out de loin apris.
 Ne pout ester sor piez, sor le marbre s'assist.
 Franceis sont tuit verset, ne se poeent tenir
 Et covrirent lor chies et adenz et sovin,
 Et dist li uns a l'autre: «Mal somes entrepris;
 Les portes sont overtes, si n'en poons eissir.»
 Charles vit le palais mentement torner.
 Franceis coevrent lor chies, ne l'osent esgarder.
 Li reis Hugue li Forz en est avant alez
 E a dit as Franceis: «Ne vos desconfortez.»
 «Sire, dist Charlemaigne, ne serat ja mais el?»
 Et dist Hugue li Forz: «Un petit m'atendez!»
 Li vespres aprochat, li orages remest.
 Franceis saillent en piez.

Покой, отведенный Карлу и его перамъ для ночлега, на сводахъ, расписанъ, украшенъ драгоценными камнями и кристаллами; его освѣщаетъ карбункулъ — точно майское солнце; въ покоѣ поставлены двѣнадцать кроватей, каждую изъ нихъ не свезти съ мѣста и двадцати воламъ; онѣ убраны бархатомъ и тафтой; у тринадцатаго ложа, предназначеннаго Карлу, ножки серебряныя, отдѣлка по краямъ изъ эмали, покровъ — работа Фен Maseüz.

Тексты Galien и Guégin обошли описаніе дворца; въ кимрійскомъ онѣ сохранился подробно: на полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу — подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы, послѣднія такъ искусно, точно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляла форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загоровшимися на верху всякій разъ

27*

въ соотвѣтствіи съ временемъ года. — Та-же чудесная колонна въ среднѣ постройки и пилястры вокругъ: около каждаго изъ нихъ статуя челоуѣка изъ желтой мѣди, съ рогомъ, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ устройствомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (sic), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо, статуи затрубили, Карлъ испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову. Гугонъ успокоиваетъ ихъ; и дѣйствительно: къ вечернѣ вѣтеръ стихъ, рога замолкли и движеніе прекратилось.

То-же описаніе движущихся фигуръ и вращающихся палатъ находимъ и въ сагѣ, объясняющей намъ и тайну ихъ механизма: *þeir stólpar vǫru allir holir innan, ok blés vindr undir höllina neðan, svá at upp kom í stólpana, ok var með svá miklum brögðum um búit, at börnin öll blésu með þeim vindi á hverskonar lund er fagrt var, en hvert þeirra rétti fingr at öðru hlaejanði beint sem kvik vaeri.* — Вѣтеръ, движущій статуями и палатой, приходитъ — не съ моря, какъ въ предыдущихъ текстахъ, а проведенъ снизу въ полмя колонны. Эта подробность связываетъ съ сагой слѣдующее описаніе исландскихъ *Geiplur*:

76 Standa þar með steini framt
stólpar aðrir minni;
hvergi faerri enn hundrað samt
í höllu kóngsins inni.

77 Mannlíkan hefr markat á
meistarinn einn sá kunní;
þau eru börnin brögða-smá,
sem bera sér horn at munní.

78 Hverr er stólpinn holr ok tómr
ok hoddum þaktr víða;
þat [er enn mesti meistaradómr,
[með þat gjörvallt smíða.

79 Þá kom vindr ok veifði höll,
 vaenum stólpum nærri;
 börnin tóku at blása upp öll
 beint sem lifandi vaeri.

80 Þegar er stólpinn steini líkr
 stórum vindi léttir,
 hvern at öðrum höfði víkr,
 hláer ok fingr réttir.

81 Mildings höll sem mylna snýst,
 [mektug ofnis skerjum;
 eingi þegn við þessu býst,
 en þýtr í stólpa hverjum.

Въ этомъ описаніи встрѣчается цѣлый рядъ подробностей, относящихся насъ то къ Пресвитеру Іоанну, то къ Дюку, либо къ тому и другому вмѣстѣ. Центральная колонна Гугонова дворца встрѣчается и въ описаніи дворца Пресвитера; механически движущіяся солнце, луна и свѣтла въ изображеніи индѣйскаго царства, въ палатахъ «драка» и Хосроя, въ термахъ Чурилы, Соловья Будимировича, Дюка и; судя по кимрійскому пересказу, и въ какомъ-нибудь оригиналѣ Хожденія. Я полагаю, что сюда-же слѣдуетъ отнести и диковинки іерусалимскаго собора, какими ихъ представляетъ поэма XI вѣка:

124 Vit de cleres colors le mostier peinturet,
 De martirs et de virgenes et de granz majestez,
 Et les cors de la lune et les festes anvets,
 Et les lavacres ¹⁾ corre et les peissons par mer.

Foerster и Gaston Paris ²⁾ считаютъ послѣдній стихъ испорченныиъ; Paris предполагаетъ пропускъ одного либо нѣсколькихъ стиховъ; оба смущались, очевидно, сочетаніемъ: lavacres (= fonts

¹⁾ Koschwitz во 2-мъ изданіи предполагаетъ послѣ lavacres пропускъ, а corre и т. д. относить къ концу слѣдующаго (неполнаго) стиха.

²⁾ Romania № 33, l. c. p. 20—1, прим. 1 на стр. 21.

baptismaux) согге. Дѣло объясняется проще: мы имѣемъ дѣло съ одной изъ причудъ средневѣковой поэтической архитектуры, устроивавшей стеклянные полы, дѣлавшіе впечатлѣніе воды, водоема (сл. восточныя и русскія сказанія о Соломонѣ и царицѣ Савской, палаты Навуходносора въ одномъ текетѣ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); фантазія шла нерѣдко и далѣе того: подѣ стекляннымъ поломъ, казалось, дѣйствительно двигались рыбы и морскія животныя. Такъ во второмъ Титурелѣ, такъ въ прозаической редакціи былины о Дюкѣ (Рыбн. I, № 50), гдѣ Владимиръ боится ступить на стеклянные полы: «подѣ ними вода течетъ, вовѣ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половина точно треснетъ». — Послѣдній стихъ приведенной цитаты означаетъ, стало быть: онъ видитъ — вверху ходитъ луна, внизу, подѣ поломъ, течетъ вода и рѣзвятся рыбы ¹⁾).

Металлическія статуи дѣтей и людей у пилястровъ, играющія на трубѣ, улыбающіяся и кивающія другъ другу — отвѣчаютъ такимъ-же изображеніямъ царей и царицъ на колоннахъ во дворцѣ Пресвитера, также играющимъ — и угощающимъ другъ друга изъ кубка. Мы уже сблизили эти изображенія съ причудливими образами на Дюковыхъ пуговкахъ и петелкахъ; но мы можемъ пойти и далѣе въ объясненія послѣднихъ. На нихъ и молодцы и дѣвушки и птицы пѣвучія и звѣри рыкучіе: когда по нимъ

¹⁾ Въ *Élie de Saint Gille* (ed. W. Foerster) есть эпизодъ, вовсе не мотивированный общимъ ходомъ дѣйствія и напоминающій знакомые намъ образы Хожденія: Розамунда указываетъ *Élie* убѣжище, гдѣ онъ найдетъ — вращающіяся палаты, плавающія рыбы и четыреста рыпарей, обѣ руку съ своими *amies* (сл. первую истрѣчу Карла въ поэмѣ). Обо всемъ этомъ нѣтъ далѣе и рѣчи.

1641 La ueres vous les huis et le palais torner
 Et les vieutres detraire et les ors encainer
 Et les pisons noians et le ciel estele;
 Et toute rien en tere comme l'arce Noe
 Ai ge fait en ma canbre a fin or pointurer.
 S'i a une richece dont uous ne uous gardes,
 . . . . .
 Et cascuns tient s'amie par l'ermin engoule.

проводять плеткой, поднимается такой крикъ и голосованье, что всѣ присутствующіе падаютъ — о земь. Этого шаржа могло не быть въ оригиналѣ нашей пѣсни, судя по аналогіи Хожденія, саги и кимрійской прозы: тамъ и здѣсь вѣтеръ съ моря или изъ полей столбовъ заставляеть статуи *играть и доигаться*, а покой, въ которомъ онѣ стоятъ, — вращаться на оси: отъ этого движенія и падаютъ, присѣдаютъ Карлъ съ его перами.

Поэма присоединяетъ къ вѣтру — цѣлую искусственную бурю, со снѣгомъ и градомъ, что относитъ насъ къ диковинкамъ Хосроева дворца, въ которомъ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — но идетъ и дождь и раздаются раскаты грома: вода, проведенная въ тонкихъ, потаенныхъ трубочкахъ, превращалась, въ подобіе дождя (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine, Kaiserchronik); подъ башней, въ подземельномъ покоѣ, двигались въ кругу лошади, запряженные въ повозки, что заставляло колебаться башню и производило впечатлѣніе грома (Jacobus de Voragine, большой Passional); по желанію царя наступала во дворецъ ночь и снова день, гремѣлъ громъ, сверкала молнія, шелъ дождь и снѣгъ, становилась зима и лѣто, поднимались вѣтры и наступала ясная погода (Hermann von Fritzlar). Gautier d'Argas въ Egacles'ѣ, описавъ драгоцѣнное небо Хосроевскихъ палатъ, прибавляетъ и слѣдующее:

5195 et par engien, si con je truis,
 faisoit plouvoir par un piertuis
 q'il ot fait faire el ciel là-sus.
 Encore i a-il asses plus:
 La tiere estoit de-sous cavée
 et bien plancie et bien levée;
 Uns foles i ot por soufler:
 cant il voloit faire tourner,
 tout es i ot: venter faisoit
 et plus asses, con li plaisoit ¹⁾.

¹⁾ См. мою Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 145 и талмудическую легенду о царѣ Хирамѣ у Landau, Beiträge z. Geschichte der italienischen Novelle, p. 48.

Въ палатахъ Пресвитера мы видѣли хоромы, своды которыхъ представляютъ звѣздное небо, покои, вращающіеся на оси, механическія фигуры, движущіяся и играющія. — Въ изображеніи Хосроева дворца нѣкоторыя изъ этихъ подробностей соединились въ общую картину какого-то макрокосма, производящаго впечатлѣніе неземнаго могущества: потолокъ обратился въ небо со свѣтлами, идетъ дождь и раздаются удары грома — всё это подѣляемъ хитраго механизма, трубочекъ, мѣховъ. — Въ Хожденіи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такимъ же сочетаніемъ диковинокъ: солнце, луна и звѣзды загораются на сводахъ, — «въ соотвѣтствіи съ временемъ года»; поднимается вѣтеръ и буря — несомнѣнно, дѣло такого-же привода, полыхъ колоннъ, въ которыхъ ходитъ вѣтеръ. Лишнее противъ описанія Хосроевыхъ палатъ — трубящія фигуры и вращеніе палаты, отъ котораго падаютъ непривычные гости.

Представимъ себѣ, что изъ этого сочетанія: играющихъ, улыбающихся, движущихся фигуръ съ вращеніемъ покоя — выпала именно вторая часть (вращеніе) и осталась неизбежное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Раскащикъ-пѣвецъ поспѣшитъ по своему наполнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе — дѣйствіемъ пѣнія, крика, издаваемого изображеніями-статуями, птицами не на пилястрахъ, а на пуговкахъ и петелкахъ ¹⁾ прѣзжаго изъ Индіи молодца. Такъ понимаю я

---

¹⁾ Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, на сколько вычурное описаніе пуговокъ и петелокъ воспроизводитъ дѣйствительную подробность древнихъ пѣсенъ и — наряда. Застежки, съ изображеніемъ обнимающихся и — расходящихся юности и дѣвушки, легко себѣ представить; то-же можно сказать и о Змѣѣ Горыничѣ. См. въ сербской пѣснѣ о женидбѣ Максима Црнојевића описаніе сорочки молодой:

У колијер улетена гуја
 А под грлом изведена глава,
 Баш се чини као да је жива,
 На глави јој анст камен драги,
 Каде иде номак са ђевојком
 У ложницу, да не носи свјеће
 Нек свијетли адем камен драги.

странный, повидимому, шаржъ русской пѣсни ¹⁾. Въ эпистолѣ редакціи D игра механическихъ фигуръ и пѣніе таковыхъ-же птицъ наводили лишь усыпленіе — но приводятъ и въ изступленіе (*quodammodo extra mentes efficiuntur*).

с) Гугонъ роскошно угощаетъ своихъ гостей на пиру, во время котораго Оливье засматривается на императорскую дочку. Гости порядкомъ подпили, ихъ ведутъ въ опочивальню, гдѣ для нихъ приготовлены кровати, а въ покой колоннѣ спрятанъ соглядатай, посаженный туда императоромъ — для опаски. Передъ сномъ Карлъ предлагаетъ своимъ пѣрамъ позабавиться, похвастать кто чѣмъ знаетъ: хвастовство на пиру, вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ ²⁾: разгоряченные

¹⁾ Этотъ шаржъ нѣгль, по видимому, извѣстный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ пѣсни объ Ильѣ и разбойникахъ мы встрѣчаемъ гремящія пуговики на кафтанѣ Ильи:

И напали на Соколя корабль разбойнички,
 .....
 А онъ по кораблику похаживать,
 Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживать:
 Пуговики залочоныя разгремѣлися,
 Лютые львы разревѣлися,
 А разбойнички испужалися

(Кир. I, № 7, стр. 28); либо:

Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
 Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
 Его пуговики забѣлѣлися,
 Его петелки разгорѣлися,
 На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
 По заморскому льву.
 .....
 Его лютыя звѣрья разревѣлися

(ib. № 5, стр. 40); Сл. Шейнъ въ Читеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн., 1877, III, № 4, стр. 7; Русскія народныя пѣсни, собраны А. И. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ, Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11, № IV. О подобной-же подробности въ сказкахъ о Данилѣ Безчастномъ см. далѣе гл. XI.

²⁾ Я пользуюсь далѣе богатыми выдержками изъ памятниковъ, сдѣланными Тоблеромъ въ *Zs. f. romanische Philologie* IV B., стр. 81 слѣд.; для итальянскихъ примѣровъ см. предисловіе къ *Cantare di Madonna Elena imperatrice*. Livorno, 1880 (Ottavio Targioni-Tozzetti).

виномъ рыцари хвалились другъ передъ другомъ прошлыми и будущими подвигами, не рѣдко выходившими за предѣлы человѣческой возможности. Гдѣ теперь та молодежь, которая хвалилась вечеромъ, послѣ вина, что они выйдутъ побѣдителями изъ битвы? спрашиваетъ Aubri:

Ja dient il au soir et au matin
Que il vaintroient le peuple Constantin;
Nom trop vanteres est pires d'un mastin

(Aubri, ed. Tobler, Mittheilungen, p. 120). Въ Meraugis'ѣ (p. 77) рыцари, прежде чѣмъ разойтись, произносятъ, въ присутствіи дамъ, разные обѣты (одна изъ формъ похвалы): тотъ обѣщается цѣлый годъ не носить другого оружія, кромѣ щита, и такъ сражаться; этотъ — въ теченіи того-же времени не спать подъ кровлей, пока не побѣдитъ какого-нибудь рыцаря и т. п. Въ 64-мъ разсказѣ Novellino (ed. Gualteruzzi) говорится, что «nel riposare la sera, i cavalieri si incominciaro a vantare, chi di bella donna, chi di bella giostra, chi di bello castello, chi di bello astore, chi di bella ventura» — а messer Alamanno хвастаетъ своей милой, навлекая на себя ея гнѣвъ. — Иногда обычное приуроченіе этого акта къ вечеру, послѣ пира, замѣнено другимъ (въ Aiolfo di Barbicore, какъ и въ Viaggio di Carlo Magno «Vanti» произносятся утромъ), либо приуроченія нѣтъ вовсе. Такъ въ Storia di Leombruno бароны собираются въ замкѣ:

Chi si avvanta di bella mogliere,
Chi si avvanta di bella magione,
Chi di caval corrente e buon destriere,
Chi di gentil sparviere e buon falcone,
Chi di palazzo e chi di torri altiere,
Chi si vanta di sua condizione и т. д.

То-же въ Cantare di Madonna Elena imperatrice, къ которому мы еще вернемся.

Хвастовство во полу-столѣ встрѣчается и въ другихъ былинахъ, нигдѣ не проявляя, впрочемъ, того характера гасконнады,

которымъ отличаются *gabs* (сѣв. *geiplur*) французскаго Хожденія.

Хвастаютъ всѣ, съ почина Карла — прежде всего своей физической силой. Пусть дадутъ мнѣ лучшаго рыцаря царя Гугона, возложить на него двѣ брони, два шлема на голову, посадятъ на сильнаго коня: я нанесу ему мечемъ такой ударъ въ голову, что разрублю пополамъ шлемъ, броню, всадника, сѣдло и лошадь, а мечъ уйдетъ еще въ землю на цѣлое копьище. — За этой похвалой Карла слѣдуетъ въ поэмѣ другая — Роланда: еслибы Гугонъ далъ мнѣ свой рогъ¹⁾, я, выйдя изъ города, затрубилъ-бы съ такой силой, что всѣ городскія ворота сорвались бы съ петель; а коли царь пойдетъ на меня, онъ у меня такъ перевернется, что потеряетъ свою мантию на горностояхъ, да и усами поплатится. — Похвальба Оливье, подобно предъидущимъ, такое-же хвастовство своей физической силой: дайте ему царевну, дочь Гугона, онъ переспитъ съ ней ночь — и совершитъ нѣчто, превышающее всѣ предѣлы человѣческой возможности. — Рядомъ съ этими *gabs*, постоянно приуроченными къ опредѣленнымъ именамъ, идутъ другіе съ нѣрѣдко мѣшающимися именами и инымъ содержаніемъ: это какое-то богатырское скоморошество, пополамъ съ волшебствомъ и чудомъ, нѣчто, напоминающее продѣлки мага-скомороха въ одномъ текстѣ *Floige et Blanceflor* — и потѣхи, о которыхъ говоритъ вставка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова Данила Заточника. — Турпинъ обѣщаетъ: пусть императоръ пуститъ бѣжать трехъ лучшихъ своихъ коней, я догоню передняго и вскочу на него, всё время подбрасывая къверху и хватая на лету четыре яблока; если одно изъ нихъ упадетъ, пусть выколятъ мнѣ глаза. — Этотъ *gab*, удержанный за Турпиномъ въ кимрійскомъ пересказѣ, перенесенъ, съ измѣненіями, на *Berart* (*Bernard*) de *Montdidier* въ *Guérin* и рукописномъ *Galien*'ѣ, *сaгъ* и *Geiplur*, на *Berenger* въ печатномъ *Galien*'ѣ; наоборотъ, *Guérin* и *Galien*, *сага*, *Geiplur*, *Geira-ráttur* рассказываютъ о Турпинѣ, что древ-

¹⁾ Въ *Galien*'ѣ онъ обѣщаетъ затрубить въ свой собственный рогъ: Олифантъ.

няя поэма, согласно съ кимрійскимъ текстомъ, о Bernard de Brusban: онъ похваляется, что отведеть въ городъ рѣку, текущую внизу въ долинѣ, и что императоръ принужденъ будетъ укрыться отъ наводненія на самую высокую башню. Это — послѣдній изъ трехъ gab'овъ, на исполненіи которыхъ Гугонъ настаиваетъ: Бернаръ осѣняетъ рѣку знаменіемъ креста, и она тотчасъ вышла изъ береговъ, наводнила поля и городъ, а Гугонъ, спасшійся на башню, жалуется и молитъ Карла о помощи, сулитъ ему свою казну, готовъ стать его вассаломъ. По молитвѣ Карла рѣка возвращается въ свое русло: gab разрѣшился чудомъ, какъ всѣ другіе, подлежавшіе исполненію; за паладиновъ Господь, ангелъ возвѣстилъ имъ о томъ, при нихъ чудотворныя іерусалимскія святыни. — За то слѣдующій gab принадлежитъ области чистой магіи: Aimer хвалится своей шапкой невидимкой, сдѣланной изъ кожи какой-то морской рыбы (581 — 2: Encore ai un capel d'Alemande, engolet — D'un grant peisson marage, ki fut faiz oltre mer); онъ надѣнетъ еѣ и, когда Гугонъ будетъ сидѣть за обѣдомъ, подойдетъ къ нему, съѣстъ его рыбу, выпьетъ его вино, стукнетъ его головой о столъ; императоръ набросится на своихъ людей — то-то будетъ ссора! (поэма, сага и кимрскіи тексты) — Отмѣтимъ еще два странныхъ gab'а: паладинъ сулитъ броситься съ большой высоты на разставленные внизу, вверхъ остриемъ, мечи, которыя сломятся отъ его паденія, а онъ будетъ невредимъ (Беранже въ кимрійск. текстѣ, Guérin, Galien ркп.; Boering въ сагѣ и Geiplur; Bernard de Montdidier въ печатномъ Galien). Бертранъ въ кимрійскомъ пересказѣ предлагаетъ еще большее: взявъ въ руки по щиту, онъ полетитъ, размахивая ими, точно на крыльяхъ, на высокую гору, а оттуда поднимется подъ облака выше всѣхъ птицъ, повыгонитъ изъ лѣсу звѣрей, работниковъ съ поля. То-же въ сагѣ (taki keisari á morgin fjóra skjöldu ok fái mér, en ek skal fara um alla dali ok skóga, ok fjuga svá hátt ok oera, at heyrir hvern veg fjórar milur, ok skulu þar or fjúga or öllum þeim skógum hirtir allir ok kollur ok allskonar dýr, ok svá fiskar or öllum vötnum) и Geiplur:

146 Bertram maelti, buðlungs mann;
«Bragning láti», sagði hann,
«fá mér einar fjórar lindr;
fjúga skal eg hér út um grindr.

147 Fer eg um skóga, fjöll, um grund,
flykkjast saman á einni stund
hirtir, fuglar, hverskyns dýr,
hver sú kind í vatni býr».

Сл. въ былинахъ о Волхѣ его обращеніе въ щуку, сокола, сѣраго волка, послѣ чего всѣ рыбы уходятъ въ синія моря, птицы за облака, звѣри въ темные лѣса.

Соглядатай, поставленный императоромъ, доносить ему о необычайныхъ похвальбахъ его гостей, которыя принялъ за серьезные. Гуговь разсерженъ и обезпокоенъ, настаиваетъ на исполненіи габс; напрасно увѣряютъ его французы, что всё это была одна шутка съ похмѣлья, обычная у нихъ игра: они при-
нуждены покориться — и три похвальбы, между ними и похвальба Оливье, осуществляются — съ Божьей помощью. Гуговь не желаетъ продолженія, готовъ стать вассаломъ Карла, предлагаетъ ему всѣ свои сокровища — но тотъ отказывается отъ нихъ; слѣдуетъ торжественная процессія, въ которой оба императора шествуютъ рядомъ въ вѣнцахъ; Карль оказывается выше Гугона на футъ и четыре вершка. Не ладно сказала царица, говорятъ промежь себя французы: никто не сравняется съ Карломъ, куда-бы мы не пришли, всюду одержимъ верхъ. — Карль возвращается во Францію и когда жена бросилась ему въ ноги, прощаетъ ей ради Гроба Господня, который ему довелось увидѣть. — Въ кмирійскомъ пересказѣ, Guégin и Galien'ахъ Гуговь также признаетъ себя вассаломъ Карла, такъ отказывающагося въ первомъ текстѣ отъ предложенныхъ ему богатствъ: «французскій король не принимаетъ, а раздаетъ подарки и раздаетъ щедро; везти сокровища во Францію не слѣдуетъ, они могутъ исказить духъ и мужество народа. Посмотрите, что у насъ есть:

много людей, способныхъ къ бою и много при нихъ оружія». — Это напоминаетъ извѣстные слова Владимира.

Поэма кончается торжествомъ народнаго самосознанія, не растерявшагося при видѣ другой, болѣе блестящей и богатой культуры. Ни одинъ изъ *gabs* не отвѣчаетъ той формулѣ гнушенія, въ которую укладывается похвальба Дюка — потому что на то не существовало необходимыхъ условий: преимущества богатства и матерьяльнаго развитія. Дюкъ, представитель чудесной Индіи, могъ хвалиться ею — въ Кіевѣ или Византіи; въ иномъ положеніи находились напр. западные люди, занесенные въ качествѣ пословъ, прохожихъ паломниковъ къ константинопольскому двору. Если, иной разъ, и въ этихъ случаяхъ раздавалось слово похвалбы, то оно получило другой характеръ, какъ въ нашихъ *gabs*, либо являлось намѣреннымъ хвастовствомъ ради поддержанія нарочной гордости:

815 Ja ne vendron en terre, nostre ne seit li los.

Существуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, собранныхъ G. Paris'омъ, съ помощью P. Кёлера и Storm'a, и комментированныхъ имъ по поводу одного эпизода въ *Aimeri de Narbonne*¹⁾: послы, паломники приходятъ ко двору богатаго царя и, чтобъ не уронить себя, кичатся своимъ богатствомъ: коней подковали золотомъ или серебромъ и намѣренно теряютъ подковы; ихъ приглашаютъ къ царскому столу — они отвѣчаютъ, что у нихъ своего довольно; ихъ хотятъ наказать и не велятъ продавать имъ дрова — они топятъ свои печи орѣхами, деревянной утварью, которую скупаютъ, старыми кораблями и канатами; явившись во дворецъ, устраиваютъ себѣ сидѣнье на полу, подложивъ свои дорогіе плащи, и уходя, забываютъ взять ихъ съ собою; когда имъ о томъ напоминаютъ, они говорятъ, что не въ обычаѣ ихъ страны уносить съ собою — и стулья.

Изъ многихъ пересказовъ этого сюжета я выберу лишь тѣ, гдѣ мѣстомъ дѣйствія является Константинополь.

¹⁾ Sur un épisode d'Aimeri de Narbonne, Romania, № 86, p. 515 слѣд.

Wace въ своей *Geste des Normans*, въ части, написанной между 1162 и 1175 годами, рассказываетъ о путешествіи Роберта 1-го, шестого герцога Нормандіи:

Par la terre l'empereur
 Se fist conduire a grant honor.
 A la mule qu'il chevalchout,
 A la plus chiére qu'il menout,
 Pur re parlance e pur noblei,
 Pur faire gent parler de sei,
 Fist d'or les quatre piez ferrer
 (Ne vueil mie dire *dorer*,
 Car ce n'est mie us de parler);
 Puis fist a ses homes veer
 Que quant li ors des piez charreit
 Que mar nuls d'els le reprendreit.
 Par Constantinoble passa
 Et a l'empereur torna.
 Endementres qu'a lui parla.
 A la costume qui iert la
 Sun mantel jus a terre mist,
 Tot desfublez desuz s'asist.
 Al partir, quant il s'en turna,
 Le mantel prendre ne deigna:
 Un des Griens le vit desfublé,
 Sun mantel li a relevé,
 Dist lui que sun mantel preist
 Et a sun col le rependist;
 Et il respundi par noblei:
 «Jo ne port pas mun banc od mei»
 [Chascuns des Normanz autresi
 Sun mantel a terre guerpi;
 Si cum li dus out fait si firent:
 Lur manteals el palais guerpirent;
 Et li dus lur duna manteals
 Asez plus riches e plus beals].
 A noblece li fu turné.
 E l'emperere a cumandé
 Tant cum il iert en la cité

2 8

Qu'il ait del suen a grant plenté,
 Quar il le volt bien cunreer;
 Mais li dus nel volt graanter,
 Ne volt mie sun cunrei prendre:
 Asez a, ço dist, a despendre;
 Tant cum il pelerins serreit,
 Del suen propre vivre voleit;
 Mais al retour, s'il reveneit,
 Cunrei et el de lui prendreit.
 Et l'emperére fist crier
 E par tût as marchies veer
 Qu'il ne trovast busche ne fust
 Dunt sun mangier cuire poust.
 Et li dus a fait achater
 Tutes les nuis qu'il pout trover:
 Tut en fist cuire sun mangier,
 E le fist faire plus plenier
 E plus riche qu'il ne soleit,
 Pur la busche qui lui faleit.
 Li emperére asex s'en rist,
 Et a ses genz en riant dist,
 Si cum il parlout en gregeis,
 Que mult esteit li dus curteis;
 Or feist ço que il voldreit,
 Ja mais rien ne le li veereit.
 [Pur la noblece des Normanz
 Qui de lur manteals firent bans
 Fist l'emperére el palais faire
 Banz e sieges environ l'aire;
 Ainz cel tens a terre seeient
 Qui el palais seeir voleient].¹⁾

Подобное рассказывает сага о Норвежских королях про
 Сигурда, ходившаго въ Иерусалимъ въ 1111 году; въ трехъ
 эпизодахъ опущенъ одинъ (плащи), императоромъ является

¹⁾ G. Paris, Romania, I. c. p. 524—526. Слова, поставленные въ скобкахъ,
 прибавлены Васе'омъ впоследствии: ихъ не было въ древнѣйшей редакци
 его текста.

Алексѣй Комнинъ¹⁾. «Разсказываютъ, что при вѣздѣ въ городъ (Константинополь) король Сигурдъ велѣлъ подковать золотомъ своего коня и коней своихъ спутниковъ, которымъ заказалъ ѣхать по городу, какъ именитые люди, не скромничая, не удивляясь ничему новому, что-бы они могли увидѣть, и не обращая вниманіе, если-бы сорвались у лошадей ихъ подковы. Что они и сдѣлали» (Hulda).

«Позже король Сигурдъ пожелалъ дать пиръ императору: велѣлъ своимъ людямъ приготовить все нужное съ подобающимъ великолѣпіемъ, какъ это было въ его обычаѣ и прилично богатымъ людямъ. Сигурдъ приказалъ своимъ отправиться въ улицу, гдѣ продавали дрова, которыхъ, по его мнѣнію, потребуется много. Тѣ отвѣчали, что беспокоиться нечего, такъ какъ въ городъ вѣзжаетъ каждый день много возовъ съ дровами. Случилось, однакожь, что ихъ не оказалось, о чемъ и донесли Сигурду. Посмотрите, не достанете-ли орѣховъ, сказалъ имъ Сигурдъ: мы истопимъ ими также, какъ и дровами. Они отправились и купили орѣховъ, сколько имъ было угодно. Въ это время пріѣхалъ императоръ съ своими приближенными; сѣли они вмѣстѣ, Сигурдъ потратился, принялъ ихъ по царски. Видеть царь и царица, что ни въ чемъ нѣтъ недостатка, и вотъ царица посылаетъ узнать, чѣмъ топить ихъ хозяинъ. Посланные приходятъ въ небольшой покой, весь заваленный орѣхами; имъ говорятъ, что это и есть топливо. — Гордъ и безупреченъ Сигурдъ, говоритъ царица: ни одно дерево не горитъ лучше орѣховъ. — А она-то и устроила, что Сигурдъ не могъ достать себѣ дровъ, чтобы испытать его и посмотреть, какъ онъ выйдетъ изъ затрудненія» (Morkinskinna).

Когда Робертъ Норманскій былъ въ Константинополѣ, дружиной императорскихъ варяговъ командовалъ тогда, подъ именемъ Nordbrikt'a, Гаральдъ Строгій, впоследствии король Норвегіи. Однажды, когда онъ построилъ церковь, императоръ запретилъ духовенству освятить её. Гаральдъ не смутился и ве-

¹⁾ Ст. 1. с. р. 580—2. Hulda и Morkinskinna — названія рукописей.

лѣтъ приготовить роскошный пирь. Тогда императоръ распорядился, чтобы ему не продавали дровъ, необходимыхъ для кухни, желая такимъ образомъ наказать его за его высокомеріе, умалявшее права императора и должный ему почетъ. Не смотря на это Гаральдъ нашелъ средство приготовить столъ, къ которому пригласилъ и императора, давшаго согласіе и на освященіе церкви. Когда императоръ спросилъ его, чѣмъ онъ топилъ, за неимѣніемъ дровъ, онъ отвѣчалъ, что — ломомъ отъ старыхъ кораблей, кожаными канатами — и орѣхами ¹⁾).

Заклѣчу разборомъ двухъ аналогическихъ легендъ, интересныхъ для насъ потому въ особенности, что обѣ онѣ привязаны къ герою французскаго Хожденія — Карлу Великому.

Сан-Гальскій монахъ рассказываетъ ²⁾, что когда посланникъ Карла прибылъ въ Константинополь, его позвали къ царскому столу, за которымъ господствовалъ такой обычай, *ut nullus in mensa regia, indigena sive advena, aliquod animal vel corpus animalis in partem aliam converteret, sed ita tantum, ut positum erat, de superiori parte manducaret*. Кто нарушалъ законъ, тому грозила смерть. Посланникъ, незнакомый съ этимъ обычаемъ, случайно перевернулъ рыбу, лежавшую на блюдѣ, а императоръ говоритъ ему, вздыхая: *Obstare non possum, ... quin morti continuo tradaris. Aliud pete, quodcumque volueris, et complebo*. Находчивый Франкъ проситъ, чтобы выкололи глаза всякому видѣвшему, какъ онъ перевернулъ рыбу. Оказалось, что ни императоръ и никто этого не замѣтилъ! *Tum sapiens ille Francigena, vanissima Hellade in suis sedibus exsuperata, victor et sanus in patriam suam reversus est* ³⁾. Вскорѣ послѣ того Карлъ снарядилъ въ Византію еще двухъ посланниковъ: епископа Гейтона и графа Гугона, *qui, diutissime protracti, tandem ad*

¹⁾ G. Paris, l. c., стр. 532 по Fornmannasögur IV, 147.

²⁾ Jaffé, Bibliotheca rerum Germanicarum, t. IV, p. 670 слѣд.

³⁾ Объ этомъ мотивѣ см. замѣтку R. Köhler'a, Zur Mágus-Saga, Germania XXI, p. 18 слѣд.

praesentiam regis perducti et indigne habiti, per diversissima sunt loca divisi. Tandem vero aliquando dimissi, cum magno navis et rerum dispendio redierunt. — Вернувшись къ себѣ, епископъ и графъ побуждаютъ Карла принять точно также греческихъ пословъ, и когда они явились, ихъ ведутъ по неторнымъ и ухабистымъ дорогамъ, такъ что они изморились и исхарчились, прежде чѣмъ попали ко двору. Cumque tandem venissent, fecit idem episcopus vel socius eius comitem stabuli in medio subiectorum suorum sublimi throno considerare, ut nequaquam alius quam imperator credi potuisset. Quem ut legati viderunt, corruentes in terram adorare voluerunt. Sed a ministris repulsi, videntes comitem palatii in medio procerum concionantem, imperatorem suspicati, terratenus sunt prostrati. Cumque et inde colaphis propellerentur dicentibus qui aderant: Non est hic imperator, in ulteriora progressi et invenientes magistrum mensae regiae cum ministris ornatissimis, putantes imperatorem, devoluti sunt in humum. Indeque repulsi reppererunt in consistorio cubicularios imperatoris circa magistrum suum, de quo non videretur dubium, quin ille princeps posset esse mortalium. Qui, cum se quod non erat abnegaret, pollicebatur tamen, quod cum primoribus palatii moliretur, quatinus, si fieri potuisset, in praesentiam imperatoris augustissimi pervenire deberent. Tunc ex latere caesaris directi sunt, qui eos honorifice introducerent. Императоръ встрѣчаетъ ихъ, окруженный блестящимъ дворомъ и семьей, опираясь на епископа Гейтона — и пораженные величіемъ послы повергаются передъ нимъ на землю, точно бездыханные.

Послѣдній эпизодъ разсказа ясно напоминаетъ моментъ «встрѣчь» въ Хожденіи, только перенесенный ко двору Карла: онъ ихъ не самъ испытываетъ, а уготовляетъ ихъ другимъ. Едва-ли и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣло съ переименованіемъ болѣе древняго мотива — по побужденіямъ народной гордости: у Салернскаго монаха ¹⁾ посоль Карла или даже и самъ

¹⁾ Mon. Germ. historica, Scriptores III: Chronicon Salernitanum § 9 слѣд.

императоръ является въ положеніи византійскихъ посланниковъ предъидущаго сказанія.

Вся Италия признала власть Карла; *solus dux Arichis Beneventi iussa eius contempnens, pro eo quod capiti suo pretiosam deportaret coronam. Ut comperit talia rex Karolus, valde est iratus, atque nimirum iusiurandum asseruit dicens: Nisi sceptrum quod manu gesto Arichis percucio pectus, vivere nolo.* Онъ идетъ на него съ войскомъ; епископы, посланные герцогомъ, пытаются удержать его отъ дальнѣйшаго похода — онъ ссылается на данную имъ клятву, которую ловкіе послы даютъ ему возможность исполнить — безъ обиды герцогу: въ церкви св. Стефана, куда они заводятъ Карла, онъ видитъ изображеніе герцога; разгнѣванный, онъ ударяетъ его жезломъ въ грудь и сбрасываетъ съ него вѣнецъ, говоря: *Sic eveniat omni qui super se ponit quod ei licitum non est.* Передъ тѣмъ лѣтописецъ, говоря объ императорскомъ титулѣ Карла, замѣтилъ: *sic eum vocitabant omnes qui aderant in familia sua, qui pretiosam coronam in suo prorsus capite gerebat. Imperator quippe omnimodis non dici potest, nisi qui regnum Romanum praeest, hoc est Constantinopolitanum. Reges Gallorum nunc usurparunt sibi tale nomen.*

Теперь, когда онъ, хотя и казовымъ образомъ, исполнилъ свою клятву, императоръ склоняется на мольбы епископовъ, согласенъ на миръ и шлетъ въ Салерно посла скрѣпить мирный договоръ съ Арихисомъ, который приготовилъ ему такую встрѣчу: *in scala ipsius palatii adolescentes hinc inde astare fecit, qui gerebant in manibus sparvarios cum ceteris huiusmodi avibus; deinde iuvenes astare fecit floridam aetatem habens, et isti alii accipites et huiusmodi manibus avibus gerebant; quidam enim ex his ad tabulam ludebant.* Id ipsum hinc inde, ut diximus, *canos spargens astare fecit, deinde senes undique circumstans cum baculum in manibus, inter quos ipse princeps in throno aureo in eorum residens medium.* Когда посолъ приблизился къ городу, герцогъ послалъ имъ на встрѣчу нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ; онъ думаетъ найти Арихиса въ ихъ средѣ, и эта ошибка повторяется

при дальнѣйшемъ шествіи и встрѣчахъ — съ мальчиками, юношами, мужами и старцами; вездѣ онъ получаетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: *In antea perambulate! In antea pergite! Ite in antea.* Наконецъ посолъ видитъ воссѣдающаго Арихиса, который поглумился надъ нимъ, какъ-бы случайно уронивъ жезлъ, а тотъ поднялъ его и подалъ со словами: *Non sicut audivimus vidimus, set plus plane vidimus quam nuper audivimus.* — Его принимаютъ великолѣпно. *Et videns autem omnem sapientiam Arichis et palatium quam haedificaverat, et cibos mensae suae, et habitacula servorum, et ordinis ministrantium, vestesque eorum et pincernas, miratus est valde, adiciens: Verus est sermo quod audivi in harba mea super sapientia tua et super gloria tua, et non credebam narrantibus mihi, donec per memet ipsum veni, et vidi oculis meis, et probavi quod media pars mihi nunciata non fuerit. . . . Ferunt plane nonnulli, quod ipsum saepe dictum Karolum in legati formam se transformasset, ut audita Arichis magnitudo cernere potuisset, et ipsum legatum quem supra diximus Karolus fuisset.*

Мы здѣсь совершенно на почвѣ Хожденія, и даже на болѣе древней, такъ-сказать, до-франкской его рецензій. Безграничное удивленіе Карла не идетъ къ его типу въ Хожденіи, — но такъ именно дивятся оцѣнщики Владимира въ пѣснѣ о Дюкѣ, и какъ Карлъ (въ варьянтѣ салернской легенды) принужденъ сознаться, что слава и мудрость Арихиса превысили все, что о томъ доносила молва, такъ говоритъ Дюку и Владимиръ въ пересказѣ у Кирѣевского:

Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть.

III.

Разборъ былинъ о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами

Посланія Пресвятера Іоанна. Отличія западныхъ и русскихъ пересказовъ представились намъ, какъ значительныя: существеннымъ для первыхъ — за исключеніемъ салернской легенды — явилась измѣнившаяся точка зрѣнія, упрочившая похвалбу и побѣду за западомъ передъ востокомъ. Не менѣе существенно и различіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ разсказа: представленіе царя-пахаря, знакомое западнымъ сказаніямъ, неизвѣстно былинамъ о Дюкѣ. Не сохранилось-ли оно въ нашемъ загадочномъ Микулѣ Селяниновичѣ?

Микула-Селяниновичъ, пахарь, встрѣчается обыкновенно при Волхѣ Всеславьевичѣ, Вольгѣ и т. п.; только у Гильф. № 255 вмѣсто Вольги является Иванъ Годиновичъ, да въ № 127 *ibid.* Чурила, отправляясь отъ короля Литовскаго (на родину и потомъ ко Владимиру), встрѣчаетъ по дорогѣ чудеснаго пахаря — очевидно, того-же Микулу, который въ былинѣ у Барсова ¹⁾ названъ — Дюкомъ Степановичемъ.

О Волхѣ, Вольгѣ и т. д. поется двояко: либо о его *поѣздкѣ* въ Турецкую землю, Индѣйское царство, которое онъ передаетъ разгрому, либо о его *встрѣчѣ* съ Микулой. Последняя былина — либо эпизодъ болѣе цѣльной былины — несомнѣнно искажена; грандіозный образъ пахаря не могъ не прійтись по праву крестьянской средѣ, хранительницѣ пѣсни, и заслонивъ всё остальное, невольно вызывалъ вопросы и находилъ себѣ въ нашей наукѣ — миеологическое объясненіе. Можетъ быть, безо всякаго на то права.

Пѣсни о «встрѣчѣ» Вольги начинаются иногда съ разсказа о его рожденіи, напоминающаго такой-же запѣвъ въ былинахъ о Добрынѣ; о его охотѣ. То и другое встрѣчается и въ пѣсняхъ о «поѣздкѣ» — вѣроятно, у мѣста.

Я начну разборъ съ Рыбн. I, № 3 (= Гильф. № 73):

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,

¹⁾ Е. Барсовъ, Памятники Народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, стр. 18—22. См. выше стр. 119.

Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Шукой-рыбою ходить ему въ глыбокиихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подѣ оболока,
 Сѣрнимъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
 Сталъ Вольга растѣть-матереть,
 Избирать собѣ дружинишку хоробрую,
 Тридцать молодецъ безъ единого,
 Самъ оцѣ Вольга во тридцатыхъ.

За этимъ запѣвомъ слѣдуетъ сама былина:

Жаловалъ его родной дядюшка,
 Ласковый Владимиръ столярно-кѣвскій
 Тремя городами со крестьянами:
 Первымъ городомъ — Гурчевцомъ,
 Другимъ городомъ — Орѣховцемъ
 Третьимъ городомъ — Крестьяповцемъ.
 Молодой Вольга Святославговичъ
 Со своей дружинишкой хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Выѣхалъ въ раздольице чистѣ поле,
 Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратай:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратай поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ыхалъ Вольга до ратай
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своею дружинишкой хороброю,
 А не могъ онъ до ратай доѣхать ¹⁾).

¹⁾ Въ болгарской пѣснѣ у Чолакова, № 31 (стр. 286 слѣд.) девять Арабовъ гонятся за сестрой Марка:

Ти пѣшяныскы припка,
 А тѣ съ коне припкаты,
 Па не могатъ да ѣ стигнаты.

Ъхалъ Вольга оцѣ дрúгой день,
 Дрúгой день съ утра до вечера,
 А ме могъ онъ до ратай доѣхати.
 Ореть въ колѣ ратай, конукиваетъ,
 Сомка у ратай носкриниваетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до набѣды,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ колѣ ратай:
 Ореть въ колѣ ратай, конукиваетъ,
 Съ края въ край бороадки пометиваетъ,
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,
 А великия-то всё каменья въ бороаду валить;
 Кобыла у ратай соловая,
 Сомка у ратай кленовая,
 Гужики у ратай шелковне.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Божья ти помочь, оратаюшко!
 Орать, да нахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороадки пометивати,
 Коренья, каменья вывертывати!»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Подитко, Вольга Святославговичъ
 Со своею со дружиной хороброю,
 Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!
 Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
 Со своею со дружинишкою хороброю? —
 «Ай-же ты, ратаю, ратаюшко!
 Ъду ко городамъ за получкою:
 Ко первому городу ко Гурчевцу,
 Ко дрúтому ко городу къ Орѣховцу,
 Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же Вольга Святославговичъ!
 А недавно я былъ во городни, третьѣво-дни,
 На своей кобылкѣ соловоей,
 Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
 Два мѣха соли по сороку пудъ.
 И живутъ-то мужики всё разбойники,

Они просятъ грошѣвъ подорожаникъ;
 А былъ я съ шалигой подорожною,
 Платилъ имъ гроши подорожани: —
 Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
 А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Ай-же, оратай, оратаюшко,
 Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
 Э тотъ оратай-оратаюшко
 Гужики шелковеньки повыстенулъ,
 Кобылку изъ сошки повывернулъ,
 Съи на добрыхъ коней, поѣхали.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же, Вольга Святославговичъ!
 Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
 А гля-радн мужика деревенщины.
 Какъ-бы сошка съ земельи повыдернута,
 Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнута
 И бросить бы сошка за раятовъ кусть?

Вольга посылаетъ пять, десять молодцовъ, наконецъ всю дру-
 жину: не совладѣли они съ сошкой.

Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ клеиновой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельи повыдернулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
 Бросилъ сошку за раятовъ кусть.
 Съи на добрыхъ коней, поѣхали,
 Оратай кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
 У оратай кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покриивати,
 Колшакомъ Вольга тутъ помахивати:
 «Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 Этая кобылка конькомъ бы была,

За эту кобылку пятьсотъ бы дали».

Говорилъ оратай таковы слова:

— Глупый Вольга Святославговичъ!

Взялъ я кобылку жеребчякомъ сподъ матушки

И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:

Этая кобылка конькомъ бы была,

За эту кобылку смѣты бы нѣтъ. —

Говорилъ Вольга Святославговичъ:

«Ай-же ты, ратаю-ратаюшко!

Какъ-то тебя именовъ зовутъ,

Какъ звеличаютъ по отчеству?»

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай-же, Вольга Святославговичъ!

А я ржи нанашу, да во скырды сложу,

Во скырды складу, домой выволочу,

Домой выволочу, да дома вымолочу,

Драни надеру, да и пива наварю,

Пива наварю, да и мужичковъ напою.

Станутъ мужички меня поклонивати:

«Молодой Микулушка Селявпичовичъ!» —

Недосказана въ этой былинѣ — цѣль поѣздки Вольги и Микулы

«въ товарищахъ». Такъ и у Гильф. № 32:

Молода Волью Всеславьевича

Жаловалъ крестовый его батюшко

Какъ двумъ городами его лучшими:

Еще Курцовцомъ его, Орѣховцемъ.

Вольга выѣзжаетъ съ дружиной, видитъ пахаря, котораго насти-

гаетъ лишь на третій день:

Да у этого пахаря у пахарюшка

Сошка-то была у его во́лжаная,

А во сошки были плотники кленовыи,

А на плотникахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;

Омѣшники на сошки были булатнии,

А присосечникъ на омешичкахъ былъ красна золота.

А у этого у пахаря у пахарюшка

Выражена была кобылушка со́ловая;

У этой у кобыло-то у соловой
 Хвостъ-отъ до земли разстилается,
 А грива-то колесомъ у ей завивается.

Пахарь называетъ себя Викулой Селянниновичемъ, рассказываетъ, какъ побилъ онъ Курцевцевъ да Орѣховцевъ.

Тутъ возгворить молодой Вольга ему Вселавьевичъ:
 Ай-же ты Викула е Селянниновичъ!
 Пойдемъ отводить да мѣ-ка вотчины.

Они ѣдутъ; слѣдуетъ эпизодъ о чудесномъ бѣгѣ кобылы и о сохѣ.

Порядокъ въ полныхъ былинахъ этого типа могъ быть такой: выѣздъ Вольги, встрѣча съ пахаремъ, поѣздка въ товарищахъ; эпизоды о сохѣ и бѣгѣ; дѣло съ мужиками. Такъ у Гильф. № 156, 55; первый начинается рожденіемъ Вольги Святославовича, его выѣздомъ; та-же встрѣча съ пахаремъ и новое описаніе его убранства:

У оратая кобыла солóвал,
 Гужики у нея да шелковни,
 Сошка у оратая кленовая,
 Омешки на сошки булатни,
 Присошечекъ у сошки серебряный,
 А рогачикъ-то у сошки красна золота.
 А у оратая кудри качаются,
 Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются,
 У оратая глаза да ясна сокола,
 А брови у него да черна соболя.
 У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
 Вотъ шиломъ пятн, носі востры,
 Вотъ нождъ пату пату воробѣй пролетѣтъ,
 Около носа хотъ лицо прокаты.
 У оратая шлана луковая,
 А кафтанчикъ у него да черна бархата.

Это стиль — Дюка и Чурилы. На вопросъ Микулы Вольга говоритъ, что его родной дядюшка да крестный батюшка, Владиміръ

стольно-кіевскій, пожаловавъ его тремя городами со крестьянами: Курцовцемъ, Орѣховцемъ и Крестьянцевцемъ,

«Тенерь ѣду ко городамъ да за получкою.
Туть проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай-же ти, Вольга Святославовичъ!
Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
Они подрубать-то слагъ валиковы,
Да потоплять ти въ рѣку да во Смородину!

— и онъ рассказываетъ, какъ онъ ѣздилъ къ нимъ за солью и бился съ ними. — Слѣдуетъ: поѣздка въ товарищахъ, соха и бѣгъ.

Туть пріѣхали ко городу ко Курцову,
Стали ко городу показивати,
Стали города разсматривати,
А ребята-то стали наговаривати:
«Какъ этотъ третього дня былъ, да мужичковъ онъ билъ»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А нѣкъ нѣкъ бы да поклонитися.
Туть проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Ай-же ти Навула Селяниновичъ!
Я жалую отъ себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
Получай-ко ти дань да вѣдь грошовую.

Въ № 55 Гильф., также начинающемся съ рожденія Вольги Всеславича, мотивъ его выѣзда другой: купцы и бояре

Изъ того-ли изъ Турѣнца славна города
А ѣ и вятни дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А ѣ ко ласковому князю ко Владимиру,
А ѣ не стали-то вносить дани да пошлени.

За тѣмъ и другимъ и ѣдетъ Вольга

Во Турѣнецъ городъ во Орѣховецъ.

Далѣ идетъ встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ (эпизода съ сохой нѣтъ; бѣтъ); онъ предупреждаетъ:

Молодой ты Вольга Всеславьевичъ!
 Не вѣять тебѣ Туринца да города Орѣховца.
 Былъ я третійго дни въ Туринци въ городѣ Орѣховци, —
 Это груби злии мужики да вѣдь орѣховци
 Зафальшивили мою да золоту кашу,
 Почитали за гроши они за мѣднни,
 А я за мѣднни гроши да за фальшивни.

Вольга величаетъ Микулу «дядюшкой», проситъ его помочь ему «братъ Туринца города Орѣховца».

А тии мужики да вѣдь Орѣховци
 А на тихъ на рѣченкахъ на быстрннхъ
 А я подрѣзали мости да всѣ дубовне,
 Потопили много силн да Вольгнкой.
 А я тутъ-ли то Вольга Всеславьевичъ.
 Заѣзжае въ Туринецъ съ своимъ дядюшкой,
 Они много силн рубятъ, больше въ нѣтъ берутъ,
 Поворили розорили Туринецъ-отъ городъ Орѣховецъ.
 Это скоро Вольга новоротъ держитъ,
 А во славннй во стольннй во Кіевъ-градъ.

Въ былинѣ № 255 Гилъф., замѣнившей Вольгу — Иваномъ Годиновичемъ, его дядя Владимиръ также жалуеъ его тремя городами: Курсовцемъ, Орѣховцемъ и Орѣшечкомъ(?), которые «некому не давали ни дани ни пошлнны». Иванъ выѣзжаетъ; встрѣча съ ратаемъ (его кобыла зовется: Унеси-голова), который рассказываетъ ему о своей передѣлкѣ съ Курсовскими мужиками по поводу соли, и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. — Эпизодъ съ сохой Микула Селяновичъ бросаетъ еѣ «подъ облаки» со словами:

Ты прощай моя сошка ратная(?),
 Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не нахивать.

Слѣдуетъ бой Ивана и Микулы съ мужиками, которые покорились и стали платитъ дань «ко князю Владимиру во Кіевъ градъ».

Иной распорядокъ представляетъ другой рядъ былинь: выѣздъ Вольги, ратай, соха, бой съ мужиками, бѣгъ Микулиной кобылы. — У Рыбн. I, № 4 (переставившемъ роли Вольги Святославговича и Микулы) рассказъ начинается (какъ въ былинахъ о его поѣздкѣ) съ рожденія Вольги и его охоты; о томъ, что онъ племянникъ князя и ему пожалованы города, нигдѣ не сказано; сошку Микулушка Селянновичъ забросилъ «къ подоблакамъ»; бой съ мужиками Гуршевскими и Орѣховскими («подѣлали мосточки поддѣльные»); нахлеставъ ихъ «до любви», Вольга и Микула ѣдутъ назадъ, Микулина кобыла опереживаетъ. — «Тутъ они добры молодцы поразѣхались, — Поразѣхались они, пораспространились». Сл. Гильф. № 45 (Вольга Всеславьевичъ, Микулушка Селягновичъ; Куржовець, Орѣховець).

Особо стоитъ былина-побывальщина у Рыбн. I, № 5: Вольга Всеславьевичъ не доѣзжая Кіева встрѣчаетъ ратая, Микулу Селянновича, зоветъ его въ Кіевъ; эпизодъ съ сохой и бѣгъ (у Микулы кобыла: Обнеси голова). «Приѣхали къ палатамъ Микулинымъ, выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честью». Судя по варьянту, пересказанному Рыбниковымъ къ I, № 3, стр. 22 прим. *), это было не въ Кіевѣ, а по дорогѣ къ Кіеву.

Изъ неполныхъ либо порченныхъ варьянтовъ былины мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты: у Гильф. № 131 Вольга Святославьевичъ племянникъ Владимира, жалующаго ему Гурсовець, Череповець, Орѣховець; о ратай, Микула Селянничовъ, служилъ отцу Вольги двѣнадцать лѣтъ, служить Вольгѣ и въ тринадцатый. Въ № 195 *ibid.*: Вольга Сеславьевичъ, Викулушка Сѣятелевичъ; его кобыла куплена «во Пурховцѣ, во Орѣховцѣ»; въ сводномъ № 2 (Садко, Вольга и Микула) Вольга Всеславьевичъ смѣшанъ съ Василиемъ Буслаевичемъ, встрѣчается съ Викулой Селягничымъ, зоветъ его въ Курчовець, Орѣховець. — Рыбн. II, № 1 = Гильф. № 98; Рыбн. I, № 60; Рыбн. II, № 61 = Гильф. № 113 (Настасья Никулична), представляя

собою лишь незначительные отрывки цѣльныхъ пѣсень, не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Остановимся на общемъ содержаніи пересказанныхъ нами былинъ. Вольга-Волхъ и т. п., племянникъ Владимира, ѣдетъ къ тремъ городамъ, пожалованнымъ ему дядей, чтобъ ввестись въ отчину, взыскать недоплаченные дани. По дорогѣ встрѣча съ пахаремъ, но пахаремъ необыкновеннымъ: въ его сохѣ все золото, серебро, булатъ и рыбій зубъ, быстрота его пахоты, его коня изумительны, какъ и его сила — сила отъ земли. Въ одной былинѣ у Рыбн. П, № 2 калики предупреждаютъ Илью о тѣхъ, кто на свѣтѣ его сильнѣе:

Самсонъ Самойловпчъ да Святогоръ Колывановичъ,
Еще сильнѣе отъ матушки сырой земли
 Микула Селяниновичъ.

Это изреченіе — едва-ли имѣетъ непосредственное отношеніе къ быту земледѣльческому, къ возвеличенію пахаря. Такая идеализація близкой реальности не въ стилѣ народной поэзіи. Идеализація являлась съ отвлеченіемъ. Земля сама по себѣ — сила, «тягота земная», передъ которой не устоятъ и Святогору. Ѣдетъ онъ, прохожій идетъ впереди такъ скоро, что богатырю не шагнать его верхомъ. По его просьбѣ онъ остановился, «снямалъ съ плечь сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говорятъ Святогоръ богатырь: «Что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь. — Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать обѣма рукамы, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говорятъ богатырь таковы слова: «Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу». — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. — Да кто-жь ты есть, и какъ тебя именемъ зовутъ, звелачаютъ какъ по изотчины?» — Я естъ Микулушка Селяниновичъ. (Рыбн. I, № 8, стр. 39—40, прим. *****). — Въ былинѣ о Потыкѣ (Рыбн. I, № 37), обращенномъ въ тяжелый камень, который не подъ силу поднять богатырямъ, Микола

Можайский, «здымающий» этот камень на плечо, — очевидно, тот-же Микула. — Тяга земная — это земля, персть, поглощающая всякую силу и славу, покрывающая ненасытный глаз (камень, череп) въ известной легендѣ объ Александрѣ Великомъ ¹⁾. Пресвитеру Иоанну чаша съ землею постоянно напоминает о его смертности; императоръ Гуговъ помнитъ завѣтъ Адаму: въ потѣ лица ѣшь свой хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, изъ которой взятъ — и самъ пашеть золотымъ драгоценнымъ плугомъ. — Микула Селяниновичъ, очевидно, тот-же типъ: ему вѣдома «тягота земная», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — чудесный, вѣроятно, царственный пахарь. Вольга или кто другой встрѣчалъ его когда-то на своемъ пути, гдѣ ему попадались и три города, населенные богатыми крестьянами — не три-ли известные намъ встрѣчи Добрыни и Карла?

Плугъ Микулы, несомнѣнно, — плугъ Гугона: послѣдній бросаетъ его на полѣ безъ призрачья, потому что въ его странѣ это безопасно: никто его не украдетъ, хоть лежи онъ семь лѣтъ; въ пѣснѣ этотъ мотивъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что никто, кромѣ Микулы, не въ состоянн вытащить его изъ борозды. Не оставимъ безъ вниманія и еще одну черту сходства, поддерживаемую въ нашемъ случаѣ лишь поэмой XI-го вѣка: Гуговъ выпрягаетъ воловъ и спѣшитъ впередъ въ Константинополь, верхомъ на мулѣ; Карлъ подѣзжаетъ позже; въ былинѣ Микула ѣдетъ на кобылѣ, выпряженной изъ плуга, но ѣдетъ такъ быстро, опереживая Волга, что эта часть разсказа обратилась, безъ всякаго внутренняго повода, въ поѣздкѣ въ запуски.

---

¹⁾ Сл. мое: Слово о Двѣнадцати снахъ Шахалши, стр. 42 слѣд. Албанская сказка у Dozon, Contes Albanaïis (Paris, 1881) № XVIII представляетъ мотивъ александровской легенды, странно искаженный: бѣдному рыбаку царь сулитъ заплатить вѣсомъ золота за все что-бы онъ ни поймалъ въ свои сѣти. Онъ захватилъ древесный листъ: сколько золото ни вали въ вѣсы — листъ все перевѣшивалъ. Царь допрашиваетъ своихъ мудрецовъ, которые съ своей стороны ищутъ совѣта какого-то калугера: онъ покрываетъ листъ перстью, и листъ становится легкимъ: «онъ ложожъ на глазъ жаднаго и скупого человека».

Очевидно, когда подобнаго рода пѣсня примкнула къ Киевскому циклу, она должна была подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ: Вольга очутился племянникомъ Владимира, города—ему подвластными, поѣздка мотивировалась — взиманіемъ дани, что дало другое мѣсто и значеніе городамъ на дорогѣ; Микула остался пахаремъ, играетъ совсѣмъ неожиданно роль помощника Вольги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обобщился: мы видимъ его въ былинѣ о Святогорѣ, о немъ предупреждаютъ Илью. Такъ Леванидовъ крестъ и камень алатырь встрѣчаются по былинамъ какъ общее географическое мѣсто, забывъ родной Ливанъ и Фаворъ.

Особо стоитъ барсовская былина о Дюкѣ Степановичѣ и Чуригѣ Щапленковичѣ¹⁾, въ которой первый играетъ роль Микулы, второй — Вольги. Дюкъ (живущій «за рѣкой за Почаевой») пашеть въ чистомъ полѣ, киевскій богатырь Чурила договяетъ на третій день пахаря, который предлагаетъ ему отвѣдать промежду собой «силы богатырской». — Чурила ѣдетъ домой (у него оказывается «родная матушка»), снаряжаетъ коня, проситъ его послужить ему вѣрой правдою, какъ служилъ батюшкѣ. Конь переноситъ его черезъ рѣку Почаеву, гдѣ богатырь бьется въ чистомъ полѣ съ Дюкомъ, побѣждаетъ его, братается съ нимъ и предлагаетъ вмѣстѣ ѣхать на службу къ Солнышку-Владимиру.

Былина сведена изъ мотивовъ пѣсенъ о Дюкѣ (скачка съ Чурилой черезъ рѣку); съ *поединкомъ* Чурилы и Дюка можно-бы сблизить эпизодъ «штурмованья» у Рыбн. III, № 30, съ другимъ, впрочемъ, результатомъ для Дюка; образъ пахаря перенесенъ съ Микулы. Послѣднее перенесеніе представляется чисто вѣшнимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то и возбуждаетъ рядъ вопросовъ. За Дюкомъ, какъ и за Гугономъ французскаго сказанія мы открыли Индію пресвитера Ивана; съ другой стороны Гугона-пахаря сопоставили съ пахаремъ Микулой. Если это вѣрно, то уравненіе: Дюкъ = Микула представляется возможнымъ предпо-

¹⁾ Барсовъ, I. с. р. 18—22; сл. выше стр. 119, прим. 2.

ложениемъ, въ границахъ котораго мыслимъ былъ-бы и — Дюкъ-пахарь.

Но я оставляю это — простой гипотезой, которую не думаю защищать, тѣмъ болѣе, что у меня въ запасѣ еще два, столь-же гипотетическихъ вопроса.

Если *Гугозъ* (Hugues, Hugon) близокъ, по замыслу, къ пресвитеру *Иоанну*, то не здѣсь-ли объясненіе его имени? Въ имени Иоанна видѣли отраженіе титула основателя Каракитайскаго царства: *Kukhan* или *Kugchan* (1143). Это несогласно съ хронологическимъ опредѣленіемъ «Хожденія»; но *Kukhan* значитъ только: *ханъ хановъ*.

Если Вольга Всеславьевичъ или Святославовичъ, въ самомъ дѣлѣ, историческій Олегъ «вѣщій», то сохранилась память о его военномъ хожденіи въ Царьградъ, обставившемся въ лѣтописи кое-какими чудесными подробностями: вспомнимъ его корабли на колесахъ, щитъ, повѣшенный на воротахъ города; русскимъ посламъ въ Царьградъ царь Левъ велитъ показать «церковную красоту и полаты златыя и въ нихъ суцаа богатество, злато много и поволоки и каменье драгое, — и страсти Господни и венець, и гвозди, и хламиду багряную, и мощи святыхъ». — Легко можетъ статься, что къ имени Олега вѣщаго, смѣшаннаго съ Олегомъ Святославовичемъ, примкнула какая нибудь пѣсня, сходная по типу съ оригиналомъ французскаго Хожденія, пристроившаяся впоследствии ко Владимиру и затѣмъ разбившаяся на эпизоды, потерявшіе свою прозрачность именно вслѣдствіе своей отрывочности.

Предложенное гипотетическое объясненіе пѣсни о Вольгѣ и Микулѣ, разумѣется, не предрѣшаетъ вопроса объ источникахъ былины, поющей о «мудростяхъ» Вольги и о его поѣздкѣ въ Индѣйское царство. Объединеніе двухъ сюжетовъ подъ одно имя можетъ быть случайнымъ; поводы къ нему — предметомъ особаго анализа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказаніе ѿ индискѣ прѣвнѣи.

Азъ есмь ішваннъ прѣ и попъ на^а прѣ прѣ, имѣю по^а собою т, прѣи и т. Азъ есмь поборн^къ по православнои вѣрѣ хвѣ. Црѣтво мое таково: итти на единою страну і мѣъ, а на другою немощно да итти занѣ тамо соткнуоуа нѣбо з землю. есть оу мене въ единой странѣ лѣ нѣмы, а вынои земли лѣ рогаты, а вынои странѣ лѣ трепацци, а иныа лѣ ѳ-ти сажень ѣ соу^у волотове, а иныа лѣ четвероручны, а иныа лѣ ѿ шти роукъ, а инаа оу мене земля в неиже лѣ пѣ пса да пѣ члѣка, а иные оу мене лѣ в персе ѿчи и ротъ, а во инои земли оу мене лѣ верхоу рты великы, а (и)ные оу мене лѣ скотыи ноги имѣюще. есть оу мене лѣ поптици а полъ члѣка, а иныа оу мене лѣ глава песьа, а родатса оу мене во црѣвнѣи моемъ звѣрїе (оу мене) слоновн, дремедары и коркодилы и велбууди. керно корко^лль звѣрь лють есть, на что са разгнѣваѣ, а помочитса на древо или на ино что, в тои чѣсъ са ѿгнѣ сгорї. Есть в моеи земли пѣтоухы на них же лѣ аздѣ. есть оу мене птица ногои, вьеть себѣ гнѣздо на .ѳ. доубовъ. есть в моемъ црѣвнѣи птица ѳни^зъ, свивае^т себѣ гнѣздо на новъ мѣъ и приносить ѿ^т огна нѣнаго и сама зажигае^т гнѣздо свое а сама тоу тѣ сгараѣ, и в томже попелѣ зараждае^тса червь и ѿпернатѣѣ и потѣ таже птица бываѣ едина, болѣ тѣ плода нѣтъ тои птици, ѳ бо лѣ живеть. а посрѣ моего црѣва идеть рѣка едемъ из рая, в тои рѣцѣ емлѣ драгїи камень акинѣъ и самфиръ и памфиръ и измарагдъ, сардикъ и аспидъ твердѣже і аки оугль горащъ. Есть камень кармакоугль, тои камень гнѣ всѣ каменїемъ драгї^т, в ноци^т свѣтї^т аки ѿгнь горить. Есть оу мене земля в не^т трава еяже всакъ звѣрь бѣгае^т, а нѣтъ в моеи земли ни тата ни разбонника ни завидлива члѣка занѣ моа земля полна всакого бо^тства. А нѣтъ в моеи земли ни оужа ни жабы, ни змеи, а хотя и вондетъ, тоу и оумреть. Есть оу мене земля в не^т рожае^тса перець, вси лю^е по то ходатъ ѿпроче всѣхъ. Есть оу насъ море пѣсочное езеро, да николиже не стоить на

единомъ мѣстѣ ѿ колѣваше(?) яже вповодѣ восхода тѣ валы на бре за тѣ версты. того моря не прекоуть никакъ члѣкъ, ни корабле ни которымъ промысломъ. И за тѣмъ моремъ не вѣдаетъ ни каковъ члѣкъ есть-ли тамо лю нѣтъ ли, и с того моря в нашу землю текоуть рѣкы многи в нихже рыбы сладки, и посторонь того моря за .г. днѣ соуть горы высоки, ѿт нихже течеть рѣка каменна, валитса каменіе великое и малое по себѣ .г. днѣ. Идетже то каменіе в нашу землю в то море пѣсочное и покрывають валове моря того. и бли тоа рѣкы едино днѣще есть горы поусты высоки, ихже верха члѣкоу не мощи дозрѣти, ис тѣхъ горъ течеть рѣка подъ землею не велика, но во едно время растоупаетса земля на рѣкою тою и ктò оузрѣвъ да борзо вскочить в рѣкою тоу, того радъ да бы са о немъ земля не состоупи, а что похватить и вынесе борзо, ѿже камень тои драгій камень видитса, а яже пѣсокъ похватить, то великы женчюгъ возметса. Таже рѣка течеть в великую рѣкою, лю же тоа земли ходатъ на оустье рѣкы а емлють драгы камень четьи и женчюгъ, а корматъ свои дѣти сырыми рыбами и понирають в рѣкою тоу нына на .г. мѣи, а нына на .д.рѣ мѣи, ищоуть каменіа драгаго. За тои рѣкою едино днѣще есть горы высоки и толсты, не изѣ на нихъ члѣкоу зрѣти. Ис тѣхъ горъ пылаеть ѿгнь по многымъ мѣстомъ и в томъ ѿгни живоуть черви, а бе ѿгна не могоуть жити аки рыбы без воды, и тѣ черви точатъ ис себе нити аки шидоу и в тѣхъ нитехъ наши жены дѣлають намъ порты и тѣ порты коли са изроудѣ, водою ихъ не немыйю, вергоуть ихъ в огонь и како разгоратса, ини чисти боудоуть. Есть оу мене во иной странѣ звѣзда именовъ лувиларь. а егда поидемъ на рать кому хоцемъ болшеи работѣ предати, идоуть пре мною и несоуть тоу .к. кртовъ и .к. стаговъ. Тѣже крты и стази велици злати с драгнии каменни и с великими женчюги здѣлани, в ноцше свѣтъ аки в днѣ. Тѣже крты и стази идоуть на к-ти колесницахъ и ѣ-ти, а оу которыа колесници слоужать по .р. тысѣ конникъ а по .р. тысѣ пѣшіе рати ѿпри тѣхъ которыа на насъ брашно везоуть. А коли поидемъ к нарочитоу мѣстоу на бой,

ини несутъ предъ мною единъ крѣтъ драванъ, на нѣже изображено гѣне распатіе, того рѣ да быхомъ поминали гѣю стѣтъ и расплѣе. Сторонь того крѣта несутъ блюдо злато велико на немже едина земля, на землю зраще поминаемъ яко ѡтъ земля есми создани и паки в землю поити имамы, а се с другою страну блюдо несутъ другое злато, на немже драгій камень и четей женчюгъ, навже зраще величается наше гѣство. Идоутъ же предъ мною .г. проповѣдници, возглашаютъ велимъ гѣсмъ. Единъ вопіеть: се есть прѣвъ прѣмъ гѣ гѣмъ, а другіи вопіеть: силою крѣтною и бжією блѣтъю и помощію. А третіи вопіеть оумилныѣ гласомъ яко ѡтъ земля есми сѣтворени въ землю паки поити имамы. И пакѣи престанемъ глѣти. Сѣ силѣ же не глѣю яко бо рекоу. — Дворъ оу мене имѣю таковъ: .ѣ. днѣ ити ѡколо двора моего, в нем же соутъ полаты многы златыя и сребреныя и дравани извоутри оукрашены аки нѣбо звѣздами, а покровены златомъ. И в той полатѣ ѡгнь не горитъ, аще ли внесоутъ, в той часъ ѡгнь погаснетъ. Есть оу мене иная полата злата на ѡсмидесаѣ столповъ ѡтъ чистаго злата, а всакіи столпъ по .г. сажени в толстоту и .п. сажени в высоту. В той полатѣ .н. столповъ чистаго злата, на всѣхъже столпѣхъ по драгому камени, камень самѣиръ, имать свѣтъ блѣтъ, камень тонпазъ аки ѡгнь горитъ. В тойже полатѣ есть столпа два, на единомъ столпѣ камень, има емоу тропъ, а на другомъ столпѣ камень, има емоу кармакаулъ, в ноци свѣтитъ камень той драгы аки днѣ, а в днѣ аки злато, а ѡба велики аки корчаги. В той оу мене полатѣ ѡгнь не горитъ, аще внесоутъ то борзо погаснетъ, развѣ бо той ѡгнь горитъ и(де) и(де) и(де) из древа негнеющаго: има древоу томуу шлема. Того мира вливають в паникадила и зажигаютъ, ино той ѡгнь горитъ, и тѣмъ миромъ в которую верстоу помажетса члѣкъ старъ и молодъ, болѣ того не старѣтса, а ѡчи его не болаѣ. Та полата выше всѣхъ полатъ. верху тѣхъ полатъ оучинена два яблока златы, в нихже вковано по великому камени самфиру, того ради дабы хоробрость наша не ѡскоудѣла. соутбо .д. камени на стол[п]ѣхъ того ради дабы потворици не могли чаровъ творити

надъ нами. Есть оу мене иная полата злата велика какъ очима видети, на столпѣхъ златыхъ, два велики камени кармакаоулъ в нощи свѣтатъ в томъ-же полатѣ оу мене. А ѡбѣдають со мною на трапезѣ по вса дни .ВІ. патриарховъ .І. царемъ .ВІ. митрополитовъ .МЕ. шповъ .Т. поповъ .Р. діаконовъ, .Н. пѣвцевъ, .Ц. крилосниковъ, .Т.е. игоуменовъ, .Т. кнсен, а во зборной моеи цркви слоужать .Т. игоуменовъ да .З.е. да .Н. поповъ да .Л. діаконовъ. и ѡбѣдають со мною, а столничаютъ оу мене и чаши подають .Ді. црѣи да .М. королеи да .Т. боларъ, а поварню мою вѣдають два црѣа да два корола ѡпроче боларъ и слоугъ. Тѣ^ъ црѣи и короли бывъ да прочь ѣдоуть, а иныя приѣжчаютъ. А еще оу мене лежитъ айлъ Оома. есть оу мене земля в неи^ъ соуть лю^а, учи оу нихъ в челехъ. есть оу мене полата злата в неже есть зеркало прв^ное, стоятъ на .д.-рехъ столпѣхъ златыхъ, кто зреть в зеркало, тои видить своа грѣхи яже сътвориля ѡтъ юности своеа. Бли^ъ того и другое зеркало цклано, аще мыслить зло на своего госпо^{ра}, ино в зеркалѣ томъ зримо лице его блѣдо аки не живо. А кто мыслить добро ѡ осподарѣ своемъ, ино лице его в зеркалѣ зримое аки слнце. а во дворѣ моемъ црквенъ .рн., ины сътворены Бгмъ, а ины роуками члвч^кыми.» (Сборникъ Кир. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка, 16-я доля л., л. 198 л. — 204 л.).

Примѣчаніе къ стр. 182 (сл. стр. 218 слѣд.): *Описание Порова дворца* въ эпистолѣи Пресвитера, редакція D, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ *Historia de preliis*. Что до «statuae musicae», то сравните описаніе дворца въ среднегреческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамиѣ (W. Wagner, *Trois roches grecs du moyen-âge inédits*, p. 264):

788 καὶ ἐπάνω εἰς τοῦ πυργώματος τὸ ὄντι τὸ καθέναν
 ἄνθρωποι ἀπὸ χαλκώματος νὰ στήκουν καὶ ἐκ λίθου
 τοὺς μὲν ἐν ὄπλοις ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης,
 νομίζω νὰ εἶπες ἐκ παντός, φιλέ μου, ἂν τοὺς εἶδες,
 ζοῦν, ἀντιπαρατάσσονται καὶ στέκουσιν πρὸς μάχην
 τοὺς ἄλλους πάλιν ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης
 τὸν μὲν νὰ παίζη λύραν . . .
 καὶ ἄλλος νὰ παίζη τεχνικὸ καλάμιν ἀπὸ πόθου,
 καὶ τὸ καθ' ἓνα τῶν ἡχῶν τοῦ καθενὸς καλάμου
 ἤκουσες πῶς ἐφώναζεν ἐκ τὴν φωνὴν τοῦ ἀνέμου,
 ὡς ἦτον ἀπὸ μηχανῆς ἐκεῖνου τοῦ τεχνίτου.

VII.

Какъ перевелись на Руси богатыри.

Былина, изданная подъ этимъ заглавіемъ (Кир. IV, стр. 108—115), можетъ показаться не отвѣчающей ему всѣмъ своимъ содержаніемъ, такъ какъ рассказъ о гибели богатырей является въ ней копечнымъ эпизодомъ, мало связаннымъ съ первой половиной пѣсни. Не потому-ли издатели сборника Кирѣевского поставили знаменательную звѣздочку тамъ, гдѣ въ былинѣ одна половина смѣняется другой (начиная съ 148 стиха), какъ-бы не предусмотрѣнной предъидущимъ эпическимъ развитіемъ? — Еще менѣе мотивированнымъ кажется такой же эпизодъ о гибели богатырей въ нѣкоторыхъ былинахъ о Ермакѣ ¹⁾, только здѣсь освѣщеніе иное: перссѣлись въ нечеловѣческой борьбѣ Илья, или и всѣ русскіе витязи, но мистическій колоритъ рассказа значительно слабѣе.

Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ былинной, а съ эпизодомъ о «гибели богатырей», примкнувшимъ къ разнымъ пѣснямъ, содержаніе которыхъ не указываетъ само по себѣ, чтобы тотъ эпизодъ былъ связанъ съ нимъ органически. Издатели сборника Кирѣевского обратили вниманіе на слово «воитель» въ былинѣ,

---

¹⁾ О нихъ см. Южно-русскія былины № 1, стр. 40 слѣд.

ими изданной, и именно въ той части, которая насъ здѣсь интересуетъ. «Подобное слово могло быть допущено въ былины развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ *стиху*, которому не чужды бываютъ слова книжныя». Я склоненъ признать въ эпизодѣ о «гибели» именно стихъ, или отрывокъ стиха: къ тому ведетъ и вся постановка разсказа и паденіе богатырей, понятное, какъ наказаніе за ихъ высокомеріе и грѣшную похвальбу. Этотъ мотивъ находится не только въ былинѣ у Кирѣевского, гдѣ ему легко было удержаться или развиться, но и въ пѣсняхъ о Ермакѣ, гдѣ, включенный въ тѣсный ходъ разсказа, онъ могъ-бы легко исчезнуть, еслибы не представлялся существеннымъ. Это заставляетъ предположить, что въ стихѣ о гибели богатырей существеннымъ являлся этический моментъ. Съ точки зрѣнія современнаго русскаго эпоса этотъ моментъ понять какъ общій: что хвастовство своей силой и мощью, переходящее за мѣру эпической похвальбы «во полустолѣ» и граничащее съ кощунствомъ, вызываетъ небесную кару. Эта точка зрѣнія, можетъ быть, давно упрочившаяся въ русскомъ былевомъ эпосѣ, указала въ немъ мѣсто и значеніе эпизоду о «гибели богатырей». Но всегда-ли онъ являлся въ такомъ общемъ освѣщеніи, или этический моментъ приуроченъ былъ первоначально къ какому нибудь опредѣленному эпическому или историческому факту и обобщился лишь впоследствии?

I.

Вспѣвали на Сафать рѣку
 На закатѣ краснаго солнышка
 Семь удалихъ русскихъ витязей,

становились на распутіи, раскинули шатры и стали опочивъ держать.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
 Умывался студеной водой,

Утирался тонкимъ полотномъ,
 Пожолился чѣдну образу;
 Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
 Бѣль-полотнянъ шатерь:
 Въ томъ-ли шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
 Злой Татаринъ, бусурманченкокъ,
 Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Ни ѣзжалаго добраго мѡлодца.

Добрыня осѣдалъ коня, перескочилъ за рѣку и вызываетъ Татарина на бой; поскользнулась у него правая нога, дрогнула правая рука, онъ свалился на землю, а Татаринъ наскочилъ на него, распоролъ груди бѣлыя, вынималъ сердце съ печенью.

«Было такъ на восходѣ краснаго солнышка» — снова начинается былина тѣмъ-же общимъ мѣстомъ: раньше всѣхъ богатырей вставалъ Алеша Поповичъ, садится на коня, наѣзжаетъ въ полѣ на ставку богатырскую, видитъ убитаго Добрыню. Въ слѣдующей схваткѣ, на которую Алеша вызываетъ «злого Татарина», побѣда остается за русскимъ богатыремъ. Онъ уже готовится доканать свалившагося врага, вспоротъ ему груди бѣлыя, но откуда ни вѣсть взялся черный воронъ, проситъ пощадить Татарина, а самъ обѣщаетъ слетать на синѣ море, принести живой и мертвой воды; вспрыснетъ Добрыню мертвой водой, сростется его тѣло бѣлое, вспрыснетъ живой, очнется добрый молодецъ. — Послушался его Алеша, воронъ принесъ цѣлющей воды, и Добрыня пробудился отъ смертнаго сна.

Къ этому разказу примыкаетъ непосредственно вторая половина былины, поющая про гибель богатырей. Переходъ совершается при помощи цвѣстнаго намъ общаго мѣста:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ и т. д.

Иприческій складъ этого повторенія подозрителенъ; не коснулась-ли внѣшней стороны былины эстетически-исправляющая рука? Илья Муромецъ также выходитъ на Сафать рѣку, умывается студеной водой и т. д.; видитъ — черезъ рѣку переправ-

ляется несмѣтная сила бусурманская. Вмѣстѣ съ товарищами онъ прирубилъ ту силу поганую, несомнѣнно татарскую въ представленіи сказителя быliny, въ первой части которой уже являлся на сценѣ «злой Татаринъ, бусурманченокъ».

И стали витязи похваляться:
 «Не намахалися наши могѹтныя плечи,
 Не уходилися наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!»
 И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
 «Подавай намъ сплу *нездѣшнюю*,
 Мы и съ тою сплю, витязи, справимся!»
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое вонтелей
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 «А давайте съ нами, витязи, бой держать,
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».

Напустились на нихъ богатыри, Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья Муромецъ: разрубать одного по поламъ, ихъ станеть двое, а вражьей силы всё прибавляется.

Бросились на силу всё витязи,
 Стали они силу колоть-рубить:
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ идеть.

Утомились богатыри:

Намахалися ихъ плечи могѹтныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные —
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ идеть.

Испуганные богатыри бѣгутъ въ каменные горы, въ темныя пещеры, тутъ и окаменѣли. «Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси» ¹⁾.

¹⁾ Кн.р. IV, стр. 108—115.

Сходный эпизод нашелъ себѣ мѣсто въ былинахъ о Ермакѣ. Въ пѣснѣ у Кир. I, № 1, стр. 58—66, Ермакъ бьется съ Татарами подъ Киевомъ:

Поблѣзъ онъ сплы Мамаевой безъ счету,
А силы всё, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.

Это «неубываніе» вражьей силы, это необычное въ былевомъ эпосѣ «изнеможеніе» богатыря — вело къ фантастической образности нашего эпизода: чудесному «приращенію» вражьей силы, изнеможенію богатырей передъ силой нездѣшной. Въ былинѣ Гильф. № 121 = Рыбн. I, № 22 Илья и Ермакъ прирубили татарское войско; Илья хвастаетъ:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы сплу всю небесную!»
Розрубать Татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два.

«Пересѣлся» тутъ Илья, «окаменѣлъ его конь да богатырской». — Въ № 138 Гильф. побиваютъ Татаръ всё богатыри, кромѣ Ермака, котораго они, скрутивъ, вывели изъ силы великой, чтобы онъ не «перервался»; оттого онъ одинъ спасается отъ общей гибели. Порасхвастались богатыри:

«Кабы бѣла на небо лѣстница,
Мы прибили бы мы всю силу небесную!»
А тутъ убьютъ Татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри
Прибились опп, примучились,
И другъ другаго прикололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей.

Взаимнос побіеніе богатырей, принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшему пересказу; двоящіеся татары отвѣчаютъ такимъ-же двоящимся воптелямъ быliny Кирѣвскаго. Значеніе ихъ ясно и не должно бы возбуждать противорѣчивыхъ толкованій: оно

дано всѣмъ содержаніемъ разсказа. Богатыри борются съ вражьей силой, которая русскому сказителю должна была представиться татарской; возгордившись своей побѣдой, они вызываютъ помѣряться съ собой небесныя силы — и совершается нѣчто чудесное: враги начинаютъ двоиться, растя численно подѣ ихъ ударами ¹⁾ — роковое знаменіе грядущей гибели. Можетъ быть, въ первой половинѣ былины Кирѣевского нѣкоторыя подробности имѣли смыслъ въ такомъ именно освѣщеніи, — и связь со второй половиной, нынѣ неясная, все-же существовала? Добрыня борется съ Татарининомъ, убить имъ и чудесно оживаетъ — наканунѣ общаго погрома. Это оживаніе, нынѣ не мотивированное, имѣло когда-то смыслъ, являясь знаменіемъ грядущаго, гдѣ чудесное приготавлило къ роковому — какъ въ слѣдующемъ болгарскомъ преданіи о паденіи Болгарскаго царства ²⁾:

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны два юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазарь ³⁾. Та ги испрати царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мѣмина клисура; тамъ она направѣ едынъ лагемъ, и подѣ земли два юнака и два коня верви; та излеза у Софійско поле. Тамъ сѣча Турци: на двѣ пресѣче, той двамина стана. Вернесе назадъ на Мѣмина клисура, па-й тамъ сѣча Турци — па-й едынъ сѣча, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помѣга, та ойдѣа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каквѣ е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка' излезнѣ тія рыбы изъ тава-та, тогай че ми зема Турци царство!» Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ тава-та: и де бѣше огіне, тамъ вода искара, и тамъ рыбы останаа у вода-та живи. Рыби-те одѣ една странъ бѣше пержени, а одѣ

¹⁾ О чудесномъ удвоеніи вражьей силы см. указанія въ Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 19 прим. 1; Разысканія VIII, стр. 328 и прим. на стр. 458.

²⁾ Качановскій, Пам. болгарскаго народн. творчества, вып. 1-й, № 116.

³⁾ Реля — товарищъ Марка Кралевича въ сербскихъ пѣсняхъ (Караджичъ II, № 39, Петрановичъ № 23 и др.).

една но бѣше превернеты. И тогай видѣ царь Костадинъ, че му земать Турци царство. И онъ самъ ява коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣчѣ царь Костадинъ».

Мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, приуроченнымъ къ Болгаріи, къ ея мѣстнымъ и эпическимъ отношеніямъ; но имена Константина и Елены указываютъ на другую среду и другія пѣсенныя воспоминанія: геройская кончина послѣдняго византійскаго императора, Константина XII, должна была оставить слѣды въ поэтическомъ сознаніи его народа. Она дѣйствительно отразилась цѣлымъ рядомъ пѣсень, которыя интересно изучить въ связи съ ихъ болгарскими отраженіями. Слѣдующая напр. пѣсня (Passow, № СХСVII) бросаетъ знаменательный свѣтъ на одинъ изъ эпизодовъ (оживленіе рыбы) ¹⁾ приведеннаго выше болгарскаго преданія:

Καλόγρια ἐμαγέρευε ψαράκια στὸ τηγάνι,
Καὶ μίᾳ φωνῇ, ψιλῇ φωνῇ ἀπάνωθεν τῆς λέγει
«Πάψε γρίχ τὸ μαγερεῖὸ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
«Ὅταν τὰ ψάρια πεταχτοῦν καὶ βγῶν καὶ ζωντανέψουν,
Τότες κί' ὁ Τοῦρκος θὲ νὰ μπῆ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
Τὰ ψάρια πεταχτήκανε, τὰ ψάρια ζωντανέψαν,
Κί' ὁ ἀμῆρας εἰσέβηκεν ἀτός του καβαλάρης.

Другія подробности представляютъ слѣдующія двѣ трапезунтскія пѣсни:

Τὴν Πόλιν ὅταν ἔκτιζεν ὁ Ζάπι Κωνσταντίνων,
Ἐἶχεν πορτάρους δίχλους κί' ἀφέντας φοβετσάρους,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ см. мои указанія въ Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха III, стр. 32, прим. 2. См. сопоставленія F. Wolf'a и Köhler'a, Jahrbuch f. roman. u. engl. Litt. III, 58 слѣд., 67 слѣд.; Müller-Fraureuth, Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen, p. 138; Lütolf, Sagen, Bräuche und Legenden aus den fünf Orten, p. 367 слѣд.: эпизодъ въ народномъ пересказѣ извѣстнаго чуда св. Іакова Кампостельскаго: чудесное сохраненіе жизни вызвало память о другомъ чудесномъ оживаніи. — Иное значеніе имѣетъ оживаніе рыбы въ одной мусульманской легендѣ о Соломонѣ и Балькисъ. См. Rosenöl, I, p. 174—5.

Εἶγεν καὶ σκύλον μάρμαρον, ποῦ ἐδοῦνεν τὰ κλειδία.
 .....

Κ' ἔνχον πουλιν, καλὸν πουλιν κί' ἀπὲ τὴν Πόλιν ἔρτσι,
 Καὶ τ' ἔνχον τὸ φτεροῦλν' ἀθε στ' αἶμαχ ἔτον βραμμένον,
 Καὶ στ' ἄλλο τὸ φτεροῦλν' ἀθε χαρτίν περιγραμμέμον,
 Κί' οὐδὲ στὴν ἄμπελον κόνεϋ' μηδὲ στὸ περιβόλι,
 Ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν στοῦ κυπαρέσσ' τὴν ρίζαν.
 Ἐρχονται γίλιοι πατριάρχ' καὶ μύριοι δεσποτάδες,
 Κανεὶς ἀτὸ πάλ' κί' ἀναγνώθ', κανεὶς ζᾶν κί' ἀναγνώθει.
 Χέρας υἱὸς Γιανίκας ἔν', ἀτὸς ἀτ' ἀναγνώθει.
 Σίτ' ἀναγνώθ', σίτ' ἀνακλαίγ', σίτ' ἀνακρούγ' τὴν κάρδιαν.
 Ν' χολλοῖ ἐμᾶς, νὰ βίει ἐμᾶς, ἡ Ρωμανία πάρθεν,
 Ἐπάρθαν τὰ προπύλαια καὶ τὰ βασιλοσκάμνια,
 Ἐπάρθαν καὶ αἱ ἐκκλησιαῖς κί' ὅλα τὰ μοναστήρια,
 Ἐπάρθεν καὶ Ἄγεσοριά, τὸ μέγαν μοναστήριν π τ. λ.

(Passow, № СХСVIII).

Городъ, основанный Константиномъ, очевидно, Константинополь; слово ζάπι, необъясненное Пассовымъ, вѣроятно, арабско-турецкое Zabyth — maître, possesseur, commandant, gouverneur, officier militaire; мы увидимъ тотчасъ, что одна трапезунтская-же пѣсня замѣняетъ въ первомъ стихѣ слово ζάπι словомъ Ἐλλεν, вѣроятно, въ томъ обобщенномъ значеніи, какое Эллины получили въ новогреческомъ преданіи. — Константинополь взять, птичка приноситъ объ этомъ вѣсть — куда-то. Такъ и въ слѣдующемъ варьянтѣ у Legrand (Recueil de chansons populaires grecques, № XLIX):

Ἐνχον πουλιν, καλὸν πουλιν ἐβγαίν' ἀπὸ τὴν Πόλιν.
 οὐδὲ στ' ἀμπέλια κόνεψεν, οὐδὲ στὰ περιβόλια
 ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἥλι τὸ κάστρον,
 ἐσεῖξεν τ' ἔνχον τοῦ φτερόν στοῦ αἶμαχ βουτεμένον.
 Β ἐσεῖξεν τ' ἄλλο τὸ φτερόν, χαρτίν ἔχει γραμμέμον
 σίτ' ἀναγνώθ', σίτι κλαίγει, σίτ' κρούει τὴν καρδίαν.
 Ἄλλοι ἐμᾶς καὶ βίει ἐμᾶς, πάρθεν ἡ Ρωμανία.
 μοιρολογοῦν τὰ ἐκκλησιάς, κλαίγνε τὰ μοναστήρια.
 κῆ αἱ Γιάννες ὁ χρυσόστομον κλαίει, δερνοκοπιέτσι.
 10 — Μῆ κλαῖς, μῆ κλαῖς, αἱ Γιάννε μου, καὶ δερνοκοπισκᾶσαι! —

‘Η Ῥωμανία πέρασεν, ἢ Ῥωμανιά ἐπάρθεν».

— Ἡ Ῥωμανιά κῆ ἄν πέρασεν, ἄνθει καὶ φέρει κῆ ἄλλο.

Въ пѣснѣ, очевидно, выпало нѣскольکو стиховъ послѣ пятого: неясно, кто читаетъ посланіе, оброненное птицей — очевидно, юноша предъидущей пѣсни. Куда приносить птичка нерадостную вѣсть — неясно; ἀπό τὴν Πόλιν можетъ быть понято во всякомъ случаѣ лишь въ значеніи Константинополя и мнѣ непонятно, почему Legrand надписалъ свою пѣсню: ‘Η Ἀλωσις τῆς Τραπεζοῦντος. Что до ‘Ηλι τὸ καστρον, куда спускается птица, то объ этой крѣпости, если только разумѣется дѣйствительная мѣстность, мы ничего не знаемъ ¹⁾).

Трапезунтская пѣсня изъ собранія Іоаннида ²⁾ представляетъ сплоченіе двухъ пересказовъ того-же сюжета, досказывающихъ кое-гдѣ содержаніе сообщенныхъ выше:

Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὁ Ἑλλεν Κωνσταντῖνον
 μέ δέκα πέντε σήμαντρα μέ δεκάτῳ καμπάνας,
 μέ δωδεκα Ἀρχιερεῖς, παππάδας τετρακόσιους,
 διάκονους εἰκοστέσσερα, ψαλτάδες ἐβδομῆντα,
 σείτ ἔψαλλαν, σείτ ὠρίζεν τὴν Πόλ' τῆρ Ῥωμανίαν,
 σημαίνει καὶ ἡ αἰῶ Σοφία, τὸ μέγα μοναστήριον.
 ζευρὰ κάθειτ' ὁ βασιλιάς δεκ'σά ὁ Πατριάρχης,
 ὁ βασιλιάς ὁ βασιλιάς ὁ Ἑλλεν Κωνσταντῖνον
 ψάλλουν τὸ αἶος ὁ Θεός καὶ τὴν Τιμιωτέραν.
 Ἔρθεν πουλιν καὶ ἴκονεψεν σ' αἰῶς Σοφιάς τὴν πόρταν,
 τὸ ἕναν τὸ φτεροῦλ ἄθε σ' τὸ αἶμαν ἐν βαμμένον,
 σ' τὸ ἄλλο τὸ φτεροῦλ' ἄθε χαρτῖν κρατεῖ γραμμένον
 ἀτὸ κανεῖς ἴκ ἐγένωσεν, οὐδ' ὁ μητροπολίτες
 ἕναν παιδῖν, καλὸν παιδῖν ἔρχεται καὶ ἀναγνώθει,
 ἴκ αἰλλ' οἱ ἐμᾶς σείτ ἀναγνώθ' καὶ δερνοκοπισκᾶται
 — ἄλλ' οἱ ἐμᾶς καὶ βᾶι ἐμᾶς οἱ Τοῦρκ' τὴν Πόλ' ἐπαῖραν,
 ἐπαῖραν τὸ βασιλοσκᾶμν' ἀλλάγε αὐφεντία'

¹⁾ Сл. Дестунисъ, О Ксаноннѣ. Греческая трапезунтская былина византийской эпохи, СПб. 1881 г., стр. 4—5.

²⁾ Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, ὑπὸ Σάβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, № 25.

μοιρολογοῦν τὰ ἐκκλησιαίς, κλαίγνε τὰ μοναστήρα,
μοιρολογᾷ καὶ αἰὰ Σοφία, κλαίει καὶ ὁ Θεολόγος.

Одинъ дьякъ хватается за саблю и копье, поразилъ 300 ту-
рокъ, 13 пашей, но оружіе сломалось въ его рукахъ, онъ взятъ
въ плѣнъ; предложеніе сохранить жизнь подъ условіемъ принять
исламъ, онъ отвергаетъ: дьякомъ я родился, такимъ и умру.
Онъ убитъ, а пѣсня возвращается, съ новыми подробностями,
съ своему начальному мотиву: не отрывокъ-ли это другого
варьянта?

τὴν Πόλιν ὄντας ὤριζεν ὁ Ἕλλην ὁ Κωνσταντῖνον,
εἶχεν πορτάρους δίχλοπους, αὐφένταις φοβετσαρούς.
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαίους δωδεκάραυ,
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαίους αὐφεντάδες·
ἐκεῖν' ἔκ ἐκρίναν δίκαια, εἰδῶκαν τὰ κλειδία·
ἐκλείδωσαν τὰ ἐκκλησία, ὅλα τὰ μοναστήρα,
Ἐκλείδωσαν τὴν αἰῶν Σοφίαν, τὸ μέγα μοναστήριν.
Ἄπ' οὐρανοῦ κλειδίον ἔρθεν σ' σαῖας Σοφίας τὴν Πόρταν·
χρόνους ἔρθαν καὶ πέρασαν, καιροὶ ἔρθαν καὶ δέβαν·
ἔνεπάλθεν τὸ κλειδίον ἄδες, καὶ πέμνευ κλεδομένον·
Θέλ' ἀπ' οὐρανοῦ μάστοραυ καὶ ἀπὸ τὴν γῆν ἀργάτευ.

Послѣдніе стихи, относятся, несомнѣнно, къ распространен-
ному повѣрью, къ которому мнѣ не одинъ разъ приходилось
обращаться въ моихъ изслѣдованіяхъ ¹⁾: повѣрью о грядущемъ
избавителѣ, о возвращающемся императорѣ. Полгъ упоминаетъ
греческія легенды о царѣ, замурованномъ въ криптѣ святой
Софїи; въ русскихъ интерполированныхъ Откровеніяхъ Псевдо-
Мееодія говорится, что въ послѣднія лѣта Измаильтяне подсту-
пятъ къ Константинополю, «прійдутъ къ златымъ вратамъ, иже
суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не
отверзошась. Тѣмъ-же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ,
и пойдутъ и досѣкутся сватыа *Софїи*». Тогда явится избавитель:

¹⁾ Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, II; Южно-
русскія былинны I; Размысканія V, стр. 120; VIII, стр. 305—6.

«Возстанетъ на на царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во имя его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и *положитъ во святой Софїи на алтарь*. — Въ кїевскомъ преданїи о Михайликѣ онъ выѣзжаетъ изъ города, осажденнаго Татарами, унося съ собою *золотыя ворота*. Онъ удаляется въ Царьградъ, гдѣ ворота стоятъ до сихъ поръ; но будетъ время, говорятъ, когда Михайликъ вернется и поставитъ ихъ на прежнее мѣсто. И если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: «О золотыя ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли», то золото такъ и засїяетъ; если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кїевѣ! — то золото такъ и померкнетъ.

Я сближалъ былины — о Михайлѣ Игнатьевичѣ и легенду о Михайликѣ съ пѣснями о Василии-пьяницѣ и Батыгѣ. Остановимся на ея довольно обычномъ запѣвѣ:

Изъ подъ той березы кудреватна,
Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе
И шли они бѣжали мимо славенъ Кїевъ-градъ,
И видѣли надъ Кїевомъ чуднымъ чудно,
И видѣли надъ Кїевомъ дивнымъ дивно:
И по той стѣнѣ городовая
И ходятъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Туры говорятъ объ этомъ чудесномъ зрѣлищѣ турицѣ, родной матушкѣ. Она поясняетъ имъ:

Ужъ вы глупше туры златорогіе!
Ничего вы, дѣточки, не знаете:
Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
А ходила та Мать Пресвата Богородица,
А плакала стѣна мать городовая
По той-ли по вѣрѣ христіанскія:
Будетъ надъ Кїевъ градъ погибель,
Подымается Батыга смѣхъ Сергѣевичъ

(Рыбн. II, № 11. Сл. Гильф. № 231). — У Рыбн. I, № 29 Богородица не упомянута,

А тутъ плакала стѣна, мать, городовая,
Она вѣдала невзгодушку великую

Сл. Рыбн. III, № 37, Гильф. № 18, 41, 60, 66, 181, 258. — У Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116 значеніе видѣнія не объяснено. Сл. тотъ-же запѣвъ въ одной былинѣ о Ермакѣ: туры видятъ въ Кіевѣ,

Какъ со матушки съ Божьей церкви
Шла дѣвица душа красная,
На рукахъ книгу несла во-евангеліе,
Причитающь она да слезно плакала.

Мать объясняетъ: то была Богородица,

Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
Ту она и слезно плакала

(Рыбн. I, № 20). Обыкновенное объясненіе этого эпизода видѣть въ немъ народное олицетвореніе — городской стѣны, сѣтующей объ участи города. Едва-ли это такъ: плачетъ и сѣтуетъ Богородица, «стѣна городовая», т. е. оплотъ, защита христіанъ; такъ плачутъ въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Византіи св. Іоаннъ Златоустъ (или Богословъ) и св. Софія. Эпитетъ отдѣлился отъ имени и сталъ самостоятельнымъ, причудливымъ образомъ.

II.

Въ былинахъ о Васильѣ плачь Богородицы вызванъ не наступившимъ уже, а грядущимъ бѣдствіемъ; въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Константинополя оно уже совершилось, и птица приноситъ о томъ вѣсть; въ слѣдующихъ болгарскихъ, несомнѣнно отразившихъ какіе-нибудь греческіе подлинники, также является птица-вѣстникъ, не посланіе, ею обрonnenное, говоритъ о томъ,

что еще имѣеть совершиться. Такъ въ слѣдующей пѣснѣ у Безсонова (Калѣки I, стр. 614—617), отвѣтившей на естественный вопросъ: отчего Господь попустилъ погибнуть христіанскому царству. Отвѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ обиходномъ аскетическомъ представленіи: это — кара за грѣховную гордыню, за кощунство и приниженіе церкви: возгордился царь Константинъ,

Вѣвъ черковж съсъ конь ходи,
Отъ коня-тъ мп коньж зима,
Съсъ маждрака-тъ нафоръ зима.
А Богу са жалъ нажали,
Жалъ нажали, скръбъ наскръби.

Бѣлый голубъ прилетѣлъ къ монастырю св. Николая, вытряхнулъ хартію изъ подъ праваго крыла; читаетъ её игумень, два дня, три дня, не могъ прочесть и велитъ позвать попа Николу. Беретъ её попъ Никола, читаетъ и слезно плачетъ:

«Хой та тебе, попъ Никола!
Като четешъ, што си плачешъ?»
Отговарѣ попъ Никола:
— Пише — пише въ бѣло книже:
Турчякъ Стамболъ ште да привзѣме.

Игумень съ Николой идуть къ царю Константину,

Нашле сж го въ Балаклии,
Че си пие и си ѣде
Съ сенатори и боерп.

Балаклия, замѣчаетъ издатель, извѣстная церковь въ Царьградѣ, при которой агіасма съ водою и чтимыми рыбами: обстановка, соответствующая слѣдующему эпизоду пѣсни. Услышавъ пророческія слова хартіи, Константинъ отвѣчаетъ:

«Ако стане тая риба,
Тая риба отъ скарж-тж,
Да си влѣзе у водж-тж,
Тѣй ште Стамболъ да привзѣме,

Коту си т'ва, бре, надунагъ.
 Фъринга са е прѣсна риба,
 Прѣсна риба отъ скарж-тж,
 Та-си е влѣзла у водж-тж.
 Уплашилъ са е царъ Костантинъ ми е,
 Та всѣдижъ врани кони,
 Принасалъ ми е тѣнкж саблж,
 Отишѣлъ ми е да са бие,
 Да са бие съсъ Турчяна-тъ.
 Тамъ сж ми, бре, и убили,
 И убили цара Костантина,
 Турчялъ въ Стамболъ ми е влѣзълъ.

Съ чудеснымъ оживаніемъ рыбъ мы уже встрѣтились въ греческой пѣснѣ о паденіи Византіи и болгарскомъ преданіи, перенесемъ черты послѣдней на рассказъ о гибели — болгарскаго царства. До сихъ поръ показываютъ въ Константинополѣ, во свидѣтельство чуда, свѣжую («прѣсную») рыбу съ однимъ поджареннымъ бокомъ.

Приведенная выше болгарская пѣсня существуетъ въ разнообразныхъ отраженіяхъ. Въ колядкѣ у Качановскаго, № 18, «сиво-пшле» вѣтся три дня, три ночи надъ дворомъ царя Константина; его не изловить тенетами; царь велитъ принести изъ церкви золотой престолъ, поставить его подъ яблоней: самъ на него садится и подманниваетъ къ себѣ сокола. Онъ падаетъ ему на колѣно и вытряхнулъ изъ подъ праваго крыла «бѣло книже — чернѣ слово». Созваны, по повелѣнію Константина, попы и дяки, служатъ литургію, а въ это время попъ Никола читаетъ книгу — и плачетъ. На вопросъ царя онъ отвѣчаетъ:

Слава Богу, царъ Костадинъ!
 Нали питашь, да ти кажемъ (bis):
 Наше царство достанало,
 Турско царство настанало!.

Въ пѣснѣ изъ Македоніи, поющеися на Пасхѣ, нѣтъ ни царя,

ни явленія птицы: молодой дьякъ Тодоръ читаетъ книгу, плачетъ и крестится; матери онъ говорить, что прочелъ въ книгѣ:

Турско царство навасало,
А каурско не загине.

Не успѣлъ онъ сказать это, какъ явились проклятые Турки, убили Тодорову мать, а его самого въ плѣнъ взяли:

Турско царство ми се испунило,
А каурско погнало ¹⁾.

Иначе, въ болгарской-же пѣснѣ съ Родопъ, записанной Башмаковымъ ²⁾: здѣсь, наоборотъ, забыть образъ молодаго, читающаго дьяка. Поется, какъ изъ моря выросло дерево, его вершина достигаетъ неба, вѣтви стелятся по землѣ, цвѣтъ на немъ серебряный, плоды жемчужные; маленькая птичка-соловей сидитъ на немъ, плачетъ, щиплетъ на себѣ перья и бросаетъ ихъ въ море. Проходить мимо царь Константинъ и спрашиваетъ птичку, отчего она такъ печалится. Она отвѣчаетъ:

Царю-ле, царь Костадине!
Тебѣ са царско свършило,
Земя ште турска да стане,
Та ми е было и жално,
Във турски рѣце шта падне.

Обратимся къ колядкѣ у Качановскаго № 19, сходной по общему плану и содержанію съ сообщенной выше (№ 18. *ibid.*), но съ иной развязкой:

Зависе сви соколю
На цареви равни двори;
Висе два дни, висе три дни
                    Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испрати свѣтти слуги:
                    Коледе! Коледе!

¹⁾ Верковидъ, Нар. песне македонски бугара, № 284.

²⁾ Le Muséon, t. II, № 3: Échos rouméliotes, p. 332—3.

«Я пдете вѣрнм слуги
Та прекнвнѣ ситно мрѣже
Коледе!

Юловете снвм соколъ,
Донесете го ми на колѣно;
Коледе!

Да го поятъ съ руйно вино,
Да го ранатъ съ бѣло месо»
Коледе!

Соколъ не дается въ сѣти, но когда Константинъ сѣлъ во дворѣ своемъ на престолѣ и позвалъ сокола къ себѣ, онъ пагъ ему на колѣно; възъ подъ своего праваго крыла выронилъ «дребна книга, ситна слова». Царь собираетъ поповъ и дьяковъ: читають они книгу два-три дня, не могутъ прочесть; позвали попа Николу: онъ и читаетъ и плачетъ,

Па си дума одговорп:
«Леле, варай, цару Костадине!
Коледе!

Е-те глава, е-те п сабѣя —
Земн сабѣя, посѣчп ме:
Коледе!

Царсто нп е достало (bis)
Коледе!».

Царь хочеть усѣчь его саблей, но Никола просить:

Не сѣчп мене, не губи мене,
Но ме запрп у тевпца
Коледе!

И ме тури у тумруци,
Да посѣда таманъ два дни и шадипна,
Ако нема нна вѣра
Коледе!

Нна вѣра — клеты Турци,
Изведи ме, посѣчп ме
Коледе!

достать воды царю и отрубилъ ему бѣлокурую голову съ сѣдой бородой. Послѣ этого волненіе прекратилось (Обштъ Трудъ. Болградъ, 1868 г.). — Такое же совпаденіе именъ Константина и Шишмана въ одномъ и томъ-же преданіи повторилось, можетъ быть, и въ другомъ случаѣ: я разумѣю прозаическую легенду о паденіи болгарскаго царства, приведенную нами выше. Мѣсто ея дѣйствія приурочено къ Моминой клисурѣ (тур. Кызъ Дербендъ); равнина, простирающаяся передъ входомъ въ неѣ по теченію Марицы, называется крестьянами *Костено поле*, по множеству сраженій, которыя происходили здѣсь у Болгаръ съ Византійцами, а затѣмъ между царемъ Иваномъ Шишманомъ и Турками: чело-вѣческія кости здѣсь въ самомъ дѣлѣ отрываются во множествѣ; память Шишмана сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, въ народной легендѣ и пѣснѣ, отраженія которыхъ могли дойти до Царственника Пансіи. Тамъ говорится, что царь Шишманъ во время осады Трнова пробрался со своими болярами и войскомъ въ Софію, гдѣ встрѣтилъ своихъ сподвижниковъ изъ Никополя, Свиштова, Плевны и Дрстера. Оставивши свои сокровища въ хорошо защищенномъ валомъ и водою монастырѣ на Искрѣ, онъ боролся съ Турками еще семь лѣтъ, пока не палъ въ битвѣ при Самоковѣ. Это, въ основѣ, то-же преданіе, что и у Качановскаго: вмѣсто Шишмана — Константинъ, витязи котораго пробираются изъ Моминой клисуры къ Софіи и тамъ бьются съ Турками, въ бою съ которыми погибаетъ наконецъ и самъ царь ¹⁾).

Но народная пѣсня пошла еще далѣе, перенеся мотивы старой былины о паденіи Константинополя на — взятіе русскими Варны. Такъ въ неизданной македонской пѣснѣ изъ собранія Пульевскаго:

Затемнися, замогльнсе цѣрно море и бѣлъ Дунавъ,
 Затемнися два дни, три дни, два дни, три дни, емъ три нокъи,
 Та повея силъенъ веторъ одъ морето конъ белъ Дунавъ,
 Емъ подигна темень облакъ, го патера конъ белъ Дунавъ,

¹⁾ Сл. Конст. Иречекъ, Исторіи Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 19, 455—7 и прим. 88 на стр. 457.

Изъ облакотъ си исфърена, си исфърена суро орле,
 Та одъета на Варнечко, на калито, на кубето,
 Ту е орле си се заше и запишти и задърчи,
 Суро орле съ клунца пиштитъ, со крицата си затрептитъ,
 Отъ крицата му испадна бело книже, църно писмо,
 — Богъ да биетъ Варнечките, кльети Турци низамите! —
 Го зедае бело книже, (бѣло книже) съ църно писмо,
 Однесли го при три паши, три везири изъ Туглъян,
 Паши книже да препенятъ, тада чуютъ што казуватъ
 И одъ кого е испратено и како е порочано.
 Штомъ паши книже зедае, не може да (го) препенятъ,
 Што казуватъ църно слово, потомъ паши павикае
 Имамите и ожите, сви дервиши и шейвови:
 Не билъ книже къя препенятъ, што казуватъ църно слово;
 Турска штомъ се собра да препенятъ бело книже:
 Пелян што го пелян два дни, три дни, емъ три нокъи,
 Не могли да го препенятъ што казуватъ църно слово;
 Све сваштенство го пеляло, не могло да (го) препенятъ,
 Што казуватъ бело книже, църно слово написано.
 Се сетне владиците та оваке заповедие:
 Викайте го пошъ Никола, младо дъяче русиянче!
 Пошъ Никола книга училъ седумъ години све в Русия,
 — Не билъ книже къя препенятъ, што казуватъ църно слово,
 Одъ кого е написано, до кого е испратено. —
 Штомъсп дойде пошъ Никола, му додое бело книже,
 Му додое бело книже да изъявиъ църно слово;
 Пошъ Никола книже припи, емъ три поти го пельпва,
 Штомъ во книже си разгъеда, одъ очи си съзи [по]рони,
 Пошъ Никола книже пеетъ и оваке имъ казуватъ:
 Кой си пматъ остра сабля порочана, исправена,
 Побърго да я направитъ до седумъ дни время пматъ,
 До седумъ дни время пматъ, отъ Москофа насъ къя земетъ.
 Помпнае седумъ дена, закуае топовите,
 Одъ морето на Варнечко, на Варнечко бѣлокали.
 Църна земя се потресе, потомъ кал се отворл.
 И превърте све одъ оснофъ, руска войско го преведе.

Оставляя въ сторонѣ это позднѣйшее перенесеніе пѣсни на
 современныя событія, остановимся лишь на чередованіи именъ

Шишмана и Константина, болгарскихъ и византийскихъ воспоминаній — о паденіи христіанскаго царства: чередованіи не лишенномъ интереса для тѣхъ, кто склоненъ обобщить это явленіе, какъ возможное въ вѣковомъ развитіи всякаго народнаго эпоса. Общія черты тѣхъ и другихъ воспоминаній слѣдующія: христіанскому царству суждено погибнуть за грѣховную гордыню; наступаютъ враги, но опасности не вѣрится; являются первыя знаменія гибели (чудесное оживаніе и т. п.) — и богатырская мощь оказывается безсильной передъ врагомъ, двоящимся по маію небесъ. — Если въ этомъ разсказѣ подставить Татаръ вмѣсто Турковъ, мы придемъ къ основнымъ очертаніямъ нашего пѣсеннаго эпизода о гибели богатырей, и, можетъ быть, уяснимъ себѣ его древнее мѣсто въ составѣ нашего эпоса.

III.

Уже давно было указано на появленіе именъ былинныхъ богатырей Алеши и Добрыни въ разсказѣ нашихъ лѣтописей¹⁾. Если и устранить историческаго Добрыню, дядю Владимира, связь котораго съ его соименникомъ по былинамъ можетъ быть предметомъ вопроса, то и въ такомъ случаѣ лѣтописныя упоминанія о богатыряхъ встрѣчаются на протяженіи двухъ слишкомъ столѣтій. Я беру въ основаніе Никоновскій сводъ.

---

¹⁾ Сл. Кирѣевскаго, Пѣсни II, Приложенія стр. XVII—XIX; Майковъ, О былинахъ Владиміроваго цикла стр. 25 слѣд. (въ примѣчаніи); Бестужевъ-Рюминъ, Лѣтоп. занятій археогр. коми. IV, 154; Jagić, Gradja za historiju vlovinske narodne poezije, стр. 45 слѣд. отдѣльнаго оттиска; Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 109 слѣд. Уже во время печатанія этой работы я могъ познакомиться съ прекрасной монографіей проф. Дашкевича (Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Русѣ богатырей. Кіевъ 1883), въ которомъ лѣтописныя свидѣтельства объ Александрѣ Поповичѣ (разобранныя уже Н. И. Костомаровымъ) подвергнуты тщательному критическому разбору, а былина о гибели богатырей приурочивается къ пораженію на Калкѣ. Миѣніе это выражено было уже Квашининымъ-Самаринимъ и О. Миллеромъ; къ нему присоединяюсь и я.

Подъ 1000-мъ годомъ говорится объ Александрѣ Поповичѣ, убившемъ Володаря и множество Половцевъ, пришедшихъ съ нимъ къ Кіеву, когда Владиміръ былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Услышавъ объ этихъ подвигахъ, великій князь наградилъ богатыря «и возложи нань гривну злату и сотвори вельможа въ полатѣ своей». Майковъ ¹⁾ считаетъ ошибочнымъ упоминаніе этого событія подъ 1000-мъ годомъ, такъ какъ историческія соображенія заставляютъ перенести его ровно на сто лѣтъ позже, именно къ 1100 году. По какому поводу состоялось ошибочное приуроченіе лѣтописи — на этотъ вопросъ она отвѣчаетъ косвенно, повѣствуя подъ 1001 и 1004 годамъ о подвигахъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца противъ Печенѣговъ. Мы имѣемъ дѣло съ группой рассказовъ, приуроченныхъ разновременно по внѣшнему поводу: можетъ быть, по тождеству княжескаго имени (Владимира).

Рядомъ съ этой первой группой воспоминаній становится одно, кажется, незамѣченное до сихъ поръ, въ той-же Никоновской лѣтописи, повѣствующей по поводу похода Игоря Святославича (1185 г.): «убиша-же тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича». Въ одномъ лѣтописномъ рассказѣ о томъ-же событіи, о которомъ сообщилъ мнѣ Е. В. Барсовъ, вмѣсто Добрыни говорится о Доброѣ Судиславичѣ. На какомъ основаніи Снегиревъ ²⁾ называетъ Добрыней Судиславичемъ дядю и сподвижника Владиміра — я не знаю.

Новыя группы лѣтописныхъ воспоминаній встрѣчаемъ въ 1216—1225 годахъ. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1216 г. о Липецкой битвѣ, въ которой на сторонѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго были «и два храбра, Добрыня Златыи Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри». «Въ лѣто 6733.... воинственныхъ людей толико поблено, яко ни десятый отъ нихъ возможе пзбежати, и Александра

¹⁾ 1. с. стр. 27 прим.

²⁾ Снегиревъ, Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 96.

Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича Златаго Пояса и семьдесят великихъ и храбрыхъ богатырей: всѣ побьени быша гнѣвомъ Божиимъ за грехи наша отъ Татаръ».

Такъ и въ Тверской лѣтописи (подъ 1224), также соединяющей Липецкую битву съ боемъ на Калкѣ и замѣняющей Добрыню — «Тимоней Златымъ поясомъ». Связь между тѣмъ и другимъ событіемъ устанавливается такимъ образомъ, что по смерти князя Константина Александръ Поповичъ положилъ вмѣстѣ съ другими богатырями, «яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». — Въ одномъ хронографѣ первой редакціи «два храбра Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ» упоминаются подъ 1217 годомъ на сторонѣ Константина Всеволодовича въ битвѣ на Гдѣ, о которой говоритъ и Лѣтопись по Типографскому списку («Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ съ слугою своимъ Торопомъ»), непосредственно переходящая къ брани на Калкѣ: «тогда убиша Александра Поповича и иныхъ много богатырей». — О гибели Александра Поповича при Калкѣ и съ нимъ «семидесяти» богатырей повѣствуетъ, безъ упоминанія Добрыни, — цѣлый рядъ лѣтописей, начиная съ Суздальской, академической списокъ который относится къ XV вѣку: «и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ».

Позже Калкакаго побойца имена Алеши и Добрыни не появляются въ лѣтописи.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить отношенія пѣсеннаго преданія къ соответствующему историческому, или вѣрнѣе, лѣтописному. Слѣдуетъ ли въ последнемъ видѣть память о дѣйствительныхъ событіяхъ, идеализованныхъ впоследствии въ формахъ и образахъ пѣсни, или, наоборотъ, древняя былина могла опредѣлить подробности лѣтописнаго разсказа? Последняя гипотеза нигдѣ не исключаетъ исторической подкладки самой пѣсни: народъ могъ воспѣть своихъ дѣйствительныхъ героевъ, которыхъ лѣтопись могла миновать вначалѣ и лишь впоследствии воспринять на свои страницы изъ — пѣсеннаго источника. Роландъ погибаетъ

въ Ронсевальскомъ ущельѣ; такъ въ Chanson de Roland, такъ въ древнемъ преданіи французскаго эпоса; такъ и у Эгингарда, Vita Caroli Magni: Hruodlandus Britannici limitis praefectus — но не во всѣхъ рукописяхъ; въ анналахъ, приписанныхъ тому-же автору, въ разсказѣ о томъ-же событіи — имени нѣтъ, нѣтъ и у Poeta Saxo и у Астронома, Vita Hludovici, говорящаго о падшихъ герояхъ съ очевидной ссылкой на народную память: *quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi*. Что здѣсь древнѣе: лѣтопись или — народная, въ началѣ, областная, пѣсня, мѣстное преданіе, лишь съ теченіемъ времени приобщившаяся къ національнымъ воспоминавіямъ?

По отношенію къ аналогическимъ фактамъ русской былины и лѣтописи легко рѣшится за послѣднюю альтернативу: упоминанія богатырей Алеши и Добрыни (если взять въ расчетъ и Добрыню Судиславича 1185 года) растянуты на такомъ значительномъ хронологическомъ пространствѣ, что вѣроятнымъ представляется вторженіе пѣсни въ лѣтописный разсказъ. Это вторженіе могло быть чисто механическимъ, и мы видѣли тому примѣры, но оно могло имѣть и серьезные поводы. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ является фактъ скученности воспоминаній вокругъ событій 1216—24 года, особливо при Калкской битвѣ. Связь лѣтописнаго разсказа о ней съ былинной о гибели богатырей кажется мнѣ несомнѣнной. Тамъ и здѣсь дѣло идетъ о страшномъ пораженіи Русскихъ Татарами, тамъ и здѣсь погибаютъ всѣ богатыри («всѣ побьени быша»), въ былинѣ ихъ семеро, въ лѣтописномъ повѣствованіи — семьдесятъ. Упомянутся поименно Александръ Поповичъ и Добрыня; ихъ единоборствомъ съ Татарами открывается и былина, но въ Алешѣ видимо лежитъ центръ дѣйствія: нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ въ разсказѣ о Калкскомъ побоищѣ его одного, а въ пѣснѣ гибель богатырей вызвана его грѣховной похвалбой.

Какъ слѣдуетъ понять отношенія лѣтописи и былины?

Послѣдняя могла существовать до лѣтописнаго разсказа, съ которымъ была неволью сблизена по аналогіи событій, кото-

рому отдала нѣсколько эпическихъ именъ. Это рѣшеніе по прежнему оставило-бы открытымъ вопросъ: о происхожденіи былины, объ ея историческомъ объектѣ, существованіе котораго заставляютъ подозрѣвать сходныя византійско-болгарскія преданія. Вѣроятнѣе представляется слѣдующее рѣшеніе: безпримѣрное поражение при Калкѣ дотогѣ *неодолимъ*, «не здышимъ» врагомъ, вызвало преданіе, пѣсню, и пѣсню покаянную: поражение было судомъ Божиимъ надъ православнымъ людомъ за его грѣхи и гордыню¹⁾; не даромъ былинные богатыри бьются съ Татарами на Сафатѣ рѣкѣ: долина Калки обратилась въ долину страшнаго суда, Юсафатову — какъ апокалипсическими образами вѣсть отъ слѣдующихъ стиховъ былины о Калинѣ царѣ:

Зачѣмъ мать — сыра земля не погнется,
 Зачѣмъ не разступится?
 Отъ нару было отъ коннаго
 А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
 Не видать луча свѣта бѣлаго,
 А отъ духу татарскаго
 Неможно крещеннмъ намъ живымъ бытъ

(Кирша № XXIV).

Погибають на Калкѣ-Сафатѣ лучшія силы русской земли, типически воплощавшіяся въ богатыряхъ: богатырей больше не является, они тутъ перевелись. Имена Алеши и Добрыни подставились не случайно: Алеша явился первымъ: онъ — «смѣлый», «пересмѣшникъ», «хвастливый воинъ» русскаго эпоса; онъ припомнился по поводу похвалы и притянулъ къ себѣ имя Добрыни, съ которымъ его тѣсно связываютъ и наши былевья пѣсни.

¹⁾ «Сихъ же злыхъ татаръ Таурменъ *не сѣдаемъ, откуда быше пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять*» (П. С. Р. Л. I, 217); «*По урѣсомъ нашимъ придоша языкъ незнаемъ, безбожнѣи Мюявляне, иже никто-же добръ не вѣсть ясно, кто суть, и откогѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татари, а инѣи глаголютъ Таурмени, а друзѣи Печенѣзи . . . . Богъ же вѣсть единъ, кто суть и откогѣ изыдоша* (I. с. XV, 385—6); «и не свѣдаемъ, откуда были пришли и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуда приведе за грѣхи наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича» (ib. p. 343).

Если это толкованіе вѣроятно, то вмѣстѣ съ тѣмъ получили нѣкоторыя данныя, освѣщающія отношенія былины о гибели къ лѣтописному разсказу.

Судя по послѣднему, въ древней пѣснѣ еще стояло географическое обозначеніе Калки, быть можетъ, уже въ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь эпитетомъ или опредѣленіемъ, которое, обособившись въ послѣдствіи, заслонило собою Калку: Сафатъ. Пѣсня эта могла сложиться на югѣ; но южная лѣтопись (галицко-волинская) держитъ въ сторонѣ отъ нея свой фактической разсказъ о событіи, её вызвавшемъ. Лишь позднѣе на сѣверѣ, и именно на сѣверо-востокѣ, былина включена въ составъ лѣтописи. Очевидно, былина эта была тамъ популярна, и въ ней Алеша Поповичъ выступалъ съ еще бѣльшимъ значеніемъ, чѣмъ въ современныхъ перепѣвахъ. Слѣдствіемъ этой популярности было приуроченіе пѣсеннаго героя къ областнымъ отношеніямъ: лѣтопись заставляетъ его принимать участіе въ мѣстныхъ усобицахъ, указываетъ какъ на память его подвиговъ — на могилы убитыхъ имъ враговъ, на городокъ, куда онъ созвалъ своихъ «храбрыхъ»¹⁾. — Такъ приурочился и освоился въ новой обстановкѣ французскій *Ogier de Danemarque* — въ Даніи, Аника въ Вологодской губерніи и въ сѣверномъ поморьѣ, на Аникіевомъ островѣ; такъ, быть можетъ, присталъ къ муромскимъ отношеніямъ и Илья Муромецъ.

Такъ объясняется, почему южный Алеша Поповичъ, доживающій свой вѣкъ еще и въ образѣ Оликсія Поповича малорусской думы²⁾, очутился наконецъ Ростовцемъ — въ большинствѣ нашихъ былинь; и не только Ростовцемъ, но и сыномъ ростов-

¹⁾ «Александръ же выходя многы люди великаго князя Юрія забиваше, ихже костей накладены могилы великы и доныиѣ на рѣцѣ Ишиѣ, а ииѣи по оу страну рѣки Усиѣ . . . вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обртыть подъ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и ныиѣ той сопь стоитъ пустъ». Тверская лѣтопись, П. С. Р. Л. XV, 887, 888.

²⁾ Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, I. с., I, 176—201.

скаго *мона* Леонтія, очевидно *отвлеченномъ* изъ прозвища Поповича. Это повліяло отчасти на *измѣненіе* его древняго типа, который въ былинахъ сложился изъ ряда разновременныхъ насло- ній ¹⁾. Въ сущности онъ — смѣлый, смѣль напускомъ, гордливъ- спѣсивъ, бранчивъ и «кручиновать» (Богатырское слово, изд. Е. Барсовымъ, стр. 17), охочъ хвастаться («пустохвастъ»); (нѣтъ) «на ярость Олешеньки Поповича» (Ефименко, 1. с., стр. 17, № IV), какъ и Олексій Поповичъ характеризуется заносчивымъ и гордымъ. — Но былины любятъ изображать его и въ роли «бабьяго пересмѣшничка»: онъ хвастаетъ на пиру своею связью съ сестрой Сбродовичей, съ женой Данилы, подслуживается Апраксіи въ ея любовныхъ шашняхъ, пытается взять за себя обманно жену своего крестоваго брата Добрыни. — Эта черта еще можетъ быть приведена въ психическую связь съ предъиду- щими, чего о другихъ нельзя сказать: я имѣю въ виду поповское происхождение Алешки, принадлежащее специально-сѣверному развитію русскаго эпоса ²⁾. Именно эта характеристика драго- цѣнна своей неустойчивостью. Когда у Кир. I, № 2, стр. 53 про Алешу говорится, что онъ роду «поповскаго, *заглынишевыи*» (: забубенный, отчаянно смѣлый), то, очевидно, это память о древ- немъ Поповичѣ, не въ нарицательномъ значеніи этого прозвища; иначе у Кир. IV, № 2, стр. 8, гдѣ

Алешка рода поповскаго:
 Поповскіе *глаза завидуице*,
 Поповскія *руки зарабущія*:
 Увидитъ Алешка на *нахвалящихъ*,
 Увидитъ онъ много злата серебра —
 Злату Алешка *позавидуетъ*,
 Погипнетъ Алешка по *напрасному*.

(Сл. Кир. I, № 1, стр. 48).

¹⁾ Сл. вообще Указатель къ пѣснямъ Кирѣевскаго, вып. IV, подъ Алешей.

²⁾ Сл. мой отчетъ о книгѣ Вольера, *Russische Revue*. Bd. XIX, стр. 428—429.

Очень вѣроятно, что это позднѣйшее развитіе типа не было еще извѣстно на той стадіи эпоса, которая отразилась въ лѣтописномъ разсказѣ о боѣ на Калкѣ, но что Алеша уже былъ понятъ какъ Ростовецъ, какъ сѣверный богатырь, — погибающій при Калкѣ, а въ Тверской лѣтописи мотивирующій свой отъѣздъ на югъ рѣшеніемъ «служити . . . единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». Это — та-же точка зрѣнія, что и въ сводной архангельской былинѣ у Ефименка ¹⁾, въ томской, записанной г. Потанинымъ и у Кир. II, № 1, стр. 70—80: тамъ и здѣсь Алеша ѣдетъ (въ первомъ и последнемъ случаѣ изъ Ростова) къ Кіеву, который и освобождаетъ отъ обступившей его рати царя Василія Прекраснаго (арханг. изводъ), либо отъ Тугарина (томск., былина Кир.). Я не думаю, чтобы разсказъ Тверской лѣтописи и указанныя пѣсни могли быть истолкованы въ смыслѣ исконнаго, сѣвернаго происхожденія Алёши, при чемъ его выѣздъ въ Кіевъ указалъ-бы на пути и способъ его эпического приуроченія къ Владиміру и его богатырскому кружку. Илья также приѣзжаетъ теперь изъ сѣвернаго Муромъ въ Кіевъ, тогда какъ обратный путь перенесенія представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

При предположеніи исторической подкладки для былины о гибели богатырей, внѣшнія стилистическія черты, сближающія ея съ византійско-болгарскимъ преданіемъ о Константинѣ (двоемъ вражьей силы; оживленіе Добрыни) надо будетъ объяснить либо изъ общахъ мѣстъ народной поэтики, либо воздѣйствіемъ какой-нибудь посторонней пѣсни сходнаго содержанія.

Что до эпизода о «гибели» въ былинахъ о Ермакѣ, то его появленіе объяснится теперь нагляднѣе прежняго: Ермакъ, юный богатырь, выѣхалъ изъ Кіева противъ Татаръ; богатыри Владиміра стоятъ въ шатрахъ на горѣ, на заставѣ; Ермакъ вступаетъ въ бой съ Татарами, а Илья, боясь, чтобъ онъ не «пересѣлся», посылаетъ помощь ему либо удержать его, наложить на

¹⁾ Матеріалы и т. д., вып. 2-й, стр. 25—32, № VII.

него «храпы», сначала Алёшу, потомъ Добрыню, а подъ конецъ отправляется самъ и укрощаетъ его сердце богатырское. Разбирая эпизодъ о наложеніи храповъ Ильей на Ермака, я замѣтилъ при другомъ случаѣ¹⁾: «Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михайлѣ, о Саулѣ Леванитовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ не узнааннымъ». Какъ-бы-то-ни-было, внѣшній планъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ о Ермакѣ достаточно объясняетъ, по какому поводу могъ привѣться къ нему эпизодъ о «гибели»: богатыри на *заставѣ*, Ермакъ дерется съ Татарами, и къ нему поочередно выѣзжаютъ, чтобъ *укротить* его, *Алеша, Добрыня и Илья*. Такъ въ пѣснѣ о гибели богатырей: *застава*, появленіе Татарченка, *противъ* котораго поочередно выѣзжаютъ другъ за другомъ *Добрыня, Алёша и Илья*. Одно внѣшнее сближеніе былинныхъ схемъ, столь обычное въ живомъ теченіи народной пѣсни, могло повести къ дальнѣйшему: эпизодъ о гибели богатырей перенесся механически въ соответствующее мѣсто пѣсни о Ермакѣ, изнемогавшемъ отъ вражьей силы:

А силъ все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силъ выбился

(Кир. I, № 1, стр. 58—66).

Ничѣмъ не мотивированъ и рѣшительно не умѣстенъ подобный-же эпизодъ въ одной былинѣ о Добрынѣ и Алѣшѣ, Гильф. № 168: Добрыня въ отъѣздѣ, бьется съ Татарами, вмѣстѣ съ нимъ Чурила, Илья и Алёша, взявшіеся ни вѣсть откуда. Побили они Татаръ,

И тутъ они сказали:

«И со небесной ми бы силой супротивились,

А не то, что съ силой проклятой!»

Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,

¹⁾ Южно-русскія былинны I, стр. 47.

Спустилъ на нихъ столѡвъ ѡгненный:
 Они какъ столѡвъ перерублять, такъ двѣ станеть,
 Два станеть все поединщика,
 Еще перерубать, а тутъ три станеть,
 Три станеть все опять поединщикп.
 Тутъ они Богу смоялися:
 «Намъ-бы тое же слово да не такъ сказать!».

Далѣе вся эта подробность оказывается совершенно не нужной для дѣйствія, развивающагося по обычному типу былинь этого цикла.

Интереснѣе эпизодъ о «гибели» въ одной синкретической былини у Ефименка (Материалы, вып. 2-й, № VIII, стр. 32 слѣд.: Старина про Илью Муромца): Мамай съ зятемъ своимъ Василюемъ Прекраснымъ; Илья, только что вернувшійся, просить у него сроку на полгода, а самъ посылаетъ Потанюшку Хроменькаго собирать дружину, братцевъ названныхъ: Самсона Колувана, Дуная, Василия Касимерова, Михайлу Игнатьева съ племянникомъ, Потока, Добрыню, Алѣшу, двухъ братьевъ Ивановъ и двухъ братьевъ Суздальцевъ. Выѣхавъ изъ Кіева, они гуляютъ трое сутокъ въ шатрахъ, а на четвертые Илья спрашиваетъ: кому изъ нихъ съѣздить въ рать-силу великую, узнать, съ которой стороны имъ начинать будетъ; перебираетъ нѣсколькихъ богатырей (Самсонъ, Дунай, Добрыня, Василий), но они кажутся ему непригодными. Онъ ѣдетъ самъ, добирается до Мамаева шатра, и здѣсь происходитъ между нимъ и Мамаемъ объясненіе, воспроизводящее такую-же сцену между Ильей и Идолицемъ въ Кіевѣ или Царьградѣ. Илья убиваетъ Мамаю, и затѣмъ всѣ богатыри принимаются рубить Татаръ: -

И рубили они силу сутяи пятеро
 И не оставили они ни единого на сѣмена,
 И протекала тутъ кровь горячая,
 И паръ шелъ отъ трупья по облака.
 Оставались только въ лагеряхъ у старого
 Два брата, два Суздальца,

Чтобы встрѣтить съ приѣзду богатирей, кому битъ.
 Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали во ту рать силу великую.

.....

И сами они похваляются:
 «Кабы была теперь сила небесная,
 И всё бы мы побили ею по полю».
 Вдругъ отъ ихъ словъ сдѣлалось чудо великое,
 Возстала сила Мамаева
 И стало силъ больше влаетеро.

Они винятся Ильѣ въ своей похвальбѣ; вся дружина выѣзжаетъ
 противъ ожившихъ враговъ,

И начали битъ съ краю на край,
 И рубили они сутки шестеро,
 А вставать силъ больше прежняго.
 Узналъ старый предъ собой вину
 И покался старый Спасу Пречистому:
 «Ты прости насъ въ первой винѣ,
 За тѣ-же слова глупца,
 За тѣхъ-же братьевъ Суздальцевъ.
 И повалилась тутъ сила кровопитная,
 И начали копать мать-сыру землю,
 И хоронить тѣло да во сыру землю,
 И протекла рѣка кровью горячею.
 Садилась тутъ удамы на добрыхъ коней,
 Поѣхали удамы ко городу ко Кіеву,
 Заѣхали они во крашенъ Кіевъ градъ,
 Во тѣ-же во честны монастыри,
 Во тѣ-же пещеры во Кіевски;
 Тамъ всё они и представлялся,
 Тутъ старому славу поютъ.

Развязка такого-же мистическаго колорита какъ и въ былинѣ
 о гибели, но окаменѣніе замѣнено уходомъ въ монастырь ¹⁾,
 удвоеніе вражьей силы — другимъ, столь-же чудеснымъ момен-
 томъ, оживаніемъ, какъ въ извѣстной битвѣ между Hedin'омъ

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 84.

и Нѣгні въ сказаніяхъ сѣвера. Вражьей силы *какъ будто* не убываетъ подъ ударами богатырей, *словно* павшіе оживаютъ, чтобы снова пуститься въ бой. Такъ въ Повѣсти о разореніи Рязанской земли Батыемъ: рязанскій вельможа, Евпатій Коловратъ, бывшій въ Черниговѣ, когда Татары напали на рязанскую землю, явился туда съ дружиною, нагналъ Батыя въ суздальской области и началъ колоть и рубить вражье войско: Татарь рубятъ кого до плечь, кого до сѣдла; Таврула, похваставшагося передъ Батыемъ взять Коловрата живьемъ, онъ разсѣкъ пополамъ. Не устояли крѣпкіе «судальцы русскіе», всѣ полегли; «чудища, а не людища», говоритъ о нихъ лѣтописецъ, а Татары, не ожидавшіе ихъ нападенія, думали, что *ожили* побитые ими русскіе мертвецы. — Интересно сличить этой бой съ Татарами въ *Суздальской* землѣ и *оживаніе* (русскихъ) мертвецовъ — съ хвастливыми *Суздамцами* приведенной выше былины, подъ ударами которыхъ *оживаютъ* павшіе *Татары*.

При другомъ случаѣ ¹⁾, коснувшись многочисленныхъ разсказовъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы, я выразилъ мнѣніе, что легенды эти могутъ быть поняты, какъ земная локализациа представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ. Слѣдуетъ замѣтить, что локализациа эта часто бываетъ вызвана воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ битвахъ и пораженіяхъ и что, съ этой точки зрѣнія, легенды о борьбѣ призранныхъ воиновъ и пѣсня о боѣ богатырей съ постоянно оживающими врагами могутъ быть поставлены въ одну группу. Нѣсколько легендъ перваго рода собраны у Фотія ²⁾: Дамасцій разсказываетъ, «ὅτι μάχης πρὸ τοῦ Ῥώμης ἀστεως γεγεννημένης Ῥωμαίων πρὸς Σχύδας οὗς Ἀττίλας ἤγειν, Οὐαλεντινιανοῦ τοῦ μετὰ Ὀνώριον Ῥώμης βασιλεύοντος, φόνος ἐρβύη ἐκατέρωθεν τοσοῦτος ὡς μηδένα τῶν συμπλαχέντων τῇ μάχῃ μηδετέρου μέρους περισωθῆναι, πλὴν τῶν ἡγεμόνων καὶ τῶν περὶ αὐτοὺς ὀλίγων δορυφόρων· τὸ δὲ παρα-

¹⁾ Разысканія VIII, стр. 327 прим. 2.

²⁾ Photii Bibliotheca, rec. Bekker, t. I, p. 339—40.

λογώτατον, ὅτι φασίν, ἐπειδὴ πεπτώκασιν οἱ μαχόμενοι, τοῖς σώμασιν ἀπειπόντες ἐπι ταῖς ψυχαῖς ἴσταντο πολεμοῦντες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὄλας καὶ νύκτας, οὐδὲν τῶν ζώντων εἰς ἀγῶνα ἀπολειπόμενοι, οὔτε κατὰ χεῖρας οὔτε κατὰ θύμον. Ἐωρᾶτο γοῦν καὶ ἤκούετο τὰ εἰδῶλα τῶν ψυχῶν ἀντιφερόμενα καὶ τοῖς ὅπλοις ἀντιπαταγοῦντα. καὶ ἀρχαῖα δὲ ἄλλα τοιαῦτα φάσματα πολέμων μέχρι νῦν φαίνεσθαι φησι, πλὴν ὅτι ταῦτα τὰ μὲν ἄλλα, ὅσα ζῶντες ἀνθρωποὶ κατὰ πόλεμον δρῶσιν, οὐδὲν ὑστερεῖν, φθέγγεσθαι δὲ οὐδὲ ἐπὶ μικρὸν. Καὶ ἐν μὲν ἐπιφαίνεσθαι ἐν τῷ περὶ Σόγδαν ποτὲ λίμνην οὔσαν πεδίῳ, φαίνεσθαι δ' ὑπὸ τὴν ἔω τὸ φάσμα, φωτὸς ἤδη τὴν γῆν ὑπαυγαζόντος, δεύτερον δ' ἐν Κούρβοις χωρὶς τῆς Καρίας, ἐν ταύτῳ γὰρ φαίνεσθαι οὐ καθ' ἐκάστην ἡμέραν, ἀλλ' ἐνίοτε, διαλείποντα ὀλίγας τινας, οὐδὲ ὠρισμένας γε ταύτας, περὶ ὄρθρον ἕως ἡλίου λαμπρᾶς ἀνατολῆς ἐν ἀέρι διαφοιτῶντα ψυχῶν ἄττα σκιοειδῆ φαντάσματα πολεμοῦντα ἀλλήλοις· καὶ ἐν τοῖς καθ' ἡμᾶς δὲ χρόνοις πολλοὶ διηγήσαντο, οὐχ' οἰοί τε ὄντες ψεύδεσθαι, κατὰ Σικελίαν ἐν τῷ λεγομένῳ πεδίῳ Τετραπυργίῳ καὶ ἐν ἄλλοις οὐκ ὀλίγοις αὐτῆς μέρεσιν ὁράσθαι ἵπποτῶν πολεμίων ἐπέλαυνόντων φάσματα κατὰ τὸν τοῦ θέρους μάλιστα καιρὸν, μεσημβρίας σταθῆρας ἰσταμένης ¹⁾.

¹⁾ Не хочу опустить случая, не обративъ вниманіе на рассказъ Дамасція, слѣдующій за сообщеннымъ, потому что не помню, чтобъ изслѣдователи нѣмецкой старины обратили на него вниманіе. Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ и сѣверныхъ памятниковъ Дидриху Бернскому приписывается огненное дыханіе; такъ въ сагахъ о Нюлунахъ и Тидрекѣ, въ Rosengarten'ѣ, Сиенотѣ, въ Etzels Hofhaltung, Лауринѣ, Rabenschlacht, Битерольфѣ, Саксонской хроникѣ, въ Anhang des Heldenbuches, Meistersangbuch и др. (См. W. Grimm, Deutsche Heldensage, стр. 105, 106, 214, 276, 286, 294, 312, 321). См. у Фотія (I. с., стр. 340): ἀλλὰ καὶ τῶν περὶ Ἀττίλαν ἕνα ὄντα τὸν Βαλίμεριν ἀπὸ τοῦ οἰκείου σώματος ἀποστέλλειν σπινθῆρας· ὁ δὲ ἦν ὁ Βαλίμερις Θεοδερῖχου πατῆρ, θς νῦν τὸ μέγιστον ἔχει κράτος Ἰταλίης πάσης. λέγει δὲ καὶ περὶ ἑαυτοῦ ὁ συγγραφεὺς, ὡς «καὶ ἐμοὶ ἐνδοσμένῳ τε καὶ ἐκδοσμένῳ, εἰ καὶ σπάνιον τοῦτο συμβαίνει, συμβαίνει δ' οὐν σπινθῆρας ἀποπηδᾶν ἐξαίσιους, ἔσθ' ὅτι καὶ κτύπον παρέχοντας, ἐνίοτε δὲ καὶ φλόγας ὄλας καταλάμπειν τὸ ἱμίτιον, μὴ μέντοι καιρούσας» καὶ τὸ τέρας ἀγνοεῖν εἰς θ' τελευταίησι. — Здѣсь чудесное явленіе разсказывается объ отцѣ, не о сынѣ; но оно могло разсказываться и о послѣднемъ. Важно то, что сыномъ является, и притомъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, историческій Теодорихъ, — не мифическое, огнедышащее лицо, къ которому пристало внѣшнимъ образомъ историческое имя. Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе В. Гримма.

VIII.

Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ.

Если въ преданіяхъ и пѣсняхъ, разобранныхъ въ предыдущей главѣ, послѣдній византійскій императоръ Константинъ является цѣликомъ перенесеннымъ въ среду болгарскихъ отношеній, то въ другихъ южно-славянскихъ и русскихъ былинахъ имена Константина и Елены выступаютъ въ общемъ значеніи эпонимовъ Византіи, часто безъ опредѣленнаго или опредѣлимаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ объ Идолицѣ (Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17; Гильф. № 196; сл. Кир. I, № 4, стр. 22—38) и о Голяхъ Кабацкихъ (Гильф. № 220, Рыбн. III, № 10) *Константинъ Боголюбовичъ* живетъ въ Царьградѣ; только пересказъ Кирѣевскаго (I. с.) ставитъ вмѣсто него Іерусалимъ. Я предполагалъ здѣсь раньше простое смѣшеніе двухъ эпизодовъ, представляющихся раздѣльно въ былинѣ Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17: какъ тамъ калика ходилъ въ Іерусалимъ и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ, гдѣ царитъ Константинъ, такъ редакція Кирѣевскаго могла смѣшать оба хожденія — въ пользу Іерусалима, удержавъ въ немъ Константина Боголюбовича — и царьцу *Елену Александровну*, о которой не знаютъ другія

пѣсни объ Идолицѣ, но которая является, какъ «благовѣрная царица Елена», рядомъ съ царемъ Константиномъ, на этотъ разъ въ Царьградѣ — и въ Сказаніи о Семи богатыряхъ (Буслаевского и Барсовскаго текстовъ). — Въ настоящее время я склоненъ предположить еще одинъ мотивъ, повлекшій за собою указанное выше измѣненіе: южно-славянская народная поэзія помнитъ Константина Великаго и мать его Елену въ легендѣ объ обрѣтеніи креста, выводящей на сцену и «проклята царя *Еорсима*», на котораго Константинъ идетъ войною ¹⁾. Это могло повести къ чередованію *Иерусалима* и *Царьграда* при имени Константина, — какъ и въ русскомъ духовномъ стихѣ о Теодорѣ Тиронѣ Константинъ Самойловичъ или Саулловичъ (Самуилъ или Константинъ апокрифическихъ легендъ ²⁾) царитъ то въ *Константиновѣ градѣ*, то въ *Иерусалимѣ*, гдѣ его осаждаетъ царь *Иудейской, сила жидовская* (сл. идолице «*жидовское*», обнасловавшее царя Константина въ былинахъ объ Идолицѣ), тогда какъ апокрифъ знаетъ только Сарацинъ. Причину послѣдней замѣны я искалъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ ³⁾, хотя именно въ духовномъ стихѣ ихъ менѣе ожидаешь встрѣтить, чѣмъ въ былинѣ, вообще крѣпче приуроченной къ народной почвѣ. Къ сожалѣнію, того нельзя сказать о небольшомъ циклѣ пѣсень, героями которыхъ являются Саулъ (т. е. Самуилъ) Леванидовичъ и его сынъ Константинъ Сауловичъ; не примкнувъ къ эпическимъ центрамъ Кіева и Владиміра, онѣ остались географически неопредѣленными, какъ

¹⁾ Безсоновъ, Калѣки II, № 437, стр. 54 слѣд. Латинскіе (и, вѣроятно, греческіе) акты св. Киріака, повѣствующіе объ обрѣтеніи св. креста, открываются походомъ Константина Великаго противъ варваровъ на Дунаѣ, видѣніемъ въ небѣ свѣтлаго крестнаго знаменія со словами: симъ побѣдиши. Вернувшись въ Римъ съ побѣдой и окрестившись, царь посылаетъ мать свою Елену въ Иерусалимъ — отыскать тамъ древо распятія и на мѣстѣ его создать церковь. Елена отправляется въ Иерусалимъ въ сопровожденіи большого войска.

²⁾ Сл. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ I: Греческій апокрифъ о св. Теодорѣ, стр. 12—14; II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 159.

³⁾ Разысканія I, стр. °

загадочными, по прежнему, являются отношенія именъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ къ такимъ-же именамъ апокрифа и духовнаго стиха о Теодорѣ Тиронѣ. Я не пытаюсь предложить здѣсь новую гипотезу ¹⁾ въ объясненіе того, что могло-бы быть разъяснено лишь при пособіи новыхъ пѣсенныхъ документовъ. Остановлюсь лишь на имени Константина.

Изъ двухъ былинъ о Саулѣ Леванидовичѣ ²⁾, сходныхъ по содержанію и по имени главнаго дѣйствующаго лица, лишь въ одной (№ 2 Кир.) его сынъ названъ *Константиномъ* — что могло повлечь за собою и наименованіе его матери «Азвяковной, молодой *Еленой Александровной*» ³⁾; въ другой и онъ и его мать оставлены безъ имени. И тамъ и здѣсь сынъ родится въ отсутствіи отца, но лишь въ анонимной — при чудесныхъ обстоятельствахъ, повторяющихся и при другихъ лицахъ русскаго эпоса:

Изъ того-ли въ подѣ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,
Во чревѣ дитя встрепенулося.

Сл. въ былинѣ о Волхѣ (Кирша):

По саду, по саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княгиня Марѳа Всеславьевна,
Она съ каменью скочила на лютаго на змѣя;
Обвивается лютой змѣй около чобота зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втаиоры княгиня понось понесла.

¹⁾ См. *ib.*, стр. 12—14.

²⁾ Кирѣевскій III, стр. 118—124, №№ 1 и 2.

³⁾ Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ у Кирши, стр. 45—53, такъ именно (Азвяковна, молода Елена Александровна) названа жена индѣйскаго царя, на которой женится впоследствии Волхъ.

То-же въ былинномъ отрывкѣ «Про змѣя Горыныча», не называющемъ по имени ни богатыря ни его матери¹⁾. — Въ настоящее время трудно сказать, на сколько разсказъ о чудесномъ зачатіи сына Саула Леванидовича первиченъ въ былинѣ, не сохранившей его имени, тогда какъ другая, называющая его Константиномъ, не знаетъ именно этого эпизода. Если дѣло идетъ о позднѣйшемъ внесеніи эпической подробности, ставшей общимъ мѣстомъ, то слѣдующія сопоставленія послужатъ лишь къ библиографіи довольно распространеннаго сказанія — о чудесномъ рожденіи или зачатіи императора Константина²⁾.

Старофранцузскія легенды о царѣ Константѣ разсказываютъ о царѣ язычникѣ (Flogiens или Muselins), властвовавшемъ въ Византіи. Однажды ночью, гуляя по улицамъ города, онъ услышалъ, проходя мимо одного дома, стоны женщины, христіанки, мучившейся въ родахъ, тогда какъ ея мужъ молился, то о ниспосланіи ей скорого разрѣшенія, то о томъ, чтобы оно задержалось. Онъ оказывается звѣздочетомъ: въ звѣздахъ онъ прочелъ, что если жена его разрѣшится отъ бремени въ извѣстный часъ и минуту, то ребенокъ будетъ несчастнымъ и умретъ насильственной смертью; если-же въ другой часъ и минуту, то ему суждено счастье. И Господь 'внялъ его молитвамъ: его сынъ родился въ урочную пору, женится на дочери византійскаго императора и самъ сядетъ на царство. — Узнавши о долѣ,

¹⁾ Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесности т. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 279—280. Сл. о чудесномъ зачатіи Георгія мон Разысканія II, стр. 113 слѣд.

²⁾ Сл. мою статью: *Dit de l'empereur Constant въ Romania* № 22. Съ тѣхъ поръ литература Константиновской легенды обогатилась: кромѣ отчета R. Köhler'a о моей работѣ, сл. *Incerti auctoris de Constantino Magno ejusque matre Helena libellus*, ed. Heydenreich. Lips. Teubner 1879; его-же: *Der libellus de Constantino magno ejusque matre Helena und die übrigen Berichte über Constantins der Grossen Geburt und Jugend*, въ *Archiv f. Litteraturgeschichte*, Band, X, p. 319—363; Achille Coen, *Di una leggenda relativa alla nascita e alla gioventù di Costantino Magno*. Roma, 1882. Нѣкоторые спорные вопросы, вызванные этими новыми изысканіями, рассмотрѣны мною въ статьѣ, нѣющей явиться въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ *Romania*'я.

напророченной новорожденному, императоръ хочетъ во что-бы то ни стало помѣшать ей исполниться: ребенокъ похищенъ и заброшенъ, израненный замертво; найденъ игуменомъ одного монастыря, который беретъ его съ собою, вылѣчиваетъ и отдаетъ въ школу. Въ монастырѣ видятъ его вторично, уже юношей, императоръ и, желая избавиться отъ нареченнаго зятя, посылаетъ его съ письмомъ въ Византію, въ которомъ предписывалъ тотчасъ-же умертвить его подателя. Но это письмо подмѣсно другимъ, содержащимъ приказъ — немедленно обвинять пришельца съ царевной. Императоръ является слишкомъ поздно, чтобы помѣшать свадьбѣ и принужденъ признаться, что судьбы не обойти. По смерти его, его зять, Constant, наследуетъ ему на престолѣ.

Основная идея повѣсти: нелюбовь стараго императора-язычника къ мальчику и потомъ юношѣ, которому суждено быть его наследникомъ. Что подъ Constans разумѣлся, первоначально, не Константъ, а Константинъ Великій, основатель Константинополя, я позволилъ себѣ заключить изъ слѣдующихъ стиховъ старофранцузской поэтической легенды:

Pour ce que si nobles estoit,
Et que nobles oeuvres faisoit,
L'appelloient *Constant le noble*,
Et pour çou ot *Constantinoble*
Li cyté de Bissance a nom ¹⁾.

Другая романтическая повѣсть о рожденіи и юности Константина Великаго, извѣстная главнымъ образомъ изъ итальянскихъ источниковъ ²⁾, является какъ-бы дополненіемъ старофранцузской. Константинъ — незаконнорожденный сынъ Кон-

¹⁾ Сл. выше, стр. 213—214, прим. 1.

²⁾ Я указалъ на пересказы Jacopo d'Acqui и Dittamando; съ тѣхъ поръ литература этой легенды увеличилась, благодаря разысканіямъ R. Köhler'a, Heydenreich'a и Coen'a: Anonymus Heydenreichianus, рассказъ Іоанна Веронскаго и извлечение изъ него у Петра de Natalibus; Libro Imperiale; новеллы объ Urbano и Manfredo.

станта и Елены, которой Константинъ, разставаясь, дарить на память драгоценное украшеніе. Мальчика похищаютъ купцы и везутъ его въ Византію, гдѣ выдаютъ его за сына римскаго императора. Принятый за такового онъ женится на дочери византійскаго царя, и тѣ-же купцы везутъ обратно молодыхъ, но прельстившись богатымъ приданымъ, покидаютъ ихъ на необитаемомъ островѣ, откуда Константинъ и его жена спасаются на проходившемъ случайно кораблѣ. Въ Римѣ Константинъ отыскиваетъ свою мать, и происходитъ взаимное признаніе между нею и Константиномъ, при чемъ царскій подарокъ служитъ ей знаменіемъ. Купцы наказаны, а Константинъ объявленъ наследникомъ восточнаго и западнаго императоровъ. Первый, тестъ Константина, носитъ, въ рассказѣ Ясоро d'Asqui, имя Валерія = Галерія.

Я не сомнѣваюсь, что обманная свадьба Константина, незаконорожденнаго, не имѣвшаго право на царство, съ дочерью византійскаго императора, наследникомъ котораго онъ становится, отвѣчаетъ роковому браку легенды, предотвратитъ который не въ силахъ никакія ухищренія тестя. Нѣтъ только предвѣстій будущаго величія и идеи преслѣдованія: то и другое подсказываетъ, въ другомъ порядкѣ, Никифоръ Каллистръ, или скорѣе, его источникъ ¹⁾; если у него недостаетъ рассказа о бракѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду различіе между свободно амплифицирующей легендой — и той, которая выдаетъ себя за исторію. — Константинъ, посланный на востокъ съ цѣлью заключить миръ съ Персами, Парянами и Сарматами, видится съ Еленой не въ Римѣ (какъ въ итальянскихъ повѣстяхъ), а въ Дрепанумѣ на Никомидійскомъ заливѣ ²⁾. α'Ευτάθ' ὁ Κωνσταντ

¹⁾ Я имѣю въ виду недавнее еще житіе Константина и Елены, найденное г. Эрнштедтомъ въ одной рукописи XI-го вѣка; см. выше, стр. 201, прим. 1. Оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ и дало матеріалъ для Похвального Слова Константину и Еленѣ; приписываемого въ рукописяхъ Евгенію Триновскому.

²⁾ Происхожденіе св. Елены предполагается въ легендахъ то западное (Триръ, Англія), то восточное. У арабскаго лѣтописца Евтихія императоръ Константинъ находитъ Елену уже христіанкой въ одной деревнѣ Roha'ъ,

γενόμενος εἰς ἔρωτα συνουσίας ἤκεν. Ἐπεὶ οὖν τὸν λόγον ὁ ξεναγὸς διέγνω, ἐφ' οὗ καταλύων ὁ Κώνστας ἐτύγχανεν, ὑποβάλλει αὐτῷ τὸ θυγάτριον, τὴν περὶ αὐτὸν βασιλικὴν δορυφορίαν ἰδὼν, ὥραν ἤδη γάμου ἔχον, καὶ ἀκμαῖον μάλα τὸ εἶδος προβεβλημένον. Ὡς δ' ἐκείνῳ τὰ τοῦ γάμου τετέλεστο, μισθὸν τῆς συνουσίας, ἐπιπλόν τι ποικίλον πορφύρα διηλειμμένον τῇ γυναικὶ ἐχαρίζετο. Παράδοξον δέ τι κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τῷ Κώνστα συνέβη ὄρα̃ν, ὃ καὶ εἰς δέος εἰσῆγε καὶ τὴν γυναῖκα παραφυλάττειν ἀχραντον, ὡς κειμήλιόν τι φέρουσαν, τῷ ταύτης παρηγγύα πατρὶ, καὶ τὸ ἐκ ταύτης τεχθέν ἀσφαλῶς φυλάττειν· ὄρα̃ν γάρ ἔλεγε κατ' ἐκείνην τὴν νύκτα τὸν φωσφόρον ἔνδον τῆς σκηνῆς ἀνατέλλοντα παρὰ φύσιν ἔμπαλιν ἐκ τῆς παρ' ὠκεανῷ ἐσπερίας εὐνῆς. Ὁ μὲν οὖν τὰ τῆς πρεσβείας καλῶς διαθέμενος, δι' ἄλλης ὁδοῦ πρὸς τὴν Ῥώμην ἀνήγετο, καὶ Καῖσαρ σύναμα Μαξιμίνῳ τῷ Γαλλερίῳ κατὰ Ῥώμην ἀναγορεύεται. Ἐν οὐ πολλῷ δὲ μέσῳ χρόνῳ καὶ Αὐγουστοὶ ἐφημίζοντο. Τὸν γάρ Ἐρκούλλιον βασιλεῖα ἐν Ῥώμῃ καταστήσας Διοκλητιανός, αὐτὸς διέβαινε πρὸς τὴν Νικομήδειαν. Ὡς δὲ χρόνῳ προήκοντι πρεσβεία πάλιν ἐπὶ Πάρθους ἐστέλλετο, ἐπὶ τὸ Δρέπανον οἱ πρέσβεις αὐδὶς διανεπαύοντο. Ὁ δὲ τῷ Κώνσταντι γεννηθεὶς ἐκ τῆς τοῦ ξεναγοῦ θυγατρὸς Ἑλένης παῖς Κωνσταντῖνος, μεираκιον ὢν, ἀθύρμασί τε παιδικαῖς διατρίβων, πρὸς τινος τῶν ξενωθέντων παροξυνθεὶς, οὐ μετρίως ἐχόλα, καὶ ἀκαδέκτως εἶχε παῖς ἐπιπλήξεις. Ἡ δὲ μήτηρ ὡς εἶη παῖς Κωνσταντος διεσάφει, παρεδείκνυ τε τὸ πέπλον, πορφύρα δισκευασμένον, ἐξάγουσα. Ἡ δὲ τῆς μορφῆς ὄψις οὐκ ἀγεννὲς σημεῖον ὡς εἶη παῖς ἐκείνου σαφῶς κατεμήνυεν. Ὡς δ' ἔγνω Κώνστας ἕκαστα διηγουμένων τῶν πρέσβων, χρόνῳ ὕστερον βασιλικῇ δορυφορίᾳ τὸν τε παῖδα σὺν τῇ μητρὶ ἐς Ῥώμην ἀνήγε. Δεδοικῶς γε μὴν μή τι ἐκ ζηλοτυπίας τῆς ἐκ νόμων γυναικὸς Θεοδώρας ἀττόν τι τῇ Ἑλένῃ καὶ τῷ παιδὶ ἐπιγένηται, τὸν μὲν Κωνσταντῖνον ἐς Διοκλητιανόν κατὰ τὴν Νικομήδειαν

въ Эдесской области, и испросивъ согласія ея отца, женится на ней. Елена родить впоследствии сына Константина, который воспитывается въ Робаѣ въ греческой мудрости. — Что касается до Эдесской локализации Елены, то оно объясняется смѣшеніемъ ея съ другою Еленою, супругою Эдесскаго царя Авгаря.

διατρίβοντα σύναμα τῷ γαμβρῷ τῷ Γαλλερίῳ Μαξιμίῳ ἀνέπεμπεν· καὶ ὅς, φιλοφρόνως ὑποδεχθεὶς ἐν τῷ παλατίῳ διήγε, δομέστικος προχειρισθεὶς τῶν σχολῶν. Καὶ παιδείας τῆς τῶν Ἑλλήνων μετέγχε τὰ χριστιανῶν ἀσπαζόμενος (I. VII, с. 18) ¹⁾.

Ὅρων δ' ἐκείνους τοὺς τῶν χριστιανῶν αἵμασι χαίροντας, διὰ μίσους ἐποίητο τὴν συνοικίαν. Ἐκεῖνοι δὲ δεισιδαίμονες εἴπερ τινὲς γεγονότες, οἰωνοζόμενοι τε καὶ ἠπατοσκοποῦντες, ἐγνώσαν ἀπορρήτως τὸν Κωνσταντῖνον οὐ μόνον σύμπαν τὸ κράτος ὑπ' αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἑλλήνων πλάνης καθαιρέτην τε καὶ ἀφανιστὴν, Χριστοῦ δὲ καὶ χριστιανῶν διάπυρον ἔραστήν ἔσεσθαι. Ἀμέλει τοι καὶ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ μὲν Διοκλητιανός, καίπερ γενναίας ἔργα χειρὸς δράσαντα ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἄχιλλέα τῆς Αἰγύπτου ἐπαναστάσει, τὸν Κωνσταντῖνον ἀνελεῖν ἐπεχείρει· Γαλλέριος δὲ ἐν Παλαιστίνῃ τῆς ἐπιβουλῆς ἤπτετο. Τὸν γοῦν λεληθότα δόλον τῶν κρατούντων διεγνώκως, Θεοῦ δὲ ἦν ἄρα τοῦ πάντα σὺν λόγῳ διέποντος, ἄρας ἐκ τῆς Νικομήδους, ἐπὶ τὰς Γαλλίας πρὸς τὸν πατέρα μετέβαινεν, οὐχ ἦττον κάκεινον τὸν παῖδα ἐγκαλούμενον, οἷα δὴ τὰ χριστιανῶν πρεσβεύοντα, καὶ ἐν τελευταίαις τῆς διαθήκης ὄντα ἀναπνοιαῖς (ib. I. VII, с. 19). Умирающій Константинъ самъ вѣнчаетъ сына царскими вѣнцами.

Легко усмотрѣть изъ какихъ элементовъ и по какимъ побужденіямъ сложилась Константиновская легенда. Надо было помнрть незаконное происхождение Константина, не открывавшее ему пути къ престолу (во французскомъ сказаніи онъ даже сынъ простаго смертнаго), съ его будущимъ величіемъ; и вотъ его рожденіе обставляется знаменіями: Константу снится вѣщій сонъ; сцена съ отцомъ-звѣдочетомъ, открывающая французскую легенду, замѣняетъ этотъ мотивъ другимъ, который у Никифора Калиста является позже: я разумѣю волхвованія императоровъ, открывающія имъ судьбу Константина и вызывающія ихъ гоненія. Гоненія стараго царя во французскихъ сказаніяхъ мотиви-

¹⁾ См. выше (стр. 293 въ прим.) показаніе Евтихія — и Якова d'Acqui: ad scolae Judaeorum et Graecorum vadit. — Coen, I. с. р. 39 прим. 1 указываетъ на Jul. Pollucis, Hist. physica, въ переводѣ Hardt'a р. 249: Constantinus vero adhuc puer apud orientis tyrannum educabatur graecis imbutus disciplinis.

руются такимъ-же пророчествомъ, прочтеннымъ въ звѣздахъ, и разработаны по типу сказки о преслѣдуемомъ зятѣ, о суженомъ, котораго конемъ не объѣдешь. Женившись на дочери императора, не смотря на всѣ препятствія, поставленные на пути, Константинъ получилъ право на престолъ. Если въ итальянскихъ повѣстяхъ идея преслѣдованія забыта, то бракъ всё-же устраивается при особыхъ условіяхъ, въ которыхъ судьба переяла ухищренія людской воли: Константинъ женится на дочери Галерія (Ясоро d'Asqui), своего гонителя (Ник. Каллисть).

Но народная фантазія не остановилась на такой реабилитаціи: рожденіе Константина не только было обставлено чудесными знаменіями, оно само было чудесно. Такъ въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда ¹⁾.

Царьградъ построенъ не человѣческою рукою, а созданъ самъ собою. Говорятъ, какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческой черепъ и наступилъ на него конемъ. Зачѣмъ наступаешь ты на меня? говоритъ ему мертвая голова; хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ. — Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ её, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебираться въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палець, опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ. Съ той поры она забеременѣла. Когда впоследствии стали доискиваться, какая тому причина, дознали, что всё это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вцѣпилъ ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ-ли онъ то сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ принести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотреть, за что схватится ребенокъ; тотъ схва-

¹⁾ Караѣић, Српски рјечник, 2-ое изд. а. в. Цариград.

тился за золотые, а на угли не обратилъ вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы. Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говорить: Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Юноша бродитъ по свѣту, пришелъ на мѣсто, гдѣ теперь Царьградъ, видитъ тернъ, вокругъ котораго обвилась змѣя: змѣя кусаетъ тернъ, а тернъ еѣ колетъ. Думаетъ про себя: Вотъ тѣ два зла! Пошелъ кругомъ разсматривать тѣ мѣста и какъ сталъ доходить до терна, остановился и говорить: Вотъ гдѣ надо остановиться. Сказалъ и оглянулся, а отъ мѣста, гдѣ онъ сталъ, до того, куда онъ доходилъ, очутилась стѣна; кабы не сказалъ онъ тѣхъ словъ и не остановился, стѣна дошла-бы до самаго терна. Говорять, что и теперь еще въ Константинополѣ нѣтъ стѣны на этомъ пространствѣ. — Впослѣдствіи онъ самъ сталъ тутъ царемъ, отнявъ власть у своего дѣда.

Собраніе болгарскихъ пѣсенъ г. Качановскаго представляетъ два любопытныхъ разнорѣчія одной пѣсни, отношенія которой къ предыдущимъ сказаніямъ могутъ стать предметомъ вопроса. Нѣтъ родственной связи между преслѣдователемъ и преслѣдуемымъ; въ одной пѣснѣ говорится о чудесномъ зачатіи послѣдняго, и въ ней-же является дѣйствующимъ лицомъ Константинъ, но въ роли не гонимаго, а гонителя. Сближеніе съ сербскимъ духовнымъ стихомъ у Караджича II, стр. 89—93 = Безсоновъ, Калѣки I, № 139, стр. 618—624, позволяетъ предположить, что имя Константина являлось и во второй болгарской пѣснѣ у г. Качановскаго, гдѣ царь оставленъ безъ названія.

Сообщаю содержаніе первой пѣсни изъ сборника г. Качановскаго № 113:

Тодора влахиня осталась съ девятью сиротами, которыхъ похищаетъ у ней чума. Любимаго сына Дмитрія она закопала на своемъ дворѣ и утромъ и вечеромъ ходитъ къ нему на могилу и причитаетъ: «Не жестка-ли тебѣ, сынокъ, земляная постеля,

не жестко-ли каменное изголовье?» Она жжетъ передъ нимъ свѣчи, проливаетъ слезы; отъ свѣчей покровъ загорѣлся, слезы растопили гробъ; жалуется ей земля. Подивилась тому Тодора, идетъ въ садъ, сорвала два гіацинта и сунула за пазуху. Оттого она забеременѣла. — Пеплу отъ мертвой головы въ сообщенномъ выше преданіи соответствуетъ здѣсь не одно зачатіе отъ гіацинта, но и предшествующая тому сцена у могилы, хотя связь между тѣмъ и другимъ актомъ оказывается забытой.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ Тодора родила «дете самотворно», на головѣ золотая «айманлія» (амайлія — ладонка?), подъ руками трепещутъ золотыя крылья. Мать зоветъ пять поповъ, пять кумовъ, окрестила мальчика, назвала его Іованомъ, поетъ надъ нимъ и приговариваетъ: «Люли, Нане, самотворное дитя, да выростешь ты юнакомъ надъ юнаками, да отнимешь у царя царство, да будешь побѣдоноснымъ!» Услышали то злые сосѣди, отписали царю Константину; онъ посылаетъ въ Волошскую землю двухъ юнаковъ, привести ему «дете самотворно», которое велитъ бросить въ темницу — пусть ѣдятъ его тамъ змѣи да гущеры. А самъ онъ между тѣмъ разболѣлся: промежъ костей проросла трава, изъ очей вылетали мухи, въ ушахъ завелись мыши; и не найти противъ той болѣзни лѣкарства. Это прокляла меня мать того дитяти, думаетъ царь и посылаетъ въ темницу — собрать кости ребенка и отнести матери — пусть на нихъ посмотрятъ. Но посланному представляется тамъ неожиданное зрѣлище: мальчикъ сидитъ на шелковой постелѣ, св. Петка держитъ его, св. Недѣля свѣтитъ ему свѣчею, самъ онъ читаетъ книгу Евангелія. Поднялся, пошелъ къ царю Константину, схватили его, выткнулъ ему черныя очи, отсѣкъ бѣлыя руки, далъ ему деревянную чашку, вынесъ на большую дорогу и говоритъ: Вотъ гдѣ тебѣ царить, вотъ гдѣ королевать! — А самъ играетъ съ легкимъ буздуганомъ — въ девятнадцать окъ — и садится на царскій престолъ.

Таково содержаніе болгарской пѣсни, сокращенное у Милединовыхъ № 49 (Іованъ сынъ вдовицы; нѣтъ чудеснаго зачатія;

«краль отъ Будима»; у Иована «на рѣчка писмо написано — Писмо пише краля да бидить»), повторяющееся съ небольшими отиѣнами и въ слѣдующемъ варьантѣ сборника г. Качановскаго, № 114. Отличія касаются именъ: ни царь, ни юноша не названы, имя матери Марія; нѣтъ чудеснаго зачатія; когда «Маринно дитя» оказалось живымъ въ темницѣ, царь приказываетъ принести его къ себѣ, готовъ отдать ему царство, но ребенокъ велитъ самаго царя заключить въ ту-же тюрьму, гдѣ и онъ томился, и тогда уже воцаряется.

Въ пѣснѣ у Караджича (Српске нар. пјесме из Херцеговине № 26), какъ и у Миладниновыхъ № 50, сынъ названъ Иованомъ, царь безъ имени, чудеснаго зачатія нѣтъ. Въ сербской редакціи мать поетъ надъ сыномъ: пусть растеть,

Да у цара преузмено царство,
Царевина твоја ђедовина,
Краљевина твоја бабовина.

Чудесный юноша сноситъ голову царю и самъ воцаряется. — Въ болгарской пѣснѣ Иованъ — сынъ «Струмницы-невесты»; мать причитаетъ надъ нимъ:

Нани ми, пани, малечокъ Јо'ане!
Два дни те гледафъ, колку две години,
Три дни те гледафъ, колку три години,
Ти ми нмашъ голема нишана,
На чело нмашъ кжрсть позлакенъ,
Ако богъ да' и сугено бидить,
Ке му земиншъ цару царщина-та.

Царь, не названный, велитъ привести къ себѣ чудесное дитя и говорятъ своимъ:

«Варлете го въ атой-те да г'изгазѣтъ.
Го вардѣ'е тѣ въ ато'н-те,
А това сѣ качи на ато'н!
«Варлете го въ силна вурна д'изгорить».

Го вардї'е тїе въ силна вурна;
 Кога сутра го видо'а дете,
 Сѣжресподзе тоа вѣде седитъ,
 И ми невьт бѣла книга ¹⁾.

Я полагаю, что именно это разнорѣчіе пѣсни объяснить намъ нѣсколько загадочный сербскій стихъ о царѣ Константинѣ и дьякѣ самоучкѣ, напечатанный Караджичемъ II, № 19. Въ основѣ его лежатъ знакомыя намъ отношенія стараго царя, грѣшнаго, маловѣрнаго, къ чудному ребенку или юношѣ, котораго онъ преслѣдуетъ, садитъ въ темницу, гдѣ онъ остается живъ, и куда на его мѣсто попадаетъ самъ царь. Послѣдній названъ въ сербской пѣснѣ Константиномъ, роль юноши играетъ «дьякъ самоучка», двойное заключеніе разработано, какъ и въ предъидущей пѣснѣ, по мотивамъ извѣстной легенды объ Андрѣ Критскомъ и популярной именно въ сербской поэзіи темы о кровосмѣсителѣ. Это должно было измѣнить и стиль всей пѣсни.

На пиру у царя Константина сидятъ за золотымъ столомъ двѣнадцать владыкъ и четыре патріарха, за серебрянымъ треста

---

¹⁾ Пѣсня Богоровскаго сборника № 38 относится къ нашему циклу, но къ сожалѣнію, она, очевидно, не кончена: чума унесла въ Боснѣ 300 дѣтей, треста молодцовъ и столько-же дѣвушекъ — «Па не са е Босна запознала»; наконецъ она покидаетъ единственнаго сына у матери — «Тогасъ са е Босна запознала». Мать въ теченіи трехъ лѣтъ ходитъ трижды въ день на могилу сына, причитаетъ надъ нимъ:

«Помози Богъ, сыне Костадине,
 Мека ли е дървена постеля,
 Меко ли е бѣлъ камень за сглавье»?
 Отъ жалби е земля продумала:
 «Ой-ли ты, Костадинова мале,
 Стига море на гроби доходи,
 Въ коса ми са е змя исполнила,
 Испинила е до три замчета:
 Едно ми море църни очи пив,
 Второ-то ми тѣнки вежди пасе,
 Третьо-то ми бѣло лице грызе».

И мать перестала ходить на могилу. — Очевидно, это тоже начало, что и въ № 118 у Качановскаго; интересно въ богоровскомъ варіантѣ имя — *Константина*, данное умершему сыну.

калугеровъ, за буковымъ триста дѣтей-дьяковъ, между ними дьякъ самоучка. Царь ходитъ отъ стола ко столу, поклонился владыкамъ, калугерамъ и дьякамъ и у всѣхъ порознь просить разрѣшить его по исповѣди: тяжкій грѣхъ онъ учинилъ, билъ своихъ родителей. Владыки и патриархи говорятъ, что грѣхъ этотъ простится ему, если онъ сдѣлаетъ имъ драгоценные шатры: говорятъ не по Божьему закону, а царю въ угоду; такъ и калугеры: пусть щедро заплатитъ за поминанье и постройтъ монастыри, инокѣ стануть Бога молить и грѣхъ отмолятъ. На вопросъ царя дѣти-дьяки молчатъ, говоритъ дьякъ самоучка: пусть царь сдѣлаетъ келью изъ лучины, намажетъ её саломъ и дегтемъ, затворится въ ней и зажжетъ съ четырехъ сторонъ. Пусть горитъ съ вечера до свѣту; коли царь останется живъ, грѣхъ ему прощень. — Константинъ велитъ устроить всё, какъ наказывалъ дьякъ, и его самого посадить въ келью, которую и зажигаютъ. На другой день, когда царь пришелъ освѣдомиться о немъ,

Одъ телце ништо до пенеда,
Насредъ нега самоуче дяче,
У руку му книге салтнерн,
Те се моли Богу по закону.

Тогда царь приказываетъ тотчасъ-же соорудить другую келью и въ ней подвергаетъ самъ себя тому-же испытанію. Дьякъ, пришедшій навѣстить его на другое утро, ничего не находитъ въ пеплѣ — кромѣ правой руки царской:

Нѣмъ е млога добра учнино,
Млоге гладне есте наранно,
А жедне е царе напоно,
Голе-босе есте преодео,
Надгледао ништа и убога:
За то му се посветила рука.

Сообщенную нами сербскую пѣснь нельзя отдѣлять отъ приведенныхъ выше болгарскихъ: всѣ они сходятся въ типѣ царя-преслѣдователя, который въ двухъ случаяхъ названъ Констан-

тиномъ, тогда какъ въ предыдущей группѣ сказаній (старо-французское и сербское) это — имя юноши, гонимаго царемъ. Связь между схемами той и другой группы очевидна; отличія едва-ли могутъ быть объяснены однимъ внѣшнимъ перемѣщеніемъ именъ. Легенда о чудесно-рожденномъ мальчикѣ, смѣняющемъ стараго царя-язычника, могла привязаться первоначально къ памяти Константина Великаго; въ сложившемся такимъ образомъ сказаніи Константинъ могъ явиться впоследствии въ роли своего противника — подъ влияніемъ другихъ историческихъ воспоминаній. Я имѣю въ виду Константина Копронима, иконоборца, отвергавшаго вмѣстѣ съ иконами и предстательство святыхъ, и поклоненіе мощамъ, и названіе Маріи Богородицей. Константинопольскій иконоборческій соборъ 754 года рѣшилъ «не по Божьему закону, а царю въ угоду», какъ владыки и патріархи и калугеры пѣсни у Караджича; по Божьему закону говоритъ лишь дякъ-самоучка, за что и принужденъ пострадать, какъ страдали въ то время другіе историческіе подвижники или только сторонники православія. — Одною изъ нихъ, патрикія Вастангія, царь велѣлъ усѣчь; *μετὰ δὲ λ' ἔτη ὁ μνησίκακος καὶ ἀσπλαγχνὸς βασιλεὺς προσέταξεν ἀπελθεῖν τὴν αὐτοῦ γυναῖκα ἐν τῇ μονῇ τῆς Χώρας, ἔχεισε γὰρ ἦν ταφεῖς, καὶ ἀνασχάσαι αὐτοῦ τὰ ὀστέα καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ παλλίῳ βαστάσαι καὶ εἰς τὰ λεγόμενα Πελαγίου μνήματα μετὰ τῶν βιοθανάτων ρίψαι¹⁾* — какъ въ пѣснѣ у Качановскаго № 113 Константинъ велитъ отнести матери кости ея замореннаго ребенка. — Съ православной точки зрѣнія необычайныя явленія въ небѣ и природѣ, кометы и бездождица, страшный холодъ и землетрясенія должны были явиться знаменіемъ грядущей кары за нечестіе людей. Говорили, что въ Месопотаміи земля разсѣлась на двѣ мили и обнаружила другую бѣлую и песчаную землю, изъ срединны-же пропасти вышелъ лошакъ, провѣщавшій человѣческимъ голосомъ²⁾ нашествіе иноплеменниковъ³⁾. — Чудесное рожденіе ребенка

¹⁾ Theophanis Chronographia ed. de Boor, v. I, стр. 420.

²⁾ ib. p. 426.

безъ отца въ болгарской пѣснѣ могла быть понято, какъ такое-же знаменіе императору, говорившему патриарху: μὴ λογίσῃ υἱὸν θεοῦ εἶναι ὃν ἔτεχε Μαρία, τὸν λεγόμενον Χριστόν, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον· ἡ γὰρ Μαρία αὐτὸν ἔτεχεν, ὡς ἔτεχεν ἐμὲ ἡ μήτηρ Μαρία ¹⁾. — Въ этомъ мистическомъ освѣщеніи могли представиться и голодъ, объявившійся въ Константинополѣ, занятомъ Артаваздомъ, и страшная чума 747—8 годовъ. «Ἐγένετο δὲ λίμος ἰσχυρὰ ἐν τῇ πόλει, ὥστε πρᾶθῆναι τὸν μόδιον τῆς κριθῆς νομισμάτων ἰβ', τοῦ δὲ ὀσπρίου ιθ', τοῦ δὲ κέγγρου καὶ τοῦ λουπίνου νομισμάτων ἦ', τὸ δὲ ἔλαιον ε' λιτραι τοῦ νομίσματος, καὶ ὁ ξέστης τοῦ οἴνου σημισίον» ²⁾. Такимъ-же реальнымъ описаніемъ голода («Кутю жито педесѣ грошеве, Ока просо дванаѣсе гроша») открывается и болгарская пѣсня, переходящая за тѣмъ къ описанію страшнаго мора, унесшаго между прочимъ, и девять дѣтей Тодоры (Качановскій I. с. № 113). Θεοφάνη ³⁾ считаетъ чуму (νόσος τοῦ βουβῶνος), посѣтившую Византию при Констанτίνѣ Копронимѣ, наказаніемъ Божиимъ: ἤρξατο δὲ αἰφνης ἀσράτως γίνεσθαι ἐν τε τοῖς τῶν ἀνθρώπων ἱματίοις καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν ἱερά εὐδύματα (καὶ εἰς τὰ βῆλα) σταυρία ἐλαιώδη πλεῖστα. Ἐγένετο οὖν ἐντεῦθεν τοῖς ἀνθρώποις λύπη καὶ ἀθυμία πολλή τῇ τοῦ τοιοῦτου σημείου ἀπορίᾳ· κατέλαβε δὲ καὶ θεομηνία ἀφειδῶς ὀλοθρεύουσα οὐ μόνον τοὺς ἐν τῇ πόλει, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ αὐτῆς. ἐγένοντο δὲ καὶ φαντασίαι εἰς πολλοὺς τῶν ἀνθρώπων, καὶ ἐν ἐκστάσει γενόμενοι ἐνόμιζον ξένοις τισίν, ὡς ἐδόκουν, καὶ βριαροῖς προσώποις συνοδεύειν, καὶ τοὺς ἀπαντῶντας αὐτοῖς ὡς διῆθεν φίλους προσαγορεύοντας καὶ διαλεγομένους. σημειούμενοι δὲ τὰ παρ' αὐτῶν λαλούμενα ἔσχατον ἐξηγοῦντο. ἐώρων δὲ τοὺς αὐτοὺς καὶ εἰς οἴκους εἰσερχομένους, καὶ τοὺς μὲν τοῦ οἴκου ἀναιροῦντας, τοὺς δὲ ξίφει τιτρώσκοντας. — Лѣтомъ болѣзнь развилась съ страшной силой: цѣлыя деревни опустѣли, не хватало ни рукъ, ни мѣста для погребенія мертвыхъ, которыхъ бросали въ высохшія ци-

¹⁾ ib. p. 415.

²⁾ I. с. p. 419.

³⁾ I. с. p. 423—4.

стерны, зарывали въ садахъ и виноградникахъ — какъ Тодора своего сына Димитрія ¹⁾).

Смерть Константина представлялась смертью отступника ²⁾: онъ ополчился на Болгарь, και δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν θεηλάτῳ πληγῇ ἀνδρακωθεῖς κάντεῦθεν πυρετῷ σφοδρῶτάτῳ και ἰατροῖς ἀγνώστῳ δι' ὑπερβάλλουσαν ἐκχαυσιν συσχεθεῖς κατὰ τὴν Ἀρχαδιούπολιν ὑπέστρεψεν. Будучи довезенъ до Селимврии и водою до крѣпости Стронгила, θνήσκει βοῶν και λέγων, ὅτι ζῶν ἐτι πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθη, τὴν τε ἀγίαν Παρθένον και Θεοτόκον ὑμνεῖσθαι ἐξαιτῶν ὁ ἀσπονδος αὐτῆς ἐχθρός. — Переданный реальными красками народной поэзіи этотъ рассказъ о смерти Копронима легко могъ очутиться въ сербской пѣснѣ эпизодомъ — *о ея сожженіи за-живо*. Если говорится, что отъ сожженія сохранилась лишь десница царя, за то, что творила милостыню, то это, быть можетъ, такая же попытка частной реабилитации, какъ въ рассказѣ «о загробномъ прощеніи Θεοφιλα»: будто-бы по просьбѣ императрицы Θεодоры патріархъ написалъ имена всѣхъ еретиковъ, въ ихъ числѣ и ея покойнаго мужа, и положилъ запись на трапезѣ въ великой церкви,

¹⁾ Политъ, Αἱ ἀσθένειαι κατὰ τοὺς μύθους τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ, характеризую средневѣковья и новогреческія народныя представленія о болѣзняхъ, приводятъ, въ сравненіе съ рассказомъ Θεοφана, и повѣствованіе Προκοпіа о чумѣ въ Византіи при Юстиніанѣ (Procop. Hist. ed. Bonn., p. 251): φάσματα διαμόνων πολλοῖς ἐς πᾶσαν ἀνδρώπων ἰδέαν ὤφθη, ὅσοι τε αὐτῆς παραπίπτοιεν, παίσσθαι ὤοντο πρὸς τοῦ ἐντυχόντος ἀνδρός, ὅπη παρατῦχοι τοῦ σώματος, ἅμα τε τὸ φάσμα ἐώρων και τῇ νόσῳ αὐτίκα ἠλίσκοντο. — Многие отъ страха забирались въ домахъ, но это не помогало: τισὶ δὲ οὐχ' οὕτως ὁ λοιμὸς ἐπέσκηψεν, ἀλλ' ἔβιν ὄνειρου ἰδόντες ταῦτο τοῦτο πρὸς τοῦ ἐπιστάντος πάσχειν ἐδόχουν, ἢ λόγου ἀκούειν προλέγοντος σφίσιν ὅτι δὴ ἐς τῶν τεθνηζομένων τὸν ἀριθμὸν ἀνάγραπτοι εἶεν (Πολίτης I. c. p. 24—5). — Сравни. рассказъ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 92) о моровой язвѣ, бывшей въ 1092 году въ Полоцкѣ: «средивно быти Полоцкѣ: нъ мечтѣ ны бываше, въ ноци тутѣнъ стаѣаше по улицѣ, яко человекъи рещищоще бѣси; аще кто уызвѣаше изъ хоромыны, хотя видѣти, абые уызвѣнъ бѣше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху и не смѣху нализити изъ хоромъ. Посенъ-же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уызвѣяху люди полотьскыя и ихъ область; тѣмъ и человекъи гааголаху: яко навье бьютъ Полочаны».

²⁾ Theophanes I. c. p. 448.

и по молитвѣ святителей имя Θεοφιλα было изглажено изъ списка ¹⁾).

Ламврѣ ²⁾ даетъ особое значеніе эпохѣ иконоборцевъ въ развитіи византійской поэзи: она не только ввела въ литературный обиходъ народный языкъ, но и опредѣлила измѣненіе литературныхъ вкусовъ: духовная поэзія слабѣетъ, нѣтъ боѣ великихъ гимнографовъ, наоборотъ, замѣчается большее расположеніе къ сюжетамъ свѣтскаго содержанія. — Я не знаю, на сколько эта характеристика вѣрна и предполагаетъ-ли она ослабленіе релігіозныхъ интересовъ въ народѣ и народной пѣснѣ подъ отрицательнымъ вліяніемъ иконоборческихъ идей. Съ другой стороны я не утверждаю, чтобы болгаро-сербскія пѣсни о Константиѣ — если я вѣрно истолковалъ ихъ историческія отношенія ³⁾ — были прямымъ отраженіемъ народныхъ памятей о его церковной дѣятельности; онѣ могли сложиться на основаніи какого-нибудь писаннаго, полукнижнаго преданія, но преданія, явившагося по слѣдамъ совершившихся фактовъ и на основаніи оцѣнки, близкой къ нимъ по времени.

Присоедините къ двумъ Константинамъ (Великому и Копропиту), отразившимся въ южно-славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, еще и послѣдняго императора того-же имени, котораго слѣдуетъ

¹⁾ А. Поповъ, Хронографы I, 88.

²⁾ Lambros, Collection de romans grecs etc. Introd. p. V—VII.

³⁾ Пр. Дриновъ (Arch. f. slav. Phil. VII, стр. 112) иначе понимаетъ историческія отношенія болгарскихъ сказаній и пѣсень о Константиѣ, разобранныхъ въ этой и предъидущей главѣ (у Качановскаго №№ 118—117): онъ указываетъ на Костадина-бега, владѣнія котораго въ сѣверной Македоніи еще въ XV в. назывались: земля Костадина (о немъ см. К. Иречекъ, Исторія Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 482, 485, 446 и 458). Приуроченіе къ этому Константину въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно (напр. въ сказаніи о Кюстендигѣ, у Качановскаго, № 115), для большинства оно представляется мнѣ невѣроятнымъ. — Отмѣтимъ здѣсь, кстати, еще одну константиновскую легенду, сообщенную Сырку (Замѣтки о сочиненіи отца Антонина: Поѣздка въ Румелию, Журн. Мвн. Нар. Просв. 1880, стр. 24 отдѣльнаго оттиска): царь Константиѣ въ Никюпѣ (Nicolis ad Naemum) осажденъ Турками, которыми старуха-христіанка указываетъ, какъ взять городъ, отрывавъ отъ него воду.

разумѣть въ легендахъ и пѣсняхъ о паденіи болгарскаго, т. е. византійскаго царства (см. предыдущую главу) — и мы поймемъ причину эпической популярности этого имени и ея необходимое слѣдствіе: обращеніе историческаго имени въ эпонимъ. Какъ о греческихъ былинахъ можно сказать, что не всякій Никифоръ, въ нихъ воспѣтый, есть непременно Никифоръ Фока, такъ и Константины славяно-русской народной поэзіи не вездѣ историческія лица. Въ одной сербской пѣснѣ Марко Краевичъ женится на дочери Константинопольскаго царя, спасенной имъ отъ насильственнаго брака съ Арапинномъ, — и этотъ царь названъ Константиномъ. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ пересказѣ (у Качановскаго, № 124) къ Константину присоединена и «Елена царица»: Марко приводитъ къ нимъ ихъ дочь, имъ освобожденную, но отказывается отъ предложеннаго брака:

Я си имамъ любе за воденъе,
Я избавилъ твое мило чедо,
Твое чедо, па и мое.

Въ болгарской-же пѣснѣ у Миладиновыхъ № 105 Момчило любитъ сестру царя Константина отъ «Стамбула града». — На этой точкѣ зрѣнія стоятъ русскія былины: ихъ Константинъ и Елена — типическіе представители Византіи, безъ опредѣленнаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Эпонимія могла быть дана памятью о Константинѣ Великомъ и матери его *Еленѣ*, но, можетъ быть, и именами Константина Порфирогенита и жены его *Елены*: русскій эпосъ знаетъ *Елену* Александровну или Азвяковну женой своего Константина, а историческое преданіе позволяетъ предположить, что христіанское имя Елены было принято въ крещеніи Ольгой именно въ честь супруги Константина Порфиророднаго. — Для до-Владимировской исторіи русскаго эпоса этотъ фактъ не лишенъ значенія.

IX.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Сюжетъ о враждебной встрѣчи отца-богатыря съ неузнаннымъ имъ сыномъ ¹⁾ не разъ встрѣчается въ русскомъ эпосѣ (сл. пѣсни о Саулѣ Леванидовичѣ и Михаилѣ Игнатьевичѣ), но лишь при имени Ильи онъ является разработаннымъ въ надлежащей эпической полнотѣ, въ циклѣ пѣсенъ, которыя тѣмъ интереснѣе изучить, чѣмъ труднѣе приурочить ихъ къ пѣсенной биографіи Ильи въ дошедшемъ до насъ ея составѣ. Гдѣ имъ мѣсто? Въ ея срединѣ, или же въ ея концѣ? Для меня этотъ вопросъ предполагаетъ другой: принадлежалъ-ли весь этотъ эпизодъ къ древнему составу пѣсенъ объ Ильѣ, или введенъ въ него позднѣе? — Я думаю разобрать ихъ содержаніе, распредѣливъ ихъ по нѣсколькимъ внѣшнимъ группамъ, которыя обозначу, разумѣется, приблизительно, ихъ отличительными признаками ²⁾.

¹⁾ Къ бібліографіи этого мотива, кромѣ помѣченнаго выше, стр. 27, прим. 1, сл. еще: Fr. Hubad, *Nemáka pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanake* (изъ *Kres'a*, 1882 г., р. 680—88); *Krek, Razne malenkosti* (изъ *Kres'a*, 1883 г., р. 18—25); *Hist. littér. de la France*, XXI, 539; *Ausg. u. Abhandl. aus dem Gebiete der roman. Philologie*, III, 105; *Rajna, Le Origini dell'eroica francese*, р. 414.

²⁾ Отрывочные, видимо испорченные пересказы, напр. у Кир. I, № 1—3, стр. 1—5; будутъ приняты въ соображеніе лишь условно: въ № 1—2 рассказъ о боѣ непосредственно примыкаетъ къ судатилѣтнему судѣнію Ильи; во всѣхъ 3-хъ №№ врагъ названъ: Татарчѣкомъ, Татарченкомъ басурманченкомъ.

I.

I. Богатырская застава. — Сафатъ рѣка. — Горышка, Горычанка, Латыгорка и др. Кир. I, № 5, стр. 7—10:

У Сняго моря на заставѣ

Стоили тутъ пять богатырей:
 Первой — *Илья Муромецъ*,
 Второй — *Колыванъ сынъ Ивановичъ*,
 Третій — *Самсонъ Васильевичъ*,
 Четвертый — *Добрыня Никитичъ младъ*,
 А пятый — *Алѣша Поповичъ*.

Не пропускали они ни коннаго,
 Ни коннаго и ни пѣшаго,
 Ни царскаго, ни боярскаго,
 Ни звѣря рыскачаго,
 Ни птицы летучей.

.....

На зарѣ то было, зарѣ утренней,
 На разсвѣтчицѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ-то солнца яснаго,
 Отъ сна Илья пробуждается.
 Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
 Пошелъ Илья на Дявирь-рѣку,
 На Дявирь-рѣку умыватися,
 А самъ смотритъ во чисто полѣ.
 Завидѣлъ онъ добра молодца,
 Подъ молодцомъ конь какъ-бы лютый звѣрь,
 На конѣ молодець, какъ ясенъ соколъ,
 Хороша управа молодецкая,
 Хороши доспѣхи богатырскіе:
 По праву руку летитъ ясенъ соколъ,
 Въ рукахъ держитъ молодець третра-перо,
 Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
 Не могъ признать Илья добра молодца.

Онъ приглашаетъ богатырей перевѣдаться съ тѣмъ молодцемъ, коли онъ невѣрный, побрататься, если русский. Вызывается ѣхать Алѣша; «я, братцы, поудалѣе всѣхъ», говоритъ онъ о себѣ,

но пріѣзжій богатырь такъ отдѣлалъ его шелепугой подорожною, что «ѣдетъ Алѣша пьянъ, шатается». Тогда самъ Илья пускается въ погоню за добрымъ молодецмъ, и происходитъ бой отпа съ сыномъ, который въ этомъ пересказѣ названъ Бориской = бѣлгъ Борисъ Козловъ въ одномъ отрывкѣ у Кир. I, № 4, стр. 6—7; Збуть Борисъ Королевичъ младъ ib., № 6, стр. 11—15. — Мать его не названа; когда Илья

Металъ его выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Подхватывалъ его на руки,
 Тутъ то Бориско приужахнулся,
 Говорилъ онъ таковы слова:
 Ты охота, охота молодецкая!
 Полетай-ко, охота, къ моей матушкѣ!

(обращеніе къ соколу, неумѣстное именно въ этомъ эпизодѣ былины). — Днѣпръ-рѣка, на которой происходитъ дѣйствіе, замѣнена въ иныхъ пересказахъ *Сафатъ*-рѣкой. Такъ у Рыбн. I, № 13: Сахатаръ, Кир. I, № 6, стр. 11—15 (второй группы): Сафатъ; 1. с. № 2, стр. 3: Салфа-рѣка, № 3, стр. 4: Софа-рѣка; Гильф. № 114 (третьей группы): Евфратъ-рѣка.

Рыбн. I, № 13 открывается описаніемъ такой-же богатырской заставы на Сахатаръ-рѣкѣ (стихъ 200); богатыри: Илья, Добрыня, Михайло Потыкъ, семь братьевъ Грядовичевъ, Ома Долгополый, мужики Залѣшане, Алѣша Поповичъ (см. стихъ 35). Проѣзжаетъ дородній добрый молодецъ «во двѣнадцать лѣтъ»; «молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ» поетъ пѣсня, забывшая, что въ начальномъ текстѣ упоминался еще и соколъ — на рукѣ, либо на плечѣ молодца. — Илья думаетъ, кого-бы за нимъ послать; Алѣша слишкомъ «зарывчатъ»; послалъ Добрыню, но отъ одного крика Сокольника-охотничка Добрынинъ конь на колѣнки палъ,

И упалъ Добрыня съ добра коня,
 На сыру землю, въ ковыль траву,
 Лежалъ три часа за мертво.

Очнувшись, онъ ѣдетъ къ заставѣ, гдѣ оповѣщаетъ обо всемъ Илью, который

И нахвалъ богатыря у сна моря:
 Ъздитъ по тихимъ по заводамъ,
 Стрѣляетъ голубей, лебедей, пернастыхъ утушекъ.
 Закричалъ старій во всю голову:
 «Что-же ты, Сокольникъ-охотничекъ,
 На нашу заставу не приворачиваешь?».

Далѣе Илья вѣдается съ Сокольниковомъ, мать котораго названа «бабой Латымиркой». — Тѣ-же имена (Сокольникъ, Владымерка; рѣки нѣтъ), ту же богатырскую заставу въ началѣ (Илья, Добрыня, Алѣша, Чурила, Михайло Долгомѣровичъ, два брата Агрикановы) и, въ сущности, то-же развитіе представляетъ Рыбн. II, № 64.

Кир. IV, № 3, стр. 12—18: застава за Кіевомъ; на зарѣ, выйдя изъ шатра, Илья видитъ паленицу удалую:

Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
 На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
 На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
 У стремена прикована змѣя Горныская.

Кого послать за нимъ? спрашиваетъ Илья: не годятся ни Алѣша, ни Дунай — и онъ посылаетъ Добрыню, который рассказываетъ, вернувшись:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
 Потѣшается потѣхой дворянскою,
 Мечетъ копьѣ подъ высоту небесную,
 На конѣ подѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
 Самъ копьѣ наговариваетъ:
 «Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
 Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!»

Изъ отвѣта Ильи Добрынѣ (Ой ты гой еси, Алѣша Поповичъ младъ! Не твоя чаша, не тебѣ и пить!) несомнѣнно для меня, что въ первообразѣ былины выѣзжалъ противъ паленицы

и Алёша (сл. выше, Кир. I, № 5, стр. 7—10; Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12). Далѣ самъ Илья бьется съ сыномъ, Соколыничкомъ; мать его названа бабой Латыгоркой — и Амелёой Тимофеевной.

Пѣсня у Кир. I, № 2, стр. 52—56 говорить о заставѣ (Илья, Дунай, Добрыня, Алёша, Ванька Долгополюстый) и проѣздѣ Соколыничка-нахвалящичка, который оказывается впоследствии сыномъ молодой вдовы Омелфы Тимофеевны. Противъ него не посылають ни Ваньку, ни Алёшу, ни Добрыню — а Дуная, который, однако, не осмѣлился съѣхаться съ богатыремъ, противъ котораго выѣзжаетъ Илья.

У Кир. I, № 1, стр. 46—52 забыты родственныя отношенія паленицы «нахвалящичка» къ Ильѣ и начало пѣсни нѣсколько спутано. Начинается она заставой (Илья, Добрыня, Алёша, Гришка Боярскій сынъ, Васька Долгополище); Илья не рѣшается выслать противъ богатыря ни Ваську, ни Гришку, ни Алёшу, а снаряжаетъ Добрыню, который убоился нахвалящичка; Илья вѣдается съ нимъ самъ и тутъ-же убиваетъ его; весь эпизодъ о матери опущенъ. — Замѣтимъ, что та-же былина, въ той-же редакціи и почти томъ-же пересказѣ, помѣщена еще разъ въ сборникѣ Кир. IV, стр. 6—12, № 2.

Сильно подновленная былина у Кир. VII, Приложенія, стр. 1—7, № I, одна изъ немногихъ, замѣнившихъ трагическую развязку боя благополучнымъ, также открывается описаніемъ заставы, за Днѣпромъ: Илья, Алёша, *Лука да Матвей, дѣти боярскіе*; Добрыни нѣтъ въ перечнѣ, онъ названъ позже, когда Илья посылаетъ его противъ богатыря, являющагося съ палицей на правомъ плечѣ (вм. сокола), кречетомъ на другомъ, выжлоками при стремени («по стременью бѣгутъ сѣры выжлоки»). Встрѣтившись съ Ильей онъ говоритъ: «Полети, бѣлъ кречеть, во чисто поле, — Побѣгите, сѣры выжлоки, во темны лѣса. — Мнѣ теперь не до васъ пришло». Слич. Кир. I, № 5, стр. 7—10: паленица говоритъ соколу: *Полетай-ко, охота*, къ моеи матушкѣ; Кир. I, № 6, стр. 11—15: *Полети ты, соколъ, на сине море*.

Я полагаю вѣроятнымъ, что кичливыя, но едва-ли умѣстныя слова паленицы къ Добрынѣ: «Отлейся ты, какъ вода вешняя, Отъѣзжай, мужикъ - деревенщина, *Отлети, ворона перелетная*» — безмысленное искаженіе предыдущихъ, ставшихъ непонятными. — Въ началѣ былины обратимъ вниманіе на стихи, встрѣтившіеся намъ у Кир. I, № 5, стр. 7—10:

На зарѣ-то было, на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
.....
Изъ быстра Дѣвира умывается.

Къ восстановленію этой былины служитъ отчасти № 265 Гильф. (Святогоръ), также открывающійся заставой: Илья, Добрыня, Алѣша, Полѣшанинъ, Долгополянннъ, братья *Лука и Моисей, дѣти боярскіе*. Проѣзд богатыря, выѣзд Добрыни и бой Илья; богатырь говоритъ выжлоку (жижлець), который «выскочилъ съ подъ стремена»:

Подп, жижлець, да на свою волю,
Ловп, жижлець, да осетра-рыбу (sic!)
.....
Полеті, соколъ, да на свою волю.

Илья садится врагу на бѣлы груди и спрашиваетъ его: онъ называетъ себя Золотничаниномъ, крестнымъ сыномъ Илья. Полно ѣздить тебѣ по чисту полю, говоритъ онъ, пора тебѣ «душа спасти». Илья отпускаетъ его, ѣдетъ дальше и встрѣчается — съ Святогоромъ. Мы имѣемъ дѣло съ сводной былиной, но встрѣча съ *Святогоромъ*, очевидно, замѣнила другую: въ былинахъ слѣдующей группы Илья, послѣ боя съ сыномъ, Золотничаниномъ, принужденъ биться съ его матерью, паленицей *Горычанкой* = *Латыгоркой*.

Алѣша *Дородовичъ* у Гильф. № 250, какъ имя Ильина сына, вѣроятно, отвлеченъ отъ «*дороднячи*» молодца другихъ пересказовъ. Былина начинается заставой «на дорожки латынскіе»: Илья, Микита Романовичъ, Олѣша Поповичѣвъ; Илья не рѣшается

послать послѣдняго за «невѣжей», потому что «поповскіе роды задумчивы»; ѣдетъ Никита (племянникъ Ильи!) съ извѣстнымъ намъ результатомъ; бьется съ проѣзжимъ богатыремъ Илья; на вопросъ Ильи онъ отвѣчаетъ:

Я той орды, да я и той земли
Тово отца да товò матери,
Тово урожденія великаго,
Зовуть меня Алѣша Дорóдовичъ.

Богатыри цѣлуются, «назвались они братьями крестовыми», — потому что древнія отношенія забыты, равно какъ и образъ сокола и выжлеца.

Въ слѣдующей группѣ былинь о боѣ мотивъ заставы встрѣчается рѣже (Сафать рѣка лишь въ одномъ пересказѣ), появляется новое имя для матери и выступаетъ съ большимъ значеніемъ Добрыни. Я рѣшаюсь обозначить её такъ:

II. Выѣздъ Ильи и Добрыни. — (Вѣщанье ворона?). — Северьянична.

Рыбн. III, № 14: Илья и Добрыня выѣзжаютъ изъ Кіева на Фаворъ-гору, раскинули шатры и здѣсь опочивъ держать. До свѣту пробуждается Илья,

Самъ говорить таково слово:
Вставай, молодець, Добрынюшка Никитичъ!
У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черной воронъ,
Черной воронъ, самъ прокыриввалъ,
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
Выходи-ко, Добрыня, пзъ бѣла шатра
И погляди по дорогѣ прямо-ѣзжія,
Не проѣхала-ли паленица удалая,
Не подходитъ-ли подъ коней лютый звѣрь?

Добрыня приноситъ вѣсть о проѣздѣ богатыря:

Его храбра поѣзда молодецкаа,
Пскопыти у коня метано

По цѣлой овчины по барановой,
 У коня изо рта пламя вышетъ,
 Изъ ушей у коня кудрець дымъ валить;
 Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
 У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
 Ъдитъ молодець, самъ гѣшится,
 Шибаетъ налицу подъ облака,
 Назадъ онъ еѣ подхватываетъ.

Илья предлагаетъ Добрынѣ перевѣдаться съ богатыремъ, но тотъ не хочетъ:

Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
 Что его храбра поѣздка молодецкая.

Когда такъ, то поѣзжай въ Кіевъ къ молодой женѣ, да къ матери, я обойдусь и безъ товарищей, говоритъ Илья и, пустившись въ погоню за паленицей, вступаетъ съ нимъ въ бой. — Мать молодого богатыря названа «дѣвкой Сиверьяничной», самъ онъ — Васькой; позднѣе Сиверьянична говоритъ сыну объ Ильѣ: «Онъ меня въ полѣ побилъ — Со мною грѣхъ творилъ, — Съ того я тебя и прижила». — Тѣ-же имена встрѣчаются въ № 219 Гильф. (Фаворъ, Василей, Сиверьянична), тождественномъ съ приведеннымъ Рыбниковскимъ (что, однако, не помѣчено въ изданіи онежскихъ былинъ) и записанномъ отъ того-же лица. Недостаетъ лишь подробностей о соколѣ и выжлецѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ №№ 226 и 233 Гильф., существенно сходныхъ съ № 219, представляющихъ одну съ нимъ редакцію. Дѣйствующія лица: Илья и Добрыня; мѣсто дѣйствія: Фаворъ гора (№ 226), либо чисто поле (№ 233); то-же вѣщанье ворона; Сиверьянична; «я изъ западныхъ странъ, изъ золотой орды, — Я Петре царевичъ Золотничанинъ», говоритъ о себѣ богатырь въ № 226 = № 233: Я есть *сиверной* страны (сл. *Сиверьяничину*) да золотой орды. — Тамъ и здѣсь соколъ и выжлецъ (кобель въ № 233) въ описаніи паленицы, особенно развитомъ въ № 226:

А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
 Скокі-ты онъ скаче по цѣлой верстѣ,

Слѣдки-ты какъ доброй конь вымѣтывать
 По цѣлой овчины по барановой,
 Изъ рта у добра коня пламя малѣ,
 Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
 Изъ ушей у коня да кудревь ¹⁾ дымъ стаѣтъ.
 У богатыря шпашакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
 А узда у коня да какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,
 Зоря стаѣтъ да ровно утренна.
 У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,
 На правомъ стремени сидѣтъ-то младъ сизой орѣлъ,
 Поѣ орѣлъ да все насвистывать,
 Улещать, спотѣшаетъ онъ богатыря,
 А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣтывать,
 Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашивать.
 Сидятъ богатырь на добромъ конѣ, самъ тѣшитя,
 Шибаетъ палочку подъ облака,
 А назадъ-то палка опускается,
 Онъ на бѣгле руки подфатаючи,
 До сырой земли не допускаючи.

Образъ сокольника-охотника ясно виденъ подъ этимъ замысловатымъ шаржемъ: и соколъ и кобель у стремена явились въ началѣ атрибутомъ охотника, ѣздящаго по заводямъ съ «охотой молодецкой» (змѣя горынская вл. выжлеца у Кир. IV, № 3, стр. 12—18 — негѣлая амплификація); эпитетъ «Сокольника» утвердился за нимъ почти какъ имя собственное, которое колеблется по пересказамъ, иногда исчезая вовсе. Замѣтимъ постоянство имени Северьяничны у Рыбн. III, № 14 и Гильф. №№ 219, 226, 233 и еще 246, который, по началу, можно-бы отнести къ предыдущей группѣ: былина открывается *заставой*:

Изъ Волянца города Галича,
 На ту на дорожку латынскую,
 На ту на заставу богатырскую
 Выѣзжало три сильныхъ могучихъ богатыри:

¹⁾ Въ текстѣ: «да въ кудряхъ»; сл. Гильф. №№ 219 и 233.

Первой богатырь ильа Муромецъ,
А второй Добрыня Никитъевичъ,
А третей Микита Романовичъ.

Мы ожидали-бы, согласно съ первой группой, Алёшу; имя Никиты, встрѣтившееся намъ въ одной былинѣ той-же группы (Гильф. № 250), случайное, какъ случайна его роль въ пѣснѣ: посланный Ильею развѣдать о проѣзжемъ богатырѣ, Добрыня «поустрашился»; тогда Илья шлетъ съ тѣмъ-же порученіемъ Никиту (вспомнимъ Никиту Романовича, отца Добрыни по нѣкоторымъ пѣснямъ), и когда «поустрашился» и онъ, ѣдетъ самъ: «видно некому мнѣ замѣнитися». Проѣзжіи богатырь названъ: «по прозванью-то славно Аполонище»; мать Сиверьянична. Откуда взялось первое, во всякомъ случаѣ, необычное имя? Въ одной русской сказкѣ (Худяковъ, Великорусскія сказки I, № 35) выходитъ въ роли Соломона русскихъ повѣстей — какой-то Аполонъ воръ.

Нѣкоторые пересказы развиваютъ особымъ эпизодомъ роль Добрыни въ эпизодѣ о боѣ.

Кир. I, № 6, стр. 11—15: заставы нѣтъ, изъ Кіева выѣзжаютъ Илья и Добрыня, но выѣзжаютъ на Сафать-рѣку, встрѣчавшуюся намъ въ предъидущей пѣсенной группѣ. Добрыню Илья посылаетъ «за горы высокія», гдѣ онъ дерется «съ бабой Горыничкой», тогда какъ Илья ѣдетъ берегомъ и наѣзжаетъ по бродучему слѣду на богатыря, съ которымъ бьется. Имя его: Збуть Борисъ Королевичъ младъ; мать — жена (дочь?) короля Задонскаго (сл. стихъ 74: Я того короля Задонскаго): эпитетъ, вѣроятно, перенесенный изъ сказки о Бовѣ, гдѣ «Задонскій» отвѣчаетъ итальянскому (soldano di) Sadonia. Встрѣтившись съ Ильей, королевичъ

отвязывалъ (съ)стремя вожа въжлока,
Со руки опускаетъ ясна собола,
А самъ-ли то въжлоку наказываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло,
А п ты, бѣгай, въжлокъ, но темнымъ лѣсамъ,

И корми ты свою буйку голову.
 И лесу соколу онъ наказываетъ:
 «Полети ты, соколъ, на синие море
 И корми свою буйку голову,
 А мнѣ молодцу не до тебя пришло».

Бой Ильи съ сыномъ не досказанъ и единственно потому не кончается трагически, какъ въ другихъ былинахъ; пѣвецъ отвлекся другимъ эпизодомъ: отпустивъ Збута къ матери, Илья ѣдетъ искать брата названнаго Добрыню, которому помогаетъ одолѣть бабу Горыничку. Изъ побывальщины у Рыби. I, стр. 65 оказывается, что это — мать сына Ильи. Рассказывается, что Илья наѣхалъ когда-то на паленицу Авдотью Горыничанку и одолѣлъ её съ бою. Отъ него Авдотья поносъ понесла и родила сына Бориска, съ которымъ Илья встрѣчается позже, бьется и, поваливъ на землю, подъ книжалищемъ заставляетъ сказать, кто онъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, Бориска рѣшается отмстить за позоръ матери, сковалъ себѣ палицу въ триста пудъ и нагналъ старого въ чистомъ полѣ. Илья спалъ, когда Бориска ударилъ его прямо въ грудь, да не могъ просѣчь чуднаго креста. Илья убилъ его, а самъ поѣхалъ къ Киеву; видитъ: мать дерется съ Добрыней, которому Илья помогаетъ такимъ-же совѣтомъ какъ у Кир. I, № 6, стр. 11—15¹⁾. — Эпизодъ о первой встрѣчѣ Ильи съ паленицей находится и въ одной былинѣ у Ефимѣнка (Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Арханг. губерніи: Старина про Алѣшу Поповича, № VII, стр. 25 слѣд.), синкретической, какъ почти всѣ, помѣщенные въ его сборникѣ. Она до крайности спутана, но ея послѣдовательность легко возстановить по побывальщинѣ и отрывочной и искаженной былинѣ у Кир. I, № 3, стр. 4—6, гдѣ «походная красна дѣвица», съ которой Илья встрѣчается въ полѣ передъ боемъ съ Татарченкомъ —, несо-

¹⁾ См. подобный-же эпизодъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ въ отъездѣ; такъ помогаетъ Илья и Ермаку противъ Бабицы Мамашины, Кир. I, стр. 58—66.

мнѣнно, отвѣчаетъ Горынинкѣ или Горынчанкѣ разобранныхъ пересказовъ ¹⁾.

Илья бьется съ паленицей Златыгоркой, которая родитъ отъ него сына Подсокольникка; слѣдовалъ эпизодъ о заставѣ, на которой стояли Алѣша, Добрыня и Илья; другъ за другомъ они выѣзжали противъ Подсокольникка, который являлся съ своими обычными атрибутами сокола и кречета; былина кончалась боемъ отца съ сыномъ. — Эту послѣдовательность перепуталъ сказитель: онъ началъ пѣть о томъ, какъ Алѣша Поповичъ съ дружиною освободилъ Кіевъ отъ невѣрной силы, не признавъ, но по просьбѣ Ильи учествованъ Владимиромъ; имя Алѣши напомнило ему, хотя не кстати, ту редакцію пѣсни о боѣ Ильи съ сыномъ, гдѣ Алѣша является въ роли побѣжденнаго; но эту пѣснь онъ зналъ уже въ соединеніи съ эпизодомъ о матери, какъ она представляется въ Рыбниковской побывальщинѣ: я разумѣю ея первую встрѣчу съ Ильею. И вотъ онъ механически удержалъ имя Алѣши въ этомъ эпизодѣ, перенесъ въ него черты боя съ Подсокольниккомъ. Вслѣдствіи этого вторая половина былинны получила такой видъ: богатыри стоятъ въ шатрахъ на рѣкѣ на Черниговкѣ, проѣзжаетъ паленица Златыгорка, «на лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ, — На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречеть». Выѣзжаютъ противъ нея Алѣша, Добрыня, наконецъ Илья, который её осилилъ. Она понесла отъ него отрока. Разставаясь съ нею Илья даетъ ей перстень и говоритъ:

Принесешь если ты дочь засѣну,
Отдай ей перстень въ приданое,
А если принесешь удача добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,

¹⁾ На вопросъ Ильи, кто она такая, она отвѣчаетъ, что «дочь гостинная», бѣжала отъ Алѣши Поповича, «отъ насмѣшника пересмѣшника». Еслибъ ты сказала мнѣ это раньше, «я бы снялъ съ Алѣши буйну голову», говоритъ Илья — и ѣдетъ далѣе на Софу-рѣку — на встрѣчу Татарченку. — Имя Алѣши подставилось здѣсь по смѣшенію, какъ наоборотъ у К пр. I, № 4, стр. 92—93, въ былинѣ о встрѣчѣ Алѣши съ сестрой, вмѣсто перваго названъ Илья.

Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
 А пошли его, наказывай:
 Если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ стараго,
 Такъ не дошедши пусть поклонится.

Это напоминаетъ наставленія Саула Леванидовича женѣ въ другомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ отца съ сыномъ, и какъ тамъ (Кир. III, № 2, стр. 117) молодой Константинъ, такъ здѣсь Подсокольникъ растетъ богатыремъ: шести лѣтъ онъ началъ «на улицу похаживать, Стагъ съ ребятами поигрывать». Ребята были не «схватчивы», называли его «сколотышемъ». Онъ допытывается у матери, кто его отецъ; та показываетъ ему перстень, «а на злаченомъ перстнѣ имя, изотчина». Двѣнадцатилѣтній Подсокольникъ выѣзжаетъ въ чистое поле, и хотя мать наказывала ему поклониться «старому», коли его встрѣтитъ, онъ «все зло несетъ на батюшка», ѣдетъ прямо къ шатру Ильи, котораго будитъ, говоря, что явился къ нему «непріятель невѣрный». Слѣдуетъ бой съ Ильєю, который, признавъ сына, цѣлуетъ его и посылаетъ съ нимъ поклонъ матери. Сынъ возвращается, убиваетъ мать и снова ѣдетъ къ шатру Ильи, чтобы и съ нимъ покончить. Какъ почти вездѣ, былина кончается смертью молодого богатыря.

Я сомнѣваюсь, чтобъ убіеніе матери принадлежало къ древнимъ чертамъ пѣсни. Оно встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ пересказѣ, записанномъ въ той-же мѣстности (Кир. I, № 2, стр. 52—56) и рассмотрѣнномъ мною выше въ группѣ «заставъ»: побѣжденный Сокольникъ ѣдетъ къ матери, которая напоминаетъ ему свой наказъ при первомъ выѣздѣ въ чисто поле: не биться со старыми, да съ угрюмыми, да со стариками невеселыми, «а той-отъ старцишишо тобѣ родной отець!» (Сл. такой-же наказъ Амелфы Тимофеевны сыну у Кир. IV, № 3, стр. 12—18, стихи 156—160). Узнавъ, что онъ незаконнорожденный, сынокъ снесъ матери буйну голову, готовится и Ильєю разсѣчь на двое, но убить вмѣ.

III. Натздъ поединщина. Третью разновидность былины представляетъ пѣсня у Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14: подъ Кіевъ

прѣзжаетъ изъ «за славна за синя моря» молодой Соловникъ или Соловникъ, татаринъ, и вызываетъ поединщика. Противъ него снарядился Илья, и слѣдуетъ описаніе боя: Илья ударилъ противника въ голову своей палицей богатырскою, а тотъ сидитъ, «не стряхнется — Какъ жолтыя кудѣрки не сворохнутся». По второму удару Илья — тотъ-же результатъ; раздумался богатырь:

Да это ужь мнѣ-ль не бѣда-ль пришла,
 А не бѣда-ль пришла, видно смерть пришла?
 — Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
 Рѣчьотъ языкъ тутъ да кѣшается,
 А мозги въ головѣ потрсаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ терлется.
 Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
 «Да ай же вы да слуги мои вѣрнии,
 А идте вы за славно за синѣ море
 А ко моей ко рѣдний ко матушки,
 А ко тни ко матушки въ Натальюшки,
 А идте вы не съ радостнымъ извѣстникомъ:
 Не знаю я, какой то невѣжа есть,
 А извѣщать изъ далеча ко мнѣ изъ чиста поля,
 А бьетъ то меня нуль въ буйну голову.
 А нульчу у меня топерь у мѣлнца
 Рѣчьотъ языкъ топерь кѣшается,
 Мозги въ головѣ потрсаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ терлется.

Слуги идутъ съ извѣстіемъ, но пѣсня забыла досказать этотъ эпизодъ, значеніе котораго выясняютъ другія былины. Когда Илья ударилъ Соловника по головѣ, и тотъ не сворохнулся, Илья предлагаетъ ему сплѣстись и «битья рукопашкою», повалилъ его на землю, сѣлъ ему на бѣлую грудь, занесъ надъ нимъ ножнице-кинжалнице,

Тутъ рука въ плечи застоилася.

Илья начинаетъ допрашивать Соловника о родѣ-племенн; тотъ отвѣчаетъ бранью, но на третій спросъ сказываетъ о себѣ и о матери (Натальюшкѣ):

Ссочилъ тутъ Илья на рѣзвѣ ноги,
 Здимаеть онъ за ручеши за бѣлины:
 «Ахъ ты молодой молодой Соловниковъ,
 Да ахъ же ты вѣдь смилъ мой любимни!
 Какъ полно е намъ биться ратиться,
 Лучше ми съ тобой поѣднѣ, поньомъ».
 Какъ сѣли тутъ они, поѣли, понили, кокушали,
 Бѣлины лебедуши корушали.
 Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ.

Этимъ пользуется Соловникъ: пускаеть калену стрѣлу Ильѣ въ бѣлую грудь; золотой крестъ спасаетъ Илью отъ смерти; очнувшись, онъ хватается за ножъ, — «какъ тутъ рука въ плечи не застоилася» —, и разсѣкъ Соловника на четыре части.

Тотъ-же сюжетъ представляетъ былина Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12: объ Ильѣ и его дочери. Я не прочь предположить, что эта дочь выведена изъ сына въ такую пору эпоса, когда названіе паленицы уже не вызывало двойственнаго представленія пола. Ясно, во всякомъ случаѣ, что былина о дочери Ильи развилась изъ пѣсенъ о сынѣ и именно изъ вида Гильф. № 46 = Рыбн. № 14 въ комбинаціи съ типомъ I (застава): на *заставѣ* стоятъ двѣнадцать богатырей; проѣзжаетъ поляница. «Кому ѣхать намъ въ раздольице чистѣ поле?» спрашиваетъ Илья. Вызывается Алеша, «да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подѣхати»; за нимъ Добрыня, но и онъ «поворотъ держалъ», и рассказываетъ Ильѣ:

Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
 Она ѣзди въ поле, сама гѣшится,
 На правѣи руки у ней-то соловей сидеть,
 На лѣвѣи руки да жавролѣночекъ.

(Замѣна сокола на рукѣ Сокольника-охотничка).

Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подѣхати
 И не могъ-то у ней слышнѣи отвѣдати.
 Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
 Ёна влечетъ выкликаеть поединщика.

Поединикомъ является Илья и слѣдуетъ описаніе боя, коннаго и пѣшаго; Илья повалилъ паянницу, занесъ надъ нею руку («права ручушка въ плечи да остояласи»), и трижды спрашиваетъ её: «ты коёй земли да ты коёй Литвы». Подъ вліяніемъ этого вопроса, нерѣдкаго въ былинахъ, сложился отвѣтъ паянницы Рыбн. I, 12: Есть-то я изъ темной орды, хоробрѣй Литвы; Гильф. 77: изъ Тальянской либо Воглянской земли; она дочь «честной вдовы», и Илья признаетъ себя ея отцемъ. Тутъ они поразѣхались; Илья ложиться спать въ бѣломъ шатрѣ, а паянница возвращается: не хочетъ спустить ему насмѣшки, что ея мать онъ называлъ «блядкою», и соннаго бьетъ рогатиной по груди, которую защитилъ «крестъ на ворота». Былина кончается расправой Ильи съ паянницей.

Я присоединяю къ этой группѣ и Гильф. № 114 (указаніе что этотъ № = Рыбн. II, № 63, ошибочно), потому что и въ немъ содержаніе сводится къ поединку наѣзжаго богатыря Татарина (Сокольника; его мать «Семигорка, баба да Владимирка») съ Ильєю. Нѣтъ сомнѣнія, однакожь, что въ оригиналѣ этой былины находилась «застава», и въ числѣ сторожевыхъ богатырей могъ быть названъ Михайло Долгомѣровичъ, какъ у Рыбн. II, № 64; не оттого ли въ началѣ нашей пѣсни Сокольникъ названъ «Татарской сынъ да по имени Михайло Долгомѣровичъ?» — Илья разрываетъ противника на части: одну ногу кинулъ «во Ефратъ рѣку», т. е., вѣроятно въ Сафатъ, какъ у Рыбн. I, № 13: «половину бросилъ въ Сахатаръ-рѣку».

Слѣдуетъ обратить вниманія на заключительныя сцены разсмотрѣнныхъ нами былинъ о боѣ. Во всѣхъ пересказахъ, за исключеніемъ Кир. I, № 6, стр. 11—15, гдѣ эпизодъ о боѣ не развитъ, и Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14, гдѣ онъ измѣнился подъ посторонними вліяніями, рассказъ о поединкѣ отца съ сыномъ является съ одними и тѣми-же подробностями, болѣе или менѣе полными. Борьба происходитъ сначала на коняхъ, напоминая своей эпической разработкой технику рыцарскаго турнира.

И сѣзжалось два спльніе два могучи два богатыря,
 Будто двѣ спльніе горы вмѣсто скатилосе:
 Да п *паницами* они ударились,
 Да п палки у ихъ-то поломалисе,
 Да п другъ-то друга-то не ранилп;
 Да п тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да п *копьями* они ударились
 Да п копы въ кольцахъ-то погпбалисе,
 Да другъ-то друга-то не ранилп.
 Да п тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да п *саблями* они ударились,
 Да п сабли у ихъ же прпнималисе,
 Да п другъ-то друга-то не ранилп

(Гильф. № 233; сл. ib. № 250).

Укажу на нѣсколько варьянтовъ изъ другихъ пересказовъ:

Разѣхалися на *копья* остры:
 У нихъ копы въ рукахъ погпбалиса,
 На черенья копы разсыпалися;
 Разѣхалися на *паницы* боёвныя:
 У нихъ палцы въ рукахъ погпбалиса,
 По яковкамъ паницы отломилиса;
 Разѣхалися на *сабли* остры:
 У нихъ сабли въ рукахъ погпбалиса,
 Новыпербѣлп на *латы кольчужныя*.

У Рыбн. II, № 64 послѣдовательность такая: *мечи, копы, сабли* (Мечь съ мечомъ да ударяются, — А мечи въ мелкія части разсыпаются); у Кпр. IV, № 3, стр. 12—18: паницы, копы, тяги желѣзныя (которыми богатыри «тянулись чрезъ гривы лошадиныя») и т. п. — Конный бой смѣняется пѣшимъ; лишь у Гильф. № 246 п 46 = Рыбн. I, № 14 (см. Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12) Илья сваливаетъ врага, котораго и пытается о родѣ племенп; въ остальныхъ пересказахъ падаетъ, наоборотъ, Илья и, когда противникъ сѣлг ему на грудь, готовясь съ нимъ покончить, сшибаетъ его съ себя въ чисто поле, либо подъ облаки, выше лѣсу стоячаго, нпже облака ходячаго и т. п. — Узнавъ

о себѣ, что онъ сынъ Ильи, молодой богатырь ѣдетъ сначала къ матери; лишь въ тѣхъ былинахъ, гдѣ этотъ эпизодъ спутанъ или затертъ, является попытка замѣнить поѣздку — посылкой: сокола (Кир. I, № 5, стр. 7—10), слугъ (Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14). Допытавшись отъ матери о тайнѣ своего рожденія, сынъ возвращается, рѣшившись смыть въ крови отца лежащее на немъ пятно незаконности. Онъ нападаетъ на Илью спящаго и убить имъ¹⁾. — Исходъ былины вездѣ трагическій; его недостаетъ лишь тамъ, гдѣ вниманіе пѣвца отвлеклось постороннимъ эпизодомъ (сл. Кир. I, № 6, стр. 11—15 и побывальщину у Рыбн. I, стр. 65), либо въ пѣсняхъ недоконченныхъ (Гильф. № 246, 250). Рѣшительное исключеніе представляетъ лишь Кир. VII, Приложенія стр. 1—7, гдѣ мирный исходъ боя принадлежитъ, быть можетъ личной и поздней передѣлкѣ: юный богатырь, сваливъ Илью, какъ-бы въ предчувствіи, что онъ его отецъ, не рѣшается убить его и самъ спрашиваетъ: «Аль ты въ родствѣ, али въ племени?». Когда Илья повалилъ его въ свою очередь и богатырь назвалъ себя по его требованію, отецъ и сынъ ѣдутъ въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ встрѣчаетъ ихъ «съ честію, радостію». — Мирно кончается и былина о боѣ Ильи съ Добрыней у Ефименка I. с. № I, являющаяся позднимъ сколкомъ съ разсмотрѣнныхъ нами и потому лишѣнная значенія. Какъ здѣсь Добрыня выступаетъ въ роли Сокольника, такъ въ эпизодѣ одной былинѣ о Добрынѣ въ «отъѣздѣ» механически воспроизведена пѣсня о боѣ Ильи = Добрыни съ проѣзжимъ богатыремъ, въ которомъ нельзя не признать того-же Сокольника. Сл. Гильф. № 65, лишь отчасти отвѣчающій Рыбн. III, № 17: Добрыня ѣдетъ поляковать, оставивъ дома молодую жену; Гильф. даетъ ему въ товарищи Потыка; проѣзжаетъ вражій богатырь, съ знакомыми намъ атрибутами: кобеля и сокола; ѣдетъ и похваляется:

¹⁾ Съ эпизодомъ о крестѣ, о который притупился ударъ Сокольника, обращенный противъ отца, сл. подобную-же черту въ пѣснѣ объ Ильѣ, будащѣмъ ударомъ стрѣлы своего крестоваго брата Самсона: стрѣла притупилась о золотой крестъ на груди.

Я матушку русьскú землю,
 А русьскú землю я наскрозь пройду,
 Что ни лучшійхъ богатырѣвъ въ полонѣ возьму.

Потыкъ бѣтсѣ выгѣхатъ противъ богатыря, который сражается съ Добрыней и убитъ имъ (Гильф.). Рыбниковскій пересказъ, не знающій ни Потыка, ни атрибутовъ «сокольникка», рассказываетъ его битву съ Добрыней въ чертахъ «боя Ильи съ сыномъ» — вплоть до смерти послѣдняго отъ руки отца, на жизнь котораго онъ покусился. Что Добрыня бѣтсѣ именно съ сыномъ, нигдѣ не сказано, но разумѣется само собою изъ словъ, съ которыми Добрыня отпускаетъ богатыря:

Поѣзжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,
 Въ Золоту-землю, и въ Золоту орду,
 Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
 А отъ Добрынюшки челобитьеце,
 Золотне подарки во милости.

Былина Гильф. здѣсь нѣсколько перебита, или лучше, эпизодъ о Сокольникѣ раздвоился: Добрыня снесъ ему голову, ѣдетъ къ шатру; затѣмъ пѣсня переходитъ къ сватовству Алѣши за жену Добрыни, къ которому снова возвращается, — чтобы рассказать намъ о его поединкѣ съ другимъ богатыремъ, т. е. тѣмъ-же Сокольниккомъ. Далѣе оба пересказа сходятся, но родственныя отношенія богатырей у Гильф. поставлены яснѣе: убивая противника Добрыня приговариваетъ:

Отъ кого ты, чадо, ты зачатъ было,
 Отъ кого ты, чадо, вѣдь посяло,
 Отъ того ты, чадо, нынѣ кончайся-тко!

Богатырь убитъ, а въ это время прилетаетъ голубь съ голубкою, вѣщая Добрынѣ, что его жена за мужъ пошла — и былина снова входитъ въ общее теченіе пѣсенъ этого типа.

Ясно, что весь этотъ эпизодъ, навѣянный пѣснями объ Ильѣ и Сокольниккѣ, замѣнилъ собою другой, обычный въ былинахъ о Добрыниномъ отъѣздѣ: рассказъ о его битвѣ съ Невѣжей и т. и.

Поводомъ къ такой замѣнѣ могла быть роль Добрыни въ былинахъ о «боѣ Ильи съ сыномъ», именно 2-й группы, гдѣ Добрыня являлся товарищемъ Ильи, а Илья помогалъ ему совѣтомъ въ борьбѣ съ королевой Задонской или Авдотьей Горынчанкой. Я указалъ выше (сл. стр. 317, прим. 1) на тождественное положеніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ «въ отъѣздѣ» (Гильф. МЛ: 228, 290, 292), гдѣ онъ бьется съ Невѣжей, богатыремъ Бабой Ягой, а Илья является такимъ-же совѣтчикомъ. Образъ Бабы-Яги подсказанъ, вѣроятно, паленицей, матерью Збута.

II.

Илья убиваетъ Сокольника; такой-же трагическій исходъ слѣдуетъ предположить и для древнѣмецкой пѣснѣ о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ (VIII в.), дошедшей до насъ, какъ извѣстно, безъ окончанія. Гильдебрантъ и Гадубрантъ (Hiltibrant enti Nadubrant), отецъ и сынъ, встрѣчаются другъ съ другомъ между двухъ непріятельскихъ ратей и готовы сразиться. Отецъ, долго бывшій въ отлучкѣ, оставившій сына еще ребенкомъ, не узнаетъ его и спрашиваетъ его о родѣ-племени. Тотъ называетъ себя, но не хочетъ вѣрить, чтобы передъ нимъ стоялъ его отецъ (dû neo dana halt dinc ni gileitôs — mit sus zirran man, говоритъ ему Гильдебрантъ ¹⁾), котораго считаетъ умершимъ, и Гильдебрантъ, скрѣпя сердце, вступаетъ въ бой, въ которомъ ему придется либо быть убитымъ, либо поразить собственнаго сына. Пѣснь обрывается описаніемъ поединка, въ которомъ мы встрѣчаемъ бурно несущіяся ясеновыя копья, врывающіяся въ бѣлыя липовыя щиты, расщеченные мечами (miti washbnim). — Что пѣснь кончалась гибелью сына можно заключить изъ того, что, имя Гадубранта не упоминается болѣе въ нѣмецкомъ эпосѣ, и лишь въ Rabenschlacht встрѣчается какой-то рыцарь по имени Alebrant ²⁾: такъ названъ

¹⁾ Я цитую по тексту Braune, Althochdeutsches Lesebuch (1875) p. 78—9.

²⁾ W. Grimm, Die deutsche Heldensage, 2-е Ausg. стр. 209 и 256. Сл. Hildebrant'a и Herebrant'a — Hydebrant'a въ Horn and Rimenhild.

сынъ Гильтебранта въ позднѣйшей редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, восходящей по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIII вѣка, когда она нашла отраженіе въ Тидрексагѣ, и отличающейся примирительнымъ характеромъ исхода.

Пѣсня эта сохранилась въ нѣсколькихъ пересказахъ, взаимныя отношенія которыхъ разобраны были Edzardi ¹⁾: трехъ верхненѣмецкихъ (*K*, *H* и *W*, по обозначенію Edzardi), одномъ нижненѣмецкомъ (*N*), нидерландскомъ (*A*) и датскомъ (*D*). — Сообщаю содержаніе короткаго извода нѣмецкой пѣсни (*H*), пользуясь соображеніями и исправленіями Edzardi ²⁾.

Гильдебрандъ хочетъ вернуться въ Бернъ, гдѣ оставилъ жену, Ute, гдѣ не бывалъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Герцогъ Amelung (варьянты: Ambelung, Abelaen, Abelan, Abelon) предупреждаетъ его, что въ полѣ, на заставѣ (auf der marke) онъ встрѣтитъ молодого Алебранда (варьянты: K. H. Hildebrandt, D. Allebrand; Alibrandъ въ Тидрексагѣ); будь-ты самъ двѣнадцатый, онъ нападетъ на тебя. — «Если нападетъ, я изрублю его темный щитъ, у его привязи разрублю однимъ ударомъ; будетъ онъ цѣлый годъ жаловаться матери.» Не дѣлай того, говоритъ ему Дитрихъ Бернской: Алебрандъ мнѣ милъ; лучше поведи съ нимъ дружескія рѣчи, дабы, ради меня, онъ дозволилъ тебѣ проѣхать. — На бернской заставѣ наѣзжаетъ на Гильтебранта молодой витязь: Чего-тебѣ нужно, старикъ, въ моей родной странѣ? спрашиваетъ онъ. «На тебѣ блестящая броня, словно на царскомъ сынѣ», начинаетъ Гильдебрантъ, но юноша прерываетъ его: «Видно, ты хочешь отвести мнѣ глаза! ³⁾;

¹⁾ Germania, XIX (1874), Edzardi, Zum jüngeren Hildebrandsliede p. 315—326.

²⁾ Краткій текстъ см. у Raszmann'a, Die deutsche Heldensage II, стр. 646—8.

³⁾ Du wilt mich jungen helden sehender augen machen blind; K: du machst mich, degen schnelle, — mit gesehenden augen blind (сл. текстъ пространной редакціи нѣмецкой пѣсни = *K* у Wackernagel'я, Altd. Lesebuch, V-e Aufl. p. 1422 слѣд.). Я сблизжаю эти выраженія съ древней пѣсней: du bist dir, altêr Hân, ummet spâhêr.

тебѣ-бы дома сидѣть, на печи грѣться». Засмѣялся старикъ: «Мнѣ сидѣть дома и грѣться? Мнѣ на роду написано — бродить и биться до смерти ¹⁾. Вотъ что я скажу тебѣ, молодецъ; оттого и посѣдѣла у меня борода». — «Выщиплю я твою бороду, старикъ, потечетъ у тебя алая кровь по щекамъ; твою броню и темный щитъ ты мнѣ отдашь, да и самъ станешь моимъ плѣнникомъ, коли любо тебѣ быть живымъ». — «Моя броня и темный щитъ нерѣдко были мнѣ защитой; съ помощью Христа небеснаго надѣюсь и теперь отъ тебя защититься». Оставивъ слова, они взяли за острые мечи и было имъ то, чего они оба домогались.

На коняхъ или пѣшіе объясняются отецъ съ сыномъ — изъ пѣсни не видно. Въ началѣ ея Гильдебрантъ *вызжаетъ* къ Берну, *пріѣзжаетъ* на заставу, въ концѣ — оба *отъѣзжаютъ* съ сыномъ. Между тѣмъ бой представляется, какъ-будто, пѣшимъ.

«Не знаю, какъ случилось, что молодецъ нанесъ старикъ ударъ, который сильно устрасилъ Гильдебранта, а самъ онъ отскочилъ назадъ на семь сажени. — «Скажи-ка, мнѣ, молодецъ, не баба-ли научила тебя такому прыжку?» спрашиваетъ Гильдебрантъ ²⁾. «Кабы у бабы учился, мнѣ былъ-бы вѣчный стыдъ: много у моего отца рыцарей и конюшнихъ (knecht), много рыцарей и графовъ при его дворѣ; чему я (у нихъ) не научился, тому еще научусь». — Пѣснь продолжаетъ о Гильдебрантѣ:

Er nahm ihn bey der mitte, da er am schwachsten was,
Und schwang ihn hinder rucke wol in das grüne grasz.
«Nun sag du mir, viel junger, dein beichtvater wil ich sein,
bistu ein junger Wolfänger, von mir soltu genesen sein.

¹⁾ Сл. Кнр. I, стр. 51: «Старый ты старикъ, старый, матерый! За чѣмъ ты ѣдишь на чистѣ поле? . . . Ты поставилъ бы себѣ келейку . . . Сбиралъ-бы ты, старикъ, во келейку, Тутъ-бы, старикъ, сытъ-питаннѣ былъ». Илья отвѣчаетъ: «Написано было у святыхъ отцевъ, Удумано было у Апостоловъ, но бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому». Сл. Кнр. I. с. IV, 11—12.

²⁾ H: den *schlag* lehrt dich ein weib; K: disen *springe* den leret dich ein weib. Въ Тидрексагѣ дѣло идетъ объ измѣнически нанесенномъ ударѣ.

Въ *K* онъ вначалѣ обезоруживалъ его; *W* (и *A*) объясняетъ, какимъ образомъ; *W*:

Er liez sinen grunen schilt sincken in den sant,
Ich weisz nit, wie der alte dem jungen das schwert [entwant].

A. Het quam so dat den ouden liet sinen schilt,
So dat hie den jonghen Hellebrant sijn swaert al underghinc ¹⁾.

Сынъ рассказываетъ о своемъ родѣ-племени: онъ родомъ изъ Греціи(?), его мать Ulte (варьянты: Gute, Judte), отецъ — Гильдебрантъ. Отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга и оба отправляются въ Бернъ, гдѣ происходитъ радостное свиданіе съ женой — и матерью.

Нижнеѣмецкая гѣсня подобнаго-же содержанія, но съ нѣкоторыми характерными отличіями, могла лежать въ основаніи пересказа Тидрексаги, почему мы и разсматриваемъ его особо ²⁾.

Гильдибрандъ выѣзжаетъ къ Берну вмѣстѣ съ молодымъ Конрадомъ, который предупреждаетъ его — быть ласковымъ съ Алибрандомъ, когда онъ встрѣтитъ его, и сказаться его отцемъ; иначе ему будетъ худо, такой тотъ сильный богатырь. Конрадъ говоритъ, какъ его узнать: онъ на бѣломъ конѣ, башмаки подбиты золотыми гвоздями (золотыя подковы, ркп. *B.*), щитъ и броня бѣлыя, какъ выпавшей снѣгъ, и на нихъ изображеніе замка. Нѣтъ ему равнаго въ землѣ Амелунговъ, а тебѣ старому съ нимъ не справиться. — Усмѣхнулся Гильдибрандъ и говоритъ: Какимъ-бы храбрецомъ не считалъ себя Алибрандъ, можетъ и такъ случиться, что онъ объявитъ свое имя не позже меня. — На этомъ они расстались.

Слѣдуетъ встрѣча отца съ сыномъ; послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи, на которомъ красуется образъ Берна съ позолочеными башнями; рядомъ съ нимъ два выжлеца, по лѣвую сторону (на лѣвой рукѣ, ркп. *B.*) ястребъ. Увидѣвъ

¹⁾ Edzardi l. c. p. 322.

²⁾ Saga Diöriks konungs af Bern, ed. Unger, стр. 344 слѣд.

незнакомаго всадника, бодро ѣхавшаго ему на встрѣчу, Алибрандъ крѣпче привязалъ свой шлемъ, заслонился щитомъ и съ копьемъ въ рукѣ бросился ему на встрѣчу. Въ слѣдующей за тѣмъ схваткѣ древки копій разлетаются по поламъ, бойцы спѣшились и бьются мечами. Трижды останавливаются они среди боя, дважды спрашиваетъ Алибрандъ объ имени противника, спрашиваетъ въ послѣдній разъ Гильдибрандъ, но отвѣта нѣтъ и бой возгорается снова. Гильдибрандъ нанесъ сыну глубокую рану въ бедро; тотъ не можетъ сражаться далѣе и передаетъ отцу мечъ. Когда Гильдибрандъ протянулъ за нимъ руку, отстранивъ щитъ, молодой витязь ударилъ въ него измѣннически, намѣреваясь отсѣчь ему руку. Но старикъ успѣлъ заслониться щитомъ и говоритъ: Этому удару ты научился у бабы, не у отца. И набросившись на молодца, онъ повергаетъ его на землю, самъ насѣлъ на него и, занеся надъ нимъ мечъ, дважды спрашиваетъ, кто онъ такой: если ты Алибрандъ, — то я отецъ твой, Гильдибрандъ. Тотъ называетъ себя; совершается обоюдное признаніе, въ которомъ, въ концѣ этого эпизода, принимаетъ участіе еще третье лицо: мать — жена; стало быть, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ.

Приведу изъ Тидрексаги эпизодъ о боѣ.

Nu riðr Hildibrandr hvatlega þa leið er til Bernar er. ok nu er hann kominn sua at hann ser staðinn. þa riðr einn maðr i mot honum með tva hunda. oc a vinstri hlið (рук. *B.* hendi) hefir hann einn hauk. Sa maðr er mikill a hestbaki ok sitr hoerverskliga sinn hest. hann hefir hvitan hest ok hvita alla herneskiu ok a morkuð Bern med gylltum turnum. Hildibrandr riðr i mot mannum ok pikkiz finna at sia mun eigi minni pikkiaz en hann. Ok þa er Alibrandr ser i gegn ser riða einn mann með vapnum. ok sa riðr alldrengiliga a mot honum. ok ekki ma hann sia at hann laegi sik nockut firir honum. þa verðr Alibrandr reiðr ok lizt sem pessi muni við hann keppaz. spennir fast sinn hialm ok skytr firir briost ser sinum skilldi. ok sitt gladil setr hann fram or keyrir sinum hest sporum. Ok er Hildibrandr ser

hversu Alibrandr hefir við buiz. helldr hann sinum skilldi firir briost ser ok setr fram sitt gladil ok keyrir sinn hest sporum. ok riðr i mot honum hvergi udiarfligar. ok riðaz at. Leggr nu hvarr sinu spioti i skiolld annars sua fast. at sundr bresta spioticskoptin bæði. Ok hinn gamli hleypr þegar af baki hvatlega ok bregðr sinu sverði. ok slikt sama hinn yngri. gengu nu saman ok beriaz langa hrið. til þess er hvartueggi var moðr. Ok nu setia þeir niðr sina skiolldu ok studduz a.

Nu maellti Alibrandr. Hverr er þessi hinn gamli maðr er staðiz hefir firir mer um hrið. Seg skiott þitt heiti ok gef upp þin vopn. þa muntu hallda lifi þínu. en ef eigi villtu þat. þa ma þat verða þinn skaði. Hilldibrandr svarar. Villtu vita mitt heiti. þa muntu fyrr verða at segia þitt heiti. ok upp muntu verða at gefa þitt sverð ok vopn aðr við skiliumz. ok ef þat villtu eigi lostigr. þa muntu þó gera vera nauðigr. þa reiðir Alibrandr upp sitt sverð allkappsamliga ok hoggr til hins gamla. ok slikt hit sama Hilldibrandr. reiðir upp sitt sverð ok hoggr i geng. Verðr þar nu horð orrosta. ok gera aðra hrið halfu vaskligri en fyrr. ok nu er hvartueggi moðr. ok setr Alibrandr niðr sinn skiolld ok vill hvilaz. ok sua vill Hilldibrandr. þa maellti Alibrandr. Villtu segia þitt nafn og gefa upp þin vopn. þa muntu hallda þínu lifi. en ef eigi gerir þu sua. þa muntu vera drepinn. þu villdir eigi segia þitt nafn þa er við hittumz. ok var þat þer engi usoemd. en nu muntu segia verða með usigri. ok lata oll þin vopn með usoemd eða þolu bana at oðrum kosti. Ok nu verðr hinn yngri allra oðastr ok vill at visu drepa hann. ok hoggr nu af ollu afli til hins gamla. en hann verr sik nu allra drengilegast. Ok nu maellti Hilldibrandr. Erttu nockut ap Ylfinga aett. þa seg mer. ok fae er þer grið. en ef þat er eigi þa drep ek þik. þa suarar Alibrandr. Ef þu villt hallda þínu lifi. þa gefz upp. en ek em eigi Ylfingr helldr en þu. ok vist ertu heimskr. þó at tu ert gamall. ok seg skiott þitt heiti. En með því at þu vissir hverr ek vaeri. þa munðir þu eigi kalla minn foður Ylfing. Soekiaz þeir nu allra fastast. Hinn gamli gengr nu naer honum ok hoggr

helldr stort. ok nu slaer Hildibrandr eitt mikit slag a hans laer. sua at sundr tekr bryniuna. ok faer nu Alibrandr mikit sar. sua at nalega er honum sinn fotr unytr. Oc nu maellti hann. Se her nu mitt sverð. Nu verð ek þat gefa upp. því at nu fae ek eigi staðit lengr fyrir þer. þu hefir fiandann i hendi þer. ok rettir fram hondina. En hinn gamli snyr skilldinum fra ok rettir fram hondina a moti sverðinu ok aetlar við at taka. Nu hoggr Alibrandr til hins gamla leyniliga ok vill af hoggua hondina. en hinn gamli skytr skilldinum upp hatt ok skyndilega. ok maellti. þetta slag mun þer kent hafa þin kona en eigi þinn faðir. Ok soekir hinn gamli sua fast. at nu fellr hinn ungi til iarðar. ok hinn gamli a hann ofan. ok setr sitt sverð fyrir hans briost ok maellti. Seg mer skiott þitt heiti ok þina aett. ella skalltu lata þitt lif. þa suarar Alibrandr. þat segi ek nu alldri. því at ekki hirði ek nu um lifit heðan i fra. er sua gomul gragas skal mik hafa yfirstigit. Hildibrandr maellti. Villtu hallða þinu lifi. þa seg mer skiott. ef þu ert Alibrandr minn son. þa em ek Hildibrandr þinn faðir. þa suarar hinn ungi. Ef þu ert Hildibrandr minn faðir. þa em ek Alibrandr þinn son. þa stendr upp Hildibrandr skiott af honum ok Alibrandr a sina foetr. ok kyssaz ok kennaz nu við. Verðr nu Hildibrandr allfeginn sinum syni Alibrandi. ok Alibrandr slikt sama sinum feðr Hildibrandi. Hlaupa nu a sina hesta or riða heim til borgarinnar ¹⁾.

¹⁾ «Скоро ѣдет Гильдибрандъ по дорогѣ, что лежала къ Берну, и когда былъ въ виду города, какой-то мужъ выѣхалъ ему на встрѣчу съ двумя псами, а на лѣвой рукѣ у него ястребъ. Рослый былъ тотъ мужъ верхомъ на конѣ, ловко сидѣлъ на немъ; конь у него бѣлый и весь доспѣхъ бѣлый, а на немъ изображенъ Бернъ съ золотыми башнями. ѣдетъ Гильдибрандъ на встрѣчу мужу и кажется ему, что онъ не менѣе мнитъ о себѣ, чѣмъ онъ. Когда увидѣлъ Аллибрандъ, что на него ѣдетъ вооруженный человекъ, ѣдетъ храбро на встрѣчу, видимо не уклоняясь отъ него, разгнѣвался; показалось ему, что тотъ думаетъ съ нимъ биться. Крѣпко подвязалъ онъ свой шлемъ, закинулъ щитъ на грудь, выставилъ впередъ свое копье и прищпорилъ коня. Какъ увидѣлъ Гильдибрандъ, что Аллибрандъ изготовился, загородилъ свою грудь щитомъ, выставилъ впередъ свое копье, прищпорилъ коня и не менѣе храбро поѣхалъ ему на встрѣчу. Наѣхали они другъ на друга; каждый такъ сильно всадилъ копье въ щитъ другого, что оба древка сломались пополамъ.

Если отвлечь отъ пересказа Тидрексаги примиряющій исходъ повѣсти о боѣ и взять въ расчетъ лишь то ея содержаніе, кото-

Скоро соскакивалъ съ коня старыи и вынималъ мечъ; то-же сдѣлать и молодецъ; сошлись они и долгое время бились, пока оба не устали. Тогда они спустили свои щиты и оперлись на нихъ. Возговорилъ Алибрандъ: Кто этотъ старыи, чтѣ такъ долго противостоялъ мнѣ? Скажи поскорѣе свое имя и отдай свое оружіе, тогда ты сохранишь свою жизнь; коли ты не захочешь того сдѣлать, будетъ то въ уронъ тебѣ. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: Коли хочешь узнать мое имя, то напередъ придется тебѣ назвать свое, да отдать свой мечъ и доспѣхи, прежде чѣмъ мы разстанемся, а если не сдѣлаешь того охотою, то сдѣлаешь неволею. — Тогда Алибрандъ бѣшено взмахнулъ мечемъ и ударилъ по старику, и Гильдибрандъ также взмахнулъ мечемъ и ударилъ насупротивъ. Жестокое началось побоище, и бились они во второй схваткѣ пуще прежняго. Притомились оба; Алибрандъ опустилъ щитъ и захотѣлъ отдохнуть, а также и Гильдибрандъ. Возговорилъ тутъ Алибрандъ: Коли скажешь твое имя и отдашь оружіе, то сохранишь свою жизнь, а коли такъ не сдѣлаешь, будешь убитъ. Не захотѣлъ ты сказать своего имени, когда мы встрѣтились, и то тебѣ не хула; а теперь скажешь его, побѣжденный, и оставишь всѣ твои доспѣхи безславно; въ противномъ случаѣ умереть. — Расходился тутъ молодецъ, хочеть въ самомъ дѣлѣ убитъ его и изо всей силы ударилъ стараго; а тотъ защищается и того храбрѣе. Возговорилъ Гильдибрандъ: Ты не изъ роду-ли Ильфинговъ? Скажи мнѣ, и я дамъ тебѣ миръ; коли не такъ, убью тебя. — Отвѣчаетъ Алибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то дайся; я не больше Ильфингъ, чѣмъ ты, а ты такъ простоватъ, хотя и старъ. Скажи-же скорѣе свое имя; когда-бы ты зналъ, кто я, не назвалъ-бы моего отца Ильфингомъ. — Схватились они другъ съ другомъ крѣпче прежняго; близко подошелъ къ нему старыи, сильно рубить, навесъ такой страшный ударъ по его бедру, что кольчуга разъѣхалась, а Алибрандъ получилъ большую рану, и его нога почти ему не служитъ. Говорить онъ: Вотъ мой мечъ, я отдаю его, ибо дольше не могу тебѣ противостоять: у тебя въ рукѣ сидитъ нечистый. — И онъ протянулъ руку; старыи отклонилъ щитъ и потянулся рукою къ мечу, думалъ взять его, а Алибрандъ ударилъ стараго изподтишка, хотѣлъ отрубить ему руку — но тотъ быстро поднялъ щитъ и говоритъ: Этому удару научила тебя жена твоя, не отецъ! И такъ сильно налегъ старикъ, что молодецъ упалъ наземь, а старикъ на него сверху, приставилъ къ груди мечъ и говоритъ: Скажи мнѣ скорѣе свое имя и родъ, или ты разстанешься здѣсь съ жизнью. Отвѣчалъ Алибрандъ: Теперь-то я и не скажу его, ибо отнынѣ мнѣ жизнь ни почемъ, когда побѣдилъ меня такой старыи, сѣдой гусь. — Говоритъ Гильдибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорѣе; коли ты сынъ мой Алибрандъ, то я отецъ твой Гильдибрандъ! Тутъ отвѣтъ держалъ молодецъ: Коли ты Гильдибрандъ, мой отецъ, то я твой сынъ Алибрандъ. — Скоро вставалъ съ него Гильдибрандъ, а Алибрандъ поднимался на ногѣ, цѣловались они и спознавались другъ съ другомъ. Очень обрадовался Гильдибрандъ сыну своему Алибранду, а Алибрандъ отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своихъ ковей и поѣхали домой къ замку.

рое мы привели въ текстѣ, то получится схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ, рассмотрѣннымъ нами подъ № II, за исключеніемъ ихъ развязки:

1. Поѣздка Илья и Добрыни = Гильдебранта и Конрада.
2. Илья-Гильтебрантъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ — ястребъ.
3. Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣший.
4. (Нѣм. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца —; русск. Илья падаетъ подъ ударомъ сына). Илья-Гильдебрандъ повергаетъ юнаго богатыря на землю и допрашиваетъ его.

Аттрибуты нашего Сокольникча-охотничка не могутъ быть случайными, и это ведетъ къ дальнѣйшему вопросу. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о Гильдебрандѣ старый витязъ возвращается домой послѣ продолжительной отлучки, сынъ выѣхалъ изъ дома, очевидно, охотиться, иначе непонятны въ пересказѣ сѣверной саги, сопровождающія его собаки и ястребъ. Какъ поняты отношенія отца и сына въ русскихъ былинахъ, именно въ группѣ № II? Кто у себя дома — отецъ или сынъ? Рѣшающимъ для меня являются выжлець и соколъ: они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Приѣзжалъ, стало быть, Илья Муромецъ? Я не рѣшусь отвѣтить на это положительно, какъ не могу придать рѣшающаго значенія Рыбн. II, № 64, хотя заключеніе былинны и укладывается въ этотъ планъ: расправившись съ Соловникомъ, Илья Муромецъ поѣхалъ къ Кіеву

Ко ласкову ко князю ко Владимиру,
 Бьетъ челомъ, покланяется:
 «Ужь ты солнушко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
 Ты прими меня во служеніе,
 Граду Кіеву на стереженіе». (Сл. Глѣф. № 114, въ концѣ).

Такъ ѣдетъ къ Кіеву и Чурила (сл. выше, стр. 115 слѣд.) и Алѣша (сл. выше, стр. 281) въ пѣсняхъ, въ которыхъ эта черта не традиціонна.

Если Сокольникъ-охотникъ не могъ прїѣзжать издалека, то тѣмъ самымъ схему былинной группы № III, гдѣ Илья является защитникомъ Кіева противъ наѣзжей паленицы, слѣдуетъ признать поздней, навѣянной, быть можетъ, тѣми пѣснями, гдѣ такимъ защитникомъ выступаетъ юный богатырь (Михайло Даниловичъ, Ермакъ, Василій пьяница)¹⁾: въ нашемъ случаѣ были-бы только переставлены роли. Что и въ группѣ № III наѣзжій молодець являлся сокольникомъ-охотникомъ, тому доказательствомъ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12, гдѣ у паляницы

На правѣи руки у нѣй-то соловей сидитъ,
На лѣвѣи руки да жавроленочекъ.

Я не знаю, какъ объяснить названіе Соловникова, Соловника въ относящемся сюда Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14. Простымъ-ли искаженіемъ изъ сокольника, какъ и въ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12 соловей замѣнилъ сокола (Соловей — соловникъ?). Либо соловникъ = прквнослав. славникъ? «Какы ли славники небѣныѣ. ѿггѣ не почтѣше. ни помышльше что то кѣсть. славникъ члѣкыхъ оусоумнѣшесе паче»; въ греч. текстѣ: «Ποίαν δоруφορίαν ούράνιον και ἀγγελικὴν μὴ τιμήσαντες μηδὲ ἐννοήσαντες, δоруφορίαν ἀνθρωπίνην ἐδυσωπήθησαν»²⁾). Миклошичъ, Lex. a. v. славникъ переводитъ славники — *δоруφορία, satellitium*. — Слѣдуетъ замѣтить въ той-же былинѣ особенность въ описаніи боя: Илья бьетъ Соловника въ голову три раза и тотъ «не стряхнется». Это напоминаетъ пѣсню о Святогорѣ: русскій могучій богатырь ударилъ его копьемъ по плечамъ, а онъ только проговорилъ: «Какъ кусаютъ мухи русскія да дѣ-больня» (Гильф. № 119).

Что касается до I-й изъ разобранныхъ нами пѣсенныхъ группъ (см. также во 2-й группѣ былины съ мотивомъ заставы), то мнѣ представляется здѣсь вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I.

²⁾ Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго, изд. Бодянскимъ, въ Чтен. Импер. Общ. Ист. и Древн. 1879, III, л. ѣи, лиц.

былины о гибели богатырей (Кир. IV, стр. 108—115): она также открывается заставой, на которой, въ числѣ семи богатырей, стоятъ Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья; является Татаринъ, бусурманченко, противъ котораго выѣзжаетъ Добрыня, за нимъ Алеша; уже послѣ того былина выводитъ на сцену Илью, принимающаго участіе въ общей сѣчѣ. — Былина о боѣ у Кир. I, № 5, стр. 7—10 (сл. начало Кир. VII, Приложенія стр. 1—7) представляетъ тоже вступленіе: застава, появленіе проѣзжаго молодца, который иногда и называется Татарченкомъ-бусурманченкомъ (Кир. I, № 1—3, стр. 1—6); противъ него выѣзжаютъ другъ за другомъ Алеша, Добрыня, Илья; мѣсто дѣйствія — Сафать рѣка, какъ въ былинѣ о гибели богатырей. Обращу вниманіе и на совпаденіе заповѣвъ: въ былинѣ о гибели послѣдовательное появленіе Добрыни, Алеши и Ильи вызываетъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водою.

То-же въ пѣснѣ о боѣ (Кир. I, № 5, стр. 7—10; сл. ib. VII Приложенія стр. 1—7, № 1); я только поставилъ Софу-рѣку вмѣсто Днѣпра:

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Софу-рѣку,
На Софу-рѣку умыватися.

III.

Группа 2-ая выдѣляется, такимъ образомъ, для меня, какъ представляющая древнѣйшій типъ былины. Если стать на мою точку зрѣнія, то происхожденіе другихъ типовъ (I и 3-го) объяс-

нить будетъ легко. Во второй группѣ, т. е. въ ея древнемъ оригиналѣ, кievское приуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на «сокольника». Позднѣе, когда Илья присталъ къ Киеву, явился главнымъ стоятелемъ за нимъ, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже сокольникъ и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ. Здѣсь представлялась возможность двойкой дифференціаціи: Илья выѣзжалъ противъ поединщика (группа № 3), либо стоялъ съ другими на заставѣ, когда ему пришлось вѣдаться съ пріѣзжимъ богатыремъ (группа № 1). Представленіе «заставы» всего глубже проникло въ былинный сюжетъ: мы встрѣтили его и въ пѣсняхъ, отнесенныхъ нами ко 2-й группѣ. Заставой открывалась и другая былина о боѣ: пѣсня о гибели богатырей на Руси; вліяніе ея запѣва на начальную сцену нашей былины представляется мнѣ вѣроятнымъ для нашей первой группы.

Труднѣе привести въ какую нибудь генеалогическую связь имена, съ которыми является мать сокольника, и то что о ней разсказывается въ пѣсняхъ. Въ группѣ 1-й ея имя: Латыгорка, Латымирка, Владимирка, Горыинка, Горынчанка (Амелфа); во второй: Сиверьянична и Горыинка («я того короля Задонскаго»), Авдотья Горынчанка, Златыгорка: въ 3-й: Натальюшка, честная вдова, Семигорка — баба да Владимирка. Преобладаетъ имя производное отъ *гора*; въ двухъ пѣсняхъ 2-й группы, гдѣ мать сокольника названа Сиверьяничной, самъ сокольникъ говоритъ о себѣ, что онъ «изъ золотой орды», «золотничанинъ»; такъ еще въ одной былинѣ Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65, гдѣ Добрыня, замѣнившій Илью, бьется съ Бухарскимъ королемъ изъ *золотой орды*, котораго отсылаетъ къ матери съ челобитьемъ. Былина, какъ мы видѣли, сводная, но прозвище по золотой ордѣ интересно: я не прочь сблизить его съ однимъ изъ варьянтовъ имени матеря: *Златыгорка*, т. е. Латыгорка (сл. латырь и златырь). Съ другой стороны Горыинка одной пѣсни 2-й группы называетъ себя королевной Задонской, а выше (стр. 316—17)

было указано, что она тождественна съ Авдотьей Горынчанкой, которую Илья одолѣлъ въ чистомъ полѣ, отъ которой прижилъ сына Бориса: съ нимъ онъ и бьется впоследствии, тогда какъ Добрыня вѣдается съ его матерью. Если въ той-же пѣснѣ первой группы сынъ Ильи названъ «Збуть Борисъ королевичъ младъ» (сл. Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65: король), то это также указываетъ на царское происхожденіе его матери — тождественной съ Сиверьяничной, которая говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ 2-й группы: онъ (Илья) меня въ полѣ побилъ, со мною грѣхъ творилъ и т. д. Мы получаемъ уравненіе: Горынчанка (Латыгорка и т. д.) = Сиверьянична = королева. Ея отношенія къ Ильѣ, лишь намѣченныя въ пѣсняхъ всѣхъ 3-хъ группъ, являются главнымъ образомъ развитыми въ группѣ 2-й, которую, съ другихъ точекъ зрѣнія, мы признали болѣе древнею. Былина о трехъ поѣздкахъ Ильи (Кир. I, стр. 88—9, № 2; Гильф. № 221, 264; Рыбн. II, № 62 и друг.) знаетъ также о какихъ-то его отношеніяхъ къ «королевичнѣ», очевидно, не досказанныхъ: Илья доѣхалъ до распутія и направился по дорогѣ, на которой было написано, что ему «женату быть». Этого ему не случилось; королевична встрѣчаетъ его, приглашаетъ лечь на кроватку «волшебную», «подложную», но Илья, догадавшись объ ея коварствѣ, кладетъ её туда самъ, и она проваливается въ погреба глубокіе, откуда Илья выпускаетъ заключенныхъ ею богатырей; её самое онъ размыкалъ жеребцами, а богатырямъ роздалъ все богатство.

Коварство королевичны, ничѣмъ не объясненное, получаетъ смыслъ, если мы сопоставимъ ее съ паленицей-королевой второй группы: ея враждебное появленіе въ развязкѣ одной пѣсни и одной побывальщины, очевидно, мотивировано мстью, какъ и вражда сына къ отцу. Съ сыномъ расправляется Илья, съ матерью Добрыня при помощи Ильи. Добрыня хочетъ убить её, но она взмолилась Ильѣ, обѣщаетъ показать погребъ съ золотой казною. Богатыри дивуются злату серебру; оглянувся Илья, а тѣмъ временемъ Добрыня бабѣ голову срубилъ (Кир. I,

стр. 11—15, № 6). Обѣщаніе показать погребъ было, быть можетъ, такой-же коварной уловкой, отводомъ глазъ, какъ приглашеніе на постель, устроенную надъ западней.

Въ пѣсняхъ I и III-й группы, сократившихъ роль матери, трагическая развязка исчезла, не потому чтобъ она выпала, какъ выше (стр. 324) мы объяснили въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ отсутствіе трагической развязки при сынѣ; здѣсь она замѣнена другою: мать просто указываетъ сыну, побѣжденному неизвѣстнымъ ему старымъ богатыремъ, что онъ и есть его отецъ, а въ нѣкоторыхъ вариантахъ даже наказываетъ Сокольникову — поклониться ему, если встрѣтитъ его въ полѣ. Только двѣ пѣсни удержали, но въ подновленномъ видѣ, трагическій исходъ, заставивъ — сына покуситься на жизнь матери ¹⁾.

---

¹⁾ Библиографія распространеннаго пѣсеннаго и сказачнаго сюжета о борьбѣ отца съ сыномъ была собираема и пополняема не разъ. Я надѣялся открыть нѣчто новое въ брошюрѣ Heinrich von Wislocki, *Eine Hildebrands-Ballade der transsilvanischen Zigeuner* (Lpz. 1880), но жестоко ошибся, повѣривъ заглавію: парень убиваетъ въ лѣсу странника, бросаетъ его трупъ въ «священную рѣку» и спѣшитъ къ матери Bakilo съ платомъ (Tuch), который онъ взялъ у убитаго. По немъ мать узнаетъ, что ея сынъ убилъ собственнаго своего отца, Thagag'a. — Съ мотивомъ баллады о Гильдебрандѣ эта пѣсня ничего не имѣетъ общаго, какъ «священная рѣка» съ Гангомъ, память котораго будто-бы сохранили на своихъ далекихъ странствованіяхъ Цыгане.

Х.

Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ — Илья Муромецъ и Идолнице.

Разбирая пѣсни о боѣ Илья Муромца съ сыномъ я указалъ на черты сходства между вступительной сценой ихъ первой группы и былинной о «гибели богатырей». Я присоединю къ этимъ сближеніямъ еще одно, открывающее намъ любопытныя точки зрѣнія на процессы пѣсеннаго сложенія — и искаженія.

До насъ дошла одна полная былина (Кирша Даниловъ, стр. 180—94 = Кир. II, № 1, стр. 70—80 = Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. I, 1841 г.: Народныя русскія былины, стр. 22—26), два прозаическихъ пересказа (Потанинъ, Юго-Западная часть Томской губерніи, Этнограф. Сборн. VI, 102—4; Аванасьевъ, Нар. Русск. Ск., № 177) и двѣ эпизодическихъ пѣсни (Рыбн. III, № 20, Гильф. № 99) объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ. Былина Кирши представляетъ довольно запутанный сводъ разнообразныхъ былевыхъ мотивовъ, значительно затрудняющій уясненіе ея первоначальнаго содержанія — если не вѣрнѣе будетъ говорить о содержаніи двухъ пѣсенъ, сплотившихся другъ съ другомъ и вдобавокъ притянувшихъ къ себѣ общія мѣста

нѣкоторыхъ другихъ былинь. — Въ виду сложности вопроса я разобью былину на нѣсколько мелкихъ отдѣловъ, значеніе которыхъ уяснится намъ при дальнѣйшей попыткѣ возстановленія.

1. «Два могучіе богатыря», Алѣша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, выѣзжаютъ изъ Ростова (обычная въ позднѣйшую пору локалізація Алѣши) въ поле чистое, наѣхали на «горючь камень» при распутіи; на камнѣ надпись: одна дорога лежитъ въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ, «ко ласкову князю Владиміру». Алѣша держитъ поворотъ къ Кіеву.

Не доѣхавши они до Сафать-рѣки,
 Становились на лугахъ на зеленыхъ,
 Надо Алѣшѣ покормить добрыхъ коней;
 Разставили тутъ два бѣла шатра,
 Что изволилъ Алѣша опочивъ держать.
 А и мало время позамѣшавши
 Молодой Екимъ со добры кони
 Стреложими въ зеленъ лугъ пустилъ,
 Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
 Прошла та ночь осенняя,
 Ото сна пробуждается,
 Встаетъ рано ранешенько,
 Утренней зарею умывается,
 Бѣлою ширинкой утирается,
 На востокъ онъ Алѣша Богу молится.
 Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
 Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
 А сводилъ ихъ конь на Сафать-рѣку.

2. Великъ осѣдлатъ ихъ, Алѣша вмѣстѣ съ Екимомъ ѣдетъ къ Кіеву; на встрѣчу имъ калика переходжій, говоритъ:

Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
 Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
 Промежъ плечей косая сажень,
 Промежу глазъ калена стрѣла;
 Бонь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
 Изъ хайлища пламень пышетъ,
 Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, беретъ у него его лапотки, «шляпу Сорочинскую, земли греческой» и шелепугу подорожную,

3. идетъ за Сафатъ рѣку, гдѣ встрѣчается съ Тугаринымъ Змѣвичемъ, бьется съ нимъ и «отрѣзалъ ему голову прочь». Возвращаясь къ шатрамъ въ цвѣтномъ платьѣ Тугарина, онъ не узнавъ ни Екимомъ, ни каликой: Екимъ Ивановичъ, принявъ его за Тугарина, бросаетъ въ него палицей и угодилъ прямо во груди бѣлыя. Упалъ Алеша; Екимъ сѣлъ на него, собираетъ его доканать, когда увидѣлъ на немъ «золотъ чуденъ крестъ» и призналъ своего «братца родимаго».

Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ переходящему:

«По грѣхомъ надо мной Екимомъ учинилося,
Что убилъ своего братца родимаго!»

И стали его оба трясти и качать,

И потомъ подали ему питья заморскаго:

Оттого онъ здоровъ сталъ.

Стали они говорить и между собою платьемъ мѣнять:

Калика свое платье надѣвалъ каличье,

А Алеша свое богатырское,

.....

И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,

4. гдѣ Владиміръ ихъ учествовалъ, сажаетъ Алешу въ большое мѣсто, но онъ садится «со своими товарищи на полатной брусъ».

Мы видѣли, что Тугаринъ — убитъ въ бою съ Алешей, между тѣмъ теперь его несутъ на «доскѣ красна золота» двѣнадцать богатырей, сажаютъ въ мѣсто большее подлѣ княгини Апраксѣвны.

А Тугаринъ Змѣвичъ не честно хлѣба ѣсть,

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,

Тѣ ковриги монастырскія;

И не честно Тугаринъ питья пьетъ,

По цѣлой чашѣ охлестиваетъ,

Котора чаша въ полтретья ведра.

И говорилъ вѣноры Алѣша Поповичъ младъ:
 «Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!
 Что у тебя за болванъ пришелъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно у князя за столомъ сидить,
 Ко книжнѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладеть,
 Цѣлуеть во уста сахарниа,
 Тебѣ князю насмѣхается.
 А у моего сударя батюшки
 Была собачица старая,
 Наслу по подстолю таскалася,
 И костью та собака подавилася:
 Взялъ её за хвостъ, подъ гору махнулъ;
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
 Тугаринъ потерпѣлъ какъ осення ночь.

5. На столъ подають «лебедушку бѣлую»;

И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
 Обрѣзала рученку лѣвую,
 Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила,
 Говорила таково слово:
 «Гой вы еси, княгини-боярини,
 Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
 Либо смотрѣть на мнѣ животъ,
 На молода Тугарина Змѣевича».

6. Тугаринъ проглатываетъ за-разъ цѣлую лебедь п ковригу монастырскую. Алѣша глумится:

«Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь,
 Что у тебя за болванъ сидитъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно за столомъ сидить,
 Не честно хлѣба съ солю ѣсть,
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
 П цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
 У моего сударя батюшки,
 Федора пона Ростовскаго,
 Была коровица старая,

Насилу по двору таскалася:
 Заблглася на поварню къ поварамъ,
 Выпила чашъ браги прѣсняя,
 Оттого она лопнула, —
 Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
 Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь,
 Выдернулъ чяпгалище булатное,
 Бросилъ въ Алѣшу Поповича;
 Алѣша на то-то вертокъ былъ,
 Не могъ Тугаринъ попасть въ него.
 Подхватилъ чяпгалище Екимъ Ивановичъ,
 Говорилъ Алѣшѣ Поповичу:
 «Самъ-ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?»
 — Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
 Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;

7. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 А бьюсь о своей буѣной головѣ. —
 Втапори князи и бояра
 Скочили на рѣзвы ноги
 И всѣ за Тугарина поруки держать:
 Князи владутъ по сту рублей,
 Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублей;
 Тутъ-же случилися гости купеческіе,
 Три корабля свои подписываютъ
 Подъ Тугарина Змѣевича,
 Всяки товары заморскіе,
 Которы стоятъ на быстромъ Двѣпрѣ;
 А за Алѣшу подписывалъ владика Черяпковской.
8. Втапори Тугаринъ и вонъ ушель,
 Садился на своего добра коня,
 Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.

Княгиня упрекаетъ Алешу, что онъ не далъ посидѣть ея другу
 милому; а Алеша поѣхалъ съ товарищами на Сафать-рѣку,
 сталъ въ шатрахъ и всю ночь молится, чтобы Господь послалъ тучу
 грозную съ дождемъ и градомъ, подмочило-бы бумажныя крылья

у Тугарина. Молитва услышана, Тугаринъ падаетъ на землю, и Алеша съѣхавшись съ нимъ, прибѣгаетъ къ такому-же обману, какъ Александръ въ битвѣ съ Поромъ въ пересказѣ сербской Александріи: говорятъ, что Тугаринъ обѣщаль биться съ нимъ одинъ на одинъ, а привелъ за собой несмѣтную силу. Тугаринъ оглянулся, а Алеша пользуется этимъ, чтобъ срубить ему голову, которую привозитъ въ Кіевъ и бросаетъ «среди двора княженецкаго».

9. Говорилъ Владиміръ князь:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часъ ты мнѣ свѣтъ даждь!
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ князю Владиміру,
До любви тебя пожалую.

А княгиня бранитъ его деревенщиной, засельщиной за то, что разлучилъ её «съ другомъ милымъ» — и Алеша не остается у ней въ долгу.

Былина Рыбн. III, № 20 приблизительно отвѣчаетъ 5 и слѣд. §§ пересказанной нами пѣсни: въ Кіевѣ «объявилось новое чудовище», Тугаринъ Змѣевичъ; за столомъ онъ глотаетъ по цѣлой лебеди и по чарѣ заразъ; Алеша, сынъ Левонтыя попа Ростовскаго, глумится надъ нимъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ большой пѣсни; Тугаринъ бросаетъ въ него ножомъ, который налету подхватываетъ слуга Алешинъ, «Акимъ Паробокъ». Онъ спрашиваетъ Алешу: самъ-ли онъ пойдетъ «супротивиться» съ Тугаринымъ, или его пошлетъ. «Не куда уйдетъ гагара безногая», отвѣчаетъ тотъ; слѣдующій за тѣмъ бой описанъ кратко:

Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
И убилъ Тугарина Змѣевича.

Описаніемъ этого боя (§ 8 большой былины) ограничивается Гильф. № 99; у Тугарина бумажныя крылья, онъ названъ Идолицемъ («Задолице») поганымъ; но подробности боя нѣныя. — Сказка, напечатанная Афанасьевымъ III, № 177 и сохранив-

шая ясные слѣды пѣсеннаго склада, начинается съ рожденія Алеши (отець: Леонтій попъ) и выѣзда его въ Кіевъ съ Марышкомъ Парановымъ сыномъ (= Акимъ Паробокъ); Тугаринъ Змѣвичъ обнасилничалъ Кіевъ, обнимается съ княгиней, по ковригѣ за щеку, по другой за другую кладеть, на языкъ кладеть цѣлаго лебедя, «пирогомъ попихнулъ, все вдругъ проглотнулъ». Слѣдуетъ перебранка съ Алешей, въ котораго Тугаринъ пускаеть ножемъ; Алеша подхватываетъ его; Марышко бросаетъ Тугарина «о палату бѣлокаменну», просить ножа, чтобъ покончить съ нимъ, но Алеша велить отпустить его въ поле, гдѣ онъ съ нимъ вѣдается на другой день. Тугаринъ летаетъ по поднебесью, но по молитвѣ Алеши дождь подмочилъ его «крыльца бумажныя», и онъ палъ на сыру землю. Въ битвѣ съ нимъ повалился Алеша, но успѣлъ увернуться подъ «конное чѣрево» и убиваетъ Тугарина, голову котораго везетъ въ Кіевъ ¹⁾.

Обратился къ разбору большой былины у Кирши.

I.

Она, несомнѣнно, сводная, представляетъ контаминацію двухъ пѣсень, въ которыхъ одинаково являлся Алеша; и та и другая заключались его поединкомъ съ врагомъ. Контаминація, принадлежащая, вѣроятно, новѣйшему времени, такъ какъ еще ясны слѣды механическаго свода. Обѣ части нынѣ сводной былины кончались смертью Алешина противника, и это обстоятельство удержано виѣстѣ съ именемъ врага, убитаго въ первомъ бою и снова являющагося въ послѣднемъ. Первый происходилъ на Сафать-рѣкѣ; такъ могло быть въ первой пѣснѣ; далѣе Алеша ѣдетъ въ Кіевъ, происходитъ извѣстная сцена съ Туга-

---

¹⁾ Сказка о Федорѣ Тугаринѣ и Анастасіи Прекрасной, у Афанасьева I, № 96 не имѣетъ ничего общаго съ Тугаринимъ былинь, кромѣ той черты, что конь Федора, попасшись три зари на росѣ «ставъ носить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па *наднебесы*».

ринимъ при дворѣ Владимира, а послѣдній поединокъ съ Тугаринымъ опять перенесенъ на Сафать. Ясно, что локализация первой пѣсни повліяла на вторую, какъ, наоборотъ, эпизодъ, которымъ открывалась вторая (§ 2), проникъ въ составъ первой, гдѣ онъ, очевидно, не у мѣста: я разумѣю введеніе калики и вызванный имъ двойкій мотивъ переодѣванія (Алеша переодѣвается каликой, затѣмъ наряжается въ цвѣтное платье Тугарина).

Первая пѣсня могла обнимать §§ 1 и 3; я сомнѣваюсь, чтобы въ ней уже находилось имя Тугарина. Алеша выѣхалъ съ Акимомъ Ивановичемъ на Сафать-рѣку, гдѣ бьется съ врагомъ. Это — схема пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, группа I-ая ¹⁾, и былины о гибели богатырей. Послѣднюю напоминаетъ въ особенностяхъ § 3: Алеша, возвращаясь съ боя въ одеждѣ Тугарина, убитъ своимъ братомъ (названнымъ?) Акимомъ, который оживляетъ его питьемъ заморскимъ. Я приравниваю къ этому эпизоду сходный въ пѣснѣ о гибели богатырей: Добрыня убитъ Татариномъ въ схваткѣ на Сафать-рѣкѣ; Алеша (его названный братъ) оживляетъ его при помощи живой и мертвой воды, за которыми воронъ слеталъ на синѣ-море.

Оживленіе Алеши дало возможность приплести къ этой пѣснѣ другую, содержаніе которой обнимало § 2 и §§ 4—9: я разумѣю общія очертанія былины, не обращая пока вниманія на позднѣйшіе наросты, на которыя укажу далѣе. Алеша ѣхалъ къ Киеву; калика переходящій говорилъ ему о Тугаринѣ; переодѣвшись въ каличые платье, богатырь приходитъ въ Киевъ, гдѣ на пиру перебранивается съ Тугаринымъ, котораго потомъ и убиваетъ въ схваткѣ.

Хорошимъ подтвержденіемъ моего анализа является прозаическій пересказъ той-же былины, записанный (къ сожалѣнію по памяти) въ Томской губерніи Потанинымъ. Ъдутъ два богатыря, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, подъѣзжаютъ

¹⁾ См. также въ началѣ былины — распутія, напоминающія такое-же вступленіе въ старину объ Алешѣ (Ефименко I. с., № VII, стр. 25 слѣд.), кончающуюся боемъ Ильи съ сыномъ.

къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ градъ, другая въ Путиловъ градъ; Алёша хочеть ѣхать по второй, но Екимъ его отговариваетъ. Далѣе новыя розстани: одна дорога въ Кіевъ, другая въ Черниговъ; новыя колебанія Алёши, и снова Екимъ уговариваетъ его держать путь къ Кіеву. Возлѣ дороги дерево, на немъ черный воронъ, съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, словно надъ богатырями насмѣхается. Алёша собирается подстрѣлить его, но тотъ провѣщился: пусть не тратитъ стрѣлу по напрасну, а ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ въ гостяхъ у Владиміра живетъ Тугаринъ Змѣевичъ, живетъ не два, а ровно три года, и князь ему не радъ. — Пріѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алёша Поповичъ не садится въ мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю: всѣ удивляются коврѣ. Слѣдуетъ перебранка съ Тугаринымъ, выпивающимъ за-разъ по ведру вина, проглатывающимъ по ковригѣ, и типическая для этого круга былины замѣтка Алёши: объ отцовской коровѣ, выпившей черезъ мѣру («ведру гушца»). Тугарину это за бѣду стало: въ поединкѣ съ Алёшей онъ также поднимается на бумажныхъ крыльяхъ, но по молитвѣ русскаго богатыря сдѣлалась гроза, крылья подмокли и врагъ упалъ на землю. Алёша отрубилъ ему голову и сталъ звать Екима Ивановича; тотъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько Алёшу, повалилъ его, началъ бить и спохватился лишь когда тотъ подалъ голосъ. Возвращаясь въ Кіевъ Алёша знаетъ, что всѣ будутъ рады его подвигу, не рада одна Апраксѣвна; голову Тугарина онъ бросаетъ посреди двора: «вотъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатся»; а княгиня вышла на крыльцо и сказала: «Стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйною головой добраго молодца».

Новымъ въ этой былинѣ является общее мѣсто о вѣщемъ воронѣ ¹⁾, замѣнившее эпизодъ о каликѣ. Послѣдній, вѣроятно, находился въ оригиналѣ былины; несомнѣнно во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ см. выше, стр. 139.

что въ Кіевъ Алёша является *пероодытымъ*, ему и отводится небогатырское мѣсто, на печномъ столбѣ (въ былинѣ: «на полатномъ брусѣ»); судя по подробности о коврѣ, можно предположить, что онъ явился — купцомъ. Съ другой стороны въ Потанинскомъ пересказѣ нѣтъ перваго поединка съ Тугаринымъ, и ошибка Акима отнесена къ послѣдней битвѣ съ нимъ Алёши. Это увлечение Акима напомнило какому-нибудь сказителю сходныя черты въ былинѣ «о гибели богатырей», и онъ перенесъ соотвѣтствующія подробности пѣсни о Тугаринѣ къ ея началу, опустивъ еѣ тамъ, гдѣ она была у мѣста, т. е. въ концѣ.

Освобожденная отъ этихъ искаженій и приставокъ былина объ Алёшѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ схемѣ былинъ объ Ильѣ и Идолищѣ. Почти тѣ-же подробности, иногда однѣ и тѣ-же выраженія.

Я указалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, что мѣсто дѣйствія пѣсень объ Идолищѣ колеблется между Кіевомъ и Царьградомъ. Въ слѣ-

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд. — *Былины объ Ильѣ и Идолищѣ*: Рыбн. I, № 15 (Кіевъ, Одолище, Идолище), 16 (проланчскій пересказъ: Ильѣ ѣдетъ въ Идольское царство), 17 (Царьградъ, Идолище = Гильф. № 48); III, № 7 (= Гильф. № 144: Кіевъ, Татаринъ), 8 (Идолище, мѣстнаго опредѣленія нѣтъ), 9 (Царьградъ, Издолина); Кир. IV, № 4, стр. 18—21 (Кіевъ, Идолище), № 5, стр. 22—38 (Иерусалимъ = Царьградъ, Одолище); *ib.* I Прилож. стр. XIV—XVI (изъ Сахаровской сказки: Кіевъ, Идолище), стр. XXI—XXII (изъ сказки у Аванасьева: Кіевъ, Идолища); Гильф. № 4 (Кіевъ, Татаринъ = Идолище), 22 (Кіевъ; Батыга Батыговичъ = Одолище), 106 (Кіевъ, Идолище), № 120 (Одолище въ городѣ Кряковѣ?), 144 (Кіевъ, Татаринъ = Идолище), 178 (Кіевъ, Идолище), 186 (Кіевъ, Идолище), 196 (Царьградъ, Идолище), 232 (Царьградъ, Издолище), 245 (Кіевъ, Батыга Батыговичъ = Одолище). — Сл. Барсовъ, Памятники народнаго творчества въ Олонцкой губерніи (СПб. 1873): Ильѣ Муромецъ, № 1-й, стр. 22—29 (первая половина пѣсни) и № 2-й, стр. 29—34 (Царьградъ). Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ крайне-испорченной сводной былинѣ у Ефименка, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2, № VIII, стр. 82 слѣд.: старина про Илью Муромца. — Эпизодъ объ Идолищѣ, убитомъ Ильєю, включенъ въ нѣкоторые пересказы былины о Дюкѣ (см. выше, стр. 137—8); Одолище, какъ эпитетъ, прозвище врага вообще см. въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, Кир. III, № 1, стр. 9 слѣд.); какъ эпитетъ Горыница поганого, любовника Марини у Гильф. № 122. — Былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ (Гильф. №№ 220, 239, 249, 257, 281) и Каликъ-богатырь (*ib.* №№ 101, 207) — эпизоды пѣсни объ Идолищѣ. — Сл. Миллеръ, Ильѣ Муромецъ, стр. 739 слѣд.

дующей характеристикѣ ихъ, примѣнительно къ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ, я не обращаю вниманіе на эти отмѣны.

Илья ѣдетъ въ Кіевъ — или Царьградъ — который обна-
сильничалъ Идолище поганое (Одолище поганое — Батыга
Батыговичъ, у Гильф. № 22; Татаринъ ib. № 144; Издолина
Рыбн. III, № 9; Мамай въ пѣснѣ у Ефименка, № VIII).
Вѣсти о томъ сообщаетъ Ильѣ калика, встрѣтившійся съ нимъ
на пути. Такъ въ 7 былинахъ изъ 11. Не по старому въ Кіевѣ
звонъ звонять, говоритъ онъ,

Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое,
Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
У княгини держать руки въ пазухѣ.

(Кир. IV, № 4, стр. 18 слѣд.); или:

Сидитъ Татаринъ между княземъ и княгинюю,
Не даетъ волюшки князю со княгиней думу подумати

(Гильф. № 144);

А къ царици сидитъ онъ лицинищомъ,
А къ царю Костянтину Боголюбвищу,
А къ царю сидитъ онъ хребтинищомъ

(ib. № 196);

Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Іерусалимѣ есть вѣра не по презнему,
Тамъ обсплило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царцею,
Межъ Сурывливицъ Василюемъ Боголюбвицъ.

(Барсовъ, I. с. № 2, стр. 29—30).

Часто это описаніе дополняется характеристикой роста и ги-
гантскаго аппетита Идолища:

Въ долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,

Головища его какъ жившой котель,
Глаза у него какъ чашн интойниа,
Носище какъ налга дровокóльная.

(Кир. IV, № 5, стр. 23; сл. Гильф. №№ 48, 196);

Онъ нó кулю да хлѣба къ вити ѣсть,
По ведру вина да онъ на разь-то пьеть

(Гильф. № 4 и др.).

— Помѣнявшисъ платьемъ съ калиной переходимъ, Илья приходитъ въ Кіевъ — или Царьградъ — на царскій дворъ милостыню просить, и завязывается его разговоръ съ Идолицемъ: великъ-ли у васъ казакъ да Илья Муромецъ, по многу-ли ѣсть и пьеть? Илья отвѣчаетъ:

Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
Ужъ онъ такъ великъ какъ я же есть

(Гильф. № 4);

Ростомъ возрастомъ онъ ровѣнъ со мною

(Кир. IV, № 5, стр. 28; сл. Гильф. №№ 22, 48, 196).

Его ашпетить, столь-же скромный, вызываетъ похвальбу врага, типически повторяющуюся въ однихъ и тѣхъ-же, либо сходныхъ образахъ, напр.

Я нó хлѣбу кладу за щеку,
А по дрúгому кладу я за другую,
Лебедь бѣлую на закусочку,
Ведро мѣрное да на запивочку

(Гильф. № 178; Барсовъ, I. с. № 2, стр. 33 и друг. Сл. еще сказку объ Алешѣ у Аванасьева).

Какой это богатырь, говоритъ Идолице объ Ильѣ:

А былъ-бы то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
Другой рукой опять бы сверху́ прижалъ,
А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ.

(Гильф. № 48; сл. *ibid.* № 144; Кир. IV, № 5, стр. 29).

Въ лубочной сказкѣ «идолище просить есть, и принесли ему быка целова жирнова, и онъ ево и с костми съелъ. И ідолища попросилъ пить, и принесли котель пива, а несли 12 члѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. — Илья Муромецъ говоритъ: Была у моего батюшки кобыла обжерлива, обожралась и іздохла»¹⁾. Таковъ и обычный отвѣтъ Ильи въ былинахъ:

Какъ у моего было у батюшка
Вольшобрюхая корѳвища обжорпцо,
Она много ѣла-пѣла, да и лопнула

(Гильф. № 178);

У насъ какъ у попа было ростовскаго
Какъ была что корова обжорпста,
А много она ѣла, пѣла, тутъ и трѣснула,
Тебѣ-то бы поганому да также быть

(ib. № 48);

Какъ у нашего попа да Левонтя да Ростовскаго
Какъ бывала тутъ коровища обжорпца и т. д.

(ib. № 4).

Съ Левонтіемъ ростовскимъ попомъ мы не только возвращаемся къ Алешину роду, какъ онъ установился въ былинахъ, но и къ нашей пѣснѣ о Тугаринѣ, гдѣ мы встрѣтили тоже общее мѣсто (§ 6: У моего сударя батюшки, Ѳедора попа Ростовскаго и т. д.), тогда какъ другое (I. с. § 4: А у моего сударя батюшки Была собачища старая и т. д.) попалась мнѣ въ одной изъ былинъ объ Идолицѣ (Ефименко, I. с. № VIII, стр. 35):

А была у Владиміра собака обжорпва,
По подстолю собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася,
Тутъ собакѣ и смерть пршла.

(Сл. Кир. IV, № 5, стр. 29: Встарь было у князя у Владиміра,—
Было коровище обжорпсто).

¹⁾ Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. I: История о славномъ и о храбромъ богатыре Ильѣ Муромце и о Соловьѣ разбойникѣ, стр. 7.

Разгнѣванный этими насмѣшками Идолище бросаетъ въ Илью ножомъ, но тотъ отвернулся во время и самъ убиваетъ противника, либо шляпой земли греческой, либо клюкой сорочинскою; или онъ ударяетъ Идолищемъ о сыру землю и т. п. Только у Рыбн. III, № 8 и въ сводной былинѣ у Барсова (I. с. № 1, стр. 25) дѣло кончается боемъ:

Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широкò поле,
Отвѣдаемъ-ко силы богатырской! —
— Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна.

Легко убѣдиться, что былина объ Идолищѣ совершенно отвѣчаетъ пѣснѣ о Тугаринѣ. Разница — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ: Алеша и Илья; Тугаринъ Зиѣвичъ и Идолище. Вспомнимъ, что у Гильф. № 99 самъ Тугаринъ названъ Идолищемъ («Задолище»), а въ Сказаніи о кievскихъ богатыряхъ «какъ ходили во Царьградъ» онъ является, рядомъ съ Идолищемъ жидовскимъ, Идоломъ Скоропитомъ (по буславск. списку) или Скоропѣвичемъ (списокъ Барсова), въ числѣ противниковъ русскихъ богатырей. Скоропитъ, Скоропѣвичъ = Зиѣвичъ ¹⁾; Тугаринъ такой-же Идолъ Скоропѣвичъ. — Какъ Идолище обнасилничалъ Кіевъ-Царьградъ, такъ и Тугаринъ въ пѣснѣ объ Алешѣ: иначе трудно объяснить благодарственныя рѣчи къ нему Владиміра, когда онъ незложилъ врага (сл. § 9). Идолище обнасилилъ божьи церкви, святыя образа (сл. Гильф. № 48), не даетъ воли князю съ княгиней, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.). Былина объ Алешѣ развила послѣдній мотивъ новымъ: любовныя слабости Апраксѣвны къ каликѣ Михайлѣ и Чурилѣ уже сложились, вѣроятно, въ былевой типъ, когда насильничаніе Тугарина было понято какъ пріятное — именно княгинѣ: что

¹⁾ Сл. Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ I: Св. Георгій, стр. 115—116, прим. 2. Въ романскихъ нарѣчіяхъ лат. *vesperio* переходитъ къ значенію ящерицы (пров. *estgarion*), саламандры и даже сверчка, какъ, наоборотъ, слав. ящерьъ, ящуръ обозначаетъ и ящерицу, и змѣю, и мышь.

онъ кладесть ей руки въ пазуху (§ 4) могло быть уже въ старой пѣснѣ, но смыслъ этого акта измѣнился, когда княгиня въ состояніи такъ залюбоваться на Тугарина, что порѣзала себѣ руку, рушая лебедь бѣлую. Вспомнимъ тотъ-же эпизодъ въ пѣснѣ о Чурилѣ, Гильф. № 223:

Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебединое,
 Смотрячись-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую,
 Сама говорила таково слово:
 «Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую:
 Да помѣшался у меня разумъ въ буйной головѣ,
 Да помутилпсе у мн'я-де очи ясныя,
 Да смотрячись-де на красоту Чурилову.

Бой съ Тугариномъ, заканчивающій былинну, обыкновенно разнится въ подробностяхъ отъ боя Ильи съ Идолищемъ. Эта разница не на столько существенна, чтобъ она могла ослабить впечатлѣніе родства и почти тождества, которое раскрылось намъ изъ сличенія двухъ былинъ: объ Идолищѣ и Тугаринѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, у Рыбн. III, № 8, черты положительнаго тождества: Идолище «ѣздитъ подь облакой», а Илья молитъ о дождѣ, «чтобы подмочило у Идолища добра коня крылатаго, Опустилось бы Идолище на сыру землю, Поѣхало-бъ Идолище по чисту полю». Лишь когда врагъ спустился на землю, Илья вступаетъ съ нимъ въ бой; стало быть, какъ въ былинѣ объ Алешѣ. Что до одного мелкаго эпизода послѣдней, связаннаго съ рассказомъ о боѣ, то онъ едва-ли оригиналенъ: какъ за Тугарина держатъ поруки князья и бояре и гости купеческіе, а за Алешу владыка Черниговскій; такъ и въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 5:

За князи Владиміра держатъ поруки крѣвкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де, гости корабельщики,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;

А нѣкто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
 Пригодился тутъ владика Черниговской,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ онъ поруки вѣрникія, вѣрникія на сто тысячей, —
 Подписался.

II.

Чередованіе именъ Ильи и Алешы въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія и направленія ставитъ вопросъ о причинахъ этой смѣны и о времени, когда она совершилась. Предлагать её поздней нельзя; типъ Алешы, какъ онъ теперь и, вѣроятно, задолго передъ тѣмъ, сложился въ пѣсенномъ эпосѣ, не ладился-бы въ одной и той-же роли съ Ильей. Я предполагаю что и былина о Тугаринѣ съ Алешей и пѣсни объ Идолищѣ — продукты разложенія болѣе древняго сказанія, на составъ котораго можетъ отчасти указать «Сказаніе о кievскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ».

Разбирая былины объ Идолищѣ и о Голяхъ кабацкихъ ¹⁾, фабула которыхъ является приуроченной то къ Киеву, то къ Царьграду, я замѣтилъ, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣло Идолище; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ (Идолище, Голи Кабацкіе), первоначально приуроченныхъ къ Киеву или Царьграду, а нынѣ разсказывающихся безразлично о томъ и другомъ ²⁾. Былина № 232 Гильф. распредѣляетъ ихъ такимъ образомъ, что сцена съ Голями, вызвавшая неудовольствіе Ильи на князя и его удаленіе, помѣщена въ Кіевѣ, а бой съ Идолищемъ въ Царьградѣ. «Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно» ³⁾. Въ настоящее время

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд.

²⁾ *ib.* стр. 58.

³⁾ *ib.* стр. 59.

я склоненъ видѣть въ Гильф. № 232 древнѣйшій видъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ объ Идолицѣ, за которыми поднимается болѣе древній типъ пѣсни — въ Сказаніи о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ.

Сказаніе это дошло до насъ въ двухъ спискахъ: XVII (Барсова)¹⁾ и XVIII вѣка (Буслаева)²⁾, сохранившихъ въ неодинаковой мѣрѣ складъ былеваго стиха, но несомнѣнно восходящихъ къ одному и тому-же пѣсенному тексту, такъ что, пользуясь тѣмъ и другимъ, можно приблизительно возстановить схему подлинника. Барсовскому списку принадлежитъ преимущество языка, болѣе древняго и народнаго, за то встрѣчаются пропуски и дублиеты, не объяснимые эпическимъ повтореніемъ. Такъ въ самомъ началѣ Барсовскій текстъ представляетъ несомнѣнный пропускъ обычнаго заглавія: описанія княжескаго пира:

Во столномъ славнемъ граде Києвѣ
Говоритъ князь Владимиръ Всеславичъ Киевской.

Въ списокѣ Буслаева:

*В столномъ было градъ Києвъ,
У великаго князя Владиміра,
Было прованье почестное
На многія князи и бояря
И на сильныя могучія богатыри.
И какъ пошелъ пиръ новоселной,
И зговоритъ князь Владиміръ Киевски,*

говорить, что царь Константинъ посылаетъ на Києвъ своихъ богатырей; такъ пусть русскіе богатыри стоятъ накрѣпко, беругуть городъ.

И слышалъ русскія богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не доушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю Владиміру Киевскому.

1) Богатырское слово въ списокѣ начала XVII вѣка, откр. Е. В. Барсовымъ, въ приложеніи къ XL т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 5.

2) Пам. старинн. русск. литературы, II, стр. 311—5.

Слѣдуютъ имена богатырей; они говорятъ князю:

Государь ты, великой князь Владимиръ Киевской!
 Не извадилсь мы, государь, дома сидѣть,
 Извадилсь мы, государь, сами ѣздить по полю по чистому,
 Побивать люди многія.
 Отпусти насъ, государь, во поле чистое,
 Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
 И языкъ приведемъ многія.

За отказомъ Владимира «закручинились» богатыри, ѣдутъ къ своимъ конямъ, снаряжаются и ѣдутъ прямо къ Царьграду.

Такъ въ Буслаевскомъ текстѣ. Въ Барсовскомъ спискѣ послѣдовательность несомнѣнно спутана, перечень богатырей попалъ не въ свое мѣсто; отсюда — повторенія. Когда Владимиръ велитъ богатырямъ беречь Киевъ и не разѣзжаться,

12 Бьютъ челомъ ¹⁾ семь богатырей:

Государь князь Владимиръ Киевской Всеслаевичъ,
 Отпусти насъ въ чистое поле,
 Мы тебѣ, государю, правая вѣсть отыдаемъ
 И приведемъ тебѣ, государю, языка добраго,
 Тебѣ, государю, славу великую учинимъ,
 И себя, государь, въ честь введемъ,
 И всему твоему государству похвалу великую учинимъ,
 И многія орды острастимъ.
 А вговорятъ богатыри таково слово:
 Государь князь Владимиръ Киевской!
 Сторожемъ мы въ землю не извадимъ житья,
 Не доведетца намъ сторожами слыть!

Слѣдуютъ: «Имена богатыремъ» и затѣмъ повтореніе тѣхъ-же богатырскихъ рѣчей:

39 Не извадилсь мы сторожемъ стеречи,
 Только мы извадилсь въ чистомъ поле ѣздити,
 Побивать полки татарскіе.

¹⁾ Въ текстѣ вмѣсто «челомъ» — «въ столбѣ». Сл. стихъ 56: Ударя челомъ.

*Отпусти насъ, юсударь, въ чистое поле,
Мы тебѣ, юсударю, прямыя отъсти отдаемъ,
Или тебѣ приведемъ языка добраю.*

Когда и теперъ Владиміръ ихъ не отпускаетъ, они собираются въ отъѣздъ.

Сообщаю имена богатырей въ порядкѣ Барсовскаго текста; ихъ семеро ¹⁾:

Илья Муромецъ	—	Бул. тоже
Добрыня Никитичъ	—	— — —
Дворянинъ Залѣшанинъ	—	— — —
Олеша Поповичъ	—	— — —
. . . щата Елнзычъ	—	Бул. богатырь Глазятъ
Суханъ Домоньяновичъ	—	Бул. Суханъ Домантьевичъ
Бѣлая Палица	—	Бул. дворянинъ Бѣлая Палица.

Барсовскій текстъ прибавляетъ характеристики: къ дворянину Залѣшанину: 28 «Серая свита, злеченые пугвицы»; къ Бѣлой Палицѣ:

33 «Краснымъ золотомъ украшена,
Четнымъ жемчюгомъ унизана,
Посреде тоей палицы камень,
Самоцвѣтный пламень.

Богатыри ѣдутъ къ Царьграду; не доѣзжая двѣнадцати поприщъ (Бул. верстъ) до города, за Смугрой рѣкой, встрѣчаютъ двѣнадцать каликъ (въ Барс. спискѣ, несомнѣнно, по обмолвкѣ, они названы цареградскими богатырями), у нихъ атаманомъ Никита,

¹⁾ Число Владимировыхъ богатырей колеблется между 80, 12 и 7 (сл. Южно-русск. былины I, стр. 30); въ нашемъ Сказаніи Илья говоритъ, что въ Киевѣ 32 богатыря. Возможенъ-ли вопросъ о большей, сравнительно, древности того или другого показанія — я не знаю. Семь и двѣнадцать одинаково принадлежатъ къ символическимъ числамъ; у Карла В. по Charvona de gestes обыкновенно 12 паладиновъ; въ греч. сказкѣ изъ Милоса (Νεοελληνικά Ἀναλέκτα I, стр. 29 слѣд. № 6: Ἡ Βασίλισσα καὶ ὁ Ἀράτης) δωδεκάδα толкуется какъ: οἱ βασίλοι σύμβουλοι, οἱ αὐλοκοί; «ἡ βασίλισσα εἶχε συμμαζωμένην ὅλην τὴν δωδεκάδα» и т. п.; въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, ed. Wagner, у Ахилла двѣнадцать дружинниковъ: τοὺς δώδεκα ἐκράτησεν τοὺς ἦδελεν καὶ ἠγάπαν, v. 257 и passim. Такимъ образомъ видѣтъ въ «двѣнадцати» нѣчто специально германское — нѣтъ никакого основанія. Сл. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, I, стр. 497—510: Ueber die Zwölfzahl bei den Germanen.

родомъ Карачевецъ (Барс. Никита Ивановичъ, родомъ Карачевецъ); они ходили въ Царьградъ вѣстей искать: собираются-ли тамошніе богатыри въ Кіевъ; и вѣсти эти оказались тѣ-же: похваляются богатыри взять Кіевъ на щиты, полонить князя со княгиней, «А удалыхъ богатырей, станныхъ людей подъ мечъ всѣхъ приклонити, А злато и серебро искатить телегами» (Барс.).— Алеша Поповичъ предлагаетъ каликамъ помѣняться съ ними одеждою, но тѣ соглашаются на то лишь по просьбѣ Ильи. — Оставивъ на Смугрѣ рѣкѣ своихъ коней и доспѣхи, въ каличьемъ платьѣ, съ палицами, спрятанными подъ полами гуни, богатыри идутъ къ Царьграду,

151 Да говорятъ межъ собою пословицу:

«Бога ради, богатыри,

Будьте къ татарскимъ речемъ стернивы.

Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:

«Всехъ у насъ пуще Олеша Поповичъ,

Что онъ де пьянъ или не пьянъ,

Изо всѣхъ насъ охочъ бранится:

Тотъ у насъ богатырь кручиновать».

(въ Бусл. спискѣ это мѣсто, очевидно, непонято: «Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ языкомъ татарскимъ?». Отвѣчаетъ дворянинъ Залѣшанинъ, и отвѣтъ почти тотъ-же).

Калики-богатыри приходятъ на царскій дворъ просить милостыни, когда тамъ идетъ пиръ, за которымъ сидятъ царскіе богатыри, въ числѣ ихъ: Идолъ Скоропѣвичъ (Бусл. Скоропитъ) и Тугаринъ Змѣевичъ. Константинъ велитъ Тугарину позвать каликъ въ палату и начинаетъ ихъ спрашивать — откуда они. Противъ царя сидѣлъ Идолъ Скоропѣвичъ; его внѣшность изображаетъ лишь барсовское сказаніе:

181 А ростомъ добре не по обычею:

Межъ очима у него стрѣла ладится,

Межъ плечми у него болшая сажень,

Очи у него, какъ чаши,

А голова у него, какъ пивной котель,

Посмотритъ да него — устрашится.

Идолъ велитъ Константину спросить у каликъ вѣстей о кievскихъ богатыряхъ, «каковы они ростомъ, прыгостью» (Барс.), и за тѣмъ спрашиваетъ самъ (у Бусл. Константинъ):

199 Есть-ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ?
 Каковъ онъ рождемъ
 И каковъ великъ ростомъ?

Илья отвѣчаетъ: 205 И ты, Государь смотри.... на меня;
 у Бусл.:

И зговоритъ, стоячи, Илья Муромецъ:
 «Ростомъ только съ меня и рожею походитъ на меня».
 И зговоритъ тутъ сидючи Идолище великое насмѣхаючись:
 «Аще-ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ,
 И я его посажу на лодонь и другою раздавию».

Этой похвалы нѣтъ у Барсова, у котораго, наоборотъ, мы встрѣтили описаніе гигантскихъ размѣровъ Идолища. Оба текста восполняютъ другъ друга.

Идолище говоритъ царю: пусть не мѣшкаетъ отпустить ихъ къ Киеву, гдѣ они обѣщаютъ учинить «свѣчу великую». Не полюбили эти слова Алешѣ, и онъ грозитъ Идолищу, что если прїѣдетъ въ Киевъ, не узнаетъ дороги назадъ, и не бывать ему живу. Тотъ разгнѣвался.

235 Говоритъ дворянинъ Загѣшанинъ:
 «Съ твоего, государь, меду онисл».
 Говоритъ дворянинъ Загѣшанинъ ¹⁾ Олешѣ Поновичю:
 «Уни свое сердце богатырское,
 Не можно намъ тебя нажурить, ни наговорить.
 240 Говоритъ Олеша Поновичъ:
 «А онъ нашихъ богатырей ни во что ставитъ,
 И великаго князя хулитъ
 И Ильѣ носмѣхаетца»
 И Идолъ на него розкручинился.

¹⁾ У Бусл.: Товарищи.

Говорить дворянинъ Загѣшанинъ:
«Изъ ума, государь, онъ выниваеця»

(Барс.; у Бусл. нѣтъ Барс. ст. 240—246; они могли представиться лишними).

247 Говорить Идолъ богатырь (у Бусл. Константины)

«Скажете калики про кѣвскихъ богатырей
И каковы у нихъ лошади удалыя?»

250 И съ нимъ говоритъ дворянинъ Загѣшанинъ:

«По вся дни, государь, вѣдаемъ
И лошади богатырскіе знаемъ».

Говорить Идолъ-богатырь:

«Царь государь, вольно человекъ после россирошати,

255 Вели, государь, показать имъ свои лошади царскія»

Царь велѣлъ вывести свои лошади царскія.

Говорятъ калики переходя:

«Лутче тѣхъ шванъ въ Кѣеве и простые лошади,
А на богатырскіе лошади пристрашно посмотришь».

260 Говорить Идолъ богатырь:

Вели, царь государь, показать имъ наши лошади богатырскіе»

(у Бусл. нѣтъ ст. 257—261: Идолъ-богатырь съ перваго раза просить царя показать каликамъ богатырскихъ коней).

262 Царь велѣлъ вывести лошади богатырскіе:

.а.ю лошади ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича

на .б.і. чепяхъ на зѣлотыхъ,

.б.ю ведутъ лошади молода Тугарина Зміевича

на .а.і. чепяхъ серебряныхъ;

за тѣми ведутъ сорока дву богатырей. (Барс.)

Полюбились тѣ кони каликамъ; дворянинъ Загѣшанинъ говоритъ царю, что сверху (изъ палатъ) имъ нельзя разглядѣть ихъ и оцѣнить; они спускаются внизъ, и здѣсь у нихъ является мысль — завладѣть тѣми конями. Калики овладѣваютъ ими съ бою и «изъ града поѣхали до Смугры рѣки» (Барс.; Бусл. «изъ града вонъ»). Роль Алешѣ Поповича въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ неясна:

306 Добрыхъ коней одинъ у царя остался на дворѣ,
И тотъ Алешѣ Поповичю.

- Воротился Алеша вѣшь во Царьгородъ,
 [А коня покинулъ на Смугръ рѣкъ],
 310 Да говоритъ Алеша Поповичъ
 Царю Костянтину таково слово:
 «Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлемъ,
 Что хотимъ мы съ твоими богатыри
 Въ чистомъ поле свидетися,
 315 И ихъ прытость увидети,
 И будемъ мы опять съ твоими богатыри во Царѣградѣ».
 И изговоря Олеша,
 Поѣхали богатыри въ Смугръ рѣкъ,
 Да кладуть на себя доспѣхи крѣпкія и т. д. (Барс.)

Иначе у Бусл.: богатыри

(И) сѣли на добрыя кони и поѣхали изъ града вонъ.
 Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичъ,
 А самъ говоритъ царю таково слово:
 «Потому есть поѣхали изъ града вонъ,
 Что оставимъ мы своихъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки,
 А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри перевѣдаться». —
 И удара челоуъ царю и поѣхалъ прочь
 До своихъ товарищовъ.

Сравненіи ст. 309 Барс. съ соответствующимъ стихомъ Бусл. указываетъ, что первый попалъ не въ свое мѣсто и стоитъ внѣ связи. Положеніе, можетъ быть, такое: богатыри разобрали коней, одинъ остался, которымъ завладѣть Алеша; передъ тѣмъ онъ говоритъ царю, что русскіе богатыри завладѣли конями, потому что оставили своихъ на Смугрѣ, и не всѣхъ забрали (Барс. 312: не всѣ емлемъ?), чтобы было на чемъ выѣхать противъ нихъ цареградскимъ богатырямъ. — Они дѣйствительно пускаются въ погоню за похитителями: Бусл. *погонею великою*; Барс.: съ *великою поганюю* силою; можетъ быть, по ошибкѣ, но въ уровень съ міросозерцаніемъ писца или сказителя Барс., очевидно уже ставшаго на почву современныхъ намъ былинъ и безъ оглядки вводившаго въ цареградское сказаніе *орды и полки татарскіе*. — Еще разъ выступаетъ на сцену Алеша Поповичъ, въ двухъ стихахъ Бусл.

(Постойте, братцы, малешенько, — Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться и поперетися), пространнѣе у Барс.:

325 Говоритъ Олеша Поповичъ:

«Государя мои товарищи!
 Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ поправить
 Свое сердце богатырское.
 Богатырское сердце не стерпчиво,
 Хочетъ и послѣднюю орду побити, похвалу дослѣти».
 Свиснулъ, крикнулъ богатырскимъ голосомъ:
 «Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ теперво
 Съ ними одному поправиться:
 Хочу себѣ похвалу дослѣти
 Чтобъ увидѣлъ царь Костянтинъ,
 И дошла-бъ наша похвала
 До князя Владимера».

Изъ дальнѣйшаго не видно, чтобъ желаніе Алеша осуществилось въ пѣснѣ, потому что имя его болѣе не встрѣчается. — Слѣдуетъ описаніе боя: свиснули, крикнули русскіе богатыри богатырскимъ голосомъ,

344 Отъ свисту и отъ крику

Лѣсъ росъзстпаетца,
 Трава постпаетца,
 Добрыя кони на окарашки падають,
 Худыя кони и живы не бывали.
 Не птички соловьи въ дубровѣ просвистали,

350 Свиснули, гаркнули русскія богатыри

Изя Муромецъ съ товарищи.

(Сл. выше, Барс. ст. 299—300, въ эпизодѣ о расхищеніи коней: Не птички соловьи рано въ дубровѣ просвистали, Свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ).

352 Говоритъ цареградской богатырь Идолъ Скоропѣвичъ:

«Государя мои товарищи,

Сердце са у меня ужаснуло, трепещется,
И голова вкругъ обходить,
И очима не мощно на свѣтъ глядѣть

(сл. выше, стр. 320, въ былинѣ о боѣ Илья съ сыномъ, слова Соловника: А нульчу у меня топерь у мѡлодца — Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается, — Мозги въ головы потрясаются, — А со ясныхъ очей еще видъ теряется). Пугается и Тугаринъ: «храбрость наша — предложися на тихость», говоритъ онъ (сл. въ сербской Александріи: «жалость моя на радость прѣврати се»). Всѣ цареградскіе богатыри перебиты, кромѣ Идола и Тугарина, которыхъ Илья съ товарищи привели къ царю; ѣздимъ мы безъ государева вѣдома, говорятъ они,

400 А похвалу есми видѣли твоихъ богатырей:
Похвала мужю — великая пагуба!

Цареградскіе витязи поплатились за свою похвальбу, какъ рускіе въ былинѣ о гибели богатырей, ибо

всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ человѣку пагуба

(Повѣсть о Горѣ и Злочастіи).

Идоломъ Скоропитомъ или Скоропѣвичемъ богатыри бьютъ челомъ царю Константину, а Тугарина везутъ въ Кіевъ, чтобы было съ тѣмъ ко князю Владиміру явиться; но по просьбѣ Тугариновой матери, которую поддерживаетъ царица Елена, отпускаютъ его впоследствии въ Царьградъ съ тѣмъ, чтобы «имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку» (Барс.). Такую острастку задали имъ русскіе богатыри, что когда Владиміръ спрашиваетъ Тугарина о «вѣстяхъ» («что у васъ вѣсти въ Царѣградѣ?» Бусл.), онъ отвѣчаетъ: что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваете?

476 «У тебя, государя, вотчины не во всѣхъ-ли ордахъ?
А богатырей твоихъ удалѣ вѣтъ
И во всѣхъ земляхъ» (Барс.).

3 6 *

Таково содержаніе Сказанія, за которымъ необходимо предположить существованіе древней гѣсенной былины, случайно не сохранившейся въ современныхъ пересказахъ, на сколько позволено судить по ея отсутствію въ нашихъ обильныхъ повтореніяхъ сборникахъ. Что такая былина и въ такомъ именно видѣ дѣйствительно гѣлась, я позволяю себѣ заключить изъ гѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 4 слѣд., ст. 19—21, 38—41, гдѣ въ числѣ трехъ «похваленныхъ» жеребцовъ Владиміра красуется и Тугариновъ. Мы встрѣтили его въ Сказаніи, онъ особо упомянутъ по поводу коней, полоненныхъ въ Царьградѣ русскими богатырями. И вотъ у Владиміра

Да третій жеребецъ колоненъ воронкò,
 Да котрый колоненъ во Большой Ордѣ,
 Полонилъ Илья Муромецъ синъ Ивановичъ
 Какъ у молода Тугарина Зиѣевича.

Орда или даже Золотая Орда (ст. 134) вм. Царьграда не вызоветъ никакихъ сомнѣній.

Если обобщить содержаніе Сказанія, то оно представится слѣдующимъ: русскіе богатыри побиваютъ въ Царьградѣ непріятельскихъ богатырей, похвалявшихся обнасильничать Кіевъ. Этотъ типъ подлежалъ дальнѣйшему развитію: угроза приводилась въ исполненіе. Въ былинѣ Гильф. № 207 (Калика-богатырь) несмѣтная вражеская сила уже *стоитъ* на Почай-рѣкѣ,

Хочуть Кіевъ градъ да головней катить и т. д.

Калика-богатырь сообщаетъ о томъ въ Кіевѣ Алешѣ, Добрынѣ и Ильѣ, и всѣ вмѣстѣ, побивъ силу невѣрную, отдають честь Владиміру: «Мы прибили силу всю невѣрную». Сюда-же относится и Кир. I, № 3, стр. 56—58: Тугаринъ *подошелъ* подъ Кіевъ, Илья нѣтъ, вмѣсто него вѣдается съ врагомъ его жена: новый типъ, можетъ быть, навѣянный женою Ставра, какъ у Гильф. № 16 стр. 113—115 Илья является въ роли послѣдняго (жена: Офимья Александровна). Начало былины напоминаетъ запѣвъ Сказанія: Владиміръ говоритъ князьямъ-боярамъ:

Князья-бояря вы мои вѣрныя!
 А и головы у васъ разумныя!
 Изберите вы молодца изъ-промежь-себя,
 А я дамъ ему рать мою сильную;
 А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
 А кто съ нимъ неидеть, тотъ останется
 Берегчи князя со княжиною.

(Сл. Сказаніе Барс.: «*И вы-бъ нынеча никуды не розгъжались—
 Береги-бы естя града Києва, ... Приложже вамъ моя вотчины
 побѣречи*). Князья-бояря посылають гонца за Ильей:

Слѣхожь слѣши, рать въ поле веди
 На того-ли ворога на Загорсково,
 На Тугарина на Вѣлевича.

Илья въ то время «дома не лучилося», его жена Савишна одѣ-
 валась въ платьѣ богатырское, поѣхала къ Киеву, гдѣ всѣ при-
 няли её за Илью по богатырскому скоку и свисту: «Пошла-де
 рать съ Ильей Муромцемъ, — А Тугарину-де съ нимъ не сдобро-
 вать», говорятъ Владимиру князья-бояре. И дѣйствительно:
 Тугаринъ убѣжалъ «въ свои улусы Загорскія», а Илья такъ
 и не узналъ, «кто за него бился съ Тугариннымъ».

Можно-было пойти еще и далѣе въ измѣненіи былиннаго типа:
 представимъ себѣ, что обнасмѣличенье — *совершилось*, что Идогъ
 и Тугаринъ сидятъ за столомъ — не Константина, а Владимира.
 Тогда русскимъ богатырямъ придется спасать Киевъ отъ Идолица
 или Тугарина; богатыри были въ отлучкѣ (здѣсь являлся самъ
 собою мотивъ непризнанія, оскорбленія, недовольства: мотивы,
 отчасти данные уже въ Сказаніи), когда нашелъ врагъ, и возвра-
 щаются на подвигъ — при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при кото-
 рыхъ совершается въ Сказаніи походъ семи богатырей въ Царь-
 градъ. — Наконецъ и Идогъ и Тугаринъ за столомъ Константина
 были поняты какъ насильники, и поѣздка киевскихъ богатырей
 сама-собою обращалась въ спасительную — для Царьграда. Та-
 кимъ образомъ Сказаніе разлагалось — на былины объ Идолицѣ,
 съ протагонистомъ Ильей и двоякимъ приуроченіемъ въ Киевѣ

или Царьградѣ, и на пѣснь о Тугаринѣ, въ которой роль Алеши была отчасти предугавлена его появленіемъ въ Сказаніи. Эта роль даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на его древній типъ въ первичномъ составѣ русскаго эпоса: его хвастовство и задоръ еще не были банальными, когда его заставляли вѣдаться съ Тугаринымъ, а русскія гѣтописи, не помнящія Ильи, запомнили его имя, да Добрыню, въ числѣ «семидесяти храбровъ».

Предложенная мною родословная былинь основана на убѣжденіи, что Сказаніе о семи богатыряхъ сохранило болѣе древнюю форму пѣсни, чѣмъ та, которая представляется позднѣе записанными ея пересказами. При обратномъ предположеніи, т. е. исходя изъ послѣднихъ, локализованныхъ то въ Кіевѣ, то въ Царьградѣ, трудно представить себѣ, какъ могъ сложиться и планъ Сказанія, и проникающая его идея; взявъ его за точку отправленія, мы поймемъ и распаденіе плана, и приниженіе идеи въ былинахъ, разложившихъ древнюю цѣльность и огрубившихъ мотивы. Именно поздняго сказителя долженъ былъ особенно привлечь эпизодъ съ Голями, возбудившій недовольство Ильи; въ Сказаніи богатыри недовольны тѣмъ, что Владимиръ обрекаетъ ихъ быть стражами земли, тогда какъ они «извадились въ чистомъ полѣ ѣздить», честь добывать себѣ и князю. Такому пѣвцу долженъ былъ прійтись по сердцу — бой русскаго богатыря съ вражьиимъ, и онъ развилъ его въ обычной манерѣ. Въ этомъ отношеніи сопоставленіе Сказанія съ былинами поучительно: образъ Идола онѣ распространили новыми, вульгарными чертами; Тугаринъ Змѣевичъ обратился въ нѣчто фантастическое: онъ летаетъ на бумажныхъ крыльяхъ, пышетъ огнемъ. Въ Сказаніи еще нѣтъ ничего подобнаго: и Идолъ и Тугаринъ просто богатыри, змѣевичи, драконтопулы среднегреческаго эпоса, какъ я указалъ при другомъ случаѣ ¹⁾. — Я не отрицаю, что извѣстный шаржъ,

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1875, Апрель: Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигеяисѣ, стр. 774. Выраженное тамъ мнѣніе, что Тугаринъ не имя собственное, я не считаю боже своимъ.

доля чудеснаго, часто бываютъ присущи народному представленію врага. Онъ страшенъ — и потому его сила «нездѣшная», темная; «шелудивый» Бонякъ — вѣдунъ, перекликающійся съ волками; Тугаринъ могъ представиться въ образѣ греческаго или румынскаго драка, нашего сказочнаго змѣя, въ которомъ неуловимо сплелись очертанія богатыря и чудовищнаго звѣря.

Подъ Тугаринымъ нашихъ былинъ разумѣютъ обыкновенно половецкаго хана Тугоркана (Тугортъканъ, Тугортъканъ, Тугтороканъ, Торканъ, Туртканъ; виз. *Toγortāx, Toγortā*). Если такъ, то и въ Идолѣ Скоропѣевичѣ, его эпическомъ дублетѣ, сохранились, быть можетъ, черты какого-нибудь реальнаго, историческаго лица, памятнаго народному преданію. Я указываю на Боняка, имя котораго связывается съ Тугоркановымъ и въ русскихъ, и въ византийскихъ лѣтописныхъ воспоминаніяхъ. Въ 1091 году Алексѣй Комнинъ, занятый борьбою съ Печенѣгами, обратился за помощью въ половецкіе улусы; когда онъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Эносѣ въ виду враговъ, явилась 40-тысячная половецкая орда подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка (*Μανιάχ*). Союзники были подозрительны: можно было ожидать, что прійдя на помощь византийцамъ, они стакнутся съ Печенѣгами — и вотъ императоръ пытается склонить ихъ на свою сторону: приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, роскошно угощаетъ ихъ за трапезой, расточаетъ подарки (*Anna Comn. Alex. VIII, 4: δαψιλῆ τοίνυν τράπεζαν αὐτοῖς παρατεθῆναι τοῖς ὀψοποιῶσι ἐπέταξε· χαλῶς οὖν εὐωχῆθέντας μετὰ ταῦτα φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντοίων ὠρεῶν ἀξιώσας, ὄρκον καὶ ἐμήρους ἐξ αὐτῶν ἤτειτο, ὑποπτέων τὸ τῆς γνώμης εὐεξαπάτητον*). Печенѣги были разбиты. — Позже мы видимъ того-же Тугоркана противникомъ Византіи. Въ Херсонѣ жилъ въ заточеніи претендентъ на греческій престолъ, выдававшій себя за сына императора Діогена: Девгеневичъ нашихъ лѣтописей. Половцы помогли ему бѣжать изъ плѣна; Половецкіе князья, и съ ними Тугорканъ, вздумали возстановить его въ отцовскомъ наслѣдѣи. Новый походъ привелъ ихъ подъ стѣны Адрианополя, защищаемаго Никифоромъ Вриенніемъ;

въ одной неудачной вылазкѣ молодой греческій витязь наскочагъ на Тугоркана и уже занесъ надъ нимъ ударъ, но едва не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана.

Подъ 1094 годомъ наша лѣтопись говорить: «сотвори миръ Святополкъ съ Половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю». Въ 1096 году «воева Куря съ Половци у Переяславля и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день.... Сегоже мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополкъ, къ Переяславию, мѣсяца мая 30 . . . и сдѣя Господь въ тѣ день спасенье велико: мѣсяца июля въ 19 день побѣженн быша иноплеменици, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша; на заутрѣ же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, акы тестя и врага, и привезше и къ Києву, погребоша и на Берестовѣмъ . . . И въ 20 того-же мѣсяца, въ пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Києву влезалу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и въжгоша Стевановъ монастырь и деревнѣй Германечъ. И придоша на монастырь Печерскыи . . . и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими . . . Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху, аще что обрѣтаху въ кельи; посемь въжгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроѣнии, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Феодосыва, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ». Всё это — по грѣхамъ нашимъ, размышляеть лѣтописецъ, припоминая по поводу безбожныхъ Измаильтянъ-Половцевъ, ишедшихъ «отъ пустына Етревскыя» — сказаніе о нечистыхъ народахъ, заклепанныхъ Александромъ Великимъ въ горѣ и имѣющихъ явиться оттуда — въ концѣ вѣка.

Лѣтописныя сказанія о Тугорканѣ и Бонякѣ даютъ намъ — не канву нашихъ былинъ о Тугаринѣ и Идолицѣ, а развѣ матерьялъ, вошедшій въ ихъ оригиналъ, близкій къ Сказанію, хотя

съ нимъ и не тождественный. Тѣ-же двойственныя отношенія къ Кіеву и Византіи, тамъ и здѣсь; Половецкіе ханы за столомъ Алексѣя Комнина напоминаютъ Тугарина и Идолище на пиру — Константина или Владиміра; къ древней репутаціи Половца-сыроядца восходить, быть можетъ, невѣроятная прозорливость Идолища. Я не стану сближать схватку греческаго витязя и Тугоркана подъ стѣнами Адрианополя съ поединкомъ Алѣши и Тугарина, но родственныя отношенія Святослава къ Тугоркану, «тестю и врагу», могли лечь въ основаніе отношеній Тугарина къ Владимиру — и Апраксіи.

Возстановить изъ сообщенныхъ историческихъ данныхъ очертанія нашихъ былинъ, очевидно, не мыслимо, но между тѣми и другими могло находиться утраченное звѣно древняго пѣсеннаго преданія, въ которомъ Половцы играли роль, переехавъ въ послѣдствіи Татарами, и историческій фонъ выступалъ яснѣе. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ народовъ, испытавшихъ иго Половцевъ, они не могли пройти безслѣдно. Ими интересовались; та редакція греческой Александріи, которая легла въ основу сербской, ввела Кумановъ-Половцевъ вмѣсто Скивовъ Псевдокалисеена С и даже дала имъ въ цари какого-то Алтамышы; въ славяно-русскихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, въ ряду символическихъ обозначеній народовъ, явилось новое: «Куманинъ пардось есть», и авторъ Слова о Полку Игоревѣ запомнилъ этотъ эпитетъ («пардуже гнѣздо»), хотя ему знакомы и другіе, болѣе народные: онъ говоритъ о «погавыхъ», «желѣзныхъ, великихъ» полкахъ Половецкихъ; Половцы у него «дѣти бѣсови», Половчинъ — «чръный воронъ». Какъ-бы вѣяніе степной поэзіи прошло надъ нѣкоторыми эпизодами Слова; въ той народной средѣ, которую оно предполагаетъ, это вѣяніе должно было ощущаться сильнѣе. Къ тому вело долгое общеніе народовъ, не только враждебное, но и мирное: русскіе умыкаютъ «красныя дѣвки Половецкыя (Сл. о П. И.) и сами заживаются въ улусахъ кочевниковъ; князья вступаютъ въ бракъ съ половецкими княжнами; когда Игорь убѣжалъ изъ плѣна, Гзакъ говоритъ Кончаку:

(Игорь) къ гнѣзду летитъ, соколича (Игорева сына Владимира) ростреляевѣ своими значеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» (Сл. о П. И.). — Новая связь явилась, когда Христіанство стало проникать и къ Половцамъ; укажу лишь на легенду о «плѣнномъ Половчинѣ». — При такомъ сближеніи народностей легко предположить, что у насъ не только пѣли пѣсни о Половцахъ, но и вторили пѣснямъ Половецкимъ. Очевидно, первыя выѣются въ виду въ томъ эпизодѣ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ готскія дѣвы поютъ на берегу синяго моря про «время Бусово, легбють мечь Шаруканю»; отрывокъ половецкихъ пѣсень или преданій, еще отзывающихся ароматомъ старины, сохранился въ нашей лѣтописи подъ 1201 годомъ. Рассказывается, будто-бы Владиміръ Мономахъ губилъ Половцевъ, загнавъ «Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сырчанови же оставишу у Дону, рыбою оживишу(?)». . . . По смерти же Володимѣръ оставишу у Сырчана единому гудью-же, Ореви, посла и во Обезы, река: Володимѣръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой-же ему пѣсни Половецкія; оже ти невосхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евианъ. — Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавши и восплакавши, рече: Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нелѣ на чюжѣ славу быти. И праде въ свою землю; отъ него-же родившиися Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, кошель нося на плечеву».

Старыя пѣсни о Половцахъ потеряны, но многія изъ нихъ могли сохраниться отдѣльными мотивами въ нашихъ былинахъ, подъ прикрытіемъ новыхъ именъ. Изъ подъ Татаръ намъ трудно разглядѣть Половцевъ. О Тугаринѣ мы уже сказали; въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ (сл. выше, гл. III, стр. 28) онъ ѣдетъ, по одному варианту, «въ дальну орду, въ *Половецку* землю», (замѣненную въ другой пѣснѣ царствами: Латинскимъ, Литвинскимъ и Сорочинскимъ), гдѣ бьется съ *Татарами*; Татары въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, давшіе намъ поводъ (сл. выше,

гл. V, стр. 75) приблизительно датировать содержаніе пѣсни, можетъ быть, также заслонили собой Половцевъ, владѣвшихъ Сурожемъ до Татарскаго погрома. Кіевская легенда о Золотыхъ воротахъ, отразившаяся въ русскихъ пѣсняхъ о Михаилѣ Игнатьевичѣ (сл. Южно-русскія былины, гл. I)¹⁾, говоритъ о Татарахъ, но нельзя поручиться, чтобъ они не наслонились на Половцевъ: припомнимъ кіевскій эпизодъ о Бонякѣ, о разгромѣ монастырей и дома «святыя Владычницы нашея Богородицы» — и лѣтописную похвалбу Бонякова сына Севенча, «дикаго Половщина»: «хоцю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отецъ мой» (Ипат. лѣт. подъ 1151 г.). Царице Уланице, пораженный Михайломъ, можетъ быть, еще половецкій отзвукъ: сл. Valani = Куманы у Ruubroesk'a; одна половецкая орда называлась Уланами (Улашевичи нашей лѣтописи?) и таково-же было имя ихъ хана. — Замѣтимъ, между прочимъ, что bagatur = богатырь встрѣчается уже въ Куманскомъ словарѣ²⁾.

Памяти о разгромахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ по необходимости обобщались въ народной фантазіи, прикрываясь послѣднимъ казовымъ именемъ, сохраняя нерѣдко древнее приуроченіе, захватывая по пути посторонніе мотивы, накопляя раздѣленное временемъ, но сходное по образамъ и поэтической идеѣ. Такъ за эпической битвой въ Ронсевальскомъ ущельѣ чувствуется память не объ одномъ только пораженіи 778 года; пѣсни о боѣ на Косовомъ полѣ покоятся на событіяхъ 1389—1457 годовъ. — Конструировать эпосъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему эпоса — изъ частнаго, хотя-бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется, такимъ образомъ, приемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ, лишь обратный

¹⁾ Къ былинѣ, рассмотрѣнной тамъ подъ № 2, стр. 14—19, слѣдуетъ прибавить Рыби. III, № 22.

²⁾ Codex Sumanicus p. 290 и 116. — Укажу кстати, что Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малорусскаго народа I, стр. 23 слѣд. усматриваютъ половецкіе мотивы въ пѣснѣ о боѣ молодца съ «Турскимъ царемъ».

путь. При подобныхъ условіяхъ хронологическій разборъ нашихъ былинь можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ. Въ нашемъ случаѣ они были-бы слѣдующіе: Сказаніе о семи богатыряхъ восходитъ, въ своемъ прототипѣ, къ до-татарской эпохѣ, когда собирательнымъ центромъ русскаго эпоса былъ одинъ Владиміръ; въ дошедшихъ до насъ спискахъ Сказанія уже является татарская терминологія. Когда разразился погромъ XIII вѣка, получился новый, идеальный центръ для пѣсеннаго творчества — или претворенія: древніе враги были забыты, насильниками явились Калины и Батыги, противъ нихъ выступаютъ теперь русскіе богатыри, и старыя эпическія темы претворяются согласно съ новымъ поэтическимъ спросомъ. Былины объ Идолицѣ и Тугаринѣ стоятъ по сю сторону татарскаго погрома и даютъ матерьялъ для новаго развитія: однажды приуроченный къ Киеву, Тугаринъ изъ насильника дѣлается желаннымъ любовникомъ княгини, а на вопросъ, по чьимъ грѣхамъ Идолище обнасилничалъ Киевъ, стихъ о Сорока Каликахъ отвѣчалъ, что за блудные помыслы Апраксін на Михайла Касьяновича. Эпосъ помнитъ частную связь, не историческую послѣдовательность явленій, которую намъ приходится угадывать.

III.

Можетъ быть, къ позднимъ явленіямъ эпоса принадлежить связь Тугарина съ Добрыней.

Врагъ Добрыни, другъ Марины — змѣй Горынычъ, названъ иногда Притугалищемъ (Кир. II, стр. 41, № 1), Притугалинкомъ (ib. стр. 48, № 4), Пугаринымъ Гагариновымъ (Рыбн. II, № 4), Тугаринымъ Змиевичемъ (Гильф. №№ 227, 241, 267, 288; Рыбн. III, № 19), Иваномъ Царевичемъ Туга-змѣевичемъ (ib. № 17); онъ живетъ на Тугихъ-горахъ (Гильф. №№ 64, 59); въ двухъ былинахъ Гильф. №№ 122, 316 любовникъ Марины названъ Татаринкомъ, Одолищемъ поганымъ, Горынищемъ поганымъ; Идолищемъ.

Я полагаю, что отношенія Добрыни къ змѣю и Маринѣ древнѣе имени Тугарина — при Добрынѣ; другими словами, что бой съ змѣемъ и шашни Марины уже сложились въ пѣснѣ, когда кievская метаморфоза Тугарина, какъ насильника и любовника Апраксѣи, дала поводъ перенести его имя на сходныя положенія, заставивъ Добрыню биться съ Притугалищемъ, а Марину миловаться съ Тугаринимъ. Къ такому заключенію приводитъ меня одна группа фактовъ, односторонности которыхъ я не скрою: они касаются лишь мотива боя съ змѣемъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ извѣстными пѣснями о борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ Горынычемъ, являющимся иногда съ прозвищемъ Притугалища, стоятъ отрывки пѣсенныхъ мотивовъ, указывающіе, что былевой эпосъ зналъ о другомъ поединкѣ Добрыни — съ Тугариномъ или Идолищемъ, и что этотъ бой онъ не смѣшивалъ съ предъидущимъ. Что пѣлось объ Алешѣ, пѣлось и о Добрынѣ; если дошедшія до насъ былины рассказываютъ о боѣ Добрыни съ Тугаринимъ эпизодически, то потому, вѣроятно, что въ пѣснѣ о послѣднемъ имя Алеша стояло прочтѣе, а при Добрынѣ привыкли поминать имя Горыныча. — Что до эпизода о Маринѣ, то здѣсь предполагаемое мною перенесеніе могло ограничиться — однимъ именемъ Тугарина.

Укажу на извѣстные мнѣ факты.

Левшинъ ¹⁾ запомнилъ нѣсколько стиховъ изъ былины о Добрынѣ:

Издадеча, пздадеча во чистомъ погѣ,
 Какъ далѣе того на украинѣ,
 Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодець,

¹⁾ Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ и т. д. ч. I (Москва 1807), стр. 138 и 139 въ прим. (цитата изъ Древнихъ Россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, изд. 2-ое, Предисловія стр. XXII—XXIII). Какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской (Чулковъ, Русскія сказки, 8-е изд. 1820 г. ч. I, стр. 122, 123, у Кир. II, стр. 79 прим. *) — я не знаю, и Ровинскій (Русскія народныя картинки I, стр. 86, V, стр. 107) ничего не разъясняетъ.

Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь-то, братцы, Никитьевичъ,
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Торопъ слуга.

Послѣ описывался прїѣздъ богатыря къ Владиміру и битва съ Тугаринымъ:

У Тугарина собака крылья бумажныя,
И летаетъ онъ собака по поднебесью.

Добрыня выходитъ побѣдителемъ: Тугаринъ падаетъ,

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на коньѣ взоткнулъ.

Въ сказкѣ у Сахарова басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣевичъ подступилъ подъ Кіевъ; по приказанію Владиміра три раза кличуть кличь, кто-бы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; вызывается Добрыня, только что прїѣхавшій изъ Новгорода(?). На утро бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячаго; а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева; самъ-то Добрыня мечемъ рубить Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, въ его крылья бумажныя. И упалъ онъ, Тугаринъ, на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову свернулъ, на коньѣ взоткнулъ, и самъ коня ко граду Кіеву вернулъ» ¹⁾.

Ясно, что въ основѣ Сахаровской сказки, собственно отдѣла о битвѣ съ Тугаринымъ, лежалъ варьянтъ пѣсни, сходный съ Левшинскимъ. Слуга Добрыни — Торопъ, отвѣчающій «Акиму поробку» большой быины объ Алешѣ и Тугаринѣ, не встрѣчается болѣе въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ; можетъ быть, память о немъ сохранилась въ тѣхъ пересказахъ быины

¹⁾ Ровинскій, 1. с. IV, стр. 67—8; Кир. П, Прилож. стр. X.

о боѣ Добрыни съ змѣемъ, гдѣ его сопровождаетъ «слуга», угоняющій его коня и уносящій ратную сбрую, чѣмъ и объясняется, необходимость Добрынѣ — биться одной шляпой «земли греческой»:

Младъ-то слуга да былъ онъ *тѣронокъ*,
А угналъ-то у Добрынюшки добра коня

(Гильф. № 59; сл. № 123: дѣтинка неудакова). Для хронологіи былинь важно то обстоятельство, что наши лѣтописи, знавшія ихъ по болѣе древнимъ варьянтамъ, называютъ Торопомъ — слугу Александра, т. е. Алеши Поповича: такъ Никоновская лѣтопись подъ 1216 г. («Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри» въ Липецкой битвѣ) и 1225 г. (битва при Калкѣ), одинъ хронографъ первой редакціи (подъ 1217 г.), Лѣтопись по списку типографской бібліотеки в Тверская (подъ 1224) ¹⁾. Древнее соединеніе именъ Добрыни и Алеши можетъ объяснить, какимъ образомъ Торопъ попалъ къ первому; положительный отвѣтъ на это невозможенъ, за неимѣніемъ пѣсенъ о Добрынѣ, которыя отвѣчали-бы той — вѣроятно, одной пѣснѣ, — которую отрывочно передали Левшинъ и Чулковъ и пересказала Сахаровская сказка.

Что извѣстныя намъ русскія былины запомнили о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, сводится къ эпизоду, неловко приуроченному къ пѣснѣ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» и очевидно развитому чужими мотивами.

Въ былинѣ Рыбн. II, № 5 Владиміръ глядитъ въ чисто поле, а тамъ

Летаетъ Невѣжпнъ чернымъ ворономъ,
Грозитъ ему загрозою.

¹⁾ Сл. выше, стр. 275—6. Слуга Тарасъ упоминается при богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ, Никоновск. лѣт., въ П. С. Л. IX, 177—178, подъ 1148 годомъ. — Екимъ, вмѣсто Торопа, при Алешѣ Поповичѣ, встрѣчается не только въ былинѣ у Кир. II, № 1, стр. 70—80, но и въ пѣснѣ о Дунаѣ, ib. III, № 4, стр. 72: «пожалуй одного мнѣ молодца, — Какъ-бы молодца Екина Ивановича, — Который служить Алешкѣ Поповичу».

Владиміръ спрашиваетъ богатырей: кто его повыручитъ? Илья указываетъ на Добрыню. — Былина, неконченная въ этомъ варьянтѣ, досказывается въ слѣдующемъ (№ 6): Невѣжа летаетъ чернымъ ворономъ, проситъ поединщика; жребій выпадаетъ на Добрыню, который плачется на свою долю матери. Та предупреждаетъ его:

Невѣжа-то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ *Тугариновичемъ*,
А по зарямъ ходитъ добрымъ молодецмъ.

Когда станетъ купаться въ Почай-рѣкѣ, пусть не заплываетъ за третью струю, не то съѣстъ его Невѣжа. Девять лѣтъ ѣздитъ Добрыня и не видитъ врага; бой съ нимъ происходитъ во время купанья: очевидно, мотивъ, изъ былинъ о боѣ Добрыни съ Горыничемъ. Убивъ Невѣжу, Добрыня ѣдетъ не въ Кіевъ — а въ королевство Заморское собирать дани-пошлины, чѣмъ объясняется въ другихъ былинахъ объ «отъѣздѣ» долгая отлучка Добрыни и предательское сватовство Алеши къ его женѣ. Къ этому сюжету переходитъ и нашъ пересказъ. — Я упоминаю здѣсь въ связи Рыбн. II, № 7: отъѣздъ Добрыни вичѣмъ не мотивированъ: Добрыня сѣтуетъ на свою долю, а мать утѣшаетъ его: «Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Алешу Поповича — Выступкою щипать въ молода Чурилу Пленковича . . . Изъ тупа лука стрѣлять въ *Тугарина* во Змѣевича во Заморскаго». Это, можетъ быть, указаніе на то, что въ прототипѣ былины существовалъ эпизодъ о Тугаринѣ? Въ самой былинѣ ничего о томъ не говорится, какъ и у Рыбн. III, № 16, гдѣ Невѣжа вызываетъ поединщика, а службу эту вакидываютъ на Добрыню, но въ дальнѣйшемъ развитіи нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Сл. Гильф. №№ 215, 222. — Замѣтимъ, что въ послѣднихъ трехъ №№, какъ и въ № 306 Гильф., вѣсть о предательствѣ Алеши сообщаетъ Добрыня Илья; бой съ Невѣжей въ Гильф. № 306 упоминается съ подробностью, очевидно, имѣющей въ виду Тугарина. Алеша

Стоягъ на заставы на крѣпкія,
 Бился со Невѣжей въ чистомъ полѣ,
 У ея ли у Нестаси крылатый конь.

Особое развитіе представляютъ слѣдующія былины, гдѣ эпизодъ съ Невѣжей совпадаетъ съ мотивомъ 2-й группы былинъ о боѣ Илья съ сыномъ (Илья помогаетъ Добрынѣ въ битвѣ съ Горычанкой). Гильф. № 228: вызовъ Невѣжи, посланъ Добрыня; онъ купается на Пучай-рѣкѣ, когда на него налетѣла «Ягà-баба», являющаяся далѣе вмѣсто Невѣжи; Илья Муромецъ помогаетъ ему совѣтомъ — одолѣть её, а въ это время Алеша уже сватается за Добрынину жену. — Въ №№ 290, 292 Гильф. тотъ-же ходъ дѣйствія, но вмѣсто Невѣжи прямо названа Ягà-баба. Вліяніемъ тѣхъ-же мотивовъ «боя Илья съ сыномъ» объясняется, что въ № 65 Гильф. = Рыбн. III, № 17 былина объ отъѣздѣ, не мотивированномъ никакой посылкой, открывается битвой съ какимъ-то богатыремъ, напоминающимъ своими атрибутами «сына» въ пѣсняхъ о боѣ (На лѣвой ноги какъ борзой кобель — На правой ноги какъ ясенъ соколъ), и поединкомъ съ сыномъ, — т. е. перескажемъ, подъ другими именами, известной былины объ Ильѣ и Збутѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ мотивы пѣсни о Тугаринѣ сводятся въ былинахъ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» къ образу Невѣжи-чернаго ворона, который иногда названъ Тугариномъ, къ его крылатому коню — и названію Чудовища-Издолища, вызывающаго поединщика, какъ у Гильф. № 315: Алеша указываетъ на Добрыню, какъ на супротивника ему, послѣ чего былина развивается по общему типу пѣсней отъ «отъѣздѣ» — и боя нѣтъ.

Ничто не мѣшаетъ предположить, по слѣдамъ Левшинской пѣсни, что на болѣе цѣльной стадіи развитія русскаго эпоса существовали полныя пѣсни о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, отвѣчавшія типу такой-же пѣсни объ Алешѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ двухъ богатырскихъ именъ въ ней древнѣе.

¹⁾ См. выше, стр. 324—6.

Если вѣрны наши генеалогическія соображенія, выводящія былины объ Идолищѣ и Тугаривѣ изъ оригинала, близкаго къ плану Сказанія, съ главными протагонистами Ильей и Алешей, то отвѣтъ предрѣшенъ. Что до эпизодическаго появленія Тугарина въ пѣсняхъ объ «отъѣздѣ», то самая неловкость сна можетъ послужить дальнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія древней схемы этихъ пѣсень, въ которыя Тугаринъ могъ проникнуть — по слѣдамъ Алеши.

Въ настоящемъ развитіи былеваго эпоса пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ такъ тѣсно связались съ пѣснями о Добрынѣ, что при разборѣ послѣднихъ въ одномъ изъ выпусковъ настоящаго изслѣдованія намъ придется вернуться и къ первымъ. На древнее, болѣе самостоятельное значеніе Алеши указываютъ разобранныя нами былины, въ которыхъ еще не совершилось пониженіе его типа; съ другой стороны переживаніе его имени, если не образа, въ малорусскихъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ — и въ Саратовской пѣснѣ, гдѣ разбойники нападаютъ на Соколъ-корабль, по которому «гуляетъ свѣтъ Олѣша Поповъ».

XI.

Алеша «бабій пересмішникъ» и сюжетъ Цимбелина.

Смѣлый, зарывчивый, дерзкій Алеша старыхъ пѣсенъ очутился въ позднѣйшемъ развитіи нашего эпоса «бабьимъ пересмѣшничкомъ», злостнымъ навѣтчикомъ женской чести и неудачливымъ ловеласомъ. Какъ совершилось это вырожденіе — трудно сказать опредѣлительно; въ былинахъ наблюдается колебаніе: Алѣша то прислуживается Апраксіи въ ея любовныхъ помыслахъ на Касьяна Михайлова, то бранитъ её за такія-же отношенія къ Тугарину (сл. выше, стр. 346). Соединительной чертой между старымъ и новымъ могла быть присущая характеру древняго Алеши хвастливость, понятая своеобразно и односторонне — можетъ быть, подъ вліяніемъ какого-нибудь другого типа? Напомню, между прочимъ, чередованіе Алеши и Чурилы въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ. Можно предположить и такой процессъ: какая-нибудь побочная роль Алеши въ былинѣ о другомъ богатырѣ (Добрынѣ «въ отъѣздѣ»?) особливо приглянулась, и, будучи обобщена и разработана новыми мотивами, заслонила собою болѣе древнія и существенныя черты его характера. — Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ новомъ пониманіи Алеши отразилась та-же детеріорація старыхъ былинныхъ образовъ, какая и Владиміра сдѣлала — охочимъ до чужихъ женъ.

«Бабій пересмѣшникъ», «насмѣшникъ женскій» становится обычнымъ эпитетомъ Алеши въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; онъ — охочь смѣяться чужимъ женамъ,

Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ.

(Кир. II, № 2, стр. 3; сл. ib. № 8, стр. 17; ib. № 4, стр. 5, v. 51, стр. 7, v. 132; № 6, стр. 12, v. 35 и passim). Роль Алеши въ этихъ былинахъ, гдѣ онъ совращаетъ къ браку Добрынину жену ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея мужа, будетъ разобрана нами впоследствии въ связи съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ о Добрынѣ. Но и внѣ ихъ характеръ Алеши-ловеласа достаточно упроченъ въ пѣсенномъ преданіи. Въ одной (испорченной) былинѣ объ Ильѣ и сынѣ встрѣчается «походная красна дѣвица», можетъ быть, принадлежавшая къ древнему составу пѣсни, но не съ тѣми подробностями, какія она сообщаетъ о себѣ:

Я жила была у батюшки дочь гостинная,
Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
Отъ того Олѣши Поповича,
Отъ насмѣшника пересмѣшника (Кир. I, № 3, стр. 5)¹⁾.

Болѣе извѣстны отношенія Алѣши къ сестрѣ Сбродовичей. Два брата сидятъ, хвалятся сестрой, ея красотой и скромностью, а Алеша Поповичъ говоритъ имъ, что онъ хорошо съ ней знакомъ:

Не хвалитесь два брата
Своей сестрой родною:
Я у вашей сестрѣ былъ,
Двѣ ноченьки ночевалъ,
Два завтрака завтракалъ,
Два обѣда обѣдалъ,
Два ужина ужиналъ

(Кир. II, №№ 1, стр. 64—6).

¹⁾ См. выше, стр. 318, прим. 1.

Въ двухъ былинахъ (Кир. II, №№ 1 и 2, стр. 64—7), не называющихъ братьевъ, они убиваютъ (либо готовятся убить) сестру; иначе въ третьемъ варьянтѣ (I. с. № 3, стр. 67—69), гдѣ похвальба перенесена къ столу князя Владимира:

Всѣ на ппру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ своей хваткою,

не хвалятся ничѣмъ лишь «два брата, два Петровича», названные далѣе: Збородовичи. Вызванные Владимиромъ они гордятся сестрой Натальей (далѣе: Настасьей) Збородовичной:

Сидитъ она во високомъ теремѣ,
Сидитъ-заперта двумя двѣрами,
Она замкнута тремя ключами;
Ей красно солнушко не огрѣетъ,
И буйны вѣтры еѣ не обвѣютъ,
Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
На добромъ конѣ мимо молодецъ не проѣдетъ.

Довольно я видѣлъ вашу сестру, говоритъ братьямъ Алѣша, а, бывало, «у ней и на грудяхъ леживалъ». Братья готовы схватиться съ нимъ на ножахъ, но Алѣша совѣтуетъ имъ дожидаться ночи и, выѣхавъ въ поле чистое, пустить комомъ снѣга въ окошко сестры: услышите, какъ она вамъ отвѣтитъ (та-же подробность и въ №№ 1, 2). Она отвѣчаетъ, какъ Катерина въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Чурилѣ:

Ужъ ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!
Безъ тебя у меня кушанья причаѣрстнули,
Питьяца медвянн застоялся.

Братья хотятъ убить сестру — но Алѣша проситъ еѣ за себя за-мужь.

Греческія пѣсни о Мавріанѣ и царѣ¹⁾ открываются сценой
виры и похвалы:

Μαὶ κερκίαι καὶ μαὶ ἀλκίαι, μαὶν ὄμορον γένη
 Ὁ Μανριανὸς κ' οἱ ἄγγιται ἐκίνανε τρεῖς
 Κ' ἰδύρλια δὲν ἔχανε κ' ἰδύρλια δὲν τέρα
 Γὰ τὸ ὄμορραι, γὰ τὸ ἄγγιται καὶ γὰ τὰς τρυφέναις
 Ὅνας κινῶν τὴ μάνι τοῦ κ' ἴλλαι τὴν ἰδύρλι τοῦ,
 Ἀγγίται κ' ὁ Μανριανὸς κινῶν τὴν ἰδύρλι τοῦ.
 Ἐὰ μὲ τὴν ἰδύρλι μου κινῶν δὲν τὴν ἔχα
 Ἀφάτη κ' ἀσάκητη καὶ γέλασμος δὲν ἔχει
 Τὶ δὲν κλανέται γὰ φάι γὰ ὄσμ γὰ λογα
 Κ' οὐδὲ κλανέται γὰ φλωρ καὶ γὰ κερκίαι.
 Ὁ βασιλεὺς τοῦ τ' ἄκουσε, γράζει καὶ τοῦ λέγει
 «Κ' ἂν τὴν κλανίω, Μανριανὲ, τί νῦν τὴ χίμαιρά μου
 Ἐμένει τὸ κεφάλι μου κ' ἐστὶν τὰ κελὶ σου».

На виру, гдѣ всѣ хвастаются, кто матерью, кто племянницей,
Мавріанъ, или Γιάννος, хвалится чистотой своей сестры, а царь
береть его на словѣ и общается овладѣть красавицей; закладъ
о голови — или о царствѣ. Пѣсня развивается далѣе по типу,
который, какъ увидимъ далѣе, пристагъ и къ имени Алѣши,
только что вмѣсто сестры явится жена. Сестра Мавріана вы-
держала ухаживаніе царя: согласившись на свиданіе, она ставитъ
на мѣсто себя одну изъ своихъ прислужницъ, которой царь, для
знаменія, отрѣзываетъ палець. Когда позже онъ хвастается
передъ Мавріаномъ, что исполнилъ свою похвалбу, оказы-
вается, что дѣвушка его провела, и онъ принужденъ жениться
на служанкѣ.

Польская (Kolberg, Pieśni narodu polskiego I, 208) и бѣло-
русская (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 43) рассказываютъ объ
убіевіи сестры за нарушеніе цѣломудрія; одна бѣлорусская
(Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 258—9, № 453) — совершенно

¹⁾ Passow, Pop. Carmina, № 474 (Μανριανός); Νεοελληνικὴ Ἀναλέκτα I, стр. 80—8, № 16 (Μανριανός); Jeannarakis, № 294; Legrand, Recueil, № 186; Δελτίον I, 8, p. 561—2, № 5.

въ чертахъ нашихъ былинъ объ Алешѣ и сестрѣ Сбродовичей: удержалось даже прозвище *Поповича*, являющагося почему-то — изъ за моря; образъ сестры, сидящей въ заперти; комъ снѣга замѣненъ — вѣнкомъ.

Ай ѱ Тлудку на рынку
Хвалилися два брацды
Своей сястрой:
«Ёсь у насъ сястрица
*За тридзевиць замками,
За тремя сторожками.*
Отозваўся *поповичъ,*
Изъ-за моря раковичъ (?):
«*Ни хвалилися, братцы,
Ды вашей сястрой:*
Я ѱ вашей сястри быў,
Три ночи начиваў,
Три вечери влечернў,
Три обѣды обѣдаў.
Братъ зъ братомъ раду браў:
«Пойдемъ ѱ вишневы садъ
И звіѣмъ вичочникъ,
Панясемъ къ сястрицы,
Кинимъ сястрѣ ѱ воннца,
Што намъ сястра промовиць?»
Отозвалася сястрица:
«*Ня брѹй, ня брѹй, поповичъ,
Изъ-за моря раковичъ!*»
Ой братъ зъ братомъ раду браў:
— Возьмемъ ми востры мечъ,
Снимимъ сястрѣ головунку зъ влечъ.» —
«*Ня снимица ѱ субботу,
А снимица ѱ надѣлю:*
Якъ дзѣвоньки зъ утрени плуць,
Стари бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на поколѣннѣ;
Ни ховайца ѱ косцѣли,
У косцѣли три сѣки,
А ховайца при дорози,

Идѣ поповичъ кони пасецъ,
 Ёмъ жа мнѣ вспомянецъ,
 И джжннѣка ѳдыкнець.

Была еще одна пѣсня о подобномъ-же походе Алеша-пересмѣшника, которую мы попытаемся возстановить. Точкой отправления намъ послужитъ старо-итальянское *Santare* о мадоннѣ Еленѣ, упомянутое выше (гл. VI, стр. 226) по поводу Дюковой похвалы.

Елена — царская дочь, выданная за-мужъ Карломъ Великимъ за *messer Ruggiero di Montpellier*. Она такая красавица, что кто ни видѣлъ её, всё въ ней влюблялись. Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, рыцари по обычаю принимаются хвастаться въ присутствіи императора, кто во что гораздъ: кто красивой сестрой, кто доспѣхами или замками, кто конями или милой, кто женой или богатствомъ.

X Chi si vantava di bella moglieri,
 Qual si vantava di bella sorella,
 D'aver bel' arme e correnti destrieri,
 O ricco di cittade e di castella,
 D'astor o bracchi o correnti levrieri,
 O per amica aver bella damzella;
 E chi si vanta d'oro e d'ariento,
 E chi d'esser prodomo in torniamento.

Хвалится и *messer Ruggieri*:

XII Messer Rugieri s'è si fu voltato
 Avanti a tutta l'altra baronia:
 «Da poi che ciascheduno si è vantato,
 Ed io mi vanto della donna mia;
 E chi cercasse il mondo in ogni lato,
 Più bella donna non si troverie.
 E questo dico, ch'io 'l posso provare,
 Se ci à nessuno che 'l voglia contrastare.

Похвальба внушена, очевидно, не только красотой, но и честностью жены, потому что *Guernieri* «заморскій» (сл. строфы

XVI, XVIII: d'oltramare) тотчасъ-же отвѣчаетъ дерзкимъ заявленіемъ, что Ruggieri нечего гордиться женой, потому что онъ и самъ — съ ней близокъ: если не такъ, я готовъ заплатить головой, говоритъ онъ и обѣщаетъ доказать на дѣлѣ справедливость своего навѣта. Карлъ даетъ ему мѣсяць сроку, и онъ отправляется ко дворцу Елены, три дня гарпуетъ вокругъ него, но её самое не видитъ. Ея прислужница показывается у окна; онъ разжалобилъ её разговоромъ о своемъ необдуманномъ хвастовствѣ и обѣщаніемъ жениться на ней, если она дастъ ему какую нибудь вещьцу своей госпожи. Та рассказываетъ ему устройство дворца, о красотѣ Елены, и даетъ нѣсколько ея драгоценностей, между прочимъ кушакъ и кольцо, которыя и служатъ ему позднѣе вещественными знаменіями его знакомства съ женой Руджьеро. Руджьеро пораженъ неожиданными откровеніями и, согласно закладу, долженъ заплатить головой; отпросившись у императора домой, онъ страшно тамъ неистовствуетъ: убиваетъ своихъ двухъ сыновей, а Елену бросаетъ въ рѣку. Но она спасается и является ко двору какъ разъ во время, когда ея мужа должны были вести на казнь; вызвавъ Гарньери на поединокъ, она поражаетъ его и предъ смертью заставляетъ его покаяться въ своемъ предательствѣ.

Мой выборъ «Пѣсни о мадоннѣ Еленѣ» — нѣсколько случайный: вмѣсто нея я могъ-бы останоиться на одномъ изъ многочисленныхъ, литературныхъ и народныхъ пересказовъ сюжета, извѣстнаго по новеллѣ Боккаччо о Bernabò Lomellino da Genova — и Цимбелину Шекспира ¹⁾. Дѣйствующимъ лицомъ является жена, иногда сестра; дѣйствіе либо развивается по типу

---

¹⁾ О распространеніи этого сюжета см. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 Aufl., I, стр. 257 слѣд.; Landau, Die Quellen des Decamerone, 2 Aufl. 1884, къ Dec. II, 9; Leonhardt, Ueber die Quellen Cymbeline's, Anglia V, 1—45; ib. VII, 120—127; Siegmund Levy, Eine neue Quelle zu Shakespeares Cymbeline; R. Köhler's въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1883, № 7, p. 272—3; см. еще ib. 1881, p. 110: отчетъ Либрехта о Cantare di madonna Elena, въ предисловіи къ которому также находятся библиографическія указанія.

приведенной выше греческой пѣсни, либо согласно съ содержаніемъ *Santage*: нахвальщикъ, не достигнувъ своей цѣли, предъявляетъ мужу (или брату) вещественныя доказательства своей мнимой близости съ его женой (или сестрой); услужливая помощница помогла ему проникнуть въ покой, разглядѣть его убранство, похитить нѣкоторыя вещи неприступной красавицы (перстень, головной платокъ), подмѣтить родинку на ея груди и т. д. Эти откровенія убѣждаютъ мужа; увѣренный въ проступкѣ своей жены, онъ прогоняетъ её, хочетъ её убить, но намѣреніе не приводится въ исполненіе, иначе — некому было бы уличить навѣтника. Въ сказкѣ румынскихъ Цыганъ невинно заподозрѣнная жена покнута въ челнокъ на Дунаѣ; переодѣтая мущиной, она испѣляетъ отъ его немощи какого-то слѣпаго императора, который оставляетъ ей въ награду свое царство. Мы встрѣтимъ подобную-же черту въ одной изъ слѣдующихъ русскихъ сказокъ, за которыми чувствуется древняя былина Владиміровскаго цикла, осложненная посторонними, пѣсенными и повѣствовательными мотивами.

1. Въ № 178 у Аванасьева разсказывается: «Во городѣ во Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ *Данило-Безсчастный-дворянинъ*: придетъ день воскресный — Владиміръ князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подаетъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканупѣ было Свѣтлаго Воскресенія, въ страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, *велитъ къ празднику шубу сшить: соболю не дѣлать, пуговицы не лить, петли не вить; въ пуговицахъ наказано льняныхъ зѣрей зашивать, въ петляхъ заморскихъ птицъ зашивать*. — Данило не знаетъ что дѣлать; старуха, которой онъ повѣдалъ свою бѣду, велитъ ему идти къ синему морю, и когда выйдетъ Чудо-Юда, схватить его за бороду и бить до тѣхъ поръ, пока оно не покажетъ ему *«Лебедь-птицу, красную дѣвицу»*. Такъ молодець и сдѣлалъ. — Черезъ малое время приплы-

ваецъ къ берегу Лебедь-птица, красная дѣвица, говоритъ Данилѣ: «Возьмешь-ли меня за себя? вѣпоры все будетъ сдѣлано». Тотъ соглашается. «Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать молодцовъ, все плотники, пильщики, каменщики и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ. Беретъ её Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохлаждалися, за однимъ столомъ обручалися». Данило ложится спать, а между тѣмъ шуба готова; красная дѣвица будитъ его: «въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣсть; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Она даетъ ему *серебряную трость*: «какъ выйдешь отъ заутрени, ударь ею въ грудь: весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ (ваг. стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по соболей шубѣ поведи — весело птицы запоютъ). Ты сымай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывая бы о насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, не увидишь добра! *Да не хвались ты мною*, не хвались, что за одну ночь домъ построили съ тобою». Она дастъ ему еще два серебряныхъ яичка и одно золотое: серебряными пусть похристосуется съ княземъ и княгиней, а золотымъ — «съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Христосуясь съ княземъ и княгиней, Данило нечаянно вынулъ золотое яйцо. «Увидалъ это *Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ*. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный ударилъ себя въ грудь серебряною тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-калѣкою и проситъ святой милостыни». Что мнѣ ему подать? спрашиваетъ себя Данило — и подаетъ ему золотое яйцо. Алеша, между тѣмъ, передѣлся и на пиру у Владиміра, когда Данило началъ съпьяну похваляться женой, хвастается, что и онъ её знаетъ. «А Данило говоритъ: Коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову». — Идетъ Алеша куда глаза

глядя, идет и плачет. Старуха, которой онъ покаялся въ своемъ хвастовствѣ, научаетъ его, что ему дѣлать: «Поди-ты къ такому-то дому, зови ее (Данилину жену) къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положить на окно цѣпочку; ты цѣпочку ту унеси и покажь её Данилѣ Безсчастному». Она служитъ Алеши доказательствомъ его знакомства съ женой Данилы, которому приходится рубить голову. Онъ отпрашивается у Владиміра напередъ сходить домой — проститься. А жена уже все знаетъ — и посылаетъ мужа позвать въ гости къ себѣ князя и княгиню и всѣхъ горожанъ; если Владиміръ будетъ отговариваться непроходными дорогами, скажи ему, что всё будетъ устроено. Владиміръ ѣдетъ: отъ его палатъ до дома Данилиной жены мостъ уланъ сукнами багровыми, убитъ гвоздями полуженными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую яблоки зрѣютъ; въ одной рѣкѣ пиво бѣжитъ, въ другой медъ, въ третьей вино, въ четвертой водка. Всѣ перепились, на пути остались; доѣхали лишь князь со княгинею, Данило да Алеша, садятся за столы, смотреть — когда-же выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Три раза зоветъ её Данило, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «если бы это сдѣлала моя жена, я-бъ её научилъ мужа слушать». Услышала-то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вотъ-де какъ мужей учать! Крылышкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую гора, по третью мохъ, по четвертую охъ!» Съ трудомъ они выбрались изъ грязи.

2. У Рыбн. II, № 51 перван половина сказки въ общемъ отвѣчаетъ предъидущей: Дворянинъ Безсчастный молодецъ служитъ у Владиміра Кіевскаго, жалуется, что не выслужилъ пока «ни слова гладкаго, ни перины мягкія». Услыхавъ это Владиміръ и «сталъ его жаловать: *даваетъ ему дѣнадцать соболей недѣльныхъ, и даетъ краснаго золота неволта нетяжута, велитъ соболя подлать и дѣнадцать пуровицъ вымыть, и дѣнадцать пстель вытануть, сошить шубу соболиную къ Христовьской*

заутренн». А дѣло было въ страстную субботу. — Молодцу помогаетъ «женщина престарѣлая»: заведя его въ палату бѣлокаменну, она его угощаетъ, укладываетъ спать, а затѣмъ приносить ему шубу соболиную, тросточку камышевую и три золоченыхъ яйца: двумя похристосуйся съ Владиміромъ и Опраксою, а третье сюда неси. — Далѣе о шубѣ и тросточкѣ нѣтъ рѣчи, и о нихъ не разсказывается ничего чудеснаго. — Похристосовавшись съ княземъ и княгинею, молодецъ возвращается назадъ по уговору, чтобъ похристосоваться съ старухой. Не со мной тебѣ христосоваться, говоритъ она и указываетъ ему на покой, гдѣ за двѣнадцатю дверями сидитъ красавица, какой въ свѣтѣ не видано и не слыхано. Онъ подаетъ ей яйцо золотое, она ему золотую ширинку; старуха предлагаетъ ему жениться на той дѣвицѣ: «посылай-ка князя Владиміра свататься, княгиню Опраксу въ поѣздъ зови». — Молодецъ идетъ къ Владиміру, который пожаловалъ его и пошелъ за него свататься. «Выводитъ дѣвицу престарѣлая женщина; то Владиміръ князь *вздригнулъ на ея красоту*; и просваталъ за Дворянина Безсчастнаго молодца. Тутъ веселымъ пиркомъ и за свадебку».

«У столярнаго князя у Владиміра былъ хороши почестенъ пиръ на многихъ князей на бояръ . . . Всѣ на пиру напдалися, и съ ни почестномъ напивалися и всѣ на пиру порасхвасталися. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвастаетъ отцемъ-матерью, который хвалитъ молодой женой. Дворянинъ Безсчастнѣй молодецъ ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: Чтѣ-же ты, Дворянинъ Безсчастнѣй молодецъ, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься?» — Молодецъ хвалитъ молодой женой: «нѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ. Изъ за того за столка задняго выскочитъ Оедька насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкою три года живу, а про то никто не знаетъ». Владиміръ требуетъ доказательства: «принеси подлинный знакъ: монисты золотыя съ крестами». — Престарѣлая

женщина указываетъ Оедькѣ домъ Дворянина Безсчастнаго молодца; сѣнная дѣвушка обѣщается помочь ему изъ бѣды, если онъ возьметъ её за себя за-мужъ — и приноситъ ему мнисты; вернувшись на княженецкій дворъ, онъ бросаетъ ихъ на дубовый столъ — и Владиміръ разжалываетъ молодца, сажаетъ его за задній столъ. — Когда пиръ отошелъ и всѣ разѣхались, пошелъ домой и молодецъ, пораздумывая о томъ, какъ ему раздѣлаться съ женой. Заманивъ её на корабль, онъ продаетъ её заѣзжему гостю, который позарился дорогой на ея красоту; но она «схватила его на косу бедра» и сбросила въ море: «Ай-же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете рассказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срюю! Идите въ королевство Португальское». Здѣсь она расторговалась. «А тамъ король преставился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Хрystова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король». Свѣча затеплилась надъ женой Безсчастнаго молодца, которая вмѣстѣ съ другими пошла къ царскимъ вратамъ, одѣвшись въ мужское платье. Ставъ королемъ, она черезъ три года снаряжается въ Кіевъ «ко ласкову ко князю ко Владиміру» и останавливается у престарѣлой женщины, которая оказывается ея матерью и рассказываетъ о себѣ, что она — жена Португальскаго короля, удалившаяся отъ непріятелей въ Кіевъ вмѣстѣ съ дочерью. Дочь она выдала за Дворянина Безсчастнаго молодца; жила она съ нимъ сначала хорошо, а затѣмъ пропала ни вѣсть куда. — Король обѣщаетъ старухѣ разспросить объ ея дочери у зятя, а на другой день спрашиваетъ Владиміра, нѣтъ-ли кого, кто-бы истопилъ для него баню. Тотъ посылаетъ Дворянина Безсчастнаго молодца. Признаніе происходитъ въ банѣ — и обнаруженъ ложный навѣтъ Оедьки, котораго и казнятъ.

3. Тожественна въ планѣ и въ большинствѣ подробностей сказка у Аванасьева № 179: вмѣсто Владиміра является царь Иванъ, вмѣсто Безсчастнаго молодца — такой-же безсчастный царевичъ Васплій. Подарокъ царя тотъ-же: *сорокъ сороковъ*

черныхъ соболей, золота на пуговицы, шелку на петельки; «отъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко Христовой заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому» (далѣе: «чтобы въ каждой пуговицѣ бѣли птицы райскія, кричали, мяукали коты заморскіе»). — Бабка-голубая шапка приводитъ царевича къ *Еленѣ Прекрасной*; онъ полюбился красавицѣ; по ея просьбѣ братецъ ея, *Ясѣнь Соколъ*, доставляетъ ему чудесный тулупъ, въ которомъ онъ отправляется къ заутренѣ. Елена даетъ ему три яичка: однимъ пусть похристосуетъ съ протопопомъ, другое отдастъ брату — что царевичъ и дѣлаетъ; третье тому, «кто тебѣ больше милъ». Выпрашиваетъ у него послѣднее яичко Алѣша Поповичъ, но Василій отиѣкивается и приноситъ его Еленѣ. Не думала я, что ты мнѣ оставишь яичко, говоритъ она; теперь я согласна пойти за тебя: зови брата на свадьбу. Свадьба сыграна; позднѣе на пиру у царя, когда всѣ порасхвастались, Василій хвалится своей женой, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ нему *Алѣша Поповичъ* и говорить: «Ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ!» Гости говорятъ: «Если ты спалъ съ нею, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Таже бабка доставляетъ Алѣшѣ кольцо Елены, а ему самому велитъ намочить голову — будто въ банѣ былъ. — Какъ и въ предъидущемъ варьянтѣ Василій царевичъ продаетъ жену купцамъ; Елена также становится царемъ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ (свѣча у ней затеплилась при входѣ въ церковь) и посылаетъ за Васильемъ. Обманщики выведены на чистую воду и разстрѣляны.

4. Въ шенкурскомъ варьянтѣ, записанномъ Борисовымъ (Аванасьева, IV, стр. 452—58) «Горегорянинъ *Данило-дворянинъ*» служить семь лѣтъ, не выжилъ себѣ ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, и идетъ искать лучшаго мѣста. Бабка-голубая шапка приводитъ его къ *Настасьѣ царевнѣ*, которая шлетъ его «къ дядюшкѣ князю Владиміру: зови его въ тысяцкіе, жену

его Оброксу въ сватьи». Данило приходитъ къ князю, которому его гости говорятъ, чтобъ онъ не отдавалъ царевны за «чужестраннаго»: «нѣтъ-ли у насъ людей хорошихъ? Накни на ёво такую службу, чтобъ ему вѣкъ не сдѣлать». Владиміръ даетъ Данилѣ послѣдовательно три задачи: выстроить къ утру церковь, чудесный мостъ, *сшить шубу (асоболы не чинены, шолки не виты, золото не лито)*. Въ этой шубѣ Данило является въ церковь; однимъ золотымъ яичкомъ похристовался съ попомъ, другимъ съ Владиміромъ, третье бережетъ про себя. Вышли изъ церкви. «Бѣжитъ по буеву Гришка фурлатильный, черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ подскакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца». Этому-то Гришкѣ Данило угодилъ въ грудь третьимъ яичкомъ, спихъ его съ ногъ, билъ и топталъ. — Такъ ему и надо, говоритъ позднѣ Настасья царевна — и снова посылаетъ къ Владиміру звать его въ тысячкіе, Оброксу въ сватьи. Сказка кончается свадьбой.

Самарская сказка (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 18) представляетъ тотъ-же сюжетъ, что и предъидущія, но разработанный иначе, почему далѣе мы и не возьмемъ её въ расчетъ. Имень нѣтъ; навѣтчикомъ является двоюродный братъ молодого купца, неудачно ухаживавшій за его женою и обращающійся къ помощи «ворожейки» («старуха-большое брюхо»). — «Поди узнай, что у нея на гѣлѣ есть», наказываетъ онъ ей и проситъ достать ея подвѣнечный перстень. Молодица была нездорова; старуха убѣждаетъ её сходить съ нею въ баню, полечиться; похищаетъ ея кольцо и говоритъ, что у нея «на правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пѣльцеевъ». Позднѣ навѣтчикъ пользуется этими свѣдѣніями и перстнемъ, чтобъ убѣдить мужа въ своей связи съ его женою; споръ былъ объ имѣнѣ, молодца обобрали, а онъ, вернувшись домой, завозитъ жену въ дремучій лѣсъ, откуда ни выйти, ни выгнать. Ей удается не только выбрестъ, но и дослужиться до полковника, а мужъ очутился у ней въ денщикахъ. Сказка кончается признаніемъ — и наказаніемъ виновнаго

Составными элементами разобранной нами сказки-былины представляются мнѣ слѣдующіе:

1) Старая пѣсня, развивавшая тему Цимбелина, итальянскаго *Santare* и подобныхъ имъ разказовъ: мѣсто дѣйствія въ Кіевѣ, при дворѣ Владиміра; на пиру-во полу столѣ Данило *хваляется* своей женой; наша сказка № 2 почти сохранила былинное изложеніе:

У стольнаго князя у Владиміра
 Былъ хорошъ почестенъ пиръ
 На многихъ князей, на бояръ....
 Всѣ на пиру наѣдалися
 Всѣ на почестномъ напивалися
 И всѣ на пиру порасхвасталися:
 Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Который хвастаетъ золотой казной,
 Который хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Который хвалится молодой женой.

Имя навѣтчика по №№ 1 и 3: *Алеша Поповичъ*; оно стояло, вѣроятно, и въ пѣснѣ: по отношенію къ Данилиной женѣ онъ такой-же нахвальщикъ, какъ и въ былинѣ о сестрѣ Сбродовичей. — Древней пѣснѣ принадлежало, по моему мнѣнію, и имя *Данилы*: оно находится въ №№ 1 и 4 и въ былинахъ о женѣ *Данилы* (Ловчанина, Денисьевича) и Владимірѣ, представляющихъ мнѣ параллелью къ возстановляемой нами пѣснѣ о Данилиной женѣ и Алѣшѣ, но съ трагической развязкой. Былина начинается съ похвалы на пиру, полузабытой у Кир. III, № 1, стр. 28—32, но сохраненной въ № 2 (р. 32—38):

Сильн-а-тъ хвалится силою,
 Богатой хвалится богатствомъ,
 Купцы-тѣ хвалются товарами,
 Товарами хвалются заморскими;
 Бояря-та хвалются помѣстьями,
 Онѣ хвалются вотчинами.
 Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ,
 З 8 *

но, вызванный Владиміромъ, говоритъ:

Есь у меня золота казна,
Ишо есь у меня и молода жона,
Ишо есь у меня и платье свѣтное.

Центръ тяжести лежитъ, очевидно, въ молодой женѣ; только «безумный хвастаетъ молодой женой», говорится въ пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Рыбн. III, № 34, Гильф. № 135; Рыбн. II, № 30: Дюкь); согласно съ этимъ развивается далѣе и пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, на жену котораго позарился — самъ Владиміръ, пытался устранить мужа, чтобъ овладѣть женой, но добиваясь только — самоубійства того и другого.

На сколько эта пѣсня о женѣ Данилы древня при имени Владиміра и не принадлежитъ-ли она къ порѣ пѣсенной детеріораціи его образа — этотъ вопросъ я оставляю пока въ сторонѣ. Замѣчу только, что и въ нашей сказкѣ № 2 *Владиміръ князь вздрогнулъ на красоту жены* Дворянина Безсчастнаго, котораго №№ 1 и 4 зовутъ именно *Данилой*. Это указываетъ на связи между былинной о женѣ Данилы (Ловчанина) и Владиміръ — и предполагаемой нами пѣсней о женѣ Данилы (Безсчастнаго и т. д.) и Алѣшѣ. Эти связи можно прослѣдить и далѣе: въ нашемъ № 4 жена Данилы названа *Настасьей царевной*, въ былинѣ о Ловчанинѣ Кир. III, № 1, стр. 28—32 имя его жены *Настасья* (Никулишна; въ № 2, р. 32—38: Василиса Никулишна по смѣшенію съ женой Ставра); въ пѣснѣ объ Алѣшѣ и Сбродовичѣхъ послѣдняя также названа *Настасьей* (или Натальей. Кир. II, № 3, стр. 67—9). Замѣтимъ, наконецъ, что и жена Добрыни, ободенная Алѣшей, называется обыкновенно *Настасьей* и даже *Настасьей Микуличной* (Кир. II, № 2, стр. 3; № 6, стр. 11 слѣд.; № 8, стр. 17; № 9, стр. 20—22; № 1, 30 слѣд.). Можетъ быть, въ послѣднемъ случаѣ имя занесено изъ пѣсни о женѣ Данилы, оклеветанной Алѣшей: не даромъ у Кир. II, № 7, стр. 16 Добрыня, вернувшись домой въ одеждѣ скomorоха, называетъ себя — *Данилой Заморнинимъ*, т. е. пріѣзжимъ изъ за моря (сл. Гильф.

№ 172 = Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, вавилоняне — и *заморенина* Суздальца, выше, стр. 77). Можетъ быть, и въ одной редакціи былины о Молодцѣ и Королевнѣ (Гильф. № 278) первый, хвастающійся во хмѣлю своей связью съ царской дочерью, носить не даромъ имя *Данилы* (Игнатъевича), вмѣсто обычнаго: *Ивана* (сл. выше, стр. 116 слѣд.).

Рядомъ съ именемъ *Настасьи* являются въ нашихъ сказкахъ и другія имена: въ № 3 *Елена Прекрасная*, у ней братецъ *ясень соколъ*: въ № 1: *Лебедь-птица* — *красная дѣвица*. Русская хоро-водная пѣсня¹⁾ несомнѣнно запомнила какія-то отношенія былиннаго *Алеша* пересмѣшника къ дѣвицѣ *бѣлой лебеди*; можетъ быть, и *ясный соколъ* пѣсни скрываетъ, за своимъ значеніемъ поэтического символа, память о *ясномъ соколѣ* сказки.

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю
 Ахъ, и морю, морю синему!
 Плыла лебедь, плыла лебедь,
 Лебедь бѣлая, со лебедушками
 .....
 Плывши лебедь, вышла на берегъ.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
 Гдѣ ни взялся младъ ясень соколъ,
 Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
 Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
 Онъ кровь пустилъ по синю морю,
 Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
 Онъ пухъ пустилъ по поднебесью,
 Сорилъ перья, сорилъ перья,
 Сорилъ перья по чисту полю.

Отъ символическихъ образовъ лебеди и сокола пѣсня переходитъ къ реальнымъ: дѣвушки и молодца: дѣвушка собираетъ тѣ перья,

Милу дружку на подушечку,
 Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
 Родну батюшкѣ на перинушку.
 Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русск. народа III, стр. 32, № 17.

Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
 «Богъ на помощь, Богъ на помощь,
 Богъ на помощь, красна дѣвица душа!»
 Она-жь ему, она-жь ему,
 Она-жь ему не поклонится.

Парень грозитъ ей, въ будущемъ, тѣми неприятностями, которыя предстоятъ ей, когда она выйдетъ за него за-мужъ; она извиняется:

Я думала, что не ты идешь,
 Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
 Я думала, я думала,
 Я думала, что поповскій сынъ,
 Что поповскій сынъ, воръ Алешинька.

Въ вариантахъ этой пѣсни ¹⁾ имени Алеши нѣтъ; но воръ Алеша, обманувшій Лебедь Бѣлую, хорошо извѣстно намъ изъ нашего № 1.

2) Былина о Данилѣ, не впору *похвалившись своей женою*, развита была мотивами широко распространенной сказки: о вѣщей женѣ, помогающей мужу исполнить трудныя задачи, на него возложенныя, но запрещающей ему хвалиться ею. За неисполненіемъ этого завѣта слѣдовало обыкновенно ея исчезновеніе — и это окончаніе удержано въ нашемъ № 1, тогда какъ другіе придержались развязки, указанной ходомъ древней былины. — Малорусская сказка изъ собранія Рудченка (№ 34), сложенная изъ цѣлаго ряда чуждыхъ другъ другу мотивовъ, начинается извѣстнымъ намъ общимъ мѣстомъ: «Як був собі безпачасный Данило, да служив, служив год и другий... Що дослужить грошей, да де заховае, то огледицца — аж уж й нема». Оставивъ одно мѣсто, онъ соглашается служить бѣдняку — изъ-за камня, лежавшаго у него передъ порогомъ. Въ камнѣ оказались деньги; Данило купилъ ладану на цѣлый золотой, «узяв там

¹⁾ Сахаровъ, 1. с. стр. 54—5, №№ 1 и 2.

черепок, вийшов на могилу, наклав ладану, запалив». Въ награду за это ангель, посланный Богомъ, обѣщаетъ исполнить одно изъ его желаній: чего онъ хочетъ — здоровья, богатства или умной жены? По совѣту одного пахаря онъ избираетъ послѣднее, а самъ засыпаетъ на могилѣ. «Приходить з неба святого Петра дочка йому за жінку. Прийшла вона и будить його: уставай, Данило, ходім, де твій батьківскій грунтъ, да підем да повінчаємось! Він каже: Нема в мене грунту батьківського. От пішли. От він и повив — аж батьківський грунт: так Бог дав, шо стало». Нашлась и хата, а въ ней и деньги, которыя, бывало, пряталъ Данило и не находилъ. — Панъ позарился на Данилову жену и задаетъ ему задачи: коли не исполнить ихъ, онъ заберетъ жену. Первая задача — сварить пиво, вторая — сдѣлать изъ дерева «живыя гусли». Привезъ Данило то дѣрево домой и плачется; жена утѣшаетъ его: «Не журись, Данило, лягай спать. — Данило ліг спочить. Устав — аж уже й гусли готові». Какъ заигралъ онъ, всё заплясало. — Послѣдняя задача: сходитъ на тотъ свѣтъ къ отцу пана и спросить, куда передъ смертью онъ спряталъ деньги — также исполняется Данилой при помощи жены. Панъ награждаетъ его. — Другую переработку сказки сл. у Драгоманова, Малор. народн. преданія и рассказы, стр. 295—9 (Нещастный Данило. Нач.: Був собі нещасний Данило. Де вже він не ходив, де не служив — все, шо не заробі, пак як за водою піде; нічого в ёго нема).

3) Прежде чѣмъ эта былина осложнилась элементами сказки, она могла быть сблизжена съ другой былинной, съ такимъ-же мотивомъ похвалы, лишь иначе разработаннымъ: я имѣю въ виду пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ. Какъ Дюкъ хвалится своимъ имѣніемъ, конями и матушкой, такъ и Данило могъ хвастать первоначально своей женой — и кое-чѣмъ и другимъ, какъ Данило Ловчанинъ — женой и золотой казной. Съ точки зрѣнія Дюковскихъ пѣсень трудныя задачи, которыя въ современныхъ сказкахъ помогаетъ исполнить Данилѣ его жена, явились бы съ его стороны отвѣтомъ на требованіе — доказать ту или другую свою

похвалбу. Это объяснило-бы мнѣ, какимъ путемъ поющія пелки и пювки Дюка перешли впервые въ былину о Данилѣ: понятія сначала какъ моментъ *похвалбы*, онѣ очутились впоследствии, въ освѣщеніи сказки, моментомъ *задача*. — Косвенное доказательство сосуществованія и взаимодействія (старой) былины о Данилѣ и Алешѣ и пѣсни о Дюкѣ — я склоненъ усмотрѣть въ тѣхъ пересказахъ послѣдней, которые замѣнили въ нихъ Чурилу — Алешей Поповичемъ: тотъ и другой являлся въ памяти пѣвцомъ съ типомъ навѣтчика, обличавшаго, хотя и злостно, неумѣренно расходящуюся богатырскую кичливость.

Дальнѣйшее возожденіе по генеалогическому, «мысленному» древу былинь поставило-бы насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: о томъ, какимъ образомъ привязывались къ имени Владиміра сюжеты вродѣ новеллы о Данилиной женѣ. Отвѣчу пока лишь на одну сторону вопроса. Извѣстенъ въ русскомъ эпосѣ мотивъ похвалбы: отъ нея погибають русскіе (сл. гл. VII) и цареградскіе (сл. стр. 365) богатыри; хвалится Иванъ Гостинный сынъ своимъ конемъ — и принужденъ бѣжать на немъ въ залупки съ жеребцами Владиміра (стр. 38 слѣд.); хвастаетъ своей казной, конемъ и матерью Дюкѣ Степановичъ — и долженъ дать отвѣтъ, постоять за свою тройную похвалбу (стр. 147 слѣд.), какъ Данило Ловчанинъ, Ставръ и замѣнившій его у Гильф. № 124 Добрыня. Обыкновенно такіа кичливыя рѣчи слышались на пиру, во полу-столѣ; когда Владиміръ сталъ собирателемъ русскаго эпоса, его почестный столъ являлся типическимъ и къ нему потянулись всѣ, хваставшіеся дотолѣ на сторонѣ. Разумѣется, это построеніе трудно опереть на фактахъ: если въ трехъ варянтахъ пѣсни объ Алешѣ и Сбродовичнѣ только одна (Кир. II, № 3, стр. 67—9) переноситъ сцену къ столу Владиміра, а бѣло-русская пѣсня даже помѣщаетъ еѣ «у Тлуцку на рынкѣ», то возможенъ двоякій вопросъ: являются-ли пѣсни безъ приуроченія къ столу Владиміра отзвукомъ болѣе древняго пѣсеннаго развитія, или, наоборотъ, онѣ забыли, обобщивъ его, самый фактъ приуроченія? Какъ-бы то ни-было, слабая внутренняя связь между

Владиміромъ и такими богатырями, какъ Дюкъ и Иванъ Гостивнѣй сынъ, держащаяся главнымъ образомъ идеей похвалы за столомъ, едва-ли не указываетъ, что именно въ этой сценѣ произошло соединеніе двухъ эпическихъ теченій, привлечшее къ княжескому столу заѣзжихъ молодцевъ, въ составъ русскаго эпоса бродячія, непріуроченныя темы. Свой или чужія — всё равно: ибо *народный* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный*. — Что сцена похвалы за столомъ утратила въ послѣдствіи свое собирательное значеніе и стала общимъ мѣстомъ, показываютъ наир. нѣкоторыя пѣсни о Добрынѣ въ отъѣздѣ (Гильф. №№ 206, 215, 290 и др.), гдѣ она является непачущимъ заглавномъ, не мотивирующимъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія.

— o:•o: —

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 10. *Птица-вьстникъ*. Библиографія этого пѣсеннаго и сказочнаго мотива можетъ быть значительно пополнена. Такъ въ одной тосканской сказкѣ (Pitrè, Archivio, II, п, р. 168) голубь несетъ отцу дѣвушки, выданной за мага, ея письмо, писанное кровью на концѣ, оторванномъ отъ передника. Въ той-же роли могъ являться соколъ, котораго Сокольникъ передъ боемъ съ Ильей, отсылаетъ къ своей матушкѣ (сл. выше, гл. IX, 309, 311—12, 316—317), хотя въ большей части пересказовъ отпущекъ сокола и выжлеца означаетъ иной актъ: въ предстоящей борьбѣ они не нужны богатырю, ему не до нихъ: «А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ, И корми ты свою буйну голову.... Полеги ты, соколъ, на синемъ море, И корми свою буйну голову». Сл. сходный образъ, лишь въ другомъ примѣненіи, въ малор. щедривкѣ: молодець

Пустив коня в чисто поле,
Пустив хорта в темні лѣса,
Пустив сокола по під небеса;
І кінв біжить, шару лошадей мчить,
І хортъ біжить и зайенка мчать,
І соколъ летить и утѣнку мчать,

пану на кушанье, добрымъ людямъ на здоровье (сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. народа I, стр. 7). —

Къ птицѣ-вѣстнику сл. еще Вука Караџ. Србск. нар. песме, II, 45 (два ворона вѣщаютъ Милицѣ о Косовскомъ боѣ), 46 (соколъ = Илья несеть птицу-ластовицу = кыгу од Богородице); III, 88 (два врана-гаврана); Ломачевского, Сборн. пѣс. Буковинскаго народа, № 344 (воронъ вѣщаетъ матери о смерти сына); Чубинск., V, 888 (орелъ матери о томъ-же); Головацкаго I, 138 (пташка съ письмомъ). См. славяно-русскій Материалъ, собранный Потемней, Замѣтка о двухъ пѣсняхъ (Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 2, стр. 203 слѣд.), изъ которой я выберу кстатѣ слѣдующія двѣ параллели къ румынской колядкѣ и мордовской пѣснѣ, разобранныхъ мною въ Разысканіяхъ VII, стр. 276—278. Первая записана въ Курской губерніи:

Сокалъ съ камѣмъ объ заклать билсп,
 Опъ ни ѣ рупъ, ни ѣ два и ня во-ста рублей,
 Анъ сваей анъ буйнай галавѣ:
 Каню бжати вакрухъ ласу,
 А сакалу лятеть чирясъ тѣмной лесъ
 Да таво мѣста да урошнава,
 Да калодиза да студѣнава.
 Прибѣхши конь онъ вадѣ испилъ
 ..... и лѣхъ аначилъ.
 Гладить, сматрѣть, анъ саколъ лятеть:
 «Кбнь ты мой, конь, ты добра лошадь!
 Ни сяки ты мне буйнай галавѣ,
 Атскѣ сакалу правая крыло
 ..... съ правильнымъ паромъ,
 Штоба мне саколу сидеть ни лятеть».
 Въ сакала крылья залютуци,
 А глазушки завидушпал:
 Лятель саколъ чирясъ тѣмной лесъ,
 Напалась сакалу стада либдѣй,
 Убилъ, задралъ, лебпда белавя,
 За темъ саколъ замешкалси. (I. с., р. 200—1).

Малорусская пѣсня (I. с., р. 201—2, изъ Максимовича, Укр. Н. П. М. 1834, стр. 148—9) открывається образомъ казака,

сидящаго на могилѣ и разглядывающаго свои смертельныя раны; непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ бѣгъ взапуски орла съ конемъ:

Закладався орелъ зъ конемъ,
 А за тѣи криниченьки:
 «Ой чи скорійш ти добіжшъ,
 Меві крильця повтинаешъ.
 — «Ой ти скорійш да долетшъ,
 Меві ноги повтинаешъ.
 Ой кінъ бѣжшъ, земля дрожить,
 Орелъ летить, перо дзвенить;
 Ой кінъ біжшъ все ярами,
 Орелъ летить все дугами,
 Кінъ до води прпбігае,
 Орла брата виглядае:
 Орелъ летить і несміе,
 Коня брата непізнае.
 «Даруй, коню, крилечками,
 А хто ходить піжечками» (?).

Къ стр. 12 (*не убиюати спящаго врага*). Въ одномъ греческомъ изреченіи, приписанномъ Александру Великому, онъ отстраняетъ совѣтъ друзей — напасть на враговъ ночью, ибо это не царское дѣло. Къ примѣрамъ, мною собраннымъ (Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 65), присоединю еще и нашу Пчелу (изд. Безсоновъ, стр. 29): Сей (Александръ) молимъ сынъ отъ дружины ночью напасти на сопостаты п рече: не царскія сѣть крѣпости побѣда. — Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois roèmes grecs, p. 14): дружина совѣтуетъ Ахиллу напасть на враговъ ночью; онъ отвѣчаетъ:

426 καλὴ ἔναι ἡ στρατιωτικὴ, ἄρχοντες, ἡ βουλὴ σας,
 ἀλλὰ γενναῖον καὶ δυνατὸν οὐκ ἔναι ἔργον τοῦτο·
 τοῖς ἀπιστοῦσι καὶ σαδροῖς δίδεται το ἐξάρησις·
 εἰ γὰρ καὶ θάλας ποιήσωμεν, εἰς ἐντροπήν μας ἔναι.

Сл. Eskenliet, строфа 195: Фазольтъ подозрѣваетъ, что Дитрихъ

убилъ его брата Экке во снѣ: *hetestu slâfende in erslagen, — es mïese mich verdriezen . . . her Dietrich sprach «mirst leit din haz — und daz du mich sô schendest. — Du must mir drumb ze buose stân».*

Къ стр. 13 (Армури v. 86) Сл. *Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως*, I. с. p. 18:

561 καὶ οἱ δώδεκα μὲ τοὺς ἕτεροὺς κόπτουν εἰς τὸ φουσατόν,
τὰς ἄκρας ἐθερίζασιν οἱ δώδεκα μὲ θράσος.
'Εἰς ἄκραν ἐπιτάλησεν ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ μέγας
καὶ μὲ τὴν ἄλλην ἱσμιξεν ἄκραν, συγκόπτων πάντα.

Къ стр. 25 прим. 2: сл. *Nyrop, Den oldfranske Heltedigtning*, p. 334—5.

Къ стр. 29. Жена велитъ князю Сауру вернуться съ похода, ибо она беременна. Онъ отвѣчаетъ: «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ». Выраженіе это указываетъ, быть можетъ, на полузабытую подробность: мужъ, недовольный бесплодіемъ жены, идетъ въ походъ, грозя навсегда съ ней разстаться, если къ его возвращенію она не окажется матерью. Такъ у Псевдокалисоена и его отраженіяхъ (о Филиппѣ и Олимпіадѣ); сл. средне-греческ. поэму объ Ахиллѣ, I. с. стр. 2, vv. 35 слѣд.

Къ стр. 56 прим. 1). Работа D'Ancona'ы явилась въ послѣдствіи въ сборникѣ его *Studj di critica e storia letteraria* (1880); сл. стр. 300—2. Съ канвой легенды объ Ильѣ-архитекторѣ сл. подобный-же рассказъ въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Оомы: Господь продаетъ его купцу *Abbanes*, посланному царемъ Гундофоромъ привскать *архитектора*. Сл. *Lipsius, Aposgruphe Apostelgeschichten I, 249; ib. II, п, 89* (объ ап. Вароломѣѣ).

Къ стр. 63 прим. 1: сл. *Описание быта* въ *Aiol*, ed. Foerster, v. 4236 слѣд.: *Aiol* бьется о закладъ съ Масайге скакать взапуски на коняхъ:

4250 Et se li miens peut vaintre, si me pleuis
 .m. mars de blanc argent et .c. d'or fin
 Et del destrier a faire tout mon plaisir.
 Se li tiens uaint li mien, iel fac ausi.

Онъ даетъ ему ускакать впередъ «un grant arpent de tere bien mesure» (4312) и всё-же перегоняетъ Масаиге'а, надъ конемъ котораго глумится молодежь.

Къ стр. 72 (къ описанію *чудеснаго ворона* въ былинахъ).
 Сл. Гильф. № 49, стр. 243.

Къ стр. 73 прим. 3. Сл. въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. c., p. 34,
 v. 1089: дѣвушка говоритъ Ахиллу: ἐγείρου, χρσοπτέρουγε
 φάλκων, ἀπό τῆς κλίνης.

Къ стр. 74 прим. 1: сл. Рыбн. III, № 51, стр. 282:
 Чумбагъ.

Къ стр. 81: (*Пленкз—Франкз*). Собственное имя изъ эпитета: сл. Девгенія Акрита нашей повѣсти; сѣв. Lóðbrókr
 в. Ragnarr (Lóðbrókr) и друг.

Къ стр. 111 прим. 3: Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. c.,
 p. 37—8, v. 1221 слѣд. (Ахилль поетъ, подъѣзжая къ замку
 любимой дѣвушки).

Къ стр. 126: Вольнець, Галица, Корела у Гильф. № 249.

Къ стр. 138 (*воронъ стыцаетъ битву*). Сл. Ефименко,
 Матеріалы, № VII (передъ встрѣчей Алѣши съ Татаринномъ).

Къ стр. 191 прим. 2. (*механическія поюція птички*). Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως ed. Wagner I. c., p. 23—4, v. 739 слѣд.:
 золотой платанъ и на немъ золотыя птички: 743 ἐπνεάσι

οι άνεμοι και ίχθυνα ίχηλαδοῦσαν. Въ романѣ о Ливистрѣ и Роданнѣ (ed. Wagner, l. с., р. 304, v. 2195 слѣд.) вода поднимается вверхъ по вѣткамъ искусственной виноградной лозы, отчего ея плоды наливаются и зрѣютъ; на вѣтвяхъ порхаютъ птички, точно живыя. — Сл. еще описаніе Порова дворца въ моей статьѣ: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александринъ, Ж. М. Н. Просв. 1884, Сентябрь, стр. 49—51.

Къ стр. 218 (сл. стр. 222, прим. 1): *Чудеса Гулонова дворца.* Въ незаданной старофранц. поэмѣ о Sone de Nansay, отрывки которой были напечатаны Scheler'омъ, по Туринской рукописи, подробныя извлеченія (изъ той-же рукописи) сдѣланы мною, встрѣчаемъ слѣдующее описаніе:

On mist la table en 1 praiel
 Tel c'onques hons ne vit plus biel;
 Sur les murs deviers mer estoit,
 Mais un biaux mures l'enclooit
 Qui de marbre liois fu fais:
 N'est oisiaus qui n'i soit pourtrais
 Ne bieste ne pissons de mer,
 Mult est plaisans a regarder.
X lupart sur les murs avoit,
Et cascuns la geule beoit,
Et par engien ensi tournoient
La geule u vent adies avoient:
Quant vens i fiert, cascuns sonnoit,
Diviers sous cascuns s'acordoit,
 Ki tant sont biel a escouter:
 Nus ne s'en poroit soeler,
 Jamais nul jour n'annueroit
 Par dales qui santé aroit.

Къ стр. 226 (*Похоамба*) Обычай gabs и воеух былъ извѣстенъ и на сѣверѣ, гдѣ такъ называемыя heitstrengingar были въ ходу на рождественскихъ пирахъ, тризнахъ и т. п. Сл. Vigfusson and Cleasby, Icel. engl. Dict. a. v.

Интересный образчикъ *похвалы* во полу-столѣ представляеть Sones de Nansay (сл. выше, прим. къ стр. 218): Sones является въ Норвегію, къ королю Alains, ожидавшему нападенія Ирландцевъ и Шотландцевъ:

Li fil le roi ont Sone pris,
 Bas sont a une escame assis.
 Dont veissiez mes aporter,
 Aussi c'om les puisast en mer;
 Chiervoise et vin partout avoit,
 Car lor coustume telle estoit:
Longement sisent au mangier
 Tant qu'asses peüst annuier
 Qui ensi ne l'eüst use,
Car il se sont si abuvre
Que cascuns sa fable contoit
 Leur nus for lui ne l'escoutoit;
 Tant erent en grant de parler,
 Nus ne peüst tout escouter.
 Li tiers du jour fu en mangier,
Cascuns estoit en haubregier,
L'escu au col, ou poing l'espee —
Tout ert Irlande a mort livree,
Et ensi que cascuns disoit
«Que li rois d'Escoche i venroit
Et seroit li premiers tues,
Ses frères qu'est emprisonnes
N'en istera, ce ne puet iestre,
Tant que Dieus sauve men brach^sdiestre.
Ensi partout se combatoient
Et puis le hanap embrarhoient.

Sones удивляется этому, а царевичи объясняютъ ему, что таковъ обычай страны:

Ensi wellent le temps passer
 En boire, en mangier, en parler,
En manechier chias qui n'i sont;

L'usage de lor pays font,
Et se primerains vous levies,
D'yaus honnis et-blasmés series.

Къ стр. 226, строка 2-ая снизу: читай русскихъ вм. другихъ.

Къ стр. 234 прим. 2. Параллель къ слѣдующему разсказу представляетъ у того-же С. Галльскаго монаха (II, п) известная сцена, когда Откеръ и Дезидерій смотрять съ башни на приближающееся войско Карла, а Дезидерій въ каждомъ появляющемся отрядѣ думаетъ увидѣть императора.

Къ стр. 238—250 (*Микула Селянниновичъ*). О сюжетѣ былинны говорили проф. В. Миллеръ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Декабрь: По поводу Трояна и Бояна Слова о Полку Игоревѣ (сл. рецензію проф. О. Миллера въ Русск. Филол. Вѣстникѣ II, 233) и М. Халанскій, Замѣтки по славянской народной поэзіи I. Къ былинѣ про Микулу Селянниновича. Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г., стр. 270—73. — Мое объясненіе имени Hugon, стр. 250, чисто гипотетическое, которое я не пытаюсь помирить съ моимъ прежнимъ отождествленіемъ: Hugues = Hugdietrich (сл. выше, стр. 202—3). Hugdietrich, можетъ быть, отражаетъ франкскаго Hugo-Theodoricus, но тождество имени не обуславливаетъ франкскаго содержанія эпическихъ разсказовъ о первомъ.

Къ стр. 266, строка 6: (у Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116), какъ и въ № 22 Гильф. (Илья Муромецъ и Идолище) значеніе видѣнія не объяснено.

Къ стр. 267 (*оживаніе рыбъ, какъ знаменіе ибелы*) Сл. Карацин, Рјечн. а. в. Високи Стефан: онъ бьется съ Турками, прогнавъ ихъ за море, а въ море бросилъ свой буздоханъ, приговаривая: когда выйдетъ тотъ буздоханъ на берегъ, тогда и Турки возвратятся. Море тотчасъ же выбросило буздоханъ.

Сл. его-же, Срб. нар. п. II, № 74, ст. 95—6 (о Маркѣ Кралевичѣ).

Къ стр. 268—269 (*Турско царство навасало*). Сл. Dozon, Болг. п. № 39: Наше царство достанало, — Турско царство настанало.

Къ стр. 371, строки 4—6 (*Прожорливость Идолница и Бонякъ*). Сл. южно-русскія преданія о *Булякъ-людодѣ* у Костомарова, Богданъ Хмѣльницкій I т., стр. 180; Драгомановъ, Малор. народн. преданія и рассказы, стр. 224—225.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVI, № 4.

ОТЧЕТЪ

0

ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1884 году.

;

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лнн. № 12.)
1884.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 г.
Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.**

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКОЙ ПРЕМІИ

въ 1884 году.

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

На пушкинскій конкурсъ текущаго года поступило четыре оригинальныя сочиненія и два стихотворные перевода.

Изъ сочиненій три оказались не подходящими подъ правила о преміяхъ имени Пушкина, и одно взято авторомъ обратно.

Что касается переводовъ, то одинъ изъ нихъ, именно явившійся подъ псевдонимомъ А. Фета весь Гораций въ русскихъ стихахъ, хотя и не былъ представленъ самимъ переводчикомъ, признанъ былъ Академіею, согласно съ правилами о пушкинскихъ преміяхъ, заслуживающимъ принятія на соисканіе, и къ разсмотрѣнію его приглашенъ экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по римской словесности И. В. Помяловскій, который и представилъ своевременно весьма обстоятельную рецензію этого труда.

Комиссія, образовавшаяся на основаніи пункта 11-го правилъ, состояла на сей разъ, сверхъ пяти членовъ Отдѣленія, изъ приглашеннымъ имъ: профессора Помяловскаго, заслуженнаго профессора Г. С. Дестуниса и А. Н. Майкова. Приглашенный же вмѣстѣ съ этими лицами Я. П. Полонскій, страдая

серіозною болѣзнію, не могъ, къ сожалѣнію, присутствовать въ комиссіи.

По выслушаніи въ ея засѣданіяхъ критическаго разбора профессора Помяловскаго и по всестороннемъ обсужденіи подлежащаго оцѣнкѣ труда, переводчикъ Горація А. А. Шеншинъ удостоенъ полной Пушкинской преміи.

(За снѣгъ въ засѣданіи 19-го октября прочтано было извлеченіе изъ рецензіи И. В. Помяловскаго ¹⁾, которая здѣсь помѣщается въ полномъ видѣ).

К. Гораціи Флави. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва 1883.

Das Uebersetzen, und gerade der Dichter, ist eine der nothwendigsten Arbeiten in einer Literatur, theils um den nicht Sprachkundigen ihnen sonst ganz unbekannt bleibende Formen der Kunst und der Menschheit, wodurch jede Nation immer bedeutend gewinnt, zuzuführen, theils aber, und vorzüglich, zur Erweiterung der Bedeutsamkeit und der Ausdrucksfähigkeit der eigenen Sprache.

W. v. Humboldt.

Имя г. Фета, какъ переводчика Горація, извѣстно русской публикѣ уже довольно давно: еще въ 1856 году въ Отечественныхъ Запискахъ сталъ печататься (вышедшій потомъ отдѣльнымъ изданіемъ) его переводъ Гораціевыхъ одъ. Книга, заглавіе которой выписано выше, свидѣтельствуетъ, что переводчикъ въ теченіе почти тридцати послѣдующихъ лѣтъ продолжалъ начатое дѣло и, вмѣстѣ съ исправленіемъ прежнихъ переводовъ, велъ свой трудъ впередъ и переводилъ эподы, сатиры и посланія Горація, такъ что нынѣ мы имѣемъ полный переводъ всего, оставленнаго потомству Венузинскимъ поэтомъ.

Тогда какъ въ литературахъ западной Европы, число переводовъ Горація насчитывается нерѣдко десятками, у насъ пере-

¹⁾ Оно было напечатано въ №№ 133 и 135 *Правительственнаго Вѣстника* 1884 г. и отдѣльными оттисками.

водъ г. Фета представляется первою полною передачею всѣхъ твореній римскаго поэта. (По причинамъ вполнѣ понятнымъ и уважительнымъ, безъ перевода оставлены эподы 8 и 12, равно какъ и нѣкоторые отдѣльные стихи изъ сатиръ, напр. I, 2, 116 и др.). И при этомъ онъ оказывается передачею прекрасною, заслуживающею всякаго одобренія.

Переводъ поэтическаго произведенія представляется дѣломъ не легкимъ; но трудности его увеличиваются и дѣлаются нерѣдко непреодолимыми тогда, когда переводится поэтъ древній, языкъ и міровоззрѣніе котораго извѣстны намъ лишь по теоріи, изъ книгъ; а между тѣмъ переводы необходимы и играютъ важную роль какъ въ развитіи національной литературы, такъ и въ поднятій уровня общественнаго образованія.

Всѣ знаютъ, съ какимъ восторгомъ привѣтствовала Германія Фоссовы переводы Гомера; не безызвѣстно и то впечатлѣніе, какое произвели на нашу читающую публику переводы: Илиады Гнѣдича и Одиссеи Жуковскаго. Съ ними смѣло можно сопоставить и переводъ Горація, сдѣланный г. Фетомъ. Хотя по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по своему вліянію на образованный міръ, Гомеръ и Горацій представляются величинами далеко не равными, тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся сопоставить ихъ русскіе переводы въ виду сравнительныхъ достоинствъ этихъ послѣднихъ. Дѣйствительно, по языку и отдѣлкѣ стиха переводъ г. Фета стоитъ неизмѣримо выше перевода Гнѣдича, а по непосредственному изученію подлинника — выше перевода Жуковскаго. Такимъ образомъ, съ одной стороны онъ представляетъ обогащеніе нашей поэтической литературы, съ другой — содѣйствуетъ вѣрному ознакомленію читающей публики съ однимъ изъ великихъ поэтовъ античнаго міра.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную оцѣнку поэзіи Горація; достаточно сказать, что рѣдкій изъ поэтовъ древности пользовался и пользуется такою популярностію въ позднѣйшемъ потомствѣ, какъ римскій лирикъ, муза котораго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ возбуждала къ себѣ симпатію людей всѣхъ

возрастовъ и положеній. Ознакомить массу русской читающей публики съ этою музою — заслуга великая.

Выше было замѣчено, что переводы древнихъ писателей, и, въ частности, поэтовъ, дѣло не легкое, на которое способенъ не всякій, такъ какъ оно требуетъ соединенія многихъ условій въ переводчикѣ. Прежде всего, онъ долженъ быть не только стихотворцемъ, но и поэтомъ; переводить античное поэтическое произведеніе прозою, и переводить съ цѣлью доставить читателю возможность наслаждаться его красотами, совершенно невозможно; по мѣткому выраженію А. В. Шлегеля, прозаическій переводъ античнаго поэта есть *ein poetischer Todschlag*. Но мало придать переводу стихотворную форму; необходимо чувствовать всѣ эстетическія особенности подлинника и, въ нѣрѣдкихъ случаяхъ, изъ переводчика дѣлаться творцомъ, который, на мѣсто непередаваемыхъ частности и идиотизмовъ подлинника, долженъ создать нѣчто вполне имъ соответствующее и понятное для современныхъ читателей. Необходимо, чтобы переводчикъ былъ, до известной степени, конгеніаленъ съ творцомъ оригинала. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ, чтобы величавый эпикъ сталъ переводить, и притомъ переводить удачно, страстнаго лирика и наоборотъ, и встрѣчающіеся въ различныхъ литературахъ примѣры вполне подтверждаютъ только что высказанное положеніе. Такъ Фоссъ, представившій образцовый переводъ Гомера, не могъ совладать съ Тибулломъ и его переводъ римскаго эротика далеко не передаетъ всей легкости, увлекательности и задумчивости подлинника, представляя его сухимъ и чопорнымъ.

Вмѣстѣ съ требованіемъ поэтическаго дара, переводчику предъявляются и требованія серьезнаго изученія древняго текста, изученія, невозможнаго безъ основательнаго знанія древнихъ языковъ и древней жизни; переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ. Только при гармоническомъ соединеніи этихъ двухъ особенностей онъ можетъ удовлетворительно передать античный оригиналъ.

Въ такой передачѣ требуется соединеніе многихъ условій,

главнѣйшія изъ которыхъ будутъ слѣдующія: необходимо, чтобы переводчикъ точно и всесторонне понималъ подлинникъ, разумѣя его въ его грамматическомъ и лексикальномъ составѣ — ошибки въ пониманіи представляются со стороны переводчика тяжкими прегрѣшеніями. Безукоризненная *ακριβεία* въ разумѣніи оригинала ведетъ, естественно, къ тому, что переводъ замѣняетъ собою комментарий. Но, разумѣя слова и фразы, переводчикъ долженъ безукоризненно точно разумѣть и ихъ содержаніе, другими словами, съ пониманіемъ грамматическимъ рука объ руку должно идти и пониманіе реальное, простирающееся какъ на среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ и для которой писалъ поэтъ, такъ и на его собственную личность, насколько ею объясняются его произведенія. Самая передача древняго оригинала, предварительно усвоеннаго переводчикомъ во всѣхъ его деталяхъ, должна вполнѣ соответствовать ему какъ по внѣшней формѣ, такъ и по тону и колориту. Что касается первой, то необходимо, чтобы каждый стихъ перевода соответствовалъ стиху подлинника, чтобы сохранялся, по возможности, порядокъ не только мыслей, но и отдѣльныхъ фразъ и выраженій, необходимо, чтобы такія формальныя особенности подлинника, какъ особенности и перемѣна метра, строфическое раздѣленіе, нѣкоторыя намѣренныя нарушенія обычнаго хода рѣчи находили себѣ вѣрный отпечатокъ въ переводѣ. Что касается тона и колорита, то и они должны быть сохранены переводчикомъ: прежде всего, онъ не можетъ утрировать подлинника, придавая ему краски или болѣе густыя или болѣе блѣдныя; затѣмъ онъ не можетъ величавый или возвышенный тонъ замѣнить разговорною рѣчью, наивность — искусственностью, игривость — педантизмомъ и тому под. Вездѣ читатель перевода въ полномъ правѣ ожидать точнаго воспроизведенія того настроенія поэта, которое отпечатлѣлось въ его произведеніи. Наконецъ — что, впрочемъ, разумѣется само собою — переводъ долженъ быть взложенъ рѣчью, которая представляла бы всѣ особенности литературнаго языка того народа, къ которому принадлежитъ переводчикъ.

Таковы главныя требованія, предъявляемыя всякому и, въ частности, русскому переводчику древняго поэта. Только при ихъ соблюденіи русскій переводъ достигаетъ идеальнаго совершенства, т. е. дѣлается вѣрнымъ, близкимъ, благозвучнымъ и вложеннымъ чистымъ русскимъ языкомъ. Но идеальное совершенство недостижимо и переводчику приходится постоянно находиться между Сциллой и Харибдой, т. е. между необходимостью соблюсти возможную близость къ подлиннику и опасеніемъ погрѣшить противъ чистоты роднаго языка. Нерѣдко удается ему благополучно миновать эти опасности, но бываютъ случаи, когда ему необходимо выбрать между тою или другою, т. е. или придерживаться оригинала, жертвуя ему чистотою языка, или, соблюдая её, отступить отъ подлинника и навлечь на себя укоръ въ неточности. Въ такихъ случаяхъ, благополучному выходу изъ затрудненія помогаетъ указанная выше, необходимая для хорошаго перевода, премисса — поэтический даръ переводчика. Онъ бываетъ вынужденъ отступать отъ подлинника и вмѣсто непередаваемаго поставить иное, вполне соотвѣтствующее требованіямъ родной рѣчи и жизни, и въ тоже время отвѣчающее замѣняемому. Строгій филологъ не осудитъ его за такое отступленіе, а образованный читатель поставитъ даже ему это въ заслугу.

Мы сочли необходимымъ предпослать нашему разбору труда г. Фета эти общія замѣчанія для того, чтобы указать тѣ требованія, которыя мы имѣемъ въ виду приложить къ его переводу. Предварительно, однако, подробной его оцѣнки, полагаемъ излишнимъ указать на отношеніе переводовъ г. Фета къ переводамъ предшествовавшимъ. И ранѣе г. Фета Гораций переводился на русскій языкъ, но только не вполне: изъ одъ и эподъ переведены лишь нѣкоторыя, сатиры же и посланіе къ Пизонамъ переведены цѣликомъ. Опуская переводы прошлаго столѣтія (Баркова, Тредіаковскаго, Поповскаго), мы остановимся на нѣкоторыхъ переводахъ болѣе новыхъ, выбирая переводы: Мерзлякова, Орлова, Крешева, Дмитріева (мы умалчиваемъ о пе-

редачѣ отдѣльныхъ одъ Горациа — Берга, Вейнберга, Фокова, Вердеревскаго и нѣкоторыхъ другихъ потому, что передачи эти ограничивались весьма незначительнымъ количествомъ одъ).

Мерзляковымъ переведено 25 одъ (III, 4; IV, 4; I, 34; I, 35; IV, 7; I, 24; I, 5; III, 2; I, 22; II, 16; II, 3; II, 10; I, 4; I, 13; I, 28; IV, 9; III, 16; III, 5; II, 18; III, 3; II, 2; II, 8; I, 9; III, 21; II, 20), частью рифмованными стихами, частью размѣромъ подлинника. При всемъ знакомствѣ Мерзлякова съ древними языками, переводы его не могутъ быть названы близкими и еще менѣе — воспроизводящими оригиналы. Вотъ примѣръ перваго недостатка (выбираемъ 8-ую оду II-ой книги, которая передана всеми разсматриваемыми переводчиками):

*Еслибъ каждый разъ, нарушая клятвы,
Прелестъ-Дива, ты отъ того терпѣла:
Нынѣ зубъ одинъ потемнѣлъ бы, застра
Ноготь перловой:*

*Можно бѣ ждать добра; — напротивъ, чѣмъ болѣ
Клятвой ты главу вѣроломной вяжешь:
Тѣмъ ты краше, тѣмъ намъ милѣй, тѣмъ болѣ
Страстныхъ исканій!*

*Горя кнѣтъ тебѣ обогатъ священной
Въ гробѣ родшей прахъ; призываетъ оз поруки
Небо, звѣзды, ночь, и богами клясться
Чуждыми смерти.*

*Что же? — Лжешь: любви улыбается мать;
Хитрый смѣхъ межъ нимфъ; — купидонъ свирѣпый
Шутитъ самъ, точа раскаленны стрѣлы
Камнемъ кровавымъ! —*

*Въчно новый рой молодежи рязной;
Въчно новый хоръ раболѣпства; даже
Ть ей слушаютъ оногъ, чародѣйку, комизъ
Прежде терзала.*

*Тамъ трепещетъ мать за любезныхъ дѣтокъ;
Здѣсь круститъ старикъ домовитый; дѣвы,
Въ бракъ вступа, дрожатъ; не улетѣ бы мимы
Воздухъ волшебный!..*

При сличеніи этого перевода съ подлинникомъ видно, что во многихъ мѣстахъ первый представляетъ не что иное, какъ перифразъ, и вводитъ такіе образы и картины, которыхъ въ подлинникѣ не имѣется и, притомъ, вводитъ безъ всякой къ тому необходимости. Отличительное свойство Гораціевыхъ одъ есть ихъ необычайная отдѣлка, соединенная съ изысканною простотою, чуждою всякой аффектаціи и всѣхъ неровностей. Эта особенность далеко не передана Мерзляковымъ: даже въ двадцатыхъ годахъ, къ которымъ относятся его переводы, форма ихъ должна была представляться во многихъ мѣстахъ неуклюжей и аффектированной; и тогда было замѣтно, что переводчикъ съ большими усиліями тщится передать подлинникъ, и явные слѣды этихъ усилій даютъ невѣрное объ немъ понятіе читателю (напр. Подъ властію Паряня *Марсуса* и *Аннулуса* — эти двѣ неуклюжія формы очевидно понадобились для стиха; муравлены *кади Сабинова*; на *дскѣ* сей завѣтной; *мнѣ* роши Парнасса, *мнѣ* улыбулись и пр.). Но было бы несправедливо отмѣчать лишь одни недостатки переводовъ Мерзлякова: рядомъ съ неудачными мѣстами у него попадаются и строфы, довольно вѣрно передающія мысли, образы и даже отдѣльныя выраженія оригинала. Любопытно то обстоятельство, что риемованные переводы Мерзлякова въ общемъ несравненно удачнѣе тѣхъ, въ которыхъ онъ старался сохранить размѣръ подлинника.

Хотя и появившійся позже перевода Мерзлякова: «Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ» (Спб. 1830) В. Орлова предста-

вляется тѣмъ не менѣе шагомъ назадъ (переведены оды: I, 1, 3, 5, 7, 8, 9, 15, 19, 22, 25, 26, 28, 29, 35; II, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 14, 16, 18; III, 2, 6, 9, 12, 13, 18, 23, 24, 28, 29; IV, 1, 3, 7, 11; эподы 2 и 15). Прежде всего, переводъ весьма далекъ отъ подлинника и нерѣдко передаетъ его совершенно неправильно, что свидѣтельствуеть о недостаточно тщательномъ изученіи переводчикомъ оригинала; перифразомъ представляются не только отдѣльныя выраженія и стихи, но даже и цѣлыя оды, какъ это можно видѣть изъ ниже приводимаго образца. Стихъ Орлова, хотя и болѣе свободенъ отъ неуклюжестей стиха его предшественника, тѣмъ не менѣе такъ же далекъ отъ изящно отдѣланнаго стиха Горація; кромѣ того, весь тонъ перевода — вслѣдствіе-выспренній — далекъ отъ простаго, нерѣдко игриваго тона, который придалъ Горацій большинству своихъ произведеній. Вотъ переведенная Орловымъ 8-я ода второй книги:

Я вѣрилъ бы — когдабъ, тобою
 Изъ клятвъ нарушенныхъ, одна
 Была хотъ разъ отомщена
 Иль безобразьемъ, иль бѣдою;
 Но ты — чѣмъ больше собрала
 Надъ головою клятвъ ужасныхъ
 Тѣмъ къ мукамъ юношей несчастныхъ
 Красою лучшей разцвѣла.
 Итакъ, чтобъ прелести умножить,
 Ты можешь оскорблять боговъ,
 И сонмы звѣздъ, и ночи кровь,
 И пепелъ матери тревожить.
 И чтожъ? смѣется мать любви
 Съ толпою нимфъ простосердечной;
 И купидонъ безчеловѣчный
 Смѣясь, пукъ стрѣлъ калить въ крови.
 Пока несетъ страданій бремя
 Безумцевъ презрѣнныхъ любовь,

Порадуйся: на рабство вновь
 Готово молодое племя.
 Трепещетъ мать за сыновей;
 Трепещутъ жены въ ожиданьѣ,
 Чтобъ Эарны обаянье
 Не заразило ихъ мужей.

По времени, вслѣдъ за Орловымъ, изъ вышеупомянутыхъ переводчиковъ Горація, надобно назвать М. А. Дмитріева, переводчика сатиръ и посланія къ Пизонамъ. Дмитріевъ изучилъ подлинникъ довольно основательно и воспользовался нѣкоторыми пособіями какъ нѣмецкой, такъ и французской ученой литературы; примѣчанія, въ большомъ количествѣ сопровождающія его переводъ, свидѣтельствуютъ о начитанности переводчика. Но, удовлетворяя болѣе или менѣе одному изъ требованій, предъявляемыхъ переводчику Горація — чтобы онъ былъ филологомъ, Дмитріевъ, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ другому — чтобы онъ былъ поэтомъ. Вслѣдствіе того, передавая почти вездѣ вѣрно мысли и выраженія Горація, переводчикъ знакомитъ читателя съ содержаніемъ его сатиръ, но не даетъ понятія объ ихъ формѣ. Дѣйствительно, въ сатирахъ и посланіяхъ Горація латинскій гекзаметръ доведенъ до такого совершенства, какого онъ никогда не достигалъ ни до, ни послѣ Горація. Эти *versiculi* или *pugae*, какъ ихъ зоветъ самъ поэтъ, до такой степени граціозно-капризны, что кажутся не поддающимися никакой регламентаціи или нормѣ. Между тѣмъ, при внимательномъ ихъ изученіи, оказывается, что это своеволие прикрываетъ собою тщательнѣйшую работу, стремленіе къ совершенству отдѣлки, проведенное въ высшей степени удачно и послѣдовательно. Далеко не такими представляются гекзаметры Дмитріева: капитальною ошибкою переводчика является то, что онъ, по собственному признанію, старался, «чтобы языкъ его не противорѣчилъ языку поэзіи, котораго отличіе отъ прозы состоитъ въ томъ благородствѣ и округлости выраженій, которыя только въ поэзіи соединяются съ про-

стотою». Это стремленіе къ «благородству и округлости выраженій» и повело къ тому, что въ русскомъ переводѣ тонъ сатиръ Горация совершенно переѣнился и изъ непринужденно спокойнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ развязно шутиваго превратился въ скучно-доктринерскій, высокопарный и потому нерѣдко вовсе не гармонирующий съ содержаніемъ; стихъ Дмитріева однообразенъ и, по своему построенію, нисколько не напоминаетъ собою мастерскихъ гекзаметровъ Горация. Очевидно, переводчикъ не могъ справиться съ необычайно причудливою формою оригинала и обтней русской читатель не можетъ составить себѣ понятія. Правда, извиненіемъ переводчику можетъ служить необычайная трудность задачи, про которую еще знаменитый Фр. Авг. Вольфъ выразился, что онъ съ большею охотою и съ меньшимъ трудомъ переведетъ всю Одиссею, чѣмъ — десять сатиръ Горация. При всѣхъ недостаткахъ, переводъ Дмитріева является фактомъ, заслуживающимъ признанія: первые шаги вездѣ трудны и послѣдующимъ переводчикамъ уже гораздо легче идти по разъ проложенному пути.

Въ 1862 году вышла въ свѣтъ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: «Переводы и подражанія И. П. Крешева». Въ ней помѣщены переводы 22 одъ Горация (I, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 20, 22, 25, 34, 38; II, 7, 8, 9, 12, 16, 18; III, 24; IV, 11; эподы 2 и 15). Неизвѣстные издатели заявляютъ въ предисловіи, что, по ихъ убѣжденію, «болѣе удачныхъ переводовъ не было въ нашей литературѣ и что даже талантливый Фетъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, ниже скромнаго поэта, неизвѣстнаго большинству читателей». По внимательномъ сравненіи переводовъ Крешева съ переводами г. Фета, мы не можемъ раздѣлить мнѣнія анонимныхъ издателей: правда, Крешевъ внимательно изучилъ подлинникъ, хорошо владѣетъ стихомъ, имѣетъ поэтическое чутье и, благодаря всему этому, далъ такіе переводы, которые стоятъ неизмѣримо выше переводовъ и Мерзлякова и Орлова. Это можно видѣть изъ сравненія его перевода той же 8-ой оды второй книги:

Я вѣрилъ бы тебѣ, когда-бъ за клятвы всѣ,
 Что ты нарушила, отмстительнымъ урокомъ —
 Хоть почернилъ бы зубъ во вредъ твоей красѣ,
 Постигло-бъ поглотокъ порокомъ.

Но нѣтъ!... Лишь голову свою ты обрекла
 На гибель клятвою, — ты блещешь вдвое краше,
 Прелестнѣй прежняго, и снова увлекла
 На муку юношество наше...

Все съ рукъ тебѣ идетъ! Взываешь ложно ты
 И къ пеплу матери усопшей, и къ свѣтлдамъ,
 Которыя глядятъ безмолвно съ высоты,
 И къ чуждымъ хладной смерти силамъ...

Самой Венерѣ — да!... смѣшно отъ этихъ дѣлъ,
 И нимфы робкія смѣются тихомолкомъ,
 Амуръ же точить лишь запасы ягучихъ стрѣлъ
 Надъ окровавленнымъ оселкомъ.

Вся юность для тебя, замѣть! растеть, рабовъ
 Ватага новая, а прежнихъ неотступный
 Рой, послѣ всѣхъ угрозъ, толнится у столбовъ
 Дворца владычицы преступной.

Боятся матери тебя за сыновей,
 Пугаютъ стараго глушца твои удары,
 И новобрачныя въ тревогѣ, чтобъ мужей
 Твои не обольстили чары.

По близости къ подлиннику, отдѣльныя картины котораго, за немногими исключеніями, нашли себѣ соответствующее выраженіе, по выдержанности тона, по легкости и гармоніи стиха, только что приведенный переводъ на далеко оставляетъ за собою переводы предшественниковъ. Но эти же достоинства, какъ мы надѣемся показать ниже, присущи и переводамъ г. Фета, который, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сумѣлъ подойти къ подлиннику еще ближе, чѣмъ Крешевъ,

вѣрнѣе передать образы и эпитеты оригинала. Нѣсколько доказательствъ:

Jam satis terris nivis atque dirae
Grandinis misit pater et rubente
Dextera sacras iaculatus arces
Terruit Urbem

Крешевъ: Довольно граду и снѣговъ
Отецъ послалъ землѣ, съ размаха
Бросая въ куполы боговъ
Десницей молніи. Далъ страха
И Риму и народамъ....

Г. Фетъ:

Довольно ужъ Отецъ и градомъ, и снѣгами
Всю землю покрывалъ, ничѣмъ не умолимъ:
Ужъ подъ рукой его, красящей грозами,
Трепещеть древній Римъ.

У г. Фета не переведено только выраженіе: *sacras arces* (что Крешевъ не совсѣмъ удачно перевелъ: куполы боговъ) и прибавленъ эпитетъ: древній къ слову Римъ; но затѣмъ подлинникъ выраженъ превосходно. У Крешева пропалъ эпитетъ *dirae*, исчезла картина *rubente dextera*, и прибавлена совершенно ей несоотвѣтствующая: съ размаха.

cur arvicum
oderit campum patiens pulveris atque solis?
cur neque militaris
inter aequalis equitat Gallica nec lupatis
temperat ora frenis?
cur timet flavum Tiberim tangere? cur olivum
sanguine viperino
cautius vitat?

Крешевъ:

Зачѣмъ на площади въ жаръ не видать его,
Хоть не нужна ему ни въ пыль, ни въ зной защита:
Чтожъ между сверстниковъ, доспѣхами звезя,
Не скачетъ онъ верхомъ и, натянувъ поводья,

Не укрощаетъ бѣгъ *строптиваго* коня?
 Давно ли нашъ *пловецъ* боится *мелководья*?
 Давно ли не блестятъ *оливки* сокъ на немъ
 И, какъ ехидны кровь, *противень* сталъ *атлету*?

г. Фетъ:

Зачѣмъ чуждается сообщества борцовъ
 Сносить и пыль и жаръ привыкшіи, какъ мужчина?
 Зачѣмъ не скачетъ онъ въ отвагѣ боевой
 Межъ сверстниковъ, коня изъ Галліи лѣсистой
 Могуче укротя колючею уздой —
 И Тибръ его страшитъ волною золотистой?
 Зачѣмъ, какъ ядъ, ему *противень* сталъ *елей*?

Vile potabis medicis Sabinum
 Cantharis graeca quod ego ipsa testa
 Conditum levi, datus in theatro
 Cum tibi plausus,
 Care Maecenas eques, ut paterni
 Fluminis ripae simul et iocosa
 Redderet laudes tibi Vaticani
 Montis imago.

Крешевъ:

Простаго выпьешь ты вина
 Сабинскихъ лозъ изъ кружки бѣдной..
 Амфора та замѣнена
 Когда въ театрѣ *кликъ побѣдный*
 Раздался, *другъ*, на твой приходъ,
 И тяжкій громъ *рукоплексаній*
 Дрожалъ на лонъ *отчихъ водъ*
 И замиралъ на *Ватиканъ*.

г. Фетъ:

Ты будешь пить изъ чашъ сабинъ недорогой;
Его рука моя въ сосуды наливала
Въ тотъ день, когда, въ театръ приходишь замѣтя твой,
Толпа рукоплескала.
Мой всадникъ дорогой, припомни, Меченать,
Какъ плескамъ тѣмъ тогда отвѣтствовали рьяно
Родные берега, отгрянувши стократъ
На эхо Ватикана.

Приведенныхъ сопоставленій, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что переводы Крешева, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, уступаютъ переводамъ г. Фета въ близости къ подлиннику и въ выдержанности его картинъ и образовъ. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ преимущество должно быть отдано Крешеву, но мѣстъ такихъ немного.

Мы предпослали обзорѣніе главнѣйшихъ переводовъ нѣкоторыхъ произведеній Горація до перевода г. Фета съ цѣлью показать, что труды его предшественниковъ мало облегчали его задачу и что, поэтому, нельзя ставить ему въ особенную вину то, что онъ, повидимому, незнакомъ или мало знакомъ съ ними; укорять его въ этомъ незнакомствѣ было бы справедливо тогда, когда предшественники дали бы ему обильный матеріалъ, которымъ онъ могъ и долженъ былъ воспользоваться.

Трудъ г. Фета дѣлится, какъ и произведенія Горація, на двѣ рѣзко отличающіяся половины: лирическую — оды, эподы и юбилейный гимнъ, и дидактическую — сатиры и посланія. Оды являются въ разбираемой книгѣ изданными вторично. Въ первый разъ онѣ появились въ 1856 г. въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ Отечественныхъ Записокъ. Сравнивая новое изданіе со старымъ, мы видимъ, что оно представляетъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ стиховъ; въ общемъ эти измѣненія представляются улучшеніями, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Старое над.: Онъ *предназначенъ* вновь для
почести тройной....

Намъ выхваляетъ *мнѣ* родимыхъ бере-
говъ

И *мирныя поля*....

Меня-жъ — зеленый плющъ, *премудро*
награда,

Да *хоры* легкихъ Нимфъ и *Фавнозъ* при
лунѣ

Возносятся надъ толпой, *доколѣ* по ста-
рици

Эвтерпа Флейту мнѣ *звончатую* даруетъ

И Полигимнія съ ней *лиру* соизласуетъ....

Уем! *насытился* кровавою игрою

Ты, любящій шеломъ *соимстесный* и
крикъ

И *Марса* пѣшаго надъ вражьюю *головую*
Ожесточенный ликъ....

И *море* изъ всѣхъ вѣтровъ поработитъ
Вдвигаетъ ли волны, *иль* волны *укро-*
щаютъ....

Суровая зима отъ вешнихъ усть слетѣла,
И *споевъ* близится вода съ *иссохнато* руля....

О, Секстъ! нельзя намъ жить съ надеж-
дою большою....

Ни Одисея бѣгъ *деолий* черезъ воды....

Аніо *быстротекущій*, да роши Тибура
и *тими*

Трепетный брегъ *плодопитато* сада....

Доколѣ отъ *сидимъ* ужаснитъ ты далеку

Дотомъ *все* твое, по прихоти желанья,

Поля и площади, и *съ* *земли* *вечерокъ*....

Что прежде скажу *иль* *хвалений* обычныхъ

Отцу и людей и *бессмертныхъ*, который

И *море* и *сушу* *укриль* *съ* *юдичныхъ*

Спикеніалъ Горы?....

Что *жизный* *всперъ* *бьетъ*, и отъ *него* давно

На *мачтѣ* *свищетъ* *все* и *все* сокрушено....

Ни *лезвея* *ножа*, ни *глубины* морскія....

Водилъ *враждебный* *плауъ* по *свержен-*
ныхъ стѣнамъ....

Здѣсь въ жаркій *канникулъ*, за *роцею*
дальной

Сыравтъ на *лири* Тинса,

Споетъ про *любовь* и Цирцея *кристаль-*
ной

И *славной* *супруги* Улисса....

Насъ *учитъ* *бой* *Ланивъ* съ *центаврами*
хищныхъ....

Новое над.: Онъ *предлагается*....

Намъ выхваляетъ *миръ* родимыхъ бере-
говъ

И *городскихъ* *полей*....

Меня-жъ зеленый плющъ, *искусно* на-
града —

Да *между* легкихъ Нимфъ *Сатиросъ* *зе-*
роводъ

Возносятся надъ толпой, *пока* *пере-*
дастъ

Эвтерпа Флейту мнѣ, *мелк* *не* *отвергаетъ*

И Полигимнія *Лесбоса* *пѣснь* *сластаетъ*....

Насытился, *уем!* кровавою игрою

Ты, любящій шеломъ *блестящій*, *бравный*
крикъ

И *Марса* пѣшаго *предъ* вражьюю *толпою*
Ожесточенный ликъ....

И *Адрій* изъ всѣхъ вѣтровъ поработитъ,
Вдвигать ли волны *отъ* *иль* *укрощаетъ* *же-*
ластъ....

Суровая зима отъ вешнихъ усть слетѣла
Рычатъ *умеря* *съ* *боку* *сузато* *корабля*....

Нельзя намъ, Секстѣй, жить съ надеждою
большою....

Ни бѣгъ *деуличнато* Улисса черезъ воды....

Аніо *быстротекущій*, да роши Тибура
и *тими*

Влажнитъ *садовъ* надъ *жизными* *ручьями*....

Пока отъ *сидимъ* *уиромой* ты далеку,

Теперь *еще* твое, по прихоти желанья,

Все: *поле* *Марсово*, и *площадь*, *съ* *вече-*
рокъ....

Мочуль *не* *сопернитъ* *ещицать* *я* *желанье*

Отцу и царю надъ *людьми* и *богами*,

Что *море*, и *землю*, и *мира* *теченье*

Укриль *часами*?....

Порывали *всперъ*, что *рем* *ужъ* давно

На *мачтѣ* *стонутъ* *все*, и *все* сокрушено?....

Ни *Норика* *клинокъ*, ни *глубины* морскія....

Надменно *плауъ* *пускалъ* по *сверженнымъ*
стѣнамъ....

Здѣсь въ жаркій *канникулъ*, за *роцею*
дальной,

Избравши *Теосскія* *стоны*,

Любовь *ты* *соперникъ*, Цирцея *кристаль-*
ной

И *спрной* *споси* *Пенелопы*....

Центавросъ *учитъ* *бой* *съ* *Ланивалъ*
хищныхъ....

Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что въ промежутокъ, протекшій между обоими изданіями, переводчикъ тщательно просматривалъ свой переводъ и внесъ въ него не мало улучшеній. Что касается эподъ, юбилейнаго гимна, сатиръ и посланій, то они, какъ было замѣчено выше, являются въ рассматриваемой книгѣ впервые.

Приступая къ разбору и оцѣнкѣ перевода г. Фета, мы прежде всего считаемъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ о филологическомъ изученіи оригинала переводчикомъ. Хотя въ общемъ изученіе это можетъ быть признано достаточнымъ, тѣмъ не менѣе строгимъ требованіемъ филолога-классика г. Фетъ удовлетворяетъ не вездѣ. Съ какого текста переводилъ онъ и какъ къ нему относился? Изъ отрывочныхъ ссылокъ и указаній мы можемъ заключать, что при переводѣ одъ и эподъ г. Фетъ придерживался текста и объясненій Оббаріуса, при переводѣ же сатиръ и посланій — какого нибудь другаго, изъ не особенно новыхъ изданій. Кромѣ того, судя по ссылкамъ — у него подъ руками были сочиненія: Кирхнера: *Quaestiones Horatianae*, Вебера: *Horaz als Mensch und Dichter*, Л. Миллера: Жизнь и сочиненія Горация, и нѣкоторыя другія. Каковъ бы ни былъ текстъ, положенный г. Фетомъ въ основу его перевода, онъ не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ современному состоянію критически-очищеннаго текста Горация. Такъ, прежде всего, въ немъ еще сохранились такіе стихи и строфы, которые единогласно признаются новѣйшими издателями Горация за очевидно-интерполированныя. Къ такимъ принадлежатъ: 9-я строфа 12-ой оды I-ой книги, 5-ая строфа 11-ой оды III-ей книги, знаменитая 4-ая строфа 8-ой оды IV-ой книги и нѣкоторыя другія. Интерполяцію нѣкоторыхъ отмѣтилъ и самъ переводчикъ. Такъ, къ стиху 56-му 1-го посланія I-ой книги, взятому изъ сатиръ I, 6, 74, онъ замѣчаетъ, что стихъ этотъ кажется ему положительно ошибочной вставкой (что, впрочемъ, признается почти всѣми издателями Горация; срвн. также, что говоритъ переводчикъ о первыхъ восьми стихахъ 10-ой сатиры I-ой книги и о 91-ой ст.

18-го посланія I-ой книги). Совершенно соглашаясь съ его мнѣніемъ, не можемъ не пожалѣть, что того же приговора онъ не произнесъ и надъ другими, столь же очевидными вставками, какъ напр. вышеприведенныя мѣста изъ оды. Если отсутствіе новѣйшихъ критическихъ изданій Горация повело переводчика ко включенію въ переводъ стиховъ очевидно подложныхъ, то тоже отсутствіе имѣло вліяніе и на избраніе чтеній уже устраненныхъ изъ текста и замѣненныхъ болѣе вѣрными или вѣроятными. Такъ, въ переводѣ г. Фета оды II, 6, 19 читаемъ: «любимый безмѣрно Вакхомъ Авлонъ» сообразно нынѣ оставленному чтенію: *amicus Aulon fertili Vascho*; оды II, 13, 14 — «трепещеть лишь Босфора Пунійскій плаватель», сообразно неудобопонятному: *pavita Vosrogum Roenus perhogrescit*; оды II, 20, 14 — «уже несаясь быстрѣй Дедалова Икара», слѣдую невѣрному чтенію: *iam si Daedaleo oscior Icaro*; сатиры I, 6, 75 — «восемь разъ принося за ученье деньги по Идамъ», слѣдую невѣрному чтенію: *ibant octonis referentes idibus aega*; посланіе I, 20, 29 — «въ годъ, какъ Лепида товарищемъ Лоллій привелъ за собою», сообразно нынѣ уже оставленному чтенію *dixit*; посланія II, 2, 44 — «охоту возбудили во мнѣ познавать, что прямо, что криво», слѣдую невѣроятному чтенію: *ut vellem curvo dinoscere gestum*, и нѣкоторыя др. Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ переводчикъ считаетъ нужнымъ указать, что онъ отступаетъ отъ общераспространеннаго (въ довольно отдаленное время) чтенія; такъ, въ одахъ IV, 2, 12 г. Фетъ заявляетъ, что онъ, слѣдую Пеерл кампу, читаетъ въ подлинникѣ *Ile*, а не *Iule*; въ посланіяхъ I, 7, 29 — что онъ, принимая поправку Бенгли, читаетъ *nitedula* вмѣсто *volrescula*.

Но, если мы поставили переводчику въ укоръ недостаточное знакомство съ новѣйшими работами по критикѣ Горациева текста, то, съ другой стороны, должны заявить, что, въ доступныхъ г. Фету изданіяхъ, онъ изучилъ его съ большимъ вниманіемъ и добросовѣстностью. Свидѣтельствуетъ объ этомъ отсутствіе въ его переводѣ значительныхъ ошлябокъ, которыя происходили бы

отъ невѣрнаго пониманія подлинника. Хотя кое гдѣ и попадаются промахи въ этомъ отношеніи, однако они не до такой степени грубы, чтобы заставить перемѣнить высказанное выше сужденіе о вниманіи и добросовѣстности г. Фета. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: Оды II, 2, 1:

Къ блеску сребра, что скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье . . . .

Въ подлинникѣ: *avaris abdito terris*, при чемъ *avaris* согласовано съ *terris* и указываетъ на то, что земля неохотно даетъ скрывающіяся въ ея недрахъ богатства, требуя значительныхъ трудовъ и усилій со стороны человѣка. Комментаторы не безъ основанія видятъ здѣсь намекъ на приски, которыми владѣлъ Саллюстій въ Грайскихъ Альпахъ (*aes Sallustianum* у Plin. N. H. XXXIV, 2). Оды II, 3, 9:

Гдѣ съ бѣлымъ тополемъ огромная сосна
На тѣнь отрадную спѣшитъ соединиться
Вѣтвями длинными, и рѣзвая волна
Съ трудомъ въ излучинахъ струится,
Туда духовъ, вина и радостныхъ цвѣтовъ
Вели намъ принести недолговѣчной розы...
Quo pinus ingens albaque populus
Umbram hospitalem consociare amant
Ramis? quid obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo?
Huc vina et unguenta et nimium brevis
Flores amoenae ferre iube rosae....

Здѣсь вопросы: *quo* и *quid* указываютъ на бесполезность исчисляемыхъ прелестей природы, если только ими человѣкъ не умѣетъ или не хочетъ наслаждаться, а черезъ *huc ferre iube* поэтъ побуждаетъ Деллія къ этому наслажденію, тутъ же намѣстѣ.

И Рима (блюститель закона)
Tu, civitatem quis deceat status
Curas et urbi sollicitus times.

Здѣсь Гораций говоритъ о томъ, что Мecenать заботится о положеніи государства и, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, опасается за Римъ.

Оды IV, 6, 27: Камени римской будь всегдашній покровитель
Летучій Агіей.
Dauniae defende decus Camenae
Levis Agyieu.

Здѣсь levis указываетъ на вѣчную юность Аполлона, изобразившагося всегда безъ бороды и усовъ.

Оды IV, 7, 19: Все то наслѣдника рукъ проминуетъ скупыхъ
Cuncta manus avidas fugient heredis.

Эпитетъ avidus указываетъ на жадность, съ которой наслѣдникъ выжидаетъ полученія денегъ.

Эподы IX, 13: Колья въ ограду тащить да оружіе,
Словно морщявый эвнухъ.
Fert vallum et arma miles et spadonibus
Servire rugosis potest.

Гораций указываетъ на позоръ римскаго войска, которое отдано въ распоряженіе Клеопатрѣ и должно повиноваться ея евнухамъ, составлявшимъ придворный штатъ египетской царицы.

Эподы X, 18: Моляся къ Зевесу самому,
Коль Іонійскій Нотъ сырой,
Взревѣвши разорветъ корму!
Preces et aversum ad Jovem,
Ionius udo cum remugiens sinus
Noto carinam ruperit.

У Горація не упоминается объ Іонійскомъ Нотѣ, а объ Іонійскомъ морѣ.

Сатиры 1, 9, 5: Да пока, говорю, хорошо, да и ты тоже здравствуй.

*Suaviter, ut nunc est, inquam et cupio omnia
quae vis.*

Послѣдняя фраза употреблялась у Римлянъ, какъ вѣжливая форма прощальнаго привѣтствія.

Сатиры II, 1, 39: Но пусть никогда этотъ грифель не тронетъ
Никого изъ живыхъ.

*Sed hic stilus haud petet ultro
quemquam animantum.*

Въ подлинникѣ мысль другая: Горацій выражаетъ не желаніе, а обѣщаніе, ручаясь за безобидный характеръ своихъ сатиръ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что особенно рѣзкихъ промаховъ въ пониманіи подлинника мы у г. Фета не усматриваемъ и переводъ его, въ общемъ, можетъ быть признанъ переводомъ вѣрнымъ. Понявъ писателя въ его формѣ, переводчикъ понялъ и время и среду, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Горацій, и мы не встрѣчаемъ мѣстъ, въ коихъ римскому поэту были бы навязаны русскимъ переводчикомъ мысли и выраженія, не гармонирующія съ общимъ характеромъ и частными деталями эпохи Августа.

Но, при вѣрности перевода г. Фета вообще, онъ не вездѣ можетъ быть признанъ абсолютно близкимъ къ подлиннику. Какъ по отношенію къ близости буквальной, такъ и близости по тону и колориту, можно сдѣлать переводчику не мало замѣчаній. Предварительно, однако, рецензентъ считаетъ себя обязаннымъ заявить, что многія отдѣльныя мѣста римскаго поэта переданы г. Фетомъ весьма близко, что, въ общемъ, тонъ поэзіи Горація

схватенъ весьма удачно и вполне можетъ дать понятіе русскому читателю объ общемъ характерѣ поэзіи Мепенатова любимца.

Особенно много замѣчаній вызываютъ переводы лирическихъ произведеній, что и естественно. Переводя, какъ мы укажемъ въ подробности нѣсколько ниже, оды и эподы Горація римованными стихами, г. Фетъ не имѣлъ возможности передать въ нихъ всѣ выраженія и образы оригинала; онъ старался схватить лишь существенныя его черты и, въ большинствѣ случаевъ, дѣлалъ это удачно. Вслѣдствіе такой оболочки своихъ переводовъ переводчикъ, естественно, долженъ былъ кое-что выпустить, иное прибавить, иногда замѣнить одну картину другою, мѣстами переставить выраженія, измѣнить конструкцію и тому подобное. Строго говоря, все это суть нарушенія требованія возможной близости къ оригиналу, но они извинительны тогда, когда или вызваны необходимостью, или касаются такихъ деталей, которыя не представляютъ чего либо существенно характернаго и поэтому не извращаютъ пониманія подлинника. Посему, въ излагаемыхъ ниже замѣчаніяхъ мы не будемъ приводить всѣхъ мѣстъ, представляющихъ уклоненія отъ оригинала, но перечислимъ лишь тѣ, въ которыхъ, по нашему убѣжденію, переводчикъ перешелъ за предѣлы предоставленной ему свободы и которыя желательно было бы видѣть исправленными при послѣдующихъ изданіяхъ.

Оды: I, 8, 6: «коня изъ Галліи *лѣсистой*». Эпитета этого нѣтъ въ подлинникѣ и онъ не прибавляетъ ничего, представляясь *eritheton otiosum*, потому что кони въ лѣсахъ обыкновенно не водятся. Это слово, правда, понадобилось для римы съ послѣдующимъ: *золотистой* — но врядъ ли позволительно жертвовать для римы поэтической правдой.

I, 10, 2: «Меркурій межъ *древнихъ* дикарей ревнитель просвѣщенія». Въ подлинникѣ: *qui feros cultus hominum recentum-formati*. Эпитетъ, какъ разъ, противоположнаго значенія: имъ указывается не на *древность* людей, а на то, что они только что были созданы и потому еще даже и говорить не умѣли.

ibid. 10. «Въ младенчествѣ твоемъ... угрозы пастыря ты,

мальчикъ, испугался» — *puerum minaci voce dum terret*. Здѣсь мысль передана неудачно: изъ того, что, слушая угрозы Аполлона, малютка Меркурій воспользовался его возбужденнымъ состояніемъ и укралъ у него колчанъ, видно, что онъ вовсе не испугался брани, потому-то въ подлинникѣ и стоитъ: *terret*, что указываетъ лишь на дѣйствіе Аполлона, а послѣдующес: *viduus phagetra* — на результатъ этого дѣйствія.

I, 12, 26: «другаго на *скорыхъ* кулачныхъ сраженьяхъ». Тоже *epitheton otiosum*, не находящійся въ подлинникѣ — кулачныя состязанія могутъ быть и продолжительны.

I, 16, 25: «Но послѣ, *грустную* отвагу замѣнивъ покорной кротостью» — *puer ego mitibus mutare quaeo tristia*. Выше Гораций говорилъ о своихъ ямбахъ, отъ продолженія которыхъ онъ теперь отказывается, вслѣдствіе чего *tristis* не имѣетъ здѣсь значеніе «грустнаго», но «ѣдкаго, оскорбительнаго».

I, 17, 23: «Сюда *преградитъ* Семелей Тіонейскій суровому Марсу дорогу» — *pec Semeleius cum Marte confundet Thyoneus proelia*. Картина въ подлинникѣ иная: Вакхъ представляется сражающимся съ Марсомъ, и притомъ, безпорядочно, чѣмъ указывается на то, что и при попойкѣ дѣло можетъ дойти до пролитія крови, какъ и въ битвѣ.

I, 18, 15: «онъ возбуждаетъ въ пьяномъ порывы гордые хвалить свои дѣла» — *quae subsequitur caecus amor sui et tollens vacuum plus nimio gloria verticem*. Переводъ весьма слабо передаетъ мысль оригинала, въ которомъ говорится, что, подъ влияніемъ Вакха, человѣкъ ослѣпляется себялюбіемъ, ищетъ славы, которая ни чѣмъ не заслужена и которая тѣмъ не менѣе высоко поднимаетъ свою голову.

I, 20, 2: «его моя рука въ сосуды наливала» — *Graeca quod ego ipse testa conditum levi*. Въ переводѣ не передана картина: *conditum levi* и пропущенъ эпитетъ *Graeca*, указывающій на дешевую посуду, выдѣлывавшуюся въ Великой Греціи.

I, 22, 1: «Кто сердцемъ уцѣлѣлъ средь искушеній зла и чер-

наго обмана» — *integer vitae scelerisque purus*. Русскій переводъ представляется перифразомъ.

ibid. 7: «Гидаспъ брега свои *кромитъ* волною». Латинское *lambit* указываетъ на медленное и ровное теченіе рѣки, волны которой «лижутъ» берега.

ibid. 11: «бѣжалъ *во млу древесъ*» — этой картины нѣтъ въ подлинникѣ и она не необходима.

I, 24, 7: «Честь неподкупная, ни Правда» — *incorruppta Fides pudaque Veritas*. Эпитетъ *puda*, оставленный безъ перевода, здѣсь далеко не излишенъ, какъ совершенно параллельный съ *incorruppta*.

ibid. 9: «Онъ палъ, оплаканный вездѣ единогласно» — *multis ille bonis flebilis occidit*. Въ переводѣ является чрезмѣрное усиленіе мысли подлинника, а въ I, 26, 5: «узналъ ли Тиридатъ про козни боевыя?» — *quid Tiridaten terreat?* — чрезмѣрное его ослабленіе.

I, 31, 1: «Чего пѣвцу, склонясь, просить у Аполлона?» — *quid dedicatum poscit Apollinem vates?* Картины: «склонясь» въ оригиналѣ нѣтъ, а *dedicatum*, указывающее на недавнее освященіе Палатинскаго храма, не нашло себѣ мѣста въ переводѣ.

I, 32, 14: «Обители боговъ отрадная самой» — *daribus supremi grata testudo Iovis*. Переводъ слишкомъ далекъ отъ подлинника, въ которомъ указывается на пиршества высочайшаго Зевса, за конми раздаются звуки лиры.

I, 34, 14: «Властенъ высокое богъ преклонить и затмить лучезарное, тьму озаривши». *Valet ima summis mutare et insipia attenuat deus obscura promens*. Вторая картина, хотя и не совсѣмъ отвѣчающая подлиннику, еще возможна, но послѣдняя: «тьму озаривши» совершенно несоотвѣтствуетъ Горациеву: *obscura promens*, чѣмъ обозначается, что божество властно выдвигнуть кого нибудь изъ мрака неизвѣстности.

I, 35, 28: «двойнымъ испуганы ярмомъ» — *ferge iugum pariter dolosi*. Переводъ далекій отъ подлинника, въ которомъ объ

испугѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о коварствѣ друзей, нежелающихъ раздѣлить чужое горе.

I, 36, 9: «Про тоги, прельщавшія взоры» — *mutataeque simul togae*. Переводъ неудачный, такъ какъ въ подлинникѣ говорится о томъ, что Плотій Нумида достигъ совершеннѣтїа одновременно съ Эліемъ Ламіей.

I, 37, 26: «взираетъ смѣло на *грустный* свой чертогъ» — *ausa et iacentem visere regiam*. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе, ибо указывается на разрушеніе чертоговъ Клеопатры.

II, 1, 4: «и *важные* на дѣлѣ союзы дружества вождей» — *gravesque principum amicitias*. Здѣсь *gravis* указываетъ на то, что дружба триумвировъ, послужившая источникомъ гражданскихъ войнъ, была гибельна для государства.

II, 3, 26: «Позднѣй ли, раньше ли, какъ жребій *безъ сознанья* изъ урны выскочить». Выраженія: «безъ сознанья» нѣтъ въ подлинникѣ, да оно и неумѣстно, потому что, разъ рѣчь идетъ о жребіи, сознаніе при этомъ не имѣетъ мѣста.

II, 5, 19: «какъ ночью мѣсяцъ ясный *на глубинѣ* морской» — *ut rixa nocturno genidet luna maris*. Прибавка словъ: «на глубинѣ» является излишней, такъ какъ мѣсяцъ свѣтитъ не только на глубинѣ моря, но отражается и на прибрежной его части.

ibid. 22. «Не диво *знатоку*, и даже *молодцу* его не отличить» — *mire sagaces falleret hospites*. Подъ *hospites* Гораций разумѣетъ Нестора и Одиссея, которые искали на Скиросѣ пероидѣтаго Ахилла.

II, 8, 14: «простыя Нимфы» — *simplices Nymphae*. Этимъ эпитетомъ Гораций обозначаетъ не столько простоту, сколько благодушіе, наивность Нимфъ.

II, 11, 18: «Кто, мальчики, скорѣй покалы дѣльнаго и чуждаго(?) Фалерна опуститъ утушить въ сверкающій ручей?» — *quis puer ocius restinguet ardentis Falerni pocula praetereunte lympha?* Въ русскомъ переводѣ картина измѣнена, и, притомъ, не къ лучшему: опускать бокалы съ виномъ въ ручей есть дѣло

необычное, тогда какъ примѣшивать въ вино воду изъ мимо протекающаго ручья было дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

II, 12, 10: «Ты самъ, о Мecenатъ, расскажешь намъ вѣрнѣй» — tuque pedestribus dices historiis. Упомяваніе «о прозаической исторіи» Мecenата существенно важно, и потому не могло быть опущено въ переводѣ.

II, 18, 3: «На рядъ столповъ не налегаетъ изъ мрамора гиметтскаго брусомъ» — non trabes Hymettiae premunt columnas ultima recisas Africa. И тутъ также не слѣдовало опускать подробности о томъ, что колонны были вытесаны на крайнихъ предѣлахъ Африки, такъ какъ эта подробность сообщаетъ существенную черту картинѣ рисуемаго поэтомъ богатства.

III, 1, 13: «Тотъ, окруженный кліентами *давними*, гордь ихъ толпою» — въ подлинникѣ нѣтъ эпитета «давними», который представляется излишнимъ.

III, 2, 17: «А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей, одною славою блистая благородной» — Virtus repulsae pessima sordidae intaminatis fulget honoribus. Въ подлинникѣ выраженія гораздо болѣе опредѣленны: дѣло идетъ о почетныхъ должностяхъ, honores, которыя кому либо не достаются — repulsa sordida.

III, 4, 3: «И пѣсню звонкую пропой». Въ подлинникѣ эпитетъ longum, сообщающій другой отгѣнокъ, измѣнить который переводчикъ врядъ ли былъ въ правѣ.

ibid. 9. «Разъ на Вольтурѣ, близъ полей родныхъ, ко сну меня склонило». Въ переводѣ пропала интересная черта подлинника: altricis extra limina pergulae ludo fatigatumque somno; въ ст. 61 опущены эпитеты Аполлона: Delius et Patareus; въ 10-й одѣ той же книги, ст. 12, опущенъ эпитетъ Tyrrhenus, приданный отцу Ляки.

III, 11, 39: «Я тестя усыпила, ты обмани сестеръ». Въ подлинникѣ этого противоположенія нѣтъ (socerum et scelestas falle soceros), да оно и не необходимо.

III, 12, 6: «Блестящій Гебръ тебя плѣнилъ. Бѣжитъ ли съ плечъ его душистыхъ влага Повта». — Liragaei nitor Hebri simul

unctos Tiberinis umeros lavit in undis. Въ переводѣ опущены эпитетъ *Liragaei*, и затѣмъ прибавлены чуждыя подлиннику подробности: душистыя плечи и влага Понта. Тамъ идетъ рѣчь лишь о томъ, что Гебръ, какъ атлетъ или палестритъ, омываетъ свои намазанныя масломъ плечи въ волнахъ Тибра.

III, 19, 22: «Пусть услышитъ Ликъ съ сосѣдкою разгула звуки... а Рода по тебѣ вздыхаетъ» — *Audiat invidus dementem strepitum Lycus et vicina seni non habilis Lyco. Spissa te nitidum coma... tempestiva petit Rhode.* Въ переводѣ выражены далеко не всё, и притомъ существенныя детали подлинника.

III, 25, 9: «Такъ не смущается Тиада на вершинѣ Фракіи-ской видомъ горъ въ сіяніи снѣговъ». — *Non secus in iugis exsominis stupet Evhias Hebrum prospiciens et nive candidam Thracen ac pede barbaro lustratam Rhodopen.* И тутъ пропущено много существенныхъ подробностей оригинала.

ibid. 13: «О мощный царь Наядъ, почившихъ надъ волнами!» Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ и они представляются довольно странною прибавкою, ибо что значить, что Наяды почивли (?) надъ (?) волнами?

III, 26, 1: «Еще недавно жилъ я съ *полезью* для дѣвъ» — *vixi puellis purer idoneus.* *Idoneus* обозначаетъ здѣсь то, что лѣта и силы еще недавно позволяли поэту предаваться наслажденіямъ любви; о *полезь* же для дѣвъ не можетъ быть и рѣчи.

ibid. 7: «лукъ, столь годный для войны, громящій по ночамъ упрямыя твердыни» — *arcus oppositis foribus minaces.* Какъ разъ по ночамъ и невозможно стрѣлять изъ лука, такъ какъ въ темнотѣ невозможно прицѣлиться; недаромъ этой невѣрной подробности нѣтъ въ подлинникѣ.

III, 29, 17: «Отецъ Андромеды всегда блеститъ съ Прокіономъ не даромъ; ужь Льва показала звезда» — *iam clagus occultum Andromedae pater ostendit ignem, iam Procyon furit et stella vesani Leonis.* Въ переводѣ опущено много деталей оригинала, вслѣдствіе чего исчезла его картинность.

IV, 1, 3: «Уже не тотъ я, сталъ и нѣтъ во мнѣ огня, которыми я горѣлъ предъ доброю Циварой» — *non sum qualis eram bonae sub regno Cinaerae*. Переводъ вводитъ картину, которой нѣтъ въ подлинникѣ и которая ничѣмъ не вызывается.

ibid. 9: «Ты своевременнѣй на парѣ лебедей домъ Павла Максима роскошный и свободный могла бы посѣтить» — *tempestivius in domum Paulli purpureis ales oloribus commissabere Maximi*. Не простые лебеди везутъ царицу красоты, но пурпуровые или, какъ объясняютъ здѣсь нѣкоторые, ослѣпительно блестящіе; эпитетовъ же: роскошный и свободный (?) нѣтъ въ подлинникѣ.

ibid. 23: «Берецнтіійскій рогъ наполнить звукомъ храмъ». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о «рогѣ», а о флейтѣ — *Berecynthia tibia*.

IV, 2, 28: «съ Матинской сходенъ пчелою, пьющей на тиннѣ отрадную влагу» — *ego apis Matinae more modoque grata carpentis thyma per laborem plurimum*. Переводъ не полно передаетъ подлинникъ, опуская весьма существенную подробность: *per laborem plurimum*, объясняющую стоящее ниже: *oregosa carmina*; съ другой стороны, подлинникъ не говоритъ ничего про «отрадную влагу», которую пьетъ пчела.

ibid. 44: «Дни воспоешь ты веселья и Рима общія, къ радости общей, игрища, также предъ Августомъ смолкшіи на стогнахъ говоръ судьбща» — *Concines laetosque dies et urbis publicum ludum super impetrato fortis Augusti reditu forumque litibus orbum*. По точному смыслу подлинника, игрища празднуются по поводу возвращенія Августа изъ Галліи, а форумъ освобождается отъ процессовъ не передъ Августомъ, а вслѣдствіе такъ называемаго *iustitium*. Странно, что въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ г. Фетъ далъ правильное толкованіе мѣста, не точно переданнаго въ переводѣ.

IV, 3, 7: «Вънецъ стяжавшему дельфійскій за то, что грозные дари отражены» — *neque res bellica Deliis ornatum foliis ducem quod regum tumidas contuderit minas*. Въ подлинникѣ го-

ворится о делосскомъ вѣнцѣ и затѣмъ о сокрушеніи, а не отраженіи кичливо грозныхъ царей Востока.

ibid. 10: «Рощи темныя и плескъ тибурскихъ водъ» — quae Tibur aquae fertile praefluunt et sprissae nemorum comae. Въ переводѣ подлинникъ утратилъ значительную долю своей картинности.

IV, 4, 20: «Откуда къ нимъ зашелъ обычай, что топоръ имъ амазонскій данъ въ десницу *эмъсто пики*, не стану спрашивать.» Слово «*эмъсто пики*» въ подлинникѣ нѣтъ и они представляются странными, какъ будто Винделики обязательно должны были сражаться пикой.

IV, 5, 18: «Обильные плоды Цереры край питаютъ». Въ подлинникѣ къ Церерѣ присоединена еще alma Faustitas. Въ ст. 25 опущенъ эпитетъ gelidus, приданный Сквиоу, а въ 28 fevus, приданный Иберійцу.

ibid. 30: «Къ сухому дереву побѣги лозъ склоняетъ». Въ подлинникѣ деревья названы viduae потому, что въ предшествующія гражданскія войны винодѣліе въ Италіи было почти оставлено. Лозы же сажались и садятся по нынѣ возлѣ зеленѣющихъ, а не сухихъ деревьевъ.

IV, 6, 34: «Оленей на скаку чей укрощаетъ лукъ». Въ подлинникѣ стоятъ еще lynces, т. е. рыси.

ibid. 38: «И той, чей факелъ намъ блеститъ во тьмѣ ночной» — rite crescentem face Noctilucam. Въ переводѣ не выражено обычное наращеніе луны, о которомъ говорится въ подлинникѣ.

IV, 8, 3: «Я бѣ подарилъ, какъ Грекъ, треножникъ выписной» — dovaqem tripodas, praemia fortium Graiorum. Подлинникъ не говоритъ о «выписныхъ» треножникахъ, а о томъ, что у Грековъ они давались какъ награда за побѣду на состязаніяхъ.

IV, 9, 7: «Симонидъ съ Алкеемъ». Переводчикъ опустилъ существенно важный, эпитетъ приданный музѣ Алкея — minaces Camenae.

IV, 10, 5: «Увидя въ зеркалѣ *увядшія* черты» — Ligurinum in faciem verterit hispidam. Рѣчь идетъ о возмужаніи Лигуринна,

который, когда обрастетъ бородой, перестанетъ быть женоподобнымъ красавцемъ.

IV, 11, 7: «Предъ агнцемъ жертвеннымъ, подъ вѣтвями оливы, святой алтарь стоитъ» — *aga castis vincita verbenis avet immolato spargier agno*. Переводъ оказывается слишкомъ далекимъ отъ подлинника.

IV, 12, 4: «рѣчки на просторѣ безъ снѣгу тихая сіяетъ полоса» — *nes fluvii strepunt hiberna nive turgidi*. Переводчикъ измѣнилъ картину, но врядъ ли удачно, такъ какъ большинство рѣкъ въ Италіи суть горныя рѣки.

IV, 13, 18: «Гдѣ красотой облеченное тѣло?» — *descens quo motus?* Подлинникъ говоритъ о граціозности движеній.

IV, 14, 47: «Ты даже сѣдой океанъ усмирилъ, что рвется къ Британцамъ волною холодной» — *Te beluosus qui remotis obstrepit Oceanus Britannis*. Горацій зоветъ Океанъ не сѣдымъ, а населеннымъ различными чудовищными животными; далѣе, выраженіе: «рвется къ Британцамъ» неудачно передаетъ *obstreperae*, обозначающее шумъ Океана у береговъ Британніи. «Холодной волны» нѣтъ въ подлинникѣ, а есть эпитетъ Британцевъ *remoti*, не переданный по русски. Также не переданъ и эпитетъ *durae*, приданный въ ст. 50 *Hiberiae*.

ibid. 52: «Доспѣхи бросать предъ тобой замышляютъ» — *compositis venerantur armis*. Переводъ гораздо слабѣе подлинника, въ которомъ, какъ фактъ совершившійся, упоминается подчиненіе Сикамбровъ Августу.

IV, 15, 22: «Не смѣетъ нашего ослушаться закона» — *non... edicta rumpent Julia*. Здѣсь существенно важенъ этотъ эпитетъ, и потому необходимо долженъ быть переданъ.

Carth. Saec. 5. «Въ книгахъ Сивиллиныхъ, должному насъ научившихъ». Послѣднихъ трехъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ. Точно такъ же въ ст. 14 прибавлены слова: «какъ всегда охраняла». Въ обоихъ случаяхъ прибавки не вызваны ничѣмъ и представляются неумѣстными въ молитвѣ, гдѣ на каждое слово и выраженіе обращается особенное вниманіе.

erod. 2, 4: «Не зная алчности пустой» — *solutus omni faenore*. Русскій переводъ представляетъ собою перифразъ подлинника.

ibid. 35. Опущенъ эпитетъ *ravidus*, приданный зайцу.

ibid. 41: «И дочь Апуліи... она сухихъ вѣтвей надложитъ на очагъ, съ охоты мужа поджидая» — *Pernicis uxor Apuli sacrum vetustis exstruat lignis focum lassı sub adventum viri*. И это есть перифразъ подлинника.

4, 14: «весь иноходцами путь испятналъ» — *Arriam mannis terit*. Совсе не эстетическая картина перевода въ подлинникѣ замѣнена иною, по которой частыя поѣздки Мены стираютъ Анніеву дорогу, ведущую изъ Рима въ его помѣстье.

6, 9: «Ты хоть и по лѣсу въ голосъ несешься» — *tu cum timenda voce complesti nemus*. Переводъ слабѣ подлинника, въ которомъ особую силу имѣетъ слово *timenda*, оставленное г. Фетомъ безъ перевода.

7, 7: «неподатливый Британецъ» — *intactus Britannus*. И здѣсь переводъ слабѣ подлинника, въ которомъ говорится о томъ, что Римская власть и оружіе еще не коснулись Британіи.

9, 17: «Этимъ смутясь, повернули двѣ тысячи Готеовъ коней». Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о Галлахъ или Галатахъ, перешедшихъ на сторону Цезаря.

ibid. 21: «іо триумфъ, что ты ждешь съ колесницами, гдѣ же твой жертвенный волъ?» — *іо triumphe, tu moraris aureos sigrus et intactas boves?* Эпитетъ *aureos* здѣсь существенно важенъ, какъ характерная особенность триумфа, и потому опущенъ напрасно; кромѣ того, у Горація рѣчь идетъ объ *intactae boves*, т. е. объ телкахъ, которыя еще не знаютъ ярма.

ibid. 33: Картина подлинника: *sarapiores affer huc ruer scurphos* замѣнена простымъ оборотомъ: «дай же намъ, мальчикъ, побольше Хіосскаго».

10, 13: «Какъ обратился съ Троя гнѣвъ Паллады на Аяковъ челнъ». Въ переводѣ опущены два существенные эпитета: *usto ab Ilio — in impiam ratem*.

ibid. 21: «Когда же на берегу морскомъ тебя слетятся чайки ѣсть» — *Optima quodsi praeda curvo litore rogesta mergos iuveris*. Картичность выраженій подлинника исчезла въ переводѣ.

11, 12: «тебѣ я твердилъ» — *quererem applorans tibi*. Въ оригиналѣ рѣчь идетъ о жалобахъ и мольбахъ.

ibid. 18: опущенъ эпитетъ *severus*, въ ст. 25 *libera*, въ ст. 26 *graves*, въ ст. 27 *teretis*.

ibid. 21: «гдѣ ляжки протеръ съ двухъ сторонъ» — *quibus lumbos et infregi latus*. Русское выраженіе, довольно неудачное, не даетъ надлежащаго понятія о смыслѣ латинскаго подлинника.

13, 11: «Рослому гѣлгъ же питомцу центавръ *среди пустыни*». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ, да они и невѣрны, такъ какъ Ахиллгъ, какъ извѣстно, обучался у Хирона на горѣ Пеліонѣ, а не въ пустынѣ.

Въ ст. 14 опущенъ эпитетъ *ragvi*, въ 15 — *lubricus*, въ 16 — *certo*.

14, 5: опущенъ эпитетъ: *candide*, который существенно необходимъ въ виду слѣдующаго за симъ *occidis*, которое не слѣдовало переводить: убьешь.

16, 6: «Ни Аллоброгъ, что въ дѣлахъ новыхъ измѣнникомъ сталъ» — *rebusque novis infidelis Allobrox*. Переводъ весьма неудачный: *res novae* обозначаетъ здѣсь тотъ государственный переворотъ, который имѣлъ въ виду произвести Катилина и который сдѣлался извѣстнымъ властямъ, благодаря измѣнѣ ему Аллобрововъ.

ibid. 19: «Оставляя поля и Ларъ и храмы жилие на житье кабанамъ». Слово: «жилие» здѣсь непоятно и не находитъ себѣ никакого соотвѣтствія въ оригиналѣ.

17, 16: «При Одиссеѣ гребцы работящія» — *laboriosi remiges Ulixei*. Здѣсь *laboriosus* отнесено къ самому Улиссу и указываетъ на тѣ затрудненія, которыя онъ испыталъ при возвращеніи на родину.

Сатиры I, 1, 20: Опушено безъ перевода нарѣчіе *merito*, которое здѣсь имѣеть особенную силу, показывая, что гнѣвъ Юпитера совершенно заслуженъ людскою глупостью.

ibid. 29: слово *сауро* передано черезъ «трактирщикъ», въ сат. V, 4—черезъ «торгашъ», что вѣрнѣе.

ibid. 50: «живущимъ по природѣ» — въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно: *intra naturae finis*.

ibid. 70: «на мѣшкахъ, отовсюду стасканныхъ, жадно ты *безсонный* лежишь» — *collectis undique saxis indormis inhians*. Здѣсь *indormire* лучше принимать въ значеніи: засыпать.

ibid. 100: «дерзко напомнивъ собой Тиндариду» — *fortissima Tyn daridagum*. Здѣсь Гораций не имѣеть въ виду укорить отпущенницу, но съ комической важностью отдаетъ ей предпочтеніе даже передъ Клитемнестрой.

ibid. 104: слова *varra* и *nebulо* переведены: «кутля и моть»; въ сат. 2, 12, они же: «моть и негодяй», а въ посл. I, 2, 28, *nebulones* передано черезъ: «бездѣльники». Желательно видѣть болѣе выдержанности въ передачѣ одного и тогоже термина.

ibid. 120: напрасно переводчикъ опустилъ прозваніе Крипиа *lirrus*, которое здѣсь имѣеть значеніе.

I, 2, 30: также напрасно опущенъ эпитетъ *oleus*, приданный слову *fofnix* и весьма живо его характеризующій.

I, 4, 43: «уста громогласны» — *os magna sonaturum*. Здѣсь скорѣе рѣчь идетъ о величавости, возвышенности рѣчи, чѣмъ объ ея громогласности.

ibid. 46: *acer spiritus* переведено черезъ: «мощный вздохъ» несовсѣмъ правильно; здѣсь имѣется въ виду то воодушевленіе, которымъ проникнута истинно поэтическая рѣчь.

ibid. 69 слово: *latro* передано черезъ: «проходимецъ» не совсѣмъ вѣрно; это скорѣе разбойникъ или мошенникъ.

ibid. 90: «мигъ и игривъ и развязенъ» — *comis et urbanus liberque*; въ I, 9, 65 слова: *comis et urbanus* переданы черезъ: «тонокъ и забавенъ».

I, 5, 27: «доблестный тутъ Мепенать». Латинское: *optimus* не соотвѣтствуетъ нашему: «доблестный»; здѣсь оно значить: «добрѣйшій».

ibid. 56: «чахлый Сарментъ» — *prior Sargentus*. Нѣтъ ли тутъ опечатки?

ibid. 71: «Прямо отсюда вошли въ Беневентъ» — *tendimus hinc recta Beneventum*. *Tendere* соотвѣтствуетъ скорѣе нашему: «направляться».

ibid. 98: «Тутъ въ Гнатіи, видно, Нимфами въ злобѣ построенной, смѣхъ намъ былъ» — *dein Gnatia nymphis iratis exstructa dedit risus*. *Iratis nymphis* значить: «при гнѣвѣ нимфъ», при чемъ нѣтъ необходимости понимать, чтобы сами нимфы строили городъ, что и невозможно.

I, 6, 17: «все дивится на подписи да на слѣпки» — *stupet in titulis et imaginibus*. *Imagines* имѣетъ свое техническое значеніе, которое не выражается нашими: «слѣпки».

ibid. 119: «вотъ наконецъ то спать я иду» — *deinde eo dormitum*. Переводъ не совсѣмъ точный.

I, 8, 39: «дрянь Педіатія вмѣстѣ съ Вораномъ пройдохой» — *fragilis Peditia furque Voranus*. *Fragilis* указываетъ на развратную жизнь Педіатія, которому поэтому придано имя въ женскомъ родѣ, а *fur* сильнѣе, чѣмъ наше: «пройдоха» и обозначаетъ прямо вора.

I, 9, 6: «Иль нужно что? я говорю». *Numquid vis? ossuro*. Здѣсь слѣдовало бы передать особый оттѣнокъ глагола *ossuro*, которымъ поэтъ обозначаетъ, что онъ старается предупредить всякое начало разговора съ болтуномъ и вѣжливо съ нимъ прощается.

ibid. 30: опущенъ эпитетъ *nota* при словѣ: *igna*, а въ ст. 31 — *tarda* при словѣ: *podagga*. Оба они характерны, и потому опущены врядъ ли основательно.

ibid. 38: «войди на минутку» — *paullum hic ades*. *Adesse* имѣетъ свое специальное значеніе о такъ называемыхъ *advocati*, которые, являясь на судъ, однимъ своимъ присутствіемъ помо-

гали тяжущимся сторонамъ. Слѣдовательно, здѣсь болтуны не только приглашаетъ Горація войти въ судъ, но и принять, хотя бы косвенное участіе въ процессѣ, какъ лицо близкое къ Меценату, и потому особенно-вліятельное. Этимъ объясняется и послѣдующій отвѣтъ Горація: *inteream si novi civilia iura*.

ibid. 40: «я ухажу, куда знаешь» — *et propterea quo scis*. Въ подлинникѣ гораздо сильнѣе: *et propterea*, что слѣдовало бы выразить и въ переводѣ.

ibid. 50: «меня не тревожитъ ни мало» — *nil mi officit unquam*. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о тревогѣ, а о препятствіи, которое оказывается кому либо со стороны соперниковъ, старающихся занять первое мѣсто. Потому то въ ст. 51 говорится: *est locus unicuique suus*.

ibid. 64: «Жму неупрямыя руки» — *lentissima brachia*. Этимъ эпитетомъ выражается то, что у Фуска руки оказывались нечувствительными къ пожиманіямъ Горація.

I, 10, 6: «Лаберія шуткамъ дивиться». — *Laberi mimos mirer*. Здѣсь слѣдовало бы удержать специальный терминъ *mimi*.

ibid. 7; «Смѣхомъ надсаживать горло слушателей» — *risu diducere rictum auditoris*. Переводъ значительно усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 44: «Варій могуче эпосъ ведетъ какъ никто» — *forte eros aeger ut nemo Varius ducit*. Напрасно въ переводѣ опущенъ эпитетъ *aeger*, характеризующій поэзію Варія, и затѣмъ не точно передано значеніе глагола *ducere*, которымъ вводится сравненіе сочиняющаго стихи поэта съ ткачемъ, ткущимъ матерію.

ibid. 53: напрасно опущенъ эпитетъ *comis*, приданный Луцілю съ точки зрѣнія его почитателей и въ ст. 54 — выраженіе: *gravitate minores*, вводящее основаніе для насмѣшки Луціліа надъ Енніемъ.

II, 1. 3: «другіе находятъ все сочиненное мною безсочнымъ» — *sine nervis altera quidquid compositi pars esse putat*. Если не ошибаемся, русскимъ словомъ: «безсочный» обозначается сочиненіе безсодержательное и неинтересное, тогда какъ словами:

sine pedvis Горацій хочетъ выразить, что одни изъ его противниковъ укоряли его въ отсутствіи всякой силы, мужественности, энергіи.

ibid. 4. «отпустить» — deducere. Сравн. то что, было замѣчено по поводу sat. I, 10, 44.

ibid. 5: «Что же мнѣ дѣлать велишь?» — quid faciam, praescribe. Praescribere имѣетъ здѣсь особый оттѣнокъ, не выраженный въ переводѣ: Требація, знаменитаго юриста, спрашиваетъ Горацій, употребляя при этомъ термины, заимствованные изъ юридической практики.

ibid. 21: «ѣдкими жучить стихами Пантолаба шута и Номентана мотыгу» — tristi laedere versu Pantolabum scutgam Nomentanumque nepotem. Выраженіе «жучить» не точно передаетъ латинское: laedere. Слово scutga, здѣсь переведенное черезъ: «шутъ», во II, 7, 15 переведено черезъ: «кутила», а II, 7, 85 — черезъ: «прихлебатель».

ibid. 31: «вѣрять всѣ тайны книгамъ своимъ, не скрывая, случилось ли съ нимъ что дурное» — neque si male cesserat usquam desurgens alio. Русскій переводъ представляется перифразомъ подлинника, въ которомъ не говорится о томъ, чтобы Луцілій скрывалъ что нибудь, но о томъ, что онъ не обращался никуда, кромѣ книгъ, для того, чтобы подѣлиться своимъ горемъ или радостью.

ibid. 37: «онъ же здѣсь водворенъ, черезъ пустошь на Римлянъ врагъ не накинулся» — quone per vasium Romano incingret hostis. Вѣроятно, въ переводѣ пропускъ или опечатка. Не слѣдуетъ ли читать: черезъ пустошь на Римлянъ врагъ чтобъ не кинулся?

ibid. 61. «О мальчикъ, при долголѣтїи твоёмъ я боюсь, чтобъ изъ знатныхъ друзей кто не поразилъ тебя холодомъ.» — O puer, ut sis vitalis metuo et maiorum ne quis amicus frigore te feriat. Переводъ не совсѣмъ ясно выражаетъ мысль подлинника: Требацій съ одной стороны боится за долголѣтіе своего любимца, такъ какъ вообще, по общераспространенному воззрѣнію, осо-

бенно даровитыя дѣти не живучи, и затѣмъ опасается охлажденія къ нему знатныхъ покровителей. Между тѣмъ, въ переводѣ долголѣтіе представляется какъ нѣчто положительное, въ чемъ Требацій увѣренъ (понимать: «при долголѣтїи» въ смыслѣ: «если только ты будешь долголѣтенъ» врядъ ли кому изъ читателей, незнакомыхъ съ латинскимъ подлинникомъ, придетъ въ голову).

II, 2, 11 опущенъ эпитетъ *velox*, приданный слову *pila* и для него характерный.

ibid. 88: «поздняя старость» — *tarda senectus*. Здѣсь эпитетъ *tardus* имѣетъ переходящее значеніе.

II, 3, 12: «такихъ провожатыхъ» — *comites educere tantos*. Въ подлинникѣ указывается на количество — «столькихъ».

ibid. 25: «домовъ накуплю я на барыши» — *domos mercarier unius cum lucro pogam*. Въ подлинникѣ говорится, что Дамасишъ умѣлъ покупать дома съ барышомъ, съ выгодой для себя.

ibid. 32: «большіе глупцы и ты и всё вмѣстѣ» — *insanis et tu stultique prope omnes*. Въ переводѣ опущено нарѣчіе *prope*, которое значительно ограничиваетъ сужденіе Стертинія.

ibid. 68: «добычу, что явно Меркурій подноситъ» — *quam graesens Mercurius fert*. Слово: *graesens* не имѣетъ въ виду указать, что помощь является отъ божества явно, а не тайно, но на то, что божество, помогая, покровительствуетъ излюбленному имъ человѣку.

ibid. 72: «если его потащишь ты въ судъ — онъ ослабится только» — *malis ridentem alienis*. Этимъ выраженіемъ обозначается, что привлеченный къ суду должникъ, хотя и смѣется, но смѣхъ его неестественъ, потому что за нимъ скрывается внутренняя тревога.

ibid. 80: «или иною болѣзнью» — *aut alio mentis morbo*. Въ подлинникѣ сказано болѣе опредѣленно.

ibid. 86: «дать угощенье какъ Аррій» — *epulum arbitrio Agri*. Въ подлинникѣ пиршество, которое обязаны дать наслѣд-

ники, не зависить отъ сравненія его съ пиршествомъ, даннымъ Арріемъ, но подчиняется его распоряженіямъ.

ibid. 181: «тотъ да будетъ отверженъ и проклятъ» — *is in-
testabilis et sacer esto*. *Intestabilis* имѣетъ специальное значеніе
лица, которому воспрещено выступать свидѣтелемъ и дѣлать за-
вѣщанія, слѣдовательно, лицо граждански ошельмованное.

ibid. въ стихѣ 194 оставлено безъ перевода слово *clagus*,
относящееся къ Ахиллу, а въ ст. 196 — *patrio*, относящееся къ
sepulcro.

ibid. 205: «чтобъ отвести корабли, что застѣли на дальнемъ
томъ берегу» — *ut haerentis adverso litore navis eriperem*. Въ
подлинникѣ гораздо сильнѣе и вѣрнѣе преданію.

ibid. 212: опущенъ эпитетъ *inanis*, характеризующій слово
titulos.

ibid. 234: «спи въ сапогахъ ты на снѣгѣ Луканскомъ, чтобъ
могъ кабаномъ я ужинать, ты изъ зимней пучины мнѣ вытащи
рыбы. Я глѣнтяй недостойнъ владѣть столь многимъ» — *in nive
Lucana dormis ocreatus, ut argum senem ego, tu piscis hiberno
ex aequore verris. Segnis ego, indignus qui tantum possideam*.
Переводъ совершенно произвольно измѣняетъ конструкцію по-
длинника и этимъ придаетъ ему не надлежащій смыслъ.

ibid. 294: «на берегу холодномъ заставивши звать лихорад-
ку» — *in gelida fixum gira februmque reducet*. Переводъ не то-
чень: мать не заставляетъ мальчика звать лихорадку на берегу, но
тѣмъ, что продержитъ его, еле еще оправившагося, утромъ на
холоду, возбуждаетъ въ немъ гибельную болѣзнь.

ibid. 310: опущены слова: *in armis*, кладущія не безын-
тересный штрихъ на обрисовываемую картину: карликъ Турбонъ
кичится, надѣвъ на себя вооруженіе, и этимъ еще болѣе возбу-
ждаетъ смѣхъ.

ibid. 323: «о раздраженіи я умолчу». Въ оригиналѣ гораздо
сильнѣе: *horrendam gabiet*, что, какъ укоръ Горация самому
себѣ, весьма характерно.

II, 4, 66: «отъ тунца Византійскаго, пмъ чтобъ и пахла ку-

бышка» — *sturgia non alia quam qua Byzantia putuit orca*. Въ подлинникѣ главная сила лежитъ въ томъ, чтобы тунецъ былъ изъ Византиума, тогда какъ въ переводѣ — въ его запахѣ.

II, 5, 18: «Чтобъ я Дама свинью прикрывалъ?» — *Utne tegam spurco Damae latus?* Выраженіе: *latus tegere* есть техническое выраженіе про *comites*, упоминаемыхъ въ ст. 16 (гдѣ эпитетъ: *exterior* оставленъ безъ перевода), и потому обозначаетъ просто: провожать, сопровождать.

ibid. 33: «по имени зовъ такъ приятенъ уху» — *gaudent graepomine molles auriculae*. Здѣсь не безъ намѣренія употребленъ эпитетъ *molles*, которымъ обозначается слухъ, доступный для всякой лести.

ibid. 82: «но если однажды — со старикомъ тобою она барышокъ то раздѣлится» — *quae si semel uno de sene gustarit tescum partita lucellum*. Переводъ несовсѣмъ точный: Тиресій говорить, что если Пенелопа раздѣлитъ съ Улиссомъ барышокъ, который она получитъ отъ одного старичка, то . . . и т. д.

ibid. 86: «на юныхъ плечахъ». Въ подлинникѣ: *nudis umeris*.

II, 6, 24: «Эй, смотрико, чтобы прежде тебя другой не пришелъ поручиться» — *Neia, ne prior officio quisquam respondeat urge*. Переводъ оказывается не точно передающимъ подлинникъ: *respondere officio* не имѣетъ значенія: поручиться, но значитъ: соотвѣтствовать своимъ обязанностямъ, исполнять ихъ.

ibid. 35: «подойти» — *adesse*, имѣющее специальное значеніе, разъясненное въ замѣчаніи къ *sat. I, 9, 38*.

ibid. 36 опущено важное слово *tagna*, относящееся къ *res*.

ibid. 39: «отвѣтилъ онъ съ просьбой» — *addit et instat*. Переводъ слабѣе подлинника, въ которомъ рѣчь идетъ о настоящей просьбѣ.

ibid. 46: «и подобное, что легко пропускается ухомъ» — *et quae rimosa bene deponuntur in aure*. Въ подлинникѣ мысль иная: такія вещи, которыя легко, т. е. безопасно слагаются даже въ щелявое ухо, т. е. довѣряются даже такому человѣку, который легко можетъ ихъ разболтать.

ibid. 56 опущенъ безъ перевода эпитетъ *promissa*, приложенный къ слову: *praedia*.

ibid. 58: «всѣ стануть изумляться, какъ тайны одинъ я изъ смертныхъ скрываю» — *ut unum scilicet egregii mortalem atque silenti*. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 75: «что насъ, польза или достоинство къ дружбѣ приводитъ» — *quidve ad amicitias, usus rectumne, trahat nos*. Здѣсь *rectum* есть нѣчто болѣе, чѣмъ достоинство, а именно добродѣтель.

ibid. 77: «Первый сосѣдъ» — *Cervius vicinus*. «Первый» не есть ли опечатка, вмѣсто «Цервій»?

ibid. 78: «старую сказочку» — *aniles fabellas*. Словомъ *anilis* обозначается, что подобныя сказочки особенно любятъ разсказывать старушки.

II, 7, 13: «то онъ щеголемъ въ Римѣ» — *iam moechus Romae*. Переводъ слабѣе оригинала.

ibid. 18 оставлено безъ перевода слово *isdem*, существенно необходимое, потому что Давъ говоритъ не о постоянствѣ въ порокахъ вообще, а о томъ, что Волагерій, оставаясь при однихъ и тѣхъ же порокахъ, оказывается непричастнымъ другимъ.

ibid. 29: «до небесъ превозносишь, чудакъ» — *tollis ad astra, levis*. Последнее слово указываетъ на легкомысленность и непостоянство.

ibid. 41: «чинною рѣчью облекая порокъ» — *verbisque decoris obvolvās vitium*. Эпитетъ *decorus* обозначаетъ здѣсь не «чинную» рѣчь, но такую, которая даетъ пристойную, приличную оболочку пороку.

ibid. 93: «затѣмъ что гнететь властелинъ безпощадный духъ твой, тобою вертитъ и слабѣющаго подстрекаетъ» — *urget enim dominus mentem non lenis et acris subiectat lasso stimulos versatque negantem*. Переводъ представляется перифразомъ, и притомъ гораздо болѣе слабымъ.

II, 8, 88. Опущенъ эпитетъ *pinguibus*, приданный слову *ficis*.

Посланія I, 1, 22: «малолѣткамъ, которымъ такъ тяжекъ

надзоръ материнскій» — *puillis quos dura premit custodia matrum*. Здѣсь имѣются въ виду не родныя матери, надзоръ которыхъ обыкновенно не бываетъ тяжекъ для дѣтей, но мачихи.

ibid. 24: «время, что, замедляя меня, не даетъ мнѣ усердно заняться» — *tempora quae srem consiliumque morantur agendi paviter*. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

ibid. 38 слово: *iracundus* не точно переведено черезъ: «золь».

ibid. 90: «тутъ какимъ же узломъ Протея подобнаго свяжешь?» — *quo teneam voltus mutantem Protea nodo?* Выраженіе: «подобнаго» неудовлетворительно передаетъ: *voltus mutantem* подлинника.

I, 2, 1: «Лолліи, пока краснорѣчіе въ Римѣ ты изучаешь» — *maxime Lolli dum tu declamas Romae*. Напрасно здѣсь оставленъ безъ перевода эпитетъ: *maxime*.

ibid. 29: «молодежь, что свою лишь кожу холить привыкла» — *in cute curanda plus aequo operata iuventus*. Выраженіе: «привыкла» весьма слабо передаетъ: *plus aequo operata* подлинника.

ibid. 45: «дѣвственный лѣсъ подымается плугомъ» — *incultae rasantur vomere silvae*. Выраженіе: «подымается» врядъ ли удачно передаетъ латинское *rasantur*.

ibid. 56: слѣдовало бы передать эпитетъ *certum*, приданный слову: *finem*.

ibid. 68: «къ извѣстнымъ людямъ стремился» — *pupis te melioribus offer*. Подъ *meliores* здѣсь разумѣются люди болѣе просвѣщенные философій, чѣмъ юноша Лолліи.

I, 3, 12: «живъ ли?» — *ut valet?* Гораций спрашиваетъ не о томъ, живъ ли Тицій, а о томъ, здоровъ ли онъ?

ibid. 28: «этому дѣлу и малъ и великъ должны мы предаться» — *huc parvi propegetus et ampli*. Какъ видно изъ всего контекста, здѣсь подъ *parvi* Гораций разумѣетъ бѣдняковъ, а подъ *ampli* — богачей.

I, 5, 4: Оставлено безъ перевода слово *iterum*, дающее опору для опредѣленія времени, когда было написано это посланіе.

ibid. 6: «илъ судьбѣ покоряйся» — *vel imperium fer*. Подъ

imperium здѣсь разумѣется не судьба, а распоряженія Горация, приглашающаго къ себѣ Торквата.

ibid. 7: «уже давно тебя ждутъ очагъ и блестящая утварь» — *iam dudum splendet focus et tibi munda supellex*. Переводъ перестраиваетъ подлинникъ.

I, 6, 8: «рукоплесканьямъ и дружбѣ Квирита» — *plausus et amici dona Quiritis*. Подъ *dona amici Quiritis* разумѣются тѣ почетныя должности, которыя раздаются благорасположеніемъ гражданъ.

ibid. 15: «правдиваго строгимъ» — *aequus iniqui*. Въ подлинникѣ противоположеніе проведено болѣе рѣзко и вѣрно.

ibid. 20: «домой возвращайся послѣднимъ» — *vesperturnus pete tectum*. Гораций говоритъ о возвращеніи домой вечеромъ.

ibid. 38: «лишь деньги имѣй — ты любимецъ Венеры» — *et bene nummatum decorat Suadela Venusque*. Переводъ нѣсколько далекъ отъ оригинала, въ которомъ говорится о томъ, что денежный человѣкъ считается и ораторомъ и красавцемъ.

Въ ст. 54 напрасно оставлено безъ перевода слово *importunus*, которое здѣсь прекрасно характеризуетъ капризное своеволие вліятельнаго избирателя. Точно также оставлено безъ перевода слово *studii* въ ст. 61, тоже существенно необходимое, такъ какъ указываетъ на купанье непосредственно послѣ обѣда, съ несварившейся еще пищей, что признавалось весьма вреднымъ.

ibid. 63: «подобны шальной дружинѣ Улисса» — *remigium vitiosum Itacensis Ulixei*. Подъ *vitiosum* Гораций разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ мы подъ словомъ: «шальной» и имѣетъ въ виду невоздержность спутниковъ Улисса, которые и были за нее наказаны.

I, 7, 6. «И жара посылаетъ могильщику ликторовъ черныхъ» — *Designatorem decorat lictoribus atris*. Подъ *designatores* были извѣстны антрепренеры погребальныхъ процессій, которые должны были, въ случаѣ нужды, поставятъ и ликторовъ, одѣтыхъ въ траурный костюмъ.

ibid. 14: «Калабрійскій хозяинъ, сующій груши» — *piris*

vesci Calaber iubet hospes. Русскій переводъ: «сующій» не совсѣмъ точно передаетъ: *vesci iubet*.

ibid. 21: «этотъ посѣвъ неизмѣнно неблагоприятныхъ рождаетъ» — *haec seges ingratos tulit et feret omnibus annis*. Подлинникъ оказывается сильнѣе перевода.

ibid. 32. Напрасно оставлено безъ перевода характерное нарѣчіе *procul*.

ibid. 40: «сынъ достойный Улисса» — *proles patientis Ulixei*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 44: «не царственный Римъ мнѣ приличенъ, а безлюдный Тибуръ, или Тарентъ безмятежный» — *mihî iam non regia Roma, sed vacuum Tibur placet aut imbelles Tarentum*. Въ подлинникѣ рѣчь идетъ не о приличіи, а о томъ, что нравится, къ чему кто либо чувствуетъ влеченіе; кромѣ того, словомъ *imbelles* указывается не на безмятежность Тарента, а на невоинственность его жителей, которой они были извѣстны еще во времена Пирра.

ibid. 65: «Завтра Вольтея застаётъ Филиппъ, продающаго рухлядь людшкамъ» — *Volteium mane Philippus vilia vendentem tunicato scrutata popello occipat*. О значеніи глагола *occipare* мы сказали въ замѣчаніи къ сатирѣ I, 9, 6; опущеніе безъ перевода эпитета *tunicato* не можетъ быть одобрено. Слѣдующая за тѣмъ фраза: «и велитъ ему кланяться первый», хотя и представляетъ буквальный переводъ латинской: *et salvere iubet prior*, тѣмъ неменѣе не вполне отвѣчаетъ ей по смыслу: *salvere aliquem iubere* значить: желать кому здоровья, кланяться кому, привѣтствовать кого. Слѣдовательно, и здѣсь Филиппъ не велитъ (кому?) кланяться Вольтею, что было бы странно при ихъ личномъ свиданіи, но кланяется ему самъ.

ibid. 93. Напрасно опущено обращеніе Вольтея къ Филиппу: *patrone*.

I, 8, 13: «какъ управляется съ дѣломъ» — *quo pacto rem gerat et se*. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо тутъ важна пе-

редача словъ: et se, объясняющихъ заключительную мысль посланія: ut tu fortunam sic nos te, Celse, feremus.

I, 9, 4: «какъ на достойнаго быть въ разборчивомъ домѣ Нерона» — dignum mente domoque legentis honesta Neronis. Переводъ довольно далекъ отъ подлинника, въ которомъ, сверхъ domus, упоминается еще и mens Neronis, и разборчивость его простирается на выборъ honesta.

I, 10, 20: «вода стремится по трубамъ свинцовымъ» — aqua tendit rumpere plumbum. Картина подлинника исчезла въ переводѣ, а между тѣмъ она поразительно вѣрна дѣйствительности.

ibid. 39: «не ставитъ свободы выше металла» — potiore metallis libertate caret. Въ подлинникѣ сказано гораздо сильнѣе, чѣмъ въ переводѣ.

I, 11, 21 опущено безъ основанія слово: Romae; въ I, 12, 13 — слово velox.

I, 12, 23: «вѣдь Гроссъ лишь того попроситъ, что должно» — nil Grosphus nisi verum orabit et aequum. Переводъ значительно слабѣе подлинника.

I, 13, 1: «толково и долго» — saepe diuque. Saepe не имѣетъ значенія: толково.

I, 15, 12: опущенъ эпитетъ stomachosus, характеризующій слово: eques.

I, 16, 12: «Такъ обилень ручей, что рѣкѣ сообщилъ свое имя» — fons etiam rivo dare potest idoneus. Горацій говоритъ только о возможности, а не о совершившемся фактѣ.

ibid. 40: «почести ложной кто радъ и ложнымъ испуганъ позоромъ, кромѣ того, кто скрываетъ порокъ?» — falsus honor iuvat et mendax infamia terret quem nisi mendosum et medicandum? Последнія слова подлинника переведены не совсѣмъ удачно.

I, 17, 1: «Хоть ты, Сцева, прекрасно совѣтовать самъ себѣ можешь» — quamvis, Scaeva, satis per te tibi consulis. Consulere alicui значитъ: заботиться о комъ либо.

I, 18, 21: «кто метаньемъ костей раззорень, кто алчной Венерой» — quem damnosa venus quem praeseps alea nudat.

Русское слово: алчная не точно передаетъ смыслъ латинскаго *damposa*.

ibid. 24: «кто стыдится быть бѣднымъ» — *quem paupertatis timor et fuga*. Въ подлинникѣ сверхъ стыда прибавлено еще желаніе избѣжать бѣдности.

ibid. 38: «ненавистная дикому лира» — *suspecta severo lyra*. Переводъ несовсѣмъ точный: *suspectus* означаетъ: подозрительный, и *severus* не значить: дикій, каковымъ и не былъ Зеть, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

ibid. 48: «да и поужинай мясомъ, что равнымъ трудомъ вы добыли» — *senes ut pariter pulmenta laboribus empta*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 52 «*virilia arma*» не точно передано черезъ: «боевымъ оружіемъ».

ibid. ст. 64: оставленъ безъ перевода характерный эпитетъ *velox*, относящійся къ *victoria*.

ibid. 73: «коль ступилъ за порогъ ты мраморный знатнаго друга» — *venegandi limen amici*. Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 80: «чтобы служить лишь знакомому» — *ut penitus potum — serves*. Переводъ весьма неудачный, происшедшій отъ смѣшенія глаг. *servare* съ глаг. *servire*; кромѣ того, напрасно переводчикомъ опущено нарѣчіе: *penitus*.

I, 19, 8: «никогда самъ Энній — не воспѣвалъ оружья» — *Ennius ipse — nunquam — prosiluit ad arma dicenda*. Здѣсь не передано картинное выраженіе подлинника: *prosiluit*.

ibid. 28: «*mascula Sappho*» — «властная Саффо». Словомъ *mascula* Гораций хочетъ обозначить, что Саффо была одарена силою ума и таланта, свойственною только мужчинамъ, а не женщинамъ.

ibid. 34: «и въ рукахъ ихъ храниться» — *manibusque teneri*. Переводъ не удачный, такъ какъ въ рукахъ мы только держимъ (что и выражаетъ латинское *teneri*), но не хранимъ.

ibid. ст. 36 напрасно оставлено безъ перевода прилагательное *iniquus*.

ibid. 44: «считая что медь стихотворный лишь у тебя» — *fidis enim manare poetica mella te solum*. Переводъ утратилъ картинность подлинника.

II, 1, 2: «все ненавидеть и гонять» — *fastidit et odit*. Переводъ усиливаетъ подлинникъ: *fastidire* значить: гнушаться, а не гнать.

ibid. 58: «Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сициліюцу во слѣдъ Эпихарму» — *Plautus ad exemplar Siculi propegare Epicharmi*. Эта характеристика Плавта въ русскомъ переводѣ нѣсколько измѣнилась въ томъ отношеніи, что указаніе на быстрый ходъ интригъ въ пьесахъ Плавта (*propegare*) опущено, и введено не находящееся въ подлинникѣ выраженіе: «съ успѣхомъ», которое врядъ-ли вѣрно, въ виду того, что Горацій вообще не высоко ставитъ Плавта и врядъ ли допустилъ бы сопоставить его съ Эпихармомъ; онъ сравниваетъ только ихъ приемы, но не говоритъ ничего объ ихъ относительномъ достоинствѣ.

ibid. 71: «Орбилій драчунъ мнѣ мальчику вбилъ» — *quae plagosum mihi parvo Orbilium dictasse*. И здѣсь переводъ усиливаетъ оригиналъ: *dictare* значить: диктовать, — приемъ общераспространенный въ римскихъ школахъ.

ibid. 85: «пришлось старикамъ забывать, чему въ дѣтствѣ учились» — *quae iuvenes didicere senes perdenda fateri*. Въ подлинникѣ нѣсколько иное: Горацій говоритъ, что старику трудно признаться въ ничтожествѣ того, что, какъ великое и образцовое, онъ изучалъ въ молодости.

ibid. 89 оставлено безъ перевода слово: *lividus*, характерно отгвѣняющее понятіе: *odit*.

ibid. 225: «и какъ тонка проведенная нить чрезъ поэму» — *et tenui deducta roemata filo*. Мысль подлинника нѣсколько иная: Горацій говоритъ о необычайной тщательности во внѣшней отдѣлкѣ стихотворенія, употребляя разъясненную выше (замѣчаніе къ сатир. I, 10, 44) метафору, а не говоритъ о послѣдовательномъ проведеніи мысли чрезъ все содержаніе.

II, 2, 1: «испытанный другъ дорогаго героя Нерона» — *bono*

claque fidelis amice Neroni. Время написанія этого посланія падаетъ на 743 годъ, когда Тиберій былъ еще молодымъ чело-вѣкомъ и не успѣлъ стяжать себѣ славу великаго полководца, вслѣдствіе чего claque здѣсь лучше понимать въ смыслѣ знатнаго происхожденія Тиберія, а bonus — его доброты.

ibid. 26: «съ усилимъ онъ собранъ» — collecta viatica multis aerumnis. Переводъ значительно ослабляетъ выраженія подлин-ника.

ibid. 34: «въ какую крѣпость ворваться» — castellum evertere; это значитъ, скорѣе: разрушить крѣпость.

ibid. 64: «очевидно тѣмъ двумъ ненавистно» — id sane est in- visum acidumque duobus. Слово acidum сообщаетъ новый оттѣ-нокъ, оставленный безъ перевода. Такъ же опущенъ въ стихѣ 72 эпитетъ calidus, характеризующій слово redemptor.

ibid. 97: «Мы получаемъ удары и тѣмъ же врагу отвѣ-чаемъ» — caedimur et totidem plagis consumimus hostem. Пере-водъ перифразируетъ подлинникъ и представляется значительно слабѣе въ сравненіи съ нимъ.

ibid. 112: «слова, въ которыхъ нѣтъ благородства» — raram splendoris habebunt. Splendor, въ приложеніи къ сло-вамъ, обозначаетъ ихъ благозвучность и мѣткость; тоже выра-жается и ниже, въ ст. 116 черезъ: speciosa vocabula rerum, что не совсѣмъ удачно передано черезъ: «предмета достойное слово».

ibid. 121: «богатою рѣчью счастливить» — beabit divite lin- gua. Beare здѣсь соответствуетъ нашему: «обогащать».

ibid. 173: «властною смертью» — morte suprema. Переводъ не совсѣмъ точный, такъ какъ о властности смерти въ подлин-никѣ нѣтъ рѣчи, а говорится о томъ, что смерть есть окончаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній.

ibid. 176: «и господня господину вослѣдъ, какъ волна за волною» — въ подлинникѣ оттѣнокъ другой, вводимый словами: heres heredem.

ibid. 187: «родимой звѣзды покровитель» — natale comes qui

temperat astrum. Здѣсь *temperare* имѣетъ значеніе руководства, управленія.

ibid. 210: «чтишь ли день ты рожденья?» Въ подлинникѣ прибавлено еще характерное *grate*, оставленное безъ перевода.

II, 3, 54: «греческій строй» передаетъ не совсѣмъ точно: *graeco fonte* подлинника, гдѣ рѣчь идетъ не о строѣ, а о составѣ слова.

ibid. 84: Опущено безъ перевода слово: *victorem*, существенно необходимое, такъ какъ лирики воспѣваютъ не кулачныхъ бойцовъ вообще, а только побѣдителей на состязаніяхъ.

ibid. 86: «если ни правилъ я, ни оттѣнковъ въ извѣстномъ твореньи не удержу» — *descriptas servare vices operumque colores.* Переводъ значительно уступаетъ подлиннику: подъ *descriptae vices* разумѣются не правила, но роды поэзіи, которые значительно разнятся одинъ отъ другаго.

ibid. 124: «Ю безпомощна» — *vaga Io.* Переводъ не точный.

ibid. 137: «Участь Пріама пою и жребій войны благородной» — *Fortunam Priami cantabo et nobile bellum.* Выраженіе: «жребій войны» неудачно; кромѣ того, *nobilis* здѣсь имѣетъ значеніе: знаменитый, а не благородный.

ibid. 134: «если ты хочешь, чтобъ зрители ждали спуска завѣсы» — *Si plausoris eges aulaea manentis.* Переводъ слабѣе подлинника.

ibid. 157: «и подвижныхъ и зрѣлыхъ глѣть сохранить выраженья» — *mobilibusque decor naturis dandus et annis.* Подъ *decor* разумѣется здѣсь не только выраженіе, но и весь характеръ, то прѣгов.

ibid. 162: «Яркое Марсово поле» — *arctici gramina campi.* Переводъ не совсѣмъ точный.

ibid. 172 оставлено безъ перевода слово: *iners.*

ibid. 218: «полнымъ сочувствіемъ къ дѣлу добра» — *utili-umque saгах regum.* Переводъ не совсѣмъ точный: *saгах* здѣсь тоже, что *gnavus*: свѣдуцій, опытный.

ibid. 223: «чтобъ такую пріятной завлечь новизною» — *illecebris erat et grata novitate morandus spectator*. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 235: опущено слово *inognata*, вводящее особый отѣнокъ.

ibid. 240: «общій предметъ бы воспѣлъ я» — *ex noto fictum carmen sequar*. *Sequi* здѣсь имѣетъ значеніе: стремиться къ чему либо, и подъ *carmen fictum ex noto* разумѣется стихотвореніе, тема котораго извѣстна слушателямъ.

ibid. 250 оставлено безъ перевода выраженіе: *aequis accipiunt animis*, а въ ст. 259 — слово *gagus*, характеризующее метрическое построеніе стиха Акція и Эвнія.

ibid. 292: «пѣснь отвергайте» — *carmen reprehendite*. Переводъ безъ нужды усиливаетъ подлинникъ.

ibid. 307: «въ чемъ пища и сила поэта» — *quid alat formetque poetam*. Переводъ не совсѣмъ точный, ибо *formare* указываетъ не на силу, но на образованіе: «что образуетъ поэта».

ibid. 309: «старайся правильно мыслить» — *sapere est et principium et fons*. Переводъ значительно ослабляетъ подлинникъ.

ibid. 330 оставлено безъ перевода слово: *aerugo*, здѣсь имѣющее свое значеніе.

ibid. 340: «юный всадникъ не слушаетъ тѣхъ, гдѣ есть поученье». — *Celsi praetereunt austeram poemata Ramnes*. Переводъ значительно отстываетъ отъ подлинника.

ibid. 360: «но сочиненіе огромное вправѣ склонять и къ дремотѣ» — *verum operi longo fas est obrepere somnum*. Мысль подлинника иная: Продолжая вышеприведенную метафору: *quandoque bonus dormitat Homerus*, Гораций говоритъ, что этотъ недостатокъ зависитъ отъ значительнаго объема произведенія, въ которомъ поэтому можно быть и недостаткамъ.

ibid. «кто флейтѣ Пивейской преданъ» — *qui Pythia cantat tibicen*. Точнѣе было бы перевести, это не: «Пивейской флейтой», которой не было вовсе, но: «Пивейской мелодіей», которая употреблялась въ Дельфахъ, на празднествѣ Аполлона.

ibid. 423: «изъ судебного дѣла выручить»—*eripere atris libris implicitum*. Переводъ значительно блѣднѣе оригинала.

ibid. 456: «а мальчишки, гоняясь за нимъ, его беспокоятъ»—*agitant pueri incautique sequuntur*. Здѣсь напрасно оставлено безъ перевода слово *incauti*.

Пусть не посѣтуетъ почтенный переводчикъ на этотъ длинный рядъ замѣчаній; они вызваны прежде всего желаніемъ видѣть слѣдующее изданіе его труда свободнымъ отъ укоровъ въ неточности и вольномъ обращеніи съ оригиналомъ. Затѣмъ, замѣчанія эти нисколько не умаляютъ достоинствъ перевода, въ общемъ, повторяемъ, вѣрнаго и удачно передающаго подлинникъ: видно, что переводчикъ долго вдумывался въ смыслъ оригинала и старался передать его во всѣхъ отгѣнкахъ, начиная съ хода и порядка мыслей и кончая отдѣльными образами и метафорами. Для доказательства приведемъ по одному примѣру изъ обѣихъ отдѣловъ Гораціевыхъ произведеній: вотъ переводъ 4-ой оды второй книги, который можно признать почти безукоризненнымъ:

Ты не стыдись, что увлекся рабою
 Ксантій Фокей: Бризеида смирила
 Бывши въ плѣну, бѣлоснѣжной красою
     Гордость Ахилла;
 Сынъ Теламона, Аяксъ повелитель,
 Стройной Текмессой плѣнился мгновенно:
 Такъ воспылалъ и Атридъ побѣдитель
     Дѣвою плѣнной
 Послѣ того, какъ герой ессалійскій
 Варваровъ смялъ, и за Гекторомъ павшимъ
 Легкой добычей сталъ берегъ фригійскій
     Грекамъ уставшимъ.
 Русой Филлиды родители были,
 Ты и не знаешь, быть можетъ, богаты;
 Вѣрно, въ ней царскую кровь затаили
     Злые пенаты.

Вѣрь мнѣ, что выборомъ можешь гордиться:
 Вѣрности нѣтъ средь толпы ненавистной.
 Можно ль отъ матери подлой родиться
 Столь безкорыстной?
 Руки ея и лице и покатый
 Очеркъ якры, не страшась, выхваляю . . .
 Брось подозрѣнье. Вѣдь я ужь девятый
 Люстръ доживаю.

А вотъ начало 6-ой сатиры второй книги, переданное также въ высшей степени удачно:

Это лишь было въ мольбахъ: клокъ поля не слишкомъ обширный
 Гдѣ бы садъ былъ и близко отъ дома бѣгущій источникъ,
 Да ко всему гѣсокъ небольшой. Пространнѣй и лучше
 Боги послали. Прекрасно. Не буду просить еще больше,
 Развѣ чтобъ эти дары, сынъ Маи, за мной утвердилъ ты.
 Если дурными путями я не умножилъ достатка,
 Если пороками или виною его не умалю,
 Если не стану молить, какъ глупецъ: о хоть бы тотъ уголъ
 Ближній прирѣзать, который теперь искажаетъ все поле!
 О еслибъ денегъ горшокъ судьба, какъ тому, мнѣ послала,
 Что на отысканный плодъ то поле купилъ, что съ найма онъ
 Прежде пахалъ, богатымъ по милости ставъ Геркулеса.
 Ежели тѣмъ, что есть, я доволенъ, прошу объ одномъ я:
 Пусть у владѣльца жирѣетъ и скоть, и все прочее, кромѣ
 Духа и будъ, какъ всегда, моимъ ты защитникомъ вышшимъ.
 Разъ, что въ горы и въ домъ свой изъ города я удался,
 Чтожѣ воспѣтъ мнѣ прежде сатиры и будничной Музы?
 Ни честолюбье не губить меня, ни Австеръ свинцовый,
 Ни вредоносная осень, доходная злой Либитинѣ.

Такихъ, прекрасно переданныхъ мѣстъ не мало въ обоихъ от-
 дѣлахъ и они съ лихвою искупаютъ тѣ неточности, образчики
 которыхъ приведены выше. Благодаря богатству русскаго языка,

которымъ г. Фетъ владѣетъ въ совершенствѣ, ему удалось многія типическія выраженія подлинника передать почти съ буквальною точностью. Нѣсколько примѣровъ: *saligno fuste dolat*—«ивовой палкой началъ *тесать*»; *ad unguem factus homo*—«человѣкъ *лощенный подъ ногу*»; *summum properabat lambere tectum*—«собирался *лизать* высокую крышу»; *quem rodunt omnes libertino patre natum*—«всѣ *грызутъ* меня, отца отпущенника сына»; *expressa arbusto regerit convicia*—«*дубоватымъ* отвѣтилъ ругательствомъ»; *ultra perfectum traheretur*—«внѣ совершенства въ слѣдъ *волоклось бы*»; *plerumque recoctus scriba ex quinqueviro*—«нерѣдко писецъ *испеченный* изъ пяти-гласнаго»; *pos pumegus sumus*—«мы вѣдъ только *нуми*». Эти и имъ подобныя мѣткія передачи значительно возвышаютъ достоинство перевода г. Фета.

Переходимъ къ отчету о внѣшней формѣ перевода. Лирическія произведенія Горация переданы, за немногими исключеніями, рифмованными стихами; объ этомъ приемѣ самъ переводчикъ говоритъ во введеніи слѣдующее: «Оды Горация, какъ и вообще произведенія античной лиры — гѣсни, музыка съ опредѣленнымъ, часто весьма причудливымъ метромъ, которому подражать на новѣйшихъ языкахъ невозможно, а гѣснь, какъ стрѣла, требуетъ быть оперенной. Въ нашихъ условіяхъ это достижимо только при помощи рифмы». Вѣрность взгляда г. Фета на такой, а не иной способъ передачи древнихъ лирическихъ произведеній подтверждается сужденіемъ такого глубокаго знатока античной музыки, какъ Вестфаль; вотъ что говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ Каталлу, переведенному имъ также рифмованными стихами: «Wenn ich daher einen meinem Herzen nahe stehenden antiken Dichter «in mein geliebtes Deutsch übertragen will», so kann ich nicht umhin, ihn nicht bloss in fließender deutscher Zunge, sondern auch in deutschen Reimen reden zu lassen; denn der Reim ist nun einmal das harmonische Element, welches der ganzen Richtung unserer musischen Kunst gemäss an die Stelle der rhythmischen Formenfülle des Alterthums getreten ist». Нѣтъ нужды распространяться и доказывать, что г. Фетъ стихомъ и

римою владѣеть съ рѣдкимъ мастерствомъ и это мастерство еще болѣе приближаетъ его переводъ къ подлиннику: и Гораций въ совершенствѣ обладалъ латинскими лирическими метрами, которые отличаются у него съ одной стороны необычайною законченностью отдѣлки, а съ другой — непринужденностью. Эти же достоинства видимъ мы и у русскаго его переводчика. Метры г. Фета отличаются разнообразіемъ и оригинальнымъ сочетаніемъ стопъ, придающимъ особую прелесть переводу; сочетанія эти особенно часты въ эподахъ, отличающихся по своему метрическому строенію отъ одъ — новая черта, приближающая переводъ къ подлиннику. Римы г. Фета отличаются рѣдкою полнотою и благозвучностью. Лишь весьма немногія мѣста вызываютъ замѣчанія, потому что г. Фетъ рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ формамъ, которыя прямо вызывались бы стихотворною нуждою. Къ такимъ случаямъ прежде всего надобно отнести собственныя имена, въ которыя иногда вводятся неправильныя формы и на которыхъ изрѣдка ставится неправильное удареніе. Таковы: Япѣгу (I, 3, 4; III, 27, 19), Пеленда (I, 6, 6), Гесперцевъ (II, 1, 31), сиртамъ (II, 6, 3; 20, 15; эпод. 9, 30), Фратъ (см. Фраатъ II, 2, 10), Постумій (см. Постумъ II, 14, 1), Либѣръ (II, 19, 8), Баѣ (см. Баяхъ III, 4, 24), Ламія (см. Лама III, 17, 1), Бибѣла (III, 28, 8), Ауфѣда (IV, 9, 3, 14, 25, но въ III, 30, 9 — Ауфидъ), Квиритъ (см. Квиритовъ IV, 14, 1), Хремъ (см. Хреметъ эпод. 1, 34), Іонія (какъ трехсложное слово 3,54), Бупалу (6, 14), Австеръ (10, 3), Вольтуръ (III, 4, 9); подобныя же особенности, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ, видимъ мы и въ именахъ нарицательныхъ и другихъ словахъ, какъ напр.: лукá (I, 29, 7), благообразныя преклонности дожждаться (I, 31, 19), варили эту трáву мнѣ иль злую свѣдь (эпод. 3,7), деньгами (4, 5). Что касается языка, которымъ переведены лирическія произведенія Горация, то и онъ, при вышеозначенномъ мастерскомъ обладаніи имъ со стороны г. Фета, оказывается почти безупречнымъ: рѣчь его гладка, естественна, удобопонятна; лексикальный ея составъ, за рѣдкими исключеніями, замѣчаній не вызываетъ. Вездѣ видно,

что переводчикъ является полнымъ хозяиномъ въ близко знакомой ему области, что онъ опытною рукою распоряжается составляющими его полную собственность сокровищами русской рѣчи. Приводить доказательства только что сказаннаго считаемъ излишнимъ; но не бесполезнымъ признаемъ сдѣлать нѣсколько указаній на слова и фразы, представляющіяся намъ отчасти странными, отчасти неудачными:

«Алкида-ль прославию иль *мальчиковъ* Леды» (I, 12, 25); кажется, что здѣсь ближе было бы къ величавому и торжественному тону оды слово: отроковъ.

ibid 33: «древнѣйшаго-ль трона я вѣкъ воспую». Выраженіе: «вѣкъ трона» представляется намъ неудачнымъ.

I, 28, 21: «Орiona *исхожаго* бѣшенный спутникъ». Врядъ ли слово: «исхожій» (*devexus*) употребляется про заходящее созвѣздіе.

II, 8, 9: «въ пользу лгать тебѣ погребеннымъ прахомъ матери и всѣмъ молчаливымъ небомъ, *звѣздъ* *ночныхъ* и чуждыми вѣчно-хладной смерти богами». Предполагая даже, что запятая, стоящая между словами: «небомъ» и «звѣздъ», есть опечатка, все же выраженіе: «небо звѣздъ» представляется страннымъ.

II, 13, 11: «на полѣ у меня *тебя*, несчастный стволъ». Соединеніе двухъ одинаковыхъ формъ личныхъ мѣстоименій представляется намъ какофоніей; такимъ же кажется намъ и ст. 10-й 14-й оды второй книги: «плодами своими хотя *бы мы были*».

II, 18, 18: «ты, полумертвый, подряжаешь каменотесовъ *за день похоронъ*» — мы ожидали бы: «за день до похоронъ» или: «наканунѣ похоронъ».

III, 18, 14: «и сыплеть боръ тебѣ *пустынные* листы». Эпитетъ: пустынный» (*agrestis*) врядъ ли идетъ къ слову: листы.

IV, 8, 1: «дарить и чашами и мѣдью дорогой, о Цензорингъ *бы* я товарищей старался». Разстановка словъ неудачна.

IV, 3, 22: «сказавъ ли про меня: вотъ римскій нашъ *гусларь!*» Слово «гусларь» (*fidicen*) въ литературномъ языкѣ не употребляется.

IV, 13, 10: «онъ и тебя *то* за *то* покидаетъ» — стихъ неблагозвучный.

Врядъ ли удачны новообразования: «властелинка» (Самг. заес. 35), «ядотворка» (эпод. 5, 72), «мочливый Эвръ» (16, 53).

Эпод. 5, 13: «стоялъ мальчикъ съ обнаженнымъ отъ дѣтскихъ одеждъ знатымъ тѣломъ» — выраженіе неудачное.

Эпод. 7, 12: «такъой ни у волковъ нигдѣ и у львовъ повадки нѣтъ, ужь развѣ на звѣрей иныхъ» — конструкція, также представляющаяся намъ неудачной.

Эпод. 15, 14: «онъ не потерпитъ, чтобъ ты отдавала избраннику ночи, къ *роотъ* въ сердцахъ онъ пойдетъ». Это вульгарное выраженіе мало гармонируетъ съ общимъ тономъ эподы.

Переходимъ къ обзорѣнію втораго отдѣла перевода г. Фета, сатиры и посланій, переданныхъ, какъ и естественно ожидать, гекзаметромъ. И этимъ метромъ владѣетъ переводчикъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, вводя въ него различныя особенности, не замѣчаемыя въ гекзаметрахъ Гнѣдича и Жуковского. Прежде всего, стихъ г. Фета отличается разнообразіемъ въ чередованіи стопъ дактилическихъ и спондаическихъ, чѣмъ значительно приближается къ гекзаметру самого Горация. У римскаго поэта это разнообразіе доведено до высокой степени технического совершенства, проявляющагося, между прочимъ, и въ томъ, что то или другое сочетаніе стоитъ въ близкой, даже непосредственной связи съ содержаніемъ. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и у русскаго переводчика: и у него скопленіе спондеевъ картинно рисуетъ содержаніе серьезное и важное, и, наоборотъ, преобладаніе дактилей — соответствуетъ игривому разсказу или оживленной аргументаціи. Понятіе о рѣдкомъ мастерствѣ, съ которымъ г. Фетъ владѣетъ гекзаметромъ, можно составить по слѣдующимъ начальнымъ стихамъ 5-ой сатиры первой книги:

Изъ великаго Рима мнѣ шедшему скромнымъ пріютомъ
 Стала Ариція: Геліодоръ со мною былъ, риторъ
 Самый ученый изъ Грековъ: затѣмъ и Аппія форумъ
 Весь набитый матросами да торгашами плутами.

Этотъ, лѣнивцы — мы переходъ раздѣлили, хоть легкимъ
 Людямъ онъ на день: не такъ утомительна Аппія тихимъ.
 Здѣсь изъ за гнусной воды войну объявилъ я желудку
 И съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока сопутники ужинъ
 Кончили свой. Ужь ночь приближалась готовилась землю
 Тѣнью покрыть и по небу разсыпать ясныя звѣзды:
 Тутъ наши слуги съ гребцами, гребцы со слугами вступили
 Въ споры. — «Причаливай тутъ» — «Ты триста готовъ напихать
 ихъ».

«Стой, довольно!» Пока разошлись да мула прицѣпили
 Цѣлый часъ прошелъ. Комары да лягушки въ болотѣ
 Сонъ разогнали. А тутъ отдаленныхъ подругъ воспѣвають,
 Кислымъ налиты виномъ, какъ лодочникъ, такъ и погонщикъ
 Другъ передъ дружкой: однакожь усталый погонщикъ склонился
 Въ сонъ, а веревку съ мула, что пущенъ пастися, лѣнивый
 Лодочникъ привязалъ за камень, и навзничъ самъ дрыхнетъ.
 День ужъ насталъ, когда мы услышали, что лодка ни мало
 Не подвигается: тутъ одинъ запальчивый, прынувъ
 По головѣ то мула, то хозяйна ивовой палкой
 Началъ тесать: въ четвертомъ часу мы только пристали».

Другою особенностью гекзаметра г. Фета слѣдуетъ поста-
 вить введеніе имъ двухъ повышеній голоса въ одномъ словѣ: эта
 особенность допускается имъ въ словахъ многосложныхъ, которыя
 поэтому скандируются съ двумя арсисами. Для непривычнаго уха
 такой пріемъ можетъ показаться сперва страннымъ, но при даль-
 нѣйшемъ чтеніи ухо къ нему привыкаетъ. Таковы слѣдующіе
 стихи:

Грѣхъ съ отпущенницѣй и съ чужбою женбою все тотъ же;
 Чтѣ пѣснопѣніямъ да лдѣми все извращаютъ;
 Пѣселѣннѣ съ той поры, какъ по дрѣвнимъ преданьямъ Сабельцы;
 Необъязженной тебя истомила, иль Римскій;
 Сѣтуя плачешь: я спрашиваю: не постѣпишь ли лучше;

Я' ихъ съ яблоками́ подаю; винный ка́мень я пёрвый;
 Ка́менщикъ свой снарядъ. Коль бра́чное лѣже есть въ до́мѣ;
 Греція съ ва́рварами́ запу́талась до́лгой войно́ю;
 Стра́ждущему́ пода́грой и цѣтры уша́мъ засоре́ннымъ;
 У́жива́тъ его́ пригласі́. Но не вѣрится Мѣнѣ;
 До́ тѣхъ по́ръ, что засале́нныя затряса́лись его́ ру́ки;
 Пѣрвосвяще́нниковъ, старинныхъ гада́телей свѣтки;
 Гу́сляры́ и борцы́ превы́ше иску́сныхъ Лхѣйцевъ;
 Стра́жи, носі́льщики, за́ввѣальщи́ки, прижива́лки;
 Лѣка Вели́каго А́лекса́ндра. 'Если́бъ тако́е;
 Ма́лая нейдѣ́тъ къ твоему́ вели́чью, ни скромно́сть;
 То́, если вѣ́рять зако́нникамъ, пользо́ванье усво́яетъ;
 Чтѣ́ нашель не бо́льше оста́вленнаго́; но жела́ю;
 Но́выя имена́? Дозво́лено бы́ло и бу́детъ;
 Съ Ме́ссало́й, а бога́тствомъ съ Касце́лліемъ 'Авломъ.

Мѣстами же, въ гекзаметрахъ г. Фета встрѣчается и явленіе обратное, т. е. исчезновеніе ударенія въ словѣ, его обыкновенно имѣющемъ, напр.

Три́ раза Ти́брь пере́плы́ть до́лженъ крѣпкаго свѣ́ восхотѣ́вшій;
 Ту́тъ мѣня́ ста́лъ онъ учи́тъ, что медо́выя я́блоки кра́сны.

Изрѣдка встрѣчаются стихи, метрическое построеніе которыхъ представляется не совсѣмъ удачнымъ; таковы:

Отъ роду безъ году осьми десятковъ, хоть много подстилокъ;
 Сбыться надеждамъ велить, труса толкаетъ въ сраженья;
 Кончилъ однажды дѣла́ около часу осьмаго;
 Стань его хвалить некстати, онъ брыкнется въ острастку;
 Горы сплошныя, прорѣзанныя тѣнистою долиной;
 Этому злу чуть немного зло противоположно;
 Деревенская грубость въ неуклюжихъ ухваткахъ;
 Съ помощниками въ трудахъ, съ дѣтьми и вѣрною женою;
 И смѣшны ль тебѣ мы, и чудеса маги и вѣдьмы;
 За короткимъ слогомъ долгіи́ ямбомъ зовется.

Мѣстами переводчикъ прибѣгаетъ къ измѣненію ударенія противъ общепринятаго, изрѣдка вводитъ формы мало употребительныя, изрѣдка вставляетъ частицы, очевидно, по требованію стиха, кое гдѣ допускаетъ необычную разстановку словъ; напр.:

Ртомъ что можетъ тащить...

... могучій Ауфидъ увлекаетъ;
 ... поплатиться деньгами, спиною и безчестьемъ;
 ... и самъ Гермогенъ то Тигеллій;
 ... сосѣдняя съ Тривикомъ вилла;
 ... воды кувшинѣмъ тамъ не больше;

Что дѣдовскѣ добро...

.... почему овощи и пшеница;
 .... умирающихъ Галловъ иль съ коней;
 .... изъ того же яйца порожденный;

Голову, броситься въ рѣку...

Или честная сестра и родина...

.... иль помойную трубу;
 .... шейный платокъ, какъ тотъ хмѣльный;
 .... у Вертумніевъ всѣхъ при рожденіи проклять;
 .... соперника Баи блестящей;

Что же Парись-то?...

Сходятъ съ ума то пари...

.... съ часу на часъ все медлить.

Замедляетъ ли васъ Эракія...

.... въ Тибурѣ же Римъ восхваляю;
 .... или мимъ вторую ролю играетъ;
 .... иначе какъ хмѣльный;

Въ годъ какъ Лепида...

Въ Габіи или Тибурѣ...

.... помянутый побѣгъ не смущаетъ;

Съ гордостью то какой...

Льетъ дары въ Лаціумъ...

.... кустарникъ въ пашню обращаетъ;

И-ночные лемуры...

У Цетегъ препоясанныхъ....

И прогнѣванный Хремъ....

Общій предметъ бы воспѣтъ я....

Быль говорить Теспісъ....

Выручить, я бѣ изумился когда бѣ....

Не отстанетъ какъ пьявка....

Но всѣ эти уклоненія суть ни что иное, какъ частности, несколько не нарушающія того общаго впечатлѣнія, которое производятъ на читателя прекрасные гексаметры г. Фета. Рѣчь и тонъ перевода также вполне подходятъ къ рѣчи и тону подлинника; это не есть чопорный и надутый языкъ перевода Дмитриева, а точно такая же середина между языкомъ литературнымъ и рѣчью разговорной, которая составляетъ отличительную особенность Горациевыхъ *sermones*. Переводчикъ съ большимъ тактомъ пользуется и разговорной и, даже, простонародной рѣчью, и только въ исключительныхъ случаяхъ переступаетъ предѣлы дозволеннаго. Къ таковымъ относимъ мы выраженія: жена *плодущая* въ домѣ (зат. II, 5, 31), *амъ* ниже надежды (посл. I, 6, 13), Давъ говорить ли и *пройда* (посл. II, 3, 237). Изрѣдка попадаются фразы неловкія или ненужныя повторенія:

Издагь указъ, *чтобъ кромъ никто* Апеллеса его бы

Не писалъ иль кромѣ Лизиппа не легъ бы изъ мѣди

Лица Великаго Александра . . . .

Въ лѣсъ не безумнѣ *ты* дрова понесешь, чѣмъ затѣешь

Сонмъ великій писателей греческихъ *ты* приумножить . . . .

Этотъ мѣняетъ товаръ съ восходящаго *солнца* до самыхъ

Странъ вечерняго *солнца* . . . .

Къ подобнымъ же неловкостямъ относимъ и употребленіе безъ перевода латинскихъ словъ, въ родѣ: маны, соккъ, лемуры и тому под.

Высказываемъ вкратцѣ наше мнѣніе о переводѣ г. Фета: въ немъ мы видимъ явленіе въ нашей литературѣ выдающееся, заслуживающее признательности со стороны всѣхъ, интересующихся ея развитіемъ и вполне достойное высшей награды.

Отчетъ нашъ о трудѣ г. Фета былъ бы не полонъ, еслибъ мы не коснулись примѣчаній, которыми переводчикъ снабдилъ свой переводъ. Примѣчанія эти рѣзко распадаются на двѣ группы: одна имѣетъ въ виду указать хронологію Горациевыхъ произведеній, разъяснить собственныя имена и техническіе термины, другая — прослѣдить связь между отдѣльными мыслями, уяснить тотъ или другой взглядъ Горация на различныя литературныя явленія. По достоинству, вторая группа стоитъ несравненно выше первой: г. Фетъ вездѣ умѣлъ уловить связь мыслей Горация и съ вѣрнымъ чутьемъ понялъ его взгляды на литературу; особыхъ замѣчаній этотъ отдѣлъ его разъясненій не вызываетъ. Но за то пришлось бы привести длинный рядъ указаній на неточности и даже ошибки, которыя вкрались въ примѣчанія, относящіяся къ разъясненію собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ; какъ образчикъ, можно привести два, три примѣчанія: Марзы — народъ воинственный въ западной Африкѣ, у подошвы Атласа, въ сосѣдствѣ Нумидійцевъ (стр. 8, прим. 39); Пимплея — Муза, названная отъ Пимплы или Пимплея, рѣки еракійской, посвященной Музамъ (стр. 34, прим. 7); отецъ упоминаемыхъ въ немъ Пизоновъ сыновей (Люцій, Кальпурній, Пизонъ) велъ свой родъ отъ сына царя Нумы (стр. 447) и т. д.

Да позволено будетъ высказать по этому поводу наши пожеланія: пусть при послѣдующемъ изданіи почтенный переводчикъ приметъ во вниманіе нѣкоторыя важнѣйшія пособія какъ для изученія Горация (напр. Franke: fasti Horatiani), такъ и вообще для знакомства съ классической древностью (напр. лексиконы Любкера и Смита) и воспользуется ими для пересмотра и передѣлки своихъ примѣчаній. Пусть также исправитъ онъ и загла-

віе своего труда, поставивъ вмѣсто: К(ай) Горацій Флаккъ — Кв(интъ) Горацій Флаккъ.

Основываясь на такомъ приговорѣ одного изъ самыхъ компетентныхъ въ настоящемъ дѣлѣ судей, Академія тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ увѣчала русскій переводъ Горація полною пушкинскою преміей, что увидѣла въ этомъ случай выразить свое уваженіе къ писателю, издавна занимающему почетное мѣсто въ русской литературѣ и нынѣ же обогатившему ее еще другимъ замѣчательнымъ трудомъ — полнымъ поэтическимъ переводомъ обѣихъ частей Фауста, на что не рѣшался до него ни одинъ изъ переводчиковъ знаменитой нѣмецкой трагедіи.

Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, въ засвидѣтельствованіе своей благодарности за содѣйствіе постороннихъ ученыхъ при разсмотрѣніи подлежащихъ ея оцѣнкѣ трудовъ, присудило золотыя медали рецензентамъ ихъ: И. В. Помяловскому и Г. С. Дестунису; а затѣмъ приноситъ искреннюю свою признательность и А. Н. Майкову за дѣятельное участіе, принятое имъ въ совѣщаніяхъ комиссіи по бывшему конкурсу.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XXXVI ТОМЪ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ номеръ статьи; остальные же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

- Адоуровъ, Вас., ученикъ Академіи Наукъ. **2.** 10.
Александръ Великій. **3.** 248. 370. 405.
Амфилохій, архим. См. Ягичъ.
Антоновичъ. Его историч. пѣсни Малор. пар. **3.** 124. 279. 373. 403.
Аррій. **4.** 38. 39.
Афанасьевъ. **3.** 9. 43. 44. 341. 346. 347. 350. 388, 392.
Байронъ. **2.** 18.
Баратынский. **2.** 18. 21.
Барковъ, переводчикъ Горациа. **4.** 6.
Барсовъ. **3.** 34. 119. 123. 126. 134. 151. 152. 161—163. 172. 238. 249. 275. 280. 350—352. 354. 357. 360—367.
Баталитъ, Н. Его Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. **3.** 173. 188. 189.
Батюшковъ К. Н. **2.** 18.
Башмаковъ. **4.** 269.
Безсоновъ. Его Болгарскія пѣсни. **3.** 10. 13. 122. 267. 288. 296. 384. 405.
Бенгли. **4.** 18.
Бергманъ. **3.** 14

Бергъ, переводчикъ Горациа. 4. 7.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. 3. 274.

Бодянский. Его Шестодневъ Іоанна Эмзарха Болгарскаго 3. 335.

Боккаччіо. 3. 387.

Браунс. 3. 326.

Брунъ. 3. 122. 178. 272. 304.

Бруно. 3. 173.

Брунгъ. 3. 71.

Буслаевъ, О. И., акад. Его отзывъ о программѣ изслѣдованія г. Киричникова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». II. XII. XIII.—Его трудъ подъ заглавіемъ «Русскій лицевой Апokalипсисъ, сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокаліпсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX». 2. 4.—3. 13. 26. 45. 81. 357. 360—365.

Бычковъ, А. О., акад. Его отзывы: а) о первомъ выпускѣ составленнаго г. Романовичемъ Вѣлорусскаго Сборника и б) о находящейся у архимандрита Никодима Милаша древне-славянской рукописи. XIII—XV. — Издавъ X-й томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей и готовилъ къ издаванію вторую часть описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Императорской Публичной бібліотеки. 2. 2. 3.

Бэръ. 3. 178.

Бюддигеръ, М. 3. 2.

Вагнеръ. 3. 1. 2. 55. 254. 359. 405. 407. 408.

Вайтцъ. 3. 359.

Ваккернагель. 3. 10. 327.

Варій. 4. 86.

Веберъ. 4. 17.

Вейль. 3. 73.

Вейсбергъ, переводчикъ Горациа. 4. 7.

Вейсманъ. 3. 179.

Вердеревскій, переводчикъ Горациа. 4. 7.

Веселовскій, А. Н., акад. Его занятія познанской рукописью XVI вѣка, содержащей древнѣйшій текстъ трехъ русскихъ новѣстей. XIII. — Имъ приготовленъ къ печати трудъ его «Матеріалы и изслѣдованія по исторіи романа и новѣстей». XV. — Онъ продолжалъ свои изслѣдованія о южно-русскихъ былинахъ и напечаталъ 2-й выпускъ этого труда. 2. 5.—Напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія двѣ статьи, рассматривающія источники сербской поэмы объ Александрѣ. 2. 6.—Его южно-русскія былины (III—XI). 3. 1—411.

Вестгаль. 4. 53.

Владимиръ Мономахъ. 3. 372.

Вельей, Христ. 2. 10.

Вельеъ, Ф. 3. 261.

Востоковъ, акад. А. К. Письмо къ нему А. С. Шишкова, характеризующее современную имъ жизнь и дѣятельность Россійской Академіи. 2. 9.

Вудеъ. 3. 66. 202.

Вяземскій, князь П. А. 2. 13. 18.

Ганъ. 3. 50.

Гаральдъ Строгій. 3. 233. 234.

Гейгеръ. 3. 98.

Гейденрейхъ. 3. 291.

Гейеръ. См. Судаковъ.

Гервасій Тильберійскій. 3. 216.

Германъ. 2. 10.

Гершеръ. 3. 111.

Гильфердингъ. 3. 11. 12. 15. 18—21. 23. 25. 31. 34. 39—45. 49. 53. 73. 74. 84—86. 88—90. 92—96. 99—102. 104—113. 115—117. 119—121. 123—132. 134. 136—142. 144—147. 149—156. 159—163. 165—169. 189. 238. 242—246. 259. 266. 282. 287. 309. 311. 312. 314—316. 319. 321—326. 334. 335. 337. 338. 341. 346. 350—357. 366. 374. 377—379. 396. 397. 400. 401. 407. 410.

Гисласонъ. 3. 194.

Глинка. 2. 18.

Глѣдичъ. Столѣтняя годовщина для его рожденія. I. — Напечатано небольшое, но цѣнное собраніе его рукописей. 2. 13—16. 18. 19. — 4. 3. 56.

Головацкій. 3. 404.

Гольцманъ. 3. 22.

Гомеръ. 4. 3.

Гонсіоровскій, пом. библиотек. О командированіи его въ сѣверо-восточную Пруссію для наблюденій надъ языкомъ мазуровъ. III.

Гораций. 4. 2. 3. 6. 7. 10. 11. 15. 17. 18. 20—24. 26. 31. 32. 34. 36. 37. 39. 42—47. 50. 53. 54. 61. 62.

Готфридъ изъ Витербо. 3. 179.

Готье. 3. 54. 65—67. 91.

Гретсеръ. 3. 201.

Грессъ, Гар. 3. 54.

Гриниъ, В. 3. 286. 326.

Грессъ. 2. 10.

Греть, Ян. К., акад. Его докладъ по поводу столѣтней годовщины для рожденія Глѣдича. I. — Имъ представлена составленная С. И. По-

помаревымъ статья о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковского: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ». III. — Составилъ руководство «Русское правописание». XV. 1. 1—112. — Имъ составленъ и прочитанъ въ торжественномъ собраніи Академія Наукъ отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ. 2. 1—24. — Окончилъ статью: «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ», составилъ очеркъ исторіи одного эпизода шведской войны при Екатеринѣ II, извѣстнаго подъ именемъ Аньяльскаго конфедераціи, и напечаталъ 3-е изданіе своихъ «Филологическихъ Размысканій», въ двухъ томахъ, дополненное нѣсколькими новыми статьями и представляющее нѣкоторыя измѣненія прежняго текста. 2. 11. Продолжалъ изданіе сочиненій и переписки академика Плетнева и выпустилъ въ свѣтъ первые три тома. 2. 13—24.

Даль, В. И. Его Толковый словарь. 3. 81.

Дамаскинъ. 4. 38.

Дамасцій. 3. 285. 286.

Д'Анкона. 3. 56. 406.

Данкевичъ. Его Выпны объ Алексѣѣ Поповичѣ. 3. 124. 27.

Делль. 2. 10.

Дельвицъ, баронъ. 2. 17. 18. 21.

Дембовецкій. Изданъ подъ его редакціей Опись описанія Могилевской губерніи. 3. 83. 171.

Дестунисъ, проф. 3. 1—5. 8. 9. 12. 13. 15. 16. 135. 263. — Избранъ членомъ комиссіи для присужденія Пушкинской преміи въ 1884 году. 4. 1. — Присуждена ему золотая медаль за рецензію принятаго на соисканіе Пушкинской преміи переводнаго труда А. Фета «К. Горацій Флаккъ». 4. 62.

Динмахъ. 3. 174.

Дмитріевъ, И. И. Его переводы Горація. 4. 6. 10. 11.

Добровскій, славистъ. См. Ягичъ.

Дезонъ. 3. 411.

Достоевскій. 2. 23.

Драгомановъ. Его истор. пѣсни малор. нар. 3. 124. 279. 373. 399. 403. 411.

Дриновъ. 3. 304.

Друтмаръ, Христ. (Корвейскій грамматикъ). 3. 178.

Евгеній (Волховитиновъ), еписк., внослѣдствіи митроп. Избраніе его въ академика Россійской академіи. 2. 8. 9.

Евтихій. 3. 294.

Елисей (XII в.). 3. 174. 183. 191.

Епій. 4. 36. 46.

- Епифаній. З.** 134.
- Ерменко.** Его Матеріали по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. **З.** 76. 129. 134. 143. 151. 152. 160 — 168. 167. 170. 189. 280. 281. 288. 317. 324. 348. 350. 351. 353. 407.
- Жуанвилль. З.** 176.
- Жуковский, В. А. З.** 13. 14. 18. 20—22. 24.—4. 3. 56.
- Зинокъ. З.** 387.
- Иречекъ, К. З.** 304.
- Іоаннъ Witte de Hese. З.** 174. 192.
- Іоаннъ, пресвпт. З.** 173. 174. 180. 183. 190 — 192. 195. 196. 207. 210. 215. 216. 221. 222. 224. 238. 248. 250.
- Іоаннъ эвзархъ Болгарскій. З.** 79.
- Каллистъ, Никиф. З.** 294. 295.
- Канкринъ, графъ. З.** 21.
- Кантемиръ, князь Василій, ученикъ академіи наукъ. З.** 10.
- Караджичъ. З.** 73. 260. 295. 296. 298. 299. 301. 404. 410.
- Карамзинъ, Н. М. З.** 14. 15. 18.
- Карлъ Великій. З.** 197. 198. 200. 201. 234—237. 386.
- Катлина. З.** 33.
- Катулъ. З.** 53.
- Качановскій. Его Памятнки. З.** 78. 172. 260. 268. 269. 272. 296. 298. 299. 301. 302. 304. 305.
- Квашинъ-Самаринъ. З.** 274.
- «К. Гораций Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1883». Рецензія этого труда, сдѣланная проф. Помяловскимъ. З.** 2 — 62. См. *Гораций*.
- Кёлеръ, Р. З.** 27. 97. 195. 230. 234. 261. 290. 291. 387.
- Кёльбингъ. З.** 27. 198.
- Кириничниковъ, А. И. Программа предпринятаго имъ изслѣдованія «о Дѣвѣ Маріи въ поэзи и въ искусствѣ». II, VIII—XII. — Отзывъ о семъ изслѣдованіи академика Буслаева. XII. XIII.**
- Кирхверъ. З.** 17.
- Кирѣевскій. З.** 11. 13. 18. 19. 21—24. 28. 34. 39. 41—45. 52. 71. 73. 76. 78—81. 84. 85. 88. 94—96. 99—101. 103—106. 108. 110. 112. 114. 116. 118. 120. 126. 127. 129. 132. 138. 141. 146. 150. 161 — 163. 195. 225. 237. 254. 255. 258—260. 274. 280—282. 287. 289. 307. 309. 311. 312. 315. 317—319. 322—324. 328. 336. 338. 341. 350—355. 366. 377. 382. 383. 395. 396. 400.
- Климентстра. З.** 34.
- Козловъ. З.** 18.

- Кель. 2. 10.**
Коммодіанъ. 3. 179.
Комнинъ, Алексѣй. 3. 369. 371.
Константиъ Великій. 3. 201. 288. 291. 305.
Константиъ Копренинъ. 3. 301. 302.
Константиъ Порфирородный. 3. 305.
Контаръ, славистъ. См. Ягичъ.
Костомаровъ. Собранныя пѣсни. 3. 71. 225. 274. 411.
Котляревскій, проф. І. Правила о преміяхъ его. V—VIII.
Ковшицъ. 3. 198. 199. 205. 206. 213. 216. 218.
Крещевъ, переводчикъ Горация. 4. 6. 11—15.
Криспинъ. 4. 34.
Крыловъ, И. А. 2. 18. 20. 21.
Ктецій. 3. 174.
Кузьминъ. См. Херасковъ.
Кунстманнъ. 3. 173.
Кюренбергъ. 3. 73.
Лавръ. 3. 10. 18. 73. 91. 111. 171. 304.
Ландау. 3. 223. 387.
Левшинъ. 3. 375. 377.
Леграгъ. 3. 2. 14—17. 55. 171. 262. 263. 384.
Лекціи о русской литературѣ. См. Шевыревъ.
Ленорманъ. 3. 176.
Либрехтъ. 3. 50. 55.
Линникскій. 3. 124.
Линслусъ. 3. 406.
Ломачевскій. Его Сборникъ пѣсень Буковинскаго народа. 3. 404.
Ломоносовъ. 2. 24.
Луцкій. 4. 36. 37.
Любкеръ. 4. 61.
Магнитскій. 3. 44.
Маддэнъ, Фр. 3. 199.
Майковъ, А. Н. 2. 23.—Приглашенъ въ комиссію для присужденія Пушкинской преміи въ 1884 году. 4. 1.—За участіе въ трудахъ комиссіи объявлена искренняя признательность Отдѣленія русскаго языка и словесности. 4. 62.
Майковъ, Л. Н. О былинахъ Владиміроваго цикла. 3. 274. 275.
Максимовичъ. 3. 404.
Мандевиль. 3. 174. 176. 179. 185. 210.
Марко-Поло. 3. 176.

- Масманнъ. З. 54.**
 «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». См. Толстой, гр. Д. А.
Мегасеопъ. З. 174.
Мейеръ, П. З. 198.
Мерзляковъ. 2. 17. — Его переводы Горация. **4. 6—8. 11.**
Меценатъ. 4. 21. 27. 35. 36.
Миклошичъ. З. 12. 79. 80. 335.
Миллеръ, Вс. З. 410.
Миллеръ, Л. 4. 17.
Миллеръ, О. Θ. З. 13. 22. 27. 189. 215. 274. 350. 410.
Микелотти, д-ръ и проф. 2. 10.
Мордовцевъ. Собранныя имъ мѣспн. З. 71. 225.
Мюллергофъ. З. 217.
Мюллеръ. З. 17. 80. 175. 261.
Нейбауэръ. З. 178.
Неронъ. 4. 47.
Никифоръ Фока. З. 305.
Никодимъ Милашъ, архим. въ Зарѣ. Его запросъ о находящейся у него древне-славянскои рукописи, и отзывъ о послѣдней ак. Вычкова. XIV.
Новиковичъ. З. 80. 195.
Носовичъ. Его словарь. З. 81.
Оббаріусъ. 4. 17.
Общество исторіи и древностей Россійскихъ. Телеграмма II Отдѣленія Академіи Наукъ по поводу 80-ти лѣтней годовщины Общества и отвѣтное письмо послѣдняго. II, III.
Орловъ, переводчикъ Горация. 4. 6. 8—10. 11.
Орозій. З. 178.
 «Опытъ областного словаря». См. Подвысоцкій.
Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Прѣжшя и нынѣшнія изданія и характеристика дѣятельности Отдѣленія. 2. 1. 2.—Отчетъ Отдѣленія за 1884 годъ. 2. 1—24.
Оттонъ II. З. 217.
Отчетъ о присужденіи Нумкинскои преміи въ 1884 году. 4. 1—62.
Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 годъ.
 Празднованіе Отдѣленіемъ столѣтней годовщины Россійской Академіи. Характеристика дѣятельности Отдѣленія за время его существованія. **2. 1. 2.** — Ученые труды въ 1884 году академикомъ: Вуслаева, Вычкова, Веселовскаго, Грота, Сухомлинова и Ягича. **2—12.** — Изданіе Словаря Архангельскаго нарѣчія. **12.** — Изданіе собранія рукописей Гиддича, лекцій о русской словесности Шевырева и сочиненій и переписки Плет-

нева. 13. — Свідѣнія о жизни и научной и литературной дѣятельности Плетнева. 14—24. — Присужденіе премій. 24.

Палаузовъ. **З.** 272. 304.

Палладій. **З.** 174.

Паризъ, Г. **З.** 199—201. 203. 215—217. 221. 230. 231. 234.

Пассовъ, **З.** 11. 13. 16. 18. 37. 261. 262. 384.

Педлатій. **4.** 35.

Песорькамъ. **4.** 18.

Перль. **З.** 56.

Петрановичъ. **З.** 260.

Плавъ. **4.** 47.

Петневъ, П. А., акад. Академикомъ Гротомъ издавъ первые три тома его сочиненій и переписки. **2.** 13—24.

Плещовъ, А. Н. **2.** 23.

Подмысоцкій, А. О. Составилъ Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. **2.** 12.

Поленискій, Я. П. **2.** 23.—**4.** 1.

Помилевскій, И. В., проф. **2.** 24. Приглашенъ къ рассмотрѣнію принятаго на соисканіе Пушкинской преміи переводнаго сочиненія А. Фета «К. Гораций Флаккъ». **4.** 1. 2.—Рецензія его о названномъ трудѣ. **4.** 2—62.—Присужденіе ему за это золотой медали. **4.** 62.

Поповаревъ, С. И. Имъ составлена статья о двухъ послѣднихъ произведеніяхъ Жуковскаго: «Вѣчный Жидъ» и «Апокалипсисъ». III, IV.

Поповскій, переводчикъ Горация. **4.** 6.

Поповъ, А. Его Хронографы. **З.** 304.

Потанинъ. **З.** 281. 341. 348.

Потебня, А. А., проф. Забѣтка его о двухъ пѣсняхъ. **З.** 404.

Премія Академіи Наукъ. **2.** 24.

Премія Котляровскаго. Правила о нихъ. См. Котляревскій.

Премія Пушкинская. См. Пушкинская премія.

Протоколы засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности. Правила о преміяхъ Котляревскаго. О напечатаніи неизданныхъ бумагъ Гнѣдича. О занятіяхъ г. Романова по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорусскаго сборника намятниковъ народнаго творчества. I.—О программѣ изслѣдованія г. Киричичикова «о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и въ искусствѣ». О предположенномъ академикомъ Ягичемъ изданіи «Изслѣдованія по русскому языку». II.—Привѣтственная телеграмма Отдѣленія Обществу исторіи и древностей Россійскихъ и отвѣтное письмо Общества. Командированіе г. Гонсіоровскаго въ Пруссію. Пожертвованіе протоіер. Судаковымъ рукописей сдѣланныхъ имъ двухъ переводовъ. II. III.—

Составленная г. Пономаревымъ статья о двухъ послѣднихъ неизданныхъ произведеніяхъ Жуковского. III. IV.

Псевдокаллистоуъ. **З.** 174. 175. 406.

Пульовскій. **З.** 272.

Пушкинская премія. Ею увѣнчанъ А. А. Шеншинъ (Фетъ). **З.** 24.—
Отчетъ о ея присужденіи. **Ч.** 1—62.

Пушкинъ, А. С. **З.** 13—22. 24.—Отчетъ о присужденіи преміи его имени въ 1884 г. Присужденіе ея А. А. Шеншину (Фету). См. Пушкинская премія.

Пышинъ, А. Н. **З.** 188.

Радловъ, А. А., ак. **З.** 15. 20.

Расманъ. **З.** 327.

Робертъ Норманскій. **З.** 233.

Ровинскій, Д. А. Его русскія народныя картинки. **З.** 274. 353. 375. 376.

Розенфельдъ. **З.** 261.

Романовъ, Е. Р., штатн. смотр. Его занятія по бѣлорусскому словарю и составленію бѣлорускаго сборника памятниковъ народнаго творчества. I. — Отзывъ академика Бычкова о первомъ выпускѣ его сборника. XIII. XIV.

Рудченко. **З.** 398.

Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности акад. Я. К. Гротомъ: Ч. 1-я. Основныя черты русской фонетики и русская азбука. I. 1—20. Ч. 2-я. Правописаніе. 20—112.

Рыбниковъ. **З.** 11. 15. 18—20. 22—25. 39—42. 44. 49. 50. 53. 71. 73. 74. 84. 85. 88—90. 92—96. 99—110. 112. 114. 116—118. 121—128. 130—147. 149—156. 159—163. 168. 189. 222. 238. 246. 247. 249. 259. 266. 287. 309—311. 313—315. 317. 319. 321—324. 334. 335. 337. 338. 341. 346. 350. 351. 354. 355. 373. 374. 377—379. 390. 396. 397. 410.

Садовниковъ. Его сказки и преданія Самарскаго края. **З.** 394.

Саколарій. **З.** 10. 13. 16. 17. 20. 94.

Саллюстій. **Ч.** 19.

Сафо. **Ч.** 46.

Сахаровъ. Его Сказанія русскаго народа. **З.** 135. 341. 376. 397. 398.

Сава. **З.** 14.

Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія. См. Подымсоцкій.

Смирновъ, студ. См. Сухомлиновъ.

Смитъ. **Ч.** 61.

Снегиревъ. Его лубочныя картинки русскаго народа. **З.** 275.

Современникъ, журналъ. 2. 15. 16.

Соревнователь, журналъ. 2. 15.

Стертний. 4. 38.

Стефанъ Сурожскій, свят. 3. 70.

Строгановъ, гр. А. С. Дѣятельность его по Академическому словарю. 2. 7. 8.

Судаковъ, протоіер. А. Т. Пожертвованіе имъ Академіи Наукъ его перевода «Исторіи Шведскаго народа» Гейера и начала «Разказовъ изъ Шведской исторіи» Фрюкселя. III.

Сухоманновъ, М. И., акад. Его докладъ о занятіяхъ студента С.-Петербургскаго университета Смирнова по изготовленію словаря изъ сочиненій Ломоносова. XV. Издалъ 7-й выпускъ «Исторіи Россійской Академіи». 2. 6—9.—Приготовлялъ къ изданію «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». 2. 9.—Въ повременныхъ изданіяхъ помѣстилъ двѣ статьи: «Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина» и «Полемическія статьи Пушкина». 2. 10. 11.

Сырку, П. 3. 67. 304.

Сѣверные Цвѣты, альманахъ. 2. 17.

Теодореску. 3. 81. 84.

Тиберій. 4. 48.

Тихановъ, П. Н. О находящихся у него неизданныхъ бумагахъ Гнѣдича. I.—Онѣ нанечатаны. 2. 13.

Тихомировъ, Н. С. Его гѣтописи. 3. 71. 188. 225.

Тоблеръ. 3. 25. 225. 226.

Толстой, гр. Д. А., президентъ Академіи Наукъ. По мысли его, принято изданіе: «Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ». 2. 9. — Его премія. 2. 24.

Трѣбаціи. 4. 37. 38.

Тредіаковскій, переводчикъ Горація. 4. 6.

Тургеневъ, Н. С. 2. 14. 15. 23.

Уваровъ, графъ С. С. 2. 21. 24.

Уландъ. 3. 10.

Удольскій. 3. 188.

Фабрици. 3. 178.

Феодоръ Тиронъ. 3. 289.

Фёрстеръ, В. 3. 222.

Фотъ. См. Шеншинъ. 4. 3. 6. 11 — 20. 22. 23. 29. 32. 53. 54. 56 — 58. 60. 61.

Фонвизинъ — авторъ плана перваго академическаго словаря. 2. 7.

Фоссъ. 4. 4.

- Фотій.** **З.** 285.
Фридрихъ II, импер. **З.** 195.
Фрюксель. См. Судаковъ.
Фускъ. **4.** 36.
Халанскій, М. Его замѣтки по славянской народной поэзи. **З.** 410.
Херасковъ. Его инициативѣ принадлежитъ введеніе русскаго языка въ лекціи профессоровъ Московскаго университета. Письмо его по этому предмету къ Кузьмину. **2.** 7.
Хрущовъ. **З.** 188.
Худяковъ. Его Великороссійскія сказки. **З.** 316.
Царике. **З.** 173. 176. 195.
Чолаковъ. **З.** 238.
Чубинскій. **З.** 82.
Чулковъ. **З.** 375. 377.
Шевыревъ, акад. Напечатаны его лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ. **2.** 13.
Шейнъ, П. В. Его великорусскія народныя пѣсни. **З.** 101. 102. 104—106. 108—110. 112. 225. 384.
Шексниръ. **2.** 20.—**З.** 387.
Шелеръ. **З.** 408.
Шеншинъ, А. А. (Фетъ). См. Пушкинская премія.
Шереметевъ, графъ С. Д. На его иждивеніи изданъ «Русскій лицевой Апокалипсисъ». **2.** 4.
Шиллеръ. **2.** 18.
Шифнеръ, акад. **З.** 20. 22.
Шинковъ, А. С. Дѣятельность его въ качествѣ президента Россійской академіи. **2.** 8.—Письмо его къ Востокову. **2.** 9.
Шкалицъ. Его двѣ былины. **З.** 121. 122.
Шлегель, А. **4.** 4.
Шмидтъ. **З.** 20.
Штормъ. **З.** 230.
Шуваловъ, И. И. Занятія его по академическому словарю и предложеніе содѣйствовать изданію журнала. **2.** 7.
Эгнгардъ. **З.** 277.
Эдзардъ. **З.** 327. 329.
Эйлеръ, Леон. **2.** 10.
Эрнштедтъ, В. К. Его списокъ греческаго житія по рукописи XI-го вѣка. **З.** 201. 292.
Южно-русскія былины (III—XI), акад. Веселовскаго. Былины о Саулѣ Леванидовѣ и греческая пѣснь объ Армури. **З.** 1—35. — Былины

объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Ираклиѣ. 37—68. — Богатыри-Сурожцы. 69—124. — Дюкъ Стенановичъ и запад-
 ния параллели къ пѣснямъ о немъ. 125—254. — Какъ перевелся на
 Русь богатыри. 255—286. — Царь Константинъ въ русскихъ и южно-
 славянскихъ пѣсняхъ. 287—305. — Бой Ильи Муромца съ сыномъ. 307
 —339. — Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ — Илья Муромецъ и Идолице.
 341—380. — Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина. 381—
 401.—Поправки и дополненія. 403—411.

Ягичъ, И. В., акад. О предположеніи его издавать «Исслѣдованія по
 русскому языку». II.—Имъ напечатаны четыре критико-палеографическія
 статьи, посвященныя вопросамъ по поводу присужденной архим. Анифи-
 лохію Ломоносовской преміи. Занятія его надъ памятниками древне-рус-
 ской письменности. 2. 3.—Напечаталъ въ «Архивѣ для славянской фи-
 лологіи» отрывки изъ переписки Добровскаго съ Кошитаромъ и печаталъ
 полное собраніе ихъ переписки. 2. 4.—3. 22. 24. 27. 51. 79. 274.

Языковъ, Н. М. 2. 18.

Якушкинъ. Его русскія пѣсли. 3. 163.

Яфф. 3. 234.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458

1155895

PG
2013
A65
v. 36

Akademiia nauk SSSR. Otdeleniia russkogo iazyka i slo-
vesnosti.

Сборник. т. 1-101; 1867-1928. Ленинград (Петроград,
Санктпетербургь)

101 v. Шля, plates, ports, maps. 24-27 cm. Irregular.

Title varies: v. 1-7, Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи
русскаго языка и словесности.

Includes the proceedings, annual reports and monographs with
analytical title pages and separate pagings, most of them containing bio-
ographies and bibliographies of members and men of letters, etc.

"О Второмъ отдѣленіи Академіи наукъ. Академика Я. К.
Грота": v. 1, no. 5.

"Исторія Россійской академіи. Академика И. И. Сухомятина":
v. 11, 14.

Title romanized Sbornik.

(See next card)

rec/sac 5/76

